

Н. И. Олосьянишвили

ИСТОРИЯ КОЛОКОЛОВ
И КОЛОКОЛОЛИТЕЙНОЕ
ИСКУССТВО

Оловянишников Н.

История колоколов и колоколотейное искусство

*Возвращенное
наследие:
памятники
исторической
мысли*

Предисловие, исправления, доп. библиография – А.Ф.Бондаренко
Примечания и комментарии – А.Ф.Бондаренко, М.В.Есипова,
О.Н.Магницкий, А.Б.Никаноров, Ю.В.Пухначев
Библиография (основная) – А.Б.Никаноров
Биография Н.И.Оловянишникова – Н.Е.Прянишников
Нормализация и структурирование текста – И.А.Настенко

- О55 **История колоколов и колоколотейное искусство.** Изд. 5-е
исправл. / Под ред. А.Ф.Бондаренко. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. – 520 с. 11 табл.; 49 илл.; 297+124 п. библи. – (Возвращенное наследие: памятники исторической мысли).
ISBN 978-5-93165-268-9

Эта книга – исправленное и комментированное переиздание наиболее полного руководства по истории колоколов и колоколотейному искусству, заслуженно пользующегося репутацией энциклопедии колокольного дела. С изменением государственного отношения к Русской православной церкви в нашу жизнь вернулись и колокольные звоны – неотъемлемая часть русской национальной культуры. Книга содержит и подробнейший экскурс в историю колокольного дела, и секреты колоколотейного мастерства, и наставления звонарям с обсуждением приемов исполнения, а также особенностей тех или иных колокольных звонов.

Издание снабжено справочным и научным аппаратом.

Для специалистов по колокольному делу, звонарей и всех любителей русской истории и православного колокольного звона.

ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-93165-268-9   © А.Ф.Бондаренко, предисловие, 2003–2010
© А.Ф.Бондаренко, М.В.Есипова, О.Н.Магницкий,
А.Б.Никаноров, Ю.В.Пухначев, примечания, 2003–2010
© Н.Е.Прянишников, биография, 2003–2010
© Оформление, макет. SPSL, 2003–2010
© НП ИД «Русская панорама», 2003–2010

8	А.Ф.Бондаренко. Н.И.Оловянишников и его «История колоколов». (Вместо предисловия)
17	Н.Оловянишников. ИСТОРИЯ КОЛОКОЛОВ И КОЛОКОЛОЛИТЕЙНОЕ ИСКУССТВО
18	[Часть 1. История колоколов] [251]
18	[О колоколах в древние времена]
24	[Легенда о Павлине Милостивом]
26	[Била и клепала]
34	[Колокольный звон и Христианская церковь]
35	[Ограничения и запреты колокольного звона]
39	[Распространения колоколов]
42	[Звонницы и колокольни]
46	[Колокола в Древней Руси]
51	[Колокола XVI–XVII вв.]
59	[Колокольный звон, его употребление и виды]
70	[Освящение колоколов. Колокольные имена]
73	[Крещение колоколов]
74	[Колокола и чудеса]
78	[Легенда о «глухом колоколе»]
80	[Надписи на колоколах]
88	[Новгородские колокола]
96	[Владимирские колокола]
99	[Казанские колокола]
101	[Колокола России]
132	[Колокола Санкт-Петербурга]
146	[Колокола Москвы]
166	[Колокола иностранного происхождения]
169	[Русские колокола в Западной Европе]
171	[Новгородские колокола (окончание)]
172	[Изречения и стихи на колоколах]
173	[Царь-колокол]
196	[Как поднимают Царь-колокол]
203	[Будут ли звонить в Царь-колокол?]
208	[Колокольная Иван Великий]

215	[О гибели колоколов]
223	[Колокола Ивана Великого]
228	[Ростовские колокола и звоны]
249	[Колокола Западной Европы]
264	[Каменные, чугунные, железные, серебряные]
266	[Легенда о серебряном колоколе]
269	[Часть 2. В поисках гармонии]
269	[Форма и звуки]
270	[Музыка звонов]
271	[Конкурс звонарей в Брюгге]
278	[Звонарь Карэ из романа «Бездна»]
281	[Общества звонарей в Англии]
282	[Звонарь А.В.Смагин]
297	[Протоиерей А.А.Израилев и настройка колоколов]
310	[Гармонически настроенные колокола в с. Ваулове]
318	[Карильоны и куранты]
324	[Куранты в Московском Кремле]
330	[Куранты Петропавловской крепости]
342	[Часть 3. Занимательные истории о колоколах]
342	[Наказание новгородского колокола]
343	[Ссылка угличского колокола]
347	[Пленные колокола]
352	[Самозвоны]
354	[Пленные колокола (окончание)]
355	[Набатные, осадные и сторожевые колокола]
356	[Кремлевский набатный колокол]
358	[Случай со снятым набатным колоколом]
360	[Сторожевые морские колокола]
363	[О значении колоколов для русского человека]
365	[Писатели о колокольном звоне]
370	[Колокола в музыкальном искусстве]
371	[Колокола в изобразительном искусстве]
372	[Колокола в фольклоре]
377	[Обычаи, связанные с колоколами]
379	[Путешествие русских колоколов в Сербию]
382	[О любви звонить в колокола]
383	[Царские колокола]
385	[Тифлисская история]
389	[Падение Реута]
389	[Коллекция «отлитых» историй]
391	[Знак об освобождении Москвы]
392	[Русский колокол на Афоне]

395

[Часть 4. Колоколотейное искусство]

395

[Колокольный металл]

398

[Форма колоколов. Профили]

401

[Немецкий профиль]

402

[Французский профиль]

403

[Русский профиль]

405

[Форма колоколов. Добиваясь совершенства]

407

[Колокольные уши]

408

[Изготовление формы для отливки колокола]

412

[Отливка]

414

[Теофиловы колокола]

415

[Колокольные языки]

416

[Ремонт колоколов]

417

[Доставка и подъем колоколов]

419

[Подвеска колоколов]

424

[Колоколотейные заводы]

430

[Сохранение и правильная эксплуатация колоколов]

433

[Таблица 1.] Вес, диаметр, высота колоколов и вес языков к ним

435

[Таблица 2.] Подбор колоколов для цельного звона

439

[Библиография.] При составлении очерка автор пользовался
следующими источниками...

453

Примечания и комментарии к книге Н.И.Оловянишникова

473

Приложения

474

Н.Е.Прянишников. Николай Иванович Оловянишников. (Биографический очерк)

483

Система мер и весов в дореволюционной России

484

Библиография (дополняющая)

491

Именной указатель

512

Географический указатель

*Н.И.Оловянишников
(1875-1918)*

А.Ф.Бондаренко

Николай Иванович Оловянишников и его «История колоколов»

(Вместо предисловия)

Книга Н.И.Оловянишникова «История колоколов и колоколотейное искусство» вышла в свет в 1912 году, когда колоколотейный завод товарищества «П.И.Оловянишникова сыновья» существовал уже полтора столетия. Колокола Оловянишниковых пользовались огромным спросом как в самой России, так и за ее пределами. Они успешно конкурировали со своими собратьями, отливавшимися на более чем двадцати российских заводах аналогичного профиля. Среди них были такие именитые предприятия, как завод Бакулевых в Слободском, братьев Усачевых на Валдае, А.Д.Самгина и П.Н.Финляндского в Москве.

Книга стала вторым, дополненным изданием напечатанной в 1906 г. в Ярославле «Истории колоколов и колоколотейного дела на заводе Товарищества П.И.Оловянишникова сыновья». Задуманная первоначально весьма узко с акцентом на деятельности семейного колоколотейного завода с приложением каталога отлитых на нем колоколов, во втором издании работа была значительно расширена. Ее объем увеличился почти в три раза, но главное – изменилась направленность, что видно уже из заглавия.

Составитель и издатель ежемесячного журнала конца XIX – начала XX вв. «Русский архив» П.И.Бартенев дал ей очень точное определение: «Весьма замечательная книжка, написанная, как надо полагать, не для зазыва только к заказу колоколов, а из потребности опознаться исторически в своем деле». Судя по всему, именно эта потребность и побудила автора к созданию столь фундаментального труда. Его значение трудно переоценить. «История колоколов...» явилась первой попыткой обобщения знаний о колоколах за многовековую историю их бытования и стала своеобразной колокольной энциклопедией начала XX в. Поскольку же автор – инженер-технолог по профессии – стоял ближе к производству колоколов,

А.Ф.Бондаренко. Николай Иванович Оловянишников и его «История колоколов»

чем к их истории, отличительная особенность его работы состоит в том, что, по сути, она является еще и практическим руководством по отливке и эксплуатации колоколов.

Изучив большое количество как отечественных, так и иностранных источников и литературы, в той или иной мере связанных с историей и производством колоколов, Н.И. Оловянишников собрал богатейший фактологический материал и дал максимально полную для своего времени картину развития колокольного искусства в России и частично в Западной Европе. До начала XX в. отечественная наука не имела монографического труда, в котором тема колоколов, как огромного пласта российской истории и культуры, была бы рассмотрена с разных сторон. Это тем более удивительно, что к тому времени колоколотейное дело в России насчитывало уже не одно столетие. Первоначально колокола привозили из стран Западной Европы. Самое раннее летописное известие об их литье на Руси относится к 1259 г. Археологические же находки позволяют считать, что уже на рубеже XI–XII вв. русские ремесленники-металлисты стали отливать колокола сами. По мере распространения и укрепления православия и совершенствования технологии производство колоколов расширялось, как следствие возрастало их количество, увеличивался вес, оттачивалось декоративное убранство. К колоколам на Руси всегда относились с особым почтением и любовью, в результате в силу целого ряда причин в нашем Отечестве они получили небывалое распространение.

Российская историческая наука впервые обратила свой взор на колокола во второй половине XVIII в., что было отмечено появлением ряда сочинений, посвященных колоколам и колокольному звону. На протяжении XIX в. интерес к этой теме постепенно возрастал, количество публикаций увеличивалось. Как правило, большинство из них печаталось в различных периодических изданиях, трудах Археологических съездов и Общества истории и древностей российских. Большая часть этих сочинений была не научного, а информационного характера. Год от года круг интересов авторов постепенно расширялся, тематика становилась все более разнообразной. Преимущественно это были исследования в области литейного дела, отдельные публикации о наиболее знаменитых колоколах и колокольном звоне.

В процессе работы над книгой Н.И. Оловянишников знакомился с большим количеством трудов этого рода. Кроме того, поставив перед собой задачу рассмотреть проблему гораздо глубже, он провел поистине титаническую работу по выявлению литературы, на первый взгляд, казалось бы, не связанной непосредственно с колокола-

ми. На самом же деле она содержала сведения, представляющие несомненный интерес для изучения поставленной проблемы. Речь идет о сочинениях, в которых описываются древности и достопримечательности храмов, монастырей, а также городов и других населенных пунктов Российской империи. В них упоминаются колокола, находившиеся на многочисленных колокольнях в самых различных уголках нашей необъятной Родины в конце XIX – начале XX вв. Особое значение эти сведения приобрели после печально знаменитой «колокольной кампании», хладнокровно спланированной и проведенной Советской властью в 1920-е – 1930-е годы, когда в плавильных печах металлургических заводов погибли десятки тысяч колоколов, некогда оглашавших Россию на всем ее пространстве. Это невосполнимая утрата для национального наследия, ведь как отдельные колокола, так и формировавшиеся веками колокольные наборы представляли не меньшую художественную и духовную ценность, чем собрания икон в храмах, городские или монастырские архитектурные ансамбли, древлехранилища.

К великому сожалению, сегодня мы можем составить лишь самое общее представление о навсегда утраченных, зачастую поистине уникальных памятниках литейного искусства тех столетий, когда многие тысячи колоколов, отлитых несколькими поколениями замечательных мастеров, вызывали удивление и восхищение иностранцев, посещавших Россию в то или иное время.

Список источников и литературы, приведенный Н.И. Оловянишниковым в конце его труда, стал первой отечественной библиографией по истории колоколов. Фактически же при работе над книгой автор использовал 297 названий. Из них 276 на русском языке и 21 – на двух иностранных. Весь этот список можно условно разделить на следующие разделы:

- история и описание достопримечательностей городов, церквей и монастырей;
- литература о колоколах;
- историческая литература;
- исторические документы и древние рукописи;
- дневники и воспоминания;
- периодические издания;
- фольклор;
- художественная литература.

Раздел, посвященный истории и описанию достопримечательностей городов, церквей и монастырей, самый обширный, он включает 146 названий. Здесь содержится описание около тридцати городов и других населенных пунктов, более пятидесяти храмов, свы-

ше семидесяти монастырей, причем не только существовавших в начале XX в., но и уже упраздненных к этому времени.

Особый интерес представляет литература о колоколах. Всего 59 названий, из которых 21 на французском и немецком языках. Все они содержат либо описание, либо какую-нибудь другую информацию более чем о семидесяти конкретных колоколах, находившихся не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в самых отдаленных уголках России, однако по тем или иным соображениям вызвавших интерес авторов. Из них восемь – непосредственно о колоколах Московского Кремля, в том числе о Большом Успенском и Царь-колоколе.

Менее обширен список используемой автором исторической литературы, он включает 23 названия. Однако произведения такого характера неопределимы для понимания места колоколов в социально-политической, экономической и культурной жизни государства, а также их роли в формировании национального самосознания.

То же можно сказать об исторических документах и древних рукописях. Здесь особо следует отметить такие источники, как русские летописи. Н.И. Оловянишников использовал их в своем труде около десятка. Это Лаврентьевская, Никоновская, Первая, Вторая, Третья Новгородские и некоторые другие. Материал, содержащийся в них, в настоящее время подвергается серьезному исследованию.

Раздел, который включает 30 названий агиографических источников другого рода – дневников, писем, воспоминаний паломников к святым местам, охватывает период с XII по XIX вв. Особый интерес вызывает информация, взятая автором из путевых заметок, описаний, впечатлений одиннадцати иностранцев, посетивших Россию в разное время; она содержит немало сведений о колоколах в Москве, Великом Новгороде и других городах.

В разделе, посвященном периодическим изданиям, собран большой материал из периодики конца XIX – начала XX вв.: Ярославских и Рязанских епархиальных ведомостей, Вологодских, Ярославских и Владимирских губернских ведомостей, различных изданий императорского Московского археологического общества, ежегодных исторических сборников «Древняя и новая Россия», «Русская старина», «Русский архив» и многих других.

Несомненный интерес представляет фольклор: былины, народные сказания, собрания пословиц и поговорок, песни, причитания, стихотворения, которые придают изложению определенный колорит.

Свежую струю, образное представление вносят выдержки из художественной литературы четырех русских и трех зарубежных

авторов, среди которых имена таких знатоков человеческих душ как В.М. Гаршин, А.И. Куприн, Ф. Шиллер, Ж. Роденбах. В отрывках из их замечательных произведений по большей части описывается влияние колоколов и колокольного звона на человека.

Таким образом даже столь краткий библиографический обзор книги Н.И. Оловянишникова убеждает, что автор не только обозначил в ней основные проблемы отечественной кампанологии (науки о колоколах), но также наметил по некоторым из них широкую историческую и искусствоведческую перспективу.

Подъем изучения колоколов и колокольного искусства начала XX в. был прерван революцией 1917 г. Колоколам и всему, что было с ними связано, объявили войну, окончившуюся почти их полным уничтожением и запрещением звонов. Более чем на 60 лет огромная страна, звуковым наполнением которой на протяжении столетий был окружавший человека всю его жизнь колокольный звон, стала безгласна. Только в нескольких заповедных уголках тщательно берегалась и передавалась из поколения в поколение традиция звона в колокола. Хранили ее немногочисленные подвижники, свято верившие в возрождение православной Руси и не представлявшие ее без храмов, колоколов, церковного пения, храмовой живописи. Ведь это неповторимое слияние веры, искусства и уклада жизни составляет основу духовности нации. Долгие годы советского периода книга Н.И. Оловянишникова была невостребованной и пылилась на библиотечных полках. Лишь единицы брали ее в руки и, прочитав, поражались величием и мощью державы, способной взрастить талантливых мастеров, которые в течение нескольких веков создавали подлинные шедевры литейного искусства.

В последней четверти XX в. наметился существенный сдвиг в сторону повышения интереса к истории колоколов. Год от года все больше и больше специалистов включалось в круг людей, изучающих отечественную колокольную традицию. Не станем перечислять здесь имена всех энтузиастов, которые, проводя многие часы в пыльных архивах, по крупицам собирали чудом сохранившиеся сведения об отдельных колоколах, о ливших их мастерах, о православном колокольном звоне. В конце настоящего издания читатель сможет познакомиться с библиографией по кампанологии советского и постсоветского периодов и еще раз убедиться, что Россия сильна людьми, в ней живущими и творящими.

В Западной Европе кампанология насчитывает около двухсот лет, в России же она начала складываться всего несколько десятилетий назад. По причине огромных утрат вещественных памятников и документальных источников современные исследователи

сталкиваются с целым рядом проблем. Тем не менее, следует констатировать, что развитие отечественной науки о колоколах идет весьма интенсивно. В последнее время значительно повысился научный уровень специальных изданий, изучаются ранее не популярные по идеологическим или иным соображениям проблемы, охватывается все более широкий круг источников. Показателен в этом отношении список кандидатских и докторских диссертаций, защищенных в первом десятилетии XXI в. Среди них назовем работы следующих исследователей: *Кондрашиной В.А.* Московская школа колокольного литья в русской культуре второй половины XVII в. (Дисс... на соиск. уч. степ. канд. культурологии. М., 2000), *Каровской Н.С.* Феномен колокола в русской культуре (Дисс... на соиск. уч. степ. канд. культурологии. Ярославль, 2000), *Никанорова А.Б.* Колокола и колокольные звоны Псково-Печерского монастыря как наследие традиционной культуры Северо-Западной Руси (Дисс... на соиск. уч. степ. канд. искусствоведения. СПб., 2005), *Ярешко А.С.* Русские колокольные звоны: история, стилевые основы, функциональность (Дисс... на соиск. уч. степ. докт. искусствоведения. М., 2005), *Бондаренко А.Ф.* История распространения колоколов и колокольного дела в средневековой Руси в XI–XVII веках (Дисс... на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. М., 2007), *Ивановой М.А.* Формирование студийской традиции звуковой регламентации повседневной жизни монастырей Руси XI–XIV веков (Дисс... на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2008). В настоящее время продолжается интенсивная работа над рядом научных трудов, с которыми читатель сможет познакомиться в ближайшем будущем. Однако, несмотря на это, обобщающей литературы по истории колоколов пока еще недостаточно. В связи с этим сохраняется актуальность книги Н.И. Оловянишникова «История колоколов и колоколотейное искусство». Обладая определенными преимуществами перед современными исследователями (принимал непосредственное участие в сохранении и продолжении живой традиции, наблюдал ее бытование в российском обществе) автор сумел осознать важнейшие категории колокольного искусства и, сам не ведая того, обозначил основополагающую проблематику, связанную с перспективой его изучения.

Не подлежит сомнению, что для начала XX в. труд Н.И. Оловянишникова был важным событием в русской историографии. Он стал выдающимся вкладом в развитие теории колокольного искусства. По прошествии почти 100 лет с момента выхода книги, она не только не потеряла свою актуальность, но в свете происшедшей с российскими колоколами трагедии приобрела еще большее зна-

чение. Поэтому в 2003 г. было предпринято переиздание этого замечательного труда.

Для работы над четвертым изданием книги был создан научно-редакционный совет, в который вошли: кандидат (ныне доктор) исторических наук А.Ф. Бондаренко, кандидат искусствоведения М.В. Есипова, доктор технических наук О.Н. Магницкий, этномузыковед-кампанолог (ныне кандидат искусствоведения) А.Б. Никаноров и кандидат физико-математических наук Ю.В. Пухначев. Перечисленных лиц, хотя каждый из них специализировался в различных областях знаний, объединяло то, что все они, будучи кампанологами, состояли членами Ассоциации колокольного искусства России – общественной организации, основанной в 1989 г. для изучения и пропаганды отечественного колокольного искусства.

Научная работа по обработке текста распределялась соответственно специализации каждого участника. Крайне важным было выверить **всю** библиографию, поскольку многочисленные ссылки в книге **содержали** большое количество неточностей, а зачастую даже ошибок. **Особенно** это касается иностранных работ. Отечественным тоже не повезло: путаница в годах, произвольные названия, замена фамилий авторов фамилиями издателей и т. п. Эту, самую сложную и ответственную часть работы выполнил А.Б. Никаноров, который сумел найти выходные данные не только всех источников и литературы, приведенных в конце книги, но также и тех изданий, которые хотя и использовались автором при ее написании, но в список по какой-то причине не попали. Кроме того, были выверены все названия, указанные в примечаниях, проведена сверка цитат с оригиналами, выявлены границы цитирования, исправлены опечатки. К сожалению, такой возможности не представилось в отношении информации, взятой Н.И. Оловянишниковым из литературы на иностранных языках, которая либо пересказывается им, либо просто цитируется. Поэтому эта часть осталась без комментариев.

Вследствие того, что в конце своего труда автор привел неполный список используемых им источников и литературы, научно-редакционный совет посчитал правильным включить в него все названия из постраничных ссылок, а также дополнить теми, которые были выявлены в ходе работы. Список мог быть значительно полнее, однако не все издания, цитаты из которых содержатся в книге, удалось идентифицировать. В этом случае в примечаниях дается комментарий «Источник не выявлен».

Важным результатом работы по подготовке 4-го издания книги стали научные комментарии, вынесенные в примечания. В них уточнены многие положения труда Н.И. Оловянишникова, исправ-

лены неточности и ошибки, разъяснены непонятные места в тексте, даны ссылки на современные издания, в которых читатель может подробнее познакомиться с упоминаемыми в книге колоколами, явлениями, событиями. Вместе с тем, следует иметь в виду, что сведения об описываемых колоколах отражают положение дел не на время написания книги, а на те годы, какими датируются используемые автором источники. Информация же, которая по той или иной причине пока не попала в круг интересов современных исследователей, по мере развития науки будет подвергнута переосмыслению.

Кроме составления комментариев, научно-редакционный совет счел целесообразным внести поправки в основной текст. Они сделаны с учетом современных правил правописания, при сохранении его стилистических особенностей. Даты, приведенные по летосчислению от Сотворения мира, переведены на летосчисление от Рождества Христова. Для внесения последовательности в изложение в нескольких случаях целые блоки текста перемещены в другие места.

В конце книги помещены указатели, которые помогут читателю легче сориентироваться в тексте для быстрого поиска нужной информации. Здесь же все интересующиеся дальнейшей разработкой проблемы могут найти список литературы, состоящий из наиболее важных работ, вышедших в свет после 1917 г.

Современные достижения отечественной campanологии, связанные, в том числе, с выявлением и введением в научный оборот целого ряда неизвестных ранее источников, с расширением круга специалистов-литейщиков, возрождающих древнее производство, а также не снижающийся интерес к теме колоколов как одной из составляющих истории нашего Отечества, вызвали необходимость очередного — исправленного и дополненного — пятого издания книги.

Оловянишников Н.

ИСТОРИЯ КОЛОКОЛОВ И КОЛОКОЛОЛИТЕЙНОЕ ИСКУССТВО

---

*Возвращенное
наследие:
памятники
исторической
мысли*

[Часть первая.

ИСТОРИЯ КОЛОКОЛОВ]

[О колоколах в древние времена]

Изготовление колоколов относится к глубокой древности: они были известны евреям, египтянам, употреблявшим их при священнодействиях на празднике Озириса¹, и римлянам, у которых употреблялись маленькие звонки (*tintinnabulum*) для призыва прислуги и для многих целей, как например, для военных сигналов, для сбора народа на общественные собрания, для принесения жертв, и, наконец, такие звонки прикреплялись к колесницам победителей при триумфальных шествиях.

Позднее, в IX веке, под именем *tintinnabulum* были известны музыкальные инструменты, которые состояли из ряда маленьких колокольчиков, висевших на перекладине^{1), 2}.

Грекам также были известны колокола: у афинян при храмах Прозерпины³ и Цибелы⁴ существовали колокола с тою же целью, как и у нас, – ими народ призывался к богослужению. Об них говорится по случаю древнейшего в Греции оракула в Додоне⁵ и при описании гробницы Порсены¹¹⁾.

Звонили в колокола в Дельфах⁶, при таинствах Вакха, Корибантов и пр. Греки привешивали колокола на городских стенах; звонили при похоронах и звоном прогоняли злых духов и тени умерших из домов. В Древнем Риме колокольный звон служил знаком поливания улиц от пыли.

Тибул Страбон и Полибий, жившие за двести лет до Р. Х., говорят о колоколах, а позднее Иосиф Флавий⁷ подробно описывает их в своих еврейских антиквариях¹¹¹⁾.

У древних евреев такие небольшие звонки или бубенчики, называемые חֲדָוֶנֶץ⁸, служили для одежды первосвященника – «при

¹⁾ *Doorslaer (van) G.* Les Carillons et les Carillonneurs à Malines. – Malines, 1896. – La page 3.

¹¹⁾ *Классовский В.И.* Помпея и открытые в ней древности. – СПб., 1856. – С. 343, примеч. 196.

¹¹¹⁾ *Пыляев М.И.* Старое жите. – СПб., 1892. – С. 286.

пуговице злат *звонец*» (Исх. XXVIII–33–35), вероятно, такие же, как делают ныне на архиерейских саккосах⁹. На это указывает особенно 2 Парал. IV, 13, где слова «шипик златый и звонец» соединяются в одно, в еврейском слове: Беамен – Рамен¹⁾.

На одежде первосвященника, как известно, шипик златый и звонец следовали попеременно, как на архиерейском саккосе чередуются простые пуговицы и бубенчики.

«Окружи их, — говорит Сирах, — шипки златыми и звонцы многими окрест глашати глас в ступаниих его, слышан творити глас в церкви в память сыном людей своих» (Сир. 45, 11)¹⁰.

Эти бубенчики¹¹ с их звуком были символом звуков Божьего слова, откровений Божиих и возвещения их. В одежде, снабженной бубенчиками, еврейский первосвященник был олицетворением и носителем сходящего с Неба Божественного слова и свидетельства о нем. Только в этой одежде мог он приближаться к Богу, приносить жертвы и молиться за народ¹².

Из этого видно, что звонки были уже в глубокой древности известны евреям, и очень вероятно, что, рассеявшись по разным странам, они познакомили с ними другие народы. Полагают, что в Китае¹² и Японии древность некоторых колоколов не уступает несколько древности Рима, Греции и даже Иудеи и Египта¹³.

Оскар Мюнстерберг пишет в своей «Chinesische Kunstgeschichte» (В. II, S. 94–95): «Мои новые открытия подтверждают уже ранее мною высказанное предположение, что наистарейшие докитайские колокола были в Японии род бронзовых денег, введенных там южным Китаем из провинций, богатых медью»¹⁴.

Таковые же колокола-деньги, казалось, пришли и в Китай, где воспоминания о старой форме колокола в медных монетах сохранились от древнейших времен. Мы видели монеты-ножи, которые имели скифы около 2 столетий до Рождества Христова, как прообраз монет. То также наверно и колокола были прообразом находящихся тогда в употреблении монет-колоколов.

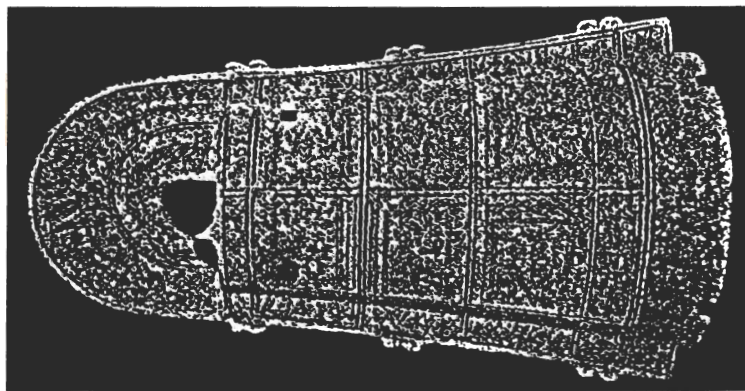
Китай вывозил бронзу вначале на юг и затем на восток; тогдашняя форма — род вывоза осталась мерой для вида разменной монеты.

¹⁾ Казанский П.С. О призыве к богослуж[ению] в вост[очной] церкви [// Труды Первого археологического съезда в Москве в 1869. — М., 1871. — Т. 1. С. 300–310.]

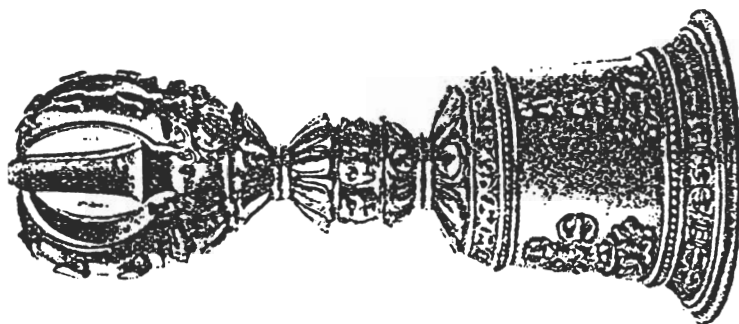
¹¹⁾ Корсунский Н.Н. Благовест. [— 3-е изд.] — Ярославль, 1887. — С. 12.

¹²⁾ Пыляев М.И. Старое жительство. — СПб., 1892. — С. 286.

¹⁴⁾ [Münsterberg. Chinesische kunstgeschichte. Bd. 1–2. — Esslingen, 1910–1912. — S. 94–95;] Münsterberg. Japanische kunstgeschichte. [— Braunschweig, 1904. —] Bd. 1. S. 85–87; Bd. 1. S. 133–136.

Дотаку или Хотаку

Японский колокольчик XI–XII века

Китайский колокол

Бронзовый колокольчик XI–XIV в. (3–4 подобных колокольчиков составляли «Куранты»)

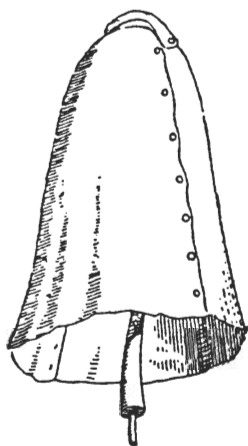
Ассирийский колокольчик времени Салманассара II (860–824 г. до Р. Х.)

Старейшие, находимые в Японии колокола, которые впоследствии сильно отличались от богато орнаментированных китайских, кажется, имеют нечто общее с бронзовыми инструментами-барабанами, которые отливались китайцами для вождей племени Ман¹³. При этом мы должны иметь ввиду, что китайцы в это время образовали маленькое Государство на севере, а Миаутцы населяли далекие пространства по длинному южному берегу далее Шанххая¹⁴.

В противоположность Мюнстербергу, О. Кюммель в своей «Kunstgewerbe»¹⁾ указывает на нелепость предположения, что подобная утварь, имеющая несколько внешний вид колокола, могла бы служить монетой, меной между Японией и Китаем, как это некоторые предполагают. Редкая утварь эта носит название *Дотаку*¹⁵ или *Хотаку*. Внешний вид этого предмета, тонкость стенок и ни малейших признаков, должных бы остаться от удара, заставляет думать, что он никогда не служил для извлечения звука (см. рис. на с. 20).

К сожалению, ничего неизвестно, как и при каких условиях появилась впервые идея звонка, и из какого материала они тогда изготовлялись.

Колокольчик 613 г.
г. Кёльн

До нас звонки дошли сравнительно уже позже.

Наистарейший до нашего времени сохранившийся ассирийский колокольчик со времен Салманассара II, 860–824 гг. до Р. Х., **взят** из дворца Нинивея¹⁶ и **находится теперь** в берлинском музее. **Рисунок его помещен** на с. 21, почти в **натуральном** размере. Нижний диаметр 4,5 см, ширина 8 см. Вокруг него **расположены** фигуры ассирийских злых духов. **На верхней части** виден рельеф двух черепашек и одной ящерицы.

В древние времена звонки были очень **небольших** размеров. Они не отливались, как **это делается** теперь, а **клепались** из **листового железа**. Образец такого **склепанного из двух** железных листов колокола 613 г. имеется в Кёльне в **городском** историческом музее, переданный сюда из церкви Св. Сицилии¹⁷ и известный под именем *San-*

¹⁾ Kümmel, Otto. Das Kunstgewerbe in Japan. – Berlin, 1911. [(Bibliothek für kunst und antiquitäten sammler; Bd. 2).] – S. 62–63.

*fang*¹⁸ (см. рис.). Самая распространенная форма таких звонков была овальная, но иногда их делали и кубическими (как, например, в Скандинавии), склепывая медными гвоздями. Затем вместо железа начали употреблять листовую медь, отчего звук стал получаться громче и чище.

При раскопках в Помпее¹⁹ на улице Меркурия найдены были пять бронзовых колокольчиков¹⁾.

В конце семидесятых годов прошлого столетия в одном из древних могильников около Муромы найден предмет, имеющий вид толстой проволоки, согнутой коромыслом, к концам которого привешено по три колокольчика, посредине в дуге два сквозные отверстия, вероятно для насадки на развилистое дерево.

Предполагают, что украшение это могло служить знаком какой-либо власти.

Описание отливки колоколов из сплава четырех частей меди и одной части олова, а также об изготовлении форм находим впервые у монаха Бенедиктинского монастыря *Теофилуса*, 1110 года²⁰.

Пламенной печи для отливки Теофилус не знал, он описывает отливку из железного тигля, выложенного глиной как снаружи, так и изнутри. Вокруг тигля воздвигается очаг, внутри которого разводится огонь, раздуваемый кузнечными мехами.

Когда требовалось отливать, то печь эту разбирали, и тигель с [рас]плавленным металлом переносили к приготовленной раньше форме.

В любопытном списке «Сказание о Святой Софеи в Цареграде», находящемся в Патриаршей библиотеке, рассказывается о литье статуй так: «Съкупи бо всяку вещь земну от золота и серебра и от камня всякаго и бисера и медиж и прода и олова и железа и прочее от инех, в горнило и вложи в огонь и смяте, и егда смесиша подобное, обое изливя образ и егда истыде и сече ю».

В том же сказании говорится, что в собор Св. Софии были принесены 4 трубы иерихонские: «Еже суть в образ труб, яже держажу тогда ангелии, егда падоша стены Иерихона»²¹.

*Клепаный колокольчик
VII–IX века, родина –
Британские острова*

¹⁾ *Классовский В.И.* Помпея и открытые в ней древности. – СПб., 1856. – С. 229.

[Легенда о Павлине Милостивом]

Когда, при каких условиях и кем колокола стали применяться при богослужении, в точности неизвестно. Долгое время существовало мнение, что родиной колоколов является город Нола, в провинции Кампана, в Италии, где они будто бы работали впервые, а также приписывали, ни на чем не основываясь, изобретение колокола известному духовному писателю епископу *Понтию Меронию Павлину Милостивому* из города Нола, жившему в 353–431 годах.

Предание передает легенду о полевых цветах-колокольчиках, мелодичного шелеста которых заслушался епископ, возвращаясь однажды с обхода своей паствы.

Погруженный в глубокие думы, св. Павлин шел раз в далекий свой кафедральный город, Нолу. Он возвращался с обозрения своей епархии, заходил из деревни в деревню, с торгового на торговый, чтобы ободрить христиан и укреплять их в вере во Христа.

Встретил он много равнодушия, много суеверий, много неверия; поэтому-то душа верного епископа и была печальна. Занятый тяжелыми мыслями о холодности и духовной смерти многих христиан, он обратился с молитвой к Богу:

«Воззови, Господи, к этой бедной темной земле гласом свыше, — молился он тихо. — Открой облака, что нас разделяют от Тебя. Соедини сердца наши при нашей разрозненности, узами крепчайшими цепей. Собери блуждающее, Боже и Господи наш! Не скрой лица Твоего от нас. Дай нам чувствовать дыхание Твоего Духа, чтобы сердца наши были привлекаемы к Тебе и не блуждали в безграничной темноте».

Страна между тем мало-помалу становилась пустынной. Благочестивый путешественник едва замечал это, потому что лишь ноги его касались пыльной этой земли, душа же его искала тихого соприкосновения с Божеством.

Когда солнце склонилось к западу, епископ поднялся на утес, лежавший близ дороги; члены путника, утомленные путешествием и душевной работой, чрезвычайно ослабли; глазные веки отяжелели; пред взором его все предметы ближайшей окрестности в беспорядочном движении стали изменять свои места.

С минуту утомление путешественника боролось еще против сна; потом еще раз он обратил глаза свои к небу, распростиравшемуся над ним пурпуровым сводом; еще раз едва двигавшиеся уста прошептали тихо и невнятно моление: «Воззови, Господи, воззови к нам гласом свыше», и он начал было засыпать.

Тут вдруг заколыхались при легком вечернем ветре на краю по стенам и расселинам утеса удивительно прелестные цветы. На тон-

ком, почти невидном стебельке качались тихо эти цветы-колокольчики.

В состоянии наполовину бодрственном, наполовину сонном видит епископ, как с пурпуровых вечерних облаков сходят светлые образы Ангелов, качают колокольчики за нежный стебелек; и слышит он, как тихо, нежно раздаются из цветочной чашечки серебристые звуки, в которых, как бы в пении духов, слышались восхищенному уху слова: «Воззови, зови».

«Воззови, Господи», – молитвенно еще раз произнес благочестивый пастырь, потом закрыл глаза и проснулся только тогда, когда поднывавшее над горизонтом солнце стало согревать окрестность.

Укрепленный телесно и душевно пришел св. Павлин в г. Нолу и скоро снова отдался обычным своим занятиям. Но постоянно обращал он свои мысли к голубым колокольчикам, стоявшим у него на виду в стакане с водой.

Если потом церковные служители ходили по улицам с кимвалами²², созывая христиан к Богослужению, то представлялось епископу, что голос свыше повелевает ему вытеснить из церковной практики этот остаток языческого Богослужения.

Но как было это сделать? Это *как* св. Павлин и желал и думал разрешить. И вот он раз пригласил к себе соседа, медника по ремеслу, ловкого и благочестивого человека; по часам и по дням оставался епископ с мастеровым в запертой комнате.

Пытливым взором наблюдали они строение нежных цветков. «Так должно быть», – сказал, наконец, удовлетворившись расследованием, опытный мастер.

В просторном низменном саду построил он печь, слепил из глины форму точь в точь как цветок-колокольчик, только гораздо шире и выше, врыл ее в землю. Потом расплавленную смесь из меди, олова и висмута наполнил он глиняную форму; и когда она охладела, то металлическое содержание было очищено от инородной кожуры.

Радостно схватил епископ молоток и с трепетом стукнул во впервые отлитой колокол: его ухо тронато было серебристыми волнами голоса свыше. Содрогаясь от восхищения, обнажил св. Павлин свою седую голову и пал на колени, благодаря Бога за удавшееся дело.

Таково сказание о первом изобретателе церковных колоколов. Полевые цветки будто бы дали ему образец колоколов, и им будто бы потом он старался подражать при литье их. При взгляде на тысячи колокольчиков, растущих по нашим дорогам, в нашей душе действительно могут пробуждаться звуки других колоколов¹⁾.

¹⁾ Корсунский Н.Н. Благовест. 3-е изд. – Ярославль, 1887. – С. 5–7.

Таким образом, как говорит предание, цветы-колокольчики дали образец металлических колоколов.

Но это только предание, поэтическая сказка, так как в сочинениях самого Павлина об этом нигде не упоминается. В конце прошлого столетия археологи пришли к одному мнению, что введенное в город Нола епископом Павлином производство колоколов не представляло ничего нового, им были лишь увеличены размеры колоколов.

[Била и клепала]

Во времена гонения христиан о колоколах, конечно, не могло быть и речи; призыв к богослужению производился через особых лиц из низших клириков (называвшихся на востоке *лаосинактами*, т. е. народособирателями).

Позже в монастырях призывали в храм возглашением перед дверями каждой келии – аллилуйя или употребляли молоток, ударяя им в дверь келии, а еще позже вошли в употребление при монастырских церквях так называемые *била и клепала*.

На немецком языке язык колокола называется Klöppel от одного корня с нашим *клепалом*.

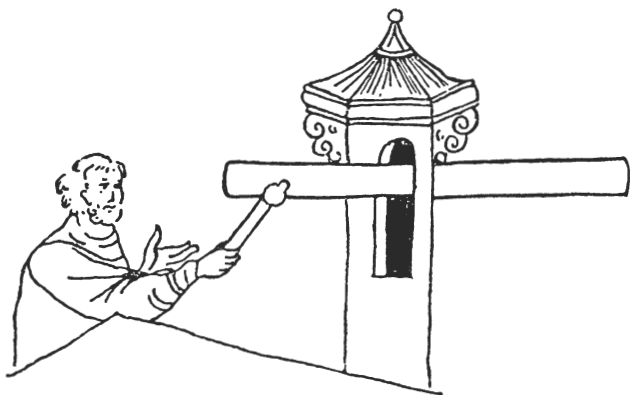
О *σημαντρον*²³ в словаре Ioh. Caspari Suiceri Thesaurus ecclesiasticus e patribus graecis ordine alphabetico concinnatus. Amsterdamii²⁴ находим: «Так называется деревянный инструмент, которым пользуются греки вместо колоколов»; *σημαντρον* иначе называется по гречески *ξύλον*²⁵; под этим словом в том же словаре значит: «греческие священники еще с того времени, как греческая церковь попала под владычество турок, употребляют для созыва греков в церковь деревянный инструмент, который называют *ξύλον*». Этот инструмент описал L. Allatius, писатель XVII столетия, грек, перешедший в католицизм и живший в Риме, в соч. «de Templis»²⁶.

В нашем церковном уставе (Типиконе) тот же инструмент разумеется под именами: *била, клепала* («клепать в малый кампан»²⁷, или в ручное клепало по обычаю». Тип. Гл. 7 повечерие), *древа*, или просто под именем «великое» («ударяет в великое и клеплет довольно». Тип. посл. Пасхи).

У греков такие железные доски назывались *агиосидерон* (*ἁγιοσίδηρον*).

¹⁾ Определение этого слова в известном словаре 1627 г. Памвы Берынды («Сказания русского народа», Сахарова 1849 г., т. II, стр. 18): «*Било* – молоток, которым струны натягивают и тыжь *било* albo пиорко, которым на струнах брянкают и дощка оголошенья молитв в обителех и на иные potrzeby».

Древнее било, миниатюра из рукописи XVI века:
«Житие Николая Чудотворца»

Било или билцо¹⁾, металлическая или деревянная доска, около сажени длиной, в которую ударялось особой колотушкой.

Различали 2 била – великое и малое; малое носили в руке, большое вешали на башне или на столбах.

В уставе Саввы Сербского²⁸ говорится, что после вечерни братия отходит ко сну, «донедеже восклепает в *малое* бильце, возбуждая вас на полуночную службу, иже и той (клепающий) сам поет, вжигая в церкви кандила и свечи, также в *великое* клепало клеpletь, потом и в медное, созывает всех вас на утреннее славословие, ему же начало подобает творити. По ударе в звон, благословляет Бог от дневного иерея» (Гласник XX, 172).

Кроме церковных, призывающих к богослужению, в некоторых монастырях есть еще било, так называемое – *трапезное*, в которое тремя сильными ударами приывают братию к совершению трапезы.

В настоящее время била и клепала употребляются почти на всем Востоке: на Афоне, на Синае, в Иерусалиме, в трех или четырех церквах в Константинополе, в Болгарии и отчасти в Сербии¹⁾.

Кроме деревянных бил встречались металлические и даже каменные. Так, в описи Соловецкого монастыря значится «клепало каменное, строения преп. Зосимы»¹¹⁾, 29.

¹⁾ Казанский П.С. О призыве к богослуж[ению] в вост[очной] церкви [// Труды Первого археологического съезда в Москве в 1869]. – М., 1871. – [Т. 1.] – С. 309.

¹¹⁾ [Белокуров С.А. Материалы для русской истории. – М., 1888. – С. 1–80. –] Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 год).

К нам била перешли из Византии, где, по свидетельству Антония³⁰: «Колокола не держат во святой Софии, но, било мало в руке держа, клепят на заутрени, а на обедни и на вечерни не клепят: а по иным церквам клепят и на обедни и на вечерни. Било же держат по Ангелову учению; а в колокола латыне звонят»¹⁾.

У греков била для большей звучности делали из особого дерева явора, но, за неимением подобного, у нас делали била из меди или железа.

Иногда била заменялись просто досками, как, например, в Греции, где их называли *симандрами*, это были просто деревянные или железные полосы, в которые били палками или колотушками. Подобные доски находились в XII и XIV веках в новгородских и псковских церквах, – они и теперь еще употребляются на Алтае и в Сибири в старообрядческих скитах¹⁾.

В Иерусалиме, при храме Воскресения, особенно хвалят, по гармоническому звуку, деревянное било с приделанными к нему стальными пружинами, которые, сотрясаясь от удара в било, производят приятный звук.

Диакон Троице-Сергиевского монастыря Иона, по прозвищу «Маленький», бывший в Иерусалиме в 1648–52 годах, так описывает¹¹⁾ звон в било в храме Воскресения: «В святую и великую субботу за пять часов до ночи, прежде ударяют в било деревянное и в железное в великом олтаре, и клепят с пол часа».

Била особенно были распространены в Ростове, за что ростовцев и дразнили в старину: «Звоните вы в свои била и клепала».

На давнее употребление у нас била мы имеем многочисленные летописные указания. Так, например, о Печерском монастыре говорится в летописях, что пред кончиною Феодосия³¹ братия «ударяша в била, собрашася вси»³².

Под 1074 годом о Матвее Прозорливом сказано: «Седе, опочивая, под билами»³³.

Под 1091 г. «оному глаголящу ко мне удариша в било, мне же рекущую: прокопах уже»¹¹⁾.

Хотя о колоколах упоминается еще в X веке, но они были редки и малы и долго не могли вытеснить из употребления била, на что

¹⁾ Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград. [– СПб., 1872.]

¹¹⁾ Пыляев М.И. Старое житье. – СПб., 1892. – С. 287.

¹¹¹⁾ Хожение в Иерусалим и Царь-град черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького 1648–1652 / Сообщено арх. Леонидом [// Памятники древней письменности. Вып. 35.] – СПб., 1882. – С. 25.

есть также летописные указания. Так, например, говоря о погроме Москвы, произведенном ханом Тохтамышем в 1382 г., летопись замечает, что «не бе звонения во колоколы ни в била». Это ясно указывает, что в то время во многих церквях била еще заменяли колокола.

В киевской летописи под 1182 г., где говорится об избрании нового печерского игумена, упоминается об употреблении била: «Во вторник же удариша братья в била и снидоша в церковь и почаша мольбы творить».

В выписках из *переписных* книг Новгородской области находим указание, что даже в половине XVI столетия колокола почти совсем не были в употреблении. Не только в приходских церквях, но и в монастырях всюду были била и клепала.

Да и повсеместно в России колокола не скоро вытеснили древние била, может быть в силу известных традиций или даже народных суеверий; недаром Антоний говорит, что «било же держат по Ангелову внушению, а в колокола *латыне звонят*».

Мы знаем, с каким недоверием наш народ постоянно относится к разным новшествам, а особенно если таковые касаются церкви или религии.

Он с фанатическим упорством отстаивает свою старину и на всякое даже несомненно полезное нововведение вначале смотрит недоверчиво и недружелюбно.

Вернее всего, что и к первым колоколам он отнесся именно таким образом, и нужен был значительный промежуток времени для того, чтобы он примирился с мыслию о «новом звоне».

Но даже и признав за колоколами известное право, старина продолжала еще довольно крепко держаться, особенно в монастырях и сельских храмах.

О Новгородской Филипповской церкви, по случаю слития первого колокола в семьдесят пудов в 1558 году, сказано: «И не бысть колокола большого и никакова и от создания церквей каменных св. апостола Филиппа и великого чудотворца Николы 175 лет, а было железное клепало».

Употребление била и клепала мы видим до самого последнего времени.

На Афоне¹¹⁾ била употребляются до сих пор.

¹¹⁾ [Полное собрание русских летописей. Т. 1:] Лаврентьевская [и Троицкая летописи / Издан. Археографич. комис. – СПб., 1846. –] С. 82, 90.

¹¹⁾ [Серафим (Веснин С.А.)] Письма Святогорца [к друзьям своим о св. горе Афонской. – Ч. 1–2.] – СПб., 1850.

Дюканж приводит описание железного била на Афоне, сделанное Петром Белоном в XVI веке: «Это кусок железа, толщиной в три пальца, длиной в руку, несколько изогнутый в дугу. Оно висит на гвозде у дверей церковных и при ударе издает звук, подобный колокольному. Монахи на Святой горе не имеют иных звонков, кроме этого била, и когда нужно идти на молитву, то призывают звуком этого железа»¹⁾.

Точно также и в Синайском монастыре за неимением колоколов до сих пор сохранилось «било». Ночью еще, часу в пятом, вас пробуждает церковное било, на котором дробно и громко выбивает ключарь призыв к службе¹¹⁾.

Идущему на Голгофу, в Иерусалиме, встречаются в переходе над проходом, что за алтарем, висящие железные и деревянные била, оглашающие церковную службу¹¹¹⁾.

В одном из писем Святогорца³⁴⁾ к друзьям^{1V)} находим любопытное описание афонского звона:

«Часа за два до заката солнышка начался бой в *деревянную* доску к наступающему всенощному бдению; довольно долго разносились по отдаленным частям внутреннего расположения лавры слабые звуки призывной токи³⁵⁾ и замирали за обителью, на первых соседних холмах. Деревянный бой через полчаса сменился *металлическим*: несколько времени ударяли в *чугунную* доску и, наконец, отозвалась на пустынных высотах шумная игра нескольких колоколов.

По совести надобно признаться, что мало значит, кажется, и самый московский великан – Иван, в стройном говоре своей металлической семьи, в сравнении со здешними немногими колоколами, когда они томно отзовутся своими нестройными звуками в Святогорской пустыне...

В самой нестройности их переборов есть что-то неизъяснимо-приятное, питающее мысль и сердце меланхолическим чувством.

В нашей матушке-России в немногих только пустынных обителях сохраняется в точности устав первых веков аскетичества: токи или деревянные доски уже вышли из употребления и заменились колоколами, в призыве на службу отшельников.

¹⁾ Казанский П.С. О призыве к богослужению в восточной церкви – С. 318.

¹¹⁾ Кондаков Н.П. Путешествие в Синай в 1881 году. [Из путевых впечатлений. Древности Синайского монастыря.] – Одесса, 1882. – С. 43.

¹¹¹⁾ Мелетий, иер. Путешествие во Иерусалим Саровские Общежительные пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. – М., 1798. С. 257.

^{1V)} [Серафим (Веснин С.А.)] Письма Святогорца к друзьям своим [о св. Горе Афонской]. – Ч. 2. – СПб., 1850. – С. 78–80, письмо 6.

Между тем, разнообразие здешнего созыва в церковь сперва деревянною, а потом чугуною досками и, наконец, игрою колоколов имеет свою важность и значение высокое, даже акустическое, между нашим временем, отдаленным, протекшим и будущим.

Вы знаете, что греческая церковь хотя и приняла колокола во второй половине девятого века, но с той поры, даже и доныне, не устранила от себя и чугуновых бил или *желез* и самых деревянных ток; даже в тех местах на востоке, где христиане живут между турками, и поныне нет колоколов, потому что магометане не жалуют их шумного звона. Значит, не по-пустому введены в состав внешнего чиноположения нашей церкви деревянные токи и металл; слабые звуки дерева и металла что-нибудь должны знаменовать собою, равно как и торжественный звон колоколов...

Ужели это причуды только восточного вымысла?..

Совсем нет!

Загляните в новую скрижаль³⁶ гл. 21, параграф 3, там вот как объясняется значение призывных ток и колоколов на службу и прочие случаи: «Через малое ударение, яко не громкое и тусклое (разумеется, в деревянную и чугунную доски), означаются древние пророки и будущих событий сени и преобразования; а великое ударение (разумеется в колокола), яко громкое и повсюду разносящееся, знаменует во всю землю исшедшее вещание Евангелия. Валсамон (там прибавлено), книга 7 Закона Греко-Римского: для благовестия Божественного Евангелия и для священного при общем собрании прочих книг чтения, по общему уставу Св. града Иерусалима, собирателя (св. Саввы), великое ударение изобретено, а бываемое ударение в железное или медное било будущий суд и трубу Архангельскую, из гробов к общему суду имеющую, означает».

Итак, вот что значит ударение в здешние токи или доски и в колокола!.. *«Слабые звуки дерева и железа напоминают нам неясные, таинственные речи пророков, а шум и стройная игра колоколов – благовестие Евангелия, торжество его во всех концах вселенной и наводит мысль на Ангельскую трубу последнего дня».*

Архимандрит, впоследствии епископ, Порфирий Успенский, посетивший в 1845 году Афон, говорит: «Пока я все это рассматривал и затверживал в своей памяти, вне собора слышны были трели деревянного тока, глухие звуки била, пронзительные бряцания железного клепа, благовест колокола и наконец – стучания во все *тяжкая*, т. е. во все тяжеловесные вещи. Подобное оглушительное *шаривари*, я слышал в Святогробском храме в Иерусалиме»¹⁾.

¹⁾ Порфирий (Успенский) [К.А.], архим. Афон: В 2-х ч. – Ч. 1:] Первое пу-

Несмотря на все несовершенство устройства древних бил, при известном искусстве и виртуозности можно и из них извлекать гармонические звуки, при том соединенные в одну общую мелодию.

Вот как описывает о. Антонин звон в било в Руссике на Афоне: «В пять часов ударили на колокольне в большое било, стучали в него сперва медленно, потом скоро и живо, с повышением и понижением звуков, с их игривою перестановкой и быстрым переходом от низших к высшим и наоборот, или медленным их переводом, через полутоны с постепенным замиранием, до совершенного прекращения и с неожиданным воскресением их к новой живости и силе.

Такой звон или стук возобновлялся три раза после остановок для отдыха художника, как называли звонаря греки, видимо, умиленные его искусством, и каждый раз он позволял им слушать все новые и новые звуко сочетания, разнообразные от первого удара молотка до последнего».

На Афоне и до настоящего времени вместо колоколов употребляют бронзовые кольца — кимвалы, подвешенные одним краем за петлю. В 1911 году для монастыря Руссик на Афоне был отлит кимвал весом около 50 пудов. Звон в него производят ударом молотка.

В самом начале употребления бил, когда они еще были малы и легки, их обыкновенно носили в левой руке, а в правой находилась деревянная колотушка, которой и производили удары. Но по мере того, как число христиан увеличивалось и многие из них были значительно удалены от церкви, — звон в малое било уже не достигал своей цели — созывать молящихся.

Благодаря этому пришлось озаботиться об изготовлении большого била, обладавшего большей силой звука. Естественно, что такое било нельзя уже было держать в руке и приходилось воздвигать для того специальное сооружение.

Правда, в первое время это сооружение было не очень замысловато, оно представляло из себя обыкновенный столб, к которому на веревках и подвешивались била. Иногда в таких случаях вместо столба пользовались непосредственно деревом, на сучьях которого укрепляли била и клепала.

Но в более позднее время, когда вошли уже в употребление и колокола, — била помещались на колокольных, о чем свидетельствуют многочисленные летописные указания.

В слободе «Плотной», составляющей одно из предместий нынешнего города Пронска³⁷, на колокольне тамошней приходской

тешестве в Афонские монастыри и скиты в 1845 году. [— Отд. 1–2.] — Киев, 1877. — С. 67–68.

церкви, хранится древнее било, по преданию, заменявшее некогда, в старину «вечевой колокол».

По рассказам старожилов, это било неизвестно для чего неоднократно переносили из Пронска, верст за пять в село Ельшину, но било опять уходило на старое место в Пронск.

Предание говорит, что оно принадлежало женскому монастырю, ныне уничтоженному, бывшему на том самом месте, где теперь сооружена приходская церковь, сохранившая и доселе чудное било. У этой церкви похоронены многие княжны и княгини Пронские. Било это положено «кладью» в церковь с тем, чтобы оно принадлежало вечно одной и той же церкви. И, по народному поверью, никакой силою невозможно присвоить било с того места, которому оно завещано¹⁾.

У нас в России была и клепала можно видеть кое-где, как остаток старины. Во многих наших монастырях они применялись до самого позднего времени.

Так, например, в Гефсиманском скиту близ Троице-Сергиевской лавры, основанном в 1844 г., и в настоящее время имеется большое деревянное било, состоящее из длинной, тонкой, сухой доски, изогнутой коромыслом; оно подвешивается на веревке и издает при ударе деревянной колотушкой довольно приятный, хотя и глухой звук.

В Псковско-Печерском монастыре, Псковской губернии, находится неподалеку от колокольни старинное било. Это очень длинное железное коромысло, издающее при ударе палкой приятный звук, весьма близко напоминающий колокольный звон.

Било это находится около ризницы и в него в настоящее время бьют ночные сторожа¹¹⁾.

В церковно-археологическом музее при петербургской Духовной академии находится железное в виде коромысла било XIV века, снабженное железным болтом и цепью для подвешивания¹¹¹⁾.

После Константина Великого³⁸ вошли в употребление духовые инструменты – трубы, но они просуществовали недолго. Известный исследователь Сванетии Бартоломей упоминает о большой трубе³⁹, которой Латальцы ссылаются на совещания к церквам¹¹²⁾.

¹⁾ Пыляев М. Старое житье. – СПб., 1892. С. 287.

¹¹⁾ Псковско-Печерский монастырь в его прошлом и настоящем // Нива. – 1903. – № 37. – С. 739.

¹¹¹⁾ Покровский Н.В., проф. Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной академии. [1879–1909.] – СПб., 1909. – С. 42.

¹¹²⁾ Филимонов Г.Д. Сванетия в археологическом отношении // Вестник [общества] древнерусского искусства [при Московском публичном музее]. – 1876. [– № 11–12.] С. 92.

[Колокольный звон и Христианская церковь]

Первый, упомянувший в своих сочинениях о церковном применении колоколов на Западе, был Gregor von Tours (VI в.)⁴⁰. Он часто упоминает о «Signa»⁴¹; «Signum ecclesia»: так называли прежде колокол, который служил для собирания общества в утренние, обеденные и вечерние часы богослужения. Из его описаний видно, что тогда больших колоколов еще не существовало. В VII в. при церквях колокола уже встречались чаще.

Предполагают, что британские и ирландские миссионеры познакомились с колоколами Германии, где в монастырях и церквях они встречались в VIII веке, но только с IX входят во всеобщее употребление.

Официальное введение колокольного звона приписывают папе Сабинианусу (604–606).

Похоронный звон ввел Beda der Ehrwürdige⁴² в 703 году.

Спеклин (писатель в XVI в.) рассказывает, что во время чумы, свирепствовавшей в 1427 году в Страсбурге, колокол, называемый *Святой Дух*, дал трещину, благодаря усиленному звону по случаю многочисленных похорон, и что пришлось его потом переплавить. Он прибавляет, что богатые граждане города, во время плавки металла бросали много золота и серебра в плавильные печи⁴³.

В России, как и на Западе, во время заразных эпидемий звонили в колокола и служили молебны. Т.П.Пассек⁴⁴ в своих воспоминаниях говорит по этому поводу следующее:

«В октябре месяце преосвященный митрополит Филарет учредил крестный ход и молебствие, «да мимо идет скорбная чаша».

В назначенный день для молебствия погода стояла мрачная, туманная; из серых облаков, заволакивающих небо, сеялся мелкий дождь, но, несмотря на это, помосты всех церквей были покрыты народом.

В церквях раздавался унылый звон колоколов, призывавших всех на молитву миром»⁴⁵.

Во время морового поветрия в Казани подняли икону Смоленской Божией Матери. Когда икона была внесена в Воскресенские ворота, то по всем церквям приказано было начать колокольный звон, который продолжался до тех пор, как чудотворный лик обнесли вокруг стен кремлевских⁴⁶.

⁴⁰ Havard, Henry. Les Bronzes d'Art et d'Ameublement. – Paris, 1897. (Les Arts de l'ameublement). – 158 s. – La page 108.

⁴¹ Пассек Т.П. Воспоминания // Русская Старина. – 1876. – Т. 16. – С. 106.

⁴² Рыбушкин М. Краткая история города Казани. – Казань, 1850. Ч. 1. С. 102.

[Ограничения и запреты колокольного звона]

В начале XIX столетия во Франции (26-го января 1806 г.) циркуляром Министра Внутренних Дел¹⁾,⁴³ запрещен похоронный звон во время смертоносной эпидемии, запрещены также и погребальные церемонии.

Издавая этот циркуляр, министр основывался на том, что во время эпидемий, частый похоронный звон вредно действует на психику населения, усиливая в народе панику и угнетая и без того упавший дух.

«Само собой разумеется, — говорит циркуляр, — принимая меры в этих случаях, не надо впадать в обратную крайность и поражать народ совершенным запрещением колокольного звона, привычка к которому особенно сильна у деревенского населения».

Далее, законом 4-го марта 1806 г. колокольный звон запрещается в следующих случаях: «Когда допущение его могло бы произвести нежелательное действие на народные умы». «Запрещение может и даже должно быть произведено муниципальной властью, когда раскачивание колоколов угрожает общественной безопасности» (16, 24 августа 1790 г. и 19, 22 июля 1791 г.). «Во время гроз предпочтительно воздерживаться от колокольного звона и ограничиваться для возвещения церковных служб небольшим перезвоном».

Хотя известный ученый Араго говорит, что научными исследованиями не доказано, чтобы колокольный звон был опасен во время грозы, однако комитет общественной безопасности не счел возможным согласиться с ним и признал колокольный звон во время грозы опасным. Этот комитет основывал свои соображения на следующем. Во время звона колокол, раскачиваясь, усиливает струю воздуха, идущую от колокола к звонарю, и так как воздух во время грозы бывает сырым, то представляет из себя прекрасный проводник для электричества. Следовательно, опасность для звонаря неизбежна.

Другая опасность от колокольного звона во время грозы это вибрирование воздуха, которое притягивает электричество к колокольному, уже и без того находящейся в опасности, как кульминационная точка. В 1718 году Десланд довел до сведения научной академии, что в ночь с 14 на 15 апреля в Бретани во время особенно сильной грозы молния ударила в 24 церкви, в которых в это время звонили, пощадив те, в которых не было звона.

Приказом от 7-го июня 1784 года парижский парламент запретил колокольный звон во время грозы, нарушение которого карается штрафом в 18 ливров; в случае же повторения проступка — 50 ливров.

¹⁾ Colas, Alphonse. Les Cloches au point de vue séculier. — Paris, 1881. — La page 11–13.

Французская академия в числе своих изданий выпустила несколько сочинений, относящихся к этому предмету. Так, она напечатала труд, который был прочитан на заседании 20 ноября 1781 г. и в котором автор, аббат N., исследовал: может ли звон колоколов во время грозы заставить молнию разрядиться, заставить ее спуститься на колокольню, как только туча, заряженная электричеством, будет находиться над местом, где звонят.

Автор дает перечень любопытных опытов, которые он произвел и которые укрепили его в мнении, противоположном общему пред-рассудку. «Все физики знают, — говорил он, — что высокие здания, высокоствольные деревья и колокольни вообще, если они не снабжены громоотводами, более всех других тел подвергаются опасности быть пораженными».

Автор заключил свой труд, говоря, что не надо мешать звонить в колокола во время бури, но что единственное средство избежать столь грозных несчастий — это ставить колокольни под защиту от всякой опасности, т. е. снабжать их громоотводами, помещенными на верхушках и сообщающимися с землей, затем изолировать звонарей, делая часть веревки из шелка, что будет мешать молнии достичь их.

Следствием того, что не были соблюдены эти предосторожности, такие разумные и простые, разразились во многих случаях катастрофы в то время, когда хотели звоном их удалить.

Эти гибельные заблуждения происходили очевидно из ошибочных мнений народа, который думал, что достаточно звонить как можно быстрее, чтобы рассеять грозу и облака, скопившиеся над полями или деревнями, которым они угрожают.

Богослужебные правила учат нас, что эти бичи уступают лишь силе молитвы, к которой колокол сзывает верующих, и действию этого священного предмета, который сам по себе имеет силу и таинственные средства.

Один старый писатель утверждал это уже давно в специальном трактате: «Мы употребляем еще колокола, чтобы отвращать грозы, град и другие воздушные бедствия. Это обыкновенно удавалось не вследствие шума, который колокола производят, как думают некоторые, полагая, что сила звона отталкивает тучи и рассеивает их плотность, но вследствие божественной силы их освящения и молитв, произносимых церковью при их освящении».

Слова молитв, которые произносятся при освящении колоколов, свидетельствуют, впрочем, о правильности этого толкования. Священник говорит: «Господи, где бы ни прозвучал этот колокол, да отступят далеко смелость умышляющих козни, мрак привидений, набег несчастий, удар молнии, нападение громов, бедствие ненастья

и всякое дыхание бурь. И когда звон его услышат сыновья христиан, да возрастет в них вера, чтобы, спеша на лоно благочестивой матери, они воспели Тебе в церкви новую песнь святых, разнося в звуках глас трубы, стройность струнных инструментов, приятность органа, услаждение кимвала и пусть возможно долго во святом храме славы Твоей они своим послушанием и молитвами пожелают привлекать множество ангельского воинства».

И затем далее: «Когда мелодия его прозвучит в ушах народов, да увеличится сила веры, да отгонятся далеко все козни врагов, сокрушительная сила града, бури, вихрей, нападение бурь» и т. д.

Это та же мысль, которую мы находим, много раз выраженную неизгладимыми буквами на металлической одежде колоколов:

Вот несколько кратких примеров:

Колокол в церкви Августинов, в Ананьи, помеченный началом прошлого века, имеет следующую надпись:

**Rogavi vox Domini clamat pius adsit
Abeste procellae
Per te acedant fulmina.**

(Я молился и глас Божий возгласил: благочестивый да присутствует, отойдите бури, через тебя да отступят молнии.)

Чтобы доказать древность этого обычая, мы укажем здесь надпись XIII века, заключающуюся в таких выражениях:

**Sum Jacobus Dictus. Fugo fulgura
Grandinis ictus. A^oM^oCC^oLV.**

(Я назван Якобом. Обращаю в бегство сияние молнии и удары града. 1255 г.)

В Дижоне один из колоколов церкви St. Benigue, отлитый в 1751 г., имеет надпись в том же роде:

**Sit nomen Domini benedictum. A fulgure et
tempestate libera nos Domine.**

(Да будет благословенно имя Божие. Избавь нас, Боже, от молнии и бурь.)

В Биденкопе один колокол имел надпись:

**Dum turbor, procul cedant igus, grado,
Tonitru, fulgor, fames, pestis,
Gladius, satan et homo malignus.**

(Пока я звоню, пусть далеко отступят огонь, град, гром, молния, голод, зараза, меч, сатана и нечестивый человек.)

Употребление колоколов, запрещенное в 1796 году, было восстановлено только для созыва прихожан к божественной службе, и

что в случае какой-нибудь другой религиозной надобности священник обязан был испрашивать согласие местной администрации.

Тем не менее уставы префектов и епископов направлены к тому, чтобы выяснить известное число случаев, когда разрешение местной власти не необходимо. Но эта свобода, дарованная священнику, в некоторых случаях ограничена; мэр может вмешаться, чтобы воспретить всякий род звона в некоторых обстоятельствах, например, во время ночного отдыха звон колоколов безусловно запрещен.

Вот § 2 распоряжения архиепископа Камбрэ в 1843 г.:

«Священник, исправляющий его должность или викарий, не может, какая бы ни была причина начать звонить раньше 4-х часов утра и позднее 9 часов вечера, начиная с Пасхи и до 1-го октября, и не ранее 5 часов утра и не позднее 8 часов вечера, начиная с 1-го октября и кончая Пасхой» (исключая Рождественской ночи).

В городах очень часто случается, что это запрещение не соблюдается и что звон церковных колоколов продолжается сверх предела, назначенного уставами в интересах покоя жителей.

Из всего вышесказанного очевидно, что гражданская власть даже при настоящем положении законодательства достаточно уполномочена, чтобы сократить в случае нужды злоупотребление колоколами.

В общинах, где церковные колокола употребляются и для гражданских надобностей, церковь в праве требовать вознаграждение с общины.

Государственный Совет, впрочем, признал это право в своем предписании от 17-го июня 1840 г., он говорит, что хотя § 37 устава от 30-го декабря 1809 г. возложил на церкви обязанность печься о содержании звонаря, община, если она пользуется колоколами для нужд посторонних богослужению, должна вносить известную долю в плату для содержания звонаря.

Постановление 1809 г. § 33 предписывает церковным старшинам, назначение звонаря и других церковных служителей, а также и отрешение их от должности.

После королевского приказа от 12-го января 1825 г. это распоряжение применяется только в городах; в сельском приходе право назначения церковных должностных лиц принадлежит только священнику.

Если община купила колокол для башенных часов и если этот колокол, помещенный в одном из пределов церкви, вследствие приглашения муниципальной власти с приходским священником был освящен и назначен на нужды богослужения, гражданская власть не имеет права прекратить это назначение.

«Приобретая колокол, — говорит решение, состоявшееся между Министром Внутренних Дел и министром церкви, — предполагается назначить его не только для церковных часов, но и для приходской божественной службы. Так как священник прямой начальник над колоколами, нет нужды делать различия между колоколами, приобретенными общиной и купленными на средства церкви.

С другой стороны, так как право заведывания церковными зданиями принадлежит церкви, очевидно, что городская власть, поместив колокол в церковной постройке, не может помешать использованию его для церковной службы».

Но права мэра сохраняются во всей силе, когда представляется необходимость ограничить употребление колокола. Однако он не может под тем предлогом, что в колокольне помещаются общинные часы, иметь в своем распоряжении ключ от нее.

С другой стороны, ни священник, ни администрация церкви не имеет права ни под каким предлогом воспротивиться возвещению времени, а также и заведению часов.

Из этого вытекает, что полномочия светской власти и духовной должны соединяться¹⁾.

Angelus-Läuten утром, в обед и вечером ввел папа Григорий IX (Gregor) в 1230 году.

[Распространение колоколов]

Назывались колокола первоначально «Кампана», «Campanae», производя от провинции Италии—Кампании, «Campanien»; маленькие колокольчики назывались «Нола—Nola», от г. Нола этой провинции.

Название «Кампана» колокола получили от провинции Кампании, где они главным образом изготовлялись; местность эта известна богатыми рудниками и залежами глины, необходимыми материалами для отливки колоколов.

Начав изготовлять для внутреннего употребления, она отсылала свои изделия и в другие страны, где, зарекомендовав себя, изделия ее получили название провинции для отличия от подобных же изделий других стран. Этой провинции надо отдать честь изготовления колоколов больших размеров.

Только в восьмом столетии стали называть колокола Cloacam (Клокем), подходящее к теперешнему их названию; указание это найдено в письме английского аббата Cutbert к немецкому пастору. В IX в. слово «Clocke» встречается и в немецких описаниях.

¹⁾ Colas, *Alphonse*]. Les Cloches au point de vue séculier. — La page 14—17.

В Древней Руси колокола назывались также *тяжкая*, от «тяжких», т. е. сильных, густых звуков больших колоколов. Отсюда и пошла поговорка «во вся тяжкая», что означает во все колокола.

Середину IX века можно отметить как эпоху всеобщего церковного употребления колоколов не только при монастырях и в городах, но даже и в селах.

В продолжении почти 10 веков, количество и вес колоколов каждой церкви рассматривались как знак ее важности, как доказательство ее богатства и могущества ее покровителей. Так, например, обе колокольни Собора Парижской Богоматери заключили в себе 8 больших колоколов, два в Южной башне (Жакелина и Мария) и шесть в северной башне: Габриэль, Вильгельм, Паскье, Тиболд и два небольших колокола; к ним надо прибавить еще 6 маленьких колоколов, находившихся в срединной башне, всего, следовательно, четырнадцать.

Святой Альдерик, епископ Монский, желая утвердить превосходство своего епископства перед соседними, подарил ему двадцать колоколов.

Бонифаций Восьмой, питавший особую склонность к церкви Св. Анании, возле Рима, увеличил число ее колоколов до 7, из которых два были отлиты Андреем и Жаном из Пизы (1292–1295).

Король Роберт, из особого почитания, приказал отлить 5 колоколов, к Святому Эньяну Орлеанскому, которые он и подарил этой церкви. Мы могли бы привести много подобных примеров.

В XVI веке святой Карл Борромейский издал устав, который позволял иметь кафедральным соборам от 5 до 7 колоколов, церквям училищным 3 и только 2 приходским церквям; но это правило, не произведя переворота, не было строго соблюдено, и церкви продолжали владеть числом колоколов пропорционально великодушью их покровителей.

Мы говорим здесь только о больших колоколах, так как во всех религиозных учреждениях было множество колоколов меньшей важности. «Мы знаем, — говорит Жан Гулэн в своем переводе «*Rational*» Дюрана, — что в церквях имеется пять родов колоколов: бубенчики, звонки, перезвоны двух размеров и собственно колокола. Колокол звонит в церкви, колокола меньшего размера в трапезной, звонок в монастыре и т. д.

Но одни только большие колокола, благодаря своему весу и ценности, играли роль и они одни только составляли гордость церкви»¹⁾.

¹⁾ Havard, Henry. Les Bronzes d'Art et d'Ameublement. — Paris, 1897 (Les Arts de l'ameublement). — La page 100–101.

Во время революции во Франции законом 22 Жерминаля IV года было запрещено церковное употребление колоколов. Это запрещение продолжалось шесть лет и только 18 Жерминаля X года было уничтожено циркуляром правительства.

«Епископ, — говорит 48 параграф этого циркуляра, — должен вступить в соглашение с гражданской властью для урегулирования способа созыва молящихся звоном колоколов.

Для других же целей звонить в колокола запрещается без разрешения местной полиции»¹⁾.

На Востоке⁴⁴ колокола появились в первый раз в конце IX века, когда по просьбе Императора Василия Македонянина (в 867–886)⁴⁵ венецианский дож Орсо I (864–881)⁴⁶ прислал в Константинополь для вновь сооруженной церкви св. Софии⁴⁷ двенадцать колоколов.

Бароний об этом говорит следующим образом: «Сего лета (865) колоколы у греков начаша употреблятися, егда Урсус-Дож Венецианский колокол к Кесарю Михаилу, прошенный от него, прислал»⁴⁸.

Распространение здесь колоколов подвигалось очень медленно: вследствие старых традиций повсюду употребляли еще била. В 1204 г. крестоносцы начали вводить вновь колокола, но в 1452 г., год завоевания Константинополя турками, они были уничтожены, за немногими исключениями.

В летописи об этом говорится так: «В лето 6962 (1454. — А.Б.), мая в 29 день, взят бысть Царьград безбожным царем Турским, и христианство погубиша, и церкви пограбиша, и кресты и колокола сняша и святых Апостол церкви последи ту пограбиша»¹¹⁾.

Судя по некоторым историческим данным, здесь колокола употреблялись не только для религиозных, но и для военных целей.

Во время осады города царь приказывал «велможам и начальником разделить воином градские стены и стрельницы и врата, и на местех отнюду ти чаяху приступу быти поставити пушки, и пищали и колокола»¹¹¹⁾.

В 610 году, когда армия Клотара осадила город Санс, то епископ орлеанский Лу, который был заперт в башне церкви Св. Этила, заметив намерение неприятеля пойти на приступ, приказал, чтобы

¹⁾ Colas, Alphonse. Les Cloches au point de vue sèculier. — La page 3.

¹¹⁾ Летописец[содержащий в себе Российскую историю от 6360 (852) до 796 (1598) года]. — М., 1819. — С. 159.

¹¹¹⁾ История [о разрушении последнем Святаго града Иерусалима от римского цесаря Тита сына Веспасианова. Вторая] о взятии славн[аго] стол[ичного] града [греческого] Константинополя [(иже и Царь-град) от турского султана Махомета Второго]. — СПб., 1723. — С. 206.

били в набат во все церковные колокола, которые с самого начала осады оставались безмолвными.

Звон был так силен, что солдаты Клотара, испугавшись, обратились в бегство, приняв колокольный звон за голос ангела. Со времени падения Иерихона, звук не производил такой паники в армии¹⁾.

Святогорец, посетивший в 1843 году Константинополь, рассказывает следующее: «Православных церквей в Константинополе немного, а если и есть, то в роде домовых – без куполов и без звона. Только католический костел имеет колокола, а по какому праву, об этом не могу сказать вам решительно.

Рассказывают некоторые, будто бы в день его освящения французский посланник приказал ударить во все колокола, без позволения Порты; игра их так пленила читателей пророка, что с тех пор звон был разрешен в этом костеле. Это, впрочем, невероятно, потому что если бы звон действительно был приятен туркам, то греки и само русское посольство не упустили бы воспользоваться таким случаем»²⁾.

Полагают, что турки запрещали звон в колокола под тем предлогом, что будто бы звук их возмущает покой душ витающих в воздухе³⁾.

[Звонницы и колокольни]

Когда колокола были небольшие, их подвешивали на стене или на крыше, но с увеличением их размеров пришлось изменить и характер церковных построек; при церквях стали делать пристройки – колокольни или звонницы, первоначально отдельно, а затем в соединении с церковью.

Первые колокольни, упоминаемые в истории, находились в Риме, при базиликах св. Иоанна Латеранского и св. Петра. Самые древние из сохранившихся до наших дней находятся в Вероне и Равенне. Это – круглые башни, стоящие отдельно от церквей.

В Западной Европе, начиная с XI века, число колоколен быстро возрастает – не потому, чтобы их требовала величина и вес колоколов, все еще не значительные, а потому, что в наступившие смутные времена церквям и монастырям угрожала опасность нападения со стороны баронских дружин и хищников.

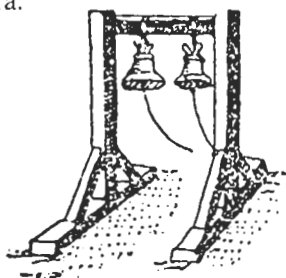
¹⁾ *Havard, Henry. Les Bronzes d'Art et d'Ameublement. – Paris, 1897. – La page 100.*

²⁾ [Серафим (Веснин С.А.)] Письма Святогорца [к друзьям своим о св. горе Афонской]. Ч. 1. – СПб., 1850. – С. 10–11.

³⁾ *Пыляев М. Старое жительство. – СПб., 1892. – С. 287.*

Эти сооружения, кроме религиозной цели, удовлетворяли и мирской, а именно – играли роль подзорных башен, с которых можно было наблюдать приближение неприятеля и предупреждать о нем окрестных жителей посредством набата.

У нас в России первоначально колокольни или *вежи* были самого примитивного устройства. В большинстве случаев они представляли из себя деревянные козлы, на особой перекладине которых висели колокола. Впоследствии эти козлы послужили прототипом древних звонниц; что же касается колоколен в виде башен, то они появились уже значительно позже.

Колокольни, по-видимому, впервые появляются у нас в Пскове и Новгороде, по образцу тех, которые мы встречаем в Греции в византийский период, а также на западе, т. е. в виде стенки с несколькими пролетами для колоколов, каковы, например, многие уцелевшие до нашего времени звонницы в Пскове и Новгороде.

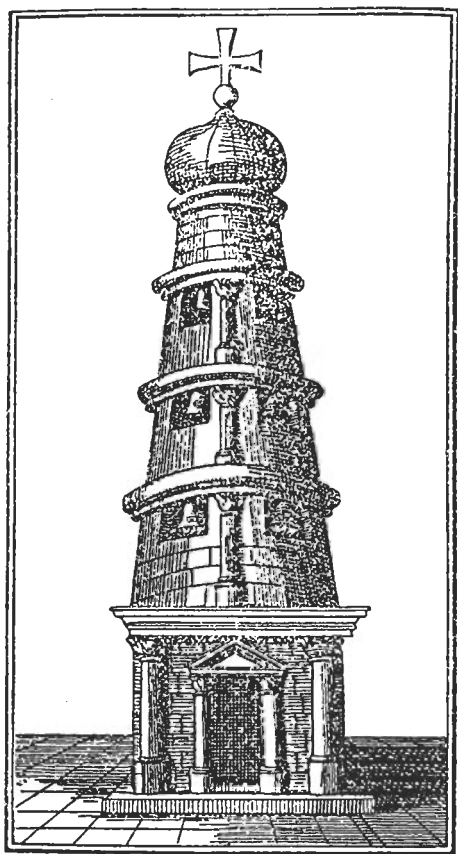
Построение первых новгородских колоколен должно относить к построению первых церквей в Новгороде, хотя летописи не упоминают о них вместе с построением храмов. А что действительно в XI уже веке были колокольни, это видно из повествования о приходе в Новгород полоцкого князя Вслава Брючиславича, снявшего с Софийской колокольни колокола в 1066 году и из жития преп. Антония Римлянина, прибывшего в 1106 году во время утрени к Новгороду и слышавшего в нем великий звон.

Известно даже и о том, что древние колокольни в связи с церквями не были строены до XVII столетия, исключая только того случая, когда церковь служила вместе и колокольною, имея на верху своем колокола.

По устройству своему древние Новгородские колокольни или звонницы были продолговаты и стенообразны, подобные оставшейся колокольне Софийского собора (1439), и некоторым другим в меньших размерах.

С XVI и особенно с XVII века начали строить колокольни шатровые [в]осьмиугольные с каменным или деревянным наверху широким шпилем. На них с XV века упоминаются вместе с колоколами и боевые часы, по коим евфимиевская колокольня, или вернее башня, в 1436 году названа часозвоннею¹⁾.

¹⁾ Макарий (Миролюбов Н.К.), арх. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. – Ч.1–2. – М., 1860. – С. 30.

Ивановская колокольня по рисунку Де-Ламартиньера, помещенная в его книге «Путешествие в северные страны»

доконник, а другим на столб (см. рис.), а на виде Нижнего Новгорода представлены два больших колокола, которые висят на толстых раскошенных столбах с перекладиной.

В некоторых старых московских церквях уцелели еще звонницы. Так, например, в церкви села Дьякова, основанной в начале XVI века Великим Князем Василием Иоанновичем, сохранилась звонница, совершенно сходная по своему виду с Псковско-Новгородскими, но только с разными добавочными украшениями московского характера¹⁾.

Эта форма с северо-востока перешла в Москву, по крайней мере на основании многих данных, можно судить, что до XVI века там, кажется, колоколен не было и что даже в начале XVII века они имели весьма малое распространение, а наша избитая каменная шатровая колокольня в ее окончательно развитом виде, т. е. с несколькими ярусами слухов и луковичною главой, есть всецело принадлежность Роман[ов]ской эпохи⁴⁹.

Мы знаем из летописи, что при царе Федоре Ивановиче (1591–98) главный колокол, весом в тысячу пудов, висел на деревянной колокольне среди кремлевской площади⁵⁰.

Затем у Олеария на изображении одной из московских церквей нарисованы колокола, подвешенные просто на деревянной перекладине, опирающейся одним концом в церковный по-

¹⁾ Султанов Н. Образцы древне-русского зодчества в миниатюрных изображениях. — СПб., 1881. — С. 26–27.

Любопытное описание таких древних колоколен находим в так называемой «Описной книге церкви Княгининского уезда, 1672 года», например, – «колокольница – поставлен столб, покрыт тесом» или: «Колокольня на четырех столбах, покрыта шатром тесовым, с крестом, а на ней пять колоколов»¹⁾.

Точно так же и в летописи есть описание таких древних колоколен, так, например, под 1572 г. летописец говорит: «Да того же месяца в 2, в субботу, на Дворищи колокол новой поставили, у Жен Мироносиц, у двора государского на четырех столбах на переклади»⁵¹.

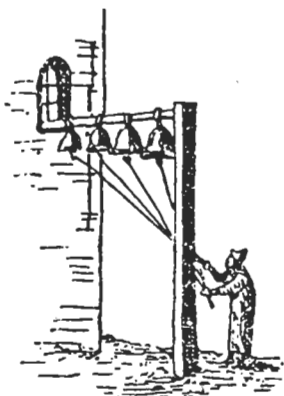
Впрочем в это время были уже колокольни, отличавшиеся красотой формы. Летописец 1547 года говорит так: «У Вознесенья, у хороших колокольных за Неглимною на Никитской улице»¹¹⁾.

Как и в Западной Европе, колокольни служили у нас вместе с тем и сторожевыми башнями, а на колокольне Дивногорского монастыря в 1714 году было даже три железных и одна медная пушка¹¹¹⁾.

Вообще, наши монастыри, особенно в смутное время, представляли из себя нечто в роде крепостей. В синодике Святогорского монастыря упоминается даже о *пушкаре-монахе Иакове*¹¹²⁾.

С течением времени колокольни служили главным образом не более, как архитектурной частью, а древние звонницы совершенно пропали.

Свящ. Сергей Полянский¹¹³⁾, описывая Часовую башню в селе Коломенском, говорит, что наверху, где помещались колокола для курантов, а ныне находится звон Вознесенской церкви в разных местах были вмазаны голосники. Указания на существование голосников на других колокольнях мы нигде не находим.

¹⁾ Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. – М.: Изд. К.Солдатенкова, 1873. – Ч. II. С. 77.

¹¹⁾ Карамзин Н.М. История государства Российского. – 2-е изд. – Т. 8. – СПб., 1819.

¹¹¹⁾ Дивногорский Успенский монастырь // Пам[ятная] кн[ижка] Вор[онежской] губ[ернии] 1863–1864. [– Воронеж, 1864. –] 12 с. [Подпись: А.М.].

¹¹²⁾ Бизадей Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины московского государства. Изд. Чтений общ. ист. и древн. российских. – М., 1887 г. С. 512.

¹¹³⁾ Вестник [общества] древнерусского искусства при Московском публичном музее. – 1876. [– № 11–12]. – С.88.

Иногда при храмах воздвигалось по несколько колоколен, как например, при храме Христа Спасителя в Москве, в Исакиевском соборе в Петербурге и во многих норманских церквях.

[Колокола в Древней Руси]

К нам в Россию колокола перешли не из Византии, а с Запада, на что также указывает их русское название от немецкого Glocke. Но некоторые полагают, что слово колокол произведено от старинного русского *коло* – круг, окружность, а другие – что оно составилось следующим образом: *кол о кол*, т. е. от удара одного кола о другой, намекая этим на древние била и клепала. По догадкам некоторых ученых слово колокол имеет корень с греческого «калкун», означающее клепало или било¹⁾.⁵²

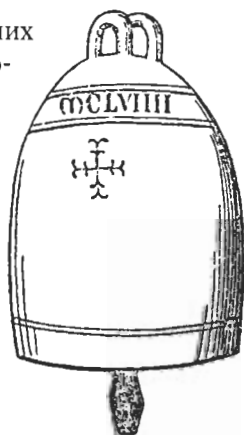
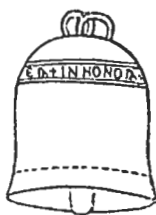
О колоколах в России впервые упоминается в летописях 988 года⁵³.

В начале XI века колокола были повешены при храме св. Софии в Новгороде, при Десятинной и Ирининской церквях в Киеве, во Владимире-на-Клязьме (около 1170 г.), Полоцке, Новгороде-Северском и некоторых других.

В развалинах Десятинной церкви, на которые обратили внимание Киевский Митрополит Евгений в 1824 году, найдены были два колокола: один из них коринфской меди⁵⁴, довольно хорошо сохранившийся, за исключением дужки, к которой привешивают язык.

Высота этого колокола 9 вершков, высота ушей 3 вершка, нижний поперечник 10 верш[ков], верхний 7, а толщина стен 5/8 верш[ка]. Весу в нем 2 пуда 10 фунтов.

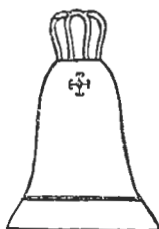
Полагают, что это древнейший из уцелевших русских колоколов, может быть, даже тот, который в начале XI века был повешен при Десятинной церкви¹¹⁾.

Образцы старинных колоколов

¹⁾ Пыляев М.И. Старое житие. – СПб., 1892. – С. 286.

¹¹⁾ Закревский Н.В. Описание Киева. [– Т. 1–2. – М., 1868.] – С. 289.

Колокольчики X–XI в. с плоским верхом

К сожалению, на нем нет никакой надписи, на основании которой можно бы было установить степень его древности.

Надписи и рисунки начали появляться на колоколах уже значительно позже, а в те отдаленные времена, когда они начали только входить в употребление, они были совершенно гладкими (т. е. без узоров и надписей), что, конечно, объясняется несовершенством техники и неопытностью самих мастеров.

Когда впервые появились надписи и рисунки на колоколах, установить довольно трудно, так как древнейших колоколов почти не сохранилось до нашего времени.

В XIII веке попадались на колоколах надписи, идущие справа налево. Объясняется это тем, что мастера на рубашке формы колокола вырезали требуемые слова, а в отливке те же слова выходили как в зеркале обратными.

Лишь в середине XIV века начали делать выпуклые надписи на колоколах, приклеивая восковые модели к телу глиняного колокола.

Размеры колоколов в России первоначально не превышали нескольких пудов, причина была — неумение отливать большие, а получать из Германии, по случаю дурного сообщения, было слишком трудно, да и в самой Германии не встречались тогда колокола значительных размеров.

Кроме того, и сами церкви в большинстве случаев были очень невелики и не позволяли по своим размерам помещать большие колокола.

В Хутынском монастыре, например, была церковь св. Григория Арменского, про которую летописец говорит, что она «не вельми высока и кругла, яко стоит противу северных дверей, и не велика токмо сажени единых внутри и со алтарем на ней же колоколы в версе бывали и прежних лет, но не велики и некоторые лепоты не имуще»⁵⁵.

Эта церковь существовала до 1535 года, когда и была заменена новой: «Выстроена была церковь о едином версе, вельми чудна, яко

таковы несть делано в Новгородской области; яко окольная стена, еже округ церкви, имея углов восемь, а двери пятеры, в высоту весьма высоко, на ней же в версе колоколы уставиша, два колокола больших, егда начнут звонити – яко страшными трубами гласящими, тако и прочие колоколы уставиша» (П.С.Л. VI – 296)¹⁾.

Когда в XI в. при соборной церкви города Гильдесгейма был повешен колокол в сто пудов, он всех поразил своей величиной.

Сами русские стали лить колокола впервые в Киеве в половине XIII века⁵⁶, а после татарского ига их вновь привозили из Германии, где впервые колокола стали отливать при Карле Великом, хотя образцы их до нашего времени не сохранились. Искусство это в Германии прочно основалось лишь в X и XI веках.

Первоначально искусство отливать колокола как на западе, так и в России, было искусством «странствующих мастеров». Колокола отливались вблизи той церкви, для которой они предназначались. Лишь с развитием транспортных приспособлений искусство это приобрело оседлость.

До настоящего времени иногда отливка колоколов производится при некоторых монастырях и церквях, хотя обычай этот с каждым годом становится все реже и реже в виду многих неудобств такой работы.

Отливка больших колоколов была вещью довольно редкой и этим и объясняется появление припущих специалистов.

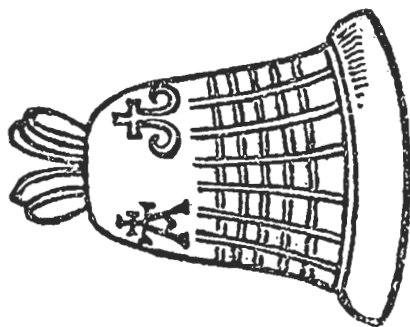
Так, 22 сентября 1453 года эдиллы Орлеана приказали вызвать Ренэ Буовен из Мулэн, для отливки громадного колокола для их дозорной башни. Кардинал Жорж д'Амбуаз также поручил одному Шартрийцу, по имени Жан Маншон, отливку для Руанского собора колокола, который и был назван его именем.

Существует легенда, по которой литейщик умер от радости, увидев успех своей работы. Этот колосс весил 1075 пудов; размер его был 10 метров в окружности и 3,33 м вышины. Чтобы его раскатать, требовалось по крайней мере 16 человек. Понятно, конечно, беспокойство, вызываемое подобным предприятием и избыток радости, когда все благополучно кончалось.

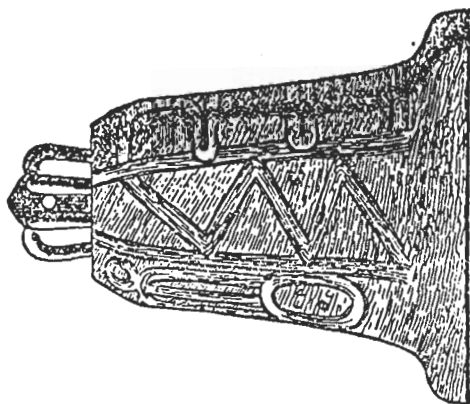
В 1682 году, когда надо было отлить «Эмманюэль», предназначенный в собор Парижской Богоматери в Париже, была устроена мастерская недалеко от Сены, прилегающая к собору Notre Dame, где теперь разведен сад¹¹⁾.

¹⁾ Казанский П.С. О призыве к богослуж[ению] в восточной церкви. С. 309.

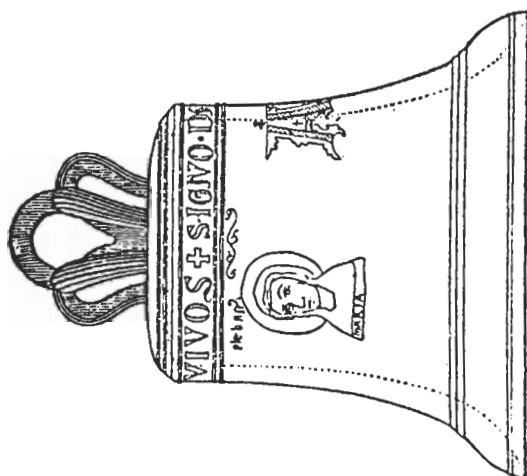
¹¹⁾ Havard, Henry. Les Bronzes d'Art et d'Ameublement. – La page 104–105.

Украшение колоколов XI–XII века (сверху буквы: альфа и омега)

Украшение колокола в XII в. Верх колокола плоский, а не полукруглый

Украшение колокола в XIII в. Появляются изображения икон

О трудностях перевозки больших колоколов с завода в церковь и о изобретательности простого русского человека находим любопытную справку.

«В городе Валдае отлит был колокол в 2000 пудов для Петербургского Троицкого собора, что в Измайловском полку. Чтобы доставить этот колокол на место, требовалось, по расчетам инженеров, восемьдесят лошадей. Это загрозило бы все шоссе и стоило бы дорого.

К Алексею Николаевичу Оленину, бывшему членом при построении собора, явился валдайский мещанин и объявил, что он привезет колокол на шести или даже на четырех лошадях.

— Каким манером? — спросил его Алексей Николаевич.

— Это секрет, если я его скажу, то и всякий привезет.

— Будь уверен, что я твоего секрета никому не открою.

— Я сделаю в величину колокола четыре обода, — объявил мещанин, — в боковых ободах сделаю оси, обошью досками и покачу его так, что не только не испорчу дорогу, а еще укатаю шоссе.

После доклада об этом государю, Алексей Николаевич снабдил подрядчика задатком и формальным предписанием. Колокол привезен был из Валдая в Петербург благополучно. Мещанин получил 5000 рублей и золотую медаль на анненской ленте»¹⁾.

В *Волынской* летописи говорится, что князь Данило, создавая новый город Холм, поставил в нем церковь св. Ивана, и что для этого храма «колоколы принесе из Киева, *другия ту солья*»³⁷⁾.

Из этой же летописи видно, что литейное искусство в то время достигло уже некоторого совершенства. Летописец, рассказывая о помянутой выше церкви Ивана Златоуста, говорит, что помост церкви *слит из меди и олова*.

Далее, в той же летописи рассказывается, что князь Владимир Волынский в 1287 году «в Любомли постави церковь каменну св. Георгия» и что для этой церкви «полия же и колоколы дивны слышаньем, таких же не бысть во всей земли»⁵⁸⁾.

Под 6798 (1290) годом значится: «Князь Дмитрий Борисович посла на Устюг владыку Тарасия, священника церковь великую Успения Святыя Богородицы и *послал с ним колокол* Пречистой, и священна бысть церковь на праздник Успения, месяца августа в 15 день»¹¹⁾.

¹⁾ *Солнцев Ф.Г.* Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. — 1876. — Т. 15. — С. 644.

¹¹⁾ Летописец, содержащий в себе Российскую историю [от 6360 (852) до 796 (1598) года]. — М., 1819. — С. 73.

Иоанн Данилович Калита в 1338 году взял колокол из тверского Спасского Собора и перенес в Москву.

В 1248 году смоленский князь Федор Ростиславич: «Выдал Аркановича и с дворьмь немьцом за колокол»¹⁾.

В 1403 году «в Твери слит бысть колокол Святому Спасу благовестник князем Иваном Михайловичем и бысть глас его красен» (П.С.Л., XV–470)⁵⁹.

Под 1410 г. значится, что «колоколы политы в Ростове»⁶⁰.

О русских литейщиках упоминается в летописи 1194 г. Рассказывая о возобновлении обветшавшей Суздальской церкви, летописец говорит: «А то чуду подобно молитвою и верою Епископа Иоанна, не ища мастеров от немец, но налице мастера от клеврет Св. Богородицы и своих, *иных олову ляти*, иных крыти, иных известью белити»⁶¹.

В XIV столетии встречаются в Москве мастера, отливающие колокола для московских и новгородских церквей. Из литейщиков этого времени особенно славился, по словам летописца, «россиянин Борис», который отлил много колоколов для соборных церквей.

В летописи под 1342 г. находим следующее: «Повеле владыка Василий слить колокол велик к святой Софии и привезе мастера с Москвы, человека добра, именем Бориса»⁶², а под 1346 г. говорится, что по воле великого князя Симеона Иоанновича «на Москве слиты три колокола больших да два меньших, а лил мастер Бориска» (П.С.Л., VII–210)⁶³. Никоновская летопись называет этого Бориску – Римлянином. Таким образом богатый и знатный Новгород, процветавший торговлею, воспользовался искусством колокольного литья из Москвы, успевшей начать самостоятельную, независимую работу на этом поприще народного развития¹¹⁾.

На колоколе соборной Юрьевской церкви во Львове есть надпись: «6849 г. (1341 г.) сольян бысть колокол сии Юрю при князи Дмитрии игуменом Евфимьем»¹¹¹⁾.

[Колокола XVI–XVII вв.]

При Иоанне Грозном и сыне его Феодоре литейное искусство в Москве процветало. Было отлито много колоколов не только для Москвы, но и для других городов, между прочим Николаем Немчиновым⁶⁴ колокол *благовестник* в 1000 пудов⁶⁵.

¹⁾ Грамоты, касающиеся до сношения [Северо-Западной России] с Ригой и Ганзейскими городами [в XII, XIII, XIV веках. – СПб., 1857]. – Грам. № 1.

¹¹⁾ Забелин И.Е. История города Москвы. 2-е изд. – М., 1905. – Ч. 1. С. 85.

¹¹¹⁾ Аристов Н. Промышленность древней Руси. – СПб., 1866. С. 117–118.

Из русских мастеров этого времени известны: Игнатий⁶⁶ 1542, Богдан⁶⁷ 1565, Андрей Чохов⁶⁸ 1577, Кузмин первый⁶⁹ 1581, Семенка Дубинин⁷⁰ 1590 г.

Они лили колокола и пушки больших размеров, образцы которых сохранились в Петербургском и Московском арсеналах.

Произведения Чохова отличались тщательною и красивою отделкой. На огромнейшей пушке его работы *Дробовике*⁷¹, известной в Москве под именем *Царь-пушки*, довольно искусно изображен царь Феодор Иванович на коне в полном царском облачении со скипетром в руке.

Кроме того, его имя находится на древнейших пушках кремлевских; на *Дробовике* (весом 2400 пуд[ов])⁷², *Троиле* и *Аспиде*; первая вылита в 1586, а вторая и третья, называемые *пищальми*, — в 1590 году.

От царствования Годунова не осталось других образцов литейного искусства, кроме колоколов в Москве и Троицкой Лавре.

С прибытием в Москву 1475 г. Фиоравенти Аристотеля, учрежден был Пушечный двор, где начато литье пушек и колоколов⁷³.

«Возвратился посол Толбузин (Толбузин был послан Великим Князем в Венецию для отыскания опытного мастера), — замечает летописец, — и привел с собою мастера *Муроля*, кой ставил церкви и палаты, Аристотель именем, также и пушечник, он нарочит лить их и бити из них, и колоколы и иное все лить хитр вельми»⁷⁴.

Фиоравенти отливал колокола и пушки, чеканил монеты и построил Успенский собор. В XVI столетии уже русские выученики самостоятельно продолжали отливку колоколов.

В это время, по описанию греческого епископа Арсения⁷⁵, русские в литейном искусстве достигли значительного совершенства, они отливали не только из меди, но и из золота и из серебра и при том тонкие художественные вещи.

Этот Арсений «с изумлением видел множество огромных серебряных и золотых сосудов во дворце; одни имели образ зверей: единорога, львов, медведей, оленей; другие — образ птиц: пеликанов, лебедей, фазанов, павлинов, и были столь необыкновенной тяжести, что 12 человек едва могли переносить их с места на место. Сии чудные сосуды делались, вероятно, в Москве, по крайней мере некоторые и самые тяжелые вылиты из серебра ливонского — добычи Иоаннова оружия»¹⁾.

Кроме Фиоравенти, венецианцы Павел Дебоше⁷⁶ и мастера Петр и Яков⁷⁷, прибывшие в Россию, занимались литейным делом.

¹⁾ Карамзин Н.М. История государства Российского. — Т. X. С. 293.

Павлом Дебоше в 1482 г. была отлита огромная пищаль, царь-пушка, находящаяся в московском Кремле, но не та, которая теперь слывет под этим именем, — эта вторая, как сказано выше, была вылита в 1586 году Андреем Чоховым, как означено на ней.

В 1490 году, если еще не раньше, великий князь Василий Иванович посылал двух немцев Ивана да Виктора на Печору отыскивать руду, которые и нашли руду на реке Цимле, серебряную и медную в 1491 году, на пространстве десяти верст, за три с половиною тысячи верст от Москвы¹⁾.

Цари Михаил и Алексей обращали особенное внимание на отечественное рудокопство, так как в то время чувствовался большой недостаток металлов.

В делах их царствования упоминаются вызванные из чужих краев *рудознатицы, золотознатицы, лозоходцы и рудокопцы*.

В 1618–22 годах англичанин Джон Ватер, а в 1626 г. Фрич и Герольд отправлены в Пермь с дворянином Загряжским для отыскивания руд. В 1634 г., когда уже утверждены были некоторые фабрики, устроены мельницы и стеклянные заводы в Москве и ее окрестностях, открыты в Сибири медные рудники, для разработки которых царь выписал из Саксонии рудопромышленников⁷⁸.

В 1636 году гость Надей Светешников отыскал на Каме медную руду⁷⁹. Такие открытия доставили материалы для литья колоколов и пушек¹¹⁾.

В это время русские литейные мастера начинают вытеснять иностранных, как видно из следующего списка: 1606 года Проня Федоров⁸⁰, 1621 г. Игнатий Максимов⁸¹, 1622 г. Андрей Данилов⁸² и Алексей Якимов⁸³, 1626 г. Кондратий Михайлов⁸⁴, 1627 г. Богдан Васильев⁸⁵, 1628 г. Григорий Наумов мастер⁸⁶ и Фальк⁸⁷, 1648 г. Петр и Тимофей ученики⁸⁸, 1650 г. Евсей Данилов⁸⁹, Тимофей Воин⁹⁰, Федор Аникин мастер⁹¹, 1652 г. Емельян Данилов⁹², 1661 г. Андрей Нейгарт⁹³, 1665 г. Александр Григорьев⁹⁴, 1668 г. Харитон Иванов мастер⁹⁵, Мартьян Осипов мастер⁹⁶ и Яков Дубина⁹⁷ или Дубинин ученик, 1672 г. Яким Никифоров⁹⁸, 1673 г. Андрей Якимов⁹⁹ и Яким Гаврилов¹⁰⁰, 1674 г. Пантелей Яковлев¹⁰¹, 1679 г. Осип Иванов¹⁰², Василий и Яков Леонтьевы¹⁰³, Федор Моторин¹⁰⁴, 1680 г. Евсевий Данилов¹⁰⁵ и пр.

¹⁾ Забелин И.Е. История города Москвы. 2-е изд. — М.: изд. автора, 1905. — Ч. 1. С. 153.

¹¹⁾ [Кованьк И. Краткая историческая записка о происхождении и умножении горных заводов в России и о нынешнем их состоянии //] Горный журнал. — СПб., 1826. — Кн. 2. [— С. 9].

Огромные колокола, удивлявшие иностранцев, вылиты были при царях Михаиле и Алексее: 1622 г. *Реут* Андреем Чоховым, весом около 2.000 пудов¹⁰⁶, 1654 г. *Царь-Колокол* в 8000 пуд., после перелитый и повешенный на двух каменных столбах у церкви Рождества Христова в Кремле.

Замечательная по своей величине и красоте медная пушка 1617 г. *Царь-Ахиллес* была весом в 220 пуд[ов]¹⁰⁷ отлита Андреем Чоховым. При царе Алексее Михайловиче пушечный мастер Мартыян Осипов в 1670 г. вылил *Единогор* в 779 пуд[ов] и другие мастера – пушки меньшего калибра¹⁾.

Хотя горное дело получило уже свое начало в России в XV веке, однако постановлено на твердом основании Петром I, который послал в разные стороны своего государства мастеров из греков и немцев для отыскания руд и для устройства заводов¹⁰⁸. В 1701 г. им был учрежден в Москве Рудный приказ¹⁰⁹, а в 1519 г.¹¹⁰ вместо него в Петербурге *Берг-Коллегия* и тогда же издана Берг-привилегия, одно из коренных горных узаконений¹¹⁾.

В первые годы царствования Петра I-го литейное искусство не было успешным¹¹¹, но с 1701 г. появились замечательные произведения мастеров: Якова Дубинина, Карпа Осипова, Иосифа Балашевича, Логина Жихарева, Ивана Маторина, Семена Леонтьева¹¹².

Московские мастера, рассеявшись по России, выучили других своему искусству.

Кроме Пушечного двора в Белом городе, еще был основан в Земляном городе литейный завод Маторина, в приходе Сергия чудотворца в Пушкарях¹¹³. На этих заводах литы мастерами колокола и пушки.

На Пушечном дворе производилась неустанная работа своим чередом. Так кроме колоколов выливались пищали, пушки, мортиры, и мастера получали частые награды¹¹⁴⁾.

В 1717 г. Петр повелел слить для Новоспасского монастыря колокол в 1100 пудов. В это же время Иван Маторин вылил для Троице-Сергиевского монастыря колокол в 4000 пудов¹¹⁴ и в 1714 г. *набатный* из старого, почитаемого за *Вечевой* новгородский.

В 1760 г. Константин Слизов отлил большой *Успенский* колокол в 3551 пуд 4 фунт[а]¹¹⁵.

Указывают, что мысль о представлении света, овладевшая умами Европы, повлияла также на литье колоколов. С того времени раз-

1) *Снегирев* *Ив.* Памятники Московской старины. – М., 1842–45. С. LXX.

110) *Попов, Нил.* В.Н.Татищев и его время. – М., 1861. – С. 34.

111) *Астров, Ник.* Первоначальное образование Петра Великого // Русский архив. – 1875. – Кн. 2. – С. 468–470; Кн. 3. – С. 90–105.

меры их начали увеличиваться, и в XVI веке мы встречаем исполинские для того времени колокола.

Например, в 1530 году архиепископ новгородский Макарий, в память рождения Иоанна IV, соорудил для Софийской церкви колокол в 250 пудов, о котором летописец замечает: «Что тако николиже не было»¹¹⁶. В 1582 году¹¹⁷ литейщик Николай Фрязин¹⁾ слил в Москве колокол в 500 пудов, а в 1533 году, как было сказано выше, Николаем Немчиновым¹¹⁾ был слит колокол *благовестник* в 1000 пудов и поставлен на деревянную колокольную¹¹⁸.

Смуты в московском государстве в начале XVII века оставили на некоторое время деятельность литейного искусства, но со вступлением Романовых на Всероссийский престол оно опять возобновилось: тогда уже в России было больше русских, чем иностранных мастеров.

Изготовление колоколов, заимствованное нами из Германии, развилось и окрепло на русской почве, достигнув таких размеров, которое не наблюдается в Западной Европе.

Причину эту надо искать в религиозности нашего народа. Ему сразу пришелся по сердцу могучий звон церковных колоколов, он слышал в этом благовесте великий призыв Неба отречься, хотя на время, от земной суеты и тревоги.

Стройный церковный звон умиротворяющим образом действует на душу. Рассказывают, что Годунов, ссылая царицу Марию Нагих, мать царевича Димитрия, в Белозерский край, представил ей право самой выбрать место для жительства.

Плывя вверх по реке Шексне она услышала приятный серебристый звон Азарьевой пустыни, отстоящей от Шексны на пространстве трех верст. Этот звон до того понравился ей, что она решила поселиться около этой пустыни.

Когда она была вызвана в Москву, на свидетельство Самозванца, то прислала оттуда большой колокол, приятного серебристого звука¹¹¹⁾, с надписью ее имени. В сороковых годах, невсжественный церковный староста променял его на медь и слил из нее *новый* колокол несравненно, конечно, худшего достоинства¹¹²⁾.

¹¹⁶⁾ Карамзин Н.М. История государства Российского. – 2-е изд. – Т. VII. – СПб., 1819. – Прим. 383.

¹¹⁷⁾ Там же.

¹¹⁸⁾ Барсов Е.В. Из истории колонизации и культуры Ростовского края. – М., 1902. – С. 7.

¹¹⁹⁾ Барсов Е.В. Северные народные сказания [о древнерусских князьях и царях] // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. 2, № 9. – Царица Мария Нагих. – С. 410–411.

Употребление при церквях нескольких колоколов ведется еще из стари. Так, в Троицкой летописи под 1394 г. написано следующее: «Заложиша Псковичи перси у Крома, стену камену и колокольницу поставиша»¹¹⁹, что свидетельствует об употреблении нескольких колоколов. С течением времени число колоколов все увеличивали и увеличивали.

В XVI веке в Кремле считалось 35 каменных церквей, а всех в столице более четырехсот, кроме приделов, колоколов же не менее пяти тысяч, так что в среднем приходилось более 12 колоколов на каждую церковь¹²⁰.

Петрей, бывший в Москве при Годунове и после, пишет: «Церквей, монастырей и часовень в городе и за городом будто бы 4500, однако нет ни одной столь большой, как самая малая из немецких церквей; потому то можно за правду принять, что в некоторых церквях еле помещается пять или шесть человек. Однако не найдешь ни одной, где бы не висело по меньшей мере четырех или пяти, а в некоторых даже девяти или двенадцати колоколов, так что, когда они зазвонят все разом, то поднимается такой гул и сотрясение, что друг друга нельзя расслышать»¹²¹.

Архиепископ Арсений Елассонский, говоря о строительстве Бориса Годунова, пишет: «Он же (Борис Годунов) отлил два большие колокола, один для Москвы в патриархию, в который звонят в большие праздники, а другой в монастырь святой Троицы. Подобной величины колоколов и такой красоты нельзя найти в другом царстве во всем мире. Он возобновил и украсил девичий (Новодевичий) монастырь близ Москвы и совершил другие прекрасные дела и украшения»¹²¹.

Кроме Петрея и другие иностранцы, описывая Москву, говорили, что в часы праздничного звона не могли в разговоре слышать друг друга.

Принимая во внимание, что Москва в XVI столетии была еще очень невелика по занимаемой площади и не имела высоких зданий, задерживающих звуки, как это наблюдается теперь в больших городах, это указание иностранцев вполне вероятно. Да и колокола в это время достигали уже довольно значительных размеров.

Главный колокол, весом в 1000 пудов¹²², висел на деревянной колокольне среди кремлевской площади. Упомянутый выше Петрей вот что пишет об этом колоколе: «На ружейный выстрел от великокняжеского дворца на большой и широкой площади висит чрезвы-

¹¹⁹ *Петрей де Ерлезунда, Петр.* История о великом княжестве Московском / Пер. А.Н.Шемякина. — М., 1867. — С. 5–6.

чайно большой колокол, весом в 336 центнеров, вылитый еще при жизни Бориса Годунова, по приказанию этого государя; звонят в него в большие праздники, также когда приезжают из чужих краев послы и бывают допускаемы к Великому Князю»¹⁾.

В Musskow. Reise означен вес этого колокола: 120 Schiffpfund или 33.600 немецких фунтов. Миллер, ссылаясь на Адама Олеария и Бранд[т]а, ошибкою поставил 10.000 пудов вместо 1000 (см. его Versuch einer N.Gesch. V. R. 90)¹¹⁾.

Далее Петрей говорит, что «при реке Неглинной, протекающей городом, находится Великокняжеская литейная, где льют пушки и колокола¹¹¹⁾.

Во времена Самозванца, по словам польского писателя Маскевича, на одной только колокольне Ивана Великого находилось 52 колокола.

Вот, что он пишет про Ивановскую колокольню:

«Прочих церквей считается в Кремле до двадцати, из них церковь Св.Иоанна, находящаяся почти среди замка (Кремля) замечательна по высокой каменной колокольне, с которой далеко видно во все стороны столицы.

На ней 22 больших колокола, в числе их многие не уступают величиною нашему краковскому *Сигизмунду*, висят в три ряда, одни над другими; меньших же колоколов более тридцати.

Непонятно, как башня может держать на себе такую тяжесть. Только то ей помогает, что звонари не раскачивают колоколов, как у нас, а бьют в них языками, но чтобы размахнуть иной язык, требуется человек восемь или десять.

Недалеко от этой церкви есть колокол, вылитый для одного тщеславия, висит он на деревянной башне, в две сажени вышиною, чтобы тем мог быть виднее; язык его раскачивают двадцать четыре человека.

Незадолго до нашего выхода из Москвы колокол подался немного на литовскую сторону, в чем москвитяне видели добрый знак, и в самом деле вскоре нас выжили из столицы.

По свидетельству Олеария, сей колокол, вылитый при Борисе Годунове, имел весу 356 центнеров; звонили в него в большие праздники»¹¹⁴⁾.

¹⁾ *Петрей де Ерлезунда, Петр.* История о великом княжестве... С. 3.

¹¹⁾ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – Т. X. Прим. 454.

¹¹¹⁾ *Петрей де Ерлезунда, Петр.* Указ. соч. – С. 5¹²³⁾.

¹¹⁴⁾ Сказания современников о Димитрии Самозванце: В 5 ч. – Ч. 5: Записки Маскевича. – СПб., 1834. – С. 70–71, под годом 1611.

Теперь колоколов на колокольне Ивана Великого только 34. Общий вес их свыше 16.000 пудов. Одни из них замечательны древностью, другие красотой формы и отделки, своим звуком и прозванием, как-то: Реут, Лебедь, Медведь, Баран, Полиелейный и Голодарь, названный так потому, что в него звонят в Великий пост¹⁾, воскресный, будничный, праздничный, ясачный, глухой. Некоторые из них имеют свои названия от известной местности: Корсунский, Новгородский, Ростовский, Слободский, Татарин.

Приводим описания иностранцев, посещавших Москву. Все они удивляются обилию колоколов и их громадными размерами.

Барберини¹²⁴, бывший в Москве в 1565 году, говорит: «Церквей невероятное число, иные из них побольше, иные поменьше, каменные и деревянные; нет улицы, где бы не было нескольких, *так что в день Св. Николая и накануне множество звонивших колоколов были докучны и невыносимы*»¹²⁵.

Степан Какаш¹²⁶ (1602 г.) пишет:

«В городе более полутора тысяч церквей и монастырей, две из них построены в замке (Кремле), красивые, с семью прекрасными золотыми главами, стоящими нескольких бочек золота, с прекрасными большими колоколами, далеко превосходящими эрфуртский по величине и звучности»¹²⁷.

Посетивший Москву в том же 1602 г. принц Иоанн рассказывает:

«Выдавали за правду, будто в замке (Кремле) вместе с монастырем церквей и часовень (Capellen) всего тридцать пять. Некоторые из наиболее чтимых церквей стоят с вызолоченными башнями, высокими и круглыми: во-первых, одна с девятью вызолоченными, большими и малыми, другая – с пятью вызолоченными, и еще некоторые, имеющие вызолоченные башни.

При одной церкви отдельно была высокая прекрасная восьмиугольная башня, выбеленная, наверху вызолоченная, снабженная вокруг сверху до низу пролетами все увешенными большими и малыми колоколами, кои можно было все видеть снаружи.

Неподалеку от нее стояла большая, прочная деревянная башня, но невысокая, где висел прекрасный большой колокол, весом около 120 корабельных фунтов.

В колокол этот звонят, когда царь справляет торжество или празднует особенному святому и идет в церковь, а то и тогда, когда он выезжает в город; когда он принимает в замке чужеземных послов или веселится, звонят тоже в него (вместо литавр и труб) особенным радостным звоном.

В колокола звонят не полным размахом, как в Германии, но или их тихо раскачивают, так что язык легко ударяет в оба края, или же висят они спокойно, а о край ударяют языком за веревки»¹²⁸.

Далее, описывая площадь и храм, принц Иоанн говорит: «Здесь же около стоит высокая стена с несколькими арками, где висят двенадцать больших и малых колоколов»¹²⁹.

Де-Лемантиньер, описывая Москву, пишет: «Колокола Иерусалимской (церковь Василия Блаженного) церкви самые большие в мире; один из них, говорят, весит тридцать тонн, и когда в него звонят, можно оглохнуть, если стоять близко. Императору доставляет большое удовольствие слушать звон колоколов»¹³⁰.

В одной рукописи, писанной на сербском языке, принадлежащей Белградской народной библиотеке (№ 91), читаем: «Повесть житию од земле Москве; нека се знату двори цара Петра». В этой повести сообщаются удивительные сведения о России, между прочим там находим: «Московы имеют 12000 малых церквей, в которых служат попы и 13000 великих монастырей. Царь Петр имеет свою во имя св. Петра, о восемнадцати позолоченых главах; в нее он ходит молиться со своим двором («господом»). На церкви св. Иоанна находится три золотых купола. *Громадный колокол этой церкви имеет восемнадцать сажень ширины и четыре пяди высоты (глубины)*; когда приходится звонить в него, требуется много людей. Оберегают церковь две тысячи наемников»¹³¹.

Благовест в колокола при разных случаях производился по особому уставу. Москва была средоточием царской и святительской власти, и вещий голос ее колоколов был ей тогда понятен.

[Колокольный звон, его употребление и виды]

Вначале колокола разделяли на две категории: одни благовестили для созыва на службу, другие же имели назначение оборонять от демонов и их злых влияний; как для тех, так и для других были выработаны правила, по которым и совершался звон¹³².

Правила эти были различны для разных государств: например, римско-католическая церковь запрещала звонить в знак траура, греческая же, наоборот, такой звон разрешает. Так напр[имер], из летописи мы видим, что по случаю кончины царя Михаила Федо-

¹²⁸ Де-Ламантиньер П.М. [Путешествие в] северные страны[, в которых описаны нравы, образ жизни и суеверия... / Пер. и примеч. В.Н.Семенкович]. – М., 1911. – С. 137.

¹²⁹ Качановский В. Петр Великий в Сербии // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. XV, № 1. – С. 17.

ровича 1645 г. «весь тот день от преставления царского и до погребения благовест был в большой колокол»¹⁾.

В былине «Смерть Ивана Грозного» говорится, когда умер царь «как ударили да в большой колокол»¹¹⁾.

Иностранец Масс¹³⁾, бывший в Москве в смутное время, пишет: «На носилках принесли тело царевича Димитрия из Углича и на них же оно было положено в Архангельском соборе. Я не думаю, чтобы в это время в Москве был хотя один колокол, который бы не гудел. Люди были оглушены звоном в колокола, а как только мощи поставили в собор, так и стали происходить над некоторыми чудесные исцеления»¹⁴⁾.

В выписке о кончине Царя Иоанна Алексеевича говорится: «А до выноса тела Великого Государя из хором в церковь Архангела Михаила, на Ивановской колокольне был благовест, также и во время выноса тела его, Государя, к той церкви *был звон по обыкновенному чину тихогласно*»¹⁵⁾.

Встречать и провожать кого-либо колокольным звоном считается большой честью. Колокольным звоном встречают и встречали царей, патриархов и высших представителей церкви.

Известный переводчик и библиотекарь Императорской Публичной библиотеки, записавший много анекдотов из жизни Екатерины II, рассказывает такой случай:

При открытии губерний, по учреждению Екатерины, Калужскую губернию открывал генерал Кречетников.

Митрополит Платон, управлявший Московской и Калужской епархиями после долгих ожиданий получил от генерала церемониал открытия.

Митрополит согласился на все статьи церемониала, кроме одной: во время шествия наместника в церковь, производить во всех храмах колокольный звон.

Начались переговоры через чиновников – митрополит не соглашался. Приехал сам наместник, настаивал, убеждал. Митрополит не соглашался.

¹⁾ Летопись о многих мятежах [и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей... – 2-е изд.] – М., 1788. – С. 353.

¹¹⁾ Марков А.В. Беломорские былины, записанные А.Марковым. – М., 1901. – С. 195.

¹³⁾ Демьянов Г.П. Путеводитель по Волге. 2-е изд. – Нижний Новгород, 1894. – С. 48–49.

¹⁵⁾ Выписка о кончине государя царя Ивана Алексеевича // Собрание Государственных грамот и договоров[, хранящихся в коллегии иностранных дел. Ч. 1–2. – М., 1813–1819]. – С. 652

— Это почестъ, — говорил он, — воздается только царскому величю.

Дело сделалось без колокольного звона.

Несколько лет спустя, Кречетников и Платон, сближенные дружбой и взаимным уважением, свиделись как-то в Москве и в дружеской беседе вспомнили о прошлом.

— Да, есть, что вспомнить, преосвященный, — сказал Кречетников, — а вот чего вы не знаете: какая мне была назидательная отповедь. По открытии Калужской губернии, я приехал в Петербург с донесениями и отчетом. Императрица милостиво и благосклонно выслушала и изъявила мне свое благоволение. Потом сделала несколько разных вопросов, между прочим таинственно спросила:

— Да митрополит-то усердно ли вам содействовал?

— С полным усердием, ваше величество.

— Да не было ли с его стороны каких-нибудь странных желаний, например, не требовал ли он от вас пушечной пальбы, при выезде своем в город?

— Нет государыня.

Она все знала и нарочно обратила оружие свое на вас, чтобы больнее поразить меня.

— Я что-то такое слышала. Но согласитесь, что ведь это было бы так же смешно, как если бы вы потребовали, чтобы он сопровождал вас колокольным звоном¹⁾.

По уставу действенных чинов Успенского собора 1627 года, во время выезда государя накануне храмового праздника к вечерне в Введенскую, ныне упраздненную, церковь положен был трезвон во все колокола на Ивановской колокольне¹⁾.

Кроме того, в колокола звонили в особенных исключительных случаях. В летописях мы находим следующий довольно характерный эпизод: «Г. 1473... человек некий во граде Москве ходив по обыкновению к селу скудельничу, иже имеют граждане на погребение странным: имеют же обычай то погребение делать в Четверток седьмые недели по Пасце; тамо поют панихиды; и сей помянутый болен идяше и творя то, что и людие: стары ямы засыпая, а

¹⁾ Черты из жизни Екатерины II, [собр. М.Е.Лобановым] // Древняя и Новая Россия. — 1879. — Т. 1. С. 66–67.

¹⁾ [Скворцов П. Московская церковная старина. Уничтоженные в московском Китай-городе церкви //] Московские Церковные ведомости. — 1895. — № 42. — С.400. — [Материалы из Архива Московской Свят. Синодальной канторы 1737, № 166].

новы выкапывая, и нечаянно упал в тесноте народа, ибо нес из новой ямы на старую землю: оглох и онемел... и нача прикладываться ко всем гробам (в Успенском соборе), и яко же к Феогностову приложися и проглагола и прослыша и сказаша Митрополиту Геронтию и Великому Князю. *Они же неверием одержимы быша, не повелеши звонити и всему народу славити его*¹³⁴.

Отсюда можно заключить, что в таких исключительных случаях, как, например, проявление какого-нибудь чуда, когда оно было достаточно очевидно, звонили в колокола.

Это подтверждает следующее летописное указание: «1372 г. в Москве 15 авг. у гроба Св. Петра Митрополита прощен (исцелен) бысть некий отрок семи лет, зане не имяше руки, прикорчившися к персям, и тому сущу ему; егда же Митрополит Алексий скончеваше Литургию, тогда проглагола отрок и простресе ему рука. *То же видя, Митрополит повеле звонити*»¹³⁵.

В некоторых местах звонили во все колокола, когда вели на казнь преступников.

То же самое было и на Западе; там, как и у нас, казни преступников сопровождалась колокольным звоном.

Один из колоколов собора Лозаннской Богоматери носит имя «Милосердие». Это имя – почти ирония.

В то время, как преступник, осужденный на смерть, проходил длинное расстояние, отделяющее Лозанну от Выди – места казни, «Милосердие» напутствовало его своим могучим голосом.

На этом колоколе есть один барельеф, представляющий колени-поклоненную женщину на эшафоте.

Палач, держа ее за волосы, готовится нанести смертельный удар, в тот момент, когда ангел приносит ей помилование. Это изображение относится к происхождению колокола, пожертвованному, следуя традиции, знатной дамой, осужденной на смерть и получившей, благодаря этому подарку, изменение наказания.

Событие произошло около 1518 г., дата, обозначенная на колоколе, со следующей надписью:

«Народы, хвалите Господа под звон звучных цимбал. Хвалите Его с праздничными инструментами. Пусть каждый хвалит Господа!»

Во многих городах есть колокола, посвященные для той же цели, что и лозаннское «Милосердие»; их называют то колоколом «преступников», то колоколом «безчестия». Бернский колокол интересен тем, что внутри содержит настоящую «красную книгу», так как, имена несчастных, сопровождаемых похоронными звуками тоски и смерти, выгравировывались по мере того, как их казнили.

Надпись Веронского колокола не ограничивается тем, что возвещает о казни виновных; она говорит еще о том, что колокол предупреждает об ужасном конце тех, которые могли бы соблазниться оставить праведный путь, чтоб идти преступным путем: «Я возвещаю казнь виновным и я предупреждаю имеющих надобность в этом уроке, чтобы они не увлеклись побуждением к преступлению».

18 марта 1511 г. рыцарь *François d'Arient*, бывший *Avoyer de Fribourg*, был несправедливо осужден на смертную казнь за измену отечеству.

После чтения приговора, несчастный был публично лишен знаков дворянства и отличий рыцарства. Его одели в белое платье и повели на казнь босоногим, чего он сам хотел, желая в этом подражать Господу.

В продолжение этого мрачного шествия, коллегиальный колокол все время звонил; по этому поводу Aushelm замечает, что никогда этот колокол не служил для подобного употребления.

В Англии казни производятся всегда при похоронном звоне специального колокола. В Женеве еще в XVIII веке, наказания за преступления второй важности происходили под звон колоколов; как доказательство, приведем здесь несколько строчек из консульского Регистра от 28 июля 1702 г.: «Gabriel Grosyeux, парижский сапожник, обвиняемый в том, что укусил и отрубил палец у другого сапожника, искупил свою вину здесь, при открытых дверях, на коленях в госпитальном дворе, при звоне колокола, наказанием кнутом, и 20-ю эку в пользу пострадавшего и судебных издержек, и, кроме того, будет изгнан из города и страны под страхом наказания кнутом».

Во многих швейцарских кантонах преступники, осужденные в каторжные работы, выполняют свои работы публично; их употребляют для чистки улиц и на земляные работы; эта организация называется *Schellenwerk*. Немецкое слово означает собственно «работа под звон колокольчика», потому что осужденные носили железное кольцо, сзади которого был укреплен вертикальный прут, переходивший через голову и на конце у него находился колокольчик.

У древних, некоторые преступники были отводимы на казнь с колокольчиком на шее. Magius дает нам по этому поводу изображение, где несчастный осужденный идет, подгоняемый плетью палача, неся на шее злополучный колокол, звон которого предупреждает толпу, чтобы она не приближалась и не осквернялась таким образом лицемерием или прикосновением к существу изгнанного из человеческого общества.

Розги и колокол, предметы употребляемые в главных наказаниях, привешивались к колеснице триумфаторов, чтобы напомнить

последним о непостоянстве фортуны и превратности человеческой судьбы.

Père Marin Mersenne de l'Ordre des Minimines в своей книге, озаглавленной «Всемирная гармония», говорит, что Афиняне так же, как и Римляне употребляли колокола, чтобы возвестить час, когда преступники были отводимы на казнь, чтобы тени и призраки удалились с пути следования преступников.

Звонили в колокола и тогда, когда крестили иноверцев. Вот как об этом рассказывает летописец: «Тое же осени приехаша на Москву 3 Татарина, ко Князю Великому в ряд рядишася, и биша ему челом, хотяще ему служити, иже беша почести и знакомити двора Церева – и восхотеша креститися. Киприан Митрополит приими я, нача учити, и облечеса сам во вся своя священные ризы и со всем своим Клиросом бело образующим и *позвониша во вся колоколы* и собрася мало не весь град и снидоша на реку Москву...»¹⁾.

В летописи под 1382 г. говорится: «В Москве сотвориша вече, позвониша во все колокола»¹³⁶. В Новгородской летописи, где рассказывается про битву князя Михаила Ивановича Воротынского с царем крымским, летописец замечает: «И того же дни в Новгороде звонили по всим церквам весь день в колоколы, и до полуночи звонили и молебны пели по церквам и монастырям всю ночь (2 Новг. лет. 1572 г.)»¹³⁷.

Затем далее, когда наши воеводы победили крымцев, то «государь жаловал воевод добре, и звонили в колоколы того дни у Софии Премудрости Божии много»¹³⁸.

В Петербурге, во вторую половину царствования Николая Павловича и позднее, колокола звонили как-то застенчиво, и на Невском громкий звон раздавался только от Армяно-Грегорианской церкви. Уверяют, что это ослабление колокольного звона было делом человекоугодия: чтоб не пугать болезненную Государыню. Конечно, императрица Александра Федоровна огорчилась бы, узнав о том, так как она отличалась живым православным благочестием, и в ее спальне находились портреты Филарета и Серафима Саровского¹⁾.

С воцарением Александра Александровича развязаны колокольные языки, а на церкви Аничкова дворца колокола звонят по старине, музыкально.

¹⁾ [Полное собрание русских летописей. – Т. 1: Лаврентьевская и] Троицкая летописи [/ Изд. Археографич. комис. – СПб., 1856]. – Год 1393.

¹⁾ Б(артенев) П. Рецензия о первом издании книги Н.Оловянишникова «История колоколов... [Ярославль, 1906/7]» // Русский архив. – 1907. – Кн. 3, № 10. – С. 2–3 облож.

В Троицкой Лавре находится письменный устав звонам¹³⁹. В России существует до настоящего времени подразделение колоколов: в одни звонят лишь по праздникам, в другие по будням. Обыкновенно звон состоит из большого колокола или благовестника, полиелея малого или будничного, ясака и зазвонных.

Устав определяет характер звона в известные дни: так, например, благовест к великопостному служению бывает *косный* и *медленный*, а в большие праздники – более продолжительный и менее косный.

Иногда уставом определяется и самый колокол, в который надлежит благовестить: так, в постные дни Великого поста благовест производится в средний простодневный колокол, а в Пасху «*ударяют в великий кампан*».

В некоторых случаях церковный устав определяет даже и количество ударов в колокол, например, при начале третьего часа «кандиложигатель, взем благословение у настоятеля и сотворив поклон, изшед ударяет в кампан трижды, а перед великим поверием бьет в било 12 раз».

В Киево-Печерской лавре, по пустынному обычаю, звону предшествует ударение в било. В летнее время к заутрени звон бывает двенадцать часов ночи, а зимою в два часа пополуночи¹⁾.

На девятой песни канона пономарь бьет в железное било вне церкви, по обычаю восточных обителей, в честь Пресвятой Богородицы, да и находящаяся братия в послушаниях восхваляет Ее совокупно с поющими. Таковое ударение в било к Честнейшей на девятой песни ежедневно на утрених совершается¹¹⁾.

В Серпуховском Владычнем девичьем монастыре существует например такой устав: в четвертом часу пополуночи, а в воскресенье и праздничные дни в третьем часу, две будильницы обходят все келии, начиная с настоятельской, – у дверей каждой творят молитву и, заключив ее словами «*пению время, молитве час*», отправляются далее. Между тем, после трех ударов в *повесточный* колокол, – монастырское било пробуждает тех, которые, вследствие дневных трудов, будучи обременены сном, не могли слышать голоса будильниц: *колотайщица* обходит с билем вокруг всех келий, и когда обойдет все, на колокольне начинается благовест¹¹¹⁾.

¹⁾ Захарченко М.М. Киев теперь и прежде. – 1888. – С. 127.

¹¹⁾ Мельхиседек (Сокольников), архимандрит. Краткое историческое описание Рыхловской пустыни. – М., 1844. – С. 54.

¹¹¹⁾ Рождественский В.А. Историческое описание Серпуховского Владычного общежительного девичьего монастыря. – М., 1866. – С. 106.

У нас при церквях обыкновенно бывает несколько колоколов и они различаются между собою своею величиною, силою звука. Не во всех храмах, но в очень многих, различаются следующие колокола: 1) праздничный; 2) воскресный; 3) полиелейный; 4) простодневный, или будничный; 5) пятый или малый колокол. При этом бывает несколько маленьких (завонных) колоколов различной величины¹⁴⁰.

Самый звон в колокола бывает неодинаков. Звон соответствует службе. Иной звон бывает при службе праздничной, иной – при будничной, иной – при великопостной, иной – при некоторой заупокойной.

Главным образом различаются два рода звона: *благовест* и собственно *звон*. Благовестом называется тот звон, при котором ударяют в один колокол, или в несколько колоколов, но не все вместе, а по очереди в каждый колокол. В последнем случае благовест называется «*перезвоном*» и «*перебором*»¹⁴¹.

Слова «благовест» нет в Типиконе; в нем для означения благовеста употребляются слова: бить, клепать, знаменать, ударять; название же «благовест» весьма хорошо соответствует церковному звону.

Собственно звоном называется тот звон, при котором ударяют в два и более колоколов вместе.

В грамоте Новгородского Митрополита Корнилия (1692 г.) читаем: к божественным службам *благовестити* и сперва в *один колокол*, по благовесте же в подобное время *звонити* в рядовые дни в *два колокола*, а в воскресные дни и Господские праздники и нарочитых святых *благовестити* и *звонити* по уставу¹⁾.

Когда звон в несколько колоколов бывает в три приема, тогда он называется *три-звоном* или *трезвоном*. *Ударяют во вся кампаны и клеплют довольно три звоны*. (Тип., послед. пасхи, утренняя): «Трезвон в двой», т. е. в два колокола (Тип., часы в вел. среду). «Трезвон во вся» (хромовая 35 глава в Типиконе).

Благовест в продолжение дня бывает три раза к общественному Богослужению: к вечернему, утреннему и дневному. Ибо хотя в православной Церкви считается девять всedневных служб общественного Богослужения (вечерня, повечерие, полунощница, утренняя, 1-й, 3-й и 6-й часы, литургия, 9-й час), но в приходских церквях в большую часть года они совершаются по три вместе, именно: 1) 9-й час, вечерня, повечерие. 2) Полунощница, утренняя и 1-й час. 3) 3-й и 6-й часы и литургия. В монастырях эти службы иногда совершаются отдельно между собою, и к ним бывает особый звон. Так, кроме ве-

¹⁾ Акты исторические. – СПб., 1842. – Т. V. – № 213.

черни, там бывает особый звон к повечерию. Типикон указывает все случаи, когда и как надо звонить.

Кроме церковного назначения при храмах, колокола имеют и иное употребление, так они в сельских церквях служат для путешествующих спасительным звоном. Постановлено: 1) производить в селах, во время вьюг и метелей, днем и ночью, по согласию сельского начальства с церковным причтом, до тех пор, пока не стихнет буря, охранительный для путешествующих метельный звон, который для отличия от церковного благовеста и от пожарного набата, должно производить не постоянно, но прерывисто, с некоторыми промежутками времени; 2) производство сего звона должно быть возложено на церковного сторожа, в помощь которому местное сельское начальство обязано назначить несколько человек (Ук. Св. Син. 1851 г. сент. 15; также Опред. Св. Син. 10 янв. 1877 г. Ц. В., № 4 Снес. Собрание мнений, отзывов Митропол[ита] Филарета, том дополнительный, стр. 257).

Но есть и такое приказание, чтобы в церквях священно- и церковно-служители в случае драк к набатным тревогам никого не допускали, и для сего делали бы затворы крепкие на колокольную (Ук. Св. Син. 1771 г., окт. 7).

В 1750 г., декабря 18, Указом Св. Синода назначен был блавест на московской Ивановской колокольне к преподаванию народу Катехизиса в московских — Успенском, Архангельском и Благовещенском соборах. Блавест¹⁾ должен быть полчаса — затем перестать во время учения Катехизиса и опять начаться к литургии¹¹⁾.

Первое упоминание о звоне колокольном во время коронации находим в описании венчания на царство царя Феодора Иоанновича. В этом описании говорится, что «воины едва могли очистить путь для духовника Государева, когда он нес *при звоне всех колоколов* из царских палат в храм Успения святыню Мономахову»¹¹¹⁾.

Далее, во время коронования царя Михаила Феодоровича сказано, что «звонили во все кремлевские колокола» и что после коронации «пиры, милостина, *колокольный звон* и веселье продолжалось три дня»¹⁴²⁾.

¹⁾ [О преподавании народу перед литургиею Катехизиса в Московском Успенском, Архангельском и Благовещенском соборах: Указ Синода от 18 декабря 1750 г. / Сообщение П.Иванова //] Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн.3. Смесь. — С. 3–4.

¹¹⁾ Никольский К. Пособие к изучению Устава Богослужения православной церкви. 5-е изд. — СПб., 1894. — [Колокола]. — С. 31–44.

¹¹¹⁾ Крылов, Иван. Историческое описание всех коронаций великих князей и царей Российских. Ч. II. — М., 1856.

Точно также, при описании венчания на царство Алексея Михайловича, летописец говорит: «Когда отошли ночные часы и *торжественно заблаговестили* на Иване Великом к царскому венчанию, патриарх Иосиф, в лучшем клобуке, украшенном золотом и драгоценными камнями, в богатой мантии, шествовал в Успенский собор».

При короновании царей Иоанна и Петра Великого сказано: «Сопровождаемый священным пением и колокольным звоном, патриарх вошел в Успенский собор».

Во время коронования императрицы Екатерины первый колокольный звон производился три раза. «В начале девятого часа утра на Иване Великом начали благовестить в один большой колокол». Затем «раздался залп из пушек и ружей и блавест во все колокола обыкновенный к литургии». После этого в описании говорится: «Как скоро вышла Государыня из церкви, то в третий раз зазвучали колокола и загремели орудия».

Подробное положение о колокольном звоне во время коронации находим в церемониале венчания на царство Государя Императора Александра II.

После торжественного выезда Государя в Кремль «последует 101 выстрел из пушек», во всех церквях начнется колокольный звон, *«продолжающийся во весь день»*.

«Накануне коронования в четыре часа пополудни, по всем церквям отправлено будет молебствие *со звоном*, а ввечеру всенощное бдение. В самый день коронования по сделанному в семь часов утра из поставленных на площади и кремлевских стенах пушек сигналу, 21 выстрелом, начнется от Успенского собора Блавест».

Далее «с выступлением процессии из дворца начнется звон во все колокола». После возложения венца, пение *«Многая лета»* сопровождается звоном во все колокола. Затем после пения *«Тебе Бога хвалим»* вновь раздается колокольный звон. После этого звон будет производиться после принятия Миропомазания и во время обратного шествия из собора, и наконец «первые три дня по коронации быть колокольному звону и иллюминации».

Прежде на Западе у католиков, в дни страстной недели, когда колокола в знак скорби умолкали, для созыва молящихся употребляли особые ручные деревянные *трещетки-колотушки*.

В Риме на эти дни замолкал и бой часов, и мальчики с трещетками в руках, бегая по улицам, извещали треском время. Этот обычай был распространен и в некоторых католических городах Германии.

Во время запрещения «Interdikts» звон приостанавливается и даже Kanonischenstunden не должны были вызванивать, только иногда разрешалось звонить к проповеди утром, в обед и вечером.

Первые упоминания о подобном запрещении встречаются с первой половины XVII века.

В народе существует предание, что колокола у отлученной церкви сами теряют свой звук, который возвращается к ним только после снятия запрещения.

Точно так же и у нас в некоторых случаях запрещался колокольный звон. Запрещение это было вызываемо каждый раз исключительными обстоятельствами.

В самое последнее время, по поводу дела епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора. Телеграфным приказом из Саратова епископа Досифея Свято-Духовский монастырь закрыт. Церковная служба теперь совершается исключительно для монахов. *Монастырю запрещено даже звонить в колокола.*

В 1838 году Государь Николай Павлович повелел отобрать всех беглых священников, где бы они ни были — при церквях ли, или часовнях у старообрядцев, и всех их возвратить в те епархии, из коих они самовольно отлучились, церкви их закрыть и *звон уничтожить*. Высочайшая воля эта со всею строгостью была исполнена¹⁾.

Протоиерей Верховский рассказывает о том, какое впечатление произвело его открытие старообрядческой церкви, когда он с этой специальной миссией был послан в посад «Чуровичи». Вот что он говорит: «Пойдемте-ка в церковь и пусть отец Петр отслужит молебен, а мы помолимся с чуровцами Богу». — Все засуетились... Старосте сказал я: «Послушай, друг любезный, ступай в церковь, отопрй ее и заставь звонить, а мы вслед за тобою все придем». «Да где же ваши певцы-то?» — сказал я собранию. Мне отвечали, что вот их двое, и у нас более нет. — Да с нас, — отвечал я, — довольно и двух. — Мы пошли в церковь, а за нами двинулись и все, бывшие в собрании, включая и любопытных, собравшихся в церковь и из домов своих. Остановившись на паперти, под колокольной, где над дверями церковными был образ Успения Божией Матери, я молился дотол, пока не начался трезвон, который замедлился по причине привязывания к языкам колоколов веревок, *отрезанных с 1838 г. по распоряжению начальства.*

Едва ударили в большой колокол и произвели звон во все колокола, как некоторые женщины и девицы упали на пол и подняли вой. — Что это вы делаете, негодяйки? Я прикажу вас всех перевя-

¹⁾ Верховский Т.А., прот. Стародубье. — Казань, 1874. — Ч. 1—3. С. 7.

зять... — Как по команде фанатички проворно все встали. Эта история не имела дурных последствий, а скорее всех только рассмешила...¹⁾

Когда начинать звон в колокола во время богослужения, обыкновенно дается сигнал в маленький колокол — *ясак*¹⁴³.

Об употреблении таких колоколов находим следующее летописное указание: «Да того же лета, за святою Софией за алтарем Аким и Анны колокол новый на брусу повесили, повешать сторожам Софийским, как звонить в другие колоколы в большие, да того же лета на колокольницы на Софийской поставили семь колоколов меньших»¹¹⁾.

Кроме того, колокола носят еще следующие наименования: повестка, шестерик дневной, постовой, подзвонник, перечасный, боевой.

На Афоне в алтарях есть звонок церковный, имеющий форму опрокинутой чашки с молоточком сверху, в роде наших комнатных колокольчиков, который там называется греческим словом — *кодон*. В него ударяют три раза после совершения проскомидии, тогда братия, стоя каждый на своем месте, скинув клобуки и наклоняясь, поминает своих родных — живых и усопших, а служащий в алтаре вынимает части.

В ризнице Софийского собора находится небольшая металлическая *кандия* в виде чаши. Вокруг поддона находится надпись: «Лета 779¹⁴⁴ (1541 г.) поставил сию кандию в дом святому Николы на Боровно старец Андрей».

При кандии небольшой железный язычок для удара, которое совершалось в старину, например, во время чтения Евангелия в первый день Пасхи.

В письменном уставе XVII века Софийского собора на Св. Пасху сказано: «И на всяком возгласе протодьяконов Евангелия ударяют в кутейнике по одиночи в каждого и в вестовой колоколец»¹¹¹⁾.

[Освящение колоколов. Колокольные имена]

Перед повешением колокола на колокольню его освящают. Обряд освящения так же стар, как и употребление колокола при церкви. На Западе уже во время Григория Великого¹⁴⁵, которому припи-

¹⁾ *Верховский Т.А., прот.* Стародубье. — Казань, 1874. — Ч. 1–3. С. 77–78.

¹¹⁾ [ПСРЛ / Изд. Археографич. комис. Т. 3.] Новгор[одская] втор[ая] лет[опись]. — СПб., 1841. — С. 193.]

¹¹¹⁾ *Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях [Ч. 1–2. — М., 1866].

сывают введение колоколов при церквях, обряд освящения колокола был уже почти выработан. В то время воображали, что обрядом освящения даруются колоколу особые способности и сила, которые не имеются без освящения.

Подобные суеверные представления о священном колоколе и злоупотребления, связанные с этим, вынудили Карла Великого в 789 г. запретить обряд освящения.

В католической же церкви обряд освящения постоянно существовал; она не стремилась разубедить народ в неправильности взглядов на этот обряд, наоборот, старалась вселить в нем церемониалом разные суеверия, приписывая освященному колоколу силу укрощения злых духов бури, грома и т. п.

Наш простой народ говорит, что колокол вызванивает души из ада. Он также издревле верит, что где звонят в колокола, оттуда злые демоны, враждебные святости и миру, волей и неволей удаляются, бегут, сами отступают¹⁾.

Некогда колокола в католических странах играли роль в тайных науках. Искусство предсказания будущего по их звону есть одна из самых неизвестных и заброшенных областей оккультизма.

Книга *Левита* формально запрещает трогать с целью гадания священные колокола.

Точно также у католиков существует примета: если увидеть во сне качающийся колокол – значит несчастье, перезвон – предрекает клевету, падающий колокол – душевное расстройство, лопнувший – огорчения и страдания.

Кроме того, у них каждая часть колокола имеет определенное символическое значение. Согласно *Дюран[у] Гильому* твердость металла означает силу проповедника; удар языком о края выражает ту мысль, что проповедник должен бичевать сам себя, чтобы исправить свои собственные пороки, прежде чем упрекать других за грех. Деревянная балка, к которой подвешивается колокол, самой формой своей представляет крест Христов, а веревка, которой его раскачивают, аллегорически изображает знание писания, которое вытекает из самой тайны Креста.

Более древние знатоки литургии открывают нам почти такие же символы.

Жан Белет, живший в 1200 году, объявляет также, что колокол есть образ проповедника и прибавляет, что его качания, когда он приведен в движение, учат, что священник должен то повышать, то понижать свою речь с целью сделать ее доступнее толпе.

¹⁾ Корсунский Н. Благовест. – Ярославль, 1887. – С. 40.

Для Гюго язык колокола есть язык священнослужителя, уда-
ряясь об оба края, он возвещает истины Ветхого и Нового завета;
наконец, если обратимся к древнейшему, быть может, знатоку ли-
тургии *Фортунату Амалеру*, мы найдем, что тело колокола озна-
чает уста проповедника, а удары их – язык его.

У нас при освящении колокола читается: «О еже гласом звенения
его утолитися и утишится и престати всем ветром зельным, бурям
же, громам и молниям всем вредным безвредиям и злорастворенным
воздухом. О еже отгнати всю силу коварства и навета невидимых
врагов от всех верных своих, глас звука его слышащих. Кампан сей
благослови и освяти и влей в он силу благодати Твоея. Яко да услы-
шавше вернии раби Твои глас звука его, в благочестии и вере укреп-
нятся и мужественно всем диавольским наветом сопротивостанут».

Что касается имен, даваемых колоколам, то стали их давать
лишь с употреблением при церквях нескольких колоколов, для от-
личия одного от другого. Что имя, даваемое колоколу, ничего об-
щего с обрядом освящения не имело, доказывает то, что и китайцы
давали имена колоколам.

Имена колоколам начали давать с XIII столетия; так, в Устюж-
ском рукописном летописце сказано: «Князи Ростовские, Дмитрий
и Константин Борисовичи, послали из Ростова на Устюг Великий
архиерея Тарасия, ради освящения соборныя церкви Успения, а с
ним образ пресв. Богородицы Одигитрия, *да колокол Тюрк*»¹⁴⁶.

Первоначально на Западе давали колоколам лишь мужские име-
на, затем стали давать и женские, но потом мужские имена попа-
дались редко.

Иногда имена уступали место прозвищам. Этамп владеет коло-
колом, пожертвованным церкви в 1400 году герцогом Жаном Бер-
рийским, на котором можно прочесть следующую надпись: «Мария,
прозванная Жаном, герцогом Беррийским, «*Толстушкой*» («Marie
au nom et (fus) nommée la grosse engrassée par jean duc de Berry»)).
В Св. Морисе Анжерском, маленький серебряный колокол, в кото-
рый звонили только на масленице, был поэтому прозван *Haraïnier*
(от слова *Hareng* – Селедка)¹⁾.

В Юрьевском монастыре в Новгороде находятся колокола, нося-
щие следующие имена: *Гавриил* в 267 пуд[ов], *Георгий* в 523 пуд[а],
Крест в 1400 пуд[ов] и *Неопалимая Купина* в 2100 пуд[ов].

Первый, положивший начало крещению колоколов, был папа
Иоанн XIV, давший в 968 г. колоколу имя «*Johannes*».

¹⁾ *Havard, Henry*. Les Bronzes d'Art et d'Ameublement. – [Paris, 1897]. La
page 102.

[Крещение колоколов]

В XII столетии на Западе колокола крестили подобно младенцам, приглашали восприемников – мужчину и женщину, которые, держась за веревку, обвязанную вокруг колокола, повторяли за священником имя колокола, затем надевали на него крестильную рубашку. После крещения восприемники устраивали праздничный обед и делали церкви подарок, почему обыкновенно восприемниками приглашались люди богатые. Имена восприемников вырезались иногда на колоколе.

Все предметы, каковы бы они ни были, предназначенные для употребления в обиходе католической религии, всегда готовятся к священному их употреблению специальным освящением. Колокола не составляют исключения из этого общего правила и определено включают их в категорию священных предметов.

Многочисленные подробности этих богослужебных церемоний своим высоко-символическим характером указывают на все то религиозное значение, которое церковь признавала за колоколами.

Прежде всего священнодействующий опускает в воду предназначенные для помазания колоколов соль и масло, чтобы обозначить этим христианскую мудрость и кротость.

Затем священник, обмыв колокол внутри и снаружи, обращается к Богу с горячей молитвою о том, чтобы Он даровал колоколу силу призывать верующих в святой храм, отвращать от них опасности, которые могут им угрожать и переносить к Богу молитвы верующих в него.

Помазание делается священным елеем – семь раз снаружи и четыре раза внутри колокола. Священник делает эти помазания в форме креста, в то же время обращаясь к небу с новой мольбой: «Удостой, Господи, освятить и благословить во славу Твоего имени этот колокол чрез это помазание и наше освящение».

После этого колокол окуривается ладаном; затем сообщают голос колоколу, т. е. после наречения имени, которое отныне он должен носить, священник, крестный отец и крестная мать ударяют в него каждый по три раза.

Освященные таким образом и сделавшиеся предметами священного почитания, колокола заботливо покрываются полотном или даже драгоценными покрывами, которые остаются на них до того момента, когда колокола окончательно будут помещены на место.

Этот обычай освящать колокола по обряду твердо установленных религиозных церемоний восходит до глубокой древности¹⁾.

¹⁾ *Havard, Henry. Op. cit.*

Даже французская революция, эта неумолимая разрушительница колоколов, прежде чем уничтожить последние колокола, иногда хотела создать род светского крещения, что можно заключить из надписи, которую носит на себе один из колоколов в Брейле.

Вот эта надпись: «1793 г. II месяц революции. Я был благословлен гражданином Филиппом Мишелем, крестным отцом я имел гражданина Франца Шарлэ, городского чиновника и фермера из Монтральтена. Крестной моей матерью была гражданка Мария Монфокон, жена гражданина Гильома Монфокон, фермера из Моранда. Граждане Жан Венсена и Матюроль Кретьен при этом присутствовали. Заводчик Вилегьдье Лазарь Луазо, собственник Филипп Шолио».

Назначение колокола это – проповедь, и вот почему его всегда сравнивают с проповедником.

Бэд Венерабль в VII веке утверждает уже, что когда миссионеры основывались в неверной стране, то после постройки какой-нибудь часовни они заботились о том, чтобы богато снабдить ее колоколами или колокольчиками, серебряный звон которых раздавался бы по языческой стране, как слово проповеди и призыв к обращению¹⁾.

Что обычай окрещения колокола сохранился во Франции до настоящего времени, видно из дела постройки нового колокола для церкви «Sacré Cœur de Montmartre» в Париже. Колокол этот был отлит 13 мая 1891 г.; привезен к церкви 13 октября 1895 г.; крещен 20 ноября 1895 г. кардиналом Richard'ом; повешен окончательно на колокольню 13 марта 1907 г. Восприемником был архиепископ из Шамбери. Крестной матерью графиня Ernest de Voigne, рожденная Labran-Pontevés. Вес колокола 18,835 кг; вес языка 850 кг. Приспособление 6,530 кг. Всего 26,215 кг.

Протестанты вместо крещения колокола читают перед ним проповеди на тему о значении колокола в жизни человека: колокол оповещает о радости, о горе, о важных событиях жизни и переход из одной жизни в другую.

В последнее время из западных церквей одна англиканская оставила обычай народно-религиозного празднования при приобретении нового колокола, заимствованный ею еще от католиков.

[Колокола и чудеса]

Колоколам часто приписывали чудесные события: при необыкновенных случаях они сами звонили. Так например, в летописи мы

¹⁾ *Donnet, Fernand. Les cloches d'Anvers. Les fondeurs Anversoises. — Anvers, 1899.*

находим следующее: «В 1372 г. у Св. Спаса в Новгороде в Нижнем колокол болний позвонил сам о себе трижды»¹⁴⁷.

Под 6917 (1409) годом в летописи говорится: «Того же лета в Новгороде Великом, в церкви святого Михаила звук был в маковнице по два дни»¹⁴⁸.

В летописи есть такое указание: в 1091 г. разыскивали мощи св. Феодосия, так как братия Печерского монастыря не знала места, где он был положен.

Долго копали в разных направлениях, но никак не могли найти и решили, наконец, ударить в било, и «егда удариша в било, видеста три столпа ако дуги зарны, и стоявше придоша над верх церкви, идеже положен бысть Феодосий»¹⁴⁹.

В Хутынском монастыре 1470 г., перед покорением Новгорода Иоанном III, Херсонские колокола¹⁴⁹ не трогались с места, когда их хотели перевезти из одного города в другой, и сами собой издавали печальный звук. Звон Троице-Сергиевских колоколов дважды заставлял литовцев прекращать осаду монастыря.

Летописец рассказывает, что: «Князь Александр (Васильевич Суздальский) из Володимера Вечный колокол св. Богородицы возил в Суждаль, и колокол не начал звонити, яко же был в Володимере; и виде Александр, яко сгрубил св. Богородицы, и повем его паки везти в Володимер, и поставиша его в свое место и паки бысть глас, яко же и прежде богоугоден»¹⁵⁰.

В известной легенде о «Великом Китеже» говорится, что до сих пор в глубине озера можно видеть церкви Божии, монастыри и ясно слышать звон колоколов.

В селе Ратьмир, Коломенского уезда, рассказывают, что в прежние времена произошел провал, поглотивший церковь вместе с колокольной. На этом месте теперь болото. Только недавно, по рассказам стариков, перестал слышаться из этого болота звон прежнего колокола.

Предание о провале должно принадлежать самой глубокой древности, ибо один из нынешних колоколов этого села старше многих московских. На нем вылиты крокодилы и единороги, а кругом, пониже ушей, сохранилась следующая надпись: «Лета 7065 [1557], Марта 12, на память преподобного отца нашего Феофана, при державе Царства Великого Князя Ивана Васильевича Всея Руси, и при Архиепископе Пимине Великаго Нова-города и Пскова, а лил колокол Иорь Иульян».

¹⁴⁷ Полное собрание русских летописей. — Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи / Издан. Археографич. комис. — СПб., 1846. — С. 90.

Иванчин-Писарев при описании этого колокола говорит: «Эта надпись выводит загадку о прежней значительности села Ратьмира, о соотношениях его с Новгородом и о судьбе колокола.

Не увезен ли был этот колокол в 1570 году вместе с несколькими новгородцами царем Иоанном IV, по совершении им губительного путешествия в этот город и его область, которых храмы были им обобраны? История повествует о снятии им колоколов. Тогда и означенный святитель сделался жертвою царского гнева. Не принадлежал ли тогда Ратьмир одному из важных опричников, и этот новгородский благовестник не был ли даром Иоанна? Он пережил несколько здешних деревянных колоколен: последняя построена вместе с храмом в 1779 году»¹⁾.

Эти соображения о судьбе колокола кажутся нам довольно сомнительными, так как до покорения Новгорода имя Иоанна Васильевича никогда не ставилось на новгородских колоколах¹⁵¹.

Из летописи Раифской пустыни в Казани видно, что еще и прежде водворения в ней отшельников происходили некоторые чудеса. Некто из братии, выходя однажды из кельи, увидел благословляющую из светлого облака руку, другие слышали звон колокольный¹¹⁾.

Известный исследователь, архимандрит Леонид, рассказывает о чрезвычайном происшествии в Цареконстантиновом монастыре¹¹¹⁾.

Наместник Зосима консистористам объявил следующее. «Сегоде 9 числа, в отдачу ночных часов, по утру, реченного Царя-Константинов монастыря служители Иван, Яков, Лев, Яков Степанов, Иван Фролов, пришед к нему Зосиме в келью, объявили ему словесно: как-де шли они из домов своих к нему настоятелю в келью, по званию его, за монастырскими нуждами и по входе ко вратам монастырским послышали колокольный звук и, остановясь, стали слушать, откуда он происходит, понеже-де в том монастыре и в приходской в селе Добром, состоящей близ того монастыря церкви, такого звона не имеется.

И вошед на той монастырь, услышали в самых святых вратах колокольный звук, якобы в разные колокола с перебором толстых и тонких голосов произносится.

¹⁾ Иванчин-Писарев Н. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. — М., 1843. — С. 21–42.

¹¹⁾ Рыбушкин, Мих. Краткая история города Казани. 2-е изд. — Казань, 1850. — Ч. II. С. 121.

¹¹¹⁾ Цареконстантиновский (с 1844 г. упраздненный) монастырь находился в 25 верстах от города Владимира на Клязьме.

По которому их объявлению он наместник призвал того монастыря иеромонаха Иннокентия и монаха Мартирия, во святых врата ходили и оной созвук слышали, который в тех святых вратах из-под земли явственно, яко-бы больших и малых колоколов перебором слышан был с великим звуком, на который звук уведомясь о том друг от друга приходили к тем святым вратам, как и в учрежденной в часы монастыре следственной комиссии обретающиеся у правления дел писцы и караульные, и того монастыря служители и вотчины онаго монастыря упоминаемого села Доброго священник Степан Петров, и того села староста и сотский со многими крестьяны, тот звук происходящий в святых монастырских вратах, явственно слышали.

А потом, по данному от него Зосимы известию, приехали в тот монастырь имеющиеся в реченной комиссии в присутствии Владимирской семинарии учитель, Богородицкого монастыря настоятель Палладий, Боголюбова монастыря иеромонах Варлаам, и тот звук, якобы от колоколов происходящий во святых вратах подлинно слышали, которой звон с великим звуком и в тех святых воротах с малого, например через четверть часа, а иногда и менее, перемежаемо продолжался слыхом с самого утра даже до вечерняго в том монастыре благовеста.

И оную удивительную и никогда в том монастыре неслыханную оказию видя и слыша, он наместник велел написать о том доношение и заруча послал для подания о подлинном того свидетельствовании в духовную его преосвященства консисторию онаго же монастыря со служителем Терентьем Ивановым.

А как-де начали в том монастыре к вечерне благовестить, то оный во святых вратах звук прекратился до прибытия в тот Царя-Константинов монастырь, упоминаемых в консистории присутствующих, за полчаса или менее и никому приходящим того звука стало уже не слышно. К подлинной записке наместник иеромонах Зосима руку приложил»¹⁾.

На Западе, особенно в католических странах, колоколам часто приписывали силу прогонять бесов и даже болезни. На большом колоколе в Женеве находится следующая надпись: «*Pestem fugo pello daemones*». В Женеве же в церкви *St. Gervais* на колоколе 1493 года помещена такая же надпись, с некоторыми изменениями: «Хвалю и

¹⁾ [Леонид (Кавелин Л.А.), архим. Таинственный колокольный звон в «Царе-Константинове монастыре» //] Русский архив. – 1878. – Кн. 2. № 7. – С. 278–279.

призываю Бога! Оплакиваю мертвых. Тушу пожары. Обращаю в бегство демонов».

В прежнее время некоторые ученые занимались вопросом, производят ли колокольные звоны, подобно звону Авиньонскому или Кельнскому, т. е. звону тысячи колоколов одновременно на небольшом пространстве, какое-либо действие на больных во время различных эпидемий.

[Легенда о «глухом колоколе»]

В нашем народе сохранилась любопытная легенда о «глухом колоколе».

В далекие, прежние времена жил человек один, именем Власий. Не любил народ этого Власия, — крутого нрава был человек. Никому пощады не давал, кто по нужде попадал в его руки. Большие богатства имел он, а все ему было мало. Так и норовил, как бы лишнюю копейку сорвать с бедного человека. Многих разорил он на своем веку, многих пустил по миру.

Время шло, стариться начал Власий, спина колесом согнулась, ноги трясутся, глаза плохо видеть стали.

Повстречал однажды Власий странного человека, что шел с котомочкой за плечами по святым местам.

Остановил его Власий и говорит:

— Помолился бы за меня, странничек, у святых угодников, чтобы из меня хворь вышла, вот тебе грошик, помолись, батюшка.

Но странный человек не взял денег:

— Помолиться я за тебя помолюсь, а денег мне твоих не надо... Кровь и слезы на них, на деньгах-то этих...

Рассердился Власий.

— Никакой, — говорит, — на них крови нету, деньги, как деньги; а не хочешь брать, не надо, нам больше останется...

— То-то, что много, — отвечает странник, — ишь от тяжести их всю спину тебе скрючило, верно тяжело носить такие богатства, не под силу... с другим бы поделился, глядишь и легче станет.

Сказал это странный человек и ушел, а Василий крепко задумался над его словами.

«А может и в самом деле, — думал он, — полегчает, коли я сделаю доброе дело».

А в это время в селе новая церковь строилась. «Пожертвую я в эту церковь новый колокол, — решил Власий, — дело святое, Божье, глядишь, и легче станет, да и народ спасибо скажет».

Думал, думал Власий: хочет колокол повесить, да денег жаль. А хворь все сильнее развивается в нем.

— Может полегчает, пожертвую, — и заказал большой колокол, а на нем надпись велел сделать, что пожертвован он во славу Божию таким-то.

Отлили колокол, привезли, повесили. Власий ходит, на народ самодовольно посматривает — смотрите, мол, каков я есть, ваш благодетель!

Как все было готово, пошел на колокольню пономарь, стал язык раскачивать, а народ стоит вокруг колокольни и ждет первого удара.

Долго раскачивал пономарь язык, наконец ударил, а звука не вышло, а так, не то стон, не то хрип какой-то...

Дивится народ, что, мол, за притча такая? Побагровел Власий, сам полез на колокольню.

— Пономарь-то, — говорит, — видно никуда не годится: ни силы у него нет, ни умения.

Сам начал раскачивать, ударяет, а звука нет...

Отыскался в толпе дюжий парень, силища такая, что смотреть страшно, один нагруженный воз из грязи вытаскивал.

— Дайте, православные, я ударю; авось, у меня силы хватит...

Пустили его на колокольню. Живо раскачался язык, ударил, но молчит колокол, только так хрип один несется...

Стал народ молебны служить, но не хочет звонить колокол.

Призадумался Власий. Опять повстречал того же странника и говорит ему:

— Скажи ты мне, странный человек, что за притча такая, сделал я Божье дело, повесил колокол, а не звонит он.

Посмотрел странный человек прямо в глаза Власию и говорит:

— И не будет звонить!..

— Почему?

— На неправедные деньги сделан он... Но слушай, Власий, научу я тебя, как заставить звонить колокол... только дорого это будет тебе стоить...

— Ничего не пожалею я, — отвечает Власий, — чтобы зазвонил он, на людей мне смотреть зорно... Говори, сколько будет стоить...

Взял странник Власия за руку и говорит ему:

— Много ты горя сделал бедному люду, многих разорил, никого ты не щадил: ни старого, ни малого, ни больного, ни увечного; много слез пролито по твоей вине... Слушай, ты еще можешь загладить вину свою великую. Раздай свои богатства тем, кого ты обездолил и хворь твоя пройдет, и колокол зазвонит, и помирать легче будет...

Потупился Власий, стоит трясется, а странник продолжает:

— Раздай, Власий, пока не поздно, все равно в могилу с собой не возьмешь... Раздай, говорю тебе...

Заплакал Власий, упал на колени перед странником:
— Спасибо тебе, Божий человек, что просветил меня... пойдем!
Собрал Власий народ возле церкви, перекрестился, поклонился на четыре стороны и говорит:

— Простите меня, православные, что столько лет грабил вас; берите все мои богатства, ничего мне не нужно; пойду я в монастырь Божий замаливать свои грехи великие...

— Бог тебе простит, — кричит народ.

А странник говорит:

— Служите, православные, молебен, да бейте в колокол!

И случилось чудо великое. Едва коснулся железный язык колокола, вместо прежнего глухого стона пронеслись могучие раскаты благовеста.

Широкой волной разливается блавест... Весь народ, как один человек, опустился на колени и плачет и крестится...

И начал с той поры звонить этот колокол во славу Божью, а Власий ушел в далекий монастырь, где и сложил свои старые кости.

[Надписи на колоколах]

Надписи на древних колоколах в России составляют богатый материал для русской эпиграфики и истории; между ними встречаются не одни церковно-славянские, но и на латинском, голландском старонемецком языках, свидетельствующие об иностранном происхождении колоколов.

В Симоновом монастыре (в Москве) хранится так называемая *Кормовая* книга, где между прочим сказано: «В лето 7069 (1561) Государь Царь Иван Васильевич пожаловал дать на Симонов монастырь колокол *Англинская* земли по Великом Князе Константине иноке Кассиане, а весу в нем 33 пуда, а круг колокола слова немецкие»¹⁾.

В церкви Св. Архангелов в селении Лафсхали в Сванетии¹¹⁾ находится колокол с первыми словами латинской молитвы: «Ave Maria». Как он попал сюда остается загадкой.

На гауптвахте у Красного крыльца в Московском Кремле висит колокол голландской работы. Колокол этот около пол-аршина вышины, ушко в виде двух орлиных голов, врозь клювами; на самом

¹⁾ [Пассек В.В.] Историческое описание московского Симонова монастыря. — М., 1843. — С. 130.

¹¹⁾ [Филимонов Г.Д.] Сванетия в археологическом отношении // Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. — 1874–1876. [— № 11–12. — С. 80–94.]

колоколе две каймы чрезвычайно тонко и изящно исполненного мелкого узора, в верхней части каймы виноградная лоза и гений со свирелями, в нижней – виноградная лоза и головы ангелов с длинными крыльями. На колоколе четкая надпись, отличной, как и сам колокол, сохранности: «+C: NOORDEN. ETJ: A: DE GRAVE: ME FECER: AMSTMELODAM: A^o 1702» (т. е. К.Норден и И.А. де Граве сделали меня. Амстердам, г. 1702).

Тип букв – эльзивир¹⁵². Язык у колокола – с отбитым концом, довольно груб, и, по-видимому, взят от другого колокола¹⁾.

На древнем соборе Покрова Пресвятой Богородицы, в селе Покровском (бывшем Рубцове), на колоколах находятся следующие чрезвычайно любопытные надписи.

На большом: «1742 году апреля 22 дня вылит сей колокол в царствующем граде Москве при державе Благочестивейшей и Самодержавнейшей Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийской в первое лето вступления престола ея, в село Покровское к соборной церкви Покрова Пресвятыя Богородицы милостивым Ея Императорского Величества Указом; весу в нем 138 пуд. 7 ф., лил сей колокол мастер Константин Михайлов Слизов». На поверхности колокола изображен Спаситель с двумя ангелами по бокам и двуглавый орел с поднятыми крыльями, в середине его, вместо всадника, портрет Императрицы Елисаветы Петровны. Вокруг орла следующие буквы: «Б.М.Д.Р.Е.С.В.П.И.В.В.».

На втором колоколе: «Покрову в село Рупцово Сентября в 14 день».

На третьем: «Божиею милостию, повелением Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Руси и благословением отца ево Государя Светейшаго Патриарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руси и по обещанию великие Государыне иноки Марфы Ивановны слит колокол Покрову Пресвятыя Богородицы в село Рупцово лета 1637 году Сентября в 14 день».

На четвертом: Me fesit Amsterodami, anno 1641. Assuerus Koster, т. е. «Меня сделал в Амстердаме 1641 года Асвер Костер». На поверхности двуглавый орел, с опущенными вниз крыльями, с коронами на головах и со всадником; между голов изображение креста; в когтях нет ни державы, ни скипетра.

На пятом: «Божиею милостию повеленьем Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Руси и по

¹⁾ Археологические известия и заметки / Изд. Импер[аторского] Моск[овского] Археол[огического] общ[ества]. – М., 1896. № 5–6. – С. 150–151.

благословению Великого Государя Светейшего Патриарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руси и по обещанию Великие Государыни иноки Марфы Ивановны слит колокол к храму Покрова Пресвятыя Богородицы в село Рупцово лета 1627 Сентября в 14 день мастер Филипп Григорьев»¹⁾.

Такие же в высшей степени любопытные надписи мы находим на колоколах церкви Св. Николая Чудотворца у Красных Колоколов в Китай-городе в Москве. Одно название этой церкви показывает, что в старину она славилась своими колоколами или *красным* звоном. Между ними особенно замечателен полиелей: на стенах его отлиты в клеймах три лилии с буквами Е. Т. и сбивчивая надпись: «Espoir en tout... de ce cloche es Chenaem st tas en fraci»¹¹⁾. Неизвестно, когда и откуда поступил в церковь этот колокол.

Но известно, что во время счастливой войны царя Алексея Михайловича с Польшей, во многие города России и даже в Сибирь были посланы вместе с поляками и литовцами и пленные колокола¹¹¹⁾.

Существует предание, что церковь эта называется так потому, что все колокола ее были выкрашены красной краской, но это едва ли правдоподобно, так как относительно этого нет никаких летописных указаний.

Гораздо вернее предположение, что название свое она получила от *красного* звона, т. е. веселого, хорошего. В церковном уставе звон на святой неделе и от Фоминой до недели всех святых во все колокола, без большого, именуется *красным*.

Иногда на колоколах отливались надписи, буквы которых были расположены таким образом, что их прочесть мог только тот, кто владел ключом этого криптографического или тайного письма.

К числу колоколов с такими тайными надписями принадлежит знаменитый колокол Саввино-Сторожевского монастыря. Он отлит мастером Григорьевым в 1667 г. 15 сентября, весит 2.425 пуд[ов] 30 фун[тов]¹⁵³. Кроме превосходного звука он замечателен и по двум надписям, из которых верхняя состоит из шести строк, окружающих колокол и отлитых старинным русским письмом, ясно сохранив-

¹⁾ *Снегирев И.М.* Русская старина [в памятниках церковного и гражданского зодчества / Сост. А.А. Мартынов. – 3-е изд, доп. – Год 1–2]. – М., 1855. – С. 69–70.

¹¹⁾ Там же. С. 75.

¹¹¹⁾ *Пыляев М.И.* Старая Москва. – СПб., 1891. – С. 449.

шимся до сих пор. В ней упомянуты все особы царского семейства с полным их титулом и вселенские патриархи: Александрийский, Антиохийский и Московский.

Вот эта надпись: «Бога Всемогущаго, в Троице славимаго, всех благ дателя, милостию, Пресвятые Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии помощью, святого Саввы чудотворца молением, повелением христолюбиваго монарха, великаго государя царя и великаго князя Алексия Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца в 23 лето Богохранимыя его державы, при его государевой благочестивой царице и великой княгине Марии Ильиничне и царскаго его величества при благороднейших царевичах: благоверном царевиче и великом князе Алексие Алексиевиче, благоверном царевиче и великом князе Федоре Алексиевиче, благоверном царевиче и великом князе Симеоне Алексиевиче, благоверном царевиче и великом князе Иоанне Алексиевиче, и при благоверных его царскаго величества сестрах: благоверной царевне и великой княжне Ирине Михайловне, благоверной царевне и великой княжне Анне Михайловне, благоверной царевне и великой княжне Татиане Михайловне, и его царскаго величества при благородных дщерях: благоверной царевне и великой княжне Евдокии Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Марфе Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Софии Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Екатерине Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Марии Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Феодосии Алексиевне и при Святейших Вселенских архиерарсех, Паисии Папе и патриархе Александрийском Макарии, патриархе Антиохийском, Иосафе патриархе Московском и всея России, слит сей колокол в Пречестную Пресвятую Богородицы, Честнаго и Славнаго Ея Рождества и Преподобнаго, Чудес источника, Саввы Сторожевскаго обитель, в той же досточудней Святей Лавре, в лето от сотворения света 7176, а от воплощения едиnorodнаго Божьяго Слова 1667 месяца сентября в 25 день, весу в нем 2125 пуд, 30 гривенок. Лил мастер Александр Григорьев».

Другая же, нижняя надпись, окружающая колокол тремя строками, состоит, как было сказано выше, из криптографического или «тайного» письма, употреблявшегося у нас в XVII столетии в дипломатических переписках, а иногда для записывания более или менее важных предметов, которые хотели скрыть от современников и сохранить для потомства. В этом письме буквы с первого взгляда кажутся славянскими, но между тем, каждая из них до того изменена какою-нибудь чертою, точками или другими знаками, что де-

ляется совершенно непонятною; в этих чисто русских иероглифах значение имеют особенные титла¹⁾.

Эта надпись состоит, как мы видим из приложенного рисунка, из 425 знаков; из числа их некоторые повторяются и имеют сходство между собой, но последние 85 знаков совершенно не сходны с первыми и имеют особенную форму.

Все это страшно затрудняло прочесть ее. Криптографическая надпись с этого колокола в первый раз была списана историком Миллером и напечатана библиотекарем Академии Наук Бакмейстером, но оставалась неразобранною до 1822 года.

В том же, 1822 году, занялся чтением ее князь П.И.Л.¹⁵⁴; штаб-ротмистр Скуридин разобрал ее еще более, а А.И.Ермолаев прочел ее всю. Вот ее содержание: «Изволением прелюбимаго и прещедрого Бога нашего, и заступлением милостивыя заступницы пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, и за молитв отца нашего и милостиваго заступника преподобнаго Саввы чудотворца, и по обещанию, и по повелению раба Христова, царя Алексея, и от любви своея душевныя, и от сердечнаго желанія, слит сей колокол в доме Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Рождества и великаго и преподобнаго отца нашего Саввы Чудотворца, что в Звенигороде, нарицаемый Сторожевский»¹⁵⁵.

Кроме этого колокола на колокольне были три колокола, слитые на иждивение царя Михаила Феодоровича, два в 1620, третий в 1636 году, но один из них перелит в 1677 году¹⁵⁶, два другие в 1831 году. В последних весу: в одном 261 пуд, в другом 125 пуд[ов]. Колокол, называемый Кесарийским, вылит в 1792 году и весит 41 пуд. В верхнем ярусе колокольни устроены большие боевые часы, польской работы, привезенные царем Алексием Михайловичем из Смоленска и подаренные им в монастырь. На часовом колоколе следующая надпись: «Kylianus Wegewart me fecit Campis. Anno 1636, si Deus pro nobis, quis contra nos?»¹¹⁾, 157.

На колокольне церкви Св. Федора Стратилата в Новгороде находится колокол иностранного литья с латинскими надписями около ушей: «Soli Deo Gloria. Anno 1680. Gloria in exselsis Deo. Me fundebat NOI MIAC». Вокруг [тулова] этого колокола криптографическая надпись, по-видимому голландская, до сих пор не разобранный¹¹¹⁾.

¹⁾ Пыляев М.И. Старое житье. – СПб., 1892. – С. 277.

¹¹⁾ Смирнов С. Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. – М., 1846. – С. 45–47.

¹¹¹⁾ Толстой М.В., граф. Святые и древности Великого Новгорода. – М., 1862. – С. 126.

[Часть 1. История колоколов]

Б.	Ⲁ	Ⲃ	Ⲅ	Ⲇ
В.	Ⲉ	Ⲋ ⲋ	ⲍ	ⲏ Ⲑ ⲑ Ⲓ
Г.	Ⲕ	Ⲗ ⲗ	ⲉ	ⲓ
А.	ⲕ Ⲍ	Ⲏ ⲏ	ⲑ Ⲓ ⲓ	ⲕ Ⲍ
Ж.			ⲏ	Ⲓ
СЗ.	Ⲕ ⲕ	ⲏ ⲓ		
К.		ⲑ		Ⲍ
Л.	ⲏ	ⲓ ⲓ	ⲓ ⲓ	ⲕ ⲓ
М.	ⲏ ⲓ	Ⲏ ⲏ		ⲑⲑ
Н.	ⲏ ⲏ	ⲏ ⲓ	ⲓ ⲓ	ⲕ ⲓ
П.	ⲓ	ⲕ	ⲓ ⲓ	ⲓ
Р.	ⲑ	ⲓ ⲓ	ⲓ	ⲓ
С.	ⲏ ⲏ ⲕ	ⲕ ⲓ	ⲓ ⲓ	ⲏ ⲏ ⲏ
Т.	ⲓ	ⲏ ⲏ ⲏ ⲏ	ⲓ	ⲓ
Х.			ⲕ	ⲓ ⲓ
Ц.	ⲓ	ⲏ ⲓ	ⲓ	ⲏ ⲓ
Ч.	ⲓ	ⲏ	ⲓ	ⲏ ⲓ
Ш.	ⲏ	ⲕ	ⲓ	ⲏ ⲓ

А.	Ⲁ Ⲃ	Ⲅ Ⲇ Ⲉ	Ⲋ Ⲍ Ⲏ Ⲑ	Ⲓ Ⲕ
Б.	Ⲕ Ⲗ	Ⲉ	Ⲋ Ⲍ	Ⲓ Ⲕ Ⲗ
В.	Ⲕ	Ⲇ Ⲉ Ⲋ	Ⲍ	Ⲓ
Г.	Ⲕ Ⲗ	Ⲉ Ⲋ	Ⲋ Ⲍ Ⲏ Ⲑ	Ⲓ Ⲕ Ⲗ
Д.	Ⲕ Ⲗ	Ⲉ Ⲋ	Ⲍ	Ⲓ
Е.	Ⲕ	Ⲇ Ⲉ	Ⲋ Ⲍ Ⲏ Ⲑ	Ⲓ Ⲕ Ⲗ
Ж.	Ⲕ	Ⲉ	Ⲋ Ⲍ	Ⲓ Ⲕ
З.	Ⲕ	Ⲇ Ⲉ	Ⲋ Ⲍ Ⲏ Ⲑ	Ⲓ Ⲕ Ⲗ
И.	Ⲕ	Ⲉ	Ⲋ Ⲍ	Ⲓ Ⲕ
Й.	Ⲕ	Ⲇ Ⲉ	Ⲋ Ⲍ Ⲏ Ⲑ	Ⲓ Ⲕ Ⲗ
К.	Ⲕ	Ⲉ	Ⲋ Ⲍ	Ⲓ Ⲕ
Л.	Ⲕ	Ⲇ Ⲉ	Ⲋ Ⲍ Ⲏ Ⲑ	Ⲓ Ⲕ Ⲗ
М.	Ⲕ	Ⲉ	Ⲋ Ⲍ	Ⲓ Ⲕ
Н.	Ⲕ	Ⲇ Ⲉ	Ⲋ Ⲍ Ⲏ Ⲑ	Ⲓ Ⲕ Ⲗ
О.	Ⲕ	Ⲉ	Ⲋ Ⲍ	Ⲓ Ⲕ
П.	Ⲕ	Ⲇ Ⲉ	Ⲋ Ⲍ Ⲏ Ⲑ	Ⲓ Ⲕ Ⲗ
Р.	Ⲕ	Ⲉ	Ⲋ Ⲍ	Ⲓ Ⲕ
С.	Ⲕ	Ⲇ Ⲉ	Ⲋ Ⲍ Ⲏ Ⲑ	Ⲓ Ⲕ Ⲗ
Т.	Ⲕ	Ⲉ	Ⲋ Ⲍ	Ⲓ Ⲕ
У.	Ⲕ	Ⲇ Ⲉ	Ⲋ Ⲍ Ⲏ Ⲑ	Ⲓ Ⲕ Ⲗ
Ф.	Ⲕ	Ⲉ	Ⲋ Ⲍ	Ⲓ Ⲕ
Х.	Ⲕ	Ⲇ Ⲉ	Ⲋ Ⲍ Ⲏ Ⲑ	Ⲓ Ⲕ Ⲗ
Ц.	Ⲕ	Ⲉ	Ⲋ Ⲍ	Ⲓ Ⲕ
Ч.	Ⲕ	Ⲇ Ⲉ	Ⲋ Ⲍ Ⲏ Ⲑ	Ⲓ Ⲕ Ⲗ
Ш.	Ⲕ	Ⲉ	Ⲋ Ⲍ	Ⲓ Ⲕ

Часто на колоколах ставились и до сих пор ставятся имена их жертвователей или тех, по чьей инициативе они отлиты. Так, например, на одном из колоколов церкви Иоанна Предтечи в Новгороде мы находим следующую надпись: «1774 года генваря 17 дня вылит сей колокол на церкви в соборе Рождества Иоанна Предтечи, что на Опоках, тцанием доброхотных дателей и усердием тоя церкви священника Тимофея Васильева и того мастера Алексея Никитина, весу 62 п. 5 ф.»¹⁾.

В Лубенском уезде сел. *Исачек* есть Троицкая церковь, каменная, основана в 1801 г., окончена в 1808 году помещиком Иваном Андреевым Новицким и сестрою его Ириной Андреевой Хорват; из церковных вещей сохранились: шесть колоколов, старинной отливки, и у трех приделаны оси для коромысла, употреблявшегося при звоне посредством раскачивания колокола (способ католический)¹⁵⁸.

На одном из колоколов отлиты изображения Богоматери «Нерушимая Стена» и Преображения Господня, а также следующая надпись: «1735 Апреля 10 отлился звон сей до обители Красногорской Чернуской до храму святых и живоначальния Троицы, коштом честнаго отца Герасима Соколика за отпущение грехов. А весу в нем 11 п. 22 ф.». На другом отлиты изображения Благовещения Пресв. Девы, Св. Николая и надпись: «1758 року»¹¹⁾.

В городе Ромне в церкви Вознесения Господня сохранился замечательный колокол, пожертвованный, как видно из надписи на нем, «паном Филиппом Бунтеем 30-го июня 1732 года»¹¹¹⁾.

В Спасопреображенском монастыре в Старой Русе на большом праздничном колоколе находится следующая надпись: «Лета 7200 (1692) года вылит сей колокол, при державе великих государей благовверных царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцев. Февруария во 2-й день дал сей колокол вкладом в монастырь Всемилоостивейшаго Спаса, что в Старой Русе, крестнаго монастыря архимандрит Иосиф, да келейной его старец Макарей, по своей душе и по своих родителей в вечной поминок, весом 120 пуд. 8 ф.». Внизу колокола подписи: «Лил сей колокол мастер Моторин».

¹⁾ Вауцкий А., свящ. Иоанна Предтеченская церковь [что на Опоках] в г. Новгороде. [— Новгород, 1900. (Прилож. к «Памятной книжке Новгородской губернии на 1901 г.»)]. — С. 34.

¹¹⁾ [Материалы, собранные для XII съезда отдельными предварительными комитетами: От Полтавской духовной консистории //] Труды XII Археологического съезда в Харькове. — М., 1905. — Т. II. — С. 539.

¹¹¹⁾ Там же. С. 536.

Кроме большого, здесь находятся еще семь колоколов: первый — полиелейный, около пятидесяти пудов, на котором значится: «лил сей колокол мастер Михаил Мотора»¹⁵⁹, второй — вседневный с подписью: «1780 года ноября 22 дня, сей колокол города Старой Русы бывшего Кречева монастыря церкви преподобного отца Сергия Радонежского Чудотворца тщанием священника Иоанна, подаем мирских людей. Весу 15 пуд. 16 фун.».

На остальных зазвонных находятся следующие надписи, на одном: «Сей колокол города Старой Русы бывшего Кречева монастыря церкви преподобного отца нашего Сергия, Радонежского Чудотворца. Весу 4 пуд. 4 фун. 1778 г.», и на другом: «Лета 7109 (1601) г. марта слит был сий колокол при благоверном царе великом князе Борисе Федоровиче всея Руси». Внизу подпись: «В Старую Русу к Богоявлению Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на Остров...», далее надпись разобрать не представляется возможности¹⁾.

В той же Старой Русе, с упраздненной за ветхостью колокольной снят колокол со следующей надписью: «Лета 7186 (1678) г. августа во 2-й день, вылит колокол сей в Старой Русе в Спасский монастырь, при настоящей власти тоя обители при игумене Иосифе»¹⁾.

Судя по надписям, сохранившимся на колоколах, можно еще предположить, что в ряжской¹⁶⁰ церкви Благовещения усердствовали царственные особы и местное тогдашнее духовенство. Так, на древнем колоколе надписано: «Тояж соборной церкви протопопа Григория Иванова, весу 27 пуд, а перелит в 1769 году августа 1 дня степенным Сафоном Ушаковым, а ныне 27 пуд 25 фун.» — А на другом, меньшем колоколе, такая надпись: «Лета 7184 марта в 19 день по указу государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца дан колокол ряжской церкви Благовещения пресвятыя Богородицы по челобитью»¹¹⁾.

[Новгородские колокола]

На колокольне, построенной в XVI веке, Св. Великомученика Никиты в Новгороде замечательны пять колоколов с одинаковой надписью: «Сей колокол дал к церкви Андрея Первозванного Щитной улицы торговый посадский человек Григорий Сильверстов лета 7206 (1698)».

¹⁾ [Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп.] Церковно-историческое описание города Старая Руса. — Новгород, 1866. — С. 47–48.

¹¹⁾ Там же. С. 77.

¹¹¹⁾ [Город Ряжск и его соборный Благовещенский храм //] Рязанские епархиальные ведомости. — 1876. — № 3, 1 окт., прибавл. — С. 63–69.

Кроме того, на двух из них следующие латинские надписи: I – «1643. Gloria in excelsis Deo» и II – «Anno Domini 1673»¹⁾.

В том же Новгороде на колокольне церкви Св. Архистратига Михаила на Торговой стороне замечателен колокол XVI века с подписью: «+ и христолюбиваго царя и государя великаго князя Феодора Ивановича всея Руси и благоверной царице и великой княгине Ирине».

Из этой неполной надписи на колоколе видно, что вместе с ним лит был другой колокол, которого теперь нет.

Здесь же находятся два колокола XVII века. Из них один без ушей с надписью: «159 (1651) марта 7 дал сей колокол Благовещению Богородице Михаилу Архангелу Василей Степанов по своих родителей в Великий Новгород». На другом колоколе надпись: «В лето 7200 (1692) купил сий колокол в Великий Новгород к церкви всемилостиваго Спаса и пресвятыя Богородицы Благовещению и Воздвижению Честнаго Креста и Архангела Михаила на Михайлову улицу Дому Премудрости Божии приказной Андрей Богданов Сназин в вечное поминовение о себе и родителей своих. Весу в нем 42 пуда и 2 фунта».

В Антониевом монастыре в Новгороде сохранился замечательный колокол в 165 пудов, слитый по повеленью царя Ивана Грозного в 1573 году. Очевидно, Иван Грозный, разорив Новгород и обитель преподобного Антония, впоследствии сожалел об этом, так как он вернул все драгоценные сосуды, взятые из монастыря и приказал отлить названный выше колокол.

В этом же монастыре на паперти собора находится небольшой колокол в 1 пуд 10 фунт[ов], считаемый современным преподобному Антонию.

Далее, в Новгородских церквях находятся следующие колокола:

В церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Десятинном женском монастыре в третьем этаже висят девять небольших колоколов, но древних из них, судя по надписям, нет. Из них третий колокол, в 15 пудов, лит в 1754 году, и большой, в 60 пудов, лит 1838 году на вечное поминовение о. архимандрита Фотия.

В церкви святых мучеников Флора и Лавра на Софийской стороне на третьем ярусе в пролетах 6 колоколов небольшой величины, из коих один времен Петра Великого и лит по его повелению.

Недалеко от Николо-Дворищенского собора стоит к западу саженьях в 8 колоколья. Она построена в конце XVII века. В верхней

¹⁾ Толстой М.В., *граф.* Святыни и древности Великого Новгорода. – М., 1862. – С. 140.

части ее шесть просветов, в коих шесть колоколов. Из колоколов только один 1686 года с надписью, из св. писания о сотворении Моисеем труб кованых и серебряных и употреблении их во время новомесечий.

Почти рядом с колокольной к северу невысокая башня, известная под именем Ярославовой вечевой. На ней находился будто бы вечевой колокол, взятый 15 января 1478 года в Москву. (Хранящийся ныне в московском Арсенале вечевой колокол перелит из прежнего в 1714 году, как свидетельствует о том сделанная на нем надпись.)

Недалеко от церкви св. великомученика Димитрия Солунского на юге устроена в 1691 году каменная колокольная в роде круглой [в]осьмигранной башни, в два яруса с 6 пролетами. Всех на ней колоколов 9. Из них один в 76 пудов лит 1735 года в сибирских Невьяновских заводах Демидова, другой в 12 пуд[ов] 14 фунтов 1667 года, третий в 2 пуда 8 фунтов 1627 года; четвертый в 4 пуда 1779 года с нерусской надписью; на прочих надписей не имеется, кроме колокола в 44 пуда, что лил его мастер Филипп Андреев.

На колокольне церкви святого пророка Илии на торговой стороне колоколов всего семь разной величины. На четырех колоколах имеется надпись, что они вылиты в 1697 году после пожара из старых колоколов.

К западной стороне трапезы Борисоглебской церкви пристроена колокольная каменная четвероугольная в три яруса. На верхнем ее ярусе в четырех пролетах находится пять разной величины колоколов, из коих большой с русской надписью 1705 года, а самый меньший в один пуд с латинской надписью: «Gloria in Exselsis Deo. Anno 1636».

На восточной стороне от Троицкого собора над св. воротами устроена 1805 года колокольная в три яруса в 19 саж[еней] вышины. Из 9 находящихся на ней колоколов более древние: два с русскими надписями 1531 года, один с немецкою 1647 года и вместе с русской 1654 года, а прочие два с надписями (без года) и прошлого века.

На западном углу от Богословской церкви в конце настоятельских келий устроена круглая колокольная с 8 колоколами. Из древних колоколов один большой 1627 года, два малые гораздо более древние, но без надписей¹⁾.

В Воскресенской церкви на Мячине колокол с надписью: «Лета 7177 (1669) года марта 12 дня выменен колокол в Великом Новго-

¹⁾ Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. – Ч. 1–2. – М., 1860. – С. 215, 223, 242, 266, 316, 320, 347, 348, 380, 478, 483.

роде при благоверном государе царе и великом князе Алексее Михайловиче всея Руси к Воскресению Христову».

Здесь же сохранились два колокола с одинаковою вылитой надписью на латинском языке по верхней части их: «M. Kordt Kleiman me fesit». Другая одинаковая русская надпись на них вырезана внизу кругом: «Лета 7155 (1647) года марта 1 дня при благоверном государе царе и в. князе Алексее Михайловиче всея Великия и Малыя России самодержца дали сии три колокола Великаго Новгорода церкви Всемилоствигаго Спаса Нерукотворенному образу у Новинских ворот... Бога молить, а по смерти за их души поминать, доколе сей св. церкви Бог благоволит по вере христиан стояти, а прием подписан в 1776 (1669) году мая 1 дня».

В Перекомском монастыре колокол с надписью: «В лето 7189 (1681) году дал сей колокол в Новгородской уезд в Николаевской Перекомской монастырь Роман Федорович Боборыкин по себе и по родителей».

В Никитинской церкви на пяти колоколах находится следующая одинаковая надпись: «Сей колокол дал к церкви Андрея Первозванного Щитной улицы торговой посадской человек Григорий Сильверстов лета 7206 (1698) апреля в день». На двух колоколах год вылит 7206, а на трех 7205 (1697) и месяца марта в 25 день. В Феодоровской церкви на двух колоколах одинаковая надпись: «7205 (1697) марта в 4 день вылит сей колокол в Великий Новгород к церкви великомученику Феодору Стратилату на Торговую сторону, весу в нем 41 пуд 12 фунтов». На другом колоколе вес написан: «12 пуд. 9 фунт.».

В Ильинской церкви, на трех колоколах одинаковая надпись: «Лета 7205 (1697) марта в 1 день, сей колокол В. Новаграда церкви св. Пророка Илии Славной улицы, а вылит после пожара из старых колоколов тояж церкви. Лил сей колокол мастер Иван Матвеев».

К XVII веку относятся два колокола в Успенской Колмовской церкви, литее при царе Василии Иоанновиче Шуйском и Новгородском митрополите Исидоре (1606–1610).

В Вязицком монастыре большой колокол с надписью: «Божьей милостью, повелением благовернаго христолюбиваго государя царя и в. князя Михаила Федоровича всея Руси, и по благословению отца его государева, великаго государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руси, слит сей колокол в Новгородской уезд в некончаемый дом великому чудотворцу Николе в Вязицкой монастырь при игумене Варламе еже о Христе с братиею, лета 7135 (1627) года месяца мая в 22 день; мастер Дмитрий (правильно – Данила^{160а}) Матвеев».

На колокольне Софийского собора три колокола XVII века. На одном из них надпись: «Лета 7145 (1637) февраля в 25 день дала сей колокол Ивана Афонасева сына Юдина жена Ксения Федорова дочь о сыне своем Григории в обитель Пречистыя Богородицы Введению девичь монастыря на Тифину в вечный помянок по их родителех; *а тот колокол не продать, не заложить*».

На другом большом колоколе надпись: «Божией милостью и великих новгородских чудотворцев молитвами перелит бысть сий колокол в Богоспасаемом В. Новеграде к соборней и апостольской церкви святыя Софии, еже есть Премудрости Божии в лето 7168 (1659) месяца октября в 20 день царства благоверного и христолюбиваго и великаго государя царя и в. князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя России самодержца и при его благоверной и христолюбивой царице великой княгине Марье Ильинични и при его великаго государя сыне благоверном царевиче князе Алексее Алексеевиче всея Великия и Малыя и Белья Росии и при святейшем Никоне патриархе Московском и всея Руси, повелением смиренного Макария Божиею милостию митрополита В.Новаграда и В.Лук, Христу Богу на вечную хвалу и славу, а любящим церковное собрание и молитву на многую душевную пользу, а перелит сей колокол софейской домовой казною, а весом 1614 пуд, а лил софейский домовой мастер Ермолай Васильев».

На третьем, всedневном, надпись: «Лета 7185 (1677) августа в 20 день в царство благочестивыя державы благовернаго и христолюбиваго великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца о Святем же Дусе при отце его и богомольце святейшем Иоакиме патриархе Московском и всея Росии, тщанием же бысть сие дело смиренного Корнилия, Божиею милостию митрополита В.Новаграда и В.Лук, в честь же и хвалу славимому в Троице Единому Богу, а любящим благолепие на многую пользу, — излился сей благовестник в дому премудрости Божии домовой казною в триста пудов, а лили мастера Василий, Яков, Феодор Леонтьевы дети».

Через двадцать два года после построения нового светлого придела церкви Св. Филиппа на торговой стороне был слит в 1557 году колокол в 70 пудов, со следующей надписью: «В лето 7066 (1557) году ноября в 21 день милостию Божиею и Пречистыя Богородицы и всех святых молитвами слит бысть сий колокол в Богохранимый Великий Новград к святым церквам — святому и всехвальному Апостолу Филиппу и великому чудотворцу Николу на пречестное Введение пречистой Богородицы, в царство благочестиваго царя и при преосвященном архиепископе Пимене Великаго Новграда и

Пскова, повелением христоролюбивых раб Божиих православных христиан прихожан Житные улицы и Бардовы. А лил Иван да Филипп с Городища».

В деревне Шлагсдорф, близ Рацебурга, находится колокол, вылитый в Новгороде для церкви 40 мучеников в 1558 году, с надписью на нем: «Божией милостью и святых великомучеников 40, лета 7067 месяца сентября 2 день, святой колокол слит в Великом Новгороде, святых 40 мучеников при великом царе Иване Васильевиче всея Руси, и при царевичех Иване и Феодоре, и при митрополите Макарье всея Руси и при архиепискупе Пимине Великаго Новаграда и Пскова, повелением раб Божиих уличан 40 десяцкаго прихода не многи, от мастер Власко да Юшко Поберешковы и Ян Дьячков».

В Успенской церкви упраздненного Колмова монастыря два колокола, литые при Иоанне IV¹⁶¹ и при Новгор[одском] архиепископе Макарии (1533–1542); а в Соф[ийском] соборе два колокола, литые в 1566 году, с одинаковою почти на них надписью: «Лета 7074 благоизволением отца и поспешением сына и совершением Святого Духа, а слеты быша два колокола сии святому Христову Вознесению на Прусскую улицу, при благоверном цари и великом князи Иване Васильевиче и всея Руси рабе Божии Вознесенскаго прихода всех православных христиан Прусскаго Заполья, мастер Иван». На втором колоколе надпись отличается по началу: «Помощию Христа Бога нашего», и по концу: «Повелением всех православных христиан Прусскаго, а мастер Иван с пасынком с Метею».

В Дух[ове] женском монастыре три колокола XVI века. Из них на первом колоколе надпись: «Лета 7076 (1568) слит бысть си колокол к Николе чудотворцу и святых Апостол Петра и Павла в монастырь на Остров, при царе Иване Васильевиче всея Руси, при игумене Трифоне, а мастер Дмитрий Кононов сын». На втором колоколе: «Лета 7095 (1587) г. марта в 30 день, при благоверном царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси, слит был си колокол к Симиону Богоприимцу, при архиепископе Александре В.Новограда и Пскова, при игумени Симиони с братиею Сплавского монастыря, при Христоробцам, которые милостину дах Федор, и всех милостину давших в колокол сей – старица Парасковья». На третьем колоколе: «Лета 7097 (1589) марта в 25 день при благочестивом царе и в. князе Федоре Ивановиче всея Руси самодержце, при его при благочестивой и великой царице и в. княгине Ирине, сей колокол поставил в В.Новогороде, в монастыре Сшествие Святаго Духа и Живоначальныя Святыи Троицы, конюшей боярин Борис Федорович Годунов». Здесь же находятся два колокола 1678 года с одинаковою надписью на них: «Лета 7186 (1678) дал сей колокол в оби-

тель Сшествие Пресвятого и Животворящего Духа вкладом по своему обещанию тяжёлые честные обители архимандрита Мисайла по своей души и по своих родственников к своему вкладу. А весом сий колокол полтора пуда и шесть гривенков». Вес на другом колоколе означен: «2 пуда и шесть гривенков».

В Хутыньском монастыре три колокола конца XVI века. Из них один полиелейный с надписью: «Лета 7107 (1599) июня 1 дня, при государе царе и в. князе Борисе Федоровиче всея Руси самодержце и при святейшем патриархе Иове Московском и всея Руси и при преосвященном митрополите Варлааме В.Новаграда и в. княжества в дар ко всемилостивому Спасу и преподобному Варлааму чудотворцу на Футыне – Тимофеем Андреевичем Хлоповым во иноцех Тихон по себе да по своей семье Варсонофеем и по своих родителях денег двести рублей, да его Павел да Мирон дали денег двести рублей и ту всю дачу на четыреста рублей слит колокол в двести пудов при игумене Аркадии и при келаре старце Варлааме, при казначее священнике Варлааме и при яже о Христе братии Футын монастыря. Делал колокол пскович Василий Иванов да Афанасей Панкратьев да Иакинф Иванов. Богу Совершителю. Аминь!». По краям колокола вылиты государственные гербы и разные животные. Другой небольшой колокол со следующей надписью: «Божиею милостию и помощию Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и молитвами преподобного Варлаама, вылит сей колокол в 7105 (1596) году сентября, при державе благоверного и христолюбивого царя и государя Феодора Ивановича и всея Руси при преосвященном митрополите Варлааме Великого Новаграда». На третьем небольшом колоколе надпись показывает, что он лит «при царе и великом князе Феодоре Ивановиче всея Руси, при преосвященном митрополите Варлааме В.Новаграда, при настоятеле игумене Аркадии и при келаре Парфении и при казначее Митрофане и всей же о Христе братии».

Вседневный колокол с надписью сверху и внизу: «Божиею милостию царя и государя всея Руси Владимирского и Московского и Новгородского, Псковского, Смоленского и Тверского, Югорского и Пермского, Вятского и Болгарского и иных, при державе царства благоверных и христолюбивых и великих князей Василия Ивановича и при его детях благоверных князях Иване и Георгии, слит сей колокол в лето 7041 (1532) месяца октоврия в 1 день на Покров Пресвятыя Богородицы во обитель Боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и его угодника чудотворца Варлаама игумена милостию святой Софии и неизреченная Премудрости Божия благословением архиепископа Великого Новаграда и Пскова владыки Макария, при наместнике великого князя

Феодоре царевиче Мелех Даировичъ и при князе Михаиле Васильевиче Горбатом, и богомолением Хутынского монастыря игумена Феодосья и всей яже о Христе братии, а мастер делал преименитого и славнаго града Пскова Андреев сын Михайлов Псковитин. Слава свершителю Богу, аминь».

Петрей, бывший в Новгороде в XVII столетии, пишет: «По всему городу несколько сотен церквей, монастырей и часовен, очень красиво построенных из дерева и камня, по русскому способу постройки. Колокольни большей частию обиты листовою, желтою и красною медью и позолочены ярким чистым золотом; на них *несколько тысяч* колоколов, больших и малых: самый большой принадлежит церкви Святой Софии»¹⁾.

В Переяславском Никитском монастыре существует две колокольни: одна – старая, при теплой Благовещенской церкви, а другая при святых воротах. О старой колокольне во вкладной книге написано так: «В лето 7078 (1570) Царь Иван Васильевич строил трапезу каменную с теплою церковью во имя Благовещения и с келарнею, и колокольницею каменную». В монастырской описи 1768 года о ней сказано так: «При трапезной церкви колокольня каменная построена из государственной казны, блаженныя памяти при государыне царице Марье Ильиничне в 7176 (1668) году».

По описи 1701 года были на этой колокольне боевые часы и 10 колоколов, в числе коих даже был колокол в 368 пудов. Теперь же, за построением новой колокольни нет ни колоколов, ни часов.

Новая колокольня построена над святыми воротами в 1818 году, при архимандрите Лаврентии. Ныне на колокольне 8 колоколов. Большой колокол (в 450 пудов) перелит в 1859 году из прежнего большого разбитого, в 350 пудов, с прибавлением 20-пудового колокола и медной посуды за 1421 р[убль] 50 коп[еек]. Другой колокол, в 52 п[уда] 15 ф[унтов]. Лит в 1716 году при игумене Иосифе; 3-й колокол, в 14 пудов 33 фунта, новый, 4-й (новый) около 10 пудов, 5 и 6 около 5 пудов, 7 и 8 около 4-х пудов. Во вкладной монастырской книге записаны также вклады колоколами: в 1619 году царь Михаил Федорович пожаловал 1 колокол повседневный; в 1690 году стольник Иван Релант колокол в 1000 рублей; в 1756 году архимандрит Нифонт привез из пустыни Толпыгиной 3 колокола небольшие. Были перелиты колокола: в 1715 году при Иосифе старый

¹⁾ *Петрей де Ерлезунда, Петр.* История о великом княжестве Московском / Пер. А.Н.Шемакина. – М., 1867. С. 47.

в 24 пуда 15 фунтов и другой в 4 пуда – и вылиты: один в 52 пуда 15 фунтов, а другой в 1 пуд и 3 фунта; в 1825 году перелит большой колокол из прежнего, литого в 1725 году¹⁾.

С западной стороны к древнему храму Гуслицкой обители при-
мыкает колокольня одноярусная, деревянная с конусообразной
кровлей. Колоколами она не богата; находящиеся теперь на ко-
локольне, числом шесть, все перенесены сюда вместе с церковью.
В 1862 году Его Величеством государем императором Александром
Николаевичем пожертвован сюда колокол со следующими надпи-
сями на нем: 1) «Лета 1860 года дарован сей колокол Благочестивей-
шим государем императором Александром Николаевичем, в Бого-
хранимую Спасо-Преображенскую Гуслицкую обитель»; 2) «Отлит
сей колокол из украшений в Петропавловском соборе при погребе-
нии тела в Бозе-почившей императрицы Александры Феодоров-
ны». Колокол сей, весом в 23 пуда, хотя и небольшой, имеет звук
очень громкий и весьма нежный и приятный. Повешен он близ со-
борного храма на временной вновь устроенной колокольне¹⁾.

[Владимирские колокола]

При Кафедральном Успенском соборе во Владимире Клязем-
ском существует колокольня в 4 этажа. В третьем этаже, украшен-
ном полуколоннами коринфского ордера, висят колокола. Из ста-
рой соборной описи видно, что прежде всех колоколов было 16, –
ныне только девять.

Самый большой колокол в 500 пудов 8 фунтов слит в 1810 г. ко-
локольных дел мастером костромским купцом Синцовым.

В 30 саженьях от собора, в западной стороне его, находились об-
ширные квадратные ворота из белого камня с пространною в се-
редине аркою, над которой находилась церковь во имя Свв. Иоаки-
ма и Анны. Впоследствии наложен был третий этаж для колоколов,
оканчивающийся конусом.

Здесь-то, вероятно, находился древний Вечевой колокол Успен-
ского храма, который звуком своим собирал верных граждан судить
о делах важных. Суздальский князь Александр Васильевич, внук
Андрея, старшего брата Александра Невского, перевез было этот
колокол из Владимира в Суздаль, но, уstraшенный глухим звуком
его, возвратил во Владимир.

¹⁾ *Свирелин А.И.* Описание Переяславского Никитского монастыря в
прежнее и нынешнее время. – М., 1879 (на обл.: 1878). – С. 18.

¹⁾ *Парфений, иер.* Сказание о начале и о настоящем положении Спасо-
Преображенского Гуслицкого монастыря. – М., 1863. – С. 50–51.

В одной летописи XV века, между прочим, сказано: «Князь Александр из Володимеря Вечный колокол Св. Богородицы возил в Суждаль и колокол не почал звонити якоже был в Володимере; и виде Александр яко сгрубил св. Богородицы и повеле его паки везти во Володимер; и поставиша его в свое место и паки бысть глас якоже и прежде богоугоден»¹⁾.

По описи 1665 года в Успенском женском монастыре в губернском городе Владимире значится устроенною на средства святейшего патриарха Иосифа колокольня и на ней три больших колокола благовестных и шесть зазвонных¹⁶². Но не долго эти «благовестные и зазвонные» колокола украшали новую колокольную, не долго и монашествующие наслаждались их звоном.

В 1700 году был получен указ перевесить все колокола и за подписью игуменьи Неонилы была отобрана расписка в числе и весе колоколов, копия с которой хранится в монастырском архиве: «1700 года декабря 26 дня во Владимире перед стольником Федором Алексеевичем Дедиковым Владимирского Успенскаго Девичьяго монастыря игумения Неонила с сестрами показала по иноческому своему обещанию, что в том девичье монастыре десять колоколов: в первом колоколе семьдесят четыре пуда, в другом тридцать два пуда десять фунтов, в третьем тридцать пудов, в четвертом тридцать же пудов, в пятом двадцать три пуда, в шестом три пуда десять фунтов, в седьмом три пуда, в восьмом полтрети (1 1/2) пуда¹⁶³, в девятом один пуд, в десятом тридцать фунтов, а пушек у нас в монастыре нет никаких, а буде я игуменья с сестрами в сей своей сказке, что показала ложно и за лживую нашу сказку указал бы великий государь взять пеню, а пени что великий государь укажет, в том наша сказка».

Затем повелено было четвертую часть колоколов отвезти в Москву на Пушечный двор. В приеме их также имеется расписка. «1701 года февраля 28 дня. По указу великаго государя и царя и великаго князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца принято в его великаго Государя казну на пушечный двор в пушечное и мажерное литье города Владимира успенскаго Девича монастыря того монастыря у казеннаго подъячего у Гаврилы Моисеева колокольной меди четвертую часть: два колокола весом пятьдесят три пуда восемнадцать фунтов и в тех колоколах переходу три пуда двадцать фунтов с полфунтом и за ту переходную медь отдано ему Гаврилу с Пушечнаго двора колокол, весом три

¹⁾ *Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Клязменском. [Соборы: Кафедральный Успенский и бывший придворный в. к. Всеволода Дмитриевский.] – М., 1849. – С. 103–104.

пуда двадцать фунтов с полуфунтом. А принимали те колокола бурмистр Антип Иванов с товарищи. Стольник Тимофей Кудрявцев».

Таким образом, два колокола в 30 и 23 пуда были отобраны и перелиты на пушки, а на колокольне остались только два благовестных колокола в 74 п[уда], в 32 п[уда] и 30 п[удов] и пять зазвонных¹⁶⁴, в том числе один полученный взамен «перехожей меди» с Пущечного двора. В 1792 г. колокольня была разобрана, но надстроить новую не представлялось возможным, а потому нижний ярус был покрыт и здание обращено в палатку, а колокольня устроена вновь над входными воротами в 1796 г. при участии доброхотных дателей.

Сюда же были перенесены и часы, которые в пожаре 1855 г. сгорели и возобновлены не были, остался только ход на то место, где заводились часы.

Во время того же пожара многие колокола упали и дали трещины, а на возобновление их монастырь не имел никаких средств, так что игуменья Мария принуждена была обратиться к благотворителям со специальным воззванием. Из этого воззвания мы узнаем, что «пожаром повреждены самый большой и полиелейный колокол», из коих слит один большой колокол. В настоящее время на колокольне девять колоколов, из них семь вылиты и приобретены в 1870 году, а два малого размера остались от прежних времен.

На большом колоколе имеется следующая надпись: «Во Владимирский девичий Успенский монастырь по благословению Высокопреосвященнейшаго Антония архиепископа Владимирскаго и Суздальскаго усердием игуменнии Марии 1870 г. лит в Ярославле в заводе потомственного почетнаго гражданина первой гильдии купца Порфирия Оловянишникова».

На одном из малых колоколов сохранилась следующая надпись: «Лета 7075 апреля в 25 день слит сей колокол и в наколокольник в Великом Нове городе при державе вся Руския земли царе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси и Владимирском и Московском и Новгородском и Казанском и всея Можайския земли и града Юрьева и инех многих и при отце его и богомольце Филиппе митрополите всея Руси и при архиепископе Пимене Великаго Новаго града и постави *сии три колокола* Никифор Никитич Сушев по бабке по своей по Варваре Федоровне по Семеновой жене Васильевича Сушева, а во иноцех Варсонофия в дом Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа и Успения Пречистыя его Богоматери Володимерском уезде на колокольни на реки, а погребено бысть тело его в том же монастыре на память Ивана Лесвице Списателя одесную церкви страну и подписал сей колокол Митя Иванов сын от Благовещения з Городища»¹⁾.

[Казанские колокола]

На колокольне Владимирского собора в Казани всего колоколов – девять. Из них: 1) Колокол, в коем весу 109 пудов и 37 $\frac{1}{2}$ ф[унтов]. Лит мастером Иваном Ефимовым (Астраханцевым) в 1804 г. 11 марта при протопопе Василии Семеновиче. На колоколе вылита икона Владимирской Божьей Матери. За этот колокол, с прибавлением в него старого 64-пудового, отдано было казанскому купцу Ивану Ефимову Астраханцеву 450 рублей, собранных от dobroхотных подателей; 2) Колокол в 62 пуд[а] 12 $\frac{1}{2}$ ф[унтов], на нем вылиты две иконы: Спасителя и св. Николая Чудотворца. Лит г. Разумовым в 1810 г., 15 февраля; 3) Колокол в 42 пуда 13 ф[унтов]. На нем икона Божьей Матери. Лит в 1812 г. 20 марта; 4) Колокол в 14 пуд[ов] 8 фун[тов] (разбит); 5) Колокол в 7 пуд[ов] 18 $\frac{3}{4}$ ф[унта]; 6) Колокол в 6 пуд[ов] 12 ф[унтов]; 7) Колокол в 7 пуд[ов] 14 ф[унтов]; 8) Колокол в 38 ф[унтов] и 9) Колокол около 4-х пудов. Он без языка¹⁾.

При Введенской церкви (при земской школе для образования народных учительниц) в Казани особой колокольни нет; колокола помещаются в особой арке, устроенной в церковном здании. Колоколов всего три: 1) 4 пуд[а] 17 фун[тов], 2) 1 пуд 29 фун[тов] и 3) 1 п[уд] 29 ф[унтов], колокола пожертвованы бывшей начальницей школы Анной Петровной Веригиной¹¹⁾.

Над папертью Никольской Гостиннодворской церкви в Казани выстроена часовня, рядом же с ней каменная колокольня. На ней всех колоколов 13, во всех весу 407 пуд[ов] 12 фун[тов], ценностью в 6672 р[убля] 64 к[опейки]: 1) Колокол праздничный или воскресный весом в 204 пуда 5 фунтов. Лит в 1866 г. иждивением казанского купца Ф.Е.Постникова с участвовавшими с ним казанскими купцами Евдокимом Савватеевым и Егором Шамшиным; 2) Полиелейный колокол в 100 пуд[ов] 20 фун[тов] со стихом: «Радуйся Благодатная Господь с Тобою»; 3) Вседневный – 54 пуда 18 фун[тов] со стихом: «Архангельский глас вопиет Ти, чистая» и проч.; 4) Великопостный в 24 пуда 38 фун[тов] со стихом: «Благовествуй, земле, радость велию»... а ниже: «Заутра услыша глас мой, Царю мой и Боже мой!» и проч. Все колокола литы в 1866 г. в гор. Слободском Вятской губернии братьями Бакулевыми в царствование государя императора Александра II, при архиепископе казанском Афанасии.

¹⁾ *Историческое описание* первоклассного Княгинина Успенского женского монастыря в губ[ернском] гор[оде] Владимире. – М., 1900. – С. 92–94.

¹¹⁾ Малов Е.А., протоиерей. *Историческое описание церквей города Казани.* – Вып. 2. – Казань, 1894. – С. 141–142.

¹¹¹⁾ Там же. С. 119.

Когда в 1778 году Троицкая церковь в Казани приняла вполне благоустроенный вид снаружи и внутри, прихожанам осталось подумать о новом большом колоколе. Правда, что не прошло еще и 15 лет, как подымали на колокольную (в 1774 г.) большой новый колокол, но он казался теперь для прихожан незначительным. Все они сознавали, что для их благоустроенной церкви нужен теперь и колокол побольше. Начались усердные приношения на колокол. В июле 1788 г. колокол уже был куплен. «1788 г. июля 5 дня города Чебоксар втораго Николаевского собора диакон заштатный Григорий Иванов, будучи в Казани, дал сию расписку Троицкой церкви священнику Ивану Иванову, старосте Петру Вязломцеву с мирскими людьми в том, [что] продан мною ко оной церкви колокол весом 76 пуд 29¹/₂ фунтов, ценою по 10 руб[лей] по 20 копеек пуд, за который получено мною диаконом старой колокольной меди 59 пуд 5 ¹/₂ фунтов и за работу со оной меди за каждый пуд по рублю, итого 59 рублей 13 ¹/₂ коп[еек], новой меди в деле 17 пуд 24 фунта по 10 рублей по 20 коп[еек] – 179 руб. 20 коп[еек], а всего состоит 238 руб[лей] 65 ¹/₂ коп[еек], который колокол на место привешен и оныя деньги при написании сего письма получены мною все сполна». (Следует своеручная расписка дьякона Григория Иванова»¹⁾.)

На колокольне при теплой церкви, во имя Знамения Пресвятой Богородицы в Казани, всех колоколов 8. Большой в 100 пуд[ов]. На нем следующая надпись: «В царствующем граде Казани ко храму Живоначальной Троицы в царство благочестивейшего, самодержавнейшего великого государя нашего императора Александра Павловича всея России и при супруге его, благочестивейшей государыне императрице Елизавете Алексеевне, при Казанском и Симбирском архиепископе Серапионе того же храма священник Иоанн Иоаннов с прихожанами и прочих приходов прихожанами, всеобщим их усердием, вылит сей колокол во 100 пудов. 1802 г. мая 22».

Полиелейный в 70 пуд. 31 фун. На нем слова: «Перелит сей колокол в царствующем граде Казани, старанием священника Ивана Никитина и старосты церковного, купца казанского Михаила...»¹¹⁾.

На колокольне Смоленско-Варлаамовской церкви, что в Казани, еще в 1774–1789 гг. было семь колоколов: 1) большой в 69 пудов; 2) полиелейный – без весу; 3) повседневный – 22 пуда 1 фун[тов], и четыре малых без весу. В настоящее время всех так же семь колоколов. На большом находится следующая надпись: «1855 года вы-

¹⁾ Малов Е.А., протоиерей. Историческое описание церквей города Казани. – Вып. 2. – Казань, 1894. – С. 119.

¹¹⁾ Там же С. 129.

лит сей колокол в царствование государя Александра Николаевича, по благословению высокопреосвященнейшаго Григория, архиепископа Казанскаго и Свияжскаго в Смоленско-Варлаамовскую церковь. Весу 127 пуд. 27 фун. усердием крестьянина Михаила Платонова и другими лицами при священнике Иоанне Стратилатове»¹⁾.

[Колокола России]

Из зданий Хотькова монастыря интересна колокольня каменная. Построенная в 1834 году, с боевыми часами. В первой половине XVII века колокольня была малая деревянная, на четырех дубовых столбах, и занимала место около Никольского храма.

Колоколов на ней было тогда больших и малых пять.

В 1648 году Янов, близ церкви Покрова с западной стороны, построил новую колокольню, вместо которой, по причине ее обветшалости, в 1768 году, при вновь построенном Никольском храме, построена новая каменная колокольня, а старая при Покровской церкви в 1779 году была уничтожена.

В прошедшем столетии на колокольне висел один замечательный колокол, вывезенный из Данцига; на нем была вверху следующая надпись: «Vigilate, quia nescitit diem neque horam, in qua Tilius Hominis veniet. DLXXXVIII. MIT GOTES Hv FE COSMISH HERMAN. BENNCK ZV DANTZICK. ANN. 1560».

В настоящее время на колокольне находятся колокола: а) большой праздничный в 493 пуда, пожертвованный неизвестным в 1870 г.; б) полиелей в 212 пуд., 1831 г.; в) колокол в 131 пуд, 1795 г.; г) колокол в 80 пуд., вылитый в 1794 г. к церкви Воскресения Христова на Дмитровке в Москве; д) колокол в 29 пуд., вылитый в 1694 г. и принадлежавший Казанской церкви в Сущеве в Москве и др.¹¹⁾

В описи Троице-Сергиевской лавры и приписанных к ней монастырей 1643 [г.] показано: «В Киржачском монастыре колокольница деревянная, рубленая, брусеная, а на ней шатер, крест и глава паяна железом немецким. А на колокольнице колоколов: колокол *благовестник*, колокол *ефимонный и часовой* тот же, да зазвонных, малых и средних шесть колоколов; на той же колокольнице часы боевые»¹¹¹⁾.

¹⁾ Малов Е.А., *протоиерей*. Историческое описание церквей города Казани. – Вып. 2. – Казань, 1894. – С. 129.

¹¹⁾ Смирнов С.К. Покровский Хотьков девичий монастырь. – 4-е изд. – М., 1875. – С. 32.

¹¹¹⁾ Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание города Киржача. – М., 1884. – С. 16–17.

В настоящее время в Киржачском монастыре колокольная каменная шатровая, устроенная над Спасскою церковью. На большом колоколе вылита следующая надпись: «В лето осьмая тысяча 196 (1688) марта в 3 день вылит сей колокол Пресвятыя Богородицы в Киржачский монастырь из старого колокола с прибавочною медью монастырскою казною, весу в нем 100 пуд».

На другом колоколе такая надпись: «Лета 7167 (1469) марта колокол сей в Киржачский монастырь дал вкладу окольничий Алексей Иванович Ржевский по дяде своему по боярине Иване Андреевиче Мстиславском, по его родителям, которые с ним погребены в оном монастыре под церковью Всемилоствитого Спаса; в нем весу 49 пуд»¹⁾.

В Соловецком монастыре, при игумене святом Филиппе для звона к церковным службам вместо каменных плит, называемых в старину клепалом, билом, бывших в то еще время при церквях, на присланную от царя Иоанна Васильевича сумму 720 рублей по старанию князя Александра Ивановича Воротынского вылиты во Пскове колокола: 1-й в 173 $\frac{1}{2}$ пудов, 2-й в 80 пудов 14 гривенок, а 3-й в 30 пудов¹⁾.

Царь Борис Федорович Годунов между прочими денежными вкладами пожаловал в Соловецкий монастырь меди на большой колокол, который был вылит в монастыре 1600 года и назывался Борисовичем. Весу в нем состояло 700 пудов, с прибавлением ста пудов меди монастырской¹⁾.

В 1548 году государь царь Иоанн Васильевич пожаловал при игумене Филиппе два колокола, вылитые по старанию князя Александра Ивановича Воротынского: 1-й в 180 пудов, ценою 870 рублей, а 2-й в 95 пудов, ценою в 300 рублей, и на малые зазвонные колокола 50 рублей¹⁾.

Соборная колокольная каменная в смежности с церковью Св. Николая Чудотворца, на фундаменте старой трехглавой, построена вновь старанием архимандрита Досифея 1777 года по новой архитектуре о двух ярусах, вышиною 27 сажень. На ней колокола: большой, вылитый в 1762 году из старого, называвшегося Борисовичем, в 527 пудов; третий, полиелейный, в 284 [пуда], вылит в

¹⁾ Там же. С. 22.

¹⁾ Досифей (Немчинов), архим. Геогр[афическое], истор[ическое и статистическое] описание Соловецкого монастыря. – Ч. 1–3. – 1836. – С. 73.

¹⁾ Там же. С. 96.

¹⁾ Там же. С. 224 (о вкладах).

1771 году; 4-й всеневный соборный, в 283 пуда 16 фунтов, вылит в 1775 году.

На всех четырех колоколах отлита одна и та же нижеследующая надпись: «Во славу Святыя Единосущныя Животворящия и Неразделимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, при благополучной державе благочестивейшия самодержавнейшия Великия Государыни нашея императрицы Екатерины Алексеевны всея России, при наследнике ея благоверном государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче, и при супруге его благоверной государыне и великой княгине Наталье Алексиевне, благословением же Святейшаго Правительствующаго Синода, вылит сей колокол ко святой Соловецкой обители в ставропигии тогожде Святейшего Синода при архимандрите Досифее, в лето от сотворения мира **ЗѢПВ** (7282), от Рождества же по плоти Бога Слова 1774. Весом сей колокол 1100 пудов. Лил мастер санктпетербургский купец Петр Евдокимов сын Евдокимов».

На колоколе Преподобническом, вылитом при игумене Филиппе, весом в 173 $\frac{1}{2}$ пуда, следующая надпись: «Лета 7065 (1557), июля в 20 день, на память огненное восхождение Святаго и славнаго Пророка Ильи, при державе благочестиваго царя государя, великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси, и при освященном Макарии, и при архиепископе Великаго Нова-града и Пскова владыке Пимене, слит бысть колокол сей в пределе Ноугородской в пречестную обитель боголепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и пречистыя Богородица, честнаго и славнаго Ея Успения и великаго Чудотворца Николы, и святых преподобных Чудотворцов Зосимы и Савватия, тое честныя обители начальников, повелением игумена Филиппа, и всей еже о Христе братиа. А лит в преименитом и славном граде Пскове, строением князя Александра Ивановича Воротынскаго. А делали мастера псковские из-за Псковскаго конца, Матфей Григорьев сын, да Кузьма Михайлов сын. Слава совершителю Богу, аминь».

На старинном же колоколе, весом в 150 пудов, таковая надпись: «Слит сей колокол в Нове-граде на Соловки, лета **ЗѢѢ**¹⁶⁵ (1597), при царе великом князе Феодоре Ивановиче всеа Руси и при ево царице великой княгине Ирине; строил боярин дворецкий Григорий Васильевич Годунов, в дом Спасу и Пречистой Богородицы и преподобным Чудотворцем Зосиму и Савватию, а лил Иван Матвеев сын Псковитин».

На двух зазвонных одинакового веса по 80 пудов отлиты подписи. На 1): «Божиею Милостию и Святыя живоначальныя Троица помощию, лета **ЗНѢ** (год записан не верно, правильно – **ЗНѢС**)(7056 г.

от СМ – 1547 г. от Р.Х.) месяца Сентевриа в **И** (8) день, при державе благоверного и Христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, царя и государя всеа Руси Владимирскаго и Московскаго, и Новгородскаго, и Псковскаго, и Смоленскаго, и Тверскаго, и Югорскаго, и Пермскаго, и Вятскаго, и Болгарскаго и иных, при архиепископе Великаго Нова-града и Пскова владыке Феодосии, слит колокол сей на Океан море, в пречестную обитель Соловецкаго монастыря, ко храму Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, повелением раба Божия игумена Филиппа с братией; а делал мастер Тимофей Оскарев Псковитянин».

На 2): «При державе благочестивейшаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца, вылит сей колокол здес в Соловецком монастыре, при настоятеле Господине отце Архимандрите Маркияне Ярцове, в лето **✠СН** (7228 г. от СМ – 1720 г.), от воплощения же Бога Слова года месяца декемвриа в **И** (8) день. Мастер Василий Осипов». На старинном же зазвонном колоколе, весом около 30 пудов, следующая надпись: «При державе благочестиваго и Христолюбиваго царя, великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси, и при благоверных царевичах Иоанне и Феодоре Иоанновичах, лит сей колокол в преименитом граде Пскове; а мастера Михайловы дети Матфей да Кузьма, аминь. А вылит в лето **✠363** (год записан не верно, правильно – **✠353** – 7067 г. от СМ – 1559 г.) года».

Всех вообще разновесных колоколов на двух ярусах колокольни и с часовыми, находящимися на Успенской колокольне, считается до 42; в Анзерах в Троицком скиту 6; на Голгофе в Распятском скиту 8 колоколов; итого всех колоколов 55. В 1830 году вылит 18 колоколов новых¹⁾.

В Свято-Троицком Анзерском скиту есть колокольня каменная, выстроенная в том же 1803 году над братскими келиями, находящимися в связи с церковью. На ней 6 колоколов: наибольшие весом от 40 до 90 пудов с немецкими надписями, а один средний с латинской таковою: «Asseurus Coster Amsterdami me fecit; soli Deo gloria» («Асвер Костер сделал меня в Амстердаме; слава Единому Богу»).

На малом, весом в два пуда, написано: «Лета 7132 (1623) сентября в 1 день, слиты сии два колокола по повелению Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря келаря старца Александра»; на

¹⁾ Досифей (Немчинов), архим. Геогр[афическое], истор[ическое и статистическое] описание Соловецкого монастыря. – Ч. 1–3. – 1836. – С. 239, 240 и 241.

другом малом, такого же веса, надпись голландская: «Niclaes is min niem 1572»¹⁾.

При приписной Новосоловецкой Марчуговской пустыне колокольня имеется каменная, на которой было 7 колоколов: большой весом 41 пуд и 9 фунтов; на ней часы боевые¹¹⁾.

На одном из колоколов Успенского Зилантова монастыря находится надпись, из которой видно, что он слит при царях Иоанне и Петре Алексеевичах в 1690 году¹¹¹⁾.

В Ипатьевском Костромском монастыре сохранились интересные колокола.

В 1603 году устроена Димитрием Годуновым колокольня (ныне существующая) на пространстве в длину 11 при ширине 3 1/2 сажень; на ней был большой колокол (600 пуд[ов]), вклад матери Бориса Годунова, монахини Сандулии, и 2-й (в 172 пуда) Ивана Ивановича Годунова. Последний существует доныне с подписью на нем: «Лета 1603 при державе царствия Российского благоверного государя царя и великого князя Бориса Федоровича всея Руси: слит колокол по приказу Ивана Ивановича Годунова по отце государе своем по Иване Васильевиче Иноке скимнике Иосифе, в доме Живоначальные Троицы и великаго Чудотворца Ипатия».

Ныне же существующий большой колокол, также в 600 пуд[ов] вылит в 1647 году (вероятно, перелит из прежнего) Алексеем Никитичем Годуновым и дядею его Василием Ивановичем Стрешневым. На колоколе надпись: «Лета 1647 месяца Сентября в 20 день, при державе царствия Российскаго благовернаго царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси Самодержца и по его царскому указу и по грамоте, в дом Живоначальные Троицы в Ыпатской монастырь апостола Филиппа и Чудотворца Ипатия по приказу стольника Алексея Микитича Годунова да дядя его боярин Василей Иванович Стрешнев продал племянника своего Олексееву вотчину село Семеновское в дом Живоначальной Троицы по нем Олексее и по его отце и по матери и по родителех и в вековую поминку при архимандрите Сергии з братьею а за тое его вотчину монастырскою казною слит си колокол (600 пуд[ов]), а колокол

¹⁾ Досифей (Немчинов), архим. Геогр[афическое], истор[ическое и статистическое] описание Соловецкого монастыря. — Ч. 1–3. — 1836. — С. 330.

¹¹⁾ Там же. С. 400.

¹¹¹⁾ Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. — 2-е изд. — Казань, 1850. — С. 90.

вылил по государеву указу колокольной государев мастер Данило Матвеев».

В продолжение XVII в. на колокольне было 18 колоколов, да боевые большие часы с перечащем.

Часовой колокол (доныне существующий) имеет такую надпись: «Лета 1659 Августа в 1 день перелит сии колокол в дом Живоначальная Троицы в Ыпатской монастырь, при державе государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и при его благоверной царице и великой княгине Марье Ильиничне и при благородном царевиче Алексее Алексеевиче и при архимандрите Тихоне з братьею. Дача боярина и конюшего Дмитрея Ивановича Годунова, а колокол лил мастер Федор Васильев, а весу **ЗН** (68) пуд». В последних годах XVII в. колокольня покрыта листовым железом, а конусообразный верх ее, с главою, покрыт зеленою черепицею¹⁾.

В Путивльском соборе замечательны колокола, которые своими надписями повествуют о длинной истории его. Тут есть два колокола, доставшиеся собору еще от Духова Девичья монастыря, первый в 155 пуд[ов], с надписью: **СГ** (т. е. 7203 от создания мира или 1695 от Р.Х.) «Сей колокол вылит в град Путивль в Духов Новодевичь монастырь игуменію Анисіею Батовриной для вечнаго поминовения родителей своих»; второй небольшой колокол в 30 пудов, с надписью: «Лета 1775 г. марта в 9 д. сей колокол в Духов девиць монастырь гор. Путивля». Есть еще «Никитский» колокол, в 11 1/2 пудов, доставшийся собору от упраздненной церкви св. великомуч. Никиты (смотри упраздненные церкви, № 10)¹⁶⁶, на нем надпись: «1775 г. генваря 27 д. сей колокол к церкви великомуч. Никиты».

Колокол весом 12 п[удов], пожалованный государем Михаилом Федоровичем в 1630 г. в бывший деревянный на городской крепости Преображенский собор и оттуда доставшийся по наследству настоящему собору по упразднении первого; на нем надпись: «Сей колокол лит по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича указу на Москве, лета 7138 (1630 г.)». Один из соборных колоколов называется «самозвоном»; по преданию, записанному в церковной летописи, название это дано колоколу по той причине, что во времена давно прошедшие, перед несчастьями для города Путивля от татар и поляков, этот колокол «сам звонил»¹¹⁾.

¹⁾ *Островский П., протоиерей*. Историко-статистическое описание Костромского Ипатьевского монастыря. – Кострома, 1870. – С. 11–12.

¹¹⁾ *Левицкий, Иаков, свящ.* Город Путивль // Труды XII Археологического съезда в Харькове: в 3-х т. – М., 1905. – Т. 3. – С. 164.

В Спасо-Евфимьевском монастыре в Суздале сохранилось несколько колоколов, имеющих большое историческое значение.

Колокольня невысокая, продолговатая, в виде галлерей. На ней колокола разной величины; в самом большом 566 пуд[ов], слит в 1691 году; в полиелейном 350 пуд.; на нем надпись: «В лето 7107 (1599 г.) слит сей колокол коштом Демида Ивановича Черемисина и в пожар 7118 (1610 г.) разшибся; а в 7126 (1618 г.) слит князем Дмитрием Михайловичем Пожарским». (103): колокол часовой с надписью: «Лета 7090 (1582 г.) дал сей колокол Дементий тот же Демид (что выше) Черемисинов в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, а весу в нем 67 пудов». На одном из малых колоколов написано: «Лета 7069 (1561 г.) августа слит тея колокол: вклад князя Василь Ивановича Горбошина». Поверх колоколов на срединной части колокольни устроен шатер для боевых часов.

При Викторе епископе в настоящей церкви (Рождество-Богородицком соборе) местные иконы украшены богатыми серебряными позолоченными шатрами, в теплой сделан гипсовый иконостас и на колокольню слит колокол в 750 пуд.

В Кидакшеской Борисоглебской церкви на колокольне, отдельно от храма построенной уже в позднейшее время, в числе колоколов нового времени находится древний колокол в 30 пудов весу и аршин в диаметре, со следующей надписью: «В лето 7066 (1558 г.) зделан сей колокол при царе государе великом князе Иване Васильевиче всея Руси и Макарии Митрополите. Царь государь дал сей колокол в дом Вознесения Господа нашего в Печерский монастырь при архимандрите Иоакиме в Новгород Нижний»¹⁾.

В описной книге Сольвычегодского Благовещенского собора 1579 года помещена следующая опись к колоколам:

«Колокол большой Реут, весом сто семьдесят пудов. Положение Семиона да Максима, да Никиты Строгановых.

Колокол *Лебедь*, пятьдесят пудов. Положение Семиона да Максима да Никиты Строгановых.

Колокол *Сокол*, весом сорок пудов. Положение Иякова да Григория да Семиона Аникеевых детей Строганова.

Колокол *красной*, весом полсемнадцать пуда.

Другой колокол *красной*, весом четырнадцать пудов. Положение оба красные колокола Иякова да Григория да Семиона Строгановых.

Колокол *Осиповский*, а в нем меди двадцать три пуда без четверти было. Положение Иосифа Захарыина сына. И тот колокол

¹⁾ *Иоасаф (Гапонов В.С.), иеромонах.* Церковно-историческое описание суздальских достопамятностей. — Чугуев, 1857. — С. 59, 101, 127.

звонечи разбился и переливали тот колокол снова его Максим да Никита да Петр да Андрей Строгановы, и своей меди тому колоколу прибавили одиннадцать пудов без четверти, и всего весом тридцать пудов и полчетверти пуда.

Колокол *красной*, весом пять пудов. Положение Иякова да Григория да Семиона Аникеевых детей Строганова.

Другой колокол *красной*, весом шесть пудов. Положение мирское.

Два колокола *завонья*, весом оба колокола четыре пуда. Положение Спиридона Ждана Костычева.

Два колокола малых *завонных*, весом оба колокола пуд и восемь фунтов. Положение Никиты Григорьевича сына Строганова.

А у большого колокола *Реута* язык ковал и колоду оковывал железом, и у *Лебеда*, и у *Сокола* и у *Оситовского* колоколов колоды оковывал железом с веретены, опроче языков, и у всех *завонных* колоколов крюки поцепные железные. Положение Никиты Строганова.

Часы железные с боем и с перечасьем, с гириями железными. Положение Никиты Григорьева сына Строганова»¹⁾.

В Валаамском монастыре колокольня стоит рядом с Успенской церковью. В начале XVIII века были в ней железные боевые часы и шесть колоколов в 196 пудов, но в пожаре 1722 года часы перегорели, а колокола растопились. В настоящее время имеется 7 колоколов; весу в большом – 123 пуда, а во всех – 284 пуда¹¹⁾.

По рассказам, в Коневском монастыре (на Лadoжском озере) есть колокол в 600 пудов, висящий на козлах и отлитый одним петербургским тряпичником, который, разбогатев, желал замолить свои грехи. Услышав, что в Коневском монастыре собираются отливать колокол, он сделал на этот предмет следующее пожертвование.

В Кронштадте разбирали старый корабль, деревянные части которого были скреплены медными болтами; упомянутый тряпичник послал туда людей скупать болты, которые и пожертвовал на колокол¹¹¹⁾.

В западной стороне ограды Троицкого Козловского монастыря устроена каменная колокольня о четырех ярусах, вышиною в 70 аршин. Она начата была строением в 1818 г. июля 14 и окончена 23 ок-

¹⁾ *Савваитов П.И.* Строгоновские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. Записка. – СПб., 1886 (Памятники древней письменности и искусства; Вып. 61). – С. 79–80.

¹¹⁾ *Аркадий, иером.* Описание Нижегородского Благовещенского третьего-классного мужского монастыря. – Нижний Новгород, 1884. – С. 11.

¹¹¹⁾ *Рыбаков С.Г.* Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 16.

тября 1820, при архимандрите Анастасии, на добровольные пожертвования, главным образом, жителей Козлова. Колоколов на ней 11. Первый 442 п[уда] 20 ф[унтов]; по приятному звуку это редкий колокол. Второй в 120 п[удов] 28 ф[унтов], третий в 70 п[удов], три колокола от 25 до 12 пуд[ов], и пять небольших колоколов¹⁾.

Колокольня при ярославском Спасопробойнском обыденном храме каменная трехъярусная, вышиною около 25 сажень, увенчанная главою и крестом железными, позолоченными и со всех сторон обставленная колоннами, устроена в 1831–1832 годах. В числе семи колоколов самый большой имеет весу 142 пуда 37 фунт[ов]. И вылит в 1835 году при протоиерее Иосифе и церковном старосте Чулошникове, второй 60 пуд[ов] 35 фунт[ов], третий 24 пуда 19 фунт[ов], четвертый 7 пуд, пятый 4 пуда, шестой 1 пуд 24 фунт[а] и седьмой 1 пуд 20 фунтов¹¹⁾.

Каменная колокольня Казанской обители города Ярославля, устроенная в одной линии с теплым храмом и оградой монастыря, состоит из четырех ярусов; в нижнем находятся святые врата, а в третьем повешены колокола, числом десять, из которых самый большой в 325 пудов весу¹¹¹⁾.

Около собора в селе Микулино-Городище, Тверской губернии, стояла русская шестигранная колокольня, крытая тесом в чешую, на этой колокольне висело семь колоколов и железное било.

На колокольне упраздненного Сновидского монастыря, в шести верстах от Владимира на Клязьме, замечательны колокола со следующими надписями: «Лета 7149 (1641) году выменен сей колокол во Володимирском уезде в монастырь Сновицкой Благовещенье Пресвятыя Богородицы при игумене Евфимии а заделать дал старец Макарий три рубля». На другом читаем: «Лета 7169 (1661) приложил в долг Благовещения Пресвятыя Богородицы в Сновидский монастырь колокол Иван Федоров Соболев».

Колокольня Сатисо-Градо-Саровской пустыни – здание огромнейшее, новейшей архитектуры, в 38 сажень высоты. Она имеет вид четырехэтажного столпа и стоит в середине двух братских корпусов, со стороны западной. В первом этаже колокольни – Св. врата. В третьем и четвертом – колокола, числом 18-ть; первый из них весит

¹⁾ [Казанский П.С.] Историческое описание Троицкого Козловского монастыря. – М., 1849. – С. 17.

¹¹⁾ Соловьев И.П. Ярославский Спасопробойнский обыденный храм. – Ярославль, 1869. – С. 69–70.

¹¹¹⁾ Крылов, Аполлинарий. Церковно-археологическое описание города Ярославля. – Ярославль, 1860. – С. 91.

1200 пудов; 2-й – 555 п[удов]; 3-й – 355 п[удов]; 4-й – 213 [пудов]; 5-й – 137 пуд[ов]; 6-й – 86 пудов; прочие меньшего размера, а всего весу с мелкими 2684 п[уда]. В середине купола устроены боевые часы с четвертями. Не излишне заметить, что звон Саровской пустыни отличается особенным благозвучием, которое возбуждает в душе глубокие, таинственные мысли. Кто посещал эту обитель и слышал согласный звон колоколов ее в дни праздничные, тот не потребует в сем уверения¹⁾.

Колокольня Псковского собора имеет 22 колокола, из которых самый большой, имеющий в диаметре 3 1/2 арш., весом 600 пуд[ов]¹¹⁾.

Колокольня при Мещевском Георгиевском мужском общежительном монастыре, в одной связи с церковью, новой архитектуры, построена в 1820 году вместо разрушенной бурей в 1768 году и разобранной до основания в 1809 году, квадратная четырехъярусная; три яруса украшены двойными колоннами, а вместо окон пролеты; в верхнем – палатка для часов, покрыта куполом, который увенчан грушевидною главою, а на ней позлащенный крест, утвержденный в яблоке. На колокольне находится 11 колоколов: самый большой весом в 136 пудов 4 фунта. На нем вычеканена надпись: «1754 года февраля 2-го дня, вылил сей колокол в обитель св. великомученика Георгия, что близ города Мещовска, а в оном в новом положено старого бывшего колокола оной же обители весу 51 пуд 20 фунтов, а вновь приложено к старому колоколу тому архимандритом Силою 84 пуда 24 фунта, впредь для поминовения души своей. Итого в оном колоколе старою и с новою медью 136 пуд. 4 ф.; лил сей колокол мастер Константин Михайлов сын Слизов». На другом колоколе надпись: «1793 года декабря 27 дня, перешел сей колокол из старого города Мещовска в Егорьевский монастырь при строителе Мельхиседеке, весу 37 пуд. и 30 фунтов»¹¹¹⁾.

В настоятельство о. Израиля (1820–1831), в коренной Рождество-Богородицкой пустыни, колокол 70 пуд[ов] разбитый с прибавкою 10 пудов новой меди, перелит вновь и еще для согласного звона куплено три новые колокола; в 53 пуда, 28 пудов и в 20 фунтов¹¹²⁾.

¹⁾ [Авель (Ванюков).] Описание Сатисо-Градо-Саровской пустыни. – 3-е изд. – Муром, 1889. – С. 65.

¹¹⁾ Годовиков И.Ф. Описание и изображение древностей Псковской губернии. – Ч. 1–2. – Псков, 1880. – С. 52.

¹¹¹⁾ [Леонид (Кавелин Л.А.), архим.] Историческое описание Мещевского Георгиевского мужского общежительного монастыря. – М., 1870. – С. 128.

¹¹²⁾ [Леонид (Кавелин Л.А.), архим.] Историческое описание коренной Рождество-Богородицкой пустыни. – 2-е изд. – СПб., 1876. – С. 122.

На колокольне коренной Рождество-Богородицкой пустыни 9 разновесных колоколов. На большом изображено: «Колокол сей Курского уезда в Коренную пустыню тщанием архимандрита Михаила, коштом монаха Иоанна Алаторцова сделан ко храму Рождества Пресвятыя Богородицы», весу в нем 150 пудов. Полиелейный в 20 пудов, повседневный в 17 пудов 15 фунтов; четвертый в 9 пудов; а пять колоколов малых, каждый в 1 $\frac{1}{2}$ (из них 4 променены, а взято на место их у тульского купца Котельникова), большие боевые железные трехярусные самой простой работы разломанные ветхие русские часы¹⁾.

На колокольне Ниловой Стоlobенской пустыни интересны следующие колокола: 1) Первый колокол в 300 пудов, перелитый, как показывает надпись на нем, в 1755 году из прежнего колокола в 160 пудов, пожалованного в пустынь в 1670 году *Царем Алексеем Михайловичем*. Вот надпись на нем: «Сей колокол, в лето 7178 (1670) жалованный в Нилову пустыню блаженные и вечно достойныя памяти царем Алексеем Михайловичем, во 160 пудов, переливал в 1755 году в реченной пустыне в благополучное царствование благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашей, императрицы Елизаветы Петровны всея России (далее следуют титулы и имена наследника и супруги его), в бытность игумена Александра, старанием иеромонаха Вениамина и санктпетербургского купца Саввы Яковлева, мирским подаянием доброхотных подателей, весом с прибавкою в 300 пуд. Лил сей колокол мастер Димитрий Евдокимов». 2) Четвертый в 64 пуда 12 фунтов, перелитый в 1845 году из старого разбитого пятидесятипудового колокола, пожертвованного в пустынь князьями Иваном и Юрием Ивановичами *Ромодановскими*. В первый раз внесен был в опись этот колокол Ромодановских с наименованием жертвователей в 1672 году. 3) Пятый в 41 пуд с надписью: «174 (1666) года января в 20 день великий государь *царь* и великий князь *Алексей Михайлович*, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец, пожаловал сей колокол по своему государеву обету в пустыню чудотворца Нила в Стоlobенский монастырь, а весом 41 пуд»¹¹⁾.

«Божиею милостию, по благословению великаго господина пресвященнаго Маркелла, архиепископа Вологодскаго и Великоперм-

¹⁾ [Леонид (Кавелин Л.А.), архим.] Историческое описание коренной Рождество-Богородицкой пустыни. – 2-е изд. – СПб., 1876. – С. 53–54.

¹¹⁾ Успенский Вл.П. Историческое описание Ниловой Стоlobенской пустыни Тверской епархии Осташковского уезда. – 2-е изд. – Тверь, 1876. – С. 82–83.

скаго, заведены книги писать Успения Пречистыя Богородицы Семигородския церковному строению, образом, и книгам, и ризам, и церковным сосудам...

Да том же теплом храму придел Николая Чудотворца, а не освящен. Настоящий образ Николая Чудотворца с житием; да книг припасено; Евангелие на престольное печатное, подето бархатилью, Евангелисты медные, да сосуды церковные белые, *да три колокола*¹⁾.

В ограде Крестовоздвиженской церкви в гор. Шуге находится древняя колокольня, с девятью колоколами, из которых большой в 430 пудов весу, усердием прихожан сооруженный в 1846 г. На колокольне устроены боевые часы¹¹⁾.

В городе Новомоскве, при Троицком соборе, колокольня с колоколами составляет особую ценность. Из колоколов самый большой в 262 пуда 24 фунт[а]; он один ценился в 7220 руб[лей]. «В детстве слышал я, — говорит Григорий Надхин, — от кого-то, что один из этих колоколов пожертвован Потемкиным, но потом ни от кого нигде не случилось мне слышать подтверждение этого»¹¹¹⁾.

При Запорожском Самарском Пустынно-Николаевском монастыре в числе других церковных строений имеется и колокольня, построенная в 1828 году, на место деревянной; прежняя колокольня имела четыре яруса и поставлена в 1798 г. учителем Новых Кайдак, Карпом Яковенком. На нынешней колокольне главный колокол весом в 169 пуд[ов] 22 ф[унта], куплен за 8320 р[ублей] 90 к[опеек]¹¹²⁾.

Колоколов на Софийской колокольне, города Тобольска, в двух ярусах 15. Большой колокол замечателен тем, что больше всех колоколов, существующих по Сибири: весит 1011 пудов 22 фунта. Слит он в 1738 году на Тагильском заводе, старанием митр[ополита] Антония Стаховского и иждивением, как показывает надпись на нем, дворянина Акинфея Никитича Демидова. Колокола в 500 п[удов] и в 293 п[уда] 4 ф[унта] литы в Москве известным мастером Фед[ором] Моториным, при Тоб[ольском] митр[ополите] Павле I, между 1682–1690 гг. на счет архиерейского дома; этот последний, весивший сначала 300 п[удов], во время пожара 1788 г. растопился, потому был переливаем; а в 160 п[удов], в 103 п[уда] и 40 п[удов] жертвованные,

¹⁾ Савваитов П.И. Описание Семигородной Успенской пустыни [и ураздненного Катромского Николаевского монастыря]. — СПб., 1856. — С. 32.

¹¹⁾ Гундобин П.И. Описание Крестовоздвиженской церкви в Шуге. — Владимир, 1860. — С. 9.

¹¹¹⁾ Надхин Г. Церковные памятники Запорожья // Древняя и Новая Россия. — 1879. — Т. 2, № 7. — С. 216.

¹¹²⁾ Там же. С. 231.

первый, как гласит надпись, царями Иоанном и Петром Алексеевичами в 1682 году, а второй и третий царем Федором Алексеевичем в 1678 году. Был еще и 4-й царский колокол (царя Алексея Михайловича) в 110 п[удов], но он, по словам одних, разбился при падении старой колокольной, а по другим растопился во время пожара 1788 г.

К числу соборных колоколов принадлежит и *корноухий колокол*, который висел под небольшим деревянным навесом, при домовой архиерейской церкви. Этот колокол исторической важности: он из Углича, тот самый, в который били в набат, по случаю убийства царевича Дмитрия. Годуновым в Тобольск прислан в 1593¹⁶⁷ году, висел сначала на Спасской колокольной, потом какими-то судьбами попал на соборную, и при пожарных случаях [в него] били в набат; снят он с соборной колокольной и помещен при домовой архиерейской церкви, по распоряжению архиеп[ископа] Афанасия, в 1837 г., перед прибытием в Тобольск государя Наследника, дабы, если будет нужно, показать Его императорскому высочеству и по случаю отстройки крестовой церкви, при которой дотоле поболее колокола не было.

Угличский колокол имеет весу 19 п[удов] 20 ф[унтов], и что замечательно, корноухий: одно ухо у него отсечено перед ссылкой в Сибирь, по повелению Бориса Годунова, в наказание на нем вырезана (а не вылита) при том буквами формы новейшего времени, следующая надпись: «Сей колокол, в который били в набат при убийстве благоверного царевича Димитрия, в 1593¹⁶⁸ году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку в град Тобольск к церкви Всемилоственного Спаса, что на Торгу, а потом на Софийской колокольной был часобитной». Надпись, очевидно, не древняя; да есть слух, что и колокол этот не тот самый, который был прислан из Углича: настоящий Угличский будто бы, по словам одних, в пожаре 1778 г. растопился, а по словам других еще дорогой где-то и как-то разбился, и потому перелит; ухо отсекали и у вновь отлитого, для того, что так было у его первообраза.

Другое замечание: [Н.М.] Карамзин в 245 примечании в Х т[оме] своей Истории Росс[ийского] гос[ударства] сказал, что «в Тобольске между колоколами Всемилоственного Спаса показывают набатный угличский, коего звук известил тамошних жителей о убийстве Царевича». Некогда, впрочем никак не ранее половины прошедшего столетия, это было так, но когда писалась и издана История Росс[ийского] госуд[арства], было уже иначе¹⁾.

¹⁾ Сулоцкий А.И. Описание краткое всех церквей, существующих в г. Тобольске [и пространное Тобольского Софийского собора]. – М., 1852. – С. 71–73.

В свое время этот колокол вызвал многочисленные споры, только недавно подлинность его вполне установлена и он возвращен в Углич. (См. о нем ниже.)

К числу царских даров в Балаклейском Соборе, Харьковской епархии, по описи 1828 года принадлежит и колокол со следующей надписью: «191 (1683) г. июля 9 по указу великих государей из разряду вестовой колокол, веса 10 пуд[ов], послан в Балаклею»¹⁾.

В 1732 г. Грайворонский священник Прокопий писал, что отец его Стефан Райкович служил в г. Золочеве при *Троицкой* церкви, и когда та за малолюдством опустела, служил в *Богоявленской* церкви, и что заботливостью отца его приобретены для церкви «4 колокола, а пятый привез он с собою из гор. Машурова, и еще привез общую *Минею* и *Служебник*, иконостас и на престольную сень»¹¹⁾.

При Покровском соборе города Ахтырка, Харьковской епархии, имеется и колокольная каменная с храмом в честь *Входа Богоматери во Храм с колоколом в 250 пудов*¹¹¹⁾.

Каменная колокольная города Сумы при соборной церкви заложена была 1797 года июня 15 дня и окончена 1801 года. По огромности ли здания, или по непрочному устройству, в этой колокольне оказались большие трещины, почему для безопасности и разобрана она в 1812 году, на место ее из того же кирпича устроено четыре номера лавок, со входом посредине в ограду церкви. Остальной кирпич употреблен на колокольную, вновь устроенную 1821 года, и на ограду церкви. *Колокол большой* взят из Сумского Успенского монастыря. Надпись его говорит, что он устроен статским советником Яковом Алексеевичем Шубским; весу в колоколе 60 пудов. Другой колокол, меньший, пожертвован сумским жителем Даниилом Ивановым Забродским; весу в колоколе 44 пуда¹¹²⁾.

В упраздненном монастыре Василия Кесарийского, в Галиче, на колокольне было шесть колоколов¹¹³⁾.

По писцовым книгам Бутурлина, 1628 года, видно, что в ныне упраздненном Крестовоздвиженском, а в старину Ризположенском Анастасьином, Костромском девичьем монастыре, было «на колокольнице пять колоколов»¹¹⁴⁾.

¹⁾ [Филарет (Гумилевский Д.Г.)] Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Отд. 5. – М., 1858. – С. 122.

¹¹⁾ Там же. С. 134–135.

¹¹¹⁾ Там же. С. 18.

¹¹²⁾ Там же. С. 285.

¹¹³⁾ Титов А.А. Упраздненные монастыри Костромской епархии. – М., 1909. – С. 9.

¹¹⁴⁾ Там же. С. 17.

Из Галичских писцовых книг князя Мещерского 1632 года видно, что на колокольне ныне упраздненного Зачатиевского Галичского Успенского монастыря было восемь колоколов¹⁾.

Некто из нерехтчан приложил в Сыпанов Нерехтский, ныне упраздненный, монастырь два колокола, а третий купили на сумму вкладчиков¹¹⁾.

В этом же монастыре кроме большого колокола, приложенного купцом Загряцким Лапшиным, весом около 100 пудов, почти все колокола относятся к 7195 (1687) году¹¹¹⁾.

В двух западных куполах, которые устроены над теплыми церквами во имя Покрова Пресвятой Богородицы, в селе Новоспаском, помещены колокола с согласным звоном. Из числа этих колоколов большой вылит в 108 пуд[ов] от усердия Василия Васильевича Головина, в 1805 году. Полиелейный перелит в 1837 году Василием Павловичем Головиным из соборной меди в 65 пудов, найденной после церковного пожара. Будничный в 40 пудов, жертвованный Гавриилом Павловичем Головиным, а все прочие маленькие куплены вновь в 1818 году на иждивение Павла Васильевича Головина, исключая одного Великопостного, в двадцать пудов, который прислан из Москвы Я.Д.Башиловым. Во всех колоколах весу триста пудов¹¹²⁾.

Кроме соборного храма, в Козельской Введенской Оптиной пустыне, по описи (составленной игуменом Аристархом при приеме обители от казначея Серапиона) 1771 года, значится в монастыре еще колокольня каменная; небольшая и тонкая шейка и голова обиты железом по дереву, крест местами позлащен, а большая часть выкрашена ярью: построена в 1769 году. На ней пять колоколов небольших¹¹³⁾.

На западной стороне, против собора Козельской Введенской Оптиной пустыни, четырехярусная колокольня, готической архитектуры. В третьем ярусе девять колоколов: 1) *Бденный* или *праздничный*, с надписью: «Колокол сей устроен в Козельскую Введенскую Оптину пустынь 1815 года февраля 23 дня. Лит в Туле, на заводе Черниковых; весу в нем 213 пуд. 34 ф. при игумене Авраамии.

¹⁾ Титов А.А. Упраздненные монастыри Костромской епархии. — М., 1909. — С. 325.

¹¹⁾ Там же. С. 43.

¹¹¹⁾ Там же. С. 54.

¹¹²⁾ Казанский П.С. Село Новоспасское, Деденево тож [и родословная Головиных владельцев онога]. — М., 1847. — С. 11.

¹¹³⁾ Леонид (Кавелин Л.А.) Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни [и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи. — Ч. 1–2]. — СПб., 1847. — С. 54.

Мастер Аким Воробьев». На нем образа: Казанской Богоматери, Св. Николая Чудотворца. 2) *Полиелейный*, с надписью: «Во славу Божию и святых угодников Его от усердия Христолюбцев, вылит сей колокол полиелейный, для Козельской Введенской Оптиной пустыни, при строителе иеромонахе Моисее 1828 года января 15 дня в Москве. Весу 100 пуд. 35 ф.». Образа на нем Георгия Победоносца, Федора Стратилата, Пафнутия Боровского Чудотворца, Собор Иоанна Предтечи и Владимирской Богоматери. 3) *Повседневный* с надписью: «1832 года августа при строителе иеромонахе Моисее с братиею, иждивением неизвестного вкладчика; в Москве, весу в нем 56 пуд. 15 ф.». Образа на нем: Казанской Богоматери, Святителей Московских: Ионы и Алексея и Иоанна Крестителя. 4) *Трапезный*, весу 24 пуд[а] 2 ф[унта]. Лит в Туле, на заводе Черниковых. Образа на нем: Казанской Богоматери и Св. Николая Чудотворца. Пять *Завонных* колоколов; все вылиты в 1828 году¹⁾.

Набожный старец Ханайченков, столь украсивший Успенский собор в Харькове в 1851 году увенчал свои приношения тем, что купил на свой счет колокол в 364 пуда¹¹⁾.

Рядом с церковью в Сольвычегодском Введенском монастыре против западного входа находится невысокая колокольня со шпилем, похожая на башню, на ней большой колокол весом в 160 пудов, немецкого литья. В куполе отличные старинные боевые часы¹¹¹⁾.

Колокольня, принадлежащая к соборам города Вологды, имеющая сообщение со стеною, окружающей архиерейский дом, построенная в XVII веке. Большой ее колокол, весом около 400 пудов, вылит в Любеке в 1689 году, как об этом говорит на нем надпись¹¹²⁾.

За валом и ручьем, к западу от церкви Устьвыма, стоит отдельная каменная соборная колокольня. На ней примечателен колокол, самый большой, литый в Гейдельберге в 1628 г., с голландско-немецкими надписями. На верху колокола надпись в одной стороне: «NICKLAUS NOLD SCHVLTHES IN ZEITERN – ANDEREAS MAYER PFARHER ZV DER ZEITD. 1628». В середине между отлитыми изображениями страстей Христовых и распятых двоих разбойников, с предстоящими Матерью Господа и любимым его учеником

¹⁾ Леонид (Кавелин Л.А.) Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни [и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи. – Ч. 1–2]. – СПб., 1847. – С. 127.

¹¹⁾ [Филарет (Гумилевский Д.Г.)] Историко-статистические сведения о Харьковской епархии. – Отд. 5. – М., 1858. – С. 28.

¹¹¹⁾ Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 9, ч. неофиц.

¹¹²⁾ Там же. – № 13. – С. 137.

Иоанном Богословом, находится в двух строках: «IACoB:ZANoT:VON:MERLE:LANDT:FAVT:IHM:BRVRHAIN». В низу креста изображен человек, без надписи, обнимающий колени распятого Господа. Нижняя на колоколе надпись: SANDT MARTIVNNVS GLOCK HEIS ICH DIE GROSSE WETTER SCHEIDT ICH IN GOTTES NAM BIN ICH AVS DEM FEIR GEFLOSSEN MAKTW SCHMANE VON CVSTRIN HAT MICH GEGOSSEN IN GEIDELBERG IM IAK 1628.

В первый раз копии с этих надписей сняты устюжским штаб-лекарем Фризом в 1793 году и отправлены им в Академию Наук, с подстрочным переводом. Но буквальный перевод надписей, особенно последней, сделанный Фризом, неудовлетворителен и во многих местах противоречит смыслу подлинника.

С переводом первой надписи Фриза мы согласны; он переводит ее: «Николай Нольд градоначальник – Андрей Майер помощник». Среднюю он объясняет так: «Яков Цант областной губернатор в Мерле Бруггаиме». Здесь Фриз видимо отступает от подлинника, которого точный перевод будет: «Яков Цандт *Мерлский* (т. е. родом из Мерля) областной губернатор в Брурене». Смысл последней надписи совершенно искажен в переводе Фриза. Она переведена им: «Мартин Шамане из Кистрина лил меня в городе Гейдельберге 1628 года, по названию моего мастера, называют и Мартином. *Глухих крестьян к церкви бужу* (этих слов вовсе нет в подлиннике) с помощью Божьею гром *расшибу*».

Настоящий смысл этой надписи, по нашему мнению, должен быть таков: «Св. Мартина колоколом называюсь я; бурю заглушаю я; во имя Бога вытек я из огня; Мартин Шмане из Кистрина лил меня в Гейдельберге, в 1628 году».

Вероятно, в подлиннике в слове SANDT ошибка; правильнее следует читать – SANCT, т. е. sanctus – святой. По мнению редакции точный перевод этих слов несколько разнится от перевода, представленного Г. Михайловым, и должен быть:

«Николай Нольд, начальник во время Андрея Майера священника, в 1628 году // Яков Зандт Фон-Мерле, областной начальник в Бургейме // Святого Мартина колоколом называюсь я, грозу разгоняю я, во имя Бога вытек я из огня, Мартин Шмане Кюстринский вылил меня в Гейдельберге в 1628 году»¹⁾.

Колоколья Великоустюгского Успенского Собора состоит из двух корпусов, в разное время построенных, соединенных между собою, равно как и с зимней церковью. На большой колокольне находятся два колокола: первый в 1054 пуда, литый в Устюге в 1754 го-

¹⁾ Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 13. – С. 184.

ду при преосвященном Варлааме, епископе Велико-Устюжском и Тотемском, второй около 500 пудов, литый в 1786 году в Устюге же при преосвященном Иоанне Устюжском и Тотемском. На другой колокольне 23 колокола, из них древнейший лит в 1643 году. На этой же колокольне медные недельного завода боевые часы с четвертями, на место суточных часов¹⁾.

В 1793 году бывший тогда епископ Архангельский и Олонецкий *Вениамин* взял, между прочим, из Свирского монастыря один большой колокол, принадлежащий некогда Кожеозерскому упраздненному монастырю¹¹⁾.

При той же соборной церкви имеется колокольня деревянная, а на ней 5 колоколов¹¹¹⁾.

На колокольне ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря колокола: колокол большой Воскресенский, весом пятьсот пудов, а на нем вылит: Образ Воскресения Христова, и на нем надпись: «Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, Единому Безгрешному». Четыре Евангелиста. По сторонам Воскресения Христова: государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великой, и Малой и Белой России самодержец, тридцатилетен, и его благочестивая государыня царица и великая княгиня Мария Ильинишна, двадцатидевятилетна, да благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич, седьмого года. В подножии у благоверного царевича вылит лев. Да Никон патриарх, в правой руке держит церковь, а в левой колокол, а над ним подпись: «Никон, Божию милостию, патриарх». Да в верхнем поясу подпись: «От зачала всего мира бытия 7167 года, от воплощения Божия Слова 1658 года, сентября 1-го дня, начало святыя вещи сей бытия, Нового Иерусалима Воскресения Христова монастыря». Да местами подпись же около колокола: «Восток, Запад, Север, Юг; весна, лето, осень, зима». Да в нижних в двух поясах подпись же: «Прийдите убо, и видим и навькнем, кии вещи и образу разум, и кая истина, к ней же образ сей знаменует, не бо туне и яко же прилучися сию потребу узакониша божественнии закони, но разум имуще яко да ради знамене и образа к началом образных истин, восхолити возможем начальное коло (круг), не имуще конца, Безначального Отца собезначальное, горнее коло от венца

¹⁾ Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 13. – С. 230.

¹¹⁾ Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. – 2-е изд. – СПб., 1882. – С. 63.

¹¹¹⁾ Успенский собор в городе Звенигороде // Истор[ические] материалы о церквях и селах, ч. II, с. 6.

собезначальное рождение Сына от Отца, а звукогласное исхождение от кола венца исхождение Святаго Духа от Отца, нераздельное Троицы всенераздельное бытие рещи, и несть ни один кроме инех, или без инех глаголему, или разумеваему, идеже аще именуется; четверо же Евангелисты, четыре столпа миру и четырех добродетелей от Евангелия научаемся: мужеству, мудрости, целомудрию, правде, ибо четыре части миру суть: Восток, Запад, Север и полудни; и четверо частью круг лету венчается: весною, летом, осенью, зимою, и четверо частью земля состоится: Европою, Азиею, Америкою, Африкою».

Колокол Всесвятский, весом двести пуд. А на нем вылиты святыя во весь год. В верхних поясах подпись: «В древнем законе повеле Моисею Господь Бог сотворити себе две трубы серебряные кованные Царю, да будут тии на создание сонму и составляти полки и да трубими има и да соберутся к тебе весь сонм пред дверьми храма свидения, и да трубите знамение; сынове же Аарона жерцы да трубят трубами, и да будет вам в закон вечный, в рождение ваше, в день веселия вашего, и в праздниках ваших и в новомесячиях ваших, да вострубите трубами, и на всесозжение и на трубы спасений ваших, и да будут вам на воспоминание пред Богом вашим, яко Аз Господь Бог ваш. Еще и в Новом Законе устрояная божественная благодать духовные трубы новому Израилю доброгласные кинвалы, или рещи общим словом колокола, и елицы слышав доброгласныя сия и духовныя трубы в праздники Господские и на всяку молитву во дни и в нощи усердно без лености собирания, не како пред храмом свидения древняго сеннописанного закона, но внутрь храма Господня, и не на едины чувственные вополчахуся враги, и на невидимые, по писанному: «Облечете бо ся во вся оружия Божия, яко возможи вам стати противу козням диавольским яко»... В нижних поясах подпись: «Несть наша брань к плоти и к крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, в духовом злобы поднебесным, и елицы победиша от таковых, сбьсться другое писание: святию вси победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, и паки: побеждающего сотворю столпа церкви Бога моего, и по мале рече: побеждающему дам сести со мною на престол Моем, яко же и Аз победив и седох со Отцем Моим на престоле Его, и паки побеждай наследить вся, и будет ему Бог, и той будет мне в Сына паки: побеждающему дам ясти от древа животного, сже есть посреда рая Божия; о них же есть инде речеся: сии суть, приидоша от скорби великия и испраша ризы своя в крови Агнчи, сего ради суть пред престолом Божиим, и служат Ему день и ночь в церкви Его поюще песнь нову, глаголюще: достоин еси прияти книгу и отверсти печати сия, яко заколен бысть и искупи Богови нас кровию Своею от всяка-

го колена и языка, и люди и племен, и сотворил еси нас Богови нашему Царя Иерея и воцарихомся на земли. С нами Бог их, и отыметь Бог всяку слезу от очию их, и смерти не будет к тому, ни плача, ни вопля, ни болезни не будет к тому, яко первая мимо идоша блажени творящи заповеди Его; да будет область им на древо животне и враты внидут во град, с ними же сподоби, Боже, и нас причастником быти, страшливым же и неверным, и скверным, убийцам, и блуд творящим, идоложерцем и всем лживым, часть их в езере горящем огнем и жупелом». «Слит сей кимвал во славу Господа Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа, в монастырь Святаго Его Воскресения, рекомаго Нового Иерусалима, тщанием и труды смиренного Никона, Божию милостию патриарха, с прочими трудившимися, при архимандрите Герасиме, лета 7173, ноемврия в 3 день, и от воплощения Бога Слова 1664 года, индикта 3-го, вылил колокол того же монастыря монах Сергий, а святцы набирал того же монастыря трудник Заборский».

Колокол Тресвятский, весу сто пудов, а на нем вылиты образа трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго; да подле них подпись, вылиты тропари и кондаки. Да в нижнем поясе подпись же: «Лета 7174, января в 21 день, и от Воскресения Бога Слова 1666, во славу Господа Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа, и Святаго Его Воскресения слит сей колокол на имя Святых трех Святителей: Василия Великаго, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго и с воображенми образов тех, во царство великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всеа Великия, и Малыя и Белья России самодержца, мздою и трудами смиренного Никона патриарха, с прочими резными хитрости, монахом Паисеом и колокольного дела монахом Сергием того же монастыря».

Да средних и малых колоколов двенадцать. Да колокол разбит в 30 пудов. Да на той же колокольной часы железные боевые с перещасьем, три колокольчика, да пять чашек медных, да часовой колокол. Да колокольные меди слитков и лому триста семьдесят один пуд десять гривенок¹⁾.

В одном из фронтовых куполов Петровской во имя Всех Святых каменной церкви находится колокольная с пятью колоколами. Колокола эти отлиты в 1850 году из материала, оставшегося от колоколов прежней церкви, во время пожара в 1848 году расплавившихся²⁾.

¹⁾ Леонид (Кавелин Л.А.), арх. Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря. – М., 1876. – С. 202–205.

²⁾ Аверосий (Лотоцкий Аф.). Церковно-историческое и статистическое описание Варшавской Православной епархии. – Почаев, 1863. – С. 292.

Колокольня Варшавского кафедрального православного Свято-Троицкого собора в средней главной башне. В середине колокольни к устроенным из толстых брусьев связям прикреплены десять колоколов. Самый большой, весом 500 пудов; второй в 250; третий в 125; четвертый в 65; пятый в 32 пуда 27 фунтов; шестой в 18 пудов 27 фунтов; седьмой в 8 пудов 35 фунтов; восьмой в 4 пуда 27 фунтов; девятый в 1 пуд 39 фунтов и десятый в 1 пуд. Кроме того есть еще один колокол *сигнальный*, имеющий весу 1 пуд 50 фунтов¹⁶⁹. Колокола эти отливались на месте – в архиерейском саду вызванным из Москвы русским мастером. В материал на них употреблены пушки, из коих действовали поляки против русских во время мятежа 1831 года. Наверху башни устроены большие часы. В клетке, в которой они укреплены, два окошка со стеклами, окованные и выкрашенные масляною краскою; в других двух отверстиях два циферблата из листового железа, стрелка и цифры бронзовые вызолочены¹⁾.

На колокольне Покровской церкви гор. Шуи – большой примернозвучный¹⁷⁰ колокол вылит усердием прихожанина сей церкви почетного гражданина Ф.Г. Попова¹¹⁾.

При Троицкой, кладбищенской церкви, бывшем Троицком мужском монастыре, колокольня деревянная, на коей пять колоколов, да один разбитый. Внутри той колокольни часы боевые, железные, ветхие¹¹¹⁾.

В 1654 году, во время похода царя Алексея Михайловича в Литву, в числе ратных людей, были и дуниловцы. Доказательством сему служит Царская грамота, присланная в Дунилово, 7192 (1684). Этою грамотою повелевалось им отыскать и отослать в Литву колокола, взятые дуниловцами в Литовских местечках Дубровне и Орлово. Это было после Андрусовского мира с Польшей. Один из этих колоколов висел на Покровской колокольне до 1818 года. После, несмотря на древность и значительность, – вместе с прочими разбили и его, при переливке колоколов¹¹²⁾.

На колокольне Шартомского мужского монастыря около города Шуи интересны два колокола: первый из них: древнейший, со следующей надписью: «Лета 7134 (1626) года мая в 20 день дали сей колокол, вклада к Николаю Чудотворцу, в Шартомский монастырь:

¹⁾ *Амвросий (Лотоцкий Аф.)*. Церковно-истор[ическое] и стат[истическое] описание Варшавской Православной епархии. – Почаев, 1863. – С. 251.

¹¹⁾ *Борисов В.А.* Описание города Шуи [и его окрестностей]. – М., 1851. – С. 113.

¹¹¹⁾ Там же. С. 132.

¹¹²⁾ Там же. С. 157–158.

старец Савватий дал тридцать три рубля да старец Стахей дал двенадцать рублей четырнадцать алтын, по своим родителям и по своей душе; а весу 15 пудов, три гривенки». Второй колокол вылит в Москве мастером Федором Маториным при царях Иоанне и Петре Алексеевичах, лета 7193 (1685)¹⁾.

Здесь же интересен колокол в 198 пудов, по краям надпись: «Первый вкладчик Илья Михайлов (фамилия неразборчива), отлит 1790 года», наверху, с одной стороны, изображение Троицы, с другой – Николая Чудотворца¹¹⁾.

Очень интересен древний колокол в селе Шестакове. Утверждают, что царь Иоанн Васильевич в Шестаково подарил колокол, который будто бы шестаковцы, как дар царский, заботливо берегли и из липовых лык (отсюда и пошло пословие о «липовом Шестаковском колоколе») устроили на него чехол для защиты от непогоды. Действительно и поныне на Никольской колокольне находится древней наружности и особого звука колокол; на нем видна старинная славянская с титлами надпись: «Лета 7170 (1662) ...(нельзя разобрать)... колокол Шестакова города Николаю Чудотворцу Великорецкому». Тот или другой пожалован, неизвестно¹¹¹⁾.

На колокольне надвратной Иоанно-Предтеченской церкви, что в Спасокаменном монастыре на Кубанском озере, было десять колоколов: из них большой, благовестный, весом 107 пудов, другой – 37, третий 25, четвертый 15, пятый 7, шестой – 2. Об этих шести колоколах в описи замечено, что их «после пожару переделывал архимандрит Ефросин на Москве из горелой меди», а об остальных четырех колоколах сказано: «Да старых колоколов от пожару осталось четыре колокола маленьких». Между колокольной и ризницей в каменной палатке помещались «часы боевые с перечасьем»¹¹²⁾.

Колокольная Супрасльской Благовещенской церкви в виде триумфальных ворот каменная, 3-ярусная, построена во 2-й половине XVIII столетия средствами монастыря с помощью княгини Федоры Сапеги, урожденной Салтан. На ней 6 колоколов. Первый

¹⁾ Борисов В.А. Описание города Шуи [и его окрестностей]. – М., 1851. – С. 200.

¹¹⁾ Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. – Ч. 1: Монастыри. – Владимир, 1906. – С. 125.

¹¹¹⁾ [Древний колокол в селе Шестакове //] Северная пчела. – 1846. – 12 июня, № 130. – С. 518.

⁴⁾ Суворов Н.И. Описание Спасо-Каменного, что на Кубанском озере, монастыря, ныне Спасо-Преображенская Белавинская пустыня. – Вологда, 1871. – С. 17–18.

весом 150 пуд[ов], со следующей на славянском языке надписью: «Во славу и честь Богу в Троице Святей славивому и громогласного проповедника Его св. Иоанна Богослова, сей колокол паки наздася». На боковых частях имеются выпуклые изображения: с одной стороны орла, с надписью, как бы на ленте, на латинском языке 1 и 14 ст., глав. 1 евангелия Иоанна. Внизу под орлом рифмованное четверостишие, на польском языке, смысл какового следующий: как орел парит в небесах, так и звон колокола разгоняет громы а приносит милость Божию. С другой, противоположной стороны, – апокалипсической жены, с надписью на латинском языке 1 ст., глав. 12 видения Иоанна. С третьей стороны распятие Спасителя, с надписью на латинском языке 14 ст., глав. 6, послания Галатам. С четвертой стороны рифмованная на польском языке надпись, в которой говорится, что колокола, отлитые архимандритами Кимбарем и Шибинским, во время пожара колокольной, бывшего 1702 года мая 21 дня, разбились, которые снова отлиты при архимандрите Ланевском 1704 года августа 2 дня. Второй колокол, весом 100 пуд., со следующей вверху на славянском языке надписью: «В честь и славу св. Живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа». На боковой стороне сего колокола рифмованная на польском языке надпись, содержание коей следующее: «Вышник, Кмита и Мокось», бывшие три колокола с такими названиями, «во время бывшего страшного пожара разбившиеся, в один перелиты, дабы единогласно в Троице Единого Бога славить, – в Супрасле, 1704 года августа 23 дня». На другой боковой стороне выпуклое изображение св. Троицы, помещенное в треугольнике, в виде Всевидающего Ока, с лучами – сиянием, которое имеет такой образный вид: в одной главе сочетаны три человеческих лица, чем выражена мысль единства Божества в трех лицах. Ниже сего изображения имеется на латинском языке надпись следующего содержания:

«Gloria Tibi Trinitas – Aequalis una.
Daeitas – Et ante omnia saecula –
Et nunc et in Perpetuum».

Архимандрит Модест в своем описании Супрасльского монастыря, при описании сего колокола, ошибочно утверждает, что на этом колоколе имеются изображения лиц, переливших колокола – Вышинки, Клипки и Мокоси, как это видно из латинской надписи на нем, относящейся к прославлению Троиединого Бога. «Вышинка, Кмита», а не Клипка, «и Мокоси» не есть фамилии лиц, переливавших колокола, а есть название трех бывших колоколов, во время пожара разбившихся. «Вышник», должно быть, назывался потому,

что висел выше других колоколов. «Кмита и Мокосей – Шибинский» – носили фамилии тех лиц, коими они пожертвованы. Третий колокол, весом 30 пудов, современный двум перелитым со следующей на славянском языке надписью: «Буди имя Господне благословенно от ныне и до века». Затем еще три малых колокола: 3 пуда, 1 пуд и 30 фунт., приобретенных в 1879 году архимандритом Иннокентием. На сей колокольне имеются часы с недельным заводом, которые между прочим не в ходу, испорчены¹⁾.

На колокольне Ревельского Преображенского собора колоколов всего восемь: большой, весом 65 пудов, вылитый в 1751 г. 25 декабря; второй, весом 35 пудов, разбитый в 1884 году и для звона негодный; третий – весом 11 пуд[ов] 32 фунта; четвертый – весом 6 пуд[ов] 12 ф[унтов], пятый – весом около 10 пудов (вес не обозначен) с надписью готическими буквами: «Dum trahor audite voco vos ad gaudia vitae 1575 anno fecit me Matias Beninck», т. е. «когда в меня звонят, то слушайте, я зову вас к радостям жизни. В 1575 г. сделал меня Матас Бенинк». Шестой – тоже около 10 пуд[ов] весом (вес не обозначен) с надписью такими же буквами: «Verbum Domini manet in aeternum. Anno 1623. Stoebt mich Hans Kemmer y Helshenor», т. е. «Слово Божие пребывает вовеки. В 1623 году вылил меня Ганс Кеммер в Гельшеноре» (Гельзингер портовый датский город при Зунде). Седьмой – небольшой, весом 30 фунтов. Восьмой – весом 20 фунтов. Кроме того, еще колокольчик под навесом в ограде для повесток к звону.

Затем сохранился еще Указ С.-Петербургской Духовной Консistorии от 17-го июня 1842 г. за № 4624 на имя Эстляндского Духовного Правления относительно *обмена колоколов*, произведенного между ревельским Преображенским собором и Балтийско-Портской церковью. «По указу Его императорского величества С.-Петербургская Духовная Консistorия слушали рапорт Эстляндского Духовного Правления от 5 минувшаго мая за № 221 следующий: вследствие резолюции Его преосвященства Венедикта, епископа Ревельского, викария С.-Петербургского и кавалера, объявленной сему Правлению Указом С.-Петербургской Духовной Консistorии от 12 генваря сего года за № 400, разбитый колокол Балтийско-Портской Георгиевской церкви снят с колоколни и, по вывешании и составлении акта, представлен в Ревельский собор, где и хранится в церковном чулане, на место же сего отдан ревельскими соборянами колокол из упраздненной Феодоро-Стратилатовской церкви. Духовное Правление, рапортуя о сем, препроводило состав-

¹⁾ Николай (Далматов), архимандрит. Супрасльскй Благовещенский монастырь: Исторический очерк. – СПб., 1892. – С. 479–480.

ленный Балтийским причтом и некоторыми прихожанами за собственноручным их подписанием акт. В акте сем прописано: 1842 года марта 14 дня, по предписанию Эстляндского Духовного Правления от 27 генваря за № 52, вследствие Указа СПб. Духовной Консistorии от 12 генваря с. г. за № 400, в Балтийско-Портской Георгиевской церкви находившийся разбитый большой колокол снят и свешен, в коем оказалось весу 30 пуд. 26 ф., вместо же онаго полученный из Ревельскаго собора, из упраздненной Феодора-Стратилатовской церкви колокол, весом в 20 п. 27 ф. По справке оказалось: 1) Благочинный ревельскаго Преображенскаго собора протоиерей Алексей Смирнов рапортом к Его преосвященству от 19 сент. вследствие прошения причта Балтийско-Портской церкви испрашивал дозволения на неизъясненную передачу колоколов из Рев. собора в Балтийско-П. церковь, а из оной в Рев. собор, при чем объяснил, что разбитый колокол будет храниться в Соборе, доколе найдется возможность увеличить вес его до ста пудов и перелить, собрав от добродетельных дателей потребную для того сумму и прибавив к тому другие поврежденные колокола, которые имеются при соборе. 2) На представленном от протоиерея Его преосвященства 7 генваря 1842 г. предписано: колокол упраздненной Феодоровской церкви, 20 п. и 27 ф. Ревельским Соборянам отдать в Балтийскую церковь, а из оной по взаимному соглашению, взять в Собор разбитый, дозволить на тех основаниях, которыя изложены в рапорте благочиннаго, протоиерея Смирнова, от 19 сент. 1841 г. за № 69 с тем, касательно последняго, чтобы он 1) вслед за снятием с колокольной Балтийской свешен был надлежащим образом и о количестве весу его составлен был акт за подписанием причта, старосты и нескольких почетнейших прихожан; 2) акт тот доставит подлинником в Консистирию и точныя копии с него иметь как при Балтийской церкви, так и при Соборе, и 3) когда откроется возможность по Рев. собору на перелитие сего колокола рапортовать об этом, послать указ, а дело затем подать». — Приказали: 1) присланный при рапорте Эст Дух. Правления акт о вывешивании колоколов Рев. собора и Балтийской церкви, обмененных по взаимному согласию причтов сих церквей и по резолюции Его преосвященства, приложить к делу; 2) об означенной перемене колоколов причтом: Балтийской и Ревельской церквей с церковными старостами сделать отметку в церковных описях; 3) причту Рев. собора предписать, чтобы учинил исполнение по 3 пункту резолюции Его преосвященства 7 генваря от рапортованием, когда откроется возможность по Ревельскому собору на перелитие колокола; 4) об исполнении по сему, в чем следует предписать (и предписывается) Указом Эстляндскому Ду-

ховному Правлению. Июня 17 дня 1842 года. Подлинное подписали: Спасосенновский протоиерей Иоанн Иванов. Секретарь М. Верещагин. В должности столоначальника Ив. Богословский. С подлинным верно письмоводитель диакон Карнин. Указ сей принят причтом и записан по описи под № 288».

Разбитый колокол хранился в церковной ограде на особом столбике, наконец, был продан и на вырученную от продажи сумму приобретено 4 билета 5% с выигрышами внутреннего займа 1864 г. и два билета Харьковского Земельного банка по 100 руб. каждый, и все эти шесть билетов составляли особый капитал, со специальным значением, на покупку нового колокола. Но по указам Русской Духовной Консистории от 10 июля и 8 августа 1887 г. за №№ 3513 и 3877 этот колокольный капитал, вместе с прочими наличными капиталами, как церковными, так и причтовыми получил другое назначение, т. е. употреблен на покрытие долгов, образовавшихся при перестройке соборного причтового дома¹⁾.

Колокольня Белевской Жабынской пустыни находится недалеко от Знаменской церкви. Время построения ее утвердительно неизвестно: монастырское предание говорит, что она построена одновременно со старою Знаменскою церковью строителем монахом Серафимом в конце прошлого столетия (на ней 9 колоколов).

В верхнем ярусе помещены колокола; в большом весу 56 пудов; из надписи на нем видно, что он принадлежал некогда Тульскому Предтечеву монастырю, перелит из старого в 1776 году при архимандрите Иоакиме, мастером Николаем Котельниковым¹¹⁾.

Во вкладной книге Белевского Жабынского монастыря под № 12 записано так: «Белевца посацкаго человека Афанасия Стефанова сына Скопина, укладу дано Богородицы в церковь колокол, 12 рублей»¹¹¹⁾.

По описи 1800 года в числе других строений в Малоярославецком Черноостровском Николаевском общежительном монастыре и колокольня небольшая каменная, на ней четыре колокола, вес не обозначен¹¹²⁾.

¹⁾ Тизик К.А., *свящ.* История Ревельского Преображенского собора [Историко-статистическое описание]. – Ревель, 1896. – С. 99–100.

¹¹⁾ [Леонид (Кавелин Л.А.), *арх.* Историко-статистическое] описание Белевской Жабынской пустыни. – Тула, 1865. – С. 89.

¹¹¹⁾ Там же. С. 95.

¹¹²⁾ [Леонид (Кавелин Л.А.), *арх.*] Истор[ическое] описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. – СПб., 1863. – С. 47.

Игуменом Макарием для Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря приобретено от добрых дателей 4 колокола, из коих большой весом в 251 пуд, за ним следующий в 172 пуда, средний в 87 пудов и меньший в 47 пудов^{I)}.

Нынешняя колокольня в Малоярославецком Черноостровском Николаевском общежительном монастыре находится при входе на среднюю монастырскую площадку прямо против соборного храма. Во втором ярусе колокола, а в третьем боевые часы. Колоколов всех 10: большой, весом в 254 пуда 10 фунтов, вылит в Москве в 1822 году, по усердию купца Михаила Гаврилова Богданова. Полиелейный, весом в 189 пуд[ов] 10 фунтов, вылит в 1805 году в Москве, по усердию купца Василия Иванова Веневцева^{II)}.

Колоколен в Псково-Печерском монастыре две¹⁷¹. 1) К востоку от Успенской церкви, по той же линии, на площадке стоит отдельно главная монастырская колокольня, каменная из нескольких столбов, поставленных в одну линию от запада к востоку. Колокола, числом 18, висят в два ряда; некоторые из них без надписей, и надписанные не восходят далее XVII века, кроме одного, который вылит при Иване Грозном. В три большие колокола звон производится качанием посредством коромысел¹⁷². По всему устройству видно, что колокольня эта современна нынешней Успенской церкви. Рядом с колокольней, или вернее сказать, к ней приделана со стороны часовая башня. Близ часов изображен Ангел, возвещающий скоротечность времени и краткость человеческой жизни. 2) При Никольской церкви устроена, в одно время с нею, каменная небольшая колокольня. На трех каменных столбах ее висят 8 колоколов; три небольших колокола принесены сюда от Дмитриевской упраздненной церкви и отбиты в 1851 году у неприятеля, похитившего их в погосте Напольном от храма св. Николая Чудотворца^{III)}.

В 1748 году июля 7 в Туле для Брянского Свенского Успенского монастыря отлит колокол весом в сто тридцать пудов и другой колокол в пятнадцать пудов тридцать три фунта, а в следующем 1749 году перелит колокол в триста пудов^{IV)}.

I) [Леонид (Кавелин Л.А.), арх.] Истор[ическое] описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. – СПб., 1863. – С. 77.

II) Там же. С. 114.

III) [Аполлос (Беляев И.Г.)] Псково-Печерский монастырь. – 2-е изд. – Новгород, 1864. – С. 121–122.

IV) Иерофей (Добрицкий И.М.), архим. Брянский Свенский Успенский монастырь [Орловской епархии]. – М., 1866. – С. 52.

Колокольня при Брянском Свенском Успенском монастыре была каменная, на которой глава и кровля обгорелые. На колокольне было девять колоколов больших и малых; а десятый колокол висел на земле на козлах, в 200 пудов; и часы боевые большие железные без перечасья»¹⁾.

На колокольне Владимирского Рождественского монастыря (Архиерейский дом) восемь колоколов. Большой колокол (без образцов), весом в 300 пудов, пожалован царем Михаилом Федоровичем, как видно из вырезанной вглубь вязью надписи: «Божиею милостию повелением великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца слит сей колокол в лето **СЕМД** (год записан не верно, правильно – **СРМД** – 7144 г. от СМ – 1636 г. от Р.Х.) в **КД-Е** (24) лето государство Его при царице и великой княгине Евдокее Лукияновне и при благородных чадах царевиче князе Алексее Михайловиче и царевиче князе Иване Михайловиче и царевне и великой княжне Ирине Михайловне и царевне и великой княжне Анне Михайловне и царевне и великой княжне Софии Михайловне и царевне и великой княжне Татиане Михайловне и при их богомольце Святейшем Иоасафе патриархе Московском и всея Руси в третее лето патриаршества его и дал государь сей колокол во град Володимер Пречитые Богородицы в Рождественной монастырь и великаго чюдотворца князя Александра Невского по отце своем Государеве блаженные памяти великом государе святейшем Филарете Никитиче патриархе Московском и всея Руси в вечную память¹⁾.

На колокольне Боголюбова монастыря на большом колоколе имеется надпись: «7198 (1690) года сей колокол лил гостинный пасти (сотни) Иван Миначек»¹¹⁾.

На колокольне Юрьевского Архангельского монастыря интересны два колокола: 1-й весом в 109 пудов; куплен в Москве в 1688 году на монастырские средства; 2-й весом в 60 пудов в 1685 году приложен вдовою Анфисой Печатовой в вечное поминовение мужа ее, Федора Матфиева¹²⁾.

Колокольня Никольского мужского заштатного монастыря, в городе Гороховце, каменная стоит отдельно от Троице-Никольской

¹⁾ *Иерофей (Добрицкий И.М.), архим.* Брянский Свенский Успенский монастырь [Орловской епархии]. – М., 1866. – С. 123.

¹¹⁾ Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. – Ч. 1: Монастыри. – Владимир, 1906. – С. 5.

¹²⁾ Там же. С. 22.

¹³⁾ Там же. С. 96.

церкви. На ней имеется больших и малых 9 колоколов, из них самый большой колокол весит 157 пуд[ов] 27 ф[унтов], слит в Москве иждивением гостинного сотника Петра Иванова Ширяева в 1742 г. ноября 11 дня¹⁾.

Среди церковных вещей в Скопинском Свято-Духовом монастыре интересен колокол весом в один пуд два фунта, он замечателен своею древностью и несомненным доказательством бывшего на том месте Троицкого монастыря, по сохранившейся на нем славянской надписи: «РПН^R (7188 г. от СМ – 1680 г.) мая 10 дня, изложил сей колокол в пустыне Святыя Троицы, что в Скопине, съезжей избы подъячий Колиник Васильев сын Канищев, по своих родителей»¹¹⁾.

Близ соборного храма Флорищевой пустыни, Гороховецкого уезда, к западу, находится монастырская каменная колокольня, построенная одновременно с собором и равная с ним по высоте. На ней несколько колоколов, из коих большой весит 535 пудов. Между малыми колоколами есть жертвованные царем Федором Алексеевичем, из коих один в 200 пудов, подаренный им Иллариону, перелит при строителе Иерониме и в другой раз при игумене Порфирии уже в недавнее время¹¹¹⁾.

Во время пожара в 1855 году, истребившего почти весь Успенский Первоклассный Княгинин монастырь в губ. гор. Владимире, колокола упали с колокольни, дали трещины, что вынудило впоследствии перелить их на новые. Из числа прежних колоколов остались два маловесных колокола. На одном из них есть исторически интересная надпись: «Лета 7075 (1567) апреля в 25 день слит сей колокол и 2 наколокольник в Великом Нове городе при державе всея Русския земли царе и великом князе Иване Васильевиче и всея Руси и Владимирском и Московском и Новгородском и Казанском и всея Можайския земли и града Юрьева и иных многих и при отце его и богомольце Филиппе митрополите всея Руси и архиепископе Пимене Великаго Новаго града и постави сии три колокола Никифор Никитич Сущев по бабке по своей по Варваре Федоровне по Семеновой, жене Васильевича Сущева, а во иноцех Варсонофия, в дом Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа Успения Пречистыя Его Богоматери Володимерском уезде на Колокши

¹⁾ Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. – Ч. 1: Монастыри. – Владимир, 1906. – С. 116.

¹¹⁾ Алексеев И.А. Скопинский Свято-Духов монастырь[: Исторический очерк]. – Скопин, 1877. – С. 14.

¹¹¹⁾ Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. – Ч. 1: Монастыри. – Владимир, 1906. – С. 130.

реки, а погребено бысть тело ея в том же монастыре на память Ивана Лествица Списателя одесную церкви страну, а подписал сей колокол Митя Иванов сын Благовещения з Городища»¹⁾.

На колокольне Николаевского женского монастыря в гор. Переяславле старинный большой колокол, о т времени потемневший; на нем в три ряда надпись выпуклыми полууставными буквами, от времени несколько стертыми: «1746 году октября в 30 день вылит сей колокол в город Переяславль-Залесский во обитель Чудотворца Николая, что на Болоте, в бытность тех христоролюбивых дателей, а весу в нем 321 пуд 20 ф... лил сей колокол мастер Констендин Михайлов Слизов... Обители отца игумена Иакова Певницкого с братиею вновь прибавлено к старому колоколу 100 пудов по обещанию Московских купцов Максима и Ивана Ивановых детей Щелягиных, Алексея Борисова сына Счелягина, Ивана и Бориса Ивановых детей Глухаревых и от прочих, их родителей вкладному»¹¹⁾.

Из колоколов на колокольне Святоозерской женской пустыни, Гороховецкого уезда, замечателен 3-й, весом около 8 пудов; на нем имеется надпись: «Te Deum laudamus? Te Dominum conf.»; немного ниже вязью написано: «Лета 7178 г. марта в 10 день (1670) дал вкладу сей колокол в пустыню на Свято озеро Пречистыя Богородицы Иверския до преподобнаго отца Афонского Гороховленин Семен Ершов»¹¹¹⁾.

Колоколов на колокольне Ростовского Рождественского женского монастыря шесть: первый большой колокол имеет весу 112 пуд 36 фунтов (он куплен взамен разбитого в 1795 г.), второй колокол – в 30 пуд., третий – в 15 пуд., четвертый – в 6 пуд., пятый в 2 1/2 пуда и шестой в 2 пуда. На колокольне устроены в половине 1899 года боевые часы с четвертями иждивением ростовской купеческой вдовы Елисаветы Дмитриевны Мальчиной. Циферблат часов виден с трех сторон: северной, западной и восточной¹¹²⁾.

Колокольня Троицкого Желтоводского Монастыря у Старого Макарья с разными архитектурными украшениями потерпела в разное время некоторые переделки, но все-таки в общих чертах сохранила свою форму. В ней до разорения монастыря было 12 колоколов, имевших прекрасный звон, так как колокола были подоб-

¹⁾ Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. – Ч. 1: Монастыри. – Владимир, 1906. – С. 207.

¹¹⁾ Там же. С. 297.

¹¹¹⁾ Там же. С. 346–347.

¹¹²⁾ Израилев А.А., протоиерей. Ростовский [Ярославской губернии] Рождественский [третьеклассный] женский монастырь. – СПб., 1899. – С. 116.

раны по тонам, и звонари, как передают, имели для своего руководства ноты. Самый большой колокол весил 314 пудов и имел надпись: «Лета 7194 (1685) году месяца октоврия милостею Божией при державе государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья Роси самодержцах, по благословению преосвященнейшаго Филарета митрополита Нижегородскаго и Алаторскаго вылит сей колокол в Макарьев монастырь Желтоводскаго при архимандрите Сергии, при келаре старце Галактионе, при казначее бывшем игумене Варлааме, монастырскою казною, весу в нем 314 пуд, лили мастера чебокаренския Савва Никитин да сын его Петр». Теперь все эти колокола сняты и проданы попечительством в новый ярморочный собор. Три или четыре небольших колокольчика, чуть слышным звоном, призывают богомольцев принести мольбы к преподобному о возобновлении обители, сокрушенной не стихией и временем, а людскою алчностью и непониманием красоты архитектурных памятников допетровской Руси, составляющих нашу гордость¹⁾.

По описи 16 июня 1797 года в числе других вещей Виленского Свято-Духова монастыря значится четыре колокола: Большой в 376 пудов, вылит 1769 года ноября 12; другой, в 80 пудов – 1769 года июня 16; третий, в 35 пудов, вылит 1731 года и четвертый, в 3 пуда, того же года; колокольчика два – один *над алтарем*, другой *внутри церкви употребляемый*¹¹⁾.

Здание колокольни Виленского Св.-Духова монастыря в нынешнем виде каменное, трехъярусное, четвероугольное, с железною крышею на карнизах и куполе, со шпилем и на нем шаром и крестом, вызолоченным через огонь. Из числа семи колоколов самый большой, в 376 пудов, вылит 19 ноября 1769 года, второй, в 80 пудов, вылит 16 июня того же года; третий, литый в Ярославле Порфирием Оловянишниковым в 1866 году, весит с языком 42 пуда; остальные четыре малых колокола без означения веса и времени литья¹¹¹⁾.

Колокольня Борунского монастыря, ныне составляющем отделение Свято-Духова монастыря, имеет форму четырехугольной башни и построена из кирпича; на ней четыре небольших колокола без надписей¹¹²⁾.

¹¹⁾ Тюттов А.А. Троицкий Желтоводский монастырь у Старого Макария. – М., 1887. – С. 20–21.

¹¹¹⁾ Смирнов Ф.К. Виленский Св. Духов монастырь. – Вильна, 1888. – С. 233–234.

¹¹²⁾ Там же. С. 350.

¹¹³⁾ Там же. С. 373.

[Колокола Санкт-Петербурга]

Колокол на колокольне Петропавловской крепости в Петербурге весит с небольшим 200 пуд[ов] и привезен из Москвы в 1725 году¹⁾. 2-й полиелейный – 150 п[удов] 1 $\frac{3}{4}$ ф[унта], 3-й повседневный – 70 п[удов] 20 ф[унтов], 4-й великопостный – 63 пуда 20 $\frac{1}{2}$ ф[унтов]. Колокола с 5-го по 10-й включительно не имеют особых названий, 5-й неизвестно сколько весит, 6-й – 11 пуд[ов] 16 ф[унтов], 7-й – неизвестно, без языка за неимением скобы для него, 8-й – 8 пуд[ов] 13 ф[унтов], 9-й – неизвестно, 10-й – 1 пуд 30 $\frac{1}{2}$ ф[унтов], 11-й, 12-й, 13-й и 14-й – малые, вес каждого неизвестен. Часы повешены над соборными колоколами. На каждом из часовых колоколов, с наружной стороны, находится литая надпись на иностранном языке¹⁾.

Колоколов в Исаакиевском соборе одиннадцать¹¹⁾. Веса в них 4349 пудов. Цена колоколов шестьдесят две тысячи рублей. Отлиты они в С.-Петербурге, на Малой Охте, Валдайским колокольным мастером Иваном Макаровым Стуколкиным.

Самый большой колокол имеет веса 1860 пудов и 23 фунта, кроме языка, который весит 49 пудов и 29 фунтов. В поперечнике он имеет четыре аршина десять вершков и украшен пятью медалями императоров Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I. В настоящее время этот колокол дал трещину. На нем славянская надпись из псалма: *«Воспойте Господеву песнь нову, хваление Его в церкви преподобных; да возвеселится Израиль о сотворшем Его и сынове Сиони возрадуются о Царе своем»*.

Второй по величине колокол, воскресный, на северо-восточной колокольне. Он весит 976 п[удов] 36 фун[тов]; язык его – 31 пуд 3 фунта. В диаметре своем имеет 3 арш[ина] 13 вершк[ов]. Он украшен изображениями четырех Евангелистов и имеет надпись: *«Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их. От края небесе исход его и сретение его до края небесе»*.

На юго-западной колокольне полиелейный колокол в 663 пуда; язык 18 пудов 27 фунтов; в диаметре 2 аршина 12 вершк[ов]. Он украшен ликами московских святителей, митрополитов: Петра, Алексея, Ионы и Филиппа. На нем надпись: *«Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, их же взирающе на скончание жительства, подражайте вере их»*.

¹⁾ Свиньин П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. – Ч. 3. – СПб., 1818. – С. 24.

¹¹⁾ Новоселов С.К. Кафедральный собор во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в С.-Петербурге. – СПб., 1857. – С. 146–147.

¹¹¹⁾ [Богданович Е.В.] Исаакиевский собор. 1853–1883. – СПб., 1883. – С. 18.

На юго-восточной колокольне восемь колоколов различной величины, именно: первый, весом в 320 пуд[ов] 30 фун[тов] и язык в 10 п[удов] 13 ф[унтов], в диаметре 2 ар[шина] 4 в[ершка], украшен изображениями: преподобного Исаакия Далматского, св. равноапостольного князя Владимира, преподобного Сергия Радонежского и св. благоверного великого князя Александра Невского. На этом колоколе следующая надпись: *«Хвалите Бога во святых Его, хвалите Его во утверждении силы Его, хвалите Его на силах Его, хвалите Его по множеству величества Его».*

Второй, весом в 206 п[удов] 30 ф[унтов] и язык в 5 п[удов] 27 ф[унтов], в диаметре 1 арш[ин] 12 вершков, имеет надпись: *«Вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе; да поет же имени Твоему Вышний».*

Третий, весом в 99 п[удов] 28 ф[унтов] и язык в 3 п[уда] 5 ф[унтов], в диаметре 1 ар[шин] 6 верш[ков], имеет надпись: *«Радуйтесь Богу, помощнику нашему, воскликните Богу Иаковлю. Примите псалом и дадите тимпан».*

Четвертый, весом в 55 пудов и язык в 1 п[уд] 28 ф[унтов], в диаметре 1 арш[ин], имеет надпись: *«Воспойте Господеву песнь нову; хваление Его в церкви преподобных».*

Пятый, весом в 23 п[уда] 25 ф[унтов] и язык в 33 ф[унта], в диаметре 12 вершков, имеет надпись: *«Благовестите день от дне спасение Бога нашего. Возвестите во языцех славу Его».*

Шестой, весом в 12 п[удов] 5 ф[унтов] и язык в 17 ф[унтов], в диаметре 10 вершков, имеет надпись: *«Хвалите Его в кимвалех доброгогласных; хвалите Его в кимвалех восклицания».*

Седьмой, весом в 6 п[удов] 18 ф[унтов] и язык в 8 1/2 ф[унтов], в диаметре 8 вершков, имеет надпись: *«Пойте Господеву в гуслех, воспойте пред Царем Господем».*

Восьмой, весом в 2 п[уда] 28 ф[унтов] и язык в 4 1/2 ф[унта], в диаметре 6 вершков, имеет надпись: *«Воскликните Богови вся земля, воспойте, и радуйтесь и пойте».*

Все колокола вылиты из старых сибирских пятаков, которых для сего по Высочайшему повелению отпущено было до 4000 пудов. Ценность каждого пуда этой меди, заключающей в себе 1 зол[отник] 35 дол[ей] золота и 31 зол[отник] 3 дол[и] серебра, составляет 21 рубль 77 1/2 коп[еек] серебр[ом]; но повелено взять за пуд по 9 руб[лей] 50 коп[еек] серебр[ом], т. е. ту цену, какая была в то время за медь в штыках.

Несмотря на то что колокола не на одной колокольне, а на всех четырех, по четырем углам собора, на расстоянии друг от друга 20 сажен, звон начинается так же постепенно и оканчивается также вдруг, как бы и на одной колокольне.

Этим делом заправляют особые звонари 12 человек под дирекциею главного из них, который занимается своей профессией около 60 лет. Звон Исаакиевских колоколов сильный, но гармоничный. Он покрывает звон всех *городских церквей* и далеко слышится за столицей¹⁾.

На колокольне Морского Богоявленского Николаевского собора в С.-Петербурге, для благовеста и звона, 13 медных колоколов; 1-й, большой колокол, весом 541 пуд 14 ф[унтов], перелит в 1865 году из вылитого в 1835 году и разбитого по времени колокола, весом 487 п[удов] 19 ф[унтов] с прибавкой новой меди. 2-й, полиелейный, весом 282 п[уда] 12 ф[унтов], вылит в 1758 году января 24 дня, на нем образ распятия. 3-й, ежедневный, весом 174 п[уда], с надписью: «Лит сей колокол в Москве, московским мастером Константином Михайловым Слизовым. 4-й, весом 115 пуд[ов] 38 ф[унтов]. В прошлом столетии колокол сей называли пожарным, по той, конечно, причине, что в него ударяли во время пожара. 5-й, весом 64 п[уда] 15 ф[унтов], лит в 1758 г. и тем же мастером Слизовым. 6-й весом 38 п[удов] 30 ф[унтов], 7-й – 20 п[удов] 2 ф[унта], 8-й – 12 п[удов] 12 ф[унтов], 9-й – 6 п[удов] 10 ф[унтов], 10-й – 4 п[уда] 9 ф[унтов], 11-й – 2 п[уда] 24 ф[унта], 12-й – 2 п[уда] 13 ф[унтов] и 13-й – 1 п[уд] 24 1/2 ф[унта]. Во всех колоколах весу 1266 п[удов] 21 1/2 ф[унт].

Отлитие вышеозначенных колоколов имеет свою небольшую историю. Первоначально, в ноябре 1756 года, по распоряжению Адмиралтейской Коллегии, постройка колоколов, в числе 10-ти, поручена была московскому купцу Семену Гаврилову Мозжухину, и меди на этот предмет из Адмиралтейских магазинов отпущено было 486 п[удов] 38 ф[унтов], да чистого прутowego олова 121 п[уд] 29 ф[унтов] 52 з[лотника]. На сумму, по существующим в то время на сии предметы ценам (медь по 6 р[ублей] 50 к[опеек] и олово по 7 р[ублей] 25 к[опеек] за пуд), 4047 р[ублей] 80 к[опеек].

Колокола эти вылиты были в Москве в начале 1757 года и привезены в Петербург в апреле того же года. Весу в них оказалось, кроме ушей и языков, 529 п[удов] 13 ф[унтов], а с ушами (2 п[уда] 30 ф[унтов]) и языками (18 п[удов] 1 ф[унт]) 550 п[удов] 4 ф[унта]. Но прежде, чем были подняты колокола сии на свои места, чрез дежурного генерал-адъютанта Александра Борисовича Бутурлина, от 25 мая 1757 г. последовало такое Высочайшее повеление: ее императорское величество все милостивейшая государыня указать соизво-

¹⁾ *Серафимов В.И., Фомин М.И.* Описание Исаакиевского собора в С.-Петербурге, составленное по официальным документам. – СПб., 1865. – С. 38–39.

лила – от вновь строящейся каменной полковой церкви колокольный звон взят в Царское Село к Знаменской церкви, а на место его тем же весом и толиким же числом построить колокола от правительствующего Сената. Вследствие сего повеления, колокола были взяты в Царское Село; и хотя в марте 1758 г. они опять были возвращены в Морскую церковь, но, за распоряжением Коллегии, согласно вышеозначенному высочайшему повелению о вылитии новых колоколов, некоторые из них остались без употребления и куда девались, неизвестно, а другие употреблены для отбоя часов на колокольне.

Колокола, оставшиеся без употребления, суть следующие: 1) весом 240 пуд[ов] 5 ф[унтов], 2) 132 пуда 34 ф[унта], 3) 72 пуда 5 ф[унтов], 4) 21 пуд 30 ф[унтов] и 5) 12 пудов 30 ф[унтов], всего весу – 479 пудов 24 ф[унта].

Колокола второго заказа, в числе 12, отлиты были также в Москве на заводе того же Мозжухина, из меди и олова, отпущенного также от Адмиралтейства, – первой (меди) в количестве 661 п[уд] 28 ф[унтов], а второго (олова) 165 п[удов] 20 ф[унтов], на сумму 5542 р[убля] 30 к[опеек]. Весу в них оказалось 719 п[удов] 14 ф[унтов], кроме ушей и языков, а с ушами (4 п[уда] 13 ф[унтов]) и языками (23 п[уда] 20 ф[унтов]) 747 п[удов] 7 ф[унтов]. Колокола эти вылиты в 1758 году и были следующего веса, как видно из рапорта Московской Адмиралтейской Конторы в Коллегию от 26 февраля 1758 г.: 1) 282 п[уда] 12 ф[унтов], 2) 174 п[уда], 3) 115 п[удов] 38 ф[унтов], 4) 64 п[уда] 15 ф[унтов], 5) 38 п[удов] 30 ф[унтов], 6) 20 п[удов] 20 ф[унтов], 7) 12 п[удов] 12 ф[унтов], 8) 6 п[удов] 10 ф[унтов], 9) 4 п[уда] 9 ф[унтов], 10) 2 п[уда] 24 ф[унта], 11) 1 п[уд] 20 ф[унтов] и 12) 1 п[уд].

Из сравнения веса этих колоколов с весом имеющих в настоящее время на колокольне Николаевского собора колоколах, ясно видно, что колокола сии, кроме большого колокола, весом 541 п[уд] 14 ф[унтов], и самого малого, весом 1 п[уд], все принадлежат ко второму заказу, т. е. вылиты в 1758 году. Колоколов, отбивающих часы, 9 и следующего веса: 1) 38 п[удов] 18 ф[унтов], 2) 7 п[удов] 3 ф[унта], 3) 3 п[уда] 38 ф[унтов], 4) 1 п[уд] 20 ф[унтов], 5) 24 ф[унта], 6) 20 ф[унтов], 7) 18 ф[унтов], 8) 17 ф[унтов] и 9) 17 ф[унтов].

Первые четыре колокола принадлежат к первому заказу, а последние пять приобретены, вероятно, после. Отливка 12 колоколов 2-го заказа окончена еще в январе 1758 г. и 15 февраля они на санях, зимним путем, отправлены были в Петербург, но привезены сюда уже в мае месяце, и при том водою, находившись в дороге около 3 месяцев. Причину такого долгого провоза было распутье и то обстоятельство, что при спуске с горы на мост, близ Бронницкого яму, под селом Вилы, 11 марта, от неосторожности и самоволия ямщи-

ков, у большого колокола (весом в 282 пуда 12 ф[унтов]) учинилось повреждение края, вследствие чего колокола были сняты с саней и положены в удобное и безопасное место, а отсюда отправлены водою на судне уже 17 апреля, и привезены в Петербург 11-го мая¹⁾.

В начале 1778 года с двух сторон было заявлено желание овладеть большим колоколом Николаевского монастыря в Петербурге, и колокол был взят из монастыря. Именно: игуменья Староладожского Успенского женского монастыря Александра Шубина с сестрами и причт с прихожанами Климентовской новолadoжской церкви обратились к первосвященному Гавриилу архиепископу Новгородскому и С.-Петербургскому с просьбами об отдаче им большого колокола из Николаевского монастыря. Климентовские прихожане и причт задумали овладеть колоколом на время только, и на известных условиях, дело в том, что, выстроив в 1760 году каменную колокольню, вышиною до колоколов в 11 сажен, и потом окончив в 1764 году постройку каменной Нерукотворного образа церкви с двумя приделами каменными же, — они значительно истощились в средствах, были не в состоянии купить для своей церкви большой колокол и должны были довольствоваться — весьма малым для городской церкви — шестнадцатипудовым колоколом. Поэтому они просили преосвященного Гавриила отдать Климентовской церкви николаевский колокол с тем условием, что этот колокол, в случае надобности, снова будет возвращен в монастырь, или будет уплачено за него, кому будет приказано, надлежащая сумма из церковных денег. Староладожская игуменья просила колокол своему монастырю, не указывая ни на какие сроки и условия владения им.

Преосвященным поручено было Новоладожскому правлению навести обстоятельные справки о колоколах во всех трех староладожских церквях и представить справки с мнением о том, кому бы справедливее было уступить колокол.

По справке оказалось, что 1) в штатном Успенском девичьем монастыре четыре колокола: первый — весом двенадцати пуд[ов], второй — четырех пуд[ов], третий и четвертый — по одному пуду; 2) при Георгиевской церкви — пять колоколов: первый весом пуд[ов], второй — трех пуд[ов], третий — двух пуд[ов], четвертый — 30 фунтов, пятый — 8 фунтов; 3) в Николаевском монастыре (кроме большого, вес которого не означен) четыре колокола: первый — весом 12 пуд[ов], второй — полтора пуда, третий и четвертый — по 15 фунтов. В мнении своем правление высказалось в пользу предос-

¹⁾ Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. — Вып. 2. — СПб., 1871. — С. 190–192.

тавления большого николаевского колокола Староладожскому Успенскому монастырю, «понеже в оном и священнослужение имеется повседневное и народа собрание бывает большое». Преосвященный решил отдать колокол Успенскому монастырю, и 24 марта 1778 года правление донесло, что колокол в Успенский монастырь взят¹⁾.

Из пожертвований в Николаевский монастырь в Петербурге поступил в 1828 г. от неизвестного колокол, весом 24 пуда, который был разбит и поступил вдобавок к вылитому в 64 пуда¹¹⁾.

На колокольне Староладожского упраздненного Иоанно-Предтечева монастыря следующие колокола: 1) По середине колокольни на деревянной балке укреплен большой праздничный колокол, весом сто пудов двадцать семь фунтов. На нем вылиты образа: Тихвинской Божьей Матери, Иоанна Предтечи, Николая Чудотворца и равноапостольных царей Константина и Елены, и четыре Серафима, а также надпись в четыре строки: «Колокол сей вылит в Староладожский Николаевский монастырь при высокопреосвященном Исидоре, митрополите Новгородском и Санкт-Петербургском, при настоятеле монастыря игумене Иоанне, в лето от Рождества Христова 1864 августа 30 дня усердием Санкт-Петербургскаго купца Алексея Голубкова в память усопшей купчихи Елены». По низу надпись: «Вылит в Санкт-Петербурге, на заводе купца Михаила Макарова Стуколкина, весу 100 пуд[ов] 27 фун[тов]».

Прочие колокола размещены в просветах, на деревянных балках. Второй колокол, полиелейный, весом в 64 пуда, вылит в 1841 году. На нем вылиты: образ Николая Чудотворца, пять серафимов и в две строки надпись: «1841 года, месяца июня дня, вылит на заводе Новгородскаго Юрьева монастыря, в Староладожский Никольский монастырь, усердием строителя иеромонаха Сергия, весом 64 пуда». Из монастырского архива видно, что колокол сей указом С.-Петербургской Духовной Консистории 27-го сентября 1830 года, разрешено вылить из пожертвованной в монастырь меди до 40 пудов, и из разбитого монастырского колокола в 24 пуда. Третий колокол в 30 пудов, вылит в 1833 году; на нем вылиты иконы Казанской Божией Матери и Николая Чудотворца, и надпись: «В Староладожский Николаевский монастырь, от усердия онаго монастыря строителя иеромонаха Августалия». По низу: «Сей колокол лил в городе Валдае колокольных дел мастер Григорий Алексеев Митрофанов 1833 года». Кроме этих колоколов, висят еще 7 колоколов, весом

¹⁾ Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб., 1871. – С. 97.

¹¹⁾ Там же. С. 101.

примерно в 10 пудов и менее пуда. Время построения самой колокольни неизвестно. В прежнее время на колокольне были боевые железные часы, которые, предписанием 6-го июня 1754 года, вытребованы в Александровский монастырь¹⁾.

На колокольне Иоанно-Предтеченской церкви в Петербурге находятся четыре колокола: один большой, другой средний и два маленьких. На колоколах сохранились надписи. На большом колоколе написано (начало от восьмиконечного креста): «Лета 7112 (1604 г.) к вознесенью и к рождеству Ивана Предтечи на Малышеву Гору в Ладош слито два колокола при благоверном государе царе и великом князе Борисе Феодоровиче всея Руси при его благоверной царице великой княгине Марии и при их благородных чадах царевиче Феодоре царевне Ксении и при освященном митрополите Исидоре Великаго Новаграда и при настоящем игумене Деонисии». На среднем колоколе (начало от херувимской головки) написано «Si*Deus*Pro*Nobis*Quis*Contra*Nos*» (т. е. если Бог за нас, кто против нас) «Anno 1643 С*О*С*F*М* Rom*8». На колоколе изображены два единорога, стоящие на задних ногах, и потом посредине в виде клейма:

N
А ТОПА ΘЭТ
ПЭАӨ^{II)}.

На соборной Успенской церкви, в третьеклассном Староладожском Успенском женском монастыре, на углу стояла деревянная, [в]осьмиугольная колокольня в одну сажень и длиною и шириною. На ней было пять колоколов: большой колокол 16 пудов, второй колокол 4 1/2 пуда, остальные три колокола без означения веса. Покрыта колокольня тесом^{III)}.

Колокольня Успенского монастыря в С.-Петербурге построена двухъярусная игуменьей Евпраксией; а потом надстроен на ней третий ярус при игуменье Февронии в 1829 году; каменная о четырех просветах. На ней висят восемь колоколов: первый в 91 пуд 30 фунтов. На нем надпись: «Сей колокол лит в С.-Петербурге на заводе купца Михаила Стуколкина 1858 года августа 25 дня». Он перелит из старых колоколов с добавлением меди. В состав его, вероятно, вошел большой колокол Николаевского Староладожского

¹⁾ Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб., 1871. – С. 121.

^{II)} Там же. С. 125–126.

^{III)} Там же. С. 162.

монастыря, отданный Успенскому монастырю в 1778 году. Второй колокол – в 40 пудов. На нем надпись: «1791 года февраля 1-го вылит сей колокол в Староладожский Успенский девичий монастырь, весу 40 пудов». Третий колокол – в 25 пуд[ов] 8 фунт[ов]. На нем надпись: «1796 года генваря 20 дня вылит сей колокол в Староладожский Успенский девический монастырь старанием игумении Евпраксии, весу 25 пудов 8 фунтов». Четвертый колокол в 17 пудов. Вес остальных 4 колоколов малых неизвестен¹⁾.

Из колоколов собора во имя Казанской Божией Матери в С.-Петербурге замечательны первые четыре, бывшие на колокольне церкви Рождества Богородицы.

Первый большой колокол, называемый *праздничным*, с изображением Казанской Богоматери, с тремя с трех сторон круглыми вензелями ЕІІ РР М^е, в котором начертаны имена императрицы, цесаревича и цесаревны, при которых колокола вылиты и с надписью: «1796 года месяца сентября сей колокол вылит, в столичном граде святого Петра, в благополучное царствование благочестивейшей самодержавнейшей великой государыни императрицы Екатерины Второя и при наследнике ея благоверном государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче и при супруге его благоверной государыне и великой княгине Марии Феодоровне, к церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что на Невской перспективе. Лил мастер Антип Дмитриев». Меди в колоколе 264 пуда 13 фунтов.

Второй колокол, называемый *полюбейным*, с изображением на нем Св. Троицы, в виде трех ангелов и Рождества Богородицы. Помимо этого изображения – Распятие с надписью: «1762 года февраля 9 дня вылит сей колокол в царствующий град С.-Петербург церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что по прешпехтивой, при державе благочестивейшаго самодержавнейшаго великаго государя нашего Третьяго императора Петра Феодоровича и благоверной государыни нашей императрицы Екатерины Алексеевны и при благоверном государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче. Лил алдерман Константинов Слизов». Весу в сем колоколе 129 пудов 25 фунтов.

Третий колокол, называемый *повседневным*, с изображениями Казанской Богоматери и сверху ея Распятия и преподобных Антония и Феодосия Печерских, с надписью: «1762 года февраля 9 дня вылит сей колокол в царствующий град С.-Петербург в церковь Рождества Пресвятыя Богородицы при державе благочестивейша-

¹⁾ Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб., 1871. – С. 192.

го и самодержавнейшаго великаго государя нашего Третьяго императора Петра Феодоровича и благоверной государыне нашей императрице Екатерине Алексеевне и при благоверном государе цесаревиче Павле Петровиче. Лил алдерман Константинов Слизов». (Разбит и не употребляется). Веса в нем 61 пуд 18 фунтов. Четвертый колокол без означения весу с надписью: «1734 года месяца ноября 30 дня вылит сей колокол в С.-Петербурге в церковь Рождества Пресвятыя Богородицы тщанием тоя церкви священника Тимофея с приходскими людьми. Лил комисар Семен Леонтьев». Разбит и без употребления¹⁾.

На колокольне скита на Святой горе, в Рождественском коневском монастыре, в С.-Петербурге, устроенной над папертью под четырехсторонней конической крышей, имеется семь колоколов, пожертвованных в разное время усердными благотворителями. Самый большой из них, в 45 пудов, пожертвован купцом Целибеевым, а два средней величины, один в 15 пудов (1839 г.) и другой в 30 пудов (1846 г.) купцом Набилковым¹¹⁾.

Колокольни особой при Воскресенском соборе всех учебных заведений, называемом Смольным, в С.-Петербурге нет, так как предполагавшаяся к постройке, по плану Растрелли, выведена была только фундаментом, который вместе с посторонними надстройками в 1833 году был разобран, для образования подъезда к собору.

Колокола повешены на двух западных купольных башнях собора, во втором ярусе: на северо-западной – 5, на юго-западной – 11.

1) *Большой праздничный* колокол, весом 607 пудов. На нем, под широким верхним бордюром, отлита гражданскими буквами, в 4 пояса, надпись: «Повелением благочестивейшаго государя императора Николая Павловича всея России отлит сей колокол для собора всех учебных заведений в С.-Петербурге с изображением вензелей их императорских величеств государя императора Николая Павловича, государыни императрицы Александры Феодоровны, государя наследника цесаревича Александра Николаевича, великих князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей, великих княжен Марии, Ольги и Александры Николаевн». Под надписью в полукругах из пальм, снизу опоясанных гирляндами из цветов, листьев и кистей винограда, в промежутках между каждым отделением с головками херувимов, помещены вензеля, состоящие у государя и государыни из одной буквы с коронами наверху, а у

¹⁾ Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб., 1871. – С. 147–148.

¹¹⁾ Там же. С. 48.

прочих членов высочайшей фамилии из двух букв без корон. Снизу также идет широкий и фигурный бордюр, а под ним на верхней части кромки вырезанная надпись: «Мастер Николай Смирнов в Валдае». Этот колокол привезен был из Валдая по обыкновенному шоссе, в особо устроенном деревянном катке¹⁾. В 1867 г. он разбит, и с тех пор звона в него не производилось. Точно также в 1869 г. разбит и колокол воскресный; но по перевеске языка и с отводом ударов в другие края, звонить в него еще продолжали до 1871 г. В сентябре месяце сего последнего года, оба колокола сняты, разбиты и отправлены для переливки.

2) *Воскресный*, весом в 308 пудов 32 ф[унта], орнаменты на нем такие же, как и на праздничном, равно и надпись, только после государыни императрицы следуют имена «Их императорских величеств государя великаго князя Михаила Павловича, супруги его великой княгини Елены Павловны и дочерей их великих княжен Марии, Елизаветы и Екатерины Михайловне», почему под надписью помещены и их вензеля. На кромке отлитая письменными гражданскими буквами надпись с именем того же мастера Смирнова.

3) *Полиелейный*. На нем верхний пояс сосостоит из сплошных шестокрылых серафимов; во втором поясе посредине, в рамке на подобие средней части складней, отлито изображение Распятия с предстоящими Божиею Матерью и Иоанном Богословом; к изображению прилегают надписи, литая славянскими, в роде нынешних готических с завитками, бувами: «1757 года генваря 25 дня вылит сей колокол в Москве, а весу в нем 240 пуд[ов] 5 фунтов». Цифры арабские, 5 вырезана. Третий пояс состоит из широкого бордюра арабесками с фестонами, между которыми опять изображения шестикрылых серафимов. Посредине колокола под изображением Распятия фигурный овальный под короною щит, и в нем на меньшем щите вензелевое изображение имени императрицы Елизаветы. По кромке между розетками литая надпись: «Лил мастер Константин Слизов».

4) *Вседневный*, весом 162 пуда 20 ф[унтов]. Надпись начинается так же как и у 1-го и 2-го, но после слов «Воскресения Христа Спасителя», следует: «С означением вензелей министра финансов графа Егора Францевича Канкринина, и состоявшей под начальством его комиссии о dokonчании сего собора присутствовавших председателя действительнаго статского советника Ивана Христофоровича фон-Трейблута, членов четвертаго класса Федора Яковлевича Якубовскаго, статского советника архитектора Василья Петровича Стасова, Коллежских советников Павла Борисовича Мансурова и Василья

¹⁾ См. о перевозке этого колокола, стр. 50.

Петровича Серова», которых вензелевые по две буквы и помещены между такими же орнаментами, только здесь между гирляндами вместо головок херувимов простыя круглыя розетки с бантами.

5) *Великопостный*. Весом 132 п[уда] 34 ф[унта], орнаменты, включая 1 пояса, который заменен простым бордюром, и надписи, сделаны также, как и на 3-ем; только в имени мастера прибавлено: «Константин Михайлов сын Слизов».

6) Весом 86 п[удов] 38 ф[унтов]. С отлитыми бордюрами и херувимами, но без надписей.

7) Весом 72 п[уда] 5 ф[унтов]. Такой же как и 5-й.

8) Весом 38 п[удов] 22 ф[унта]. Одинаковый с 6-м.

9) С бордюром и вырезанным означением веса 20 п[удов] 12 ф[унтов].

Остальные семь колоколов: 10) в 18 п[удов] 38 ф[унтов]; 11) в 11 п[удов] 36 ф[унтов]; 12) в 9 п[удов] 24 ф[унта]; 13) в 5 п[удов] 28 ф[унтов]; 14) в 2 п[уда] 11 ф[унтов]; 15) в 1 п[уд] 3 $\frac{1}{2}$ ф[унта]; 16) в 19 $\frac{1}{2}$ ф[унтов] с одними лишь бордюрами.

Колокола 3-й, 5-й, 7-й, 9-й и 11-й поступили из монастырской церкви, а прочие отлиты собственно для собора¹⁾.

Колоколья при церкви во имя святой Живоначальной Троицы, что Лейб-Гвардии Измайловского полка в С.-Петербурге, деревянная на столбах, в ней колоколов: 1) весом 31 п[уд] 10 ф[унтов], 2) весом в 20 п[удов]. Против этого колокола помечено: «Вывезен в [1]782 г. в Александровский монастырь преосвященным Виктором епископом». Возвращены в монастырь при сообщении Александровского монастыря архимандрита Парфения от 10 августа 1793 г. на имя строителя иеромонаха Мелхисидека, 3) в 8 п[удов] 10 ф[унтов], 4) в 3 п[уда] 4 ф[унта] по описи 1802 г. показан весом 4 п[уда] 4 ф[унта], 5) в 1 п[уд] 20 ф[унтов], 6) в 1 п[уд] 20 ф[унтов] и 7) в 1 п[уд] 10 ф[унтов]¹⁾.

На западной стороне, между церквями Введенского-Островского заштатного монастыря, в Новоладожском уезде, стоит отдельно каменная, трехъярусная, продолговатая снизу колоколья, с пролетною аркою по середине. В верхнем ярусе колокольни по середине и в просветах висят колокола; в середине устроена монастырская ризница, а внизу сделаны кладовая и лестница для входа на колокольню. Длина колокольни 7 саж[еней] 2 арш[ина], ширина 3 саж[ени] 1 арш[ин], высота с крестом 18 с[аженей] 1 арш[ин].

¹⁾ Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб., 1871. – С. 300–301.

¹⁾ Ibid. С. 266–267.

Колокольня построена и отделана в продолжении 1857, 1858 и 1859 годов. На ней висят 11 колоколов, и все, кроме четвертого, новейшей отливки; на пяти колоколах отливные образа разных святых и херувимов и надписи, показывающие время отливки и вес колоколов. 1-й колокол, весом 195 пуд[ов], вылит усердием dobroxotnykh datel'ey 1851 г. июня во 2-й день. 2-й колокол, весом 101 пуд, вылит в 1843 г. апреля 6-й день по усердию dobroxotnykh datel'ey. 3-й колокол, весом 54 пуда 33 ф[унта], вылит в 1848 г. 6-го апреля усердием С.-Петербургского купца Афанасия Васильевича Клинова. 4-й колокол, весом 31 пуд 10 фунт[ов], вылит «в 1763 тщанием и радением dobroxotnogo stroitel'ya С.-Петербургскаго купца Насона Харитоновича сына Насонова». 5-й колокол весом 20 пуд[ов], но когда вылит неизвестно, 6-й колокол, весом 11 пуд[ов] 6 ф[унтов], вылит 1849 г. 20-го сентября из разбитого колокола, бывшего весом 8 п[удов] 10 ф[унтов] с прибавкою новой меди. Остальные 5 колоколов, начиная от 4 пуд[ов] 4 ф[унтов] и до 1 пуда, надписей не имеют. О предпоследнем колоколе, весом 1 пуд 8 ф[унтов], сказано: «Куплен 1-го июля 1847 г.¹⁾».

Снаружи Троицкого собора в С.-Петербурге по обеим сторонам, возвышаются две башни, каждая с ярко вызолоченным крестом. На северной башне замечателен один колокол, весом 800 пуд[ов], вылитый в 1658 году, иждивением патриарха Никона и перевезенный сюда из Иверского монастыря в 1724 году. На южной башне повешен полиелейный колокол в 200 пудов, а в 1793 году поставлены боевые часы¹¹⁾.

Первая старообрядческая церковь в Петербурге была основана купцом Миловым. Император Павел I изволил лично посетить эту церковь, отслушал божественную литургию и благодарственный молебен Св. Николаю Чудотворцу и в ознаменование благоволения своего, пожаловал старообрядческой церкви *крест* и *звон*¹¹¹⁾.

После пожара собора во имя Преображения Господня, 8-го августа 1825 года, богослужения отправлялись в доме генеральши Булатовой, где устроена была походная церковь. На площади перед домом были поставлены козлы, где повесили новые колокола; старые колокола от сильного жара растопились^{11v)}.

¹⁾ Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб., 1871. – С. 283–284.

¹¹⁾ *Пушкарев И.И.* Описание Санкт-Петербурга [и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. – Ч. 1.] – СПб., 1839. – С. 147.

¹¹¹⁾ Там же. С. 287–288.

^{11v)} *Пыляев М.И.* Старый Петербург. – 2-е изд. – СПб., 1889. – С. 95.

В 1737 году в Симеоновскую церковь были привезены для постановки на колокольные часы с курантами, снятые с церкви Воскресения Христова, что на Васильевском острове, и для игнания курантов было вылито мастером Петром Леклером 25 колоколов по данным моделям от колокольного мастера Ферстера; часы эти впоследствии куда-то исчезли, и в воспоминание их остался один разбитый колокол около 10 пудов весом, с английскими надписями 1685 года; этот колокол тоже неизвестно где теперь находится¹⁾.

Известный богач Яковлев заложил и построил каменную церковь, на ней находилось 15 колоколов. Из этих колоколов, на большем, кроме изображений престольных праздников церкви, есть портрет императрицы Екатерины II и следующая надпись: «Ассесора Саввы Яковлева, в церкви Успения, что на Сенной, весу 542 п[уда] 18 ф[унтов] 1780 года января 20-го, лит в Москве на заводе Ясона Струговищикова, язык при нем железный, 17 пуд[ов] 5 фунт[ов]» Есть предание, что при жизни Яковлева звонили в этот колокол только тогда, когда он позволял, и у него от языка был ключ, который он сам выдавал, когда хотел¹¹⁾.

В одной из зал дворца Потемкина стоял «золотой слон» в виде часов перед зеркалом (слон этот был в 1829 году подарен императором Николаем I персидскому шаху), обвешанный бахромами из драгоценных камней; сидевший на нем автомат, персианин, *ударив в колокол*, подавал сигнал к началу театрального представления¹¹¹⁾.

На лестнице ведущей в нижний этаж Екатерингофского дворца, на стене, вместо обоев, висит большая на холсте карта азиатской России. Карта написана видимо для шутки: вряд ли найдутся в учебниках с такими названиями, как здесь; на карте также и страны света поменялись местами: вверху море Индейское и Песчаное, внизу север и Ледовитое море, Окиан (sic), к западу Камчатка и царство Гилянское на берегу реки Амура, с курьезною надписью: «До сего места Александр Македонский доходил, ружье спрятал, *колокол оставил*». По преданию по этой карте Петр экзаменовал ради смеха нетвердо знающих географию¹¹²⁾.

В церкви Божией Матери Всех Скорбящих Радости в Кронштадте очень интересен колокол, подаренный Анною [Иоанновной]. Это была модель известного большого московского колокола в 12.000 пуд[ов] и отлита вместе с ним в 12 пуд[ов]; на ней изобра-

¹⁾ Пыляев М.И. Старый Петербург. – 2-е изд. – СПб., 1889. – С. 241.

¹¹⁾ Там же. С. 268.

¹¹¹⁾ Там же. С. 268.

¹¹²⁾ Там же. С. 82.

жены были все надписи, украшения, портреты, точно так, как они находились на большом колоколе. Весьма замечательно, что когда сей последний от бывшего в Москве пожара в 1735 году разбился, то и модель его, как по некоей симпатии, почти в то же время подверглась здесь той же участи¹⁾.

Впоследствии эта расколотая модель, хранившаяся при церкви, как редкость, растопилась во время пожара, случившегося в 1811 году 14 октября на соседнем конторском дворе и истребившего вместе с деревянной Воскресенской колокольной все надворное церковное строение¹¹⁾.

На северной башне Александро-Невской лавры в Петербурге, в числе колоколов один весом в 800 пуд[ов]. Он вылит в 1658 году иждивением славного патриарха Никона, и перевезен сюда из Иверского монастыря в 1724 году. На южной башне повешен полиелейный колокол в 200 пуд[ов], а в 1793 году поставлены боевые часы¹¹¹⁾.

Этим пожаром была уничтожена деревянная колокольная С.-Петербургской Скорбященской церкви, что за литейным двором, выстроенная здесь в 1795 году, при чем колокола большой и подбольшой были повреждены, а все остальные растопились в пламени^{1V)}.

Камер-юнкер Ф.В.Берхгольц в своем известном дневнике, описывая Петербург говорит: «Церковь св. Троицы, в Петербурге, с широкою открытою колокольною, на которой много колоколов и небольшие куранты, играющие сами собою через каждую четверть часа «Господи помилуй». Крепостная же церковь самая большая и самая красивая в Петербурге. Куранты на ея колокольной так же велики и хороши, как Амстердамские, и стоили, говорят, 55.000 рублей.

На них играют каждое утро от 11 до 12 часов; кроме того, каждые полчаса и час они играют еще сами собою, приводимые в движение большою железной машиною с медным валом^{V)}.

«День св. Крещения, этот большой праздник у русских, начался в полночь звоном колоколов, продолжавшимся почти во всю ночь»^{VI)}.

¹⁾ *Свиньин П.П.* Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. — Ч. 4. — СПб., 1821. — С. 190.

¹¹⁾ *Георгиевский Н.И.* Историко-стат[истическое] описание С[анкт]-Петербургской Скорбященской церкви, что за Литейным двором. — СПб., 1866. — С. 30.

¹¹¹⁾ *Свиньин П.П.* Указ. соч. — Ч. 2. — СПб., 1817. — С. 16.

^{1V)} *Георгиевский Н.Г.* Указ. соч. — С. 66.

^{V)} *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В.Берхгольца. 1721–1725 / Пер. с нем. И.Ф.Аммон. — Ч. 1–2. — М., 1902. — С. 78.

^{VI)} Там же. С. 12.

В Арнсбурге на острове Эзель в русской церкви находится любопытный колокол времени Ивана Грозного, со следующей надписью: «Божію милостью и помощію святѣя Живоначальныя Троицы лета «С» шестидесятаго (7060 г. от СМ), а месяца сѣнтября в 8-й день на Рождество Пресвятой Владычицы слит бысть колокол сей при державе царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всей Руси и при архіепископе Великаго Новгорода и Пскова владыки Серапиона, а лил мастер псковитянин Прокофій Григорьев сын колокольник – слава Богу, аминь».

Об этом колоколе А. Благовещенский говорит следующее: «Не дивна ли судьба этого колокола? Отлитый в лето взятии Казани (7060 г. – 1552) при державе царя Иоанна Васильевича Грознаго, в упорной борьбе отстаивавшаго исконныя права русскаго народа на прибалтійскую окраину и созывавшій некогда на молитву православных чад святой Руси в пределах смежной области Псковской, ныне, волею провидения, он мирно благовествует православие в бывшем стольном городе датскаго принца Магнуса.

Не взывает ли саремалинскій колокол сей, современник давно исчезнувших поколений, вразумительным для верующаго сердца глаголом: «Люди проходят яко тень на землѣ! вечна и незыблема едина вера Христова, лучезарно сияющая в церкви православнаго Востока»¹⁾.

Этот колокол, небольшого веса, отличался красотой и силой звука, который могучею волною разносился по всему острову.

Только в самое последнее время звук его ослаб и поблек, как говорят, потому, что язык его был велик и тяжел и значительно опустился¹⁾.

[Колокола Москвы]

На колоколе при церкви Св. Николая Чудотворца в Столпах (в Москве) находится следующая надпись: «Лето 7124 (1616) году генваря в 28 день в доме к великому Чудотворцу Николаю и Сергию Чудотворцу, при попе Алексее и при попе Кононе, которые у Николы Чудотворца служат, дал дьяк Богдан Губин и сын ево Василей сей колокол, весу в нем 9 пуд один фунт».

На другом: «Me fecit Amsterledami 1632 Soli Deo gloria Assuerus Koster», т. е. «Меня сделал в Амстердаме 1632 года Асвер Костер».

¹⁾ Благовещенский А.А. Остров Эзель и его древности // Сборник археологическаго института [/ Под редакцией Н.В.Калачова]. – СПб., 1881. – Кн. 5, 1-я половина. – С. 197–198.

¹⁾ См. ниже о периодическом осмотре колоколов.

В церкви преподобного Сергия, что на Дмитровке, в Москве, сохранились колокола с такими надписями: «Лета 7144 (1636) году дали сей колокол прихожане Сергию Чюдотворцу, что на Дмитровке, Мина Бавыка, да Артемий Карпов, да Андрон Федалев, да Степан Самойлов, да Василий Иванов, да Лука Семенов, да Афанасий Борисов, да Максим Фатьманов и все прихожане, а весу в колоколе 8 пудов 22 гривенки».

На втором: «Выменен сей колокол к церкви Успения Пресвятыя Богородицы и преподобнаго отца нашего Сергия игумена Радонежскаго Чюдотворца, что на Дмитровке, по родителех, по Иоанне и Петре и по Матрене и по их сродниках в вечное поминовение, а весу в нем 21 пуд 10 фунтов».

В церкви Преображения Господня, что на Песках, в Москве, находится колокол с такой надписью: «Лета 7204 (1696) году генваря, при державе великаго государя царя и великаго князя Петра Алексиевича Великия и Малыя и Белья России самодержца, перелит сей колокол во граде Переславль-Залесской в соборную церковь Преображения Господня при протопопе Алексии с братией, а весу в нем 30 пудов».

На колокольне церкви Св. Параскевы в Охотном ряду в Москве на колоколе следующая надпись: «7198 (1690) году месяца апреля в 20 день, на празднике Воскресения Христова..., дворецкой Матвей Тимофеев сын Одуевской по отцу своему к церкви преподобных матери наша Параскевы в приходе у двора боярина князя Ивана Борисовича Троекурова, для своего душевнаго спасения и жены и детей своих и для поминовения своих родителей и по довольстве временной жизни своей в вечное поминовение души своей. Лил сей колокол мастер Михайла Матвеев сын Ладыгин, а весу в нем 64 пуда 15 фунтов».

В церкви преподобнаго Сергия Радонежскаго Чудотворца, что в Старых Серебренниках, у реки Неглинки, у Трубы в Крапивках (ныне Константинопольское подворье), на колоколе написано: «Лета 7197 (1689) году вылит сей колокол; приложили сей колокол от малаго своего подаяния за многое свое согрешение стольники князь Михайла да князь Иван Юрьевичи Ухтомские к церкви преподобнаго отца Сергия Чюдотворца, что меж Петровки у реки Неглины у Трубы в Старых Серебренниках, для поминовения усопших сродников своих; весу в сем колоколе 73 пуда, денег за него 335 рублей, лил сей колокол мастер Михайла Ладыгин».

Далее на московских колоколах сохранились следующие надписи:

На колокольне Петровского Высокого, что на Трубе, у Петровских ворот, монастыря.

1) «Лета 7053 (1545) наменил колокол к Святому Чюдотворцу Николу в Смердыни Юрий Тимофеев сын Родичева».

2) «Лета 7171 (1663) дан сей колокол в Петровской Высокой монастырь Петру митрополиту».

В церкви Воскресения Христова, что на Успенском Вражке (близ Тверской).

1) «1766 года марта 24 дня сей колокол к церкви Воскресения Христова, что на Успенском Вражке, при священнике Феодоте Прокопиеве, подаванием добротных дателей, весу в нем 64 пуда». На поверхности иконы Казанской Богоматери и Святителя Николая.

2) «Лит в Москве на заводе Григория Иванова».

В церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Овражке (в Газетном переулке).

«1711 году марта в 8 день выменен сей колокол к церкви Успения Пресвятыя Богородицы, что на Успенском Вражке, прикладом Григория Ивановича Горихвостова, который был вылит 7160 (1652) году, а за дело и за прибавочную медь дано 32 рубля подаванием мирских людей, тщанием тоя церкви священника Иоанна Стефанова, весу 36 пуд 5 фунт[ов]».

В церкви Воскресения Христова, что в Кадашеве, на большом колоколе написано: «Божиею милостию вылит сей колокол в царствующем граде Москве к церкви Воскресения Христова, что в Кадашеве 1750 году декабря 15 дня, при державе благочестивейших, и самодержавнейших великих государыни нашей императрицы Елисавете Петровне всея России, при наследнике Ея внуке Петра Первого, благоверном государе, великом князе Петре Феодоровиче и при супруге его благоверной государыне, великой княгине Екатерине Алексиевне благословением Святейшего, Правительствующаго Синода иждивением шелковой фабрики содержателя Ивана Никитина, сына Садовникова, при священнике Феодоре Амвросимове. Весу 400 пуд[ов]». В клейме: «А лил его мастер Константин Михайлов Слизов».

На поверхности колокола изображены: 1) Воскресение Христово, 2) Успение Божией Матери и 3) Икона Тихвинской Богоматери, в честь которых устроены престолы.

Владимирскую церковь, что у Никольских ворот, колоколами и утварью снабдил Земский приказ. В делах монастырского приказа (связка 34, № 13 (2256)) значится: «В 7200 (1692) году, по имянному великаго государя указу, в Китае городе, у Никольских ворот, на часовном месте построена церковь Владимирския Богородицы а колоколья и две кельи и всякая церковная утварь и колокола построены из приказу Земских дел».

В церкви в селе Медведкове под Москвой были два колокола, один висящий на колокольне, а разбитый лежал в нижней церкви. На первом написано: «Лета 7125¹⁷³ ноября 23 дня царственные большие печати и царственных великих посольских дел оберегатель ближний боярин и наместник Новгородский князь Василий Васильевич Голицын приложил сей колокол в подмосковной своей вотчине к церкви Покрову Пресвятыя Богородицы, весу в нем 4 пуда 27 фунтов и сему колоколу быть у той церкви Божией в веки неотъемлемо. Лил сей колокол Дмитрий Моторин». Верхняя часть этого колокола *сквозная*, украшена львиными головами и орнаментами.

На втором разбитом колоколе читаем: «Лета 7195 (1687) по указу великих государей дана вотчина царственных большие печати и государственных великих Посольских дел оберегателю ближнему боярину и наместнику Новгоротцкому князю Василию Васильевичу Голицыну в Московском уезде село Медветково з деревнями а в том селе у церкви Покрова Пресвятыя Богородицы колокол прикладу боярина князь Дмитрея Михайловича Пожарскаго, весом был пуда 28 фунтов и тот разбит, а ныне по приказу боярина и оберегателя князя Василия Васильевича, тот разбитой колокол променян, а взят вместо того сей колокол, весу в нем 2 пуда 4 фунта и сему колоколу быть в селе Медве, что у церкви Покрова Пресвятыя Богородицы в веки неотъемлемо».

В церкви Гребневской Божией Матери находится колокол с надписью: «7190 (1682) году построен колокол сей к церкви Пресвятыя Богородицы Гребневския по Володимире Ивановиче, по жене его Феодоре Ботанове, княгини Феодоры, дан колокол 200 рублей, лил сей колокол мастер Федор Моторин».

Остальные колокола этой церкви принадлежат эпохе царствования Елизаветы Петровны.

В церкви Рождества в Путинках, на Малой Дмитровке, все колокола новые, кроме одного, который представляет памятник литейного искусства XVIII века. Из надписи на нем видно, что он перелит в 1715 году славным тогда литейщиком Иваном Моториным, из прежнего поврежденного в пожаре 1712 года.

В московском Симоновом монастыре колокольня пятиэтажная, в середине северной ограды. Начата сооружаться по Высочайше утвержденному проекту профессора архитектуры и придворного архитектора Константина Андреевича Тона, 1835 года апреля 28 числа, а кончена вчерне в 1839 году. В третьем этаже находятся колокола: один в 1000 пудов. На нем следующая надпись: «Во хвалу и во славу Бога всемогуща, во едином существе в трех лицах суща, и в честь родившия воплощенно Слово, сей колокол состроен на

Симоново, в обитель Успения Божия Матери, да гласом созывает в храм его верных, хвалу Ему о благах всяческих даяти, и о нуждах молитвы теплая проливати. Слияся же сей колокол в лето от создания мира 7186, а от Рождества Бога Слова 1677, месяца сентября в 30 день, при державе благочестивейшаго великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия, Малыя и Белья России самодержца, при архипастырстве великаго господина святейшаго Кир Иоакима патриарха Московскаго и всея России, обители же тоя при архимандрите Пахомии, весу в нем тысячу пуд. Лил мастер Харитонка Иванов сын Попов с товарищем Петром Харитоновым сыном Дурасовым».

Другой колокол в 300 пудов; на нем следующая надпись: «Лета 7174 (1665) месяца октоврия в 1-ый день, Божиею милостию слит в доме Пречистыя Богородицы всечестнаго ея Успения, в честную обитель Симонов монастырь; при державе при великом государе царе и великом князе Алексее Михайловиче всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, а в колоколе весу триста пуд, а лил государев мастер Александр Григорьев».

Третий в 150 пудов, на нем следующая надпись: «Божиею милостию, повелением благовернаго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, скипетр держащаго Московскаго государства и всея России, и по благословению отца его великаго государя святейшаго Филарета патриарха Московскаго и всея России, перелит сей колокол в некончаемый дом Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения в Симонов монастырь, при архимандрите Левкии, еже о Христе с братиею, просящих будущих благ и жизни вечныя в селax горняго Иерусалима, лета 7129 (1621) июня в 20 день, мастер Кирило Самойлов».

Четвертый в 60 пудов, по монастырской описи называется «*сиротским*». На нем надпись: «Лета 7135 (1627) месяца мая в 20 день, слит сей колокол при государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче, всея России самодержце, и великой княгине Евдокии, и при их благоверных чадах, при царевне Ирине и при святейшем патриархе Филарете Никитиче Московском и всея России, в доме Пречистыя Богородицы, в Симонов монастырь, при архимандрите Левкии с братиею. Делал мастер Богдан Васильев». Кроме того, находятся на колокольне еще восемь колоколов меньшего размера без надписей. На четвертом этаже – боевые часы с четвертями¹⁾.

¹⁾ [Пассек В.В.] Историческое описание Московского Симонова монастыря. – М., 1843. – С. 54–55.

Московский Симонов монастырь славился всегда благолепием храмов, благочинием службы и благозвучными колоколами. Известно предание, что во время осады Казани русскому воинству слышался как бы из города непостижимый звон колоколов. Примечателен рассказ об этом событии. «И сам царь благочестивый своими царскими ушами слыша звон от града Казани, *яко Симоновскаго монастыря большаго колокола глас*» (Степенная книга, степ. XVII, гл. 10, титул 25)¹⁾.

Из расходной книги Царской казны 1616 года видно, что пушечные и колокольные литцы Кодрат Михайлов и Григорий Наумов вылили в Новоспасский монастырь колокола, за кои пожалованы были от царя сукнами. Филаретовская шатровая колокольная с церковью Препод[обного] Саввы Освященного, у собора, разобрана, по ветхости, в 1787 году.

Во вкладной книге монастыря 1658 года записано было: «Устроил великий государь, святейший патриарх Филарет Никитич свою государскою Патриаршею казною колокольную шатровую, а по углам с средняго пояса столпы круглые толщие, да на той же колокольной изволил он великий государь построить часы боевые, колокол боевой, да два колокола перечасных»¹¹⁾.

В четвертом ярусе колокольной Новоспасского монастыря висят одиннадцать колоколов, из коих в 827 пуд[ов], перелитый после 1812 г. архимандритом Амвросием Орнатским, потом разбитый, из разбитого вновь перелитый архимандритом Филаретом Дроздовым 1816 г. Над четвертым ярусом купол, покрытый белым железом по железным стропилам, где устроены боевые часы; над ними фонарь с осьмью часовыми колоколами¹¹¹⁾.

На юго-западном углу московского Знаменского монастыря, что на старом Государевом дворе, сделана была шатровая колокольная. На ней были колокола: первый в 104 пуда 10 фунтов, пожалованный государем Феодором Алексеевичем из Пушечного двора в 1680 году вместо разбитого в 62 пуда, другой колокол в 60 пудов с лишком, третий в 11 пудов 12 фунтов и 3 малых зазвонных (опись 1687 г.). По описи 1700 года на колокольной было 12 колоколов; первый в сто пудов вероятно царский, а во всех было 204 пуда; в настоящее время всех колоколов 9^{IV)}.

¹⁾ Третьяков А.А. Московский Симонов монастырь. – М., 1890. – С. 8.

¹¹⁾ Сн[егирев] И.М. Новоспасский монастырь. – М., 1843. – С. 78.

¹¹¹⁾ Там же. С. 81.

^{IV)} Сергей (Спасский И.А.) Историческое описание Московского Знаменского монастыря, что на Старом Государевом дворе. – М., 1866. – С. 64.

На паперти Введенской московской церкви, что на углу Кузнецкого Моста и Большой Лубянки, у входа в притвор и на колокольную привешена (издавна) на железной цепи чугунная доска – «било» с молотком, вероятно, для употребления церковным сторожем по ночам; ныне не употребляется. Из девяти колоколов на колокольне замечательны следующие: 1) Большой, весом в 353 пуда 5 ф[унтов], без священных изображений (по совету прот[оиерея] Аристарха Израилева), но с некоторыми орнаментами на нем и с надписью о времени его устроения, 18 марта 1890 года, и имен жертвователей – прихожан, коими внесено за него 5560 руб[лей], по почину вдовы почет[ного] гражд[анина] Глафиры А. Поповой, пожертвовавшей 3.000 руб[лей]; 2) Бывший до устроения нового большим и первым, а теперь ставший вторым и употребляющийся в полиелейные праздники¹⁷⁴, с тремя следующими замечательными надписями на нем: а) «Лета 7191 ([т. е. 1683 г.], цифры эти и последующия означены славянскими буквами) вылит сей колокол при державе великих государей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержцах», б) «Сей колокол изволили послать в епархию Черниговскаго архиепископа Лазаря Барановича Святыя Троицы в монастырь Волинский Черниговский по обещанию брата своею государева блаженные памяти великого государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца его царскаго величества и послан сей колокол с Москвы в лето от сотворения мира 7191, и от рожества Сына Слова Божия 1683, месяца января в 20-й день, весу 104 пуда 21 гривенка московскаго литья», в) «Лил сей колокол мастер Федор Моторин». Какими судьбами этот колокол, предназначавшийся самими государями для монастыря Св. Троицы в г. Чернигов, оказался на Введенской, на Лубянке, в Москве, колокольне, – неизвестно и непонятно; 3) Будничный – без обозначения завода и года, но с обозначением веса – 30 п[удов] 31 ф[унт], вымененный 18 ноября 1816 года на разбитый в 28 п[удов] 8 ф[унтов], с доплатою 531 р[убль] 90 к[опеек]; 4) С обозначением также только веса в 19 п[удов] 30 ф[унтов].

Остальные пять малых колоколов (от 5 п[удов] до 20 ф[унтов] весом) приобретены в одно время с большим, взамен таковых же малых, более или менее поврежденных. Трезвон, производимый на этих колоколах искусным мастером этого дела, бывает очень приятен и *привлекает* к себе внимание многих¹⁾.

¹⁾ *Антушев Н.П.* Летопись Введенской церкви, что на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки в Москве. – М., 1897. – С. 161–162.

В церкви Св. Николая, что на Хлынове (настоящая в честь Введения Богородицы, прежде Введенский девичий монастырь).

На двух колоколах одна и та же следующая надпись: «1796 года апреля 11 дня вылит сей колокол в царствующий град Москву в приход святителя Николая Чудотворца, что на Хлынове, при священнике Михайле Игнатьеве, весу 100 пуд, лит на заводе Никифора Вердони-на, содержатель и мастер казанский купец Михайла Астраханцев».

На колокольне Никитского девичьего монастыря, что на Никитской улице.

1) «1748 году апреля 6 день, весу 30 пудов, 36 фунтов, лил мастер Константин Михайлов сын Слизов».

2) «1807 году марта 24 день вылит сей колокол в Москве к церкви Спаса Преображения Господня, что на Копьях¹⁾, иждивением церковных и доброхотных дателей, весу 73 пуда».

В церкви Вознесения Господня Большого, за Никитскими воротами, на Царицыной улице, в Сторожах.

1) «1758 года генваря 10 дня вылит сей колокол к церкви Вознесения Господня, что за Никитскими воротами, на Царицыной улице, весу в нем 113 пуд, лил мастер Константин Михайлов сын Слизов».

2) «1780 года мая 25 дня вылит сей колокол к церкви Вознесения Господня, что на Царицынской улице и к пределу Владимирския Пресвятыя Богородицы и святителя чудотворца Николая усердствовавшими, весу 280 пудов 6 фунтов, лит в Москве на заводе Асона Струговщикова».

В церкви Св. Иоанна Богослова в Бронниках, за Тверскими воротами, в Бронной слободе, за Никитскими воротами.

«Лета 7200 (1692) году лил сей колокол мастер Иван Моторин»¹⁷⁵.

В церкви Св. Симеона Столпника на Поварской, за Арбатскими воротами, в Дехтереве огороде, что на Стрешневом дворе (настоящая Введения во Храм Пресвятой Богородицы).

1) «Лета 7193 (1685) году апреля в 4 день, сей колокол приложил к церкви Введения Пресвятыя Богородицы и преподобному Симеону Столпнику стольник Симеон Иванович сын Комсин, по своей душе и по родителях своих».

2) «Лета 7186 (1678) году августа в 16 день вылит сей колокол при державе великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца. Лил сей колокол мастер Федор Моторин».

¹⁾ Церковь эта находилась близ Большого театра и разобрана после 1812 г.

3) «Лета 1760 года марта 10 дня вылит сей колокол к церкви Введения Пресвятыя Богородицы и придела Симеона-Столпника, что в Поварской, тщанием и вкладом за молитвами Святого Дмитрия митрополита Ростовского чудотворца и всех православных христиан, в бытность при священнике Михаиле Федорове, весу в нем 170 пуд, лил сей колокол алдерман Константин Слизов».

В церкви Святителя Николая Явленного на Арбате, на Большой Смоленской улице, за Смоленскими воротами, в Стрелецкой слободе (настоящая Покрова Пресвятой Богородицы).

«1751 года июня в 1 день, при державе благочестивейшей и самодержавнейшей великой государыни императрицы Елисавете Петровны, вылит сей колокол к церкви Покрова Пресвятыя Богородицы и Николая Чудотворца, что на Арбате Явленного, тщанием Правительствующаго Сената Конторы прокурора Андрея Григорьевича Щербинина и коллежского советника Бориса Федоровича сына Щербачева, при священнике той церкви Иване Гаврилове, мирским подаянием; в старом весу 164 пуда 10 фунтов, в нынешнем новом колоколе весу 212 пуд 15 фунтов; лит сей колокол на заводе московского купца Данилы Тюленева». На поверхности колокола изображены: 1) Господь Вседержитель на престоле, 2) Святитель Николай, 3) Св. Апостолы Петр и Павел. Между надписями вставлены в двух местах двуглавые орлы под тремя коронами, с поднятыми крыльями и без атрибутов в лапах.

Другой колокол, полиелей, на поверхности которого следующая надпись: «Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея Руси самодержец и его царица великая княгиня Евдокея Лукьяновна и их государские дети государь царевич и князь Алексей Михайлович государыня царевна и великая княжна Анна Михайловна, государыня царевна и великая княгиня Наталья Михайловна сий колокол велели лить к церкви Николы Чудотворцу Явленного, что за Арбатскими вороты лета 7146 [1638] году».

В церкви Знамения Пресвятой Богородицы, что на Знаменке: «1600 года Июня 23 дня сей колокол церкви Знамения Пресвятыя Богородицы, что на Знаменке, подаянием приходских людей, а переливал 1757 года». На нем же в клейме под короною: «А перелит в царство государыни императрицы Елисаветы Петровны».

В церкви Похвалы Пресвятой Богородицы в Башмакове, в Башмачках, у Всесвятских ворот, у Водяных ворот, в Чертолье, Старой Прощи, что у Москвы реки на берегу, за Старым дровяным двором, с приделом Свят[ителя] Николая Явленного, что в Пречистенской улице: «Лета 7202 (1694) куплен сей звон к церкви Пре-

подобныя Параскевии в место Поречье, на мирские гроши, весу 3 пуда 6 фунтов».

В церкви Воскресения Христова, зовомое Новое, у Зачатьевского монастыря, что на Москве реке, за Пречистенскими воротами, на Грязи в Киевцах, на Остоженке.

«1754 году марта 27 день выменен сей колокол в церкви Воскресения Христова, что за Пречистенские ворота, зовомо Старые¹⁾, рачением священника Вукола Леонтьева, весу 30 пудов, 3 фунта, лил мастер Константин Слизов».

В церкви Св. Живоначальной Троицы, что в Стрелецкой слободе, в Иванове приказе Зубова, за Чертольскими воротами, в Иванове приказе Бегичева, за Пречистенскими воротами, что в полку стольника и полковника Ивана Макшеева.

«1751 году июля в 15 день вылит сей колокол в царствующем граде Москве в славу и честь к церкви Святыя Живоначальной Троицы и к приделам Покрова Пресвятыя Богородицы и Чюдотворца Николая, что в Зубове, тшанием тоя церкви священника Василия Афанасьева и рачением церковнаго старосты купца Василия Алексеева сына Бумажникова и протчих приходских доброхотных боголюбивых дателей, весу в нем 109 пуд[ов], лил сей колокол мастер Константин Михайлов сын Слизов».

В церкви Святителя Николая в Хамовниках.

1) «Лета 1685 году вылит сей колокол, лил сей колокол мастер Михайло Ладыгин».

2) «Общим старанием и рачением приходских людей 1784 году мая 1 дня вылит сей колокол к церкви Николая Чудотворца, что в Хамовниках, лит на заводе Никифора Калинина, весу 300 пудов, лил мастер Яков Завьялов».

В церкви Покрова Божьей Матери, что в Старом Левшине полку, что на Могильцах.

«1750 году июля 1 дня вылит сей колокол в Москве за Пречистенские ворота к церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что в Левшине, тшанием той церкви иерея Алексея Кирилова с приходскими людьми, весу в нем 80 пуд, лил сей колокол мастер Константин Михайлов сын Слизов».

В церкви Пресвятой Богородицы Неопалимой Купины, за Пречистенскими воротами, в новопостроенной Конюшенной слободе.

«1789 году августа 16 дня сей колокол вылит к церкви во имя святых праведных Богоотец Иоаким и Анны, что Замоскворецкаго

¹⁾ Эта церковь находилась также на Остоженке, разобрана в 1816 году, и на ее месте дом Алексеевского девичьего монастыря.

сорока тцанием священника Михаила Павлова и господ приходских людей, весу в нем 243 пуда, 2 фунта. Лит на заводе Никифора Калинина».

В Казанском соборе, что на Красной площади в Москве, имеет-ся большой колокол, на котором следующая надпись: «Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Михаил Феодорович, всея России самодержец, и его боголюбивая царица и великая княгиня Евдокия Лукияновна, и благородныа чада, царевич князь Иван Михайлович, и царевна великая княжна Ирина Михайловна, и царевна и великая княжна Анна Михайловна, царевна и великая княжна Татиана Михайловна, сей колокол велели слить к церкви Новоявленного Образа Пречистыа Богородицы Казанския, лета 7145 (1637)»¹⁾. 176.

В бывшем Алексеевском девичьем [монастыре], что за Пречистенскими воротами второго класса, в Москве, где ныне храм Христа Спасителя, интересна надпись на колоколе: «1752 году июня Г (3) дня вылит сей колокол в Алексеевский девичий монастырь; весу в нем 111 пуд; в старом колоколе было весу 72 пуда, затем прибавлено в новый колокол меди 38 пуд; вкладом того же монастыря игуменнею Ольгою Дубенскою; лит на заводе московскаго купца Данилы Тулякова»¹¹⁾.

В Зачатьевском девичьем монастыре, что за Пречистенскими воротами между Москвы-реки и Остоженки, на колоколе в 150 пудов имеется надпись, гласящая о том, что оной слит коштом бригадира Ивана Акимовича Синявина в 1753 году, генваря в 10 день, мастером Константином Михайловым сыном Слизовым¹¹¹⁾.

В Вознесенском девичьем монастыре первого класса, в Москве, имеется 6 колоколов со следующими надписями:

1) «Повелением государя благовернаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича, всея Руси, лета 7067 (1559) году июля, слит сей колокол к Вознесению Христову; мастер Нестер Иванов, сын Тковинов»¹⁷⁷. А по примеру в оном колоколе весу 35 пудов.

2) «Лета 7196 (1688) апреля в 8 день, слит сей колокол повелением благоверных великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, и великия княжны Софии Алексеевны, Всероссийския и Малыа и Белья России самодержцев, в Вознесенский девичь монастырь, что в Кремле городе,

¹⁾ [Максимович Л.М.] Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским. — Ч. 2. — М., 1792. — С. 7.

¹¹⁾ Там же. С. 45.

¹¹¹⁾ Там же. — Ч. 4. — М., 1793. — С. 7.

при игуменье Варсонофии Бутурлиной, да при келаре старице Евникее Плещеевой, да при казначее старице Панфилие Скрыпичиной. Весу в нем сто девяносто два пуда; лил сей колокол мастер Михайло Лодыгин».

3) «1702 году марта в 29 день, при державе великаго государя и великаго князя Петра Алексеевича Всероссийскаго самодержца, вылит сей колокол из стараго в Вознесенский девичь монастырь, что в Москве, при бытности госпожи игуменьи Венедикты Пушкиной, келари Ольги Чириковой, казначеи Максимиллы Волконской с сестрами». А по примеру в оном колоколе весу шестьдесят пудов.

4) «1720 году марта в день при державе великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белаыя России самодержца, перелит сей колокол из стараго в Вознесенской девичь монастырь, что в Москве, при игуменнии Венедикте Даниловне Пушкиной, при келаре монахини Ольге Степановне Чириковой». А по примеру в оном колоколе весу двадцать пудов.

5) «1728 году сентября 6 дня, вылит сей колокол в Вознесенский девичь монастырь из казенной меди тщанием тоя обители игуменьи Венедикты Пушкиной, наместницы Маргариты Румянцовой, казначеи Ираиды Мильковой». Весу двадцать пять пудов, двадцать фунтов.

6) «1766 году августа 1 день, вылит сей колокол в московской Вознесенской девичь монастырь при державе всепресветлейшей и великой государыни императрицы Елизаветы Петровны самодержицы Всероссийской, и при наследнике ея внуке Петра Перваго, благоверном государе и великом князе Петре Феодоровиче и обрученной невесте его благоверной государыне и великой княгине Екатерине Алексеевне, приложил по обещанию московской купец первой гильдии Артемий Иванов сын Серебреников». Весу сто два пуда; лил мастер Константин Михайлов¹⁾.

В московской церкви Константина и Елены интересные надписи на колоколах:

1) На большом: «Божиею милостию, повелением государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея России самодержца, слит сей колокол в лето 7162 (1634) в 22 лето государства его и при его царице и великой княгине Евдокии Лукиановне, и при благородных чадах, царевиче князе Алексее Михайловиче, царевиче князе Иване Михайловиче и царевне и великой княжне

¹⁾ [Максимович Л.М.] Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским. – Ч. 1. – М., 1792. – С. 264–265.

Ирине Михайловне и царевне и великой княжне Анне Михайловне и при их богомольце святейшем Иосафе патриархе Московском и всея Руси в первое лето патриаршества его, и дал государь сей колокол во град Ростов в соборную церковь Пречистыя Богородицы и приснодевы Марии, Честнаго Ея Успения и Святых Чудотворцев Ростовских, Леонтия, Исакия, Игнатия, по отце своем государеву, блаженные памяти великом государе святейшем Филарете Никитиче, патриархе Московском и всея России, в вечную память при митрополите Варлааме Ростовском и Ярославском». «Мастер Кирило Сомов»¹⁷⁸.

2) На полиелейном: «Лета от Рождества Господня 1727 года месяца сентября в 6 день, вылит сей колокол во обитель Чуда Святаго Архистратига Божия Михаила и Святаго Чудотворца Алексия Митрополита в Чудов его монастырь в бытность архимандрита Геннадия Беляева, наместника Лазаря Кобякова, казначея иеромонаха Евсевия Леонова». Сей колокол лил Мастер Иван Маторин¹⁾.

На колокольне Новодевичьего монастыря, что за посадом, на Девичьем поле.

1) «Лета 7059 (1551) при царе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси и преосвященном архиепископе Макарии митрополите всея Руси». Колокол малый зазвонный.

2) «Лета 7136 (1628) году мая в 3 день дал сий колокол в дом Пречистой Богородицы Смоленской в Новодевичь монастырь князь Алексей Иванович Воротынский, по княгине Марии князя Ивана Михайловича Воротынского, по княгине Марии Петровне, по своей матери и по своих родителях».

3) «Лета 7138 (1630) апреля в 13 день при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея Руси самодержце в его государственной державе в 17 лето и при благоверном царевиче и великом князе Алексее Михайловиче всея Руси и при великом господине святейшем патриархе Филарете Никитиче Московском и всея Руси, поставила сей колокол мати государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси, инока великая государыня старица Марфа Ивановна в дом Пречистыя Богородицы Новодевичь монастырь по своей душе; игумень с сестрами, которыя в том монастыре будут, за тот наш вклад душу мою в синодики написати, по вся дни поминати». На колоколе изображено Распятие Иисуса Христа с предстоящими; под ним в клейме агнец в сиянии около головы и с хоругвью на плече.

¹⁾ [Максимович Л.М.] Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским. – Ч. 1. – М., 1792. – С. 207–208.

4) «Слит сей колокол на Москве в доме Пречистыя Богородицы Одигитрии, чудотворныя иконы Смоленския, Божиею милостию, повелением благовернаго государя царя и великаго князя Алексия Михайловича, в Новодевичь монастырь, что за Посадом, лета 7159 (1651)¹⁷⁹ году сентября в 1 день, а деньги сдавали вкладчики по обещанию. Мастер Микифор Баранов. Весу в сем колоколе 200 пуд».

5) «Me fecit Daventriae. Amor vincit omnia. A. 1673. Henrick Thor Horst»¹⁾. На поверхности колокола двуглавый орел, на груди которого изображен в клейме конь без всадника, похожий на единорога, досель не встречавшийся в Российском гербе.

6) «Лета 7192 (1684) месяца августа в 3 день сей колокол вылит в похвалу и славу честь Богу, в Троице славимому и Пресвятей Богородице и всем святым в доме Ея Пресвятыя Богородицы явления иконы Смоленския, Одигитрия нарицаемой, Новодевичий монастырь, повеленикм благочестивейших великих государей наших царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев, общими же с ними великими государи изволением и согласиём сестры их государския великия государыни, благоверныя царевны и великия княжны Софии Алексеевны всея Великия и Малыя и Белья России; понеже она государыня того святого дому из давних лет строительница, а ныне наипаче имеет прилежное попечение к устроению, как от всех видимо, весу в нем 540 пуд. Лил сей колокол мастер Федор Моторин».

7) «Лета 7196 (1688)¹⁸⁰ декабря 1 дня сей колокол вылит в похвалу и славу и честь Богу, в Троице славимому, и Пресвятей Богородице и всем святым, в доме ея Пресвятыя Богородицы явления иконы Смоленския, Одигитрия нарицаемой, Новодевичий монастырь, повелением благочестивейших великих государей и царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев, общими же с ними великими государи изволением и согласиём сестры их государския великия государыни благоверной царевны и великия княжны Софии Алексеевны всея Великия и Малыя и Белья России, понеже она государыня того святого дому из давних лет строительница, она великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна всея Великия и Малыя и Белья России, ныне наипаче имеет прилежное попечение ко устроению, как от всех видимо. Лил сей колокол мастер Михайла Ладыгин».

¹⁾ Перевод: «Меня делали в Давентрии. Любовь все побеждает. 1673 года, Генрих Тор Горст».

8) «Божиим изволением сей колокол поставили стрельцы Темирева приказу Засецкого 500 человек Великому Чюдотворцу Николе, что на Горках, за Московую рекою».

В церкви Воздвижения Честнаго Креста Господня, что в селе Красном (ныне Алексеевский девичий монастырь):

«Божиею милостию и повелением благовернаго и благочестиваго и христоролюбиваго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси самодержца, слит колокол в преименитом царствующем граде Москве в лето 7156 (1648) году, в 3 лето царства его, а весу в нем 60 пуд». В колоколе 12 сквозных окошек.

В церкви Святого Алексея митрополита, что в Рогожской, в Малой Алексеевской слободе, на Подкопе, за Яузю:

1) «В 1729 году вылит сей колокол к церкви Алексея митрополита, что в Алексеевской слободе, весу 100 пуд, лил сей колокол мастер Иван Моторин».

2) «1784 года августа 1 дня вылит сей колокол к церкви Алексея митрополита, что в Малой Алексеевской, старанием приходских людей, весу 300 пуд, лит в Москве на заводе Асона Струговщикова».

3) «1784 года сентября 1 дня вылит сей колокол к церкви Алексея митрополита, что в Алексеевской слободе, коштом прихожанина Василия Нечаева и приходских людей, весу ... пуд, лит в Москве, на заводе Асона Струговщикова».

На церковном погосте при церкви Св. Николая на Берсеневке в Москве на деревянных столбах под навесом находятся колокола со следующими любопытными надписями:

1) «Лета 7204 (1696)¹⁸¹ году октоврия месяца сей колокол дали есми вкладу дьяки Порфирий и брат мой гость Матфей Трофима Степановича дети Сименниковы к церкви Пресвятыя Троицы, что в верхних Садовниках в Берсеневки при служащем у тоя церкви честном иерее Отце нашем духовном Науме Феодоровиче, в славу Божию за спасение и за отпущение грехов своих и за спасение детей его и внучат братних, также в память вечную во блаженном успении по родителех наших по женам своих Марфе, Агриппине с чады их при сей церкви погребенных, а весом сей колокол 100 пуд, лил сей колокол мастер Григорий Иванов».

2) «Лета 7204 (1695) году, сентября в 1 день, дали сей колокол думнаго дьяка Иакова Аверкиевича Кирилова жена вдова Ирина Симоновна к церкви Живоначальныя Троицы и к пределу Казанския Богородицы, что в верхних Садовниках в Берсеневке, в вечное помяновение по муже своем Иакове Аверкиевиче, а в схимонасех Иове и по родителех его Аверкии убиенном Иевфимии и их сродни-

ках, при сей церкви лежащих, при священнике Науме Феодотове. Лил сей колокол мастер Иван Маторин, а весу в нем 200 пуд».

3) «Лета 7204 (1695) году октоврия месяца сей колокол вылил иждивением гостя Матфея Трофимова сына Семенникова его же даде он и дети его окладу к церкви Пресвятыя Троицы, что в верхних Садовниках в Берсеневке в Славу Божию за здравие и спасение детей своих, также в память вечную по родителям своим усопших и по жене своей Агрипине и чадам своих при сей церкви погребенным; весом 40 пуд; лил сей колокол мастер Григорий Иванов»¹⁾.

На четырех колокольнях, в малых куполах храма Христа Спасителя в Москве, повешено 16 колоколов. Все колокола весят 4008 пудов 39 фунтов:

1) Торжественный большой колокол, весом в 1654 пуда 20 ф[унтов], в диаметре 5 аршин, вмещающий на своей наружной поверхности шесть рельефных изображений: вверху – Спаситель, Божия Матерь и Иоанн Предтеча, а внизу в медальонах императоры: Александр I, Николай I и Александр II; в верхней тесьме колокола сделаны надписи: 1) «Благовестуй земле радость велию, хвалите небеса Божию славу»; 2) «Слава тебе Боже наш, слава тебе»; а в нижней части его: «В лето от сотворения мира 7385-е, а от воплощения Бога Слова 1877-е, повелением благочестивейшаго, самодержавнейшаго, великаго государя императора Александра Николаевича, всея России, вылит сей колокол для храма во имя Христа Спасителя в Москве, в возблагодарение за явленные свыше благодать и милость Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, при нашествии на Россию галлов и с ними двадцати языков в 1812 году и на вечную память о в Бозе почивших благочестивейших императорах Александре I и Николае I. Отлит сей колокол в Москве по подряду потомственного почетнаго гражданина В.Н. Короткова. Лил мастер Ксенофонт Веревкин. Весу в колоколе 1654 п[уда] 20 ф[унтов]; в языке весу 54 п[уда] 28 ф[унтов]».

2) Праздничный (воскресный) колокол, весом в 970 пудов с рельефными изображениями святителей московских: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа и надписями: «Хвалите Бога во святых Его, хвалите Его во утверждении силы Его, хвалите Его на силах Его, хвалите Его по множеству величества Его».

3) Полиелейный колокол, весом 435 п[удов], с рельефными изображениями: св. Николая Чудотворца, св. Александра Невского и

¹⁾ *Снегирев И.М.* Русская старина [в памятниках церковного и гражданского зодчества] / Сост. А.А. Мартынов. – 3-е изд., доп. – Год 1. – М., 1852. – С. 34–35.

св. Зосимы Соловецкого и надписями: «Благовестите день от дне спасение Бога нашего. Возвестите во языцех славу Его»;

4) Будничный колокол, весом 323 п[уда], с рельефными изображениями: св. праведной Елизаветы, св. царицы Александры и св. Марии Магдалины; с надписями: «Воскликните Богови вся земля. Работайте Господеви в веселии. Внидите пред Ним в радость»;

5) Колокол, весом 205 п[удов], с рельефными изображениями: св. равноапостольного князя Владимира, преподобного Сергия, Апостола Павла и великомученика Георгия, с надписями: «Воспойте Господеви песнь нову. Хвалите Его в церкви преподобных»;

6) Колокол, весом 115 п[удов], с изображениями: св. Архангела Михаила, св. царя Константина и св. Николая Новгородского; с надписями: «Во всю землю изыде вешание их и в концы вселенныя глаголы их. Господи помощниче мой и избавителю мой»;

7) Колокол, весом 51 п[уд] 25 ф[унтов], с изображениями: св. Анны Пророчицы, св. великомученицы Екатерины, св. царицы Елены и св. благоверной княгини Ольги; с надписями: «Вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе: да поет же имени Твоему Вышний»;

8) Колокол, весом 28 пудов, с изображениями: св. Апостола Петра, св. Димитрия Ростовского и св. князя Вячеслава; с надписью: «Разумейте языцы и покоряйтесь яко с нами Бог»;

9) Колокол, весом 14 п[удов] 10 ф[унтов], с изображениями: свв. Ксении, Веры и Анастасии; с надписью: «Свят храм, твой, дивень в правде, услыши ны Боже, Спасителю наш»;

10) Колокол, весом 6 п[удов] 5 ф[унтов]; 11) – 3 п[уда]; 12) – 2 п[уда], 13) – 35 ф[унтов], 14) – 24 ф[унта]¹⁾.

Для укрепления колоколов устроены из котельного железа, сколоченные наподобие толстых брусьев балки. Общий вес этих укреплений 1030 пуд. Когда первый и второй колокол были повешены на места, в Комиссию поступило заявление псаломщика Лаврова.

Окончивший курс во Владимирской семинарии, псаломщик Лавров заявил Комиссии о готовности своей устроить самозвон, т. е. такой снаряд, посредством которого можно было бы звонить в тот или другой колокол и даже во все колокола, не входя на колокольни. Комиссия не отнеслась безучастно к присланному заявлению: она вызвала Лаврова, дала ему средства устроить модель самозвона, снабдила его колоколами различного веса и разрешила производить работы в самом храме, с интересом следя за этими работами в течение слишком двух месяцев.

¹⁾ Мостовский М.С. Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве. – М., 1883. – С. 159–161.

Наконец, самозвон готов. Обращающийся посредством тяжести вал зубцами своими зацепляет проведенные от колоколов ремни, раздается нестройный звон внутри храма. Казалось бы, цель достигнута, но как применить на практике это изобретение, как привести в движение колокола весом слишком в 4 т[ысячи] пуд[ов]. Все это дело будущего. Таким образом попытка Лаврова с самозвонком оказалась неудачною¹⁾.

В Ивановском девичьем монастыре, что на Кулишках под Бором находятся следующие колокола:

1) «Лета 7149 (1641) июня в 12 день повелением великаго гдря цря и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси самодержавца слит сей колокол в преименитом царствующем граде Москве в Ывановской девичей мнрь Усекновения чтны главы в 29 лето гдрства его, мастер Степанка Оревчев, ученик немчина Ивана Фалка».

2) На будничном: «Лета 7195 (1687) го лит сей колокол на Плесо к церкви Воскресению Хрву, по обещанию посадских людей Феоктиста да Артемья Ивановых детей Авериных». Между орнаментами этого колокола помещены двуглавые орлы.

3) На большом: «1755 году апреля 15 дня вылит сей колокол в Ивановский двч мнтр, что в Москве на Кулишках, тшаниом того мнтра игумении Елены и с сестрами на зборные мирские днги, весу в нем 155 пуд. Лил мастер Костентин Михайлов сн Слизов».

4) На другом большом: «1763 году марта 1 день вылит сей колокол в Ивановской двч мнтр при игуменьи Назареты и с сестрами, весу 60 пуд 23 фунта, лил алдерман Костентин Михайлов сн Слизов». На нем вылит образ Спасителя, Божией Матери и Св. Николая¹¹⁾.

В Покровском монастыре замечательны старые колокола, литеые славным в свое время мастером Слизовым, как видно из надписей, на полиелейном: «1750 году марта в 28 день вылит се колокол во обитель Покрова Престыя Бцы, что при Москве на Убогих домах, при державе благочестивейшия и самодержавнейшия великия гдрни императрицы Елисаветы Петровны, самодержцы все-российской и при наследнике ея внука Петре Феодоровиче и супруге его благоверной гдрне и великой кнгне Екатерине Алексеевне, окладом бывшаго того мнтра строителя иеромонаха Силы впред для поминовения, весу внем 130 пуд[ов] лил мастер Константин Михайлов сн Слизов».

¹⁾ Мостовский М.С. Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве. – М., 1883. – С. 161–162.

¹¹⁾ Мартынов А. Московские колокола // Русский Архив. № 1–3. – 1896.

На будничном: «1747 году апреля 12 дня вылит сей колокол во обитель Покрова Пресвятыя Бцы, что на Убогом дому, старанием строителя иеромонаха Силы; вкладчика Данилы Яковлева сна Земсково и протчих Христолюбивых дателей, весу 66 пуд[ов] 27 ф[унтов], лил мастер Константин Михайлов сн Слизов».

Над Покровскою церковью Высокопетровского монастыря воздвигнута колокольня в два яруса. Снизу она четырехъярусная: в первом ярусе – св. ворота; во втором церковь Покрова Божией Матери; в третьем висят колокола; четвертый праздный: затем следуют: купол, фонарь и все здание, имеющее в высоту около 20 саж[еней], довершается большою главою с осьмиконечным крестом. В 1702 году «Мая в 13 день подрядился часовенный мастер Иван Захарьев сделать в Петровский Высокий монастырь часы, весом в 30 пудов железа и работником быть монастырским. По договору довелось ему дать за работу 15 рублей и наперед дано 6 р[ублей], да к тем часам куплено укладу на 8 алтын». Часы долго существовали. В описи 1763 года пишется: «Колокольня покрытая железом, на ней немецкия часы, восемь колоколов». В другом позднейшем документе читаем: «1777 года мая 31 дня дан сей контракт... Троицкой башни (в Кремле) часовой мастер Николай Ильин сын Коренев в том, что подрядился я исправить состоящая при оном (Высокопетровском) монастыре на колокольне большия немецкия часы за договорную мною цену 17 рублей, и те часы мне исправить самую прочною работою, и быть им в моем смотрении один год; а естли какое в них будет несходство, то поправить я должен, не требуя более денег николикаго числа» и проч. к сему контракту вместо него подписался «колокольной игральной музыки Троицкой башни подмастерье Иван Левонтьев сын Михайлов»¹⁾.

В 1703 году сделаны «часы боевые, сверх церкви Покрова, на колокольне» Высокопетровского монастыря. Мастер – «Воскресенского, что на Истре, монастыря часовик Иван Захаров». Того же года, «июня в 6 день обмнен колокол ветхой на новые четыре колокола; весу в старом было 3 п[уда] 29 ф[унтов], а в новых 3 п[уда] 34 ф[унтов]. Дано с пуда за дело по осми алтын по две деньги, итого 31 алтын 2 деньги»¹¹⁾.

24 декабря 1783 года в Высокопетровском монастыре променены два ветхые колокола, весом в 56 п[удов] 12 ф[унтов], а вместо них взяты с добавкой 217 р[ублей] 11 1/2 к[опеек] два новые: один в 42 п[уда] 29 ф[унтов], а другой в 27 п[удов] 11 ф[унтов]. Они висят и по сие время. Сохранился кроме того, еще колокол с надписью:

¹⁾ Григорий (Воинов-Березовский И.И.), арх. Высокопетровский монастырь. – М., 1873. – С. 23.

¹¹⁾ Там же. С. 43.

«Лета 161-го (1653) дан колокол в Петровский Высокий монастырь Петру митрополиту»¹⁾.

По донесению казначея Виктора в 1817 г. «великолепная колокольня московского Спасо-Андроникова монастыря зажжена (загорелась) сверху; от чего два большие колокола упали на свод, но свода не проломили и сами остались целыми»¹¹⁾.

После один из колоколов, а именно большой, оказался поврежденным и перелит в 1815 г. История его видна из надписи: «Колокол еси вылитый 1779 г. иждивением покойного преосвященного Пахомия епископа Великоустюжского на покой в Спасо-Андрониевском монастыре пребывающего, в коем весу 835 пуд[ов] и 20 ф[унтов]. Но в 1812 году пожаром неприятельским поврежденный, по завещанию московского 1-й гильдии купца Семена Алексеевича Лепехина, зятем его надворным советником Гаврилом Петровичем Смольянским и супругою его Елизаветою Семеновною, перелит во славу Святыя Единосущныя, Животворящия и Нераздельныя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа, при державе благочестивейшаго государя и императора Александра Павловича и при супруге его благочестивейшей государыне Елизавете Алексеевне, 1815 года на заводе московского купца Михаила Богданова, в коем весу 915 пуд[ов] 34 ф[унта] при архимандрите Феофане. Лил мастер Яков Завьялов». На колокольне вылиты образа: Нерукотворенный Спас, Успение Пресвятой Богородицы, преподобный Андроник, преподобный Сергей, Святитель Алексей и архистратиг Михаил.

Интересен также полиелейный колокол; на нем надпись гласит: «В мирное правление государя императора Александра I слит сей колокол при Спасо-Андрониевском архимандрите Гермогене 1820 года марта 2 дня искусством известного всем под (4000-му) колоколу, что на Ивановской колокольне. Лит в Москве на заводе купца Михаила Богданова, мастер тверской Василий Каталимов».

На нем также еще и иконы: Распятие Господа нашего Иисуса Христа, Нерукотворенный образ Спаса, Божия Матерь, Архистратиг Михаил. Из дела о сем колоколе видно, что он слит из трех разбитых колоколов (один в 316 п[удов], другой в 22 п[уда] и третий в 2 п[уда]) с прибавкою материала в 400 пудов. Всех же колоколов на колокольне в настоящее время 9. В них весу 1544 пуда с лишком¹¹¹⁾.

¹⁾ Григорий (Воинов-Березовский И.И.), арх. Высокопетровский монастырь. — М., 1873. — С. 74.

¹¹⁾ [Сергий (Спаский И.А.)] Историческое описание московского Спасо-Андроникова монастыря. — М., 1865. — С. 77.

¹¹¹⁾ Там же. С. 81–83.

[Колокола иностранного происхождения]

По свидетельству историографа Миллера на колокольне Крутицкого собора (в Москве) был колокол XVI века со следующей надписью: «1563 Marie D. Hames. me noma. De vng ioevlx. mot en. ce. Tapz. Dan. Jehan. Fachin. ab. de St. la et Lan. De. Waten. Prvrost. s. Nicolas. Pelovyn Gvre. X Paen. de. Bravwer. Bailly. dvdtit liev».

Колокола иностранного происхождения находятся иногда в самых глухих местах России. Как они туда попали – неизвестно. Так, например (на церкви Елгомского прихода Олонецкой губернии Каргопольского уезда, бывшей Елгомской пустыни) находятся два колокола со следующими надписями. На одном из них, весом в 1 пуд: «Abbas mihi noman ivdosi (?) dedit R D Cab argentear 1641 [года]», а на другом, весом в 3 пуда: «Anno 1631 Henrick-For-Norst me fecit Baventriac»^{I)}. 182.

В Георгиевской церкви в Новгороде находится небольшой голландский колокол, на котором написано: «Soli Deo¹⁸³ Assalius Koster me fecit Amstelodami 1671»^{II)}.

В городе Туруханске в Сибири находится старинный колокол с голландской надписью, но с русским двуглавым орлом. Как туда попал этот колокол, до сих пор не выяснено^{III)}.

В Пермской губернии в церкви села Куомкорь сохранился колокол с латинской надписью: «Anno 1647 Gloria Soli Deo»¹⁸⁴.

На колоколе Вознесенской церкви в Старой Русе на большом колоколе написано: «Albert Bennick me fecit Lubeck anno 1672», т. е. «Альберт Бенник вылил меня в Любеке в 1672 году»^{IV)}.

На колокольне Толгского монастыря в Ярославле имеется колокол с двумя надписями, принадлежащими разным годам; его история не лишена интереса.

В 1628 году государем Михаилом Феодоровичем было отпущено в Толгский монастырь на каменное колоколенное строение сто рублей, – сумма по тому времени довольно значительная. Тогдашний игумен Серапион деньги получил, но колокольной на них стро-

I) [Богоявленский В.В. Надписи на двух колоколах в церкви Елгомского прихода //] Олонецкие губернские ведомости. – 1873. – № 75[, 26 сентября, ч. неофиц. – С. 875].

II) Толстой М.В., граф. Святыни и древности Великого Новгорода. – М., 1862. – С. 126.

III) [Вести из экспедиции И.П.Толмачева //] Известия Русского географического общества. – 1905. – Т. XLI, вып. 3. – [Колокол с голландской надписью в Туруханске (Сибирь).] – С. 611.

IV) [Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп.] Церковно-историческое описание города Старая Руса. – Новгород, 1866. – С. 29.

ить не стал, а отложил их на задуманную им отливку большого стопудового колокола.

Но царский вклад составил только пятую часть всей скопленной Серапионом на колокол суммы, и потому, когда колокол, в 1632 году, был отлит, то в надписи на нем было только глухо замечено, что вылит он «казенными деньгами». В 1677 году при игумене Гордиане (строитель собора) князь Львов пожертвовал в обитель другой колокол в 200 пудов, и Толга могла гордиться своим редкостным по тому времени звоном. Но «радости земныя не бывают продолжительны», замечает автор описания обители.

Не прошло и года, как стопудовый колокол треснул, и игумен Гордиан оказался в крайне затруднительном положении. Колокол, конечно, надо было перелить. Но где? Колокольных заводов в Ярославле тогда еще не было. Приходилось везти в Москву, но Москвы-то игумен и боялся более всего.

Весть о разбитом толгском колоколе там в какую-нибудь неделю могла долететь до дворца, и тогда открылось бы не только то, что разбит царский колокол, а и вся предыдущая история, что царские деньги, присланные на построение колокольни, пошли на другое дело, что и колокол-то отлит не на одну эту сумму, и она, таким образом, как бы затерялась между остальными деньгами, собранными с разных сторон.

Гордиан чувствовал, что узнай об этом ближние бояре, ему, как представителю толгского начальства, не поздоровится. Но его замечательная энергия и русская сметка вывели его из затруднения.

Не говоря никому ни слова, он спустил колокол с колокольни и через своих доброхотов тайно отправил его за границу, откуда он, в перелитом виде, через год или два, благополучно возвратился в обитель.

Теперь на колоколе оказалось две надписи: одна – прежняя, русская, а другая – латинская, гласившая: «*Si Deus pro nobis, quis contra nos. Ewerhardus Splinter me fecit Cnelysae anno 1678*». Но этой надписи Гордиан не боялся: знал он, что «латынщиков» на Руси в то время было немного¹⁾.

В Клопском монастыре в Новгороде на колокольне сохранился немецкий колокол в пятьдесят пудов с надписью готическими литерами: «*Kleiman aus Lubeck hat mich gegossen, aus dem Feuer bin ich geflossen. Anno 1647*», т. е. «Клейман из Любека лил меня, из огня разом я вылился 1647 года».

¹⁾ Тюменев И.Ф. На среднем Плесе // Исторический вестник. – 1904. – Т. 95. Кн. 1. № 1. – С. 209–257; № 2. – С. 679–720.

Месяц и число прочитать довольно затруднительно, потому что слова приходится в полете наружу, где повешен колокол.

Другая надпись вырезана пониже первой и после нее спустя 7 лет. Она начинается: «Лета 7162 (1653) года ноября 29 день при царе государе и в. князе Алексие Михайловиче»; кроме того, можно читать: «при патриархе Никоне и при Новгородском Макарии митрополите дал сий колокол весом в 50 пуд в Клопский монастырь Живоначальные Троицы и чудотворцу Михаилу государь дворянин Иван Лукин Ланежский». Колокольня в Клопском монастыре была в одной связи с соборной церковью Святыя живоначальные Троицы; на ней было 7 колоколов, из коих большой благовестник в 47 пуд[ов], «дача Ивана Милославского, и часы боевые без перечастья»¹⁾.

В Клопском же монастыре находятся два колокола XVI века, из коих один в 15, а другой в 9 пудов с одинаковою надписью: «+лето 7039 [1531] лит колокол сии во обитель Живоначальные Троицы и чюдотворца Николы и к Покрову Святыя Богородица и Святителю Михаилу, при благоверном великом князи Василии Ивановичи всея Русе, + при архиепискупе Великаго Новаграда и Пскова владыке Макарьи и при игуменье Иеве».

В селе Троицком-Лобанове, Коломенского уезда, Московской губернии, на колокольне висит один замечательный колокол с портретом шведского короля Карла XI и следующей надписью:

**KOMMEN AHRE WI VTHAF IAKOBS HVS LAT OS WANDRA HERANS LIVS:
PETRUS BRAHE COMES IN WISINGS BORCLIB BARO IN CAIANAR SVE DROTTLIS.
STOCHOLM ANNO 1662 LGHGL ADESI THET MIOH SAGDTARATWI SKOLECA
VTHIHERRANS HVS HALELVIAHAFVER S.IORAN PVTENS ENKA LATIT CIVTA.**

Колокол этот имеет довольно странную судьбу: он был найден князем Волконским в пруду, во время чистки последнего, и старожилы вспомнили предание, что его привез, неизвестно откуда, прежний владелец села, князь Лобанов-Ростовский, и повесил на здешней колокольне.

Вскоре потом первый звук его к заутрене разбудил и испугал князя, за что колокол был снят с колокольни и брошен в пруд.

Князь Волконский снова повесил его. Звон этого благовестника слышен далеко в окрестности, вблизи же слишком резок, ибо в нем много серебра¹¹⁾.¹⁸⁵.

¹⁾ Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. — Ч. 1–2. — М., 1860. — С. 478.

¹¹⁾ Иванчин-Писарев Н.Д. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. — М., 1843. — С. 25–26.

В Деревяницком монастыре, близ Новгорода, находится небольшой, около пяти пудов весом, колокол старинной иностранной работы. На нем вылит сидящий на троне апостол Петр с ключом в правой руке, над ним две буквы S.P. (Sanctus Petrus), по краю готическая надпись, почти изгладившаяся; первые слова: «Bei Beer», а последняя: «me fecit Anton»¹⁾.

[Русские колокола в Западной Европе]

О колоколах русского литья, находящихся в чужих краях, до сих пор ничего не было известно, но в 1909 году действительному члену Императорского Московского Археологического общества, И.К.Линдерману, посчастливилось найти два таких колокола в археологическом музее Стокгольма.

Об этих колоколах г. Линдеман сделал сообщение в заседании Археологического общества 30 марта 1910 года.

Из доклада видно, что летом 1909 года докладчик был в Стокгольме, где посетил Стокгольмский Государственный археологический музей. В беседе с директором этого музея О.Монтелиусом докладчик просил его сказать ему, не попало ли в музей случайно каких-либо русских вещей.

Монтелиус вспомнил, что в музее есть русский колокол. Колокол стоял в темном месте и был заставлен, так что не представлялось возможным тут же прочесть имевшуюся на нем надпись.

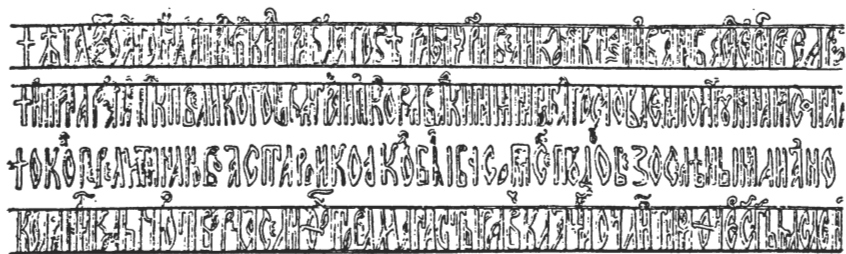
Дальнейшие разыскания привели к открытию другого русского колокола, принадлежащего одной церкви, находящейся недалеко от Стокгольма.

Так как докладчик дольше оставаться в Стокгольме не мог, то О.Монтелиус любезно обещал выслать ему снимки с колоколов и детальпажи; и, действительно, вскоре выслал: фотографические снимки с чертежа русского колокола, принадлежащего церкви *фон-Гуддинге* (находящейся близ Стокгольма) и надписи и клейма, снятые с колокола, хранящегося в Стокгольмском Государственном историческом музее и взятого из церкви *Брэнкирка*, находящейся недалеко от Гуддинге.

В настоящее время обе надписи (см. рисунок), из которых одна вязью, разобраны и свидетельствуют о том, что музейский колокол слит в 1572 году, а колокол, принадлежащий церкви фон-Гуддинге

¹⁾ *Иванчин-Писарев Н.Д.* Указ. соч. С. 232.

Колокол, ныне принадлежащий церкви фон-Гудинге, перелит был из старого, принадлежавшего некогда новгородскому Селифонову монастырю.

Вот эти надписи: «**ЛЕТА** 730 (7071 г. от СМ – 1563 г. от РХ) **А** **ГО**
ЦА **АПРІЛ** **В** **КН** (28 день) **ПРИ** **БЛАГОВЕРНОМ** **ЦРІ** **ВЕЛИКОМ** **КНАЗІ**
НВАНІ **ВАСНЄВІ** **ВСЕА** **РОССІ** **И** **ПРИ** **АРХІЕПІКЄ** **ВЕЛИКАГО** **НОВАГОР** **И**
ПІ **ОВА** **ВЛКІ** **ПІМННІ** **ПО** **БЛАГОСЛОВЛЕННЮ** **ИГОМЕНА** **МІСАНЛА**
ВЗ(АЛ) 1) **КОЛОКОД** 2) **НПКОЛО** **УЮТВОРЦА** **СЕЛН-ОНТОВА** **МАНАСТЫРА**
ВКЛАШНІКОН 3) **ПЕРЕЛІТІ** **НА** **НОВО** **А** **СТАРОН** **КОЛОКОД** **ВЫ** **ВЕСОМ** **СЄ** **ПОДЪ**
БЕС **ОСМІНЫ** 4) **ЛЕЛН** 5) **ЛН** 6) **ТИМОФНЄ** **ТНЪ**, **МАСЛЕННІК** **СЛАВКОВО**
ОКЛУЧНН 7) **С** **СВОИМІ** **ДЕТМІ** **С** **ПЕТРОМЪ** **ДА** **С** **ЕРЬФНЕМ**, **А** **НОВОЙ**
МЕДН 8) **ПРИБАВІЛИ** **УЕТЫРЕ** **ПОДА** **С** **ОСМІННОЮ**».

1) Из четвертой строки, налево, после точки, 2) с конца надписи, 3) вкляшкой, т. е. данной вкладом, 4) в видах криптографических «ми» писано после «ны», 5) лили (перемешано с «осьмины»), при чем ошибочно вместо *Л* дано *Д*, 6) – Лев, 7) Простонародное прозвище. 8) Вместо *Д* дано *Л*¹⁸⁶.

По поводу встречающегося в надписи выражения «Славкова окличин»¹⁸⁷ Л.М.Савелов напомнил, что Славковой называлась одна из улиц Новгорода.

Другая надпись такая: «Лета 7080 (1572) месяца июля в 20 день слит бысть колокол сей к светей Живоначальной Троицы к Успенью Пречистой и к святей велико (мученице?)».

Помимо интереса, возбуждаемого самими русскими колоколами, при неизвестных обстоятельствах очутившихся на шведской почве, надпись, сделанная вязью, представляет интерес диалектологический: в ней несколько обветшалых и непонятных слов.

[Новгородские колокола (окончание)]

В Новгороде на колокольне кафедрального Софийского собора находятся два древних колокола, вылитых в 1166¹⁸⁸ г. при Иоанне IV Грозном. На них следующие надписи:

1) «Лета ~~7304~~ (1566) благоизволением Отца и поспешением Сына и совершением Святого Духа а слыты быша два колокола сии Св. Христову Вознесению, на Прусскую улицу, при благоверном царе и великом князи Иване Васильевиче и всея Руси, повелением рабов Божии Вознесенского прихода православных христиан Прусского Заполья Мастер Иван».

2) «Лета ~~7304~~ (7074 г. от СМ – 1566 г. от РХ) помощью Христа Бога нашего слеты быша два колокола сии к святому Христову Вознесению, на Прусскую улицу, при благоверном великом князи Иване Васильевиче всея Руси, повелением всех православных христиан Прусского, а мастер Иван с пасынком с Метею»¹⁾.

В Новгороде же, в Знаменском соборе, находится чрезвычайно любопытный колокол, вылитый, как видно из надписи на нем. 2 декабря (7063) 1554 года при царе Иоане Васильевиче. «Божию милостию и Пречистыя Богородицы слит бысть сей колокол в Великом Новигороде ко Всечестному храму Пречистыя Богородицы Честнаго ея Знамения лета 7063 (1554) месяца декеврия 2, в царство благовернаго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея России самодержца, господина преосвященнаго архиепископа Пимена и всех православных христиан Велика Новгорода, что избавил нас Бог и Пречистыя Богородица от смертоносных язвы и от напрасныя смерти. А лил мастер Иван»¹⁾.

Здесь же находится другой древний колокол, оставшийся после пожара и известный под названием «Горелаго». Оба эти колокола отличаются от остальных шести, находящихся на колокольне, своей древностью и приятным звуком.

В Спасо-Нерединской церкви в Новгороде сохранился колокол со следующей надписью: «Лета 7105 (1597) году слит бысть сей колокол в монастырь к Спасу-Нередицы при государе и великом князе Феодоре Ивановиче всея Руси и при патриархе Иове Великаго Новаграда, при игумене Ионе, да в тот колокол Феодосий приказал по себе и по своих родителей (звонить?). Лил мастер Тимофей Новгородец».

¹⁾ Конкордин А., свящ. Описание Новгородского кафедрального Софийского собора. – Новгород, 1901.

¹⁾ Толстой М.В., граф. Святыни и древности Великого Новгорода. – М., 1862. – С. 111.

На колокольне Ново-Девичьего монастыря в Москве также находится колокол времен Иоанна Грозного, вылитый в 1551 году¹⁾.

[Изречения и стихи на колоколах]

Иногда на колоколах отливались целые изречения и даже стихотворения. Так, в селе Дунилове Владимирской губ. Шуйского уезда при храме Покрова Богородицы на колокольне находится колокол в 500 пудов, отлитый усердием прихожан в память избавления России от нашествия Наполеона в 1812 году. На колоколе помещено стихотворение, приписываемое бывшему настоятелю Покровской Дуниловской церкви свящ. Василию Саноровскому.

В сей грозный год Галл дерзновенный,
Собрав врагов от всей вселенной,
Россию тщился разорить,
Низвергнуть трон и покорить.
Москва во пламени пылала!
Страна сия в слезах рыдала:
Повсюду был трепет и страх,
Но Бог, живущий в небесах,
Внял воплям и молениям
И не по нашим согрешениям
Благую помощь послал:
Врагов рассыпал, покорял,
Вознес Россию на верх славы;
Смирил премногия державы,
Толь дивна блага созерцаю,
Делам Монарха подражая,
Во славу всех Царя Царей
Мы памятник воздвигли сей;
Да возвестит он в дальни роды,
Кто мир дает, хранит народы¹⁾.

На колокольне Благовещенского собора в Нижнем Новгороде находятся два колокола, из которых на большом помещена следующая надпись, сочиненная, как полагают, преосвященным Тихоном:

«Возопи в слух кимпане людем правоверным,
Возвещай час молитвы гласом твоим безмерным,
Возбуждай ленивых к церкви приходити

¹⁾ Плечко А.М. Москва. – М., 1883. – С. 51.

¹¹⁾ [Надпись на колоколе //] Журнал «Колокол». – 1891. – № 25/26. – С. 420.

Еже бы им молитвы к Богу приносить.
Аще твоего гласа слушати не станет
И на общую молитву с людьми кто не встанет
Имати Бог токоваго ленивца смиряти
И в день Страшнаго суда мщение воздати».

На другом меньшем колоколе следующие тексты: «Благовестите день от дня спасение Бога нашего» и «Созижду церковь и врата адовы не одолеют ей»¹⁾.

Теперь обыкновенно на верхней части колокола ставят следующие надписи: «Благовестуй земле радость велию, хвалите небеса Божию славу» или «Благовестуй день от дне спасение Бога Нашего».

[Царь-колокол]

Из колоколов всего света огромнейший и единственный по своей величине есть московский Царь-Колокол. Он был перелит в 1733 г.¹⁸⁹ из колокола в 8.000 пуд[ов], отлитого при Алексее Михайловиче. В свою очередь, этот колокол был перелит в 1654 году из разбитого Годуновского колокола¹⁹⁰.

Адам Олеарий, бывший в Москве в 1636 году¹⁹¹, вот что говорит про этот колокол: «На самой середине площади в Кремле стоит чрезвычайно высокая колокольня, называемая Иван Великий (Gross Hans), глава которой обита золоченой жестью, а на самой колокольне множество колоколов.

Рядом с этой стоит другая колокольня, на которой вылит самый большой колокол, весом в 356 центнеров при великом князе Борисе Годунове (Boris Gudenow).

В этот колокол звонят только во время больших торжеств, или в праздники (Brasnick), как называют их русские, а также при встрече великих послов и при шествии их на торжественное представление.

Для звона употребляются двадцать четыре человека и даже более, которые стоят на площади внизу и, ухватившись за небольшие веревки, привязанные к двум длинным канатам, висящим по обеим сторонам колокольни, звонят таким образом все вместе, то с одной стороны, то с другой стороны.

Но при этом нужно звонить осторожно, чтобы избежать сильного сотрясения колокольни и возможной опасности от ее падения:

---

¹⁾ Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Ч. 1–2. – Нижний Новгород, 1857–1859. – С. 64.

для этого наверху, у самого колокола, тоже стоят несколько человек, которые помогают приводить в движение язык колокола.

На колокольных у них много колоколов, иногда по пяти и шести, и самый большой весит обыкновенно не более двух центнеров; в колокола те звонят, когда созывают в церковь, и когда, во время уже обедни, священник возносит чашу с дарами. В Москве, по множеству церквей и часовен несколько тысяч колоколов, которые, во время Богослужения, производят такой разнообразный звон и гул, что не привыкший к нему, не может слышать его без особого удивления. Один человек может зараз звонить в три или четыре колокола; веревки, за которые звонят, привязываются у них не за колокола, а за языки, и одну из этих веревок звонарь берет в руки, другие же наматывает на локоть и, таким образом, подергивает их то одну, то другую; при этом звонари, разумеется, должны иметь особый навык, чтобы звонить, как следует. Колокольный звон русские также считают делом необходимым при их Богослужении, полагая, что это последнее не полно без звона. Поэтому русский пристав очень удивился однажды, услышав, что шведские господа послы, в Михайлов день, говорили, что они также хотели справить свой праздник. «Возможно ли, — заметил пристав, — чтобы они могли справлять в Москве праздник, не взявши с собою колоколов при отъезде в такое далекое путешествие»¹⁾.

«Царь Алексей Михайлович для литья колокола в 8000 пудов вызвал мастеров из Австрии и поручил им сделать колокол. Они попросили у него пять лет сроку, чтобы его изготовить, ибо, как потом нам пришлось видеть, труды по его изготовлению и приспособлению, для этого требующая, весьма велики и безсчетны.

Разсказывают, что явился русский мастер, человек малого роста, невидный собою, слабосильный, о котором никому и в ум не приходило, и просил царя дать ему только год сроку. Говорят, что царь очень обрадовался и дал ему в помощь целые отряды стрельцов. Он сдержал свое слово и исполнил обещание, изготовив колокол ранее истечения года»¹⁹².

Царь еще более остался им доволен и в награду дал ему во владение пятьсот крестьянских семейств, но тот отказался, говоря: «Я бедный человек и не имею сил справляться с рабами: для меня достаточно ежедневной милостыни царя». Тогда царь пожаловал ему по динару ежедневно до конца его жизни, а после него детям.

¹⁾ *Олеарий, Адам.* Подробное описание голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636, 1639 годах. — Москва, 1870. — С. 109, 228, 345.

Когда он умер, и эта редкостная вещь осталась испорченной, явился еще один мастер из переживших моровую язву, молодой человек малорослый, тщедушный, худой, моложе двадцати лет, совсем еще безбородый, как мы его видели потом, дивясь милостям всевышнего Бога, коими Он осыпает свои создания¹⁹³.

Этот человек, явившись к царю, взялся сделать колокол больше, тяжеловеснее и лучше, чем он был прежде, и кончить (работу) в один год.

Огромная яма была вырыта на этой площадке¹⁾, и в настоящее время, то-есть с начала месяца февраля, мастер приступил к изготовлению колокола.

Упомянутая яма, по глубине и ширине, вдвое больше печи для обжигания извести. Всю ее, сверху до низу, выложили кирпичом и приступили к устройству внутри ее печи, которую топят со стороны, под землю, ночью и днем.

Замешав глину, выложили из нея род купола, то-есть составили сердцевину колокола, и обжигали глину огнем, который сделал ее твердой, как железо; при этом пламя поднималось выше купола.

Это (обжигание) продолжали до тех пор, пока не окончили форму, а мы все время ходили на них смотреть. Потом наложили на купол второй слой, соразмерно с первой формой, то-есть такой же толщины и такого же объема, около локтя или больше, и затем приступили к устройству верхней формы, окружающей колокол. Именно, привезли железные прутья кривые, согнутые, как лук, с крючками на концах, которыми их сплели между собою вокруг всей формы, наподобие того, как ткут циновки. Потом их тщательно обмазали глиной снаружи и внутри и подвергали продолжительное время действию огня, так что все обратилось в одну (плотную) массу. После того форму крепко привязали сверху толстыми веревками к большому медным блокам на самом верху четырех столбов из крепкого дубового дерева, называемого по гречески *драниц*.

Каждый столб, по толщине, высоте и соразмерности, подобен минарету. Для этих четырех столбов копали землю очень глубоко, а затем в нижней их части просверлили по большому отверстию, в которое вставили большие бревна крест-на-крест, и засыпали их землей, чтобы столбы ни малейше не колебались.

Их поставили не совсем прямо, а немного наклонно над ямой, дабы они не покачнулись. Между каждыми двумя столбами поставили еще по два бревна, подобных им, уперев в перекадину, находящуюся наверху. Затем, просверлив те длинные, большие столбы,

¹⁾ Вероятно, на Ивановской площади.

внутри каждого вложили очень массивный медный блок, укрепив его с обеих сторон длинным и весьма толстым гвоздем. От веревок, прикрепленных к форме, протянули кверху четыре конца и продели их в блоки, что внутри столбов над землею. Множество людей вытянули веревки за дворцовую площадку¹⁾, туда, где было устроено шестнадцать колес¹¹⁾ из упомянутого толстого дерева, нижняя часть их была глубоко впущена в землю и имела поперечные бревна, дабы колеса не раскачались. Привязали те веревки к этим колесам.

При прежнем мастере таких колес было только двенадцать; теперь же их число увеличили и сделали шестнадцать, по восьми с каждой стороны. Затем множество стрельцов повернули некоторые из этих колес с двух сторон одинаково, и тогда крышка, которую сделали как верхнюю форму, поднялась кверху; под нее подвели на краях ямы множество толстых брусьев и поставили прямо. Туда вошел мастер и вырезал письма и изображения, какие было нужно: на одной стороне изображения царя и царицы и Господа Христа над ними, на другой – изображение патриарха Никона. Когда он кончил, спустились (в яму), разрушили второй слой из глины, который сделали под конец и хорошо очистили (форму).

Когда опустили крышку, на месте слоя образовалась пустота, куда можно было впустить расплавленную медь. Затем как форму внизу, так и внутренность крышки, намазали обильно салом и жиром, дабы медь текла по ним быстро. Когда опустили (крышку) вниз, сошли (в яму) каменщики и сложили кругом формы, снизу доверху, прочную стенку из кирпичей в несколько рядов, дабы форма не колебалась от тяжести и стремительного тока меди и таким образом эта последняя не пропала, вытекая наружу.

Приступили к постройке на краях ямы пяти печей из кирпича, весьма прочных, связанных железом снаружи и внутри, обмазали их салом и сделали у них дверцы, опускающиеся и поднимающиеся посредством особого снаряда; дверцы эти железные; их обмазали с обеих сторон глиной, которую потом обожгли на подобие кирпича. Внизу каждой печи сделали отверстие, направленное к яме, дабы когда расплавится медь внутри печей, вся она, по открытии отверстий, быстро потекла по пяти канавкам.

Все это было устроено в течение нынешнего лета после праздника Пасхи, но мы рассказали об этом здесь и, Бог даст, dokonчим рассказ этот в своем месте.

---

¹⁾ Так как автор часто называет дворцом весь Кремль, то под именем «Дворцовой площадки» надо, скорее, разуметь Ивановскую площадь.

¹¹⁾ Т. е. воротов.

Что касается кусков меди от старого колокола, то как мы видели, каждый кусок тащили веревками, при помощи снарядов, сорок-пятьдесят стрельцов с большим трудом, клали на весы и свешивали, а потом вкладывали в печь, пока не наполнили всех печей.

В каждую печь положили 2500 пудов, а всего 12.500 пудов, и замазали печи глиной. Развели сильный огонь и поддерживали его непрерывно ночью и днем, пока не расплавилась вся медь и не стала подобна воде. Ее мешали через отверстия печных дверей железными прутьями, которые накалялись от сильного кипения и жара»¹⁾.

Здесь рассказ Павла Алеппского прерывается, так как он отправился в Новгород. Далее о литье этого колокола он говорит следующее: «В воскресенье, перед закатом солнца, ударили в новый огромный колокол, в знак того, что царь возвращается, и все стали готовиться к встрече его на другой день. Этот колокол есть тот самый, о коем мы упомянули раньше, рассказывая об искусных работах, приспособлениях и машинах, которые были произведены в течение лета множеством стрельцов вместе с опытным мастером, о разнообразной изобретательности которого мы также говорили. Они непрерывно работали над колоколом, начиная с февраля, как нами было описано, до нынешнего праздника св. Николая. Целью наших прогулок в течение лета было большею частью ходить смотреть на работавших. Перед нашим отъездом в Новгород они были заняты чрезвычайно трудной работой, именно, перетаскиванием громадных кусков меди, взвешиванием их и укладыванием в описанные пять печей.

Каждый кусок с трудом передвигали 40–50 стрельцов, при искусных приспособлениях, клали на весы, свешивали, а потом скатывали в печи с величайшим трудом. Эту работу продолжали до нашего возвращения из Новгорода¹⁾. Тогда замазали дверцы печей и развели огонь, (поддерживая его) в течение трех дней, пока медь не расплавилась, сделавшись как вода. Ее мешали через отверстие печных дверей длинными железными прутьями, которые раскалялись от чрезмерного кипения и жара. Затем собралось множество стрельцов и сняли крышу, сделанную из липовой коры, которая защищала то место от жары и дождя: боялись, как бы не случился в городе большой пожар от жара пламени, подобного, по истине, геенне огненной.

---

¹⁾ Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в России в половине XVII в.—Вып.1—4.—М., 1896—1898.

¹⁾ Патриарх Макарий выехал в Новгород 4-го августа, а вернулся в Москву 20-го сентября.

Прибыл один из архиереев, совершил над ямой водосвятие и благословил работы; тогда открыли пять нижних отверстий печей, и вся медь потекла по желобам, ведущим к месту поверх ушей колокола. Это было ночью, и смотреть никого не допускали. Медь не переставала течь до конца этого дня.

От большой своей тяжести она образовала внизу трещину и полилась между кирпичами, от чего уменьшился вес, назначенный мастером; но немедленно было доставлено множество меди и серебра¹⁹⁴ и положено в одну из печей, которая еще была горяча; (металл) расплавился и был пущен на первый, пока форма не наполнилась совершенно. Понадобилось три дня, пока новый колокол не остыл. Тогда стали отнимать кирпичи и землю бывшие вокруг колокола (что продолжалось) долгое время. Когда прошел слух о том, что царь едет, стали работать ночью и днем, и патриарх постоянно приходил с царским наместником надсматривать за работами и усиленно поощрять работников.

Часто он приглашал и нашего учителя посмотреть на работы. Вышел колокол редкостный, одно из чудес света по своей громадной величине. В течение долгого времени не переставали кирками отбивать от формы те места, по которым текла медь, и очищать их (что продолжалось) до 1-го декабря, когда решили вынуть колокол из ямы и повесить. Пришел один из архиереев со священниками и дьяконами великой церкви в облачениях: совершили вторично водосвятие, поставив подобие (церкви) Воскресения и Иерусалима, сделанное из серебра, и окропили колокол и самое место.

Машины и канаты были привязаны и приготовлены в нашем присутствии, и горожане сошлись на зрелище. Каждую из этих шестнадцати машин приводили в движение 70–80 стрельцов и над канатом каждой машины сидел человек, чтобы давать знать, как следует вертеть, дабы тянули все одновременно. То был день зрелища, какие бывают в жизни на счету. Многие веревки полопались, но тотчас же были заменены другими. После величайших усилий и огромных, свыше всякого описания, трудов, по истечении трех дней совершили поднятие колокола и повесили его над ямой на высоту около роста человека, при всевозможных хитрых приспособлениях.

Над отверстием ямы положили толстые бревна, закрыв ее всю, над ними наложили еще бревен, пока этот чудо-колокол не стал на них, и тогда приступили к повешиванию железного языка, который весит 250 пудов, а толщина его такова, что мы с трудом могли охватить его руками, длина же более полутора роста. Принялись очищать этот диво-колокол снутри и снаружи и полировать. При этом обнаружилось точное изображение царя и насупротив его царицы,

а над ними Господь Христос, их благославляющий. Они находятся на лицевой стороне колокола, обращенной к великой церкви на восток от нее; на задней же стороне колокола изображение патриарха Никона в облачении, в митре и с посохом, как он есть.

Под плечами колокола наверху изображены херувимы и серафимы с шестью крылами вокруг, а над ними идет кругом колокола надпись крупными буквами, а также есть надпись по нижнему краю его. Толщина края этого колокола более брасса¹⁾, как я измерил и записал. Когда мы входили под него, нам казалось, что мы в большом шатре. Сколько брасс составляет его окружность, никому не было известно, и никто не осмелился его измерить, ибо там постоянно стояли на страже стрельцы.

Я же не переставал употреблять уловки и ласкательства, пока не сдружился с мастером, пригласил его к себе и, обласкав, выведал от него, как велика окружность колокола, если смерить веревкой, и оказалось 11 брасс; я смерил ее пядями и вышло роно 93 больших пяди. Я спрашивал у мастера и о стоимости колокола, и он сказал: 50.000 динаров, что также сообщил по секрету нашему учителю патриарх; спросил и о весе его, и мастер сказал, что до 12.500 пудов не хватает пятисот¹¹⁾. Мы сочли, что один пуд равен 13,5 ок, а каждая тысяча пудов равна 13.000 ок с несколькими половинами; итак, 10.000 пудов равны 130.000 ок, отбрасывая половины, а 2000 пудов, дополнение до 12.000 пудов, равны 26.000 ок; всего же около 160.000 полных ок.

Ничего подобного этой редкости, великой, удивительной и единственной в мире, нет, не было и не будет: она превосходит силы человеческие. Этот благополучный царь, соорудив ее в свое царствование, превзошел современных ему государей.

К нашему счастью, это было сделано в нашем присутствии. Нечто, бывший в стране франков, сказывал нам, что в городе Париже, столице государя французов, есть колокол, подобный этому новому колоколу, но окружность его только в 70 пядей. Они хвастаются им, говоря, что нет ему равного в мире. Но этот чудо-колокол на много превосходит тот»¹¹¹⁾.

¹⁾ В подлиннике ба', мера равная 5 ф. 9 д.

¹¹⁾ Последующие путешественники, барон Мейерберг в 1661 г. Стрюйс в 1669 и другие, говоря об этом колоколе, дают почти те же размеры, что и Павел Алеппский, но вес указывают несколько меньший, а именно, около 10000 пудов.

¹¹¹⁾ Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в России в половине XVII в. – Вып. 1–4. – М., 1896–1898.

Павел Алеппский, описывая путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, дает нам интересную историю отливки огромного колокола, весом (по Павлу Ал[еппскому]) в 12.000 пудов. По этому поводу считаем нужным сделать некоторые замечания.

На царь-колоколе, находящемся в Московском Кремле, имеются, как известно, три надписи, из них первая гласит следующее: «Блаженные и вечностойные памяти великаго гдря цря и великаго князя Алексия Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца повелением, к перво-соборной церкви Прстия Бцы Честнаго и Славнаго ея Успения, слит был великий колокол, осмь тысящ пуд меди в себе содержащий, в лето от создания мира 7162, от Рождества же плоти Бга Слова 1654 года; а из места сего благовестить начал в лето мироздания 7176, Христова же Рждества 1668 и благовестил до лета мироздания 7208, Рждества ж Гдня 1701 года, в которое мца июня 19 дня, от великого в Кремле бывшего пожара поврежден; до 7239 года от начала мира, а от Христова в мире Рждества 1731 пребыл безгласен».

Эта надпись была до сих пор единственным источником для истории предшественника царя-колокола; по крайней мере, ее повторяют неизменно все, писавшие о наших колоколах, по-видимому, вполне полагаясь на ее достоверность.

Сведения, сообщаемые Павлом Алеппским, который был очевидцем всей работы по отливке и поднятию колокола с начала до конца, представляют историю его, как может видеть читатель, в совершенно новом виде. Они подтверждают известия вышеприведенной надписи лишь в том, что в 1654 году действительно был отлит в Москве колокол в 8.000 пудов, но в дальнейшем с нею расходятся.

По словам Павла Алеппского, этот колокол, отлитый русским мастером, вскоре же от сильного звона раскололся и был спущен. Далее он подробно, как очевидец, рассказывает об отливке из обломков этого колокола другого, еще большего, и также русским мастером.

Подготовительные работы начались в первых числах февраля и продолжились в течение лета и части осени. Колокол был отлит, вероятно, в начале октября (Павел Алеппский не указывает точно времени отливки колокола). Работы под конец велись очень спешно, под непосредственным наблюдением патриарха Никона, которому, очевидно, хотелось звоном в эту невиданную громаду меди достойно встретить царя при возвращении его из победоносного похода против поляков. И действительно, к его прибытию колокол был

поднят и повешен над литейной ямой, на деревянных столбах, подле Ивановской колокольни. На лицевой стороне колокола, обращенной к Успенскому собору, находилось изображение царя и царицы, на задней – патриарха Никона.

В первый раз в колокол стали звонить 9-го декабря, накануне въезда царя в столицу. Павел Алеппский сообщает также размеры и вес этого колокола. Окружность его – 11 брасс, т. е. 64 фута (окружность царя-колокола – 60 ф. 9 д.). Толщина края – один брасс, т. е. 5 ф. 9 д., величина слишком большая; но надо полагать, что автор измерял толщину по скошенному краю колокола, отчего она, естественно, вышла больше настоящей (хотя, все-таки, слишком велика). Весьма возможно, что здесь переводчик оригинала наших рукописей, по ошибке, написал ба, брасс, вместо бира, что значит локоть или фут. Вес колокола – 12000 пудов, а стоимость его, как он слышал от мастера и как сообщил патриарх Никон его отцу – 50000 рублей. Язык его весил 250 пудов и был толщиной в обхват. Звонили в колокол сто человек.

Через шесть лет, после Павла Алеппского, был в Москве барон Мейерберг¹⁹⁵ и сообщает о том же колоколе следующее: «В Кремле мы видели лежащий на земле медный колокол удивительной величины, да и произведение русского художника, что еще удивительнее». (В другом месте он говорит, согласно с П[авлом] Ал[еппским], что мастер был молодой человек, 24 л[ет].)

«Этот колокол, по своей величине, выше эрфуртского, и даже пекинского в Китайском царстве... Русский колокол вышиною 19 футов, шириною в отверстии 18 футов, в окружности 64 ф., а толщиной 2 ф., язык его длиною 14 ф. На отлитие этого колокола пошло 440.000 фунтов меди, угару из них было 120.000 фунтов, а все остающееся затем количество металла действительно употреблено на эту громаду... Здесь речь идет о колоколе, вылитом [в] 1653 г.¹⁹⁶ в царствование Алексея: он лежит еще на земле и ждет художника, который бы поднял его»¹⁹⁷.

Мы не имеем никакого основания сомневаться в правдивости обоих путешественников. Но один из них говорит, что колокол был поднят тотчас по отливке и что в него звонили, а другой видел, несомненно, тот же колокол (судя по приложенному им рисунку) лежащим на земле.

Нам думается, что это противоречие только кажущееся и что показания обоих путешественников легко примирить. Мы представляем себе историю этого колокола в таком виде. Колокол был отлит в 1655 году из обломков другого, в 8.000 пуд[ов], сделанного за год перед тем. Тотчас же после отливки он был поднят и

повешен на незначительной высоте, всего в рост человека, над литейной ямой (которая, конечно, была тогда же засыпана). Висел он, надо думать, недолго: в промежуток от 1655 года до 1661 г. он или был спущен, по ненадежности постройки, быть может, временной, на которой висел, или же сам сорвался, но, упав с небольшой высоты на рыхлую землю, не потерпел никаких повреждений. Разные причины, каковыми могли быть: затруднительное финансовое положение после первой польской войны, раздор царя с патриархом Никоном, вторая, не совсем удачная, война с Польшей, отсрочили вторичное поднятие колокола до 1668 года. Эту дату, означенную на царе-колоколе, можно считать верной; по крайней мере, голландец Стрюйс¹⁹⁸, бывший в Москве в 1669 г., застал колокол уже висящим. Равным образом, Кольбергер¹⁹⁹ в 1674 г. и Таннер²⁰⁰ в 1678 г. видели его висевшим на особенных деревянных подмостках, близ колокольни Ивана Великого («спереди башни», как говорит Таннер).

В большой пожар 1701 года этот колокол-великан сорвался и разбился. Спросят: почему вкрались ошибки в надпись на теперешнем царе-колоколе? Припомним, что надпись составлена спустя 80 лет по отливке первого колокола, и составлена, вероятно, по преданию, без справок с архивными документами; а предание легко могло смешать два колокола, отлитые в такой короткий промежуток времени – двух лет.

Мейерберг в 1661 году видел его и описал так: окружность этого колокола 64 фута, диаметр 18 фут[ов], толщина стен 2 фута, язык железный 14 фут[ов] длиною.

Стрюйс (Strauss), посетивший Москву в 1668–1670 годах, пишет: «Недалеко от Ивана Великого стоит еще башня с толстыми перекладинами, на коих висит громадный колокол – более чем в 394.000 фунтов; один лишь язык его весит 10000 фунтов.

Колокол в ширину двадцать три фута, а в толщину два фута; раскачивают его пятьдесят человек с двух сторон. Звонят в него редко – только по большим праздникам да при приеме послов. Он издает столь сильный звук, что дрожит земля»²⁰¹.

Об этой колокольной летописец говорит: «Поставил (царь Михаил Феодорович) колокольную большому колоколу деревянную»²⁰².

Рейтенфельс²⁰³, приезжавший в Москву в 1671 году, говорит про этот колокол следующее: «Посредине колокольной, называемая Иван Великий, возвышается над всеми прочими, вышиною она поспорит с высочайшими в Европе.

Близ нея находится громадный колокол – частью на весу, частью на деревянной подставке, в 320.000 фунтов.

Народ не раз пытался поднять его с земли, но напрасно, многие даже заплатились жизнью за безразсудную попытку. Царь поставил себе священным долгом сделать более успешную попытку»²⁰⁴.

Далее Ван-Кленк²⁰⁵, бывший в Москве в 1675 году, описывает этот колокол так: «В середине Кремля стоит высокая башня – Иван Великий, покрытая наверху золоченой медью, со множеством колоколов.

Рядом с нею – другая, где висит претяжелый колокол, в перечнике имеющий 23 фута, а весом, говорят, более 400.000 фунтов, язык длиною двадцать два фута, весит более 10.000 фунтов.

Раскачивают его пятьдесят человек и звонят только по праздникам да во время приема послов, тогда от его звона дрожит и трясется земля»²⁰⁶.

Иоанн Корб²⁰⁷ пишет: «Весьма замечателен также в Кремле храм, называемый Иван Великий (Ivan Velikoy): это церковь Блаженного Иоанна; башня церковная с вызолоченной крышей; в башне множество колоколов; один из них, наибольший во всем свете, весит две тысячи двести пудов (poedas) или, по нашей мере, весу в нем шестьдесят шесть тысяч фунтов»¹⁾.

К книге Корба приложен особый лист с изображением этого колокола, под которым находится следующая надпись: «Наибольший колокол, висящий в башне Дворцового храма, имеет в диаметре более трех оргий (сажен), в окружности 10 1/2 оргий, толщиной 3 1/2 фута, весит 66.000 фунтов нашего веса. Колоссальный язык имеет 1 1/2 оргии толщины, а к его концу привязано весьма много веревок, посредством которых раскачивают его 40 и даже иногда 50 человек, и ударяют им в колокол для произведения звона, так как сам колокол, по причине его тяжести и величины, привязанный со всех сторон к крепким брусам, расколыхать невозможно»¹⁾.

Сэр Джером Горсей, бывший в Москве в XVI столетии, пишет: «При Иоанне IV построена посреди Кремля Башня из тесанного камня, называемая Blaveshina Collicalits (Благовещенская колоколица), с 30-ю большими колоколами приятного звона, служащими для всех соборов и красивых окружных монастырей. Все колокола заливаются разом в праздничные дни (которых очень

¹⁾ Корб И.Г. Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора ГварIENTА / Перев. с латин. Б.Женева и М.Семевского. – М., 1868 – С. 258.

¹⁾ Там же. – С. 191.

много у русских), или заунывно звонят во время полнотной молитвы»¹⁾.

Бернгард Таннер, член польского посольства, посетил Москву в 1678 году. Он довольно подробно описывает город и его достопримечательности.

Особенно его поразили колокола, которые он описывает следующим образом: «Другое украшение храму – башня до середины четырехугольная, а с середины до верха круглая; ее тамошние жители зовут Иван Великий (Jwan Welikoy).

Она заключает в себе тридцать семь колоколов следующим образом: на верхе башни есть кругом пролеты, из коих в каждом по колоколу – дискантовому; во втором ряду под теми первыми столько же пролетов и колоколов – альтовых; под этими в третьем ряду тоже пролеты и колокола побольше – теноровые; в четвертом, наконец, ряду под этими тремя столько же колоколов – басовых; все они между собою составляют музыкальную гармонию.

По обе стороны башни – две стены; на каждой из них опять по колоколу, величиною гораздо больше предыдущих, из коих левый имеет в нижней окружности, измеренной мною бичевкой – 18 футов, правый же – 21 фут.

Но огромней, художественней и достопримечательней всех прочих – громадный колокол, висающий спереди башни.

Я его тщательно измерял и потому надеюсь, что читатель мне тем лучше поверит. Его нижняя окружность имеет двадцать восемь футов; самый корпус или бок – толщиной один фут с четвертью и двумя дюймами; высота простирается до семи футов; наконец язык, коим звонят, так велик и толст, что его едва могут охватить два человека.

Впрочем весь город Москва в таком множестве наполнен церквами, что сами жители говорят едва ли можно определить точное их число; однако насчитывают до семи сот церквей (сколько общая молва говорит – их тысяча семьсот).

На крышах – остроконечная башня, с боку храма или даже на башне мало-мало по восьми колоколов, приспособленных для произведения сказанной уже музыкальной гармонии.

Каждая кровля церкви украшается восемью тоже башенками поменьше (куполами), из коих каждая осенена золотым крестом, формы совершенно искаженной – восьмиконечным.

Насколько велико это количество церквей, настолько редко москвитяне в них ходят. Они думают, что коли, проходя мимо церк-

ви, они поклонятся да трижды перекрестятся, то уже больше ничего и не нужно.

Впрочем к делам благочестия, по-видимому, относится у них и обычай праздновать изо дня в день *чтимых ими святых звоном колоколов*.

Звонят же у них, раскачивая не колокола, а дергая за привязанную к его языку веревку, в таком порядке: сначала шесть раз ударяют в один наименьший колокол, а потом попеременно с колоколом побольше шесть же раз; затем уже в оба попеременно с третьим еще большим столько же раз и в таком порядке доходят до самого большого; тут уже ударяют во все колокола и притом столько же раз.

Затем вдруг перестают, а там в том же порядке начинают сызнова. И так повторяется на дню много раз и притом в различных церквях и *по желанию каждого прохожого, потому что доступ во все постоянно открыт для всякаго*».

А как, случилось, зазвонят в замке (Кремле) в перечисленные выше тридцать-то семь колоколов, так, бывало, наводят тоску и каку-то внутреннюю дрожь¹⁾.

Павел, архидиакон Алеппский, подробно описывая (1653 г.) колокольный звон, говорит, что: «По воскресеньям или большим праздничным дням звонили в Кремле во все колокола, вместе с громадным колоколом, звук которого подобен громовому раскату.

Между собором и церковью Архангела, с восточной стороны, находятся прекрасная колокольня, из коих одна перед *Приказом*, т. е. диваном, где всегда заседают визири. Снизу она восьмиугольна, огромных размеров; в ней восемь арок, и в каждой висит чудесный колокол. Один из этих колоколов с резьбой; люди знают его звон: в него ударяют в тот день, когда хотят совершить крестный ход, и тогда собираются священники со своими иконами в соборе.

Над этими восемью арками второй ярус, шестиугольный, поменьше нижняго; вверху также восемь арок, и в них также восемь колоколов. Над ними третий ярус еще меньше, он круглый и в нем много маленьких колоколов. Надо всем широкий пояс в четыре-пять аршин с четырьмя рядами золоченых письмен, а над этим — высокий купол, также позолоченный вместе со своим огромным крестом...

Число ступеней в Ивановской колокольне, в которой висит огромный колокол, сто сорок четыре. Внутри башни, по окружности ея, также есть многочисленные кельи. Из этой башни можно про-

¹⁾ *Таннер, Бернгард*. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678. — М., 1891. — С 57–60.

никнуть туда, где висят два колокола, назначенные для звона в будничные дни и в канун праздников, в церковь Рождества, а также в вышеописанную высокую колокольную, ибо все оне в одном ряду.

Башни эти выстроил и снабдил колоколами в Бозе почивший царь Иоанн, пожертвовав в свое время 120 домов с достаточным содержанием для приставленных к колокольным людям, которые приходят по очереди еженедельно и неотлучно пребывают в упомянутых кельях ночью и днем для звона в колокола.

В большие праздники и в дни крестных ходов, когда звонят во все колокола, звонари являются все и производят звон в следующем порядке. Должно знать, что у алтарного угла великой церкви снаружи висит маленький колокол, к которому приставлен человек. Когда наступает время звона в колокола, если это зимою, то, после второго часа, а если летом, то после третьего или четвертого, – приходит тот человек и ударяет в этот колокол один раз.

Находящиеся наверху люди, которые стоят уже наготове, в ожидании, услышав звон, ударяют в надлежащий колокол языком его около часа времени. Когда патриарх войдет в церковь, приходит тот человек и ударяет в маленький колокол два раза. Услышав его, звонари прекращают звон, пока не кончится чтение часов. Пред началом литургии выходит тот человек и ударяет в маленький колокол, чтобы звонари его слышали и знали, что наступило время литургии. Тогда начинается звон одиночными ударами. Им отвечают находящиеся в высокой колокольне приятным звоном в маленькие колокола, трогаящим сердце слушателя. Затем им отвечают находящиеся под ними (звоном) во все средние колокола, а прочие (звоном) в свой ежедневный колокол. Это повторяется трижды. Если день воскресный или большой праздник, то заканчивают (звоном) во все большие колокола вместе с тем огромным колоколом, коего звон разносится подобно ударам грома.

Так как местоположение крепости Кремля, где находится дворец, очень высоко и господствует над окрестностями, даже над отдаленными полями и селениями, ибо это место в древности была гора и со всех сторон к крепости ведет подъем и всход, то по этой причине звон колоколов доносится до отдаленных окраин города и до селений. Эта огромная, высокая колокольная с золоченым куполом представляет издали красивый вид. Особенно, если на ея главу ударяют лучи восходящего и заходящего солнца. Если бы низменность вокруг этого города была безлесна, то колокольную можно бы было видеть на большом разстоянии при восходе и закате солнца, оражающагося на ея купол. Мы уже увидели ее на разстоянии десяти верст, на каковом – это два полных часа пути – раз-

лицаешь ее взором, как неясный образ. По этой причине покойный митрополит Иса в своем стихотворении говорит: «Внутри царского дворца двадцать пять куполов из золота или смолы²⁰⁸, которые поблескивают издали на всем обширном пространстве», и далее говорит: «Ты слышишь его (колокола) звук на расстоянии трех дней пути». Но мы слышали (колокол) и увидели (колокольню) только на расстоянии десяти наших миль — не более...

Также и с вечера звон в колокола происходит по знаку, данному ударом в маленький колокол. Звонари ударяют небольшое число раз, пока патриарх не войдет в церковь, о чем тот человек дает им знать, и тогда некоторые из них немного позвонят, ударяя вместе зараз: это служит знаком вечерни.

Точно так же ночью тот человек подает звонарям знак, и они ударяют долгое время в назначенный для этого колокол, чтобы дать знать всему городу и чтобы церкви вставали и ударяли в колокола своих церквей, что продолжается непрерывно от полуночи до зари, т. е. звон в приходских церквях. Люди, находящиеся наверху, по знаку, данному им стоящим внизу, о том, что патриарх вошел в церковь, прекращают звон до начала утрени, когда тот опять подает знак, и они начинают звон в назначенные большие и малые колокола, по обыкновению. Если день воскресный или Господский праздник, то заканчивают, как мы сказали, продолжительным звоном в самый большой колокол. Также звонят вместе с ним во все колокола во время полиелея. При чтении Евангелия на утрени ударяют также зараз (во все).

Что касается того, когда они встают к службе по ночам, то в зимнее время, когда ночь бывает длинная, если нет Господского праздника, звонят в назначенный для того колокол в одиннадцатом часу; если же воскресенье или особенный праздник, то ударяют в девятом часу.

В летнее время когда ночи коротки, звонят к вечерне перед закатом солнца после девятого часа, а к утрени в четвертом часу ночи — это по будничным дням. Накануне воскресений и праздников звонят с вечера до истечения одного часа ночи. По этой причине мы испытывали страшное мученье: не спали по ночам и терпели большое беспокойство. Всего больше нас донимал колокольный звон, от гула которого дрожала земля, в канун воскресений и праздников, кои почти непрерывно следуют друг за другом, равно как и звон на заре, с полуночи до утра, ибо в этом городе несколько тысяч церквей.

Рядом с церковью, справа и слева, висят два огромных колокола, подобных громадному колоколу, который мы видели в Киеве в Св. Софии. Один из них с древних времен называется *царицыным*;

в него звонят под воскресенья и в праздники, и по его звону всякий знает, что на другой день воскресенье или большой праздник. Второй колокол – *патриарший* звуком ниже; в него ударяют ежедневно утром и вечером; все церкви и монастыри ждут удара в этот колокол, и как только в него ударят, – если это будет рано утром, после восьми часов дня, то в него ударяют языком его непрерывно целый час несколько человек, – ударяют за ним в Чудовом монастыре, а потом в других...

Близ этой колокольной находится другая большая колокольная – четырехугольная – постройка с четырехугольным же куполом, разукрашенная разноцветными изразцами. Эта колокольная имеет четыре арки наверху. В ее куполе висит самый огромный колокол. Когда мы увидели и услышали его, пришли в изумление.

Мы измерили его окружность, и оказалось 62 пяди; толщина его края локоть, а высота более пяти локтей. На нем висят с двух сторон, сверху до низу, весьма большие камни на веревках, дабы он не раскачивался и звонить в него было легче. В известное время несколько человек снизу раскачивают эти веревки. Его железный язык, быть может, по объему равняется одному из больших колоколов в Молдавии: десять человек, стоя внутри, насилу могут раскачать его и ударять им о края колокола с той и с другой стороны.

Когда ударяют в этот колокол, он издает звук, подобный грому, не только стоящие подле не слышат, что кричат друг другу, но и те, которые находятся внизу, и даже те, которые стоят в Соборе и в других церквях. Об этом колоколе сказал приснопамятный митрополит Иса: «внутри дворец царский, насупротив великой церкви; в ней утвержден высокий, огромный колокол, перетягивающий всякий вес: тридцать юношей нужно, чтобы раскачать его веревками, скрученными из сердцевины конопли». Да, это тот самый колокол. Но мы благодарим всевышнего Бога за то, что при нас был сделан другой огромнее его: не было, не может быть и нет подобного его в мире. О том колоколе нам сообщили, что вес его 4000 пудов, как написано на нем, а этот весит более 12.000 пудов.

В прошлом году мастера, по приказанию царя, сделали колокол в 8.000 пудов, а железный язык его в 250 пудов. Над ним работали со всевозможным старанием непрерывно целый год, пока не окончили его; затем его повесили. Царь приказал звонить во все колокола в городе, потом зазвонили в этот колокол, и его звук покрыл все те. Царь послал всадников узнать, как далеко доходит его звук, и оказалось, как они нашли, около семи верст. Когда стали ударять в него сильнее, он вдруг разбился, как стекло, ибо его частицы не были хорошо очищены. Тогда его спустили, и царь приказал его

разбить. Развели вокруг него сильный огонь, и он весь растрескался на куски. После этого царь отправился в поход. Мастер же, который произвел эту великую редкость – одно из чудес света, – умер во время моровой язвы»¹⁾, 209.

Описывая свое путешествие до Москвы, Павел Алеппский сообщает много любопытных подробностей о колоколах и языках. В Яссах, в церкви Св. Саввы, колокольня примыкает к дверям церкви, к потолку ее подвешены колокола, числом пять; наибольший из них датской работы. Языки у них железные.

Над монастырскими воротами в Яссах колокольня и городские часы, которые все из железа, с большими колесами. Колокола привешены сверху на деревянных брусках. Часы находятся в каморке в середине колокольни и имеют железную цепь, проходящую через потолок на верх к краю большого колокола; к ней прикреплен увесистый железный молоток. Для указания, что наступило время боя, существует длинный деревянный шест, выходящий из отверстия колокольни и имеющий приспособления, которые приводят в движение маленький колокол, висящий на наружном конце шеста; имя этого колокола будильник: его назначение пробудить внимание людей. Потом звонит большой колокол, при чем цепь стягивается под колесами, молоток поднимается и падает на край колокола. Получается густой звук, слышный отовсюду в городе.

За вратами великой церкви Печерского монастыря две колокольни, одна насупротив другой, с западной стороны. Они деревянные, высокие, четырехугольные. Одна из них очень высокая и подъем на нее равняется всходу на Минарет Исы (Иисуса) в Дамаске. Она громадна и имеет много камор внутри; наверх ведет большая витая лестница. Наверху висят на деревянных брусках пять больших и малых колоколов; там же находятся, скрытые в каморе, большие железные часы, бой которых слышен на большом расстоянии. Они возвещают каждую четверть часа одним ударом в малый колокол; когда пройдет час. Они ударяют четыре раза тихо, потом бьют известное число часов в большой колокол.

В то время, 4-го июня, они били до вечера 2 часа, 4-го таким образом день имел 17 1/2 часов, а ночь 6 1/2. У них есть извне, на стене колокольни, круг для солнечных часов. Другие часы висят снаружи каменной колокольни церкви Троицы, о коей мы упоминали.

Когда большие часы вечером пробьют 24 часа, эти ударяют много раз в железную доску с сильным боем²¹⁰, дабы слышали находя-

¹⁾ Павел Алеппский «Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века». – М., 1896. – С. 53, 54, 62, 74, 108, 109.

щиеся вне монастыря, вошли и заперли ворота. Другая колокольня, наспротив, ниже первой. На ней висит огромный колокол¹⁾, подобно которому мы еще не видавали; он величиной с небольшой шатер и весит около 50 алеппских кинтаров¹¹⁾.

Далее, описывая колокола Св. Софии, Павел Алеппский говорит: В то время ударили в большой колокол, мы вышли посмотреть (на него) и увидели нечто изумительное. Он гораздо больше колокола Печерского монастыря, в семь, в восемь раз: наверно он будет с большой шатер.

Железный язык его весит около $1\frac{1}{2}$ алеппских кинтара; двенадцать юношей с большим трудом могли его раскатать; и без того, чтобы кто-нибудь не раскачивал его внутри, он не мог бы дойти до краев колокола по причине его ширины. Когда ударяли в него, наши уши были оглушены его сильным, громоподобным звоном: я говорил своему спутнику громким голосом, и он не слышал.

Прочная, высокая, деревянная колокольня, которая больше всех, виденных нами, шаталась и дрожала. Но звук колокола монастыря Печерского резче и выше, а звук этого колокола мягче и ниже; по-видимому, он из эмесского состава²¹¹⁾.

В Златоверхо-Михайловском монастыре на каждых воротах висит большой колокол: если что-нибудь случится, то в него ударяют, чтобы дать знать всем находящимся в крепости.

В Путивле, по описанию Павла Алеппского, колокола на колокольнях их церквей все из превосходной желтой, тазовой меди, и уже от маленького удара звук разносится на далекое расстояние. Но их не раскачивают веревками люди, как в Молдавии и в земле казаков, а к их железным языкам привязаны бечевки и в них звонят снизу подростки и дети, ударяя языком о края; получается приятный и сильный звук, сладостный для слуха – устройство прекрасное и остроумное¹¹¹⁾, ²¹²⁾.

Что до их точного числа, я после многих разспросов спросил у патриаршего архидиакона, сколько их. Он ответил, что больше четырех тысяч.

Но алтарей, где совершается обедня, больше десяти тысяч. Ибо в каждой здешней церкви по три и более алтаря, и каждая, как бы ни была мала и убога, имеет десять больших и малых, висящих над

¹⁾ Этот колокол, весом в 200 пудов, называется *Балык* и доселе висит на лаврской колокольне.

¹¹⁾ *Кинтар* – 15 пуд. 25 фунт.

¹¹¹⁾ *Павел Алеппский*. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. – М., 1896. С. 53, 62; вып. II. С. 54, 74, 109.

воротами (т. е. вероятно на звонницах) колоколов, в кои они звонят последовательно.

Но по воскресеньям и праздникам и во всеобщие стояния они звонят в них во все разом. Как отрадно это христианскому сердцу, тогда как в Константинополе с Антиохией нет двух тысяч церквей, ни двух тысяч колоколов!..»¹⁾ 213.

Кольбергер же написал, что большой колокол поднимали на подмостки близ Ивана Великого в 1674 году в продолжение 9 месяцев. Во время пожара 19 июня 1701 г. колокол оборвался, разбился и лежал в Кремле до 1731 г.

Голландец Корнилий де-Бруин²¹⁴, бывший в Москве в 1702–03 годах, описывая город, говорит: «Посреди кремлевской площади, окруженной различными зданиями, возносится башня или колокольня *Иван Великий* (Ivan Welike), подле которой находится громадный колокол, упавший с колокольни во время пожара в 1701 году и разбившийся от падения. Говорят, он весит 266,616 фунтов голландских, или 336 центнеров, т. е. 800 пудов с лишком, считая пуд равным 33 нашим фунтам.

Былит этот колокол в царствование великаго князя Годунова (Gudenov). На площадку, где он висел, нужно всходить по 108 ступенькам, идущим между двумя башнями, и взошедши туда, можно видеть еще место, откуда он упал».

Колокол этот величины чудовищной; по краям его, с одной *наружной* стороны вылита русская надпись, с тремя, выпуклой резьбы, головами.

Поднявшись еще выше на 31 ступеньку, выходишь на другую площадку, где, в оконных арках колокольни, висят еще восемь колоколов, висящих в таких же окнах колокольни один другого меньше, из которых некоторые по два вместе.

С высоты Ивановской колокольни открывается самый лучший вид на город, со множеством церквей каменных, которыми он наполнен».

Далее Корнилий де Бруин прибавляет: «Другие думают, что русские приписывают колоколам особенное достоинство, приятное Богу; но они ошибаются. Русские *только освящают* колокола и звонят в них по большим праздникам, во время богослужения»¹¹⁾.

Описывая Москву, камер-юнкер Ф.В. Берхгольц говорит: «Мы обратили внимание только на громадный колокол, который рас-

¹⁾ *Павел Алеппский*. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в России в половине XVII в. – Т. 3. – М., 1896. – С. 115–116.

¹¹⁾ Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Перев. П.П. Барсова. – М., 1873. – С. 80, 81, 84.

смаатривали с удивлением. Он вылит по повелению царя Ивана Васильевича и потому называется Иваном Великим²¹⁵. По причине своей необыкновенной тяжести он все более и более оседал, так что, наконец, уперся даже в своде. Железная полоса, на которой он висит, страшной толщины. Когда в него звонят, язык раскачивают несколько человек веревками, а самый колокол всегда остается неподвижным, да за неимоверною величиною и тяжестью его и невозможно приводить в движение. На этой башне есть еще другие прекрасные и большие колокола, в которые сегодня, т. е. 6 января 1722 г., во все звонили. Самый большой из них имеет, как рассказывают, всегда очень глухой звук, когда в него звонят, что и не удивительно, если принять во внимание тесноту его помещения. Внизу башни сидят постоянно люди, которые от всех осматривающих ее и колокол требуют по несколько копеек»¹⁾.

«Во время проповеди в Голландской Реформаторской церкви, в Москве, оба старшины (Vorstehet), которые как и оба попечителя (Aelteste), избираются ежегодно, ходили сами с тарелками и *звонком*, но так, что один обходил одну половину прихожан, другой другую»¹⁾.

Далее, Берхгольц рассказывает: при осмотре Троицкой Лавры «епископ велел для нас звонить во все колокола, что, по причине их множества и величины, выходило очень хорошо. Самый большой колокол, вылитый в 1709 г., весит 350 п. или 14.000 ф. и имеет в окружности $7\frac{1}{2}$ с.²¹⁶, а потому, как можно себе представить, и один уже немало громок»¹¹⁾.

Высочайший указ императрицы Анны Иоанновны о литье Царя-колокола состоялся в 1730 г. По современной ведомости Артиллерийской и фортификационной конторы видно, что колокол отливался два раза..

Для первой отливки взято было 14.124 пуд[а] 29 ф[унтов] меди, 1000 пуд[ов] олова. Второй же раз было прибавлено 498 п[удов] 6 ф[унтов] олова. Весом колокол вышел 12.327 п[удов] 19 фунтов. Вышина колокола 20 ф[унтов] 7 дюйм[ов], диаметр 22 фута 8 д[юймов]. Толщина стен вверху 9 вер[шков], в краях 6 вер[шков]¹²⁾. Колокол отливал русский мастер Иван Федоров Моторин с сыном Михаилом.

¹⁾ *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В.Берхгольца. 1721–1725 / Пер. с нем. И.Ф.Аммон. – Ч. 2. – М., 1902. – С. 36.

¹¹⁾ Там же. С. 140.

¹²⁾ Там же. С. 180.

¹³⁾ [Снегирев И.М., Мартынов А.А. Московский Царь-колокол //] Русские достопамятности. – 1880. – Т. 3. – С. 2.

Для отливки этого колокола употреблено было одного кирпича 1.214.000. Из этого числа на одну печь пошло 330.000 на основание и под лицо 300.000 и на утрамбовку внутри болвана и снаружи кожуха 250.000¹⁾.

Отливка и переливка, кроме металла, стоили 141.000 руб.

Колокол в 8000 пудов сделался жертвою пожара в 1701 году и долго осколки лежали в Кремле, возбуждая удивление и русских и иностранцев. Императрица Анна Иоанновна, в 1731 году, решила воссоздать разбитый колокол, но еще в большем размере, а именно в 9000 пудов.

Поручено было сыну знаменитого фельдмаршала, Миниху отыскать в Париже для сделания плана колокола искусного мастера. Такой мастер нашелся в лице королевского механика *Жермена*, который, однако же, принял за шутку предложение вылить колокол в 9000 пуд[ов].

Но за дело взялся русский колокольный мастер Иван Федоров Моторин. Чертежи были сделаны тоже русскими мастерами, и в январе 1733 года работы в Кремле уже начались.

Работа кипела на Ивановской площади, и работало сто человек каменщиков, печников, кузнецов, плотников и др[угих] ремесленников.

Эти подготовительные работы продолжались до осени 1734 года, и ими очень интересовалась императрица, хотя сам мастер Моторин и терпел большую нужду. К концу ноября 1734 года подготовительные работы были закончены, и приступлено было к растопке меди.

26 ноября, в 4 часа, после молебна, затоплены были печи. К ночи медь стала расплавляться, топилась до утра и затем в печи было добавлено олово и медь. Все шло хорошо, но вдруг с 28 на 29 число, в 1 час ночи, у двух печей медь ушла под поды.

Моторин с товарищами решили добавить меди. С разрешения графа Салтыкова, тогдашнего главнокомандующего Москвы, начали бросать в печи старые колокола, олово, подушки, но медь в конце концов, прорвалась и в остальных печах. Моторин отводил медь в запасные ямы, выкапывал новые ямы, но отлитие колокола не удалось. В довершение неудачи, загорелась еще деревянная машина над формой, и пожар чуть было не принял больших размеров.

О несчастном событии донесли императрице, которую неудача весьма опечалила. Но Моторин снова принял за работу. Однако же он вскоре умер, поручив дело сыну своему, Михайле, который и раньше был его деятельным помощником.

¹⁾ *Пыляев М.И.* Старое жите. – СПб., 1892. – С. 301.

В это же время наблюдение за литьем колокола было поручено князю Ивану Барятинскому. В ноябре 1735 года все было опять готово к литью колокола, и 23 ноября назначено было растопить печи.

На этот раз были приняты особенные меры предосторожности: из полиции было вытребовано четыреста человек команды с пожарными трубами.

По окончании литургии в Успенском соборе, Коломенский архиепископ Вениамин обошел крестным ходом все постройки и печи, устроенные для литья колокола и, отслужив молебен, сам затопил первую печь. 25 ноября 1735 года литье Царя-колокола совершилось благополучно, о чем и засвидетельствовано в архивном *деле по этому поводу*¹⁾.

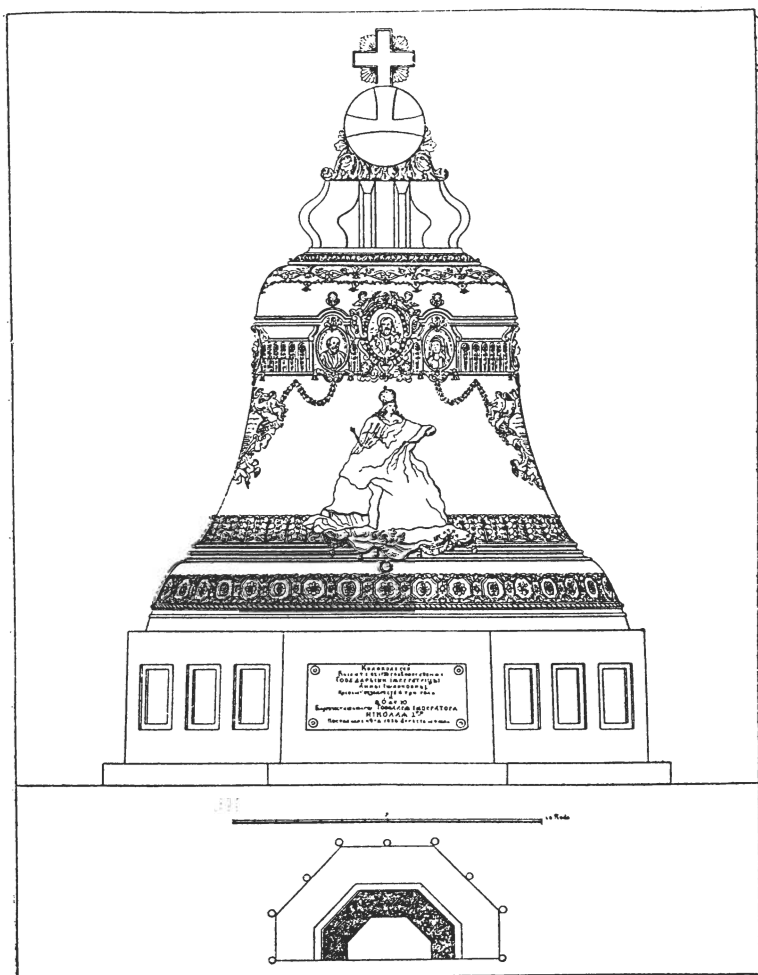
О Царе-колоколе существуют два мнения: первое, что он перед пожаром в 1737 году был повешен на особых подмостках, стоивших 62.000 рублей, второе – то, что он никогда не был вынут из той ямы, где был отлит.

Царь-колокол, после своего отлития, до весны 1737 года, находился в родной своей яме, покаясь на железной решетке, утвержденной на двенадцати дубовых сваях, вбитых в землю. Над ямой находился деревянный сарай для прикрытия колокола. Весною упомянутого года, 29 мая, в Москве сделался страшный пожар, известный под названием Троицкого. Распространяясь со страшною быстротою, пожар охватил и кремлевские здания. Загорелась, разумеется, и деревянная постройка над ямой, в которой стоял Царь-колокол: в яму начали падать горящие бревна.

Сбежавшийся народ, чтобы спасти колокол, за который боялись, что он расплавится, стал изо всех сил заливать водою раскаленный металл. Огонь потушили, но за то испортили колокол: один край его не выдержал резкого перехода то раскаленности к охлаждению и откололся. Это увидели, когда стали расчищать яму.

С этого времени до 23 июля месяца 1834 года²¹⁷ колокол находился в земле, и о нем сложились целые легенды. Заговорили, что Царь-колокол состоит не только из меди и олова, но также частью из золота и серебра, которое во время литья колокола богатые люди из набожности бросили в расплавленный металл. Действительно, по указанию «Горного журнала» в 1883 году, в Царе-колоколе есть небольшое количество серебра, но оно составило случайную примесь к меди в самих рудах, из которых плавилась медь. Затем рассказывали о каком-то чуде-математике, который хотел извлечь колокол из ямы, но неожиданно умер, не поделившись ни с кем своим открытием.

¹⁾ Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. – М., 1893. – С. 136.

Царь-колокол.

(Рис. из книги: *Montferrand Auguste Ricard. Description de la grande cloche de Moscou.* – Paris, 1840.)

Впрочем, и само правительство неоднократно возбуждало вопрос не только об извлечении Царя-колокола из ямы, но даже и об исправлении его. Хотели даже перелить его. Перелить его брался мастер Слизов, но расходы по перелитию оказались так велики (78,461 р. с.), что дело было отложено.

В земле Царь-колокол находился более ста лет и был вынут в 1833 году²¹⁸, по воле императора Николая I, и поставлен 4-го августа того же года на гранитный пьедестал подле Ивановской колокольни.

[Как поднимали Царь-колокол]

Монферан, которому было поручено руководство подъемом Царя-колокола из ямы и установкой его на пьедестал, описывает это так: «28-го марта²¹⁹ 1836 г. я приехал в Москву, чтобы вынуть Царь-колокол из земли, в которой он находился более века.

Колокол уже был разобран от своей формы и стоял на железной решетке, которую я увидал, приказав очистить его от окружающей земли. Эта решетка была укреплена на двенадцати дубовых балках, составлявших, очевидно, часть литейной формы. В этом положении предпринята была чеканка неоконченных украшений колокола. Расположение места отливки колокола было выбрано, по всей вероятности, именно то, которое находили удобным для постройки колокольни, где хотели повесить его.

Новую колокольню предполагалось соединить с Иваном Великим несколькими галереями на разных высотах, чтобы придать им необходимую устойчивость переносить сотрясения от звона колоссального колокола. Пожар 1737 г. помешал осуществить этот проект; он уничтожил часть города, окружавшую колокол.

Деревянный барак над ним был уничтожен, и он весь был покрыт горевшими бревнами. Их невозможно было удалить, благодаря силе огня. Это и было причиной трещины колокола. Рукописи того времени указывают, что народ обливал водой страшно раскаленный колокол, думая этим его спасти, но получились противоположные результаты. Найденные остатки обугленных балок подтверждают этот факт. Все малообоснованные версии, повторявшиеся тогда по этому поводу, уничтожились с нахождением в земле около колокольни Ивана Великого, 21 год тому назад, двух записей.

Первая гласила: «Что в 1651 году царь Алексей Михайлович приказал отлить колокол весом в 320.000 фунтов и что этот колокол, прослужив до 1701 года, разбился при пожаре в кремле».

Вторая: «Что императрица Анна Иоанновна приказала перелить старый колокол и прибавить 80.000 фунтов, чтобы отлить новый».

Хотя вес нового колокола по приказанию императрицы Анны Иоанновны и должен превосходить на 80.000 фунтов веса колокола Алексея Михайловича, но легко может быть разница при больших отливках; хотя бы озаботились прибавить более металла. Но все же точно сказать нельзя, сколько весил колокол после отливки.

Сравнивая размеры этого колокола с другими, он превосходит величиной все существующие и служит украшением Кремля.

Долгое время думали, что невозможно его поднять.

Император Павел I в 1792 г.²²⁰, в одно из своих посещений Москвы, указал талантливому механику J.Guirt придумать способ под-

нять колокол и поставить на другое место. Его проект, хорошо составленный, все же не мог быть выполнен из боязни, что при поднятии колокола – колосс сломается.

В 1819 г. генерал Bèthancourt поручил мне осмотреть колокол и привести рисунки с него. Спустя несколько лет инженер, генерал Fabre, имел такое же поручение, что позволяет думать о желании императора Александра I также переставить колокол.

Прежний ли страх или другие какие-либо мотивы – но все же наибольший колокол в мире лежал в земле и изредка посещался любопытными иностранцами, знакомившимися с древностями Москвы.

Император Николай I, который заботился делать лишь полезное и приятное для своего народа, желал убедиться, возможно ли исправить колокол, и затем хотел для него построить колокольную; но огромные размеры делали невозможным его исправление способом, допустимым для малых колоколов.

Его императорское величество решил вынуть колокол и поставить на пьедестал около Ивана Великого.

Получив назначение представить проекты и руководить работами, я выехал в Москву, куда и прибыл 25-го марта 1836 г.

Первое, что я сделал, это приказал вынуть вокруг колокола всю землю на глубине 30 футов и поставил сруб для предупреждения обвала земли.

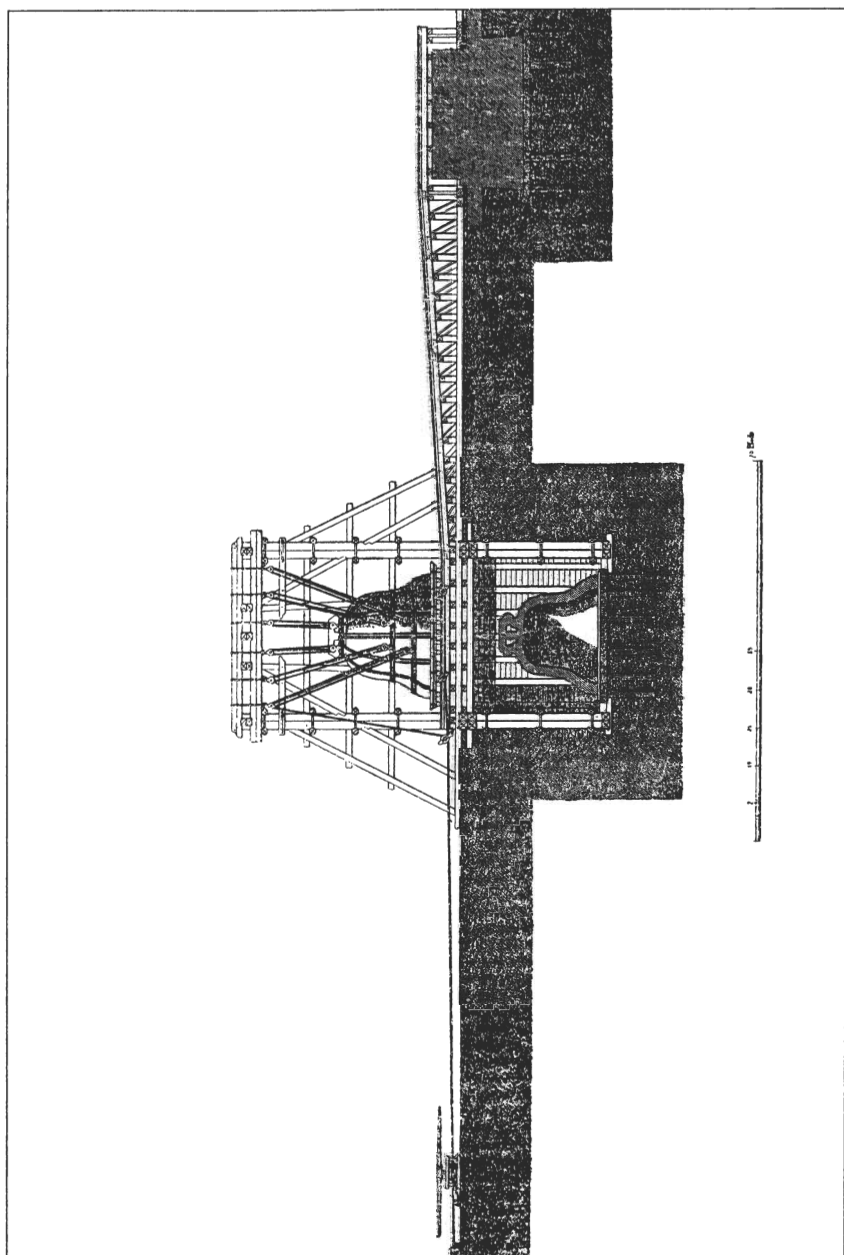
Несколько насосов работали, выкачивая воду для осушки почвы, и тогда лишь я мог рассмотреть весь колокол и убедиться, что кроме одного отбитого куска, лежащего около, колокол был цел, без каких-либо недостатков, и что он мог быть поднят и перенесен без какого-либо риска разбиться.

После этого, я приступил к сооружению лесов, которые вместе с другими приспособлениями были готовы через шесть недель.

30-го апреля я отправился за приказанием военного губернатора и членов комитета по постройке Кремля, которые и решили, что колокол будет подниматься на следующий день.

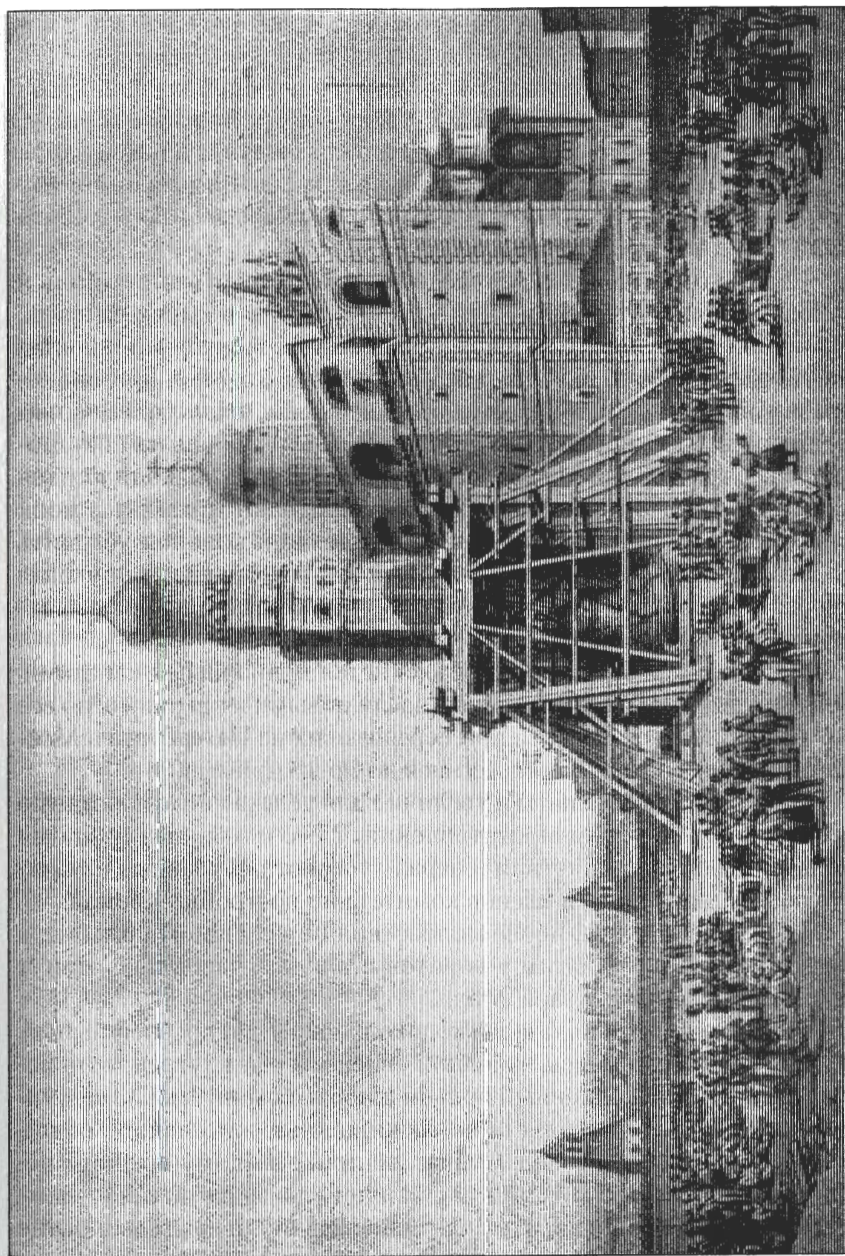
Не было еще и десяти часов утра, когда огромная толпа окружила Кремль и его окрестности, как я получил приказ начинать. Было пропето «*Отче наш*», дабы испросить свыше благополучного окончания работ.

После моего сигнала, рабочие и окружавший народ перекрестились, ворота заработали. Послышался треск лесов от натянувшихся канатов, но все скоро затихло, так как казалось они были достаточно прочны, и все увидели поднимавшийся колокол, тащивший за собой часть железной решетки, на которой он стоял. Первое усилие, чтобы

Проект подъема Царь-колокола из ямы.
(Рис. из книги: *Montferrand Auguste Ricard. Description de la grande cloche de Moscou.* – Paris, 1840.)

Подъем Царь-колокола из ямы.

(Рис. из книги: *Montferrand Auguste Ricard. Description de la grande cloche de Moscou.* — Paris, 1840.)

тронуть огромную массу металла, было настолько велико, что 2 каната лопнули, а сломавшийся блок с силой отскочил в леса.

Колокол продолжал подниматься; глубокая тишина царила вокруг; слышно было лишь глухое регулярное потрескивание воротов. Интерес, смешанный со страхом, сменил надежду на успех, и люди, недавно меня окружавшие и заранее поздравлявшие, мало-помалу удалились. У меня осталось хорошо работавших девять воротов, что было более чем достаточно.

Стоя около колокола, прошедшего уже четверть дистанции, я велел подставить лестницу для удобства схода четырех рабочих, стоявших вверху для распоряжения канатами. Но операция подъема усложнилась, по случаю разрыва канатов, колокол принял неправильное направление, затруднявшее подъем; вновь более напряженные два каната одновременно рвутся, и я даю сигнал остановиться. Страх обуял всех, и из четырех рабочих, находившихся наверху, трое быстро сошли и остался лишь один, дожидаясь моих приказаний. Я послал его в яму под гудевший колокол устроить подставку из бревен. По возвращении этого храбреца, я приказал опускать колокол и без приключений установил его на бревна, отделив таким образом от земли.

Неудача первой попытки объясняется непрочными канатами. Опыт показал, что хотя они и выглядели новыми и крепкими, но все же испортились от сырости при перевозке их из Петербурга в Москву, где они пробыли шесть месяцев до моего приезда.

Я заказал новые канаты и увеличил для успеха число воротов до 20. По окончании всех приготовлений, 23-го июля, был назначен новый подъем в присутствии генерал-губернатора, главных начальствующих лиц города и членов комитета по постройке Кремля.

В пять часов утра, после молебствия об успешном подъеме, я приказал встать солдатам у воротов и в шесть часов пять минут после сигнала ворота заработали.

Немного спустя, показался колокол, покрытый древней пылью, и, медленно поднимаясь, заполнил своей массой внутренность лесов. Блестяще выполненный подъем длился 42 мин[уты] 33 сек[унды], к большому удовольствию восхищенных жителей, осматривавших висевший колокол. Сейчас же прикрыли яму крепким помостом из бревен, на который поставили полозья на катках (тележка) и опустили на них колокол. Затем передвинули на пьедестал, где он и был 26-го июля окончательно утвержден.

С художественной стороны, колокол замечателен красотой своей формы и скульптурных украшений, которые можно отнести к стилю школы «Bouchardon» и «Coisevox». Эти, неоконченные, во

весь рост, натурального размера барельефы изображают портреты царя Алексея Михайловича и императрицы Анны Иоанновны. Между этими двумя портретами, на двух картушах, поддерживаемых ангелами, находятся поврежденные надписи, из которых возможно разобрать несколько слов. Верхняя часть украшена иконами Спасителя, Божией Матери и св. Евангелистов. Верхний и нижний фриз с большим искусством составлен из пальмовых ветвей тщательной работы.

Если верить народным сказаниям, то металл колокола содержит некоторое количество золота и серебра, которое богатые и благочестивые люди прибавляли к меди во время отливки колокола; цвет беловатый, которого не имеют другие колокола, как бы подтверждает высказанное предположение. Благоговение к колоколу московского народа не позволяло взять частицу его, чтобы удостоверить, из чего он состоит.

Его величество государь император приказал, чтобы сверх колокола возвышался бронзовый золоченый крест, и я был вынужден, чтобы поместить крест с сопровождавшим его украшением, отрубить литники, которые еще не были сняты. Анализ этого металла был сделан заботой полковника Соболевского в Петербурге, в лаборатории минного корпуса. Результаты дали: меди – 84,51; олова – 13,21; серы – 1,25; потеря – 1,01. Потеря состояла из цинка и мышьяка, которых нашли лишь следы.

Царь-колокол поставлен на площади Кремля, рядом с колокольней Ивана Великого на восьмиугольном гранитном пьедестале; над ним возвышаются 4 кронштейна, поддерживающие шар с греческим бронзовым (золоченым) крестом. Полная высота этого памятника 34 фута.

На одной стороне пьедестала имеется следующая надпись, которую я сочинил и Его величество государь император утвердил. Эта надпись, славянскими буквами, выгравирована золотом на мраморе синевато-белесоватого оттенка, называемого *bordillo*: «Колокол сей вылит в 1733 году²²¹ повелением государыни императрицы Анны Иоанновны. Пребыл в земле сто и три года и волею благочестивейшаго государя императора Николая I-го поставлен лета 1836 августа в 4 день» (см. рис. на сл. стр.).

Отколотый кусок прислонен к пьедесталу, чтобы можно было видеть внутренность этого монумента, который может быть назван наиболее интересным и необыкновенным в своем роде¹⁾.

¹⁾ *Montferrand, Auguste Ricard. Description de la grande cloche de Moscou. — Paris, 1840. — С. 5–11.*

Колокол сей
 БЫЛЪИТЪ КЪ 1733 ГОДѢ ПОКЛѢНІЕМЪ
 ГОСУДАРЬНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
 АННЫ ІВАННОВНЫ.

Пробылъ кзземаѣ сто и три го́да.

и

б о л е ю

Благочестіѣишаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.
 НІКОЛАА I^{го}

Поставленъ аѣта 1836. Августа кз 4 день.

Вот эпитафия, который взял Монферан для своей книги о подъеме Царя-колокола:

«Но кто бы мог проникнуть в тайны Господа?..

Ты долженствующий присоединять свой голос к нашим молитвам
 И с высоты Кремля, в торжественные дни, призывать народ

к подножию святых алтарей –

Увы!.. с самого твоего рождения, на смерть обреченный,

Ты не мог выполнить твоего великого назначения».

В «Горном журнале»¹⁾ помещены списки надписей, находящихся на Царе-колоколе: 1. «Блаженные и вечнодостойныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца повелением, в первособорной церкви Пресвятыя Богородицы – честнаго и славнаго Ея Успения, слит был великій колокол, осмь тысяч пуд меди в себе содержащий, в лето от создания мира 7162, с Рождества-же по плоти Бога Слова 1654; из меди сего благовестить начали в лето мироздания 7176, Христова-же Рождества 1668 и благовестил до лета мироздания 7208²²², Рождества-же Господня 1704 года²²³, в которое месяца июня 19-го дня, от великаго в Кремле бывшаго пожара, поврежден; до 7239²²⁴ лет от начала мира и Христа, в мире Рождества прибыв безгласен».

¹⁾ [Спасский Г. О колоколах достопримечательных по своей величине //] Горный журнал. – 1833. – Ч. 1, кн. 1, разд. 6. – С. 123–134.

Вторая надпись: «Благочестивейшия и самодержавнейшия великия государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всея России повелением во славу Бога в Троице славилась в честь Пресвятыя Богоматери, в первособорной церкви славнаго Ея Успения, отлит колокол из меди прежняго осмь тысяч колокола пожаром поврежденнаго с прибавлением материи двух тысяч пуд, от создания мира в 7242, от Рождества же во плоти Бога Слова 1734, благополучнаго ея величества царствование в четвертое лето».

[Будет ли звонить Царь-колокол]

Некто архитектор Форстенберг, в 1770 году, хотел впаять вышибленный край, но, не приведя в исполнение своего способа, умер от чумы.

Император Павел приказал было передвинуть колокол на новое место, но предположение не было приведено в исполнение из опасения сломать колокол.

В 1819 году император Александр Павлович поручил расследовать вопрос о поднятии колокола инженеру Фабр, но и на этот раз дело не ограничилось одними предположениями.

Через два года яму расчистили, застлали досками и обнесли перилами; сделали даже лестницу, по которой можно было опуститься вниз и осматривать внутренность колокола.

Тут впервые были прочтены надписи о колоколе царя Алексея Михайловича и о вылитии самого Царя-колокола. При императоре Николае Павловиче решено было извлечь колокол из ямы и поставить на пьедестал. Это дело было поручено, как было сказано выше, французскому инженеру Монферану, строителю Александровской колонны, Исакиевского собора и др. грандиозных зданий¹⁾.

Колокол украшен наверху изображениями московских чудотворцев, а посредине – особ императорской фамилии; из них императрица Анна Иоанновна изображена во весь рост, но ясно вышли только голова и корона.

Вопрос о спайке Царя-колокола поднимался несколько раз и всегда безуспешно.

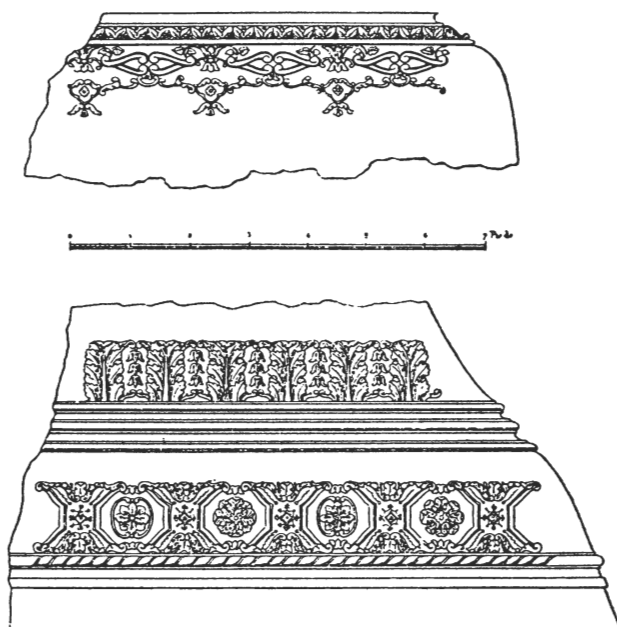
[В.В.]Стасов о спайке Царя-колокола говорит:

«Блестящая деятельность отца Израилева¹¹⁾ в отношении к исследованию русских колоколов и усовершенствованию наших звонков невольно приводит к мысли: как хорошо было бы, если бы этому же замечательному нашему ученому и деятелю поручено было, од-

¹⁾ Кондратьев И.К. Седея старина Москвы. – М., 1893. – С. 137–138.

¹¹⁾ О деятельности о. А.А.Израилева см. ниже.

Детали украшений на Царе-Колоколе.

(Рис. из книги: *Montferrand Auguste Ricard. Description de la grande cloche de Moscou.* – Paris, 1840.)

нажды спаять снова, привести в известный определенный тон и поднять на колокольню знаменитый Царь-колокол.

Возможность эта вполне доказывается тем, что отцу А.А. Израилеву случилось, однажды, вполне счастливо *спаять вновь и привести в прежний тон* камертон, у которого сломилась случайно одна из ветвей. Восстановление же в прежнем виде колокола, полтора-два года тому назад свалившегося в яму и никогда еще не звонившего, было бы, конечно, для нашего счастья, одним из торжеств нашего времени. Ведь Царь-колокол, в 12.000 пуд[ов] весом, *первый* колокол в мире. Зачем же ему молчать!»²²⁵.

Несколько лет тому назад появился проект инженера Н.В. Подчиненова²²⁶ – поднять Царь-колокол, спаять его и водрузить на колокольню.

Надо быть признательным тем лицам, которые не допустили подобного вандализма.

Если спайка чугуна, железа и меди электричеством, кислородом и ацетиленом получила в последнее время права гражданства, но до сего времени все попытки спайки колоколов даже самого малого

Часть украшений Царя-Колокола

(Рис. из книги: *Montferrand Auguste Ricard. Description de la grande cloche de Moscou.* – Paris, 1840.)

размера еще не достигали цели – при спайке звук колокола совершенно терялся. Припаять отколотый огромный кусок к Царю-колоколу, при нынешних технических средствах с гарантией сохранности в нем нормального звука, нет возможности.

Ответ автора проекта на вопрос: «Но будет ли колокол звонить?» — «А уж это зависит от того, как он отлит» — показал незнание его колоколотейного дела и абсолютное недопускание потери звука при припайке куса. Не производя опыта и с маленькими колоколами, вздумал сразу взяться за Царь-колокол. Почему автор не применил своих знаний к разбитым колоколам при церквях.

Должна же спайка стоить дешевле чем переливка старого колокола на новый, но до сего времени о подобном применении знаний Н.В.Подчиненова нам не пришлось слышать.

Вот что говорит автор по поводу своего проекта.

«Действительно, я хотел спаять колокол при помощи электричества, — начал Н.В.Подчиненов, — такой способ спайки уже не новость. Честь изобретения его принадлежит инженеру Славянову. Он давно уже придумал этот способ и тогда же предлагал осуществить проект припайки отбитого куска к Царю-колоколу и поднятия колокола.

Тогда это было слишком дорого. Он назначил баснословную цену — 500.000 руб. С Царем-колоколом этот способ не прошел, но он получил все-таки применение.

Теперь этот способ практикуется в Сибири для литья чугунных и медных частей. Как-то в разговоре с представителями высшего духовенства я высказал мысль о возможности подъема колокола и приведения его в должный порядок. Мысль мою поддержали. Я начал делать всевозможные вычисления. Составил проект.

По моему подсчету, такое дело обошлось бы приблизительно в 150 т. руб. Тогда же я начал переговоры со старостой Патрикеевым и с обществом хоругвеносцев. Впрочем, ни те, ни другие не поддерживали моего проекта в материальном смысле. Находили невозможным истратить на это дело крупную сумму в 150.000 рублей. Конечно, это деньги большие, но если принять во внимание историческое значение колокола, то их следовало бы истратить.

Когда я занялся этим делом, то, роясь во всевозможных архивах и в делах, я почерпнул много интересного материала, совершенно неизвестного не только широкой публике, но даже многим специалистам.

Мне кажется, что духовенство должно было бы особенно интересоваться этим проектом в виду той легенды, которая сложилась вокруг Царя-колокола.

У старообрядцев и сектантов существует легенда, что Царь-колокол сам поднимется и зазвонит в день Страшного суда...

Для осуществления проекта 150 тыс. необходимы вот почему. Самая спайка обошлась бы тысяч в 50. От 30 до 50 тысяч рублей стоил бы подъем.

Самое дорогое — это устройство особого приспособления в виде станка для того, чтобы поворачивать колокол. Так как колокол весит 12.000 пуд[ов], то, несомненно, самая затруднительная часть проекта — это поворачивание колокола.

В виду же того, что колокол имеет много трещин, начиная от раструба и кончая почти местом для ушка, его необходимо поворачи-

чивать для спайки трещин. Такое приспособление, конечно, можно было бы сделать, хотя я и не занимался составлением его проекта».

«Выдержит ли колокольня?»

«Да, это я вычислил. Кроме того, я осматривал место, чрез которое нужно было бы ввести колокол. Там, пожалуй, пришлось бы сделать в стенах небольшие выемки. Конечно, колокол нужно повесить не на самую колокольню, а на Филаретовскую пристройку, где висит сейчас колокол в 4000 пудов, который, кстати, называется тоже Царь-колокол. Вот, пожалуй, расходы увеличило бы приобретение особой машины для пайки. Вероятно, обошлась бы она тысяч в 15. Надо заметить, что обыкновенные машины не выдерживают этого способа работы и сгорают».

«Но будет ли колокол звонить?»

«А это уже зависит от того, как он отлит. Впрочем, судя по внешности, он звонить должен. Его отливку можно назвать идеальной. К концу раструба он утолщается до 12 вершков, а к ушку он значительно тоньше».

«Ведь есть же, как мне рассказывали, в Пекине колокол в 8.000 пуд[ов]²²⁷, который звонит. Этот колокол теперь считается величайшим в мире. Значит, если бы мы водрузили на место наш Царь-колокол, то самым большим в мире стал бы он.

Конечно, пришлось бы сделать язык. Но это не так дорого. Занимаясь этим вопросом, я узнал много интересного о прошлом колокола. Мне было разрешено посещать архив Императорского Двора, и там я нашел целых 600 номеров «дела о колоколе».

Касается «дело» передвижения колокола на то место, где он стоит теперь. Раньше он стоял на другом месте, внутри двора, между дворцом, Чудовым монастырем и колокольней Ивана Великого. Там он находился в яме. Я нигде не нашел указаний, что это за яма, но думаю, что это та самая яма, над²²⁸ которой отливали колокол.

Приблизительно в 1834 г. был возбужден вопрос о подъеме колокола из ямы и передвижении его на теперешнее место. Как это часто бывает и в данном случае все дело было проведено с гораздо большими расходами, чем это требовалось. В архиве я нашел любопытное указание. При дворцовом ведомстве в Москве тогда существовала техническая контора. Помощник архитектора, простой техник, предложил такой незамысловатый план. Он составил проект, по которому из ямы нужно было вырыть очень пологую дорожку к тому месту, где стоит теперь колокол. Потом людьми или лошадьми колокол надо было прямо докатить на место. Этот проект был послан в Петербург, причем техник вычислил, что все дело передвижения стоило бы не дороже 8.000 рублей.

В Петербурге проект отдали известному тогда инженеру-французу Монферану, строителю Исаакиевского собора. Так как он по-русски не говорил, то пришлось проект ему перевести на французский язык. Я видел на самом подлиннике проекта переведенную надпись: «Неудобоисполнительно».

Таким образом, по неизвестным причинам, француз-инженер, считавшийся, конечно, большим специалистом-авторитетом, признал проект негодным. Взамен составил свой. Конечно, гораздо сложнее и дороже.

По его проекту, который, кстати сказать, и был приведен в исполнение, с колоколом поступили так. Над ямой построили леса, вытащили колокол из ямы, перекатили до того места, где ему нужно было стоять, и потом подняли на подставки. Естественно, что этот способ гораздо сложнее. Это подтвердила и крупная цифра расхода в 30.000 рублей.

Итак, если бы мне пошли навстречу, можно было бы водрузить колокол и достичь того, что этот памятник старины гораздо реальнее проявлял бы свое историческое значение»²²⁹.

После Царя-колокола следующий по величине Троице-Сергиевский, весом более 4.000 п[удов], отлит в 1748 г.

Второй по размерам находится в Японии в г. Киото, отлит в 1632 г., весит 4.685 п[удов].

Третий – Большой Успенский, 4.000 пуд, отлит в 1817 году²³⁰ взамен разбившегося в 1812 году колокола, отлитого при императрице Елизавете²³¹ Петровне в 1760 г.²³² и весившего 3.351 п[уд].

Четвертый – Св. Иван, 3.500 пуд[ов], отлит в 1819 г.²³³

Пятый в г. Пекине в 3.400 пуд[ов]²³⁴.

Шестой – в Савино-Сторожевском монастыре, лит в 1667 году²³⁵, весом 2.125 пуд[ов].

Колокола от 1000 пуд[ов] находятся во многих монастырях.

[Колокольня Иван Великий]

Звон на Ивановской колокольне представляется необыкновенно торжественным, особенно когда производится во все колокола, что бывает в самые большие праздники и при торжественных случаях; он называется «красным звоном» и имеет свою особую мелодию.

В ночь под Христово Воскресение красный звон совершается по особому, исстари существующему в Москве, обычаю. Призывный звон к заутрене начинается с колокольни Ивана Великого в Кремле. Для вящего благолепия и торжественности этого великого момента

все московские церкви должны ждать, пока ударит громадный Успенский колокол Ивана Великого.

На первый удар его, вдали, подобно эху, отзывается колокол Страстного монастыря и затем уже разом, как будто по мановению капельмейстера, начинают гудеть колокола всех сорока-сороков московских церквей.

Еще только не успели пробить полночи часы на Спасской башне, как задребезжал сигнальный колокольчик «кандия» от Успенского собора и, как всегда бывает, многотысячная толпа на площади Кремля стихла; и вдруг ударили... Дрогнул воздух, рассеченный густым, но мягким ударом Успенского колокола! Торжественно понеслась, разрастаясь, широкая звуковая волна; перекатилась она с кремлевского холма за Москву-реку и разлилась далеко вокруг.

Как хорошо, как торжественно потрясает ночной, остывший воздух это густое «бархатное» *la bemol!* Второй удар еще сильнее, еще сильнее, еще могучее, а в отклик ему перекатный звон тысячи колоколов всех церквей слился в один протяжный гул.

Растут все больше и больше радостные звуки, переливаясь, дробясь среди торжественной тишины ночи! Чудится, будто бы не землею порождены они, будто с темного свода небес льется этот могучий, стройный звон колоколов на безмолвную землю, оцепеневшую в немом благоговении.

Этот величавый «красный звон» московский, этот «язык неба» – лучше всего слушать с высоты Воробьевых гор, особенно если ветер на Москву. Тогда масса звуков борется с течением воздуха и не сразу, а постепенно наступает на вас, наполняя собою огромное пространство, раскинувшееся между «Воробьевкой» и городом.

А.Н.Муравьев, путешественник по св[ятым] местам, пишет: «Посреди таинственной тишины сей многоглаголивой ночи внезапно с высоты Ивана Великого, будто бы из глубины неба, раздался первый звук благовеста, – вещий как бы зов архангельской трубы, возглашающей общее воскресение. И вот, при первом знаке, данном из Кремля, мгновенно послышались тысячи послушных ему колоколов, и медный рев их наполнил воздух, плавая над всею первопрестольною столицею; она была объята сим торжественным звоном, как бы некоею ей только свойственною атмосферой, проникнутою священным трепетом потрясаемой меди и радостью благовестуемого торжества. Слышало ухо и не могло насытиться сей дивною гармонией будто бы иного надоблачного мира»¹⁾.

¹⁾ Рычин Ф.И. Путеводитель по Московской святыне. – 5-е изд. – М., 1890. – С. 144–145.

Англичанин Мекензи Уоллес¹⁾, иронически относящийся ко всему русскому, так описывает кремлевский звон под Светлое Воскресение: «Толпа стояла в ожидании доброй вести: «Христос Воскресе!» с приближением полуночи шум голосов постепенно затихал, особенно к двенадцати часам, когда большой колокол Ивана Великого начал гудеть своим густым басом. По этому сигналу со всех других московских колоколен вдруг раздался радостный перезвон».

Далее Мекензи Уоллес говорит: «В то же самое время каждый из колоколов Москвы, которым имя легион, казалось бешено желал заглушить своего соседа; рев большого колокола над нашими головами смешивался с тонкими и острыми звуками своих тщедушных соперников».

Если демоны живут в Москве и не любят колокольного звона, как это предполагают, то в эту ночь у темного царства должен был происходить настоящий погром с поголовным бегством. Всему этому оглушающему шуму вторили частые пушечные выстрелы с Тайницкой башни»¹⁾.

Колокольня *Иван Великий* была издревне общею колокольнею всех кремлевских храмов. Первоначально создана в 1329 году великим князем Иоанном Первым Даниловичем Калитой, с церковью во имя св. Иоанна *Лествичего* или *Списателя Лествицы* в память рождения сына Иоанна, в день, празднуемый этому святому.

В 1508 году, эта церковь, называвшаяся *Иоанн Святый иже под колоколами*, перестроена при великом князе Василии Иоанновиче, *Алевизом*²³⁶.

Колокольня же в том виде, как она есть, довершена надстройкою во второе лето правления Бориса Годунова, и без сомнения начата в царствование боголюбивого и богомольного царя Феодора Иоанновича²³⁷.

Таким образом, распространившееся предание о постройке этой колокольни Борисом Годуновым, во время голода, для прокормления народа, есть мнимое.

Колокольня закончена в 1600 году, за год до неурожайного года (1601) и за два и более до совершенного голода или *меженины*, когда Борис по преданию, основанному на следующих строках Николаевской²³⁸ летописи: «Видяж царь Борис такое Божие прогневание и

¹⁾ Мекензи Уоллес, известный корреспондент газеты «Times», прожил в России более 6 лет, изучая ее язык, нравы, обычаи и историю. Им написана большая книга «Россия», переведенная на все европейские языки.

¹⁾ Отрывок из книги Мекензи помещен в «Древней и Новой России», 1879 г., октябрь. Том XV. С. 110.

повеле делати каменное дело многое, чтобы людям питатися и сдѣлаша каменные палаты большія, на взрубѣ, где были царя Ивана хоромы»¹⁾, предпринял каменное дело для прокормления рабочего народа в Москве.

Под главой Ивановской колокольни находится следующая надпись: «Изволением Св. Троицы, повелением великаго государя и царя В. К. Бориса Феодоровича всея Россіи самодержца, и сына его благовернаго великаго государя цесаревича князя Феодора Борисовича всея Россіи, храм *совершен* (т. е. окончен), позлащен во второе лето государства их 108 (1600) году»¹¹⁾.²³⁹

Итальянский мастер Петрок²⁴⁰ строил храм Воскресения. Он окончил постройку уже в 1543 году, не доделал только каменной лестницы к храму, которую, как и двери в храм, приделали уже московские мастера в 1552 году.

Не известно по какому обстоятельству храм был устроен на высоте третьего яруса всего здания и для каких потребностей оставались два нижние яруса, возле которых построена была лестница.

Летопись не упоминает при этом, что здание было построено для колоколов, и именно для больших колоколов, какой, например, был слит в 1533 году с именем *Благовестник*, помещенный до времени на деревянной колокольнице за алтарем Архангельского собора, по всему вероятно в ожидании, когда построятся упомянутое здание новой колокольни.

Должно заметить также, что колокольня была выстроена в стенообразном виде на четыре угла по древним русским образцам новгородских и псковских.

Что здание строилось именно для такой колокольни, это вполне подтверждает весь склад его основания необычайной фундаментальности и прочности.

Строительная масса нижнего этажа состоит из сплошной кладки камня или кирпича и имеет стены толщиной в четыре аршина. Основные стены Ивана Великого имеют три аршина толщины.

«По-видимому, — говорит [И.Е.] Забелин²⁴¹, — свидетельство о постройке этого здания в 1543 году описателями московских достопамятностей было забыто, так что здание обозначалось именем *пристройки* к Ивану Великому, сооруженной будто бы при царе Михаиле

¹⁾ Эти каменные палаты без сомнения составляли каменные палаты Бориса Годунова, стоявшие до начала прошлого столетия против келейного здания Чудова монастыря.

¹¹⁾ Вельтман А.Ф. Достопамятности Московского Кремля. — М., 1843. — С. 76–77.

Феодоровиче и при патриархе Филарете, почему здание стали именовать Филаретовскою пристройкой и Филаретовской башнею»¹⁾.

Между тем в действительности выходило наоборот¹¹⁾. Самый Иван Великий, построенный в 1600 году, является *пристройкой* к этому коренному древнему зданию с южной стороны, а с северной его стороны при Михаиле Феодоровиче была сооружена так называемая *Филаретовская патриаршая пристройка*, что и составило одну связанную группу колоколен, состоявшую из трех отделов: из Ивановского столпа, из здания, сооруженного Фрязином Петроком, и из Филаретовской пристройки, как это в том же виде существует и доныне²⁴².

В 1812 году Наполеон¹¹¹⁾ старался взорвать всю эту группу и достиг цели только наполовину. Были разрушены: Филаретовская пристройка и верхняя половина здания Фрязина. Иван Великий оказал только неопасную трещину.

Один из очевидцев, бывший в Москве в 1812 году, вот как описывает Ивановскую колокольню после взрыва: «По совершенном изгнании неприятеля из Москвы, в Кремль никто впускаем не был караулившими казаками; однако мне случайно удалось проскользнуть и взглянуть вблизи на его разрушение.

Первое внимание я обратил на колокольню Ивана Великого, лишенного на главе венчавшего его креста; хотя он, т. е. Иван Великий в основании своем и не потерпел повреждения, но находившаяся подле него часть колокольни была взорвана и на том месте, где с ним соединялись пристройки, излом красных кирпичей уподоблялся кровавой ране.

Разрушенная часть колокольни представлялась в виде огромной кучи раздробленных камней, на ней лежали от тысячи до трех тысяч пудов три большие колокола, как легкие деревянные сосуды, перевернутые кверху дном силою взрыва.

Стены соборов: Успенского, Архангельского, Благовещенского и Грановитой палаты до того были облеплены толстым слоем мусора, при взрыве колокольни, что невозможно было определить

¹⁾ Забелин И.Е. История города Москвы. 2-е изд. Ч. 1. – М.: изд. автора, 1905. – С. 155–156.

¹¹⁾ Это неправильное указание И.М. Снегирева в «Памятниках Московской древности» повторяют и последующие описатели достопамятностей Москвы: Розанов Н. История Московского епархиального управления. – Ч. III, кн. 2. – М., 1871. – С. 98, примеч. 263; Рычин Ф.И. Путеводитель по Московской святыне. – 5-е изд. – М., 1890. – С. 139–142; Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. – М., 1893. – С. 132.

¹¹¹⁾ См. ниже.

прежнего колера, железные крыши их были пробиты огромными камнями, толстыми деревянными брусьями и тяжеловесными языками от больших колоколов»¹⁾.

По тщательном исследовании оказалось: взорвана старая колокольня возле Ивана с храмом Рождества Христова, построенная в 1543 году Фрязином Петроком Малым, но разрушилась у ней только верхняя половина, где висели большие колокола, упавшие на землю, под грудой камней и кирпича.

Основание здания осталось целым. *Большой Успенский колокол*, как было сказано выше, разбился, у Реута отбились уши, *воскресный и будничный* сохранились в целости.

Точно также разрушилась только в верхней половине стоявшая возле Филаретовская пристройка с меньшими колоколами¹¹⁾.

Впоследствии к Реуту вновь были искусно приделаны уши и тот колокол нисколько не изменился. Но в последние годы этот колокол от вделанных ушей и от времени настолько повредился и обветшал, что в него стало опасно звонить, почему он стал негодным к употреблению и теперь в него совершенно не звонят¹¹¹⁾.

В Западной Европе наибольший колокол находится в Кельне, это – «Kaiser Clocke», лит в 1847 году, весом около 1670 п., вышины 3,25 метр., диаметр 3,4 м.

Любопытно отметить, что русские, заимствовав на Западе колокола для применения к церковной службе, не позволяли иметь колоколов иностранцам, церкви которых находились в Москве.

Рейтенфельс, посетивший Москву в 1671 году, сообщает: «Из предместий замечательна Иноземная слобода или Кукуй, лежащая от внешней ограды города недалеко. Дома в ней деревянные, построены на немецкую статью. Здесь, вдали от русских, немцы имеют три лютеранских кирхи и две кальвинистских – голландскую да английскую, *но без колоколов*»²⁴³.

Этот же случай отмечает и Эрколе Зани²⁴⁴, бывший в Москве в следующем 1672 году, и Кольбергер²⁴⁵, который прибавляет, что нет не только колоколов, но даже и органов.

Но в конце XVII столетия нетерпимое отношение русских к иноземцам, впрочем кроме католиков, видимо, прекратилось. Адам Брандт, бывший в Москве в 1692–1694 годах, пишет: «Лютеранам,

¹⁾ Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. – М., 1862. – С. 278–279.

¹¹⁾ *Забелин И.Е.* История города Москвы. 2-е изд. Ч. 1. – М.: изд. автора, 1905. – С. 178.

¹¹¹⁾ *Рыгин Ф.И.* Путеводитель по Московской святыне. 5-е изд. – М., 1890.

коих там (т. е. в Москве) много, как и кальвинистам, дозволено свободно отправлять богослужение. Первые в Немецкой слободе имеют две прекрасных каменных кирхи, вторые – одну, тоже прекрасную.

Католики же, подобно жидам, могут совершать службу лишь в купленном ими доме, но с тем условием, чтобы в царстве не было ни одного иезуита и не совершалось мессы, а иначе – его прогонят, что и было с одним иезуитом несколько лет назад, дерзавшим это сделать.

Нынешний царь Петр Алексеевич подарил камню на новую церковь, позволил соорудить и колокольню»²⁴⁶.

Доктор Отте в своей книге *Clockenkunde* вот что сообщает о русских колоколах.

«Что касается числа колоколов, то Россия удерживает первенство перед всеми странами земли. Ее церкви в избытке снабжены колоколами всякого рода и величины, и в одной Москве их находится до 1700. Колокольня Ивана Великого имеет в четырех ярусах 37 колоколов. Собственный звон колоколов, посредством раскачивания их, не в обычае; большие колокола вообще не назначены для качания и поэтому привязаны крепко и неподвижно. Но Иван Великий в Москве знаменит не только числом, а еще более гигантской, граничащей со сказочностью, величиной многих своих колоколов; впрочем трудно согласить между собою различные противоречивые известия об этом. Колокольня при пожаре 1812 г. потерпела значительные повреждения. Колокол по имени «Большой», слитый в 1710 г.²⁴⁷, весом в 124.000 фунтов (3100 пудов), упал и потому не употребляется²⁴⁸. В 1817 г.²⁴⁹ император Александр приказал поднять его и одновременно увеличить до 144.000 фунтов (3600 пуд[ов]). Перелил его Богданов²⁵⁰ и очень удачно. Колокол имеет 18 футов в поперечнике и 21 фут высоты²⁵¹; его язык весит 4200 фунтов (105 пудов); он украшен рельефными портретами императорской фамилии, равно как изображениями Спасителя, Пресвятой Девы и Иоанна Крестителя. Этот так называемый «Новый Колокол» – самый большой из всех, какие употребляются, но еще более превосходит его другой, которым, кажется, едва ли хоть один раз воспользовались. Этот «Царь-колокол», бесспорно, величайший в свете, ведет происхождение от времен императрицы Анны и перелит в 1734 г. из еще большего старого испорченного колокола²⁵². Его поперечник имеет 22 фута 5¹/₃ дюйма, высота 21 фут 4¹/₂ дюйма и толщина его вершины 25 дюймов. Вес его считается в 400.000 фунтов (10.000 пудов) и окончность языка имеет 6 футов в объеме. Гигант, который еще в 1737 г. упал во время пожара стропил и отчасти ушел в землю, в 1837 г. (через 100 лет) по приказанию императора Нико-

лая был поднят из его могилы и поставлен на каменный фундамент; он украшен рельефами и надписями, но на одной стороне основания у него отломлен столь большой кусок, что можно свободно входить внутрь колокола»¹⁾.

Величина наших колоколов особенно делается осязательной при сравнении ее с величиной колоколов в главнейших городах Западной Европы.

[О гибели колоколов]

У нас, в России, многие древние колокола были уничтожены по тем или другим соображениям. Так, например, для отливки Царя-колокола пошло старинных колоколов на 1.276 п[удов] 36 ф[унтов]; также Петр I после неудачной Нарвской битвы приказал многие колокола перелить в пушки. Сколько для этого уничтожено было колоколов, можно судить по тому, что из них было отлито 100 больших и 143 малых пушек, 12 мортир и 13 гаубиц. О том, когда состоялся указ Петра о переливке колоколов в пушки, в архивах не найдено. Сам Петр пишет о нем в «Гистории Свейской войны»¹⁾.

Один Печерский Вознесенский монастырь в Нижнем-Новгороде послал колоколов для литья пушек более трехсот пудов¹⁾.

Из донесения Виниуса царю от июня 1701 года видно, что в Угличе, например, по царскому указу, присланному в 1701 году в воеводскую канцелярию, взято колокольной меди 356 пуд[ов] 19 ф[унтов], а именно: «а) с монастырей: 1) Воскресенского 32 п. с лишком, 2) Алексеевского более 40 п., 3) Покровского до 36 п., 4) Николо-Улейменского до 36 п., 5) Богоявленского девичьего более 12 п.; б) с приходских церквей: 1) с собора более 17 п., 2) с церкви св. ап. Петра и Павла 13 п., 3) прор. Илии 4 п., 4) Василия Великого более 6 пуд., 5) апост. Филиппа более 7 п., 6) св. царевича Димитрия на Крови более 3 п., 7) Николая Чудотворца на Песках более 5 п., 8) Николая Чудотворца на Сухих прудах до 14 п., 9) Николая Чудотворца на Петухове до 4 п., 10) Николая Чудотворца Подстенной (т. е. подле городской стены) более 14 п., 11) Воздвижения Креста Господня бол. 3 п., 12) Благовещения пресв. Богородицы более 3 п., 13) Казанской иконы до 6 п., 14) Св. Иоанна Предтечи бол. 17 п., 15) Макария Египетского 3 п. слишком, 16) Вознесения до 6 п., 17) Введения во

¹⁾ *Otte, Heinrich, D.Dr. Clockenkunde.* – Leipzig, 1884. – С. 153.

¹⁾ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого: В 5 т. – Т. 4, ч. 1–2. – СПб., 1863. – С. 70, прим. 9.

¹⁾ *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Ч. 2. – Нижний Новгород, 1859. – С. 104.

храм более 5 п., 18) св. Леонтия Ростовского до 12 п., 19) св. Параскевы Пятницы 6 пуд.»¹⁾

[Н.Ф. Лавров в № 13 «Ярославских епархиальных ведомостей» от 28 марта 1873 г. уточняет эти данные:]

«С монастырей: Воскресенского монастыря колокола весом 131 пуд. 20 ф. взята четвертая часть 32 пуд. 35 ф.; Алексеевского монастыря колокола весом 280 пуд. 25 ф. взято 70 пуд. 6 ф. 24 золотн.; Покровского монастыря со 142 пуд. 14 ф. взято 35 пуд. 23 ф. 2 четв., Богоявленского девичья монастыря с 48 пуд. 38 ф. взято 12 пуд. 9 ф. 2 четв.; Николо-Улейменского монастыря со 143 п. 1 ф. взято 35 пуд. 30 ф. 24 золотн., с Преображенского собора с 7 колокол., весом 70 пуд. 37 ф. 2 четв. взято 17 пуд. 29 ф. 36 золотн.

С градских приходских церквей: Петропавловской, с 7 колоколов, весом 52 пуд. 9 ф., взято 13 п. 2 ф. 1 четв.; Ильинской с 16 пуд. взято 4 пуда; Васильевской, с 25 пуд. 5 ф., взято 6 пуд. 11 ф. 1 четв.; Филипповской, с 29 пуд. 33 фун., взято 7 пуд. 18 ф. 1 четв.; Царевской в городе, с 5 колоколов, весом 10 п. 22 ф., взято 3 п. 15 ф. 1 четв.; Николо-Песоцкой, с 3 колоколов, весом 21 п. 24 ф., взято 5 п. 12 ф.; Николо-Сухопрудской, с 55 пуд. 18 ф. взято 13 пуд. 34 ф.; Николо-Петуховской, с 8 колокол., 31 пуд. 30 ф., взято 7 пуд. 37 ф. 2 четв.; Николы Подстенного (бывшей близ Успенской церкви и впоследствии с нею соединенной) с 7 колокол., весом 6 пуд. 3 ф., взято 16 пуд. 20 ф. 3 четв.; Крестовоздвиженской (или Димитрия Селунского) с 15 п. 15 ф. взято 3 пуд. 33 ф. 3 четв.; Благовещенской и церкви Макария Египетского (что ныне Корсунская) с 26 п. 2 ф. взято 6 пуд. 20 ф. 2 четв.; Казанской, что на площади, с 6 колокол., весом 23 п. 28 ф., взято 5 пуд. 31 ф. 3 четв.; Предтеченской с 7 колокол. весом 68 пуд. 26 ф., взято 17 пуд. 6 ф. 2 четв.; Вознесенской, с 5 колокол., весом 22 пуд. 9 ф., взято 5 пуд. 22 ф.; Введенской за Волгою, с 6 колокол., весом 21 п. 22 ф., взято 5 пуд. 15 ф. 2 четв.; Леонтьевской за Волгою, с 6 колокол., весом 46 п. 37 ф., взято 11 п. 29 ф. 1 четв.; Флоровской, собора Пресвятыя Богородицы и Феодора Тирона (что ныне одна церковь Флоровская) с 8 колокол., весом 16 пуд. 3 ф., взято 4 пуд. 1 ф.; царевича Димитрия, что на Поле, с 3 колокол. весом 2 пуд. 7 ф., взято 21 ф. 2 четв. с полчетвертью; Воскресения Христова, что на Убогом дому, с 4 колокол., весом 4 пуд., взято 1 п. 5 ф.; Параскевы Пятницы, с 6 колокол., весом 26 пуд. 28 ф., взято 6 п. 27 ф. Всего же взято четвертой части колокольной меди

¹⁾ [Серебренников В. Об угличских колоколах, взятых Петром Великим для пушек //] Ярославские губернские ведомости. — 1856. — № 21, ч. неофиц. — С. 196–197.

350 пуд. 19 ф. 2 четверти. Указ Петра I был получен воеводскою канцеляриею; имал (собирал) дьяк ростовского Архирейского дома Иван Семенов»¹⁾.

Орудия, потерянные под Нарвою, заменены к весне лучшими и в большем количестве, благодаря рвению и искусству думного дьяка Виниуса, назначенного надзирателем Артиллерии. Дело было многотрудное от недостатка меди и мастеровых, и Петр решился на меру неслыханную: по прибытии из Новгорода в Москву, он повелел: «Со всего государства, с знатных городов от церквей и монастырей собрать колоколов на пушки и мортиры».

Колокольной меди свезено в Москву в конце мая 1701 года до 90.000 пуд[ов]; из этого числа в расход к июню, с пушечною и красною медью с небольшим 3.000 [пудов] и та битая; а целые колокола не разбивались: до них не дошло. Впоследствии переплавлено колоколов еще до 5.000 пуд[ов], так что в 1701 году употреблено колокольной меди до 8.000.

«Ради Бога, — писал Петр Виниусу, — поспешайте с артиллериею, как возможно: время, яко смерть»²⁵³.

Андрей Виниус царю, 29 апреля 1701, благодарит за обнадеживание, что государь к нему гнева не имеет. «В деле артиллерии много трудности, ово от неискусства, а более от пьянства мастеров, которых ничем исправить невозможно. Мартыаша прежде указа уже отставил; велел исправить Семену Леонтьеву, на которого более других надежды. Еще вылили на Страстной и на Святой неделе 32 пушки большие и малые. Большие зело добры, каковы у русских мастеров в деле не бывали. Много остановок от посторонних помешек. Бургомистры красной меди не присылают, а колокольная медь в пушки без той негодна. Колоколов по сие число в приеме с 34.000 пуд».

О колокольной меди в 1701 году письмо генерал-фельдцеймейстера Брюса к кабинет-секретарю Макарову, из С.-Петербурга 22 февраля 1721 года:

«Государь мой, Алексей Васильевич. Изволили ваше благородие ко мне писать, чтобы в артиллерии справиться, сколько было вылито пушек в 1701 году из сборных колоколов, — и такой ведомости, чтобы особливо из колокольной меди число вылитых пушек показать, учинить невозможно: понеже одна колокольная медь в пушечное литье не употреблялась, а сообщена была с красною и другою медью. Однакож колико было в отпуску в литье колокольной и

¹⁾ Лавров Н.Ф. О взятии Петром I с города Углича меди четвертой части веса колоколов в 1701 г. // Ярославские епархиальные ведомости. — 1873. — № 13, 28 марта, ч. неофиц. — С. 107–108.

иной меди и что в том году каких пушек и мортир и гоубиц вылито, тому при сем прилагается ведение. Да изволили же в.б. писать ко мне о присылке другой ведомости, сколько артиллерии и прочих воинских знаков найдено в канцах, по взятии онаго – и какову ведомость я у себя об этой артиллерии и припасах нашел, из оной учиня, посылаю присем же; токмо оная неимоверна есть: ибо было смешано с русскими припасы; и не найдется ли в той ведомости подлинной в Москве во Артиллерии, о том приказал я туда писать и велел прислать с первым случаем. Впрочем пребываю повсегда в. б. должным слугою граф Брюс.

Ведомость

Меди прислано красной пушечной и колокольной 24.311 пуд. 16 ф.

В том числе колокольной сборной от церквей 7.947 пуд. 18 ф.

Вылито пушек, мортир и гоубиц:

Пушек	Калибром	Числом
	24 фун.	36
	18 фун.	32
	12 фун.	32
	6 фун.	34
	3 фун.	109
	<i>Всего</i>	<i>243</i>
Мортир	9 пуд.	6
	1 пуд.	6
	<i>Всего</i>	<i>12</i>
Гоубиц	20 фун.	4
	1 пуд.	9
	<i>Всего</i>	<i>19</i>

Граф Брюс»¹⁾.

Датский посланник Юст Юль (Just Juls), будучи в России в 1709 году, описывает нашу артиллерию следующим образом: «Из числа этих орудий, двадцати штукам, с прогоревшею от долгой пальбы затравкою и потому негодным к употреблению, залили дно на толщину ядра металлом и затем впереди этого залитого слоя просверлили новую затравку. Русские артиллерийские офицеры уверяли меня, что большая часть их орудий оттого подвержена такому быстрому прогоранию затравок, что вылиты они из металла, обыкновенно употребляемого для колоколов и заключающего в себе слишком много олова; ибо в настоящую войну *духовенство было вы-*

¹⁾ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого: В 5 т. – Т. 4, ч. 1–2. – СПб., 1863. – С. 70.

нуждено предоставить правительству из церквей со всего края известное количество колоколов для переливки оных в пушки»¹⁾.

Этот указ царя был встречен народом с большим неудовольствием, всюду изыскивались разные способы для сохранения своих колоколов.

Вот что по этому поводу рассказывает С. Григоров о так называемых *непокорных колоколах*, которые сопротивлялись указу царя.

Г. Григоров приводит рассказ Гавриила Тверитинина, находящийся в одной из рукописей Петербургской духовной академии.

«Я и сестра моя Ирина в 1701 году были у Троице-Сергиева монастыря, тогда от великого государя царя Петра Алексеевича был указ везде в городских монастырях и в Москве у всех приходских церквей брать колокола и от всего звону четвертую долю меди веса на Пушечный двор на литье пушек и в том Сергиевом монастыре также; а в монастыре колоколов 26 было.

Архимандрит и братия его великого государя указ противиться не смели, и колокола с колокольни сымать повелели».

Вечером некоторые указали снять один старинный колокол; весу, что в нем того не знали, а гласом он был глух и не ярок, но за поздностью онаго не сняли.

Монастырь ночью кругом запирался и всегда также и тою ночью был заперт: на утро же архимандриту звонарь донес, что колокола на колокольне нет и братия не ведали как и где он делся.

Архимандрит же, услышав об этом, повелел везде искать по келиям у братий и в погребях, и когда нигде не могли обрести (занеже ему чудотворцу отдать сего не изволися), тогда архимандрит Ларион повелел другой снять, также весу в нем не ведая и тот снять повелел и разбить, и меди свезти в Москву.

Когда колокол сняли, человек, чтобы разбить оный, ударил колокол молотом, но колокол от того удара не расшибся, но начал глас от него трои сутки день и ночь непрестанно.

Вследствие этого архимандрит и того колокола не велел везти к Москве, повелел сымать два другие колокола новейшего мастерства, но сих колоколов не могли снять ни коими делами.

В то время, когда архимандрит и братия, боясь указа Государева, с ужасом смотрели на сии колокола, колокола же сии два братеньника вдруг сами собой с колокольни соскочили, пали и стены обломили.

Пропавший глухой колокол в это время также отыскался за монастырем в пруде.

¹⁾ *Записки* Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. 1709 / Пер. Ю.Н. Щербачева // «Русский Архив», 1892, кн. 1, № 3. С. 284.

Во время того на монастырь в погреб лед возили и уши колокола видели, а потом его из воды того пруда взяли».

Обо всем донесли Петру, который, по словам Гавриила Тверетинина, хотя «в монастырь приходил, плакал и прощения просил у чудотворца Сергия о своем соизволении, однако колокола два братьеника повелели везти в Москву, где они в литье пушечного дела не пошли и не испорчены, потому что медь была жестка, в дело не гожа и доныне те колокола стоят на Пушечном дворе целы, как и были»¹⁾.

Многие древние колокола погибли и во время пожаров; так, например, в Никоновской летописи есть указание на огромный пожар, произведенный татарами в 1411 г., и между прочим, что «в том пожаре и колокола разлиаяшись».

Точно так же во время огромного пожара в Холме летописец говорит: «И вси иконы погореша в церкви св. Ивана, один Михаил остался Чюдный; и колоколы и то все огонь попали и храмы прекраснии, и медь от огня ползуша, яко смола»²⁵⁴.

На колокольне Троицкой церкви в Старой Русе висит вседневный колокол 60 пудов со следующей надписью: «Лета 1761 месяца сентемврия вылит сей колокол в город Старую Русу к церкви Живоначальныя Троицы из старья горелыя меди, в помин великаго пожара 1759 года июня в 29 день», т. е. когда совершенно сгорела деревянная церковь с колокольней¹⁾.

Точно то же было и на Западе. Собранный в обломках металл растопившихся во время пожара колоколов служил, главным образом, для выделки из него новых колоколов, сохраняющих воспоминание о их превратности благодаря надписям, иногда довольно любопытным.

7-го июня 1674 г., около одиннадцати часов вечера, молния, обрушившись на Лозаннскую колокольню, разрушила шпиц, который не был никогда восстановлен, и расплавила два колокола, которые были немедленно перелиты из того же металла. На одном из них читаем надпись: «Разрушенный молнией, я возрожден огнем, огонь небесный меня разрушил, земной огонь мне возвратил жизнь»¹¹¹⁾.

Большой колокол Орбской церкви напоминает аналогичный факт стихами, помеченными 1688 годом:

¹⁾ Пыляев М.И. Старое житье. – СПб., 1892. – С. 316.

¹¹¹⁾ [Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп.] Церковно-историческое описание города Старая Руса. – Новгород, 1866. – С. 11.

¹¹¹⁾ Blavignac J.D. La Cloche. Études sur son histoire et sur ses rapports avec la société aux différents âges. – Paris, 1877.

«Против жестокого огня я не мог защищаться,
Четыре мои брата и я погибли в один день.
Два много меньше, чем я, вместо них возродятся,
Я, как феникс, возрождаюсь из моего пепла».

Привилегия тушить пожары иногда упоминается в средневековых колоколах: вспомним о колоколе *St. Gervais* в Женеве от 1493 г., который носит надпись: «огонь тушу».

Во второй пожар в Казани в 1672 году опустошена лучшая часть города вблизи Кремля. Во время этого несчастья разбились многие колокола на соборной колокольне, из обломков которых, присланным из Москвы мастером²⁵⁵, перелиты новые. Погибли следующие колокола: *большой*, литый еще при митрополите Марке, воскресный, жалованный царем Иоанном Васильевичем, *литейный*, сделанный при митрополите Гермогене, и *повседневный*, пожалованный царем Иоанном Васильевичем.

Во время пятого пожара 1749 года в Кремле сгорела соборная церковь с колокольней, с которой упали колокола. Точно также погибли колокола и во время пожара в 1815 году¹⁾.

Во время московского пожара, по словам летописца: «В церквах деисусы и местные образа погорели, многие повредились, в Кирилловской церкви антиминс погорел, колокольня обгорела и колокола *опустились*, но ризница вынесена вся в целости».

В *Новгородской* летописи говорится, что в 1304 г. «избишась в Ростове два колокола великая в Великой пяток»²⁵⁶.

А под 6916 (1408) годом значится: «Того же лета погоре город Ростов, и церковь соборная каменная падеся, а ины четырнадцать церквей погоре»²⁵⁷.

В октябрьской книжке «Русской старины» 1876 г. помещена любопытная статья г. С.П. Стеблина-Каменского о старинном колоколе, который по воле настоятеля Успенского полтавского собора предназначался к уничтожению.

Вот что говорит автор статьи по этому поводу:

«В начале апреля 1876 г. снят был со 2-го этажа колокольни соборной кафедральной церкви в Полтаве колокол, висевший там без употребления по причине продольной трещины – сверху до низу – давно в нем произведенной временем, или неосторожностью; в тридцатых годах я еще помню звучный бой этого колокола, к которому применен был часовой механизм, и теперь находящийся в 3-м этаже колокольни. Колокол этот снят с целью перелить его в дру-

¹⁾ *Рыбушкин М.С.* Краткая история города Казани. – 2-е изд. – Казань, 1850. – Ч. II. – С. 7–8.

гой – такого же размера и веса. В нем оказалось 160 пудов весу; но самое замечательное – это древность колокола, ясно указанная в нижеследующих надписях на нем. Но прежде скажем несколько слов о внешней форме колокола.

Сверху и внизу колокол украшен рельефной гирляндой из листьев; на верхнем венце надпись славянскими литерами: **року ѿ хуѣ (1695) мѣа новемрї а 3 (6) дня**; затем, на средней части колокола, с одной стороны в овальном кружке с украшениями – изображение (осьмиконечного) креста, а с противоположной стороны – изображение в таком же кружке Божией Матери с Предвечным Младенцем; на 3-й стороне герб, изображающий в щите руку, протянутую кверху и держащую стрелу, а внизу сердце с осьмиконечным крестом в середине; сверху герба корона дворянская или в роде такой; на противоположной гербу стороне – надпись силлабическими стихами, церковными литерами, с титлами и прочее, следующего содержания:

В року тысяча шестьсот девять десять пятом,
По славном Кизикермене от христиан взятом,
В царство Российских царей Петра, Иоанна,
За гетманство Мазепы Богом дарована,
Сооружен есть звон сей к Божией славе,
Да храму Успения в городе Полтаве
Из штук с Кизикерменских арматив здобычных,
С придатками материй до звона приличных. –
Коштом его милости войска Полтавка *вожа*,
Павла Семеновича Украины *отрожа*».

Внизу колокола: «Делал Афанасий Петров».

Эта надпись показывает, что колокол вылит из пушек, взятых из крепости Кизикерменской с добавлением серебра, которого, по преданию, полагают до 27 пудов, и жертвователем мог быть полковник полтавский Павел Семенович *Палий* – сын знаменитого *Семена Палия*, и что в 1695 г. церковь Успенская в Полтаве уже существовала; она показана и на плане города Полтавы 1709 г., деревянная. Каменная же с колокольной в 3 яруса выстроена в 1770 г. князем Долгоруковым-Крымским, которого гербы, под местными иконами, и портрет в ризнице хранятся. Жаль очень, если духовное местное начальство перельет колокол, не сохранив его надписи, хотя мы слышали будто хотят поставить колокол на пьедестале за оградой церковной, в виде памятника местной старины. Мысль прекрасная.

Троицкий 1737 года пожар в холодной Введенской церкви, в Москве, ныне уничтоженной, повредил на престоле одежды и антиминс, кровлю на церкви и деревянную к ней пристройку, *будничный*

колокол рассеялся, также растопился венец на *Иерусалимской иконе Богоматери*¹⁾.

В Новоспасском монастыре в ночь с третьего на четвертое сентября 1812 года с обгорелой колокольни упал вылитый Петром I колокол в 1100 пудов, прошиб своды церкви Св. Сергия, застрял в первом ярусе, где был расшиблен упавшим на него колоколом в 425 пудов¹¹⁾.

[Колокола Ивана Великого]

В том же, 1812 г., во время взрыва на колокольне Ивана Великого три большие колокола: *Реут* (старин. *Ревун*, но некоторые полагают, что название этого колокола произошло от двух нот: ге-ut), *Лебедь* и *Воскресный* остались невредимыми и только у первого из них отбились уши, которые и были впоследствии довольно искусно приделаны. Самый же большой колокол – (*Успенский*, 3551 пуд) – совершенно разбился.

Этот колокол был вылит при императрице Елисавете Петровне мастером Слизовым в 1760²⁵⁸ году и украшен с одной стороны изображениями Спасителя, Божией Матери и Иоанна Предтечи, а с другой – Успения Божией Матери и Московских чудотворцев Петра и Алексия митрополитов. Под изображениями святителей находились портреты: Петра I, Екатерины I, Елисаветы Петровны, Петра III, Екатерины II и Павла I.

Колокол этот был заменен новым в 4.000 пудов, отлитым мастером Богдановым²⁵⁹, причем к прежним портретам прибавили портреты Александра Благословенного и его августейшей семьи.

О поднятии этого колокола нам удалось найти любопытную историческую справку¹¹¹⁾. «По приезде преосвященного митрополита Серафима в Москву в 1819 году, докладывают ему стороною, что построенная Богдановым каланча для подъема колокола на колокольню Ивана Великого нетверда и брусья на колокольне недостаточны и ненадежны.

Слухи эти касались столь важного предмета, что преосвященный митрополит не мог оставить их без внимания и отнесся к воен-

¹⁾ *Скворцов П.* Московская церковная старина. Уничтожение в московском Китай-городе церковей // Московские церковные ведомости. – 1895. – № 42. – С. 400.

¹¹⁾ *Снегирев И.М.* Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве // Русские достопамятности / Изд. А. Мартынова. – Т. 4. – М., 1883. – С. 21.

¹¹¹⁾ Прогулка по Кремлю // Отечественные Записки. – 1822. – Ч. 9, № 25, май. – С. 241.

ному Генерал-губернатору с требованием архитектора и механика для освидетельствования каланчи и колокольни.

Чиновники, командированные гр. А.П. Тормасовым осмотреть сооружения, боясь взять на себя ответственность, нашли каланчу и колокольную ненадежными и предлагали построить новую каланчу и сделать гранитные столбы на колокольне и покрыть их перекладинами.

Конечно, такие сооружения потребовали бы слишком много времени и затрат. Богданов явился к митрополиту и просил дать разрешение поднять колокол, ручаясь за прочность своей головой. Эта уверенность Богданова подействовала на митрополита, и он дал свое согласие.

В назначенный день преосвященный Серафим вместе с духовенством приехал в Успенский собор. Вся площадь была покрыта несменным числом зрителей. Вдруг докладывают преосвященному, что Богданов, сидя на крыльце, горько плачет. Весть эта очень встревожила митрополита: он думал, что Богданов плачет от робости или раскаяния.

Митрополит призывает его и узнает, что он плачет потому, что ему мешают. Владыко, успокоив Богданова, приступил к освящению колокола по церковному чиноположению и, благословив, приказал поднимать.

Колокол пошел очень ходко и ровно вверх. Богданов находился на нем. Когда колокол был на половине высоты, внезапно раздался с разных концов площади крики: *«Иван Великий шатается, каланча падает!»*.

Толпа заколебалась, послышались крики и вопли женщин и детей, поднялась такая суматоха и давка, что катастрофа казалась неизбежной. К счастью, обер-полицеймейстер не потерялся и с удивительным присутствием духа кинулся к одному из семи воротов, коими поднимался колокол, и решительным и уверенным голосом объявил, что это неправда, что это выдумка мошенников.

Митрополит, боясь, что переполох может повториться, велел объявить народу, что поднятие колокола откладывается до завтрашнего утра.

Но, когда народ разошелся, колокол был благополучно поднят в тот же вечер и на другой день окончательно утвержден на перекладинах.

В день кождения колокола митрополит пригласил к себе на обед Михаила Гавриловича Богданова, обласкал его и спросил:

— Ну, а если бы я не дал тебе согласия на поднятие колокола, послал бы ты на разрешение в Петербург, что бы ты сделал?

— Я уже решился, — отвечал Богданов. — Я бы ночью привез колокол и поднял бы его потихоньку своими рабочими, а там бы воля Вашего Высокопреосвященства наказывать меня!

Рассказывают также, что когда еще устроил Богданов скрепы для поднятия колокола из ямы, по отливке его, то приходил на завод известный иностранный механик и, из сожаления к неученому русскому литейщику, доказывал ему невозможность поднять такую тяжесть на столь ненадежные перекладкины.

— Приходи завтра звонить в этот колокол, — ответил Богданов. И действительно, колокол на другой день уже висел на них и оставался до самого поднятия на колокольню¹⁾.

У мастера Богданова, имевшего колоколо-литейный завод в Москве, помощниками находились крестьяне из Рязанской губернии, того же уезда, села Летова. Впоследствии эти рабочие сами становились мастерами, переходили на другие заводы и также принимали к себе в помощники своих односельчан, так что в последнее время большинство колоколо-литейных мастеров, родом Рязанской губернии, если не из села Летова, то из близлежащих к нему сел. Славятся также мастера и Саратовской губернии.

По сторонам большого Успенского колокола висят следующие три [колокола]:

Семисотный — литый в 1704 году мастером И. Моториным.

Вседневный, или будничный, названный так по указу патриарха Иосифа, отлит в 1652 году мастером Емельяном Даниловым, имеет весу 988 пудов 30 фунтов, впоследствии треснул, и императрица Екатерина Великая приказала в 1782 году перелить его мастеру Якову Завьялову, с прибавкою еще 20 пудов. Теперь он весит 1017 пудов 14 фунтов.

Реут — в 2000 пудов, лит при царе Михаиле Феодоровиче пушечным мастером Андреем Чоховым и по указу того же патриарха назван — *Полиелейным*.

На нем надпись: «Божиею милостию повелением великого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея России самодержца, и по благословению по плотскому рождению отца его государева, а по духовному чину отца его и богомольца, великого господина и святейшаго патриарха Филарета Никитича, Московскаго и всея России, слит сей колокол к соборной церкви Успения Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев Петра, Ионы, лета

¹⁾ Прогулка по Кремлю // Отечественные Записки. — 1822. — Ч. 9, № 25, май. С. 247, примечание 1.

7130 (1622), делал колокол пушечный мастер Андрей Чохов»; весу на нем не назначено, а по примечанию имеет 2000 пудов.

Кроме того, на колокольне Ивана Великого находятся 34 колокола. Они висят в трех ярусах. Замечательные из них следующие:

В нижнем ярусе: Медведь – в 450 пудов. «*Медведь*», отлит в Новгороде в 1501 г. повелением царя Ивана Васильевича и затем находился на колокольне Ивана Великого в нижнем ярусе, когда в 1775 г. перелит; на нем надпись: «Всесильного Бога Спаса нашего Иисуса Христа, Пречистыя Его Матере Пресвятыя Богородицы честного и славного ея Успения, повелением царя и великого князя Ивана Васильевича, всея России Самодержца, сделан бысть сей колокол в Новом городе в 7009 году (1501), июля в 4 день, мастер Иван Алексеев, весу 450 пудов».

Лебедь – 450 пудов²⁶⁰, перелит из старого в 1775 году и оставлен такого же вида, с сохранением прежней надписи: «Лета 7040 (1532) повелением благоверного и христоролюбиваго великаго князя Василия Ивановича, Божиею милостию государя всея России, и при сыне его князе Иване Васильевиче, сольян бысть сей колокол в преименитом и славном городе Москве. Hikiwas Obraker²⁶¹, 537, а делал Николай, весу в нем 445 пуд».

По словам отца Израилева, *Лебедем* этот колокол назван потому, что эта птица, при помощи трубчатого устройства дыхательного горла своего, производит громкий звук, подавший повод к сказке о «Лебединой песне»¹⁾.

В среднем ярусе: Новый – в 200 пудов, называемый также Немчином, потому что на нем находится иностранная надпись, из которой видно, что он лит в 1651 г. На нем находится изображение Божией Матери с Младенцем.

Корсунские колокола перелиты после пожара. На большом находится следующая надпись: «Божиею милостию, повелением царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея России самодержца, перелит бысть сей колокол корсунский, лета 7067 (1559); переливал мастер Нестер Иванов сын Псковитинов; весу 40 пуд».

[А.Ф.] Вельтман, описывая этот колокол, говорит: «Может быть это были памятники взятия Корсуна (Херсона) Владимиром, в 988 году, когда он вывез оттуда два *медных капища* (бюста) и четыре медных коня. Но вероятнее, по незнанию литейного искусства, колокола для храмов киевских в древности выписывали из Херсона»¹¹⁾.

¹⁾ Пыляев М. Старое житие. – СПб., 1892. – С. 292.

¹¹⁾ Вельтман А.Ф. Достопамятности Московского Кремля. – М., 1843. – С. 78.

Марьинский, вклад в память боярина Бориса Ивановича Морозова и его боярыни с надписью: «Лета 7176 (1663) марта в 23-й день, вылит сей колокол к церкви преподобной Марии Египетской по душах блаженных памяти боярина Бориса Ивановича Морозова да по жене его боярыне». Здесь висят еще пять других колоколов *преборных*.

В *верхнем ярусе* заслуживают особого внимания два *Корсунские зазвонные* колокола. Они имеют особенно беловатый цвет и издают чистый мелодичный звук, почему некоторые предполагают, что в составе сплава вошла большая доля чистого серебра.

Кроме того, находятся колокола: стольника Д. О. Арсеньева, боярина Федора Ивановича Шереметьева и Владимирских граждан: Родионовых, Хлынова и Сомова.

Святейший Иоаким патриарх Московский и всея России во 188 (1689) году в сентябре месяце указал ключарям, как докладывать о благовесте, о прозвании колоколов, как их в докладе называть, что *новый большой* и тот в докладе называть *Успенским*, а *старой Успенской* в докладе называть *Воскресным*, а *Реут* в докладе называть *полиелейным*, а что всегда благовест в него бывает, и тот называть *вседневым*¹⁾.

В 1909 году с колокольни Ивана Великого выпало несколько кирпичей, карниз продолжал осыпаться. Кроме того, балки на колокольне Ивана Великого, на которых подвешены колокола, сильно обветшали и грозили падением.

Синодальная контора образовала комиссию и поручила ей исследовать этот вопрос. Комиссия нашла, что необходимо сделать ремонт. Тогда контора возбудила ходатайство об отпуске *необходимых сумм* из государственного казначейства.

Теперь возник другой вопрос. В интересах прочности балки необходимо сделать металлическими. Но, по мнению некоторых лиц, с установкой железных балок изменится и характер звона колоколов Ивана Великого. Решено было обратиться за разъяснением к компетенции сведущих лиц.

Колокольня Ивана Великого, как известно, состоит из двух частей: так называемого «Годунова столба» и «Филаретовой пристройки»²⁶². Первая была построена в 1600 году Борисом Годуновым²⁶³. Она 38 сажен высоты. Колоколов на ней: 6 на 2-м ярусе, 13 на 3-м и 8 на 4-м; все они, как оказалось, укреплены на железных балках лет 40 тому назад.

¹⁾ [О колокольной фамилии: Указ Святейшего патриарха Иоакима 1689 // Древняя Российская вивлиофика. – 1789. – Ч. 11. – С. 254.]

Комиссия нашла, что весь карниз, весьма ветхий и выветрившийся снаружи, может упасть. Снизу он кажется слегка провисшим. Опасное место под колокольной, около Царя-колокола, огорожено забором. Говорят также, что эта колокольная накренилась по направлению к Благовещенскому собору и что звук колоколов, будто вследствие этого, гораздо яснее доносится в эту сторону и слабее слышен с площади.

После осмотра комиссии приступили к ремонту колокольной, внизу произведена кладка кирпичей. Пока всего ремонта произвести не удалось, так как из ассигнованных на дело ремонта 40.000 рублей, было пока отпущено только 10.000.

На Филаретовской пристройке, где находятся большие колокола, произведено перевешивание колоколов с деревянных балок на новые балки железной конструкции.

Опасение, что железные балки изменят звук не оправдались, звук колоколов по прежнему остался чистым и ясным.

На эту работу составлено было несколько смет в 18, 20 и 30 тысяч рублей. Однако эту работу исполнил один завод всего за восемь тысяч рублей. Перевешены были четыре колокола.

Предание говорит, что между древнею церковью Св. Иоанна, Списателя Лествицы (где ныне Иван Великий), и соборами Успенским и Архангельским был деревянный невысокий брусной сруб с крышею. Здесь висел только один колокол в 1000 пудов, слитый в первой половине XVI столетия.

Народ прозвал этот колокол за его необыкновенную, по тогдашнему времени, величину – *царем-колоколом*²⁶⁴. В него благовестили только в большие праздники и, вообще, в торжественных случаях¹⁾. Преследуя огромные размеры колоколов, часто упускали из виду главное – благозвучность и стройность целого звона, т. е. то, что главным образом должно цениться в колоколе.

Из колоколов замечательны по своему певучему звону: Савино-Сторожевский в Звенигороде и Симоновский в Москве. Оба эти колокола отлиты в XIII веке²⁶⁵.

[Ростовские колокола и звоны]²⁶⁶

Совершенно особо от всех русских колоколов стоят знаменитые *ростовские звоны*: Сысоевский, Акимовский, Егорьевский и два Будничных, которые известны всей России и упоминаются во многих исторических памятниках.

¹⁾ Замечания о Иване Великом // Отечественные записки. – 1822. – Ч. 11, № 27, июль. – С. 126–131. Подпись: «Старожил московский».

Всего колоколов в Ростовской соборной церкви 13, и 9 из них именные; первый Сысой, в 2000 пудов, вылит в Ростове при митрополите Ионе в 7197 (1689²⁶⁷) году, мастером Флором Терентьевым; второй *полиелейный*, в 1000 пудов, вылит в 7191 (1683²⁶⁸) году; третий *Лебедь*, в 500 пудов, вылит в 7190 (1682) году; четвертый *Юлударь*, в 140 пудов (называется так потому, что употребляется для звона в Великий пост), пятый *Баран* в 80 пудов, шестой Красный в 30 пудов, седьмой *Козел* в 20 пудов, прочие шесть малых без обозначения веса.

Ростовские звоны названы по именам учредителей: *Ионин*, по имени митрополита Ионы Сысоевича, который с 1652 г. по 1691 год в течение 39 лет правил Ростовскою митрополией; *Георгиевский* или *Егорьевский*, особенно хороший по словам знатоков, принадлежал архиепископу Георгию Дашкову, правившему Ростовом уже по уничтожении митрополии с 1718 года по 1731 год; *Иоакимовский*, по имени архиепископа Иоакима, 1731–1741 год.

Все они расположены в один ряд. Звон производится на три различные *настро*я по особым нотам, которые были писанные, но впоследствии затеряны и теперь передаются звонарями друг другу по слуху.

Звонари становятся так, что могут видеть друг друга и соглашаться в такте; это одно из условий гармонии.

Первый *настрой* – один перевод колоколов, без пересечки, служит основанием для остальных настроев; второй – с пересечкой; третий – также с пересечкой, при которых звонари ударяют во все колокола в один край.

При втором настрое слышится как бы слово старинного концерта: *Пойте Богу Нашему*, а при третьем песнь: *С нами Бог*.

В недавнее время придуман звонарями еще четвертый настрой, который они называют *Калязинским*: странная и неблагозвучная смесь из трех старинных звонов¹⁾.

Митрополит Платон приезжал слушать эти звоны и хотел учредить у себя такие же в Вифании. Но ему сказали: «Дайте такую же колокольную и такие же колокола».

[²⁶⁹] Митрополит Иона III Сысоевич, управлявший Ростовскою епархией, как было сказано выше, 39 лет, с 1652 года августа 15 дня по 1691 год июля 5 день, устроил много великолепных зданий в Ростове и имел, как видно, изящный вкус ко всему высокому и прекрасному. Он, между прочим, построил при Успенском соборном

¹⁾ Толстой М.В., граф. Древние святыни Ростова Великого. – М., 1860. – С. 43.

храме, на юго-восток от алтаря, одноярусную колокольную, вышиною в 10 сажен, длиною в 15 сажен, а шириною в 5 сажен, и снабдил ее весьма замечательными колоколами.

Первый, самый большой колокол «*Сысой*», названный так в честь родителя митрополита Ионы, схимонаха Сысои, весом в 2.000 пудов, вылит в Ростове, в 1689 году. Около головы и около краев этого колокола имеется рельефная, славянская, вязью, надпись. Вверху, вокруг головы написано: «Лета 3УРЗ (7197. – 1688 г.) ноемвриа в АІ (11) день. При державе великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексиевича, Петра Алексиевича и великия государыни и благоверныя царевны и великии княжны Софии Алексиевны всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев», а внизу, вокруг краев написано: «И при благоверных государынях царицах и великих княгинях Наталии Кириловне, Параскеве Феодоровне, Марфе Матфеевне и при великом господине святейшем Кир-Иоакиме патриархе Московском и всея России, тщанием и радением преосвященнаго Ионы митрополита Ростовскаго и Ярославскаго лит сей колокол в Ростове к соборной и апостольской церкви Успения Пресвятыя Богородицы и великих Ростовских Чудотворцев Леонтия, Исаия, Игнатия епископов; а лил колокол мастер Флор Терентьев; а весу в сем колоколе две тысящи пудов».

Диаметр отверстия или поперечник основания сего колокола – 5 аршин и $\frac{3}{4}$ вершка. Диаметр его вершины внутри 2 арш[ина] $7\frac{1}{4}$ вершков. Высота колокола внутри от основания до верху, не считая ушей, 3 аршина $13\frac{1}{2}$ вершков. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, сего колокола 7 вершков. Число простых колебаний²⁷⁰, которые производит сей колокол в течение секунды, при 12° Реомюра²⁷¹, = 130,92.

Тон этого колокола соответствует ноте *До* (ut_1 или *C*), находящейся на второй добавочной снизу линии нотной системы с басовым ключом и весьма близко подходит к малой терции

$ut_1 = 130,5$ нормального диапазона $la_1 = 108,75$ простых колебаний²⁷².

Колокол этот имеет то особенное достоинство, что, кроме основного тона *До*, дает еще верхний гармонический тон, составляющий чистую большую терцию, соответствующую ноте *Ми*, находящейся между третьей и четвертой линиями нотной системы с ключом басовым .

Этот верхний тон – большая терция *Ми* становится особенно слышною тогда, когда мы удаляемся от сего колокола, во время благовеста в него.

Второй колокол «*Полиелейный*», в 1000 пудов, вылит в 1683 году, в Ростове. Около головы и около краев сего колокола есть рельефная славянская, вязью, надпись. Вверху вокруг головы написано: «Лета 7191 (1682 г.) октября в 1 (1) день, при державе великих государех царех и великих князех Иоанне Алексеевиче и Петре Алексеевиче всея Великия и Малыя и Белья России самодержцех и при благоверных государынях царицах и великих княгинях Наталии Кириловне», а внизу вокруг краев написано: «Марфе Матфеевне и при святейшем великом господине Иоакиме патриархе Московском и всея России, тщанием и радением преосвященного Ионы, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, лит сей колокол в Ростове к соборней и апостольстей церкви Честнаго и Славнаго ея Успения и к великим Ростовским чудотворцем Леонтию, Исаию, Игнатию; а лил сей колокол мастер Филипп Андреев и с сыном своим Киприаном, а весу в сем колоколе тысяща пуд».

Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 4 аршина. Диаметр его вершины внутри 2 аршина. Высота колокола внутри, от основания до верху, 3 аршина 3 $\frac{7}{8}$ вершка. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 5 $\frac{7}{8}$ вершка. Число простых колебаний, которые производит сей колокол в течение секунды, при 12° Реомюра, = 163,28.

Тон этого колокола соответствует ноте *Ми* (mi₁ или E), находящейся на первой добавочной снизу линии нотной системы с басовым ключом

и составляет большую терцию основного

тона *До*, издаваемого первым большим колоколом.

Третий, будничный или вседневный колокол «*Лебедь*», в 500 пудов, вылит в 1682 году. Так как этот колокол весьма звучный, то и носит название Лебедя¹⁾. Около головы и около краев сего колокола имеется рельефная славянская, вязью, надпись. Вверху вокруг головы написано: «Лета 7190 (1682 г.) марта в 1 (1) день при державе великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и при благоверной государыне и великой княгине Наталии Кириловне и при благоверном государе царе и великом князе», а внизу вокруг краев написано: «Иоанн Алексеевич и при благоверном государе царевиче и великом князе Петре Алексеевиче и при великом господине святейшем Иоакиме патриархе Московском и всея России,

¹⁾ Лебедь здесь разумеется гласный (Cygnus musicus), потому что эта птица при помощи трубчатого устройства дыхательного горла своего, производит громкий звук, подавший повод к сказке о «лебединой песне».

тщанием и радением великаго господина преосвященнаго митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, лит сей колокол в Ростове к соборной и апостольской церкви Честнаго ея Успения, и к великим Ростовским Чудотворцем Леонтию, Исаию, Игнатию; а лил мастер Филипп Андреев; а весу Φ (500) пуд».

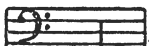
Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 3 аршина $2\frac{1}{2}$ вершка. Диаметр его вершины, внутри, 1 аршин $9\frac{1}{4}$ вершка. Высота колокола внутри, от основания до верху, 2 аршина $5\frac{3}{4}$ вершка. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, $4\frac{1}{8}$ вершка. Число простых колебаний, которые производит сей колокол в секунду, при 12° Реомюра, = 196. Тон этого колокола соответствует ноте *Соль* (Sol_1 или g), находящейся на первой линии нотной

системы с басовым ключом и составляет чистую квинту основного тона *До*, издаваемого первым большим колоколом.

Из надписей, находящихся на трех вышеозначенных колоколах, видно, что тщанием и радением митрополита Ионы вылиты были колокола в таком порядке: сперва вылит был будничный в 500 пуд[ов] в 1682 году, потом Полиелейный в 1000 пудов в 1683²⁷³ и, наконец, самый большой, в 2000 пудов в 1689 году²⁷⁴ (последний вылит за два года до смерти митрополита, последовавший 20 декабря 1691 года²⁷⁵).

Во время литья этих колоколов, митрополит Иона писал к одному из друзей своих (князю Михаилу Темкину): «На своем дворшке лью колоколишки, и дивятся людишки».

Со времени митрополита Ионы много утекло воды, но колокола его и доселе удивляют всех как своею громадностью, так еще более своим благозвучием и согласием между собою, или гармониею.

Тоны этих трех больших колоколов составляют приятный мажорный аккорд C-dur: Аккорд этот почти нисколько не

уклоняется и от требований акустики.

Выше было сказано, что большой колокол производит 130,92 простых колебаний в секунду, при 12° Реомюра, Полиелейный производит 163,28 колебаний, а Будничный производит 196 колебаний в секунду. Если бы уменьшить число колебаний большого колокола на 30 сотых, а Будничного на 7 сотых, то тоны этих трех колоколов составили бы самый верный аккорд и по акустике. Акустика учит, что если основной тон *До* имеет $1=130,62$ простых колебаний, то большая его терция *Ми* должна иметь $\frac{5}{4} = 163,28$ колебаний, а чистая квинта его *Соль* должна иметь $\frac{3}{2} = 195,93$ колебаний.

Благозвучию этих колоколов способствует еще то, что на поле или на середине каждого из них между головою и валом нет никаких рельефных изображений.

Эти изображения – в действительности наросты на звучащем теле, мешающие ему издавать *один* чистый тон; они заставляют колокол издавать при ударе *два*, немного отличающихся друг от друга тона, производящих дрожания (*battements* или *Stösse*) звука – недостаток колокола, но считаемый многими за достоинство.

И кто может видеть на колоколах рельефные изображения, напр[имер], святых, государей и проч., когда колокола уже висят на высоких колокольных? Положим, что кто-нибудь, кроме звонаря, пожелает взойти на колокольную и будет обозревать там все; но при этом обозрении едва ли возбудится в нем чувство благоговения, потому что там весьма часто обезображивается все птичьим пометом. Довольно на колоколе поместить одну надпись, подобную надписям 3-х вышеозначенных колоколов. А так как каждый колокол, посредством обтачивания его с внешней стороны можно весьма легко настраивать в самый правильный музыкальный тон, то и надпись в этом случае на колоколе можно сделать после всего *вырезанную* и только вокруг одной головы колокола, хотя бы в две или три строчки. Здесь в словах можно обозначить все, даже и то, чего пожелает покупатель или заказчик колокола.

Вырезанная надпись будет и удобнее, и яснее, и правильнее, и удовлетворительнее рельефной, которая заготавливается еще до отлития колокола, в глиняной форме его.

Исследовав три большие колокола на Ростовской соборной колокольне, опишу затем следующие, которых остается еще десять, кроме ясака.

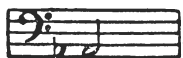
Четвертый колокол «*Голодарь*», в 171 пуд[ов] 5 фунт[ов], вылит в 1865 году. Голодарем он называется потому, что в него благовестят в Великий пост к заутрени, к часам и к великому повечерию (в него же благовестят и к малой вечере всегда). Около головы и около краев сего колокола есть рельефная, гражданской печати, надпись. Вверху вокруг головы написано в двух строчках, в 1-й: «1856 года мая дня в царствование благочестивейшаго великаго государя императора Александра Николаевича», во 2-й: «С благословения Высокопреосвященнаго архиепископа Нила при протоиерее Андрее Тихвинском», а внизу вокруг краев написано в одной только строчке: «И старосте Петре Веснине, вылит сей колокол в Ярославле на заводе мастера ярославского купца Семена Дмитриевича Чарышникова. Весу в нем 171 пуд и 5 фунт[ов]» (последние цифры, означающие вес, не рельефные, а вырезаны, как видно, после всего).

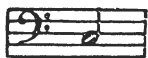
На поле или на середине сего колокола между головою и краями его находятся четыре рельефных изображения: 1) Божией Матери Владимирской; 2) Святителя Леонтия; 3) Св. Исаия; 4) Св. Игнатия Ростовских Чудотворцев; а между ними по три херувима. Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 2 аршина 6 $\frac{1}{8}$ вершк[а]. Диаметр его вершины, внутри, 1 арш[ин] 2 $\frac{7}{8}$ верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, 1 арш[ин] 11 $\frac{1}{2}$ вершков. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 2 $\frac{3}{4}$ вершка.

Число простых колебаний, которые производит этот колокол в течение секунды, при 12° Реомюра, = 201,38.

Тон этого колокола соответствует ноте Ля (la или As), находящейся между первой и второю линиями нотной системы с басовым ключом

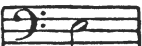
Этот четвертый колокол «Голодарь» по тону нисколько не гармонирует с тремя большими колоколами. Негармоничность его произошла от того, что он отлит был вместо прежнего разбитого, и при отливании его не обратили внимания на тон его, а позаботились только о том, чтобы он был потяжелее прежнего, да побольше имел бы на себе рельефных изображений. Прежний же разбитый весом был в 158 пудов и вылит был в 1807 году при архиепископе Антонии в Ярославле на заводе Ивана Черышникова. Но и этот колокол был еще не тот Голодарь, о котором значится в первом издании сочинения гр. Толстого о древностях Ростова. Здесь Голодарь означен весом в 140 пудов и, надо полагать, что он был подлинный Голодарь и издавал тон, соответствующий ноте До (ut₂ или C), находящейся между второю и третьею линиею нотной системы с басовым ключом

Пятый колокол «Баран», в 80 пудов, вылит в 1654 году. Около головы и около краев этого колокола есть рельефная славянская вязью, надпись. Вверху вокруг главы написано: «Лета 3036 (7162. – 1654 г.) при державе благочестиваго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея России и самодержца и при великом господине святейшем Никоне патриархе Московском», а внизу вокруг краев написано: «И всея Руси и при великом господине преосвященном Ионе митрополите Ростовском и Ярославском, лит сей колокол в Ростов к соборной и апостольстей церкви Пречистыя Богородицы Святаго и Славнаго ея Успения и к великим Ростовским Чудотворцам Леонтию и Исаию и Игнатию. Лил сей колокол мастер Емельян Данилов. Весу в нем П (80) пуд.»

Из этой надписи видно, что колокол этот лит за тридцать лет до трех больших колоколов и лит был не в Ростове, а только в Ростов, и не особым тщанием митрополита Ионы, а только при митрополите Ионе, в третий год его управления Ростовскою епархией.

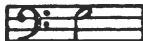
На поле и на середине этого колокола между головою и краями его нет никаких рельефных изображений. Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 1 арш[ин] 12 вершков. Диаметр его вершины, внутри, $14 \frac{1}{4}$ верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, 1 аршин $5 \frac{1}{2}$ вершков. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, $2 \frac{3}{8}$ вершка. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду при 12° Реомюра, 308,56.

Тон этого колокола соответствует ноте *Ми* (mi_2 или e), находящейся между третьей и четвертою линиями нотной системы с басовым ключом , но этот тон не составляет чистой верх-

ней октавы тона, издаваемого вторым колоколом: второй колокол производит 163,28 простых колебаний в секунду, а этот пятый колокол, для составления верхней октавы второго колокола должен бы, по акустике, производить вдвое больше колебаний, т. е. 326,56 колебаний, но он производит только 308,56, значит менее на 18 колебаний. Вследствие сего, при одновременном звучании сих двух колоколов слышны бывают 9-ть дрожаний (*Stösse*) в секунду. Эти частые дрожания уподобляются несколько бляению, и от того, вероятно, означенный пятый колокол получил название *Барана*.

В этот пятый колокол *Баран* в Великий пост часят, т. е. ударяют в него пред часами: пред 3-м – три раза, пред 6-м – шесть раз, пред – 9-м – девять раз.

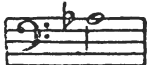
Шестой колокол «*Красный*», в 30 пудов; он не имеет на себе ни надписи, ни каких-либо рельефных изображений, ни означения года, когда он отлит. Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 1 аршин $7 \frac{3}{4}$ верш[ка]. Диаметр вершины его, внутри, $11 \frac{7}{8}$ верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху 1 арш[ин] $2 \frac{1}{2}$ верш[ка]. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, $1 \frac{1}{8}$ верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду, при 12° Реомюра, = 369,25.

Тон этого колокола соответствует ноте *Соль* (sol_2 или g), находящейся между четвертой и пятою линиями нотной системы с басовым ключом .

Но этот тон не составляет чистой верхней октавы тона, издаваемого третьим колоколом. Третий колокол производит 196 простых колебаний в секунду, а этот шестой колокол

производит только 369,25 колебаний, тогда как он, для составления чистой верхней октавы третьего колокола, должен производить 392 простых колебания. *Красным* сей колокол называется, вероятно, потому, что звук его, в сравнении со звуками смежных колоколов пятого называемого «*Бараном*» и седьмого, называемого «*Козлом*», гораздо приятнее и правильнее.

Седьмой колокол «*Козел*», в 20 пудов, без надписи, без рельефных изображений и без означения года. Диаметр отверстия, или поперечник основания этого колокола – 1 арш[ин] 4 $\frac{1}{4}$ верш[ка]. Диаметр вершины его, внутри, 9 $\frac{7}{8}$ верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, 15 $\frac{3}{8}$ вершка. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 1 $\frac{5}{8}$ верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду при 12° Реомюра, = 406,71. Тон этого колокола приближается к ноте *Ля b* (la b^2 или as), находящейся на пятой линии нотной системы с басовым

ключом . Вследствие сего этот колокол чрезвычайно разногласит с колоколами, тоны которых составляют мажорный аккорд на *До*. А такое разногласие или, можно сказать, козлогласие сего колокола и дало, вероятно, повод к тому, что назвали его *Козлом*. В последнее время у этого колокола оказалась немалая вышибка края, и чрез это он сделался совершенно негодным²⁷⁶.

Восьмой колокол без имени, без означения веса и года, без надписи и рельефов. Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 14 вершков. Диаметр вершины его внутри 7 $\frac{1}{8}$ верш[ка]. Высота колокола внутри от основания до верху 10 $\frac{3}{4}$ вершка. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 15 $\frac{1}{16}$ вершка. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду, при 12° Реомюра, = 502.

Тон этого колокола соответствует ноте *До* (ut³ или c') находящейся на первой добавочной снизу линии нотной системы с ключом

скрипичным , но в сравнении с тоном *До*, издаваемым

первым колоколом, этот тон, как верхняя вторая октава его, довольно низенек. Первый колокол производит 130,92 простых колебаний в секунду, а этот восьмой колокол производит только 502 простых колебания, тогда как он, для составления второй верхней октавы первого колокола, должен производить 523,68 колеб. в секунду.

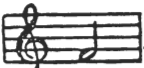
Девятый колокол – также без имени, без означения веса и года, без надписи и рельефов. Диаметр отверстия, или поперечник ос-

нования этого колокола – $14 \frac{1}{8}$ верш[ка]. Диаметр вершины его внутри $6 \frac{7}{8}$ верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, $10 \frac{3}{4}$ вершка. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, $1 \frac{1}{4}$ верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду, при 12° Реомюра, = 588. Тон этого колокола соответствует ноте *Ре* (re_3 или d'), находящейся ниже первой

линии нотной системы с ключом скрипичным . Этот тон есть чистая квинта тона *Соль*, издаваемого третьим колоколом.

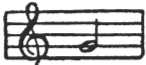
Десятый колокол – без имени, без означения веса и года, без надписи и рельефов. Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – $11 \frac{1}{4}$ верш[ка]. Диаметр вершины его внутри – $5 \frac{5}{8}$ верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, $8 \frac{1}{2}$ вершк[ка]. Толщина звуковой части, или вала, где ударяют языком, $\frac{7}{8}$ верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду при 12° Реомюра, = 655,62.

Тон этого колокола соответствует ноте *Фа* (fa_3 или f'), находящейся между первой и второй линиями нотной системы с ключом скрипичным

. Этот тон есть малая септима тона *Соль*, издаваемого шестым колоколом.

Одиннадцатый колокол – без имени, без означения веса и года, без надписи и рельефов. Диаметр отверстия, или поперечник основания этого колокола – $10 \frac{1}{2}$ верш[ка]. Диаметр вершины его внутри $5 \frac{1}{4}$ верш[ка]. Высота колокола, внутри от основания до верху, $8 \frac{1}{8}$ верш[ков]. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, $\frac{3}{4}$ верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду, при 12° Реомюра, = 729,05.

Тон этого колокола подходит к ноте *Соль* (sol_3 или g'), находящейся на второй линии нотной системы с ключом скрипичным

, но он далеко не составляет чистой верхней октавы тона, издаваемого и третьим и шестым колоколами.

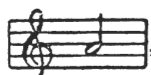
Двенадцатый колокол «Зазвонный 2-й», без означения веса и года, без надписи и рельефов. Диаметр отверстия, или поперечник основания этого колокола – 11 верш[ков]. Диаметр вершины его, внутри, $5 \frac{1}{4}$ верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, $8 \frac{3}{4}$ верш[ка]. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком $\frac{7}{8}$ верш[ка]. Число простых колебаний, которые произво-

дит сей колокол в секунду, при 12° Реомюра, $=758,5$. Тон этого колокола, как можно видеть из числа колебаний его, хотя выше тона, издаваемого одиннадцатым колоколом и соответствует ноте *Соль* (sol_3 или g'), находящейся на второй линии нотной системы с ключом скрипичным

, но вполне еще не составляет чистой верхней октавы тона, издаваемого третьим колоколом.

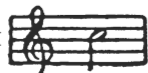
Тринадцатый колокол – «Зазвонный 1-й», без означения веса и года, без надписи и рельефов. Диаметр отверстия, или поперечник основания этого колокола – $9 \frac{1}{8}$ верш[ка]. Диаметр вершины его внутри $4 \frac{3}{8}$ верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, $6 \frac{3}{8}$ верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду, при 12° Реомюра, $=858,28$. Тон этого колокола соответствует ноте *Ля* (la_3 или a'), находящейся между второю и третью линиями нотной системы с ключом скрипичным

, но он ниже тона, издаваемого нормальным диапазоном. Нормальный диапазон производит 870 простых колебаний в секунду при 12° Реомюра.

«Ясак», называемый в церковном уставе «Кандия», есть маленький колокол, или звонец, которым дается знать звонарю на колокольне о времени благовеста или звона. Ясак повешен не на колокольне, а на восточной стене самого храма, у окна против жертвенника. На Ясаке нет никакого означения. Диаметр отверстия, или поперечник основания этого «Ясака» – $7 \frac{5}{8}$ верш[ка]. Диаметр вершины его, внутри, $3 \frac{5}{8}$ верш[ка]. Высота его внутри, от основания до верху, $5 \frac{5}{8}$ верш[ка]. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, $\frac{1}{2}$ вершка. Число простых колебаний, которые производит этот «Ясак» в секунду, при 12° Реомюра, – 1044.

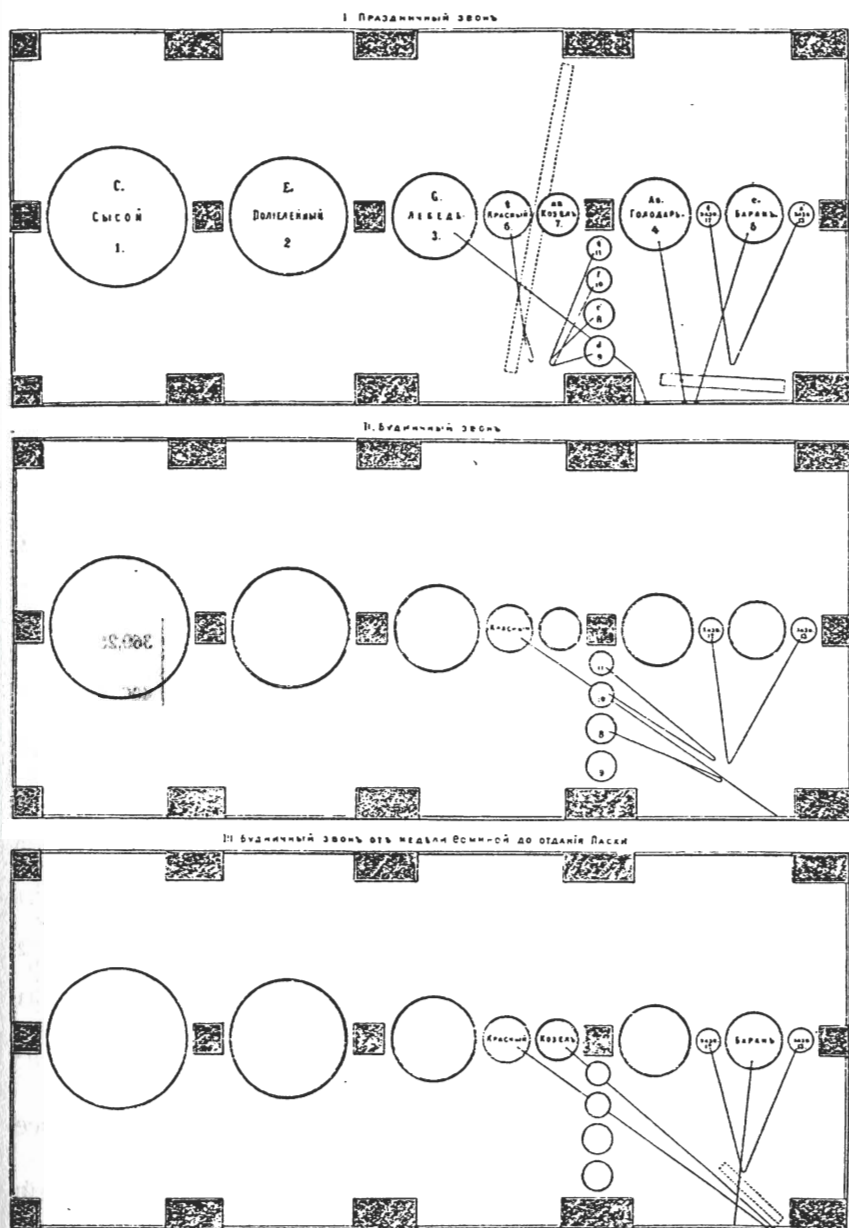
Тон ясака вполне соответствует ноте *До* (ut_4 или c''), находящейся между третью и четвертою линиями нотной системы с ключом

скрипичным, и есть верная, верхняя третья октава тона, издаваемого первым большим колоколом (табл. см. далее).

Колокола на Ростовской соборной колокольне расположены так, что девять из них, именные, повешены в *один* ряд по всей длине ее, а *четыре* безыменные повешены поперек на одной половине ширины ее, а также в один ряд.

А. ИВРАНЕВЪ. Ростовскіе колокола и звоны.

Расположение колоколов на колокольне
Ростовского собора (Яросл. губ.)

Таблица

размеров Ростовских колоколов, веса их, числа колебаний в секунду
и тона их

№ №	Наименование колоколов	Диаметр отверстия колокола		Диаметр вершины его		Высота колокола		Толщина звуко- вой части	Вес колокола		Число прост. колебаний в секунду при 12° Реом.	Тон коло- кола	№ №
		Арш.	Вер.	Арш.	Вер.	Арш.	Вер.		Пуд.	Фун.			
1	Сысой	5	$\frac{3}{4}$	2	$\frac{7}{4}$	3	$\frac{13}{2}$	7	2000	—	130,92	C	1
2	Полиелейный	4	—	2	—	3	$\frac{37}{8}$	$\frac{53}{8}$	1000	—	163,28	E	2
3	Лебедь	3	$\frac{2}{2}$	1	$\frac{9}{4}$	2	$\frac{53}{4}$	$\frac{41}{8}$	500	—	196	G	3
4	Голодарь	2	$\frac{6}{8}$	1	$\frac{27}{8}$	1	$\frac{11}{2}$	$\frac{23}{2}$	171	5	201,38	As	4
5	Баран	1	12	—	$\frac{14}{4}$	1	$\frac{5}{2}$	$\frac{23}{4}$ ²⁷⁷	80	—	308,56	e	5
6	Красный	1	$\frac{73}{4}$	—	$\frac{117}{8}$	1	$\frac{2}{2}$	$\frac{17}{8}$	30	—	369,25	g	6
7	Козел	1	$\frac{71}{4}$	—	$\frac{97}{8}$	—	$\frac{153}{8}$	$\frac{15}{8}$	20	—	406,71	as	7
8	Безыменный	—	14	—	$\frac{71}{8}$	—	$\frac{103}{4}$	$\frac{15}{16}$			502	c'	8
9	Безыменный	—	$\frac{14}{8}$	—	$\frac{67}{8}$	—	$\frac{103}{4}$	$\frac{1}{4}$			588	d'	9
10	Безыменный	—	$\frac{11}{4}$	—	$\frac{55}{8}$	—	$\frac{81}{2}$	$\frac{7}{8}$			655,62	f'	10
11	Безыменный	—	$\frac{10}{2}$	—	$\frac{51}{4}$	—	$\frac{81}{8}$	$\frac{3}{4}$			729,05	G'	11
12	Зазвонный 2	—	11	—	$\frac{51}{4}$	—	$\frac{83}{4}$	$\frac{7}{8}$			758,5	g'	12
13	Зазвонный 1	—	$\frac{91}{8}$	—	$\frac{43}{8}$	—	$\frac{63}{4}$	$\frac{5}{8}$			858,28	a'	13
14	Ясак	—	$\frac{75}{8}$	—	$\frac{35}{8}$	—	$\frac{55}{8}$	$\frac{1}{2}$			1044	c''	14

По воскресным и праздничным дням звон производится во все колокола и всеми пятью звонарями, находящимися при соборе.

Этот полный звон бывает, как было сказано выше троякий: «Ионинский», «Акимовский» и «Егорьевский».

«Ионинский звон» производится пятью звонарями следующим образом:

Первый и второй звонари звонят в один самый большой колокол «Сысой» (C). Оба они, ставши под сим колоколом, качают язык его

в две противоположные стороны и ударяют им в оба края колокола, так что у них выходит 42 удара в минуту.

Третий звонарь звонит в один «Полиелейный» колокол (Е). Он ударяет языком и наносит удары одновременно с ударами, наносимыми первыми двумя звонарями в «Сысой».

Четвертый звонарь прежде звонил в 7 колоколов: в «Лебедь» (G), «Красный» (g), «Козел» (as) и в 4 Безыменные колокола, а теперь он звонит только в 6 колоколов: в «Лебедь» (G) «Красный» (g) и в четыре «Безыменные» колокола. «Козел» же, как разбитый колокол, выпускается.

В «Лебедь» (G) он звонит так: язык «Лебедя» притянут близко к одному его краю веревкой, которая другим концом своим привязана к верху железных перил колокольни; у этой веревки, находящейся в натянутом положении, имеется на середине ее довольно длинная петля; в эту петлю вложен одним концом длинный деревянный брус, лежащий другим концом своим на полу колокольни; на этот брус, недалеко от петли, звонарь ставит левую ногу и, прижимая его книзу, ударяет в колокол так, что удары его совпадают с ударами в колокола «Сысой» (C) и «Полиелейный» (Е).

В прочие 5 колоколов он звонит так: берет в правую руку соединенные веревки от языков 4-х «Безыменных» колоколов, а в левую – веревку от языка «Красного» колокола, и вместе с ударами в «Лебедь» ударяет сперва в два колокола: Красный (g) и «Безыменный» 11-й колокол (g'), потом в один «Безыменный» 10-й колокол (f'), после сего опять в два колокола: «Красный» (g) и «Безыменный» 8-й колокол (c'), наконец еще в один – «Безыменный» 9-й колокол (d'); и таким образом, в месте с ударами в «Лебедь», он ударяет попеременно то в два, то в один колокол в течение всего «Ионинского» звона.

Пятый звонарь звонит в 4 колокола: «Голодарь» (As) «Баран» (e) и два «Зазвонные». Язык «Голодаря» притянут к одному его краю веревкою, которая другим концом своим привязана к верху железных перил колокольни; у этой веревки, в расстоянии одного аршина от перил, есть довольно длинная петля; в эту петлю вложена одним концом толстая деревянная доска, лежащая другим своим концом на полу колокольни; на эту доску, недалеко от петли, звонарь ставит левую ногу, чтобы, прижимая ее книзу, ударять в «Голодарь» (As). Язык «Барана» (e) также притянут близко к одному его краю веревкою, привязанною другим своим концом к верху перил; на эту веревку, находящуюся в натянутом положении, звонарь налагает левую руку, чтобы ударять в «Баран». Ударяет же он, во время «Ионинского звона», в «Баран» (e) и «Голодарь» (As) попеременно, но при этом наблюдает, чтобы удары в «Баран» совпадали с ударами, наносимы-

ми четвертым звонарем, в «Красный» (g) и «Безымянный» 11-й колокол (g'), и опять с ударами, в «Красный» (g) и «Безымянный» 8-й колокол (c'), а удары в «Голодарь» (As) совпадали бы с ударами в «Безымянный» 10-й колокол (f') и с ударами в «Безымянный» 9-й колокол (d'). В два «Зазвонные» колокола он звонит так: берет в правую руку соединенные веревки от языков их и ударяет в них также попеременно, но только вдвое чаще, так что удары во 2-й «Зазвонный» колокол (g') не совпадают с ударами ни в какие другие колокола, а идут отдельно в промежутке, удары же в 1-й «Зазвонный» колокол (a') совпадают с ударами всех прочих колоколов.

См. «Ионинский звон», изображенный в нотах. Здесь удары в два «Зазвонные» колокола представлены в четвертных нотах, а удары в большие и в прочие все колокола представлены в половинных нотах. В начале, сверху нот, изображающих этот звон, поставлено или написано М.М. $\text{♩}=42$, $\text{♪}=84$. Это означает, что по метроному Мельцеля ударов, соответствующих половинным нотам, совершается 42 в минуту, а ударов, соответствующих четвертным нотам, совершается 84 в минуту.

«Акимовский звон» производится следующим образом: в 8 колоколов «Сысой» (C), «Полиелейный» (E), «Лебедь» (G), «Красный» (g), «Голодарь» (As), «Баран» (e) и в два «Безыменные» 8-й (c') и 9-й (d') звонят так же, как и во время «Ионинского звона»; но в два «Зазвонные» и два «Безыменные» колокола 10-й (f') и 11-й (g') звонят иначе.

См. «Акимовский звон», изображенный в нотах. Здесь в «Зазвонные» колокола звонят вдвое чаще, так что ударов в эти колокола совершается не 84, а 168 в минуту, потому и удары в эти колокола представлены в осьмых нотах. В «Безымянный» 10-й колокол (f') ударяют только в начале второй половины ноты такта и этот удар представлен в четвертной ноте; а в 11-й «Безымянный» колокол (g') ударяют на первой половинной ноте такта три раза, из коих первые два удара соответствуют двум осьмым нотам, а третий соответствует четвертной ноте, потом в этот же колокол ударяют еще два раза в конце второй половинной ноты такта, и эти два удара представлены в двух осьмых нотах. Во время «Акимовского звона» удары в «Безымянный» 11-й колокол (g') называются *пересечкой*. Потому звонари и говорят, что «Акимовский звон» исполняется с пересечкой.

«Егоревский звон» производится следующим образом: два первые звонаря, стоящие под большим колоколом (C), ударяют языком в один край его, а до другого противоположного края немного не допускают его, так что ударов у них в этот колокол совершается 21 в минуту.

В «Полиелейный» колокол (E) звонарь звонит таким же образом, как звонят два первые звонаря в большой колокол «Сысой»

РОСТОВСКІЕ ЗВОНЫ.

I. ЮНИНСКІЙ ЗВОНЪ.

Зазвонные.

М. М. $\text{♩} : 42, \text{♩} : 84.$

К-О-Н-Е-ЦЪ З-В-О-Н-А.

5^й звонарь.

Баранъ.

Голодаръ.

Безъименные.

4^й звонарь.

Красный.

3^й звонарь.

Лебедь.

Полюлейный.

Сысой.

II. АКИМОВСКІЙ ЗВОНЪ.

М. М. $\text{♩} : 42, \text{♩} : 84, \text{♩} : 168.$

5^й звонарь.

Зазвонные.

Баранъ.

Голодаръ.

Безъименные.

4^й звонарь.

Красный.

3^й звонарь.

Лебедь.

Полюлейный.

Сысой.

К-О-Н-Е-ЦЪ З-В-О-Н-А.

[Часть 1. История колоколов]

III. ЕГОРЬЕВСКИЙ ЗВОНЪ.

М.М. о = 21, d = 42.

Завонные.
Баранъ.
Голодаръ.
Безъшешные.
Красный.
Лебедь.
Подіелыйный.
Сысой.

6й звонарь.
4й звонарь.
1й, 2й и 3й звонарь.

IV. БУДНИЧНЫЙ ЗВОНЪ.

Завонные.
Безъшешные.
Красный.

V. БУДНИЧНЫЙ ЗВОНЪ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЙ ОТЪ ВЕДѢЛИ БОМИНОЙ ДО ОДАНІЯ ПАСХИ.

М.М. J = 106.

Козель.
Красный.
Баранъ.

1. ИСПРАВЛЕННЫЙ ИОНИНСКИЙ ЗВОНЪ.

М.М. $\text{♩} = 42, \text{♩} = 84.$ К-о-н-е-цъ з-в-о-н-а.

5^й звонарь. Зазвонные.

Баранъ.

4^й звонарь. Безъшвенные.

Красный.

1^й, 2^й и 3^й звонаря. Поліелейный.

Сысой.

2. ИСПРАВЛЕННЫЙ АКИМОВСКИЙ ЗВОНЪ.

М.М. $\text{♩} = 42, \text{♩} = 84, \text{♩} = 168.$ К-о-н-е-цъ з-в-о-н-а.

6^й звонарь. Зазвонные.

Баранъ.

4^й звонарь. Безъшвенные.

Красный.

Лебедь.

1^й, 2^й и 3^й звонаря. Поліелейный.

Сысой.

3. ИСПРАВЛЕННЫЙ ЕГОРЬЕВСКИЙ ЗВОНЪ.

М. М. $\text{C} = 21$, $\text{J} = 42$.

6х. звонарь.

Зазвонные.
Барань.

4х. звонарь.

Безъяменные
Красный.
Лебедь.
Полелейный.

1х, 2х и 3х звонари.

Сысой.

К-о-н-е-цъ з-в-о-н-а.

4. ИСПРАВЛЕННЫЙ БУДНИЧНЫЙ ЗВОНЪ.

Зазвонные.

Безъяменные.

Новый.
Красный.

5. ИСПРАВЛЕННЫЙ БУДНИЧНЫЙ ЗВОНЪ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЙ ОТЪ НЕДѢЛИ М. М. $\text{J} = 106$. ӨОМИНОЙ ДО ОТАДАНІЯ ПАСХИ

Зазвонные.

Новый.
Красный.
Барань.

(С), то есть, он ударяет языком одновременно с ними и также в один край колокола. В прочие все колокола ударяют вместе. И ударов в колокола – «Лебедь» (G), «Красный» (g), «Голодарь» (As), «Баран» (e) и в «Безыменные» 8-й (с') 9-й (d') и 10-й (f') совершается также 21 в минуту; но в «Зазвонные» колокола и в «Безыменный» 11-й колокол (g') звонят иначе.

См. «Егорьевский звон», изображенный в нотах. Здесь в «Зазвонные» колокола на второй половинной ноте такта ударяют еще по четыре раза, а иногда и по два раза, и эти удары в первом случае представлены в осьмых нотах, а во втором в четвертных. В «Безыменный» 11-й колокол (g') ударяют в конце второй половинной ноты такта еще два раза, и эти два удара представлены в двух осьмых нотах. Последние два удара в «Безыменный» 11-й колокол называются и здесь *пересечкой*.

Будничный звон производится одним звонарем следующим образом. Язык «Красного» колокола (g) притянут близко к одному его краю веревкою, которая другим концом своим привязана к низу железных перил колокольни. На эту веревку, в расстоянии одного аршина от перил, звонарь ставит левую ногу. В правую руку он берет соединенные веревки от языков «Зазвонных» колоколов. На локоть левой руки надевает петлю, имеющуюся на конце веревки от языка «Безыменного» 8-го колокола (с'), а в левую руку берет соединенные веревки от языков «Безыменных» колоколов 10-го (f') и 11-го (g'). См. чертеж колоколов с надписью «Будничный звон». Звонит же он в эти 6 колоколов так, как изображено в нотах заглавием: «Будничный звон».

При этом звоне колокол будничный «Лебедь» (s) не употребляется: в него только благовестят.

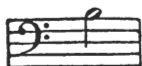
«Звон будничный, употребляемый от недели Фоминой до отдания Пасхи», производится одним звонарем в 5 колоколов: в два «Зазвонные», да в «Баран» (e), «Козел» (as) и «Красный» (g). Языки от «Красного» и «Козла» притянуты к краям веревками, которые другими своими концами привязаны к верху железных перил колокольни, и язык от «Барана» также притянут веревкою, которая другим своим концом привязана к середине железных перил. У этой веревки, в расстоянии одного аршина от перил, есть петля; в петлю вложена одним концом деревянная доска. На эту доску звонарь ставит левую ногу, чтобы ударять в «Баран». В «Козел» же и «Красный» он ударяет попеременно, налагая на натянутые веревки их левую руку. А соединенные веревки от языков «Зазвонных» колоколов находятся у него в правой руке. См. чертеж колоколов с надписью: «Звон, употребляемый от недели Фоминой до отдания Пасхи».

Звонит же звонарь в эти 5 колоколов так, как изображено в нотах, под заглавием: «Звон будничный, употребляемый от недели Фоминой до отдания Пасхи».

Три вышеозначенные звона: «Ионинский», «Акимовский» и «Егорьевский» нельзя назвать правильными, по отношению к музыке, потому что здесь в музыкальный аккорд C-dur входят звуки таких колоколов, которые весьма разногласят. Я с своей стороны нахожу необходимым при этих звонах выпустить следующие колокола: «Голодарь» (As), «Безыменные» 9-й (d') и 10-й (f'), и первый «Зазвонный» (a'), но с тем, чтобы этот зазвонный заменить «Яском» (c'')¹⁾.

Производить же эти звоны, удерживая характер их, должно так, как они изображены в нотах, под заглавием: «Исправленный Ионинский звон», «Исправленный Акимовский звон», «Исправленный Егорьевский звон».

Обычный «Будничный» звон также весьма неправилен. Его исправить можно таким образом. Разбитый колокол «Козел» заменить новым колоколом, тон которого соответствовал бы ноте *си* (si или h), находящейся выше пятой линии нотной системы с басовым ключом

, 8-й колокол, Безыменный, выпустить, и наконец звонить так, как изображено в нотах под заглавием: «Исправленный будничный звон».

Этот будничный звон будет основан на аккорде G-dur, который есть самый сродный аккорду C-dur.

Звон, употребляемый от недели Фоминой до отдания Пасхи, можно исправить также, как и обыкновенный. Разница та, что при исполнении сего звона звонарь звонит только в 5 колоколов; звонит же он так, как изображено в нотах, под заглавием: «Исправленный будничный звон, употребляемый от недели Фомины до отдания Пасхи¹¹⁾».

[Рассказав о красивейших в России звонах, следует отметить также, что] Введенский собор в городе Чебоксарах славится своими колоколами, гармоничный звон которых слышен на двадцать пять верст по течению Волги¹¹¹⁾.

¹⁾ На месте ясака можно повесить другой подобный ему колокол, находящийся на колокольне кремлевской церкви Иоанна Богослова.

¹¹⁾ Израилев А.А. Ростовские колокола и звоны // Чтения в Обществе любит. древней письменности. Вып. 51. – СПб., 1884. – С. 1–24.

¹¹¹⁾ Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. – 2-е изд. – Казань, 1850. – С. 135.

[Колокола Западной Европы]

Второе место после России по богатству колоколов занимает Англия, где звонить в колокола – любимое народное развлечение. Там есть даже общество любителей колоколов, общество звонарей. Самые замечательные в Англии колокола следующие: «*Большой Том*» на Christ-church-College в Оксфорде 425 пуд[ов] 1680 года, диаметр 7 ар[шин] 1 дюйм и «*Великий Петр*» в Йоркском соборе 602 пуда, 1845 года. Часовой колокол здания Парламента – 924 пуда был отлит в 1856 году, но в скором времени треснул и был перелит вновь. Колокол на церкви Св. Павла в Лондоне в 300 пудов отлит в 1716 году.

Все же родиной правильного колокольного звона была Нидерландия, где еще в 1478 году существовали приспособления для звона в колокола, однородные с теми как это устраивается теперь в России: помощью натянутых веревок и проволок, привязанных к языку, звонили руками и ногами. В более позднее время были устраиваемы и механические звоны помощью особых вальцов и клавишей, заменяя языки молотками, и искусство звонарей более уже не требовалось. Звоны в Нидерландии отличались своим количеством колоколов. Наибольший звон в г. Дельфе, где по описанию одних звон состоял из 800 колоколов, а других – более 1000 колоколов. Но колоколов большего веса мало; наибольший по весу находится в городе *Brügge*, отлитый в 1680 году, и весит около 600 пуд[ов].

Во Франции самый старинный и большой колокол «Бурдон» в соборе Парижской Богоматери (более 1000 пуд[ов]), который во время революции служил для набата. История его такова: в 1400 году он был подарен собору, весил до 400 пудов и назывался «*Жакелин*». В 1680 году был перелит, но неудачно, так что в том же году переливался вторично. Крещен был в 1682 г., и Людовик XIV назвал его именем своей жены «Emanuelle Louise Therese». Но так как тон колокола совершенно не подходил к общему звону, то было решено в 1685 году перелить его, увеличив до 700 пудов; а диаметр и вышины его – по 8 футов, толщина боя 8 дюймов, а язык весит до 25 пудов. В 1794 году он был снят из боязни, как бы его не употребили для набата. Лишь в 1802 году, в праздник *Конкордии*, его вновь повесили и теперь звонят лишь в воскресные дни 16 человек.

Во время революции во Франции были уничтожены почти все церковные колокола. Часть их перелита в монеты (закон 1 мая, 28 июня, 6 августа 1791 года и 22 августа 1792 года) и часть в пушки (закон 25 февраля 1793 года)¹⁾.

¹⁾ *Colas, Alphonse. Les Cloches au point de vue séculier. – Paris, 1881. – La page 3.*

Бронза с колоколов стала рудником для изготовления медной различной монеты и пушек.

23 сентября 1793 года прокурор Омальской общины доносил: «Первое, что колокола – это памятники роскоши городов и тщеславия их жителей, могут быть с большей пользой употреблены на страх и смерть врагам революции; второе, что только ложное благочестие может быть забыто таким употреблением простого металла, который будучи грубой материей, не может иметь никакого отношения к религии, по своему существу духовной».

Поэтому он полагал, что все колокола, за исключением одного, могли бы быть сняты. Муниципальный совет согласился с его предложением: три колокола были перелиты, они весили 6600 фунтов, четвертый наилучший был сохранен.

Что же касается колоколен, то они продавались с аукциона, на снос, а если возникали сомнения относительно того, – представляли ли то или другое здание колокольную, то вопрос решался просто: разрушали всякую башню, на которой висели колокола и на крыше которой имелаась стрелка¹⁾.

Единственный колокол Реймса, переживший революцию, по счастью, наиболее известный и гармоничный из всех существовавших некогда в городе, короновавшем всех королей. Колокол этот, названный *Шарлотта*, в честь его крестного, известного кардинала Карла Лорренского, соперничает по красоте своего исполнения и звучности с колоколами Санса, Меца, Парижа и Амьена. Еще в начале XVI века реймский собор обладал двумя замечательными колоколами (то, что называют *bourdon*), размерами превосходящими теперешние. Кроме архивных свидетельств, это подтверждает известный хроникер *Jehan Pussot* в своих мемуарах (1568–1626).

Оба эти колокола с давних пор были разбиты, что и побудило духовную власть перелить их в 1570 г. С этой целью духовенство обратилось к их постоянному литейщику *Pierre Deschamps*, *maître fondeur de cloches demeurant a Reims*. Этот литейщик раз уже заключал с ним договор в 1548 г. о переплавке *Пушард*, довольно обыкновенного колокола, который он должен был сделать в 5000 фунтов.

18 января 1570 г. каноники в сопровождении *Pierre Deschamps* предстали перед нотариусом. Чтобы окончить счастливо опасную операцию переплавки двух столь больших колоколов, они не упустили ни одной подробности, ни одной гарантии в договоре, заключенном с литейщиком.

¹⁾ Кабанес О. и Насс Л. Революционный невроз / Перевод Д.Ф. Коморского. – СПб., 1906. – С. 174.

Они позволяли ему отлить сперва отдельно большой колокол, но они требовали, чтобы звук обоих был столь же низок, как и у прежних (и, если возможно, ниже) и чтобы в общей сложности голоса их не были дисгармоничны и чтобы, снабженные всеми аксессуарными, они находились бы к 14 августа уже на колокольне.

Что касается платы за эту двойную плавку, заплатить которую должна была Дума, а не архиепископ, она была назначена в 1.500 турецких ливров и, кроме того, литейщику должны были доставить 6.000 фунтов металла, для прибавки к старым колоколам.

Pierre Deschamps обязывался за эту цену сделать надписи на колоколах. Предприятие удалось на радость договаривающихся, и мы видим на оборотной стороне договора расписку литейщика в получении 2.312 ливров 15 с. 4 д. В уплату за доставку металла и за благополучное поднятие колоколов на колокольню.

Торжество Pierre Deschamps, однако, не было полным.

Во-первых, меньший колокол был признан не особенно гармоничным, во-вторых, оба колокола были признаны уступающими в весе прежним. С меньшим весом колоколов примирились, тем более, что большой колокол удался как нельзя лучше, но недостаток гармонии меньшего привел к его вторичной плавке в 1624 г. лионским литейщиком¹⁾.

Революция 1789 года, дававшая удовлетворение стольким народным желаниям, была далека в своем начале от того, чтобы прекратить народные религиозные манифестации: наоборот, уничтожение аббатств послужило к большему украшению приходских колоколен. Народ Франции далеко не нечестив: он умел всегда приспособить к веянию новых времен старую веру своих отцов¹⁾ и надо было не более, как фанатизм террора, чтобы колокольни повсеместно были лишены колоколов в пользу арсеналов.

Война против всей Европы, гражданские смуты, прекращение религиозных церемоний, едва нам делают понятным повсеместную конфискацию колоколов во Франции.

Предписания Конвента, изданные по этому поводу в 1793 г., были объявлены 10-го сентября того же года собору Богоматери реймским муниципалитетом, но последний нашел необходимым сохранение кафедральному собору, хотя бы временно, большого колокола

---

¹⁾ *Jadart, Henri. Le bourdon de Notre-Dame de Reims. – Reims, 1884 (Travaux de l'Academie de Reims; T. 73). – La page 21–27.*

¹⁾ Отлитый в 1791 г. и переплавленный в 1874 г. колокол Barby, кантон Rethel (Ardennes) имел следующую надпись: «Я свобода, я возвещаю закон и религию» («Je suis la liberte, j'annonce la loy et la religion»).

(Bourdon) и колокола, оповещающего возвращение домой. После долгих переговоров, колокол было позволено оставить. Честь спасения колокола приписывают доктору Навье, участвовавшему в переговорах.

Колокол участвовал в празднике разума, 20 декабря 1793 г., в котором говорит официальное отношение: «Орган, музыка, звон колокола и гимны, повторяемые в честь Свободы и Разума, запечатлели чувства столь дивные, что их невозможно описать».

Колокол служил также для возвещения славных и национальных событий, победу армий, именно взятие Шарлеруа и Брюсселя в июле 1794 г., и всех тех внешних успехов, которые помогли отечеству войти в нормальное существование.

Не требовалось большого труда, чтобы удержать знаменитый колокол при законе, позволявшем иметь колокол на каждый приход, но вот указ комитета Народного спасения от 26 мессидора II года приказывает оставить только один колокол на всю общину. Нужда в артиллерийских предметах была велика и так велико было желание разрушить наиболее безвредные религиозные обычаи, что даже церковные часы не были пощажены и веревки от колоколов были конфискованы.

Предупрежденный этим повелением, реймский муниципалитет, на обязанности которого лежало удовлетворение нужд столь большого города, пытался всеми способами сохранить для гражданских нужд один колокол в соборе Богоматери и другой в церкви Св. Реми. Муниципалитет не мог, конечно, противиться этому повелению, но он медлил привести его в исполнение.

Совещание 24 августа 1794 года констатировало невозможность в настоящее время звонить утром и вечером в колокол, требующий 12 человек: кроме расхода, который бы понадобился на это, было замечено, «что бывает время, когда этот большой колокол не разносится по всей общине».

Желая, тем не менее, удовлетворить всем нуждам наиболее экономным образом и не лишить Республику средств, которые она ожидает, комиссия предложила сначала отдать большой колокол с тем, чтобы сохранить два, которые в общей сложности весили менее, чем он один.

Совет пошел еще дальше и уступил колокол Св. Реми, а также и большой колокол, но оказалось столь же трудно снять последний, как и звонить в него каждый день, так как он был еще на своем месте 10 декабря. В это время (20 фририра III г.) совет признал трудным найти работников, которые были бы в состоянии предпринять эту работу, а также и достать веревки, необходимые для спуска коло-

кола. К тому же, в это время, умеренные идеи входили в милость, вот почему отсрочка снятия колокола была принята тем охотней, что Реймс только что посетил комиссар, посланный комитетом Народного образования при Конвенте.

Этот делегат, «по приказу выше названного Комитета, разыскивал шедевры, рассеянные по департаментам и не переставал рекомендовать их надзору всех установленных властей».

Здравый смысл восторжествовал и спуск колокола был отсрочен на неопределенное время.

По счастливой случайности, колокол этот не был изуродован, как это предписывалось декретом Марнского департамента, от 4 октября 1793 года, приказавшего соскоблить или сгладить все надписи и гербы с колоколов в продолжение недели, в случае же неисполнения они должны быть разбиты и доставлены в уездное депо.

Между тем согласие на сохранение большого колокола было дано только временно и вот, главный совет общины решил преследовать до конца свою цель: сохранить собор и его несравненный колокол. Вследствие этого, 26 апреля 1795 г., Совет решил что будет послан адрес представителю народа и самому Конвенту, чтобы добиться разрешения от правительства: «...Чтобы некогда кафедральный собор, поврежденный разрушениями и пробоинами, и заваленный в своей наиболее узкой части, был поправлен и очищен... наконец, чтобы окончательно утвердить приказ Директории, которая по просьбе агента комитета Народного образования позволила сохранить большой колокол соборной церкви, настоящий шедевр в своем роде».

Это двойное желание было исполнено во славу Реймса и Франции. Тем не менее, сохраненные колокола должны были, под угрозой жестоких наказаний, оставаться безмолвными впредь до Конкордата¹⁾.

В настоящее время во Франции колокола охранены законами от разрушения и, кроме того, § 262 угол. улож. наказывается тюремным заключением от 2-х недель до 6 месяцев и штрафом от 100 до 500 франков каждое лицо, которое словами или жестами оскорбит предмет церковного культа¹⁾.

В Бельгии в прежнее время колокола были очень распространены. Время появления первых колоколов в Антверпене неизвест-

¹⁾ *Jadart, Henri*. Le bourdon de Notre-Dame de Reims. – Reims, 1884 (Traux de l'Academie de Reims; T. 73). – La page 72–77.

¹⁾ *Colas, Alphonse*. Les Cloches au point de vue séculier. – Paris, 1881. – La page 4.

но. Констатируют их присутствие в начале XIV века, благодаря неопровержимым документам. Очевидно, что они существовали еще до этой эпохи, но невозможно определить точно, когда они в первый раз появились.

Правда, есть известные данные о времени постройки перво-бытной церкви Notre-Dame. Достоверно известно, что она была построена в начале XII века и освящена в 1124 г.

Графические изображения представляют нам ее окруженную довольно высокими башнями. Следовательно есть возможность предполагать, даже почти утверждать, что со времени этой отдаленной эпохи колокола уже существовали в этой церкви.

Они были в то время необходимы не только для возвещения религиозных церемоний, но и для обозначения народонаселения, при помощи регулярного звона, времени дня.

Каждый день колокола приводились в движение, чтобы обозначать канонические часы: утренняя (*matines*) в полночь; часы, отправляемые перед обедней (*laudes*) – в три часа утра; первый час (*prime*) – в шесть часов; третий час (*turce*) – в девять часов; шестой час (*septe*) – в полдень; девятый час (*none*) – в три часа; вечерня (*vêpres*) – в шесть часов; повечерие (*complies*) – в девять часов.

Кроме того, специальный звон *Angelus'a*, который производился утром, в полдень и вечером. Хотя происхождения более древнего, этот обычай сделался общим в провинциях только в XV в.

Кроме этих указаний времени, установленных повсюду, были еще другие, особенные для каждого монастыря или для каждой церкви. И соседи, и ремесленники, живущие недалеко оттуда, применялись к этим звонкам, чтобы начать или кончить работу, чтобы сесть за стол или предаться отдыху.

Из этого видно, насколько важным был звон в жизни наших отцов до XIII века; каждая минута дня, каждое важное действие были обозначены особым колокольным звоном, непрерывные призывы которого разносились вдоль узких и извилистых улиц старого города, чтобы призывать каждого к работе или к исполнению обязанностей.

Но скоро механические часы заменили мало-помалу прежние сигналы и антверпенские жители привыкли находить на циферблатах примитивных часов указания, необходимые для распределения их каждодневных обязанностей.

Но все же некоторые важные случаи были по прежнему возвещаемы колокольным звоном.

В Антверпене не было, как в других фламандских городах, каланчи, прилегающей к ратуше; ее заменяла башня Notre-Dame и ее-

то колокола и служили магистрату, чтобы возвещать тушение огня, пожар, тревогу, точно так же, как приветствование королевского въезда или возвещение важных событий.

Просмотрим бегло различные документы, позволяющие нам выяснить точную роль, которую были призваны играть главные колокола.

Во-первых, колокол, обозначающий ремесленникам и рабочим час, когда они должны были начинать и кончать работу.

Другой колокол, так называемый *roortklok*, звонил в различное время. Утром он возвещал открытие городских ворот, вечером обозначал их закрытие и служил также сигналом к закрытию всех питейных лавочек.

Третий колокол, очень важный, служил для оповещения или пожара в городе, или опасности, угрожающей городу. Этот колокол был отлит в 1316 году Maitr'ом Gerard из Льежа, о чем и свидетельствует нам его надпись.

При нем постоянно находились особые надсмотрщики: городские счета об уплате показывают, что надсмотрщики получали определенное жалованье, дошедшее в XVI веке до 37 фунтов в год. Кроме того, они имели право на отопление и освещение.

В 1511 году магистрат, опасаясь, чтобы кто-нибудь из граждан не смутил несвоевременным звоном покоя жителей, приказал, чтобы в виду жестокой войны с герцогством Гельдерн, никто не имел права, под страхом штрафа в 3 флорина, устраивать колокольный звон, надобность которого не доказана. 23 июля 1542 года городское начальство издало приказ, по которому все жители, слышав звон набатного колокола, должны были вооружаться и поспешно собираться под начальство квартального начальника, в места, специально для этого назначенные, чтобы оттуда как можно скорее достигнуть городского вала. Осмелившиеся противиться этому распоряжению будут подвергнуты публичному наказанию на эшафот, специально установленному для этой цели на Большой площади.

Боязнь видеть с минуты на минуту покушение банд Martin van Rossem на город извиняла непривычную жестокость этих повелений.

Так мы должны не забывать особенно памятный день в ноябре 1576 г., в продолжение которого набатный колокол возвещал городу нападение наиболее ужасное, какое когда-либо он видел и предвещал страшные дни, в продолжение которых испанские солдаты господствовали в стенах города.

Точно также 1583 году, звон набатного колокола снова призывал всех граждан на защиту их города, наводненного отрядами герцога

Алансонского; но к счастью, на этот раз призывы соборного колокола скоро сменились на звуки победы и радости.

Однако, если набатный колокол и сзывал иногда граждан на городской вал, с другой стороны, им строго воспрещалось подходить в этих случаях к городским воротам.

Так, приказ от 7 января 1595 года, запрещает жителям, когда они услышат, что колокола помещающиеся на городских воротах, бьют тревогу, покушаться выйти из боевой ограды. Быть может, это вызывалось опасением сношений, которые могли бы завязаться между антверпенцами и внешним врагом.

В то же время магистрат предупреждает, что колокольный звон, обозначающий тревогу, будет сильно отличаться от звона, употребляющегося в случае пожара; что в этом последнем случае не будет употребляться колокол, предназначавшийся для этого ранее, а будут звонить в колокол, который с башни Notre-Dame обозначал до сих пор получасовое время¹⁾, 278.

Торговцы всех национальностей и все те, которых цветущая торговля Антверпена приводила в Антверпенский порт, в XVI в. получили возможность собираться в новые обширные помещения, извещаемые особым биржевым колоколом, игравшим большую роль в торговых делах Антверпена.

В настоящее время этот колокол показывается, как городская достопримечательность, но прежде, начиная с XVI века вход в помещение биржи запрещался ранее нежели пробьет биржевой колокол. Его характерный, отличающийся от других колоколов, звук, был понятен антверпенцам, и дельцы, заслышав его, спешили заканчивать дела. Момент закрытия указывался при помощи того же колокола. Но с некоторого времени эта мера вышла из употребления. На будущее время все купцы должны были как зимой, так и летом покидать биржу как в полдень, так и вечером, как только услышат звон специально назначенного для этого колокола. Нарушившие этот закон должны были платить штраф в 25 су.

Отказавшиеся повиноваться приказаниям надзиратели были подвергнуты двойному штрафу. Еще больше, очень курьезная оговорка постановляет дела, заключенные в бирже после звона колокола, считать недействительными.

Этот приказ был возобновлен магистратом 20 марта 1602 г. Надо заметить, что штраф, уменьшенный до 20 су, взимался в то время в пользу церковных старшин собора Notre-Dame.

¹⁾ *Donnet, Fernand. Les cloches d'Anvers. Les fondeurs Anversoises. — Anvers, 1899. — La page 108–142.*

21 июля 1603 г. утверждены прежние приказы. Два года спустя, 9 июля 1605 г., эти, казалось несоблюдаемые до сих пор, были признаны обязательными. Все торговцы должны всегда руководиться звоном колокола. Но на этот раз штраф установлен в размере 50 су в пользу служащего, который констатирует нарушение.

Из всех звонов, бывших в употреблении в продолжение минувших веков, биржевой звон, поддерживавшийся наиболее регулярно и достигший до нас, почти непрерывно употребляется. Даже в продолжение XIX ст. мы находили приказы по этому предмету. Так, в префиале XI года мэр Антверпена приказывает, чтобы биржа была открыта ежедневно, исключая воскресений и праздничных дней, с полудня и до половины второго. Звуки колокола, помещенного в здании биржи, возвестят момент открытия и закрытия биржи. Колокол будет звонить в продолжение 5 минут, приводимый в движение консьержем, поставленным для присмотра за биржевым помещением.

В настоящее время, биржевой колокол звучит еще, но завсегдатаи, платя годовой налог, глухи к его призыву и для открытия и закрытия ввели режим полной свободы.

Второй небольшой колокол ежедневно можно слышать в антверпенской бирже, призывающий биржевых маклеров к котировке ценностей.

Кроме того во многих обстоятельствах жизни Антверпена колокольный звон или скорее звонки играли большую роль. Магистрат всегда выступал при помощи приказов для того, чтобы урегулировать употребление и благовременность этого звона. Очень давно еще в Антверпене было в употреблении возвещать публичные торги при помощи специальных ручных звонков.

Действительно, в начале XVI века, когда кто-нибудь хотел продать дом или какое-нибудь имущество, когда надо было ликвидировать вследствие чьей-нибудь смерти какое-либо предприятие, торги возвещались при помощи известных билетиков, которые раздавались в церквах около кафедр. Затем посылали по улицам мальчиков, обязанность которых состояла в том, чтобы на каждом перекрестке звонили в особый колокольчик о предстоящих торгах. То же самое употреблялось, когда дело шло о розыске какого-нибудь потеряннго предмета: драгоценности, ключей, кошелька или... ребенка!

Но эти способы были, в общем, малопрактичны; импровизированные звонари клали в карман заработок и звонили мало или совсем не звонили; церковные билетики попадали только некоторым.

Вот почему магистрат решил вмешаться и издать приказ от 26 ноября 1538 г., опубликованный от имени бургомистров, старост

и Совета, чтобы на будущее время торги возвещались присяжными звонарями.

В Антверпене, во время плавки Carolus, самого большого колокола башни собора Богоматери, литейщик Guillaume de Moog, после того, как предприятие было закончено, ко всеобщему удовольствию, употребил раскаленную оставшуюся бронзу на выделку двух маленьких колокольчиков. Этот обычай вошел в употребление и был применен во время отливки других колоколов.

Образец такого колокольчика сохранился до нашего времени. Он отличается тонкостью и художественностью исполнения, им пользовался, при исполнении своих обязанностей, бургомистр Guillaume van Liere, и который в последнее время включен в богатые коллекции музея древностей Сити. Был еще другой колокол, звон которого так был знаком беднякам – это колокол, в который звонили во время раздачи торфа, называвшийся turflok.

В бельгийских монастырях, кроме религиозных звонков, существовали еще другие, имевшие большое значение. Когда монахи и монахини должны были принять какое-нибудь решение, они собирались на совет, и это собрание могло состояться только после предварительного звона, предназначенного предупреждать и собирать всех, имеющих право присутствовать на этих торжественных заседаниях.

В настоящее время в Бельгии хотя и нет особенно выдающихся колоколов, однако бельгийцы и до сих пор любят слушать колокольный звон. Некоторые монастыри имеют отличных виртуозов звонарей, слушать игру которых съезжаются в праздничные дни жители окрестных мест.

Рассказывают про одного звонаря, который всю свою жизнь посвятил изучению колоколов, изучил малейшие оттенки звуков и теперь разыгрывает на них целые сложные мелодии.

Способ раскачивания колоколов во многом мешает ему, но, несмотря на это, он все же великолепно справляется со своей задачей и приводит в восхищение многочисленных слушателей.

В другом монастыре есть звонарь, который при помощи особых молотков играет на колоколах чрезвычайно трудные пьесы, быстро и ловко перебегая от одного колокола к другому и ударяя по ним в разных местах, отчего происходят всевозможные оттенки звуков.

Знатоки считают его игру высокохудожественной, но говорят, что она недостаточно сильна и слышна только вблизи¹⁾.

¹⁾ *Donnet, Fernand. Les cloches d'Anvers. Les fondeurs Anversois. – Anvers, 1899. – La page 108–142.*

В Италии лучшие и наибольшие колокола находятся в Риме, из которых некоторые принадлежат новому времени. Среди старых колоколов собора св. Петра находится один XIII столетия с надписью; он слит в 1786 году и весит 280 центнеров (700 пудов), колокол внешне очень красив, но не имеет хорошего звука.

На Капитолии находится колокол в 175 центнеров (437 пудов), который слит, судя по надписи, папою Пием VII из изъятых из обращения монет.

Известны также своими колоколами Лоретто и Парма. Знаменитый Миланский собор имеет колокол в 300 центнеров (750 пудов).

В верхней Италии много старых колоколов похищено французами во время их походов¹⁾.

В Нидерландах колокола не превышают 200 центнеров; самый большой находится в Брюгге, слит в 1680 году и весит 200 центнеров (около 500 пудов)²⁾.

В Германии сохранились колокола от древнейшего времени. Самый древний – 1144 г. в Иггенсбахе, в Нижней Баварии.

Колокола XIII и XIV веков встречаются в Германии в значительном количестве. Описание большинства колоколов Германии издано с указанием года отливки, мастера и украшений, на нем находящихся. Больших звонов по весу в Германии встречается мало.

Способ звона в колокол качанием самого колокола очень затруднителен для больших.

Колокол в соборе Erfurt'a, отлитый в 4-й раз в 1497 году, весом около 850 пуд[ов], требует для звона 16 человек и то звон получается недостаточно сильным; для правильного звона необходимо 24 человека, которые раскачивали бы колокол.

Наибольший колокол в Германии «Kaezer Glocke» из Кельна, как это было уже сказано, он переливался 3 раза, но все же недостаточно хорошо³⁾. Он был рассчитан на C (До), но вышел между C_{is} (Ре#) и D (Ре), и украшен с одной стороны изображением св. Петра с латинским стихотворением под ним, с другой стороны – Германский герб с немецким стихотворением. Вверху имеется в 3 ряда латинская надпись. Колокол долгое время пытались безрезультатно привести в качание, и даже получил он названия «Большой Молчальник» и «Немой Кельна».

¹⁾ Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 11.

²⁾ О колоколах и колокольном звоне в Брюгге см. С. 271–278.

³⁾ *Otte, Heinrich. Glockenkunde. – Leipzig, 1884.*

Доктор Отте, описывая этот колокол и упоминая, что в него почти не звонят, потому что получается неравномерный, неприятный звон при качании его, замечает: «Если не от русских и китайцев, то от испанцев и англичан мы могли бы научиться, без ущерба для немецкого национального чувства, что колоколами такой огромной величины можно пользоваться не с помощью раскачивания, а только посредством ударного звона»¹⁾.

Продолжительные попытки привести колосс в равномерное качание при звоне до последнего времени не увенчались успехом и вызвали не только разочарование, но и насмешки над «Большим Молчальником» или «Кельнским немым».

Из числа других больших колоколов в Германии славится своей красотой и древностью колокол Эрфуртского собора *Gloriosa*, перелитый в 1497 году из двух старинных колоколов; он весит 275 центнеров (987,5 пудов).

Его закругленный и полный звук очень красив и дает мажорный аккорд Ми, он вместе с другим колоколом *Vincentia*, имеющим сильный, далеко слышный звук, составляет достопримечательность Эрфурта, и оба приносят довольно значительные доходы клиру, как предметы обозрения для туристов.

Оба эти колокола удерживали положение царей колоколов Священной Римской империи более двухсот лет, но затем их превзошел величиною колокол на башне Св. Стефана в Вене.

В Швейцарии не имеется колоколов значительного веса. Наибольший колокол находится в Берне в церкви Св. Винцента. Он вылит в 1611 году и весит около 700 пудов.

В 1408 году по окончании блестящего Констанского собора, вновь выбранный папа Мартин V на обратном пути в Италию, в Шафгаузене посетил монастырь Всех Святых.

Здесь он приказал, в память своего посещения, каждую пятницу в 11 часов утра звонить в большой «*Munsterglocke*» в воспоминание о Том, который оставил на Голгофе свою жизнь за грешное человечество. 60 лет исполнял этот колокол свою обязанность, но затем дал трещину. Его место в 1486 году заменил другой с надписью: «*Vivosvoco. Mortuos plaugo. Fulgura fraugo*».

Четыреста лет звонил этот колокол каждое утро в 11 часов. Это был тот колокол, надпись с которого [Ф.] Шиллер взял эпитафией для своего бессмертного стихотворения «Песнь о колоколе». С годами у него отбилась край, и колокол теперь стоит позади церкви как памятник Шиллеру. На колоколе 2 надписи сверху: «*Vivos voco*»

¹¹¹⁾ *Otte, Heinrich. Glockenkunde. – Leipzig, 1884.*

mortuos plango. fulgura fraugo. miserer domine populoquem. redinisti. sangoine. xuoanno domini. m. ceec. L XXXVI».

Нижняя надпись говорит о его происхождении и крещении: «Osanna heis. ich. in dem. namen. gosward. ich. in».

На этом кончается надпись, остальное откололось. Кусок колокола откололся еще в 1700 году, но колокол продолжал звонить до 1895 года. В этом году колокол замолк, но песнь о нем не умолкла, благодаря надписи, которую [Ф.]Шиллер взял для своего стихотворения, как он это писал Гете в письме от 7-го июля 1797 года.

Вот как описывает [Ф.]Шиллер литье колокола:

Утвердивши форму в глине,
Обожженную огнем,
Выльем колокол мы ныне.
Ну! Живей, друзья, начнем!
Медь дружнее плавь,
Олова прибавь,
Чтобы с силой надлежащей
Медь лилась струей кипящей.

Далее поэт изображает значение колокола в различные моменты нашей жизни следующими выразительными стихами¹⁾:

И звук пойдет к столетьям дальним
И многим смертным слух пленит,
Застонет жалобно с печальным
И в хор мольбы соединит.
Чтобы земнородным ни послала
Судьба, свершая свой закон,
Про все звучит венец металла –
И поучителен им звон.

Звон раздается и тогда, когда человек «вступает в область бытия», когда наступает «любви пора младая».

Свеж, душист венок любовный
У невесты вокруг кудрей,
В час, как благовест церковный
К торжеству зовет гостей.

Тот же колокол возвещает людям и о невзгодах и о печали:

Чу! на башне бьют набат!
То пожар!
Словно жар,
Небо рдеет:

¹⁾ Шиллер Ф. Полное собрание сочинений: В 3-х т. – 7-е изд. – СПб., 1893. – Т. 1. – С. 122.

Но не утро то алеет.
 Чу! тревога...
 Стук и гром...
 Дым кругом...

А в другое время:

С колокольни,
 Будто стон,
 Похоронный
 Льется звон.
 Грустно стонет меди звук унылый
 Над отшедшим в дальний путь могилы.

Так колокол звучит человеку в течение его жизни, как глашатай о чем-то важном, значительном. Поэт заканчивает песнь свою вдохновенным изображением общего назначения колокола:

Под пологом святой лазури,
 Над низкой жизнью земной,
 Да будет он в соседстве бури
 Граничить с звездной стороной.
 Да будет свыше он глаголом
 О том, как звездный хор поет
 Песнь Богу пред Его престолом
 И в вечность сводит старый год.
 Из медных уст его да льется
 Лишь весть о вечном и святом,
 И время каждый час коснется
 В полете до него крылом.
 Да будет он судьбы законом,
 И сам без сердца, без страстей,
 Сопровождать да будет звоном
 Игру изменных наших дней.
 Когда же, грянув в час полночный
 И слух встревожа, замолчит,
 Да учит нас, что все непрочно,
 Что все земное отзвучит.

В Австрии известен своими размерами колокол на башне церкви св. Стефана в Вене, весом в 989 пудов. Вышина его 10 футов, в окружности 32 фута 2 дюйма. Первый раз в него зазвонили в 1712 году 27 января по случаю въезда в Вену императора Карла VI. Для того, чтобы привести в движение этот колокол, потребовалось двенадцать человек. Вес его на надписи обозначен в 30.000 фун[тов] (750 пуд[ов]), а по свидетельству патера *Reifenstuhl* – доходит до 324 центнеров 31 фун[та] т. е. 810 пудов 31 фун[та]. В устах народа он получил название *Schustermichl* (Башмачник).

На нем находятся рельефные изображения св. Иосифа и Леопольда, непорочного зачатия Пр. Девы и государственного герба. Нижний край украшен лиственной резьбой и на нем приведены четыре различные латинские надписи.

В последнее время в этот колокол более не звонят, так как башенная пирамида шатается при этом на 15 и 20 сантиметров.

В Португалии наибольший колокол, около 1250 пудов, находится в Лиссабоне.

В Испании колокола не раскачивают, а в них ударяют, как у нас.

В Сан-Яго ди Компостеля называют большой колокол в 300 центнеров (750 пудов), а самым большим в Испании считается колокол в Толедо. В *Velilla* колокол прославился самопроизвольным звоном.

В Испании звонят в колокола так же, [как и у нас –] лишь ударяя языком о колокол. Старинных колоколов почти не осталось, так как во времена *секуляризации*, т. е. «обмирщения» – переход от духовной к светской власти, огромное количество колоколов было отправлено в Англию.

В Швеции есть оригинальный по материалу колокол из стекла (в Упсале), издающий превосходный звук, диаметр его равен 7 английским футам.

В Болгарии употребляют при богослужениях церковный *звонец*, в виде колпака, с язычком внутри; в этот звонец ударяют в некоторых случаях, например, по совершении освящения св. даров, как у нас ударяют в колокол на «Достойно».

В Абиссинии вместо колоколов употребляют в церквях *глиняные тазы*, в которые ударяют особой колотушкой. Звук получается глухой и довольно слабый.

У нехристианских народов колокола встречаются, пожалуй, даже ранее, чем у христиан, [например, у] китайцев, японцев-буддистов[; при этом –] в большом количестве и значительного веса. Звонят в них, ударяя деревянными колотушками, и благодаря их цилиндрической форме звук негармоничен. Размеры их далеко превосходят размеры колоколов в Западной Европе. Так, в Пекине имеется 7 колоколов, весом каждый до 3000 пудов.

Китайцы подвешивают колокола не только снаружи, но и внутри храмов.

Мусульмане не имеют колоколов в своих минаретах.

В Париже, в Луврском музее имеется довольно большая коллекция колокольчиков XV и XVI вв. самых разнообразных форм и материала, начиная от маленьких звонков и кончая церковными колоколами до 5 пуд[ов] весу. Из них несколько китайских и буддийских, а также и православных.

Перед завесою Бурятского храма стоит стол со свечами, курильницами, *колоколами* и разнородными жертвоприношениями¹⁾.

В средневековых легендах Западной Европы рассказы о колоколах занимают видное место. Звон колоколов является в них молящимся то радостным, то гневным. Иногда колокола звонят сами, без помощи людей, что обыкновенно считается предвестием какого-нибудь народного бедствия – пожара, моровой язвы, войны и пр.

[Каменные, чугунные, железные, серебряные]

В XIX веке заметно стремление заменить дорого стоящий бронзовый сплав для колоколов каким-либо другим более дешевым металлом, например, сталью. Но попытки эти нельзя назвать удачными, так как звук их резкий и они непрочны, хотя некоторые церкви Западной Европы и имеют стальные колокола, у которых железные языки устроены с бронзовыми подушками для мягкости звука.

Попытки заменить чем-нибудь колокольный металл встречаются в древности – правда, довольно редко. В Пекине имеется колокол из чугуна, в Тотье из стекла, в Брауншвейге при церкви св. Власия хранится как редкость один деревянный колокол, очень старый, около трехсот лет, называвшийся некогда *колоколом св. пятка*, он употреблялся во времена еще католицизма, и в него звонили на страстной неделе. В Абиссинии из глины и в Соловецком монастыре даже из камня¹¹⁾. Известен чугунный колокол, отлитый в Жене в 1610 году.

Таких каменных колоколов в Соловецком монастыре имеется всего только два. Каким образом они попали в монастырь, неизвестно, вернее всего, что они сделаны на месте братией в то время, когда еще медных колоколов не было в монастыре. Есть основание предположить, что идеей для создания колокола послужило древнее каменное же клепало (сделанное преп. Зосимой).

Нигде в другом месте, насколько нам известно, каменные колокола и била не употреблялись.

Чугунные колокола встречались и в России; так, например, такой колокол находился в Досифеевой пустыне на берегу реки Шексны.

Кто был этот Досифей – неизвестно. Рассказывают, что, когда Иван Васильевич Грозный путешествовал в Кириллов монастырь, на обратном пути он вышел на берег Шексны и в дремучем лесу

¹⁾ [Посещение главного Бурятского храма на Гусиных озерах //] Северная пчела. – 1846. – № 25. – С. 100.

¹¹⁾ [Снегирев И.М., Мартынов А.А. Московский Царь-колокол //] Русские достопамятности. – 1880. – Т. 3. – С. 15.

встретил старца Досифея и посетил его келью. Он велел ему построить церковь и обещал помочь.

Действительно, в Москве он вспомнил свое обещание и прислал в Досифееву пустынь *чугунный* колокол. Колокол этот сохранился до нашего времени и недавно передан известным ученым Е.В. Барсовым в Московское Археологическое общество, где он теперь и находится^{I)}.

Позади церкви во имя Архангелов в селении Пхотрери (Сванетия) висит чугунный колокол западного изделия, тут же большая сигнальная труба^{II)}.

В недавнее время сооружен в Харькове, единственный во всем мире, колокол из чистого серебра, конечно, с необходимой лигатурой. Этот колокол предназначен для Успенского Кафедрального собора и сооружен по мысли архиепископа Амвросия в память избавления царской семьи во время крушения поезда близ станции Борок.

Он имеет аршин с четвертью высоты и весит 17 пудов 35 фунтов; на лицевой стороне его находятся вензелевые изображения Государя и Государыни, а под ними расположены пять медальонов с подписями славянской вязью: Николай, Ксения, Георгий, Ольга и Михаил. На оборотной стороне подпись, кто соорудил колокол, а вокруг вала отмечено событие, в ознаменование которого колокол отлит.

Средства для сооружения этого колокола собраны среди духовенства и других сословий Харьковской епархии. Каждый день, в час крушения императорского поезда, производится благовест в этот колокол^{III)}.

В Руане находится колокол, долгое время считавшийся серебряным. Жирарден, анализировавший его, говорит, что присутствие в больших колоколах драгоценного металла сомнительно. Он думает, что литейщики вместо того, чтобы бросать приносимые им драгоценные металлы в тигли, заставляли жертвователей бросать их прямо в огонь. «Благодаря этому серебряная масса вместо того, чтобы быть прибавленной к бронзе, оставалась в золе, откуда литейщики и вытаскивали ее, как только церемония кончалась и мастерская пустела»^{IV)}.

^{I)} Барсов Е.В. Из истории колонизации и культуры Ростовского края. — М., 1902. — С. 8.

^{II)} Филимонов Г.Д. Сванетия в археологическом отношении // Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. 1874–1876. — № 1–5; 1875. — № 6–9; 1876. — № 11–12. — С. 80–94.

^{III)} Пыляев М.И. Старое житье. — СПб., 1892. — С. 316–317.

^{IV)} Havard, Henry. Les bronzes d'art et d'ameublement. — Paris, 1897 (LesArts de l'ameublement). — La page 108–109.

[Легенда о серебряном колоколе]

В Ярославле сохранилась легенда о колоколе церкви свв. Петра и Павла, который народная молва считает серебряным.

Седой стариною дышит эта церковь.

Стоит она на горе, далеко бросаясь в глаза своими серебряными главами, сделанными в глубокую старину «на панцерный лад».

И архитектура церкви, и облицовка ее цоколя обливными очень древними изразцами с цветами, травами и узорами показывают, что церковь эта почти ровесница старинному городу князя Ярослава.

Залюбоваться можно картиною красавца-города из-под Волги – так он наряден, чист, живописен и вместе с тем величав, сияя золотыми главами и крестами своих древних храмов.

Когда в праздничный день или вечером накануне праздника зазвонят в колокола на пятидесяти двух ярославских церквях, то звон этот несется далеко-далеко по Волге, и прежде, – когда тишину Волги не нарушали еще непрерывные свистки пароходов, – звон ярославских церквей слышен был почти за сорок верст, – известно, что по воде звук летит очень далеко.

Громко гудит древний колокол на Успенском соборе Ярославля, еще могучее раздается звон колокола в церкви св. Власия, – колокола, вылитого на средства жителей Ярославля в шестидесятых годах и имеющего около двух тысяч пудов веса.

Много и других больших и громогласных колоколов в Ярославле, но в сех слышнее, всех звонче гудит колокол на церкви свв. Петра и Павла, далеко разносясь своим «малиновым звоном».

У колокола этого звон нежный и мягкий, как у серебра, и, по преданию, он весь почти вылит из этого благородного металла. Если и есть в нем медь и бронза, то лишь настолько, насколько требуется это колокольно-литейным мудреным делом.

О колоколе этом существует предание.

Давным-давно жил, будто бы, в Ярославле богатый купец. Разбогател он не столько от торговых оборотов и от судов, которые плавали у него по Волге до самого Каспийского моря, а от различных темных дел: притеснял он бедняков, не жалел ни старого, ни малого, «снял рубашку с пахаря, крал у нищего суму».

Случалось, будто бы, ему выезжать со своими приказчиками на Волгу в глухие ночи и грабить торговых людей, которые из Рыбинска отправляли товары к Макарию или же ехали оттуда с выроченными капиталами.

Большие богатства накопил купец, и лежали у него деньги не только в мешках, а даже в хлебных закромах; туда же он сваливал и нажитые нечестным путем серебряные чары, ендовы и братины.

До глубокой старости беспечно жил купец, но должно быть судьба задумала покарать его за злые дела, — и вот скрылся неведомо куда единственный сын его, молодец писанный, умница, в торговых делах удачливый, в обхождении с людьми ласковый да обходительный. Говорили люди, что не нравилось молодому купеческому сыну в родительском доме, построенном на людской крови да слезах, и что скрылся он куда-то, бросив отцовское богатство.

Сильно тосковал по сыне своем осиротелый купец, переменялся, бросил свои нехорошие дела, стал другом всех бедных и угнетенных, принялся жертвовать на церкви и монастыри, принялся кормить нищую братию, а из награбленного серебра приказал отлить большой колокол, который и водрузил на колокольне своего приходского храма.

— Пусть этот серебряный колокол, — говорил купец, — звонит о моих злых делах, молитвами несется к престолу Всевышнего и пусть когда-нибудь серебряный звон его долетит до слуха моего сына, который может и вернется ко мне, хотя бы для того, чтобы закрыть мои очи в смертный час.

И исполнилось желание старика, — вернулся сын из далеких стран, словно действительно вызванный звоном серебряного колокола. Вернулся, как библейский блудный сын, до земли поклонился отцу, совершенно преобразившемуся теперь, стал утешением его старости, закрыл ему очи в смертный час, а потом жил до глубокой старости, сделавшись истинным другом всех несчастных, горьких и обремененных.

Потомки этого купца и до сих пор живут и благоденствуют в городе Ярославле.

Ярославцы верят, что звон их древнего серебряного колокола не только приятен каждому гражданину, но слышится и тем из ярославцев, которые покинули свой родной город навсегда, забыли его, забыли обязанности по отношению и к родному городу, и к своей семье. Будто бы мерещится этот звон ярославцу, живущему на чужой стороне, манит его на родину и призывает к исполнению долга гражданина и семьянина.

Таково предание о колоколе древнего храма свв. апостолов Петра и Павла в Ярославле¹⁾.

Попадались в России и железные колокола, как полагают некоторые, по недостатку меди, а другие приписывают неумению лить.

¹⁾ Пазухин А. Серебряный колокол. — М., 1907. — С. 4–7.

Но эти предположения едва ли справедливы: в России вообще не ощущался недостаток в меди, что же касается до литейного искусства, оно еще в глубокой древности было известно русским.

В наших былинах очень часто говорится о *медной палице*.

«А изыли палицу медную
А и тяжку литу в триста пуд...»¹⁾

Точно также и летописи указывают, что литейное искусство процветало в Древней Руси.

Что же касается до появления железных колоколов, то вернее всего, что они были сделаны для пробы.

В описании Обнорского монастыря XVII столетия упоминается о восьми таких колоколах, сделанных из листового железа¹¹⁾.

«Золоченые» колокола имеются, кажется, только в городах Кургане, Тобольской губернии, и Таре, в Сибири, при церкви Казанской Божией Матери. Их там шесть; все они небольшие от 1 до 45 пудов. Вызолочены они тарским мещанином Семеном Можайтиновым, по следующему случаю.

Любимый брат этого мещанина, быв по торговым делам в степи, попался в плен к киргизам; брат, узнав об этом, дал обет, что если пленник благополучно возвратится из плена, то он позолотит колокола.

Брат вернулся и горячность братской любви заставила выполнить данный обет. По другим рассказам этот Можайтинов позолотил колокол из любви к церковному благолепию.

---

¹⁾ Данилов, *Кириша*. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — 3-е изд. по 2-му полному изд. — М., 1878. — С. 178. «Былина о царе Сауле, Леванидовиче».

¹¹⁾ Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. — М., 1897. — Т. 5. — С. 299.

[Часть вторая.]

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

[Форма и звуки]

По форме колокола бывают трех главных типов: русского, западноевропейского и китайского.

Самая главная и распространенная форма наших колоколов, в которых диаметр колокола равняется его высоте с маткой, составляющей, в свою очередь, одну седьмую часть высоты.

В верхней части диаметр колокола равен половине нижнего диаметра. Поперечник верхнего пояса, при начале надписей или украшений, составляет около $\frac{2}{3}$ нижнего поперечника.

Никифор Тологанов, путешествующий в Грузию в 1650 году, пишет: «А около соборной церкви Кутатиса (Кутаиса) колокольная каменная круга, а на ней один колокол пудов в восемь, в нем *два языка*»¹⁾. Для чего у этого колокола было два языка, неизвестно. Описание других колоколов с двумя языками нигде больше не находится.

Форма китайских колоколов сходна отчасти с индийскими и японскими, и отличается большею сжатостью снизу; диаметр основания только немного больше диаметра верхнего пояса и почти вдвое менее высоты. Другое отличие их – полукруглые или острые городки, украшающие края их. Китайские колокола некрасивы, звук их глухой и непродолжительный. Они часто бывают покрыты надписями, буддийскими изречениями и проч. Звонят в них, ударяя деревянными молоточками.

Благодаря неудачной форме и отсутствию в нижней части расширения, звук их, как было уже сказано, глух и негармоничен. Вероятно для того чтобы улучшить их звук, по нижнему краю их устраивают отверстия. Их употребление связано не только с культом, но и с гражданскими целями. По свидетельству иезуита *Verbiest'a*, в Пекине есть семь колоколов, из которых каждый весит 120.000 фунтов (3.000 пудов). Слетевший в Нанкине большой колокол измерен

¹⁾ Статейный список посольства Никифора Михайловича Тологанова в Грузию 7158 (1650) года // Древняя Российская вивлиофика. – 2-е изд. – 1788. – Ч. 5. – С. 193.

и описан иезуитом *Le Comte*. Отливку его он находит нечистой и шершавой, вес его определяется в 50.000 фунтов (1.250 пудов)¹⁾.

На рис. (с. 20) показан бронзовый священнический колокольчик XI–XII века из храма Gokokuji в Токио. Чистота отливки и сложность орнамента показывают, как высоко стояло литейное дело в Японии.

В конце XIX столетия проглянуло стремление изменить общепринятую форму колоколов. Устраивались вместо колоколов толстостенные медные цилиндры, которые подвешивались за один конец, а по нижнему ударял молоток. Длинною цилиндра подгоняли те или другие тона²⁷⁹.

Инструментальный мастер г-н Апун в Германии предложил чашеобразную форму для колокола с утолщенными краями, подобно магометанским колоколам. Этой формой он хотел достичь одного тона в колоколе, так чтобы при звоне нескольких колоколов получилось бы определенное гармоничное созвучие.

Существующая форма колоколов, построенная по общепринятому расчету, дает при ударе всегда три тона. Основной – получается в ударном месте, затем 2-й тон – в середине колокола и 3-й – вверху, на октаву выше основного.

Обыкновенно при постройке колокола придерживаются в расчетах того или другого гармоничного трезвучия. Но гармоничное при ударе одного колокола – оно не всегда будет гармонировать с тонами другого колокола, ударенного одновременно. Избежать этого трезвучия и стремился г-н Апун, он достиг этого при чашеобразной форме, но дальнейшие изыскания прекратились с его смертью.

[Музыка звонов]

Русские люди еще в глубокой древности обращали внимание на гармоническое сочетание колокольного звона.

Каждый звон имел свое назначение – печальный похоронный звон или звон веселый – *красный*, когда возвещалась народу какая-либо радость, великий праздник, победа, избавление от опасности, проявление чуда, въезд царя и проч.

Несмотря на то, что у нас в России, особенно в прежнее время, при построении колокола совершенно не обращалось внимания на законы акустики, многие звонари, особенно по монастырям, даже из этих колоколов извлекали более или менее определенную мелодию.

Такой звон заменял в Древней Руси музыку, так как, кроме гуслей, не было почти никаких иных музыкальных инструментов.

¹⁾ Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. С. 12.

Являлись своеобразные артисты, поражавшие своим искусством и виртуозностью слушателей.

Наша народная литература упоминает об одном таком артисте:

«А у нашего Христова Благовещенья честнаго
А был у нас-де Иван пономарь,
А горазд-де Иванушка, он к заутрени звонить»¹⁾.

Да и до сих пор встречаются такие виртуозы, которые из колоколов разной величины извлекают различные по тону звуки и соединяют их в одну определенную гармонию.

От сильного и частого звона звонари нередко глохнут, и чтобы сберечь слух, многие из них во время звона кладут в уши круглые ягоды, например, рябины, калины и клюквы, другие затыкают уши просто ватой. В женских обителях женщины-звонарихи звонят с открытым ртом.

Особенно мелодическим звоном славится Саввино-Сторожевский монастырь и Троице-Сергиевская лавра, где искусство звонить передается преемственно от одного пономаря другому.

Такой звон, говорят русские люди, невольно отрывает все мысли и помыслы от земли и уносит их в поднебесную высь и наполняет сердце радостным светлым чувством, как будто в него вливается небесная гармония, отголоски далекого рая.

И до сих пор, услышав церковный благовест, русский человек набожно крестится и вспоминает о Боге.

В этом заключается огромное моральное значение церковного звона, так как он не дает засыпать совести и душе, постоянно напоминая ей о вечной правде, о великой христианской любви и о бытии Божиим.

Недаром некоторые колокола называются *благовестниками*, и звон в них наполняет душу радостью и надеждой.

На одном из таких колоколов находится следующая надпись: «Благовестуй миру радость велию».

[Конкурс звонарей в Брюгге]

«Звонарь» (*Le Carillonneur*), этот, едва ли не лучший, роман Ж. Роденбаха начинается красивыми страницами, посвященными описанию конкурса звонарей в Брюгге. Религиозный Брюгге высоко ставит искусство заставить красиво звучать колокола своих церквей.

Вот как описывает Роденбах этот конкурс: «Большая площадь Брюгге, обыкновенно безлюдная – на ней только изредка появля-

¹⁾ Данилов, Кирша. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – 3-е изд. по 2-му полному изд. – М., 1878. – С. 267.

лись прохожие: дети бедняков, бесцельно бродившие по городу, священники и бегинки, – внезапно переполнилась волнующимися группами, черными островками, разбросанными на сером фоне. Толпа все прибывала.

Конкурс звонарей должен был состояться в первый октябрьский понедельник, в четыре часа дня. Должность городского звонаря была вакантной после кончины старого Бавона де-Воса, с честью занимавшего свой пост в течение двадцати лет. В этот день надлежало избрать его заместителя, согласно обычаю, после публичного конкурса: сам народ выбирал его, приветствуя победителя. Ввиду этого конкурс был назначен на понедельник: этот день служил продолжением воскресного отдыха, так как по понедельникам работа везде кончалась в полдень. Благодаря этому, избрание могло быть всенародным и единодушным. Так и должен быть избираем звонарь. Колокольный звон – народная музыка.

В кипучей жизни столиц украшением народных празднеств, волшебной силой, воспламеняющей души, служат фейерверки. В задумчивой Фландрии, окутанной сырым туманом, не позволяющим развлекаться игрой огней, колокольный звон заменяет их. Он представляет собой фейерверк, доставляющий наслаждение *при помощи слуха*. Слух передает ясновидящему взгляду блеск взрывающихся ракет и тысячи звуковых искр, сверкающих в воздухе.

Толпа все прибывала. Из прилегающих к площади улиц – из улицы Шерстобитов и Фламандской улицы – поминутно появлялись новые группы и размещались на площади. Солнце уже заходило: дни уменьшались, наступала осень. Оно озаряло площадь нежно-янтарным прощальным блеском. Суровый, таинственный четырехсторонник мрачного здания Рынка казался сложенным из теней ночи, слабо сиявших бронзовым блеском.

Что касается колокольни, возвышавшейся над всеми крышами, то она – противостоявшая солнцу – вся тонула в его блеске. Поднимаясь над черным основанием, она казалась розовой, словно окрашенной. Солнечный свет переливался и струился. Он обвивал колонки, готические арки окон, резные башенки, все каменные выступы. Он расстилался волнистыми пеленами, сияющими знаменами. Благодаря ему, массивная башня, мрачно возвышавшаяся над землей, темно-красная, словно покрытая пылью веков, казалась оживленной и прозрачной... Заходящее солнце отражалось на ней, как на поверхности воды: круглый раззолоченный циферблат башни, был подобен блестящему диску солнца.

Взгляды толпы, спокойно и почти безмолвно ожидавшей начала конкурса, были устремлены на этот циферблат. Толпа представ-

ляет собой сумму настроений, владеющих каждым из составляющих ее людей. В данном случае, все присутствовавшие были погружены в задумчивость. Кроме того, люди, находящиеся в ожидании, всегда склонны к молчаливости.

Все обитатели города и предместий, бедные и богатые, собрались, чтобы присутствовать на конкурсе. У всех окон виднелись зрители; выступы крыш, напоминавшие ступеньки узких лестниц, были усеяны людьми. Площадь была вся пестрая и содрогалась от трепета ожидания. Над дряхлым четырехэтажным кирпичным фасадом отеля Бушут, освещенным закатом, блестел золотой лев. Против него дворец Правителя выставлял своих каменных львов, геральдических стражей старого фламандского стиля: стиль этот воспроизводился в архитектуре Дворца, представляющей собой соединение серого камня, серо-зеленых стекол, стройных выступов. На площадке готической лестницы, под красным балдахином, находились – чтобы придать еще большую торжественность этой церемонии, связанной с наиболее отдаленными и священными событиями истории Фландрии – Правитель и старосты в форменных мундирах, обшитых галунами.

Приближался час конкурса.

Раздались звучные удары большого колокола. Это был колокол триумфа, скорби, побед и празднеств; он был отлит в 1680 г. и с тех пор не покидал колокольни, отмечая все события своими ударами, подобными биению большого сердца. В течение часа он звонил, созывая. Потом внезапно удары замедлились и смягчились.

Глубокое молчание. Стрелки циферблата, целый день преследующие и убегающие друг от друга, раскрылись, как стрелки компаса. Еще одна-две минуты – и четыре часа!

Тогда во внутренности смолкшего большого колокола тихо зазвучал тихий звон заутрени, аккорды, легкие и мелодичные, как щебетанье пробудившихся в гнездах птиц.

Толпа слушала; некоторые думали, что конкурс уже начался. Но это был механический звон, производимый медным цилиндром, приводящим в движение молоты: таково устройство музыкальных ящиков. Этот механизм соединен с клавиатурой, пользуясь которой музыканты вступят в состязание.

В ожидании этого момента была сыграна прелюдия, обыкновенно предшествующая звону часов – серебристые узоры, цветы, сотканые из звуков, бросаемые, как прощальный привет вслед уходящему времени.

Возбудить нежную радость, чтобы смягчить мысли о смерти часа, еще одного часа – не для этого ли играли прелюдию?

В воздухе прозвучали четыре удара, отчетливые, торжественные, неумолимые: они, казалось, пригвоздили крест. Четыре часа! Это был час, назначенный для начала конкурса.

Толпа заволновалась. Ей овладело легкое нетерпение...

У одного из окон Рынка – у окна, находившегося поблизости от пьедестала, разукрашенного листьями и головами овнов, на котором поставлена статуя Мадонны, – появился герольд, облаченный в пурпур. Громким голосом он объявил об открытии конкурса звонарей города Брюгге: из этого окна всегда провозглашались законы, указы, мирные трактаты и постановления, регулировавшие жизнь общины.

Толпа застыла в немом ожидании.

Только немногие знали подробности: записались звонари из Мехелена, Обенарда и Геренталья и еще другие, которые, впрочем, может быть, откажутся; могут явиться и непредвиденные кандидаты, так как записываться не воспрещалось до последней минуты.

После объявления конкурса открытым, раздались три торопливых удара большого колокола, подобные трем ударам, предшествующим Angelus'у. Состязание началось.

Послышался перезвон. Это уже не было автоматической музыкой. Теперь чувствовалась произвольная, свободная игра, вмешательство человека, пробуждавшего колокола один за другим, заставлявшего их содрогаться, ласкавшего их, сопровождавшего их, как пастырь сопровождает стадо. Начало было недурно, но потом все было испорчено: один колокол задрезбезжал, другие или слишком торопились, или замолкали.

Второй номер был исполнен лучше, но выбор был плачевно неудачен: поппури, составленное из различных мелодий, подобно одежде арлекина или прыжкам клоуна на трапеции, прикрепленной к вершине колокольни.

Толпа ничего не поняла и осталась безучастной.

Из нескольких групп послышались жидкие аплодисменты, длившиеся не больше минуты; казалось, что захлопали вальками по воде.

После перерыва снова прозвучали три удара большого колокола. Выступил второй кандидат. Он проявил больше искусства, но скоро утомил колокола, заставляя их рычать Марсельезу или Gold save the Queen... Он тоже не имел успеха. Разочарованная толпа стала думать, что никто не в состоянии заменить старого Бавона де-Воса, в течение многих лет достойно исполнявшего свою обязанность.

Следующий кандидат произвел еще более тягостное впечатление. Ему пришла в голову несчастная мысль быстрым отрывистым темпом сыграть обрывки из опереток и кафешантанных песенок.

Колокола прыгали, кричали, смеялись, словно их щекотали, спотыкались, как если бы они немножко подвыпили и обезумели. Толпа сначала удивилась, потом оскорбилась за свои милые столетние колокола. Послышались негодующие, возмущенные крики...

Остальные два кандидата испугались и отказались. По-видимому, конкурс должен был остаться без результата. Неужели придется отсрочить назначение нового звонаря? Герольд снова появился, вызывая желающих принять участие в конкурсе.

В ответ раздался чей-то голос; из первых рядов толпы, скучившейся перед зданием Рынка, поднялась чья-то рука... Через минуту заскрипела старая дверь: человек вошел.

Толпа вздрагивала, беспокоилась, высказывала всевозможные догадки. Никто ничего не знал. Что же будет? Конкурс уже кончен? Понятно, не назначат ни одного из выступивших кандидатов.

Не вызовется ли еще кто-нибудь? Спрашивали, поднимались на цыпочки, толкались, глядели на окно Рынка и на колокольню, на лестницах которой не то двигались человеческие фигуры, не то перелетали с места на место вороны.

Еще раз прозвучали три удара большого колокола: традиционные три удара, возвещавшие выступление нового кандидата.

Отчаявшаяся толпа стала слушать внимательней, тем более, что на этот раз колокола звучали тихо, заставляя соблюдать безусловную тишину. Слышалась нежная музыка; не чувствовалось слитных или выделявшихся ударов колоколов: это был концерт отлитой бронзы, доносившийся издалека, из глубины веков. Музыка грез! Она неслась не с колокольни – из безграничного пространства неба, из лона времени. Этому звонарю пришло в голову начать играть старинные рождественские песни, фламандские рождественские песни, зародившиеся в сердце расы и служащие зеркалом, в котором она узнает себя. Это было величаво и немного печально, как и все, что прошло сквозь горнило веков. Это была старинная музыка, но ее могли понять дети. Это была далекая и смутная мелодия, словно касавшаяся границ молчания, и тем не менее, каждый воспринимал ее в своей душе. У многих глаза увлажнились: были ли то слезы или мельчайшие серые капельки звуков, застилавшие их...

Вся толпа всколыхнулась. Боязливая и рассудительная, она поняла развевавшуюся в воздухе темную ткань своих собственных грез, полюбив ее смутный смысл.

Серия старинных рождественских песен кончилась. В первую минуту толпа продолжала хранить молчание, словно души присутствовавших были увлечены в вечность звуками колоколов, бывшими на этот раз добрыми прабабками, спевшими им старинные

легенды, оборванные сказки, которые каждый мог докончить, сообразуясь со своим желанием...

Раздались взволнованные крики, преисполненные ликования. Они становились все громче, обвивали, как черный плющ, башню, бурными взрывами оглушали нового звонаря.

Он совершенно случайно, в самую последнюю минуту, решился выступить в качестве кандидата. Огорченный ничтожеством своих предшественников, он – неожиданно для самого себя – взошел на колокольню и очутился в стеклянной комнате, где раньше часто бывал, навещая своего друга, старого Бавона де-Воса. Не придется ли ему заменить его?

Что делать? Нужно было снова играть. Рождественские песни – это старые скитальцы по дорогам Истории, бегинки, коленопреклоненные в воздухе. Он заставил народ, в ожидании стоявший внизу – совсем внизу, – мысленно соприкоснуться с былыми временами своей славы, поклониться на кладбище своего прошлого... Теперь народ был в состоянии возжечься героическими чувствами.

Музыкант отер пот со лба и сел перед клавиатурой, величественной, как церковный орган, с педалями для больших колоколов и железными стержнями, приводящими в движение маленькие колокола. Это было нечто в роде станка, приспособленного, чтобы ткать музыку.

Он стал играть. Послышались звуки старинной народной песни *Лев Фландрии*. Ее все знали, но в то же время имя ее автора было неизвестно, как было неизвестно имя строителя колокольни, как остаются неизвестными имена людей, в произведениях которых целиком отражается раса.

Столетние колокола помолодели, воспевая отвагу и бессмертную славу Фландрии. Это было, по истине, рычанием льва, зев которого, подобно зеву льва, о котором говорит Священное Писание, полон пчел. Некогда каменный лев находился на вершине колокольни. Казалось, что он снова вернулся, вместе с этой песней, такой же старей, как она, и рычал с колокольни, как из пещеры.

В умирающем блеске заходящего солнца золотой лев отеля Бушут сиял, как живой; против него каменные львы дворца Правителя отбрасывали на толпу все увеличивавшиеся тени. Фландрия со львом! Это был торжествующий крик гильдий и победоносных корпораций.

Он словно вырывался из окованных железом сундуков, в которых хранились хартии и привилегии, дарованные былыми властями; сундуки эти находились в одной из зал башни... При звуках этой песни воскресала Фландрия со львом! Ритм ее подобен ритму

шагов движущегося народа. Она воинственна и одушевлена человеческими чувствами, как лицо человека в шлеме.

Толпа слушала, с трудом переводя дыхание. Нельзя было понять: колокола ли это звонили, и каким чудом звуки, издаваемые сорока девятью колоколами, слились в один – в единодушное пение народа. Колокола – маленькие, с серебристым звоном, и другие, тяжелые, колыхавшиеся, и старинные, отличавшиеся огромными размерами – казались детьми, женщинами в мантиях, отважными солдатами, возвращавшимися в город, считавшимся мертвым.

Толпа это поняла. Словно желая пойти навстречу процессии призраков прошлого, она запела в свою очередь величественный гимн. Пела вся толпа, собравшаяся на большой площади. Пел каждый в отдельности. Пение людей сливалось в воздухе с пением колоколов. Душа Фландрии струилась, как солнечный блеск, между небом и морем.

Опьянение славой прошлого на мгновение воодушевило эту толпу, боязливую, привыкшую к безмолвию, к мертвенности города, застывших каналов, серых улиц, давно уже сроднившуюся с меланхолической кротостью отречения. Но все же бывший героизм продолжал еще дремать в душе народа, искры таились в неподвижном камне.

Внезапно в жилах всех присутствовавших кровь потекла быстрее. Как только музыка смолкла, толпа содрогнулась в порыве внезапно охватившего ее безумного энтузиазма. Крики, поднятые руки, махавшие над головами, восторженные восклицания... О! Изумительный звонарь! Он, должно быть – посланный Небом герой рыцарских романов. Он прибыл последним, окованный в латы, победитель турнира. Кто был этот незнакомец, появившийся в эту минуту, когда уже стали думать, что конкурс останется без результата после неудачного выступления первых звонарей... Только немногие – ближе всех стоявшие к башне, – успели разглядеть его, когда он исчезал за дверью... Его никто не знал. Никто не мог назвать его имени.

Герольд в пурпуре, снова появившись у окна, крикнул звучным голосом: «Жорис Борлюйт!». Это и было имя победителя.

Жорис Борлюйт... Это имя донеслось сначала до первых рядов; потом оно полетело, передаваясь от одного к другому, над бушующей толпой, как чайка над морем.

Через несколько минут дверь Рынка широко раскрылась... Появился красный герольд; за ним следовал человек, имя которого было на устах у всех. Герольд раздвинул толпу, чтобы провести победителя к крыльцу Дворца, где находились городские власти, на

обязанности которых лежало утверждение нового звонаря в его должности.

Все расступались, как если бы мимо них проходил некто больший, нежели они, как расступаются перед епископом, когда он, в день процессии, несет реликвию Святой Крови.

Жорис Борлюйт! Это имя продолжало звучать над Большой площадью, на всем ее протяжении; его подбрасывали к фасадам домов, кидали к окнам и выступам, повторяли до бесконечности. Оно стало знакомым, словно было написано буквами в воздухе.

Взойдя на площадку готической лестницы, победитель был встречен поздравлениями Правителя и старост; подтверждая выбор народа, они подписали его назначение на должность городского звонаря. Ему вручили – как награду за одержанную им победу – ключ, разукрашенный железными узорами и массивными медными арабесками. Внушительный, как посох епископа, он служил символическим знаком его избрания. Это был ключ от колокольни. Теперь он мог ходить туда, когда ему хотелось, как если бы она стала его жилищем или он стал ее владельцем.

Когда победитель взял в руки фантастически разукрашенный ключ, его внезапно охватила грусть, всегда являющаяся последним аккордом празднеств. Он почувствовал себя одиноким; им овладела смутная тревога, как если бы он взял ключ от собственной своей гробницы»²⁸⁰.

Конкурс для получения места звонаря, описанный бельгийским романистом, до сих пор не исчез из обихода жизни тихого старого города. Такой конкурс недавно состоялся в Брюгге.

Два дня обычно мертвую тишину города наполнял праздничный говор колоколов. Жюри конкурса заседало в саду одного из городских отелей. Экипажам, чтобы избежать всякого постороннего шума, запрещена была езда по городу. И все городское население по несколько часов в день прислушивалось к звукам колоколов, плывшим с соборной башни.

[Звонарь Карэ из романа «Бездна»]

[Ж.К.] Гюйсман в своем романе «Бездна» описывает звонаря церкви St. Sulpacie, Карэ, влюбленного в свои колокола, поддерживающего традицию вымирающего искусства, окруженного средневековыми сочинениями о колоколах и совершенно забывшего на своей высоте о жизни, текущей внизу.

Вот как он описывает колокольню St. Sulpacie: «Нагнувшись над пропастью, Дюрталь различал теперь под своими ногами громадные колокола, подвешенные на дубовых, окованных железом попере-

чинах, массивные колокола из темной бронзы, поглощавшей, ее отражая, лучи света.

А над головой у себя, отклоняясь, он увидел другую бездну и новые сонмища колоколов; снаружи на них были отлиты выпуклые изображения епископов, а внутри отсвечивало золотистым блеском местечко, натертое языком колокола.

Ничто не двигалось; но ветер щелкал лежащими створками резонаторов, крутился в деревянной клетке, выл в изворотах лестницы, врвался в опрокинутые чаши колоколов. Вдруг легкое прикосновение, тихое веяние менее резкого ветра скользнуло по его щекам.

Он поднял глаза, один из колоколов боролся с ветром, начиная раскачиваться. И вдруг зазвонил, закачался и язык его, похожий на гигантскую кочергу, будил в бронзе ужасные звуки. Башня дрожала; закраина, на которой он стоял, колебалась, как пол идущего поезда. Чудовищное рычание лилось непрерывно, разбиваемое грохотом и треском новых ударов.

Он напрасно исследовал потолок башни; он никого не нашел; наконец, заметил ногу, протянутую в воздухе и раскачивающую две деревянные педали, привязанные снизу к каждому колоколу. Он почти лег на балку и рассмотрел, наконец, звонаря, качавшегося над бездной, придерживающегося руками за две железные скобы, устремленными к небу взором».

Далее Гюйсман устами звонаря Карэ говорит: «Знаете ли, с колоколами в католическом мире уже кончено, или вернее — звонарей нет больше. Сейчас звонят мальчишки угольщики, кровельщики, каменщики, бывшие пожарные, нанятые за франк на площади. Вот, — продолжал Карэ, указывая на обломок старого колокола, — это лом очень старинного колокола, который давал звуки, не имеющие себе подобных, — это был небесный звон!

— Колокола, — продолжал он, — настоящая церковная музыка!

Они вышли как раз над площадкой в большую крытую галерею, над которой поднимаются башни, Карэ улыбнулся и показал целый набор маленьких колоколов, размещенных на доске между двумя столбами. Он дергал веревки, вызывая из меди хрупкий перезвон и, восхищенный, прислушивался к легким переходам нот, поглощаемых туманом. Внезапно он отбросил веревки.

— Когда-то мной завладела мысль, — сказал он, — захотелось воспитать здесь учеников; но никому нет охоты изучать ремесло, которое дает все меньше и меньше: теперь даже на свадьбах не звонят и никто больше не влезает на башни».

Далее, один из героев Гюйсманса, Эрми, говорит про звонаря: «Карэ продержится еще несколько лет. Католическое духовенство

уже допустило провести в церкви газ и кончит тем, что заменит колокола сильными звонками. Будет очень мило: электрические провода свяжут их; получится настоящий протестанский звон, короткий призыв, резкое приказание. Карэ погибнет, потеряв свои колокола. А все-таки забавно, — такая привязанность человека к вещи, которую он сам оживляет. Положим, колокол, правда, особый инструмент. Его крестят, как человека и освящают миропомазанием; согласно параграфу требника, епископ освящает внутренность его чаши семью крестообразными помазаниями освященным маслом; его утешающий голос доносится до умирающих и поддерживает их в минуты последнего ужаса.

Притом колокол — глашатай церкви, ее внешний голос; как священный — голос внутренний. Это не просто кусок бронзы, перевернутая и качающаяся ступка. Прибавлю, что колокола с годами становятся лучше; их пение делается полноточнее и шибче; они теряют едкий букет, незаконченность звука. Этим, отчасти можно объяснить, что к ним привязываются».

Далее, другой герой, Дюрталь, замечает: «— Я знаю наверное только то, что живя в монастырском квартале, на улице, где воздух с раннего утра колеблется от благовеста, я во время болезни ожидал по ночам утреннего призыва колоколов, как освобождения. На заре меня укачивало какое-то баюканье, лелеяла таинственная, отдаленная ласка. Я был убежден, что люди молятся за других и значит и за меня; я чувствовал себя менее одиноким. Это верно, что звуки колоколов созданы для больных, измученных бессонницей.

— Не только для больных, — возразил Эрми, — колокола успокаивают мятежные души. На одном из них была надпись: «*racocutus*» — «умиротворяю озлобленных».

Этот разговор вспомнился Дюрталю, и вечером один он размечтался, лежа в постели. Фраза звонаря, что колокольный звон есть истинная музыка церкви, несколько раз возвращалась.

Улетев внезапно на несколько веков назад, его мечта вызывала среди медленно движущихся верениц средневековых монахов, колени преклоненную группу верующих, откликающихся на призывы Ангелюса.

Ожили все подробности старых богослужений, которые он знал когда-либо: благовест к заутрени, перезвон, рассыпающийся, как шарики четок, над извилистыми тесными улицами с острыми башенками, с каменными балюстрадами, с зубчатыми стенками, перезвон, поющий в часы богослужений, чествующий радость города звонким смехом маленьких колокольчиков, откликающийся на его скорбь тяжелым рыданием больших колоколов.

Тогда были звонари – художники, истинные знатоки гармонии, которые отражали душевное состояние города в этих воздушных траурах и радостях. И самый колокол, которому они служили, как покорные сыновья, как верные слуги, становился, по образу церкви, доступным и смиренным»¹⁾. 281.

[Общества звонарей в Англии]

В Англии, как было сказано выше, существуют так называемые общества любителей колоколов, древнейшее и замечательнейшее из них *Кумберландское* в Норвине, где звонарное искусство доведено до величайшего совершенства.

Это общество возникло еще в XVII веке; его члены, молодые люди, разъезжали по стране и звонили на колоколах с утра до ночи.

Они нашли, что в течение часа с двенадцатью колоколами возможно 720 разных ударных комбинаций и вычислили, что вообще с двенадцатью колоколами возможно вызвать 479.001.600 разных тонов и что потребуется для этого пятьдесят семь лет, десять месяцев и десять дней¹¹⁾.

Кроме Норвинского общества, в Англии не менее замечателен клуб звонарей в Лондоне, который ставит задачу колокольной музыки, выдавая иногда за разрешение таких задач огромные премии.

Затем и другие города, как например Весулярланд, Канбридер, Оксфорд, Бирмингам и другие имеют также звонарей – артистов, нередко дающих целые колокольные концерты, состоящие не в том, чтобы выполнить какую-нибудь определенную мелодию, а просто чтобы прозвонить на пяти, шести или более колоколах всевозможные сочетания ударов, которые только и можно получить при известном числе колоколов.

Так например в 1796 году, члены клуба звонарей в Вестмерианде собрались на колокольную церквы Св.Марии в Кондоле, звонили три часа и двадцать минут и сделали в это время на семи колоколах всевозможные сочетания числа семи, т. е. 5040 ударов, нисколько при том не отставая от хронометра.

В Бирмингаме подобный концерт продолжался восемь часов 15 минут и в это время сделано было с такою же хронометрическою точностью 14 224 удара¹¹¹⁾.

¹⁾ Гюйсман, Жорис Карл. Полное собрание сочинений: В 3-х т. – Т. 1: Бездна. – М.: «Современные проблемы», 1912. – С. 46–47.

¹¹⁾ *Otte, Heinrich*. Glockenkunde. – Leipzig, 1884. – С. 60.

¹¹¹⁾ *Н.Р.* О колоколах и о колокольном искусстве // Московские ведомости. – 1850. – № 49. – С. 568–569; № 50. С. 578–580; № 51. – С. 586–588.

[Звонарь А.В. Смагин]

В вопросе улучшения церковного звона важно знакомство с искусством выдающихся звонарей. Одним из выдающихся звонарей, является в Петербурге Александр Васильевич Смагин, родившийся в 1843 г. в Верхотурском уезде, Пермской губ., в селе Шипицыне.

«В 1853 г., когда ему было 10 лет, он прислуживал в своей сельской церкви, подавал кадило и, как все дети, любил звонить; хотя и тогда звон его отличался от звона его товарищей, но звонил он в то время механически, без углублений в значение и состав звона, или, как он выражается в своей записке, его звон «был несознательным до 1863 г.».

Отец его был зажиточным крестьянином и имел 4 сыновей, из которых двое старших окончили курс уездного училища, а двое младших, в том числе Александр Васильевич, остались вовсе неграмотными.

Поступив на службу в армейский полк (за 2500 верст от родины), он все свое рвение устремил кроме строевой службы также на изучение грамоты, чего ему в течение 1^{1/2} лет и удалось достичь, т. е. он научился читать и писать. На него обратил внимание командир полка В.И. Яновский.

Однажды, 19 февраля 1867 г., Смагин, подготавливая месячный отчет по канцелярии, услышал звон на двух колоколах (колокола были большие), но звон плохой; он закрывает дела, прекращает работу, отправляется на колокольню, берет веревки в руки и начинает звонить. Через час он получает приглашение от церковного старосты В.Г. Холина, содержавшего тогда в той церкви свой хор певчих и предложение обучать звону церковных звонарей; Смагин взялся и обучал сторожей звону около месяца.

Василий Гаврилович Холин, оптовый торговец овцами и владелец двух винокуренных заводов, принадлежит к числу немалочисленных у нас ревнителей церковного благолепия.

«Словом Холин лелеял свой хор, который за то пел прекрасно и состязался с хором покойного воронежского архиепископа Серафима, большого любителя церковного нотного пения. Старожилы говорят о его хоре: «не услышим теперь такого пения, нет теперь таких хоров».

Любовь Холина к пению побуждала его вслушиваться во всякое мало-мальски хорошее пение и заимствовать его для своего хора; таким образом, хор его многое исполнял из пения Серафимовского хора.

¹⁾ Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1996. – С. 47–48.

Пригласив Смагина обучать церковных сторожей звону, Холин, по истечении месяца, предложил ему рекрутскую квитанцию, по которой он мог освободиться от военной службы и поступить к нему на службу. Смагин принял предложение и поступил к Холину конторщиком. В течение более 10 лет, с 1867 по 1878 г., он сопровождал хозяина по торговым делам по средним и южным губерниям: где только ни слышал его хозяин хороший звон, немедленно посылал Смагина изучать его; а когда возвращался домой, то проверял своего приказчика на приходской церкви, где состоял старостою; при этом Холин обнаруживал большое чутье и слух относительно церковного звона, сразу и метко отмечая отступления от слышанного звона, если их делал Смагин; но этим не довольствовался Холин в своей любви к церковному звону, и в 1873 г. нарочно командировал своего звонаря для изучения звонов в Москву, Троицко-Сергиевскую лавру и в Ростов Ярославский; благодаря такому усердию хозяина, Смагин имел возможность усвоить себе различные звоны и на их почве начал вырабатывать нечто свое, составлять сборный звон из известных ему звонов, вносить сюда свои добавления, новые ритмические фигуры, которые иногда выходят сами собою, произвольно, и этим он вступил на путь импровизации на колоколах; словом, по его выражению, звон его «из несознательного стал сознательным», т. е. Смагин внес в свое искусство начало сознания и известное творчество.

В г. Ливнах, Орловской губернии, Смагин в скором времени стал известным звонарем и любимцем прихожан и города. Он однажды вызвал на себя неудовольствие ливенского соборного протоиерея, который жаловался архиерею, что Смагин звонит непотребно; орловский архиерей Макарий назначил следствие, вызвал Смагина, сам слушал его звон и в конце концов пригласил его обучать звонарей.

В 1878 г. Смагин по обстоятельствам приехал в С.-Петербург, занимался торговлей, но ему не повезло, и пришлось бороться с нуждой, в силу чего работать поденно на Балтийском заводе (1885 г.) и носить балки; он пользовался доверием рабочих, и цехом черно-рабочих Балтийского завода был выбран старшиною-представителем при спуске миноносца «Лейтенант Ильин» и закладке крейсера «Память Азова»; в это время он был занят воспитанием сына, который учился в гимназии, и свою любовь к звону должен был очень умерить; тем не менее он был (1886 г.) 10 месяцев звонарем в Александро-Невской лавре, в которой усвоил так называемый лаврский звон. На соборной колокольне есть довольно порядочный подбор колоколов; особенно нравился Смагину большой колокол в 800 пу-

дов никоновского литья с изображением патриарха Никона, в левой руке держащего колокол, а в правой – Церковь.

В 1888 г. по поводу спасения Императорской фамилии при крушении поезда в Борках, Смагин обратился к обер-прокурору Св. Синода с докладной запиской, в которой, выражая верноподданические чувства по случаю спасения жизни Государя императора от угрожавшей опасности, ходатайствовал о принятии его бесплатным звонарем в один из храмов столицы. Эта записка была препровождена на благоусмотрение Исидора, митрополита С.-Петербургского. Его Высокопреосвященство пожелал выслушать звон Смагина, и последний для этого был вызван в Лавру и звонил в присутствии митрополита. После этого испытания ему предложено было место платного звонаря в Лавре (по 30 р. в месяц), но он не принял его, заявив, что не хочет своих патриотических чувств продавать за деньги. Тогда состоялась следующая резолюция Его Высокопреосвященства: «Благочинному ближайшей к месту жительства Смагина Вознесенской церкви объявить причту и Смагину, что последний может исполнять при той церкви звонаря безмездно». Смагину выдали из С.-Петербургской духовной консистории указ от 12 декабря 1888 г. № 305 на право звонить в Вознесенской церкви. В августе 1886 г. Смагин ездил в Коневский монастырь на говение после происшествия на Балтийском заводе, где он работал поденно: ему балкой отдало ногу. Видя в этом наказание за грехи и упущения относительно обязанностей христианина, Смагин решил попоститься в Коневском монастыре; приехав туда, он не упустил случая применить свое искусство с разрешения архимандрита Пимена; взобравшись на колокольню, он увидел, что она была запущена и загрязнена; между тем, любя свое искусство, он требует на колокольных чистоты, опрятности, не курить на них и другим не позволяет курить; понятно, что ему не понравилась запущенность колокольни Коневского монастыря, и он заставил монахов вымыть колокола от грязи и от птичьего помета. Между прочим он учил коневских звонарей своей манере звонить; ученье шло в течение целого дня между службами; слушать звон собирались многочисленные богомольцы и спрашивали архимандрита: «Ваше Высокопреподобие, скоро ли начнут по нотам звонить?». Смагин был предметом общего внимания, и когда он уезжал, то его провожали и на прощанье дали ему разных запасов, плодов, 3 р[убля] денег и бесплатный проезд до Петербурга.

Как выше упомянуто, он уже в Ливнах был известным звонарем, и память о нем сохраняется там и теперь.

Когда несколько лет тому назад в Петербург приезжала депутация из г. Ливн ходатайствовать о постройке железной дороги,

члены этой депутации были и у Смагина, как бывшего ливенского звонаря, и один из депутатов приглашал его вернуться к ним в Ливны, говоря, что теперь у них некому и позвонить, но Смагин отказался, сославшись на воспитание сына, который кончал гимназию.

Смагин – звонарь по призванию. Интерес и приверженность к звону были и росли у него в течение всей его жизни. Внутренне влечение к звону сказывается у него в том, что когда, напр[имер], он сидит один, то ему слышится колокольный звон или представляются различные сочетания колоколов; он объясняет это тем, что мужику втемяшится в голову, того и колом из него не выбьешь. Его любимое выражение о том, как он изучал звоны, такого рода: «Я звон собирал 40 лет, дайте мне теперь его разнести», т. е. распространить свое искусство. Но Смагин встречает также и большое несочувствие такому увлечению колокольным звоном. Его считают странным или смеются над ним.

«Когда начнешь о звоне говорить, все над тобой потешаются, – говорит он: – Ха, ха, ха, много у нас в Петербурге звонарей; звонишь, значит, болтаешь, – врешь по самое стропило. Хотелось бы по душе говорить о звонах, а над тобою смеются, кровную обиду наносят, смеются над тобой, а смешно это или нет, не разбирают».

Когда его сильно донимают те, которые сочувствовали ему в молодых годах как крестьянину со стремлениями, и когда в люди вышли, стали свысока и с насмешкой относиться к нему, он им говорит: «Когда вы молоды были, то обнимали Россию и целовали народ, а теперь вы горькую редьку ему суете».

На колокольне Смагин чувствует себя хозяином; он привык восходить по лестницам ее, не боится холода, пронизывающего ветра, ни дождей, когда приходится дежурить ему днем и быть ближе чем другие люди то к ясному, лазурному, то к пасмурному небу, или ночью, когда над ним горит звездное небо и тот млечный путь, который сибиряки называют «гусиной дорогой» в силу приметы, как вереницы гусей при отлете осенью летят ночью по направлению Млечного пути. Ему, как старому звонарю в рассказе Короленко («Старый звонарь»), «земля и небо, и белое облако, тихо плывущее в лазури, и темный бор, невнятно шепчущий внизу, и плеск невидной во мраке речки – все это ему знакомо, все это ему родное... не даром здесь прожита целая жизнь»... Его любовь к искусству и месту, где он его применяет, доходит до того, что, как выше упомянуто, он заботится о чистоте и порядке на колокольне и никому не позволяет – ни себе, ни другим – курить на ней; когда он начинает звонить, он снимает шапку и крестится, затем, сделав удар в колокол, стоит с открытой головой в продолжение первых двух ударов. Для

него, настолько посвятившего себя колокольному звону, обидно звучит известная пословица: «отзвонил и с колокольной долой», которую он за это называет непутевой и желает бороться с нею по мере сил. Цель его стремлений – бороться против пренебрежительного или кощунственного отношения к звону и распространить умение хорошо звонить, чего в нашем современном звоне именно и не хватает, тогда как он может быть настоящим искусством.

О[тец] Израилев в вопросе о церковном звоне затронул две стороны: 1) гармоническое настраивание колоколов и 2) искусство мелодического звона, не касаясь также близко вопроса о самом искусстве звонить обыкновенно – ритмически, а не мелодически. Мелодический звон едва ли может иметь будущность, потому что он идет в разрез со всеми преданиями нашего церковного звона и не подходит к самому характеру колоколов, которые производят совершенно определенное гораздо большее впечатление, если в них звонят ритмически, чем если выигрывают на них мелодии, как в куранты.

Таким образом в вопросе о церковном звоне наряду с гармоническим настраиванием колоколов гораздо важнее заботиться об улучшении традиционного, т. е. ритмического звона, чем о развитии совершенно нового для нас мелодического. Смагин преследует именно эту цель. В своей записке он говорит, что к улучшению церковного звона стремятся теперь как колокольные заводчики, так и отдельные лица и, кажется, убеждены, что благозвучный звон получится путем одной только переливки или гармонического настраивания, тогда как звонари звонят по прежнему неумело, и особого впечатления на молящихся не производят... Где же у них мастера звонари, которые умели бы управлять колоколами, спрашивает он и высказывает мысль, что можно больше примириться с искусным звоном на ненастроенных колоколах, чем с неумелым звоном на настроенных.

«Мне приходилось, — продолжает Смагин, — слышать много раз, как на сельской церкви мужичок так отчетливо и красиво звонит, что любого соборного и дворцового звонаря за пояс заткнет, жаль только, что звон этого мужика ограничивается одной фигурой, которую он заучил».

Важность искусного звона подтверждается тем, что при таком звоне гораздо больше собирается молящихся в церковь, как Смагин убеждался и из своей практики, когда большие толпы собирались слушать его звон до начала службы и оставались ради этого и после службы»¹⁾.

¹⁾ Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. — СПб., 1996. — С. 47–48.

Смагин в течение своей продолжительной практики успел выработать определенную систему искусства звона, которую он изложил [С.Г.]Рыбакову.

Будучи идеалистом²⁸² и художником в душе, Смагин с упорством фанатика смотрит на колокольный звон, вполне справедливо придавая ему громадное значение в жизни русского народа.

Все разновидности колокольного звона: *благовест, трезвон, перезвон* разумеется должны иметь особые оттенки и чем они нежнее и тоньше, тем сильнее действуют на слушателей, вызывая в них живое благоговение.

Наоборот, беспорядочный и негармоничный звон, лишенный этих оттенков, производит как раз обратное действие.

Во многих католических странах, где колоколам уделяют чрезвычайно мало внимания, колокольный звон не только не вызывает благоговейного чувства, но, наоборот, раздражает и беспокоит жителей.

Смагин один из первых обратил внимание на стройность колокольного звона, извлекая из колоколов различные оттенки звуков, в зависимости от церковной службы.

В его звоне чувствуются не простые механические удары языком о металл колокола, ничего не говорящие ни уму, ни сердцу, а что-то более глубокое, что увлекает и уносит душу от повседневной жизни к более чистому и возвышенному.

Многие, слышавшие звон Смагина, говорят, что колокола, как будто оживали под его ударами. Настроение от звона получалось изумительное, — колокола начинали петь.

Как было сказано выше, Смагин подробно изложил свой взгляд на колокольный звон известному исследователю в этой области С.Г.Рыбакову.

«Когда поочередно перебираются все колокола друг за другом, то это называется *перезвоном*; этот звон — символ печали и употребляется при похоронах, а также в праздники св. Креста, на Страстной неделе.

Нелишне также упомянуть о родах колоколов, какие употребляются у нас для церковного звона.

Маленькие колокола называются *завонными*; имеют весу от 10 фун[тов] до 5–6 пудов; более крупные или *альты* от 8 до 25 пуд[ов]. К числу крупных принадлежат: *вседневный* колокол от 100 до 500 пуд[ов], в него благовестят в каждый будничный день; *полиелейный* до 600–700 пудов, в который благовестят в праздники Апостолов и Святителей; *воскресный* — до 80–1000 и более пудов, для благовеста в воскресенье; *праздничный* колокол, от 1000 до 2000 и даже до 4000 пудов, употребляется в большие двенадцатые праздники и царские дни.

Впрочем, такое назначение и употребление колоколов не строго обязательно, и в уставе церковном по этому поводу есть даже оговорка: «аще как захочет настоятель». Далеко не в каждой церкви существует весь перечисленный набор колоколов, и, например, полиелейный колокол часто заменяет воскресный и наоборот, а в сельских церквях колокол в 100–200 пудов исполняет обязанность всех перечисленных колоколов. Есть и обратное явление, – что несколько колоколов на колокольне остаются без употребления, и к языкам их почему-то не привязывают веревок для звона, может быть потому, что звонари не умеют справляться с большим числом колоколов. Таких колоколов без употребления, говорят, находится много и на колокольне Ивана Великого, где у них сняты языки. Кстати сказать, самый звон на Иване Великом не имеет единства, потому что колокола размещены в разных ярусах колокольни и даже в пристройке сбоку ее, а каких-либо приспособлений для единства звона там не делают, да и не умеют делать.

Почти что за каждой службой звонят несколько раз. В начале всенощной бывает 3 звона: после благовеста в один большой колокол начинается без перерыва «красный звон», т. е. трезвон без переборов до 3 раз; за обедней после благовеста 3 трезвона; ко 2-му и 3-му трезвону можно присоединить вступление или, как называет Смагин, *затравку* – нечастый звон в один самый маленький колокол, как предуведомление о начале звона. Перед хиротонией во епископа за всенощной накануне по 9 песне канона полагается звонить в большой колокол 50 раз.

Когда умирает священник, то звонят, делая 12 очень редких ударов в колокол; при перенесении тела священника на кладбище при каждой церкви оно встречается перезвоном, а когда шествие скрывается из виду, на колокольне производится красный звон; к молебну сначала блавест, а потом перезвон без переборов, примыкающий к блавесту без перерыва. К повечерью и великопостным часам бывает перезвон, исполняемый на двух маленьких колоколах, в которые ударяют несколько раз поочередно и затем раз в оба вместе, после опять делают несколько ударов в каждый по очереди и два раза в оба вместе и также в 3-й раз. По поводу этого звона звонари острят, что «пошел-де корову доить», т. е. звонить в два маленькие колокола.

Главным недостатком нашего современного звона является именно отсутствие единства в звоне, так как у нас звонят не одновременно, а как придется, так что отдельные колокола перебивают друг друга, не соблюдая того, что на языке музыки называется тактом. По этому поводу Смагин говорит в своей записке: «Как бы хо-

рошо ни звонил звонарь в верхней палате (ярусе), а если большой колокол, висящий внизу, не соблюдает такта, то он портит хороший звон в верхнем ярусе». Для устранения этого недостатка, т. е. отсутствия одновременности или такта в звоне, Смагин придумал приспособление следующего рода: с боку большого колокола он устраивает вилку-пружину, и когда звонарь ударяет языком в край колокола, то шейка языка ниже края колокола ложится в эту вилку-пружину, которая дает знать момент удара вверх, и верхние звонари на эти знаки или указания должны смотреть как певчие на регента; тогда в звоне будет соблюдено деление, и самый звон становится тогда законченным, одновременным как вверх, так и вниз.

Большое место отводит Смагин в колокольном звоне также оттенкам исполнения.

В вышеупомянутой записке он говорит, между прочим, что, занимаясь многие годы колокольным звоном и собирая различные мотивы этого звона, он пришел к мысли связывать эти мотивы один с другим, а также стараться удалять и приближать звуки колоколов, т. е. выполнять при звоне то, что обозначается музыкальными терминами *forte* и *piano*, звонить тише и громче, так что при тихом звоне может казаться, что звонят где-то далеко; и все звонари по системе Смагина должны согласно выполнять эти оттенки.

Для достижения такого согласия в исполнении Смагин применяет *аппарат* так называемых *баклушек*, четырехгранных деревянных брусков, крепко насаженных на вертящихся осях; на сторонах баклушек имеются надписи: «начинать после перебора», «стой», «тише», «сильнее»; такие баклушки помещаются в каждом ярусе колокольной и соединены друг с другом веревками так, что одновременно повертываются одной и той же стороной, и все звонари видят одну и ту же надпись; звонарь, находящийся в верхнем ярусе, управляет этими баклушками и, следовательно, оттенками исполнения.

Желательно, чтобы баклушка при повертывании ударяла в какой-нибудь маленький колокол с помощью особого крючка для того, чтобы звонари как-нибудь не просмотрели поворота баклушки.

Чтобы иметь полную возможность применять свое искусство, Смагин пользуется системой особого *балансирования* колоколов, т. е. подвешивания к их языкам веревок.

Для полной благоустроенности звона необходимо, по Смагину, установить, прежде всего, четность в ударах в колокола, т. е. чтобы в данный промежуток времени производить во все колокола четное число ударов. При этом руководящую роль играют размахи языков очень больших колоколов около 1000 и более пудов, так как в них можно произвести в известное время только определенное число

ударов, ни больше, ни меньше, в силу того, что массивный язык, как говорится, сам ходит по инерции, и ускорить или замедлить его движение звонарь не может в силу его тяжести; число ударов зависит от диаметра (поперечника), веса колокола и языка: из двух одинакового веса колоколов в более узко слитый колокол можно произвести в одинаковое время большее число ударов, чем в более широкий, потому что в колокол первого рода размах языка укорачивается.

Балансировать языки колоколов значит – подвязать к ним веревки таким образом, чтобы один звонарь мог свободно управлять несколькими колоколами. Посредством балансирования звонарь может управлять в 3 раза большим числом колоколов, и этим соблюдается экономия в звонарях. Искусство балансирования находится в прямой связи с искусством самого звона. Тем лучше звонарь звонит, чем целесообразнее у него подвязаны колокола.

В колокола менее 800 пудов можно в определенное время производить и большее, и меньшее число ударов, смотря по тому, широк или узок колокол, а также в зависимости от усилий звонаря.

В колоколах от 150 пуд[ов] и до самых маленьких языки можно подвязать веревками к нескольким центрам, привязываемым к доскам, которыми звонарь управляет посредством ног.

Балансировать колокола, т. е. подвязывать языки нескольких колоколов к одному центру можно до 500 пудов, а большей тяжести нельзя; крупные колокола, не тяжелее 300–500 пудов, балансируются тогда, когда не дают в определенную меру времени четного числа ударов, а если получается четный звон, то в эти колокола звонят в два края; при таком звоне на каждый колокол уже надобен отдельный звонарь. Звон в два края очень красив и торжественен в силу полной равномерности в движении и ударах языка.

В подробности балансирования колоколов я не вхожу, так как это дело самих звонящих, и каждый звонарь балансирует по-своему, как ему удобнее звонить; при том это такая практическая подробность, которая, как говорит Смагин, на деле виднее.

Путем подобных приспособлений и условий исполнения Смагин воспроизводит несколько родов церковного звона (точнее трезвона), которые он успел собрать и частью сам составил в течение своей многолетней практики. Он исполняет, между прочим, несколько традиционных звонов, которые он называет историческими, а именно: 1) ростовский, 2) георгиевский, слышанные им в гор. Ростове Ярославской губ., 3) лаврский – звон Александроневской лавры.

Эти исторические звоны Смагин желает сохранить во всей неприкосновенности и поэтому не допускает к ним, когда исполняет

каждый из них самостоятельно, никаких добавлений в роде вступлений, переборов колоколов и т. п.

Больше свободы предоставляет Смагин звонарю в так называемом сборном звоне, составляемом из различных, в том числе и исторических звонов, и здесь он присоединяет и вступления, и переборы и т. п.

Наряду с пословицей «отзвонил и с колокольни долой», которую Смагин называет непутевою, он не выносит и легкомысленного интереса к звону и в видах борьбы с таким отношением к нему считает надобным избегать однообразного повторения одной и той же фигуры в звоне и соединять с этой целью в звоне нескольких фигур, которые устранили бы однообразие, а народ не говорил бы, что звонарь песню играет. Из соединения нескольких различных звонов в один Смагин образует так называемый смешанный, сборный звон, где он предоставляет звонарю большой простор и даже право импровизировать на колоколах, вставляя свои новые фигуры, чем он и сам пользуется, причем у него проявляется временами творчество: иногда, по его словам, звонит он, звонит, и вдруг сам не ждал, выходит новая фигура. При записывании звонов Смагина на ноты различные стоимости нот следующим образом распределяются по колоколам: большие колокола исполняют полтакта и четверти, колокола в левой руке – четверти или осьмые, а в правой руке шестнадцатые или тридцать вторые.

К звонам Смагин прибавляет вступления, а именно: *затравку*, нечастый звон в один самый маленький колокол, как предупреждение о начале звона; *переборы* – довольно скорые удары по одному разу во все колокола по порядку от самого маленького и до самого большого, после чего начинается «красный звон».

Различные составные части звонов Смагин распределяет следующим образом, смотря по роду службы: в начале всенощной бывает, как известно, 3 звона, – после благовеста в один большой колокол начинается «красный звон», который исполняется Смагиным в 1-й раз без переборов, во 2-й и 3-й раз – с переборами, причем могут чередоваться разные исторические звоны:

- 1-й трезвон – ростовский без переборов.
- 2-й – » – – георгиевский с перебором.
- 3-й – » – – смешанный » – » –

За обедней: после благовеста Смагин исполняет 3 трезвона:

- Первый трезвон с тремя переборами (георгиевский).
- Второй – » – » – одним – » – (ростовский).
- Третий – » – » – одним – » – (лаврский).

Далее я предлагаю читателям свой опыт записывания звонов Смагина на ноты и этим сочту свою задачу исполненной, но считаю надобным прибавить, что одно описание недостаточно для полного и отчетливого представления об искусстве Смагина, и при желании ознакомиться с этим искусством, вообще любопытным, необходимо все это видеть на деле: «На деле виднее», — говорит Смагин, или по пословице, им же добавляемой: «Толкач муку покажет, а базар цену скажет».

Вот образцы звонов Смагина в порядке, какого он держится за литургией (см. трезвоны в начале обедни на след. стр.).

К этим главным звонам Смагин присоединяет еще сборный или, как он называет его, современный, и кроме того, вступление в роде того, какое сделал [М.И.] Глинка в звоне в «Жизни за Царя». Такой звон он называет собственно *историческим*, так сложилось у него представление о том историческом звоне, о восстановлении которого хлопочут, по словам Смагина, москвичи и даже напечатали в этом смысле года 1¹/₂ – 2 тому назад статью в «Новом Времени». Составные части этого звона у Смагина следующие:

1) начало такое, как в звоне [в] «Жизни за Царя», — редкое, которое без музыки, пожалуй, будет резать слух, но это продолжается недолго, и за ним следуют:

- 2) ростовский или георгиевский звон,
- 3) лаврский,
- 4) современный — сборный.

Такой исторический звон по Смагину должен представлять одно целое, должен быть слитный, нераздельный. Смагин с особенной охотой взялся бы воспроизвести эти звоны со всеми приспособлениями, оттенками исполнения, ритмичностью на больших колокольнях, где много колоколов и несколько ярусов, и где впечатление могло бы получиться несравненно более сильное и законченное; много еще других подробностей звона выработал Смагин для разных особенных случаев и моментов церковного богослужения, например, для пасхальных заутрени и литургии, во время чтения пасхального Евангелия и пр., подробностей, с которыми лучше всего можно было бы познакомиться на деле. В сентябре 1895 года я был в Москве, виделся со старостой общества хоругвеносцев при кремлевских соборах и говорил с ним о состоянии звона в Москве; он сам высказывался, что в Кремле у них звонят плохо, без толку, и заинтересовался рассказом об искусном церковном звоне.

Тогда же я виделся со старостой кремлевского Успенского собора, известным оратором г. Плевако, и последний подтвердил, что

ТРЕЗВОНЫ ВЪ НАЧАЛѢ ОБЪДНИ.

ПЕВРЫЙ ТРЕЗВОНЪ.

Затравка

ПЕРЕВЕРЪ АД ТРЕХЪ РАЗЪ

1-й ЗВОНЪ. 2-й ЗВОНЪ. 3-й ЗВОНЪ.

ЗВОНОВЫЕ ИЛИ КОЛА ОТЪ 1 ДО 10 РУКОЮ. ПРАВОЮ РУКОЮ. ЛЕВУЮ ОТЪ 8 ДО 50 РУК. СЛѢДЫ РУКОЮ. ИСТАНОВИТЬ ОТЪ 100 ДО 200 МОГОЙ.

ТРЕХЪ ОТЪ 50 ДО 100 РУК. ПРАВОЮ РУКОЮ. ЛЕВУЮ Р. МОГОЙ.

БОЛЬШЕ ИЛИ КОЛА ОТЪ 300 ДО 2000 РУК.

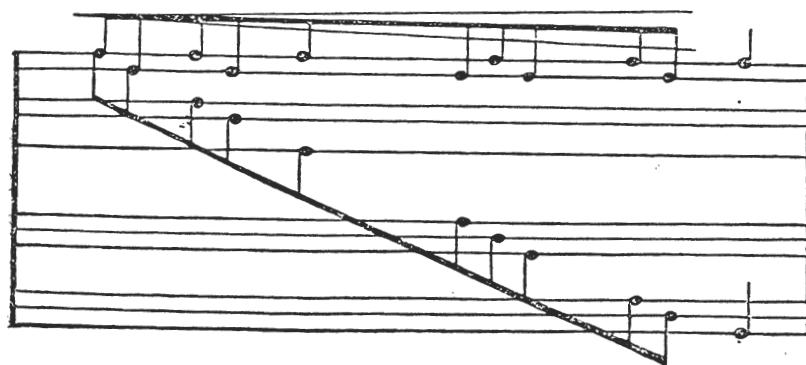
ГЕОРГІЕВСКІЙ ЗВОНЪ.

Нотный пример из книги: Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. — СПб., 1896. — С. 64.

ПЕЕБОРЪ.

Нотный пример из книги: Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. — СПб., 1896. — С. 65.

РОСТОВСКИЙ ЗВОНЪ.

УМѢРЕННО.

Нотный пример из книги: *Рыбаков С.Г. Церковный звон в России.* – СПб., 1896. – С. 66.

[Часть 2. В поисках гармонии]

ТРЕТИЙ ТРЕЗВОНЪ.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

ВСТУПЛЕНІЕ
УМѢРЕННО.

ПРАВЫЙ РУКЪ	{ 2. подл 6 вздохъ	
ЛѢВОЙ РУКѢ	{ 9. . . . 12. . . . 18. 20. вздъ	
НОГОЙ	{ 100. подл 200. ~	

Нотный пример из книги: Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 67.

кремлевский звон совершается у них беспорядочно благодаря тому, что колокола висят не только в ярусах колоколен, но и в пристройках сбоку, и звонари не видят и не слышат друг друга, что этот звон нуждается в улучшении, что когда в Москве и в Кремле звонят, то получается впечатление не правильного, хорошего звона, а звонящего города, что, правда, в своем роде, недурно; тем не менее вопрос о звоне в Москве, по крайней мере в Кремле, остается открытым.

Со своей стороны Смагин в записке о звоне предлагал свое искусство и труд для коронационных дней в 1896 г., в Москве, когда он взялся бы устроить все описанные приспособления (недорогие – руб. 20–25) для звона, воспользовался бы бездействующими теперь на Иване Великом колоколами, подвесив к ним языки, обучил бы звонарей одновременному звону и своей манере звонить и мог бы во всей обширности воспроизвести звоны.

Сознавая, что состояние церковного звона у нас оставляет желать много лучшего, и стремясь настойчиво к приложению и распространению своего искусства, он любит повторять свое выражение: «Я звон собирал 40 лет, дайте мне теперь его разнести», т. е. передать другим звонарям.

В случае, если бы ему пришлось заведывать организацией звона во время коронации в Москве, Смагин для обучения звонарей своим приемам звона мог бы воспользоваться пасхальными и царскими днями, когда звон бывает в течение целого дня»¹⁾.

Много радости и сердечного умиления доставлял людям церковный звон в старину. Вот почему они и заботились, чтобы этот звон, прославляющий Бога, был «красен и благолепен».

В с. Шалегоне²⁸³, Вятской губ., самоучкой-слесарем, крестьянином Дмитрием Ивановым²⁸⁴, устроен механический звон колоколов. Механический церковный звон звучит несравненно лучше самого хорошего звонаря вручную – звон выходит плавнее и мелодичнее. Изобретатель машины устроил звон всего за сто рублей из своего материала²⁸⁵.

[Протоиерей Аристарх Израилев и настройка колоколов]

В конце XIX столетия в России на строй колоколов обратил особое внимание протоиерей Аристарх Александрович Израилев²⁸⁶, построивший акустический прибор для точного определения числа колебаний звучащих тел. Прибор этот состоит из набора 56 камертонов и особого аппарата, подобного метроному.

¹⁾ Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 69.

Гармонически построенные колокола протоиерея Израилева находятся на колокольне Зимнего Дворца²⁸⁷ и на многих церквях Петербурга.

Вот что рассказывает сам о. Израилев о своих работах:

«После того, как мною изготовлены были акустическим способом и собственноручно три–четыре коллекции камертонов с различным их приложением и получены за них почетные награды на выставках – Московской Политехнической и всемирных – Венской и Филадельфийской, я начал думать, к чему бы мне еще приложить свои знания и труды по части музыки и акустики.

Случай обратил мое внимание на колокола, употребляющиеся при церквях. Однажды привелось мне проходить в одном месте нашего города Ростова мимо большой толпы народа. Из любопытства я подошел ближе к этой толпе и увидел, что она окружила колокол, который провозили куда-то из Москвы.

Колокол был не маленький и имел снаружи много рельефных изображений и украшений. Смотря на него, многие из толпы народа говорили: какой красивый колокол!

Но тут же один простой мужичок возразил: «Красив!.. Да глас-то его каков? Глас-то?».

Эти слова простого мужичка глубоко подействовали на меня, и на мысль мне стало приходить многое. Припомнилось мне, что кто-то особенно хвалил колокол, находящийся в монастыре Саввы Сторожевского или Звенигородского, по близости Звенигорода, Московской губернии, пожертвованный царем Алексеем Михайловичем; хвалили также большой колокол в Москве на колокольне Ивана Великого и еще другие в некоторых местах.

Итак, если с удовольствием, думал я, слушают звук или, по выражению мужичка, *глас* одного хорошего колокола, то как же может действовать на слух и увлекать душу человека то, когда несколько колоколов на колокольне будут благозвучны и *согласны* между собою, т. е. будут стройны и гармоничны!

В нашем Ростове, Ярославской губернии, на соборной колокольне почти все 13 колоколов настроены музыкально, а из них особенно верно – три большие. Первый, самый большой колокол (2000 пуд.) издает звук С – do, второй (1000 пуд.) издает звук Е – mi, а третий (500 пуд.) – звук G – sol, так что из этих трех звуков составляется чисто музыкальный мажорный аккорд.

Колокола эти отлиты и настроены в XVII веке при ростовском митрополите Ионе Сысоевиче, вероятно большим любителе музыки, который писал о них к одному из своих друзей так: «На своем дворишке лью колоколишки, и дивятся людишки».

И ныне, спустя два столетия, тысячи людей, приезжающих на ростовскую ярмарку, с удивлением слушают этот гармонический звон колоколов. А граф М.Толстой, описывая древние святыни Ростова, вот что говорит по поводу этого звона: «Звон этих колоколов, единственный в России, приобрел всеобщую известность необыкновенной гармонией»¹⁾.

Со времени устроения этого гармонического звона, всех интересующего и благотворно действующего на душу, много утекло воды, и никто не позаботился устроить подобный звон при другом каком-либо храме.

Вообще у нас звонят хотя с ритмом, употребляемым в музыке, но звонят в колокола часто самые неблагозвучные и вовсе не находящиеся между собой в согласии, и от того колокольный звон выходит дисгармоничный и какофонический.

На устройство же гармонического строя колоколов не обращают никакого внимания, и при заказе колоколов заводчикам обыкновенно говорят: отлейте нам колокол во столько-то пудов, с такими-то снаружи рельефными изображениями и с такою-то надписью; а относительно звука, при заказе, говорят только то, чтобы колокола были *позвончее*.

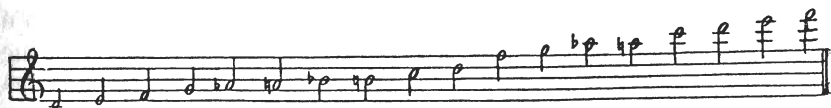
Понятное дело, что заводчики стараются только о том, чтобы угодить заказчикам, и в последнее время стали прибавлять к тому еще окраску колоколов, что весьма вредно благозвучию их.

Отчего же у нас в России не вводится гармонический звон, между тем как в Германии он существует во многих церквях? Ужели так трудно подобрать и настроить колокола гармонически, чтобы при звоне получались правильные аккорды? Может быть это дело доступно мне.

В таких размышлениях я купил несколько часовых колокольчиков различной величины и стал на них производить опыты настраивания посредством подтачивания.

Для подтачивания колокольчиков я придумал простую машинку и действовал ею с хорошим успехом, так что настроил по требованию музыки и акустики восемнадцать колокольчиков.

Звуки этих колокольчиков в нотной системе могут быть обозначены таким образом:

¹⁾ См. выше, описание ростовского звона.

Аккорды из звуков этих колокольчиков составляют такие:

Чрез удачное настраивание малых колокольчиков я вполне убедился, что могу гармонически настраивать и большие колокола. Посему я стал разведывать, не строится ли где храм Божий, дабы там предложить свои знания на устройство гармонического строя колоколов, так как при вновь сооруженном храме это дело совершить гораздо удобнее.

Узнав о таком моем предприятии, один мой добрый приятель сказал мне: «Да вот в Москве строится великолепный и замечательный храм во имя Христа Спасителя, отнесись туда со своим предложением; там ты можешь оставить по себе великий памятник».

Такое указание моего приятеля глубоко запало в мою душу, и я решился проникнуть туда таким путем. Имея в виду, что в нашем Ростове гармонический звон устроен *митрополитом*, я написал, 18 мая 1879 года, высокопреосвященнейшему Макарию, митрополиту Московскому, о моем желании подобрать и гармонически настроить колокола для вновь устрояемого в Москве храма во имя Христа Спасителя.

«Храм Христа Спасителя в Москве, — писал я, — строится более полу столетия; на него употреблены миллионные суммы; в нем находятся все лучшие образцы искусств — зодчества, ваяния, живописи и проч. А при таком совершенстве, почему же не привести в гармонический строй и колокола? Тогда в этом храме сосредоточились бы все изящные искусства, не исключая и музыки».

Его высокопреосвященство передал мое сообщение в комиссию построения храма, от которой я получил приглашение «пожаловать в одно из заседаний комиссии для личных объяснений и представления опыта гармонического устройства колоколов».

В следующем месяце июне, 9-го числа, мною представлены были в заседание комиссии — на резонансовых ящиках небольшие камертоны и маленькие вышеозначенные колокольчики, как образчик гармонического строя колоколов, при чем объяснен был мною и способ, которым можно приводить колокола в тоны, составляющие правильную гармонию.

Относительно колоколов храма комиссия объявила мне, что два из них, большой и второй, отлиты и первый повешен на колокольню, а прочие готовятся к отливке, и поэтому поручила мне войти в

сношение и переговоры об этом предмете с заводчиком, взявшим подряд на отлитие колоколов. Переговоры не привели к желанным результатам: заводчик заявил, что дело о тонах и строе колоколов ему незнакомо, что он, по контракту, обязался отлить колокола в известный вес, с известными снаружи рельефными изображениями и орнаментами и к известному сроку, и что больше этого никаких условий принимать не желает.

Такой решительный отказ был для меня прискорбен, но я не унывал. Я тогда же в Москве сделал вчерне огромный камертон и настроил его вполне согласно со звуком большого колокола, который был уже повешен на колокольню.

Потом 14-го числа того же июня, когда Его императорское высочество, великий князь Константин Николаевич изволил осматривать Московский политехнический музей, я тут же, чрез посредство председателя отдела прикладной физики, А.С.Владимирского, имел счастье представиться Его высочеству и показывать ему не только те камертоны и колокольчики, которые мною 9-го числа были представлены в комиссию построения храма Христа Спасителя, но и тот огромный камертон, который я успел сделать вчерне и настроить согласно со звуком большого колокола храма Христа Спасителя.

Великий князь Константин Николаевич, считая мое предложение уже принятым комиссией, был весьма заинтересован моими произведениями и удостоил меня благодарности.

Ободренный этим, я, по возвращении в Ростов, принялся за приготовление нового более огромного камертона, который был бы вполне согласен с первым, вчерне сделанным мною в Москве, дабы на основании его, как на основании главного звука большого колокола, готовить и прочие камертоны.

Но так как от самой комиссии построения храма Христа Спасителя мною еще не было получено окончательного ответа на мое предложение, то 26-го июля того же года, я, по поводу моих переговоров с заводчиком, представил в комиссию следующие мои сообщения:

Пусть заводчик²⁸⁸ представит все колокола согласно с контрактом; из них можно сделать выбор, и совсем непригодные для общего строя заменить новыми. Непригодными для стройной коллекции могут быть сочтены: а) те колокола, звук которых будет очень высок против требуемого гармониею тона, потому что их нужно подвергнуть значительной с внутренней стороны подточке; б) те, которые будут иметь звук много ниже требуемого тона. Предлагаемая замена непригодных колоколов новыми, по моему мнению, не должна повести комиссию к особенно большим расходам: во-первых,

потому, что перемены потребуют, без всякого сомнения, только некоторые колокола; во-вторых, потому, что переменять придется колокола меньшего веса.

Большой колокол, отлитый в 1656 пудов, издает отличный звук, и его тон будет принят за основной; второй колокол, отлитый в 970 пудов и повешенный на колокольную 14-го числа прошедшего июня, в присутствии великого князя Константина Николаевича, потребует незначительной подточки; а эти два колокола составляют почти $\frac{2}{3}$ всего веса 4073 пуд[а] 20 фун[тов], который должен заключаться во всех 13 колоколах.

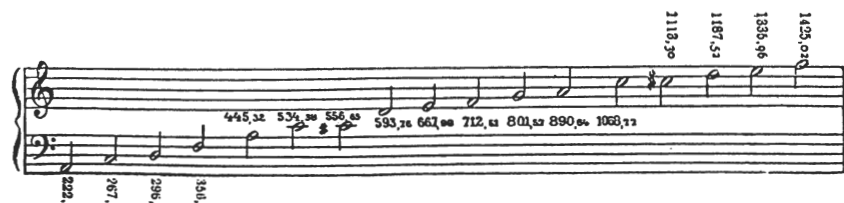
Если же еще придется переменить и третий колокол (полиелейный) в 600 пудов, то на остальные колокола падет самый незначительный вес.

Высказав все это, я просил почтить меня положительным ответом на мое предложение, относительно гармонического строя колоколов.

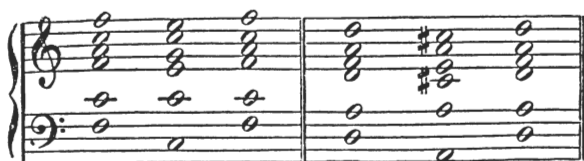
Канцелярия комиссии, от 29 сентября того же 1879 года за № 858, прислала мне такое уведомление: «Заявление ваше от 26 июля сего года, о гармоническом строе колоколов для храма, было слушано присутствием комиссии 4 августа сего года. При этом комиссия постановила заявление ваше иметь в виду. Но так как вновь отлитые колокола (четыре) еще комиссией не приняты, то канцелярия, по приеме их, вновь доложит ваше заявление комиссии и о последующем вас уведомит».

После этого уведомления, я, для устройства по своей идее музыкального звона в храме Спасителя, с большою горячностью принялся за приготовление камертонов и приготовил их в пределах двух с половиною октав семнадцать на резонансовых ящиках, из коих самый большой камертон, имеющий в ветвях своих 7 вершков длины, совершает 222,66 простых колебаний в секунду и издает чистую верхнюю октаву самого большого колокола, совершающего 111,33 простых колебаний в секунду (близко к la_0 или A_1 нормального диапазона=108,75 пр[остых] кол[ебаний в секунду]).

Звуки всех этих 17 камертонов, с обозначением чисел колебаний, могут быть в нотной системе выражены таким образом:

Из звуков этих 17 камертонов составляются следующие аккорды самого чистого строя:

Во время приготовления этих камертонов, я все ожидал из канцелярии комиссии обещанного уведомления; но прошло времени более года, и канцелярия ни о чем не уведомляла.

Утомленный ожиданием, я 4 октября 1880 года послал письмо к правителю канцелярии г. Мостовскому и просил его откровенно сказать мне, какое обо мне имеет мнение комиссия. Вследствие этого моего письма канцелярия комиссии от 4 декабря того же года за № 1187 прислала мне следующий ответ:

«Присутствие комиссии, приняв во внимание: 1) что предложение ваше о приведении колоколов храма в гамонический сирой было бы весьма желательно для комиссии, но для достижения этой цели необходимо подтачивание колоколов с внутренней их стороны; 2) что у комиссии нет определенных данных, насколько уменьшится вес колоколов вследствие их подтачивания, и не будут ли утонченные стенки влиять на прочность колоколов; 3) что в заявлении вашем нет указаний о стоимости этой работы, быть может обременительной для комиссии, в виду других уже исполненных ею сверхсметных работ, и 4) что устройство гармонического строя колоколов храма может быть приведено в исполнение и по освящении храма, — журналом своим, 1 ноября 1880 года состоявшимся, постановило: предложение священника Израилева относительно приведения колоколов храма в гармонический строй чрез подтачивание с внутренней их стороны, на основании вышеизложенных сообщений, в настоящее время отклонить, а при передаче храма в духовное ведомство, сообщить сему последнему о предложении священника Израилева, которого я уведомил о состоявшемся постановлении комиссии».

Получив такой ответ, я огорчился и подумал: к чему теперь приложу свои знания и труды? Кто послушает ту прелестную гармонию, которую я устроил с известною целью на своих 17 камертонах? Может быть, я не доживу до времени, когда освятится храм Христа Спасителя, а если доживу, то, может быть, духовное ведомство, по принятии храма от комиссии, не примет моего предложения.

Утешила было меня мысль представить эти камертоны на Всероссийскую выставку, имеющую открыться в 1881 году в Москве, но выставка была отложена.

Не падая духом, я схватился за новую мысль. Узнав, что в С.-Петербурге, на месте злодеяния 1-го марта решено создать православный храм, я подумал: нельзя ли мне предложить устройство гармонического строя колоколов при этом патриотическом храме.

Мысль эта не оставляла меня, и я решился отнестись с своим предложением в С.-Петербургскую городскую Думу.

Но прежде сего я написал статью, в которой в самом конце говорил: «Если бы мне позволено было настроить колокола для С.-Петербургского храма, имеющего соорудиться на месте мученической кончины государя императора Александра II, то я настроил бы их так, чтобы из звуков их составлялся *минорный* аккорд и ближайший к нему по сродству доминант-аккорд...

Но так как в нашей православной церкви существуют два звона: один печальный, т. е. медленный-редкий, например, в Великий пост, при выносе Креста, при выносе Плащаницы и при погребении умерших, а другой – веселый, частый, напр[имер], в св. Пасху, в великие праздники и в высокоторжественные дни, то я полагал бы для этого храма иметь, кроме помянутого минорного строя колоколов, еще другой строй колоколов, из звуков которых составлялся бы *мажорный* аккорд и также сродный ему доминант-аккорд, так как звучание мажора особенно выражает торжественность».

Статья была напечатана в газете «Новое Время», которая отнеслась с полным сочувствием к моей мысли, выразившись при этом так: «Пора устраивать на Руси колокольный звон благозвучный, на основании требований гармонии» (см. «Новое Время», 1881, № 2051). Журнал «Церковный Вестник» также поддержал мои стремления (см. «Церковный Вестник», 1881. № 47). Тогда я с немалою надеждою послал свое предложение в С.-Петербургскую городскую Думу. Но С.-Петербургская городская Управа известила меня только, что мое предложение «будет *иметься в виду* при заказе колоколов».

Не зная, когда именно будут заказываться колокола, и доживу ли я до того времени, я решился на следующее. Я купил на собственные средства четыре медные колокола, чрез подтачивание настроил их в музыкальный минорный аккорд и представил в 1882 году на Всероссийскую выставку в Москве, с тем, чтобы, по окончании выставки, пожертвовать их в храм, который имеет соорудиться в С.-Петербурге в память в Бозе почившего государя императора Александра II.

Упомянутые колокола настроены в минорный аккорд – А, С, Е, А и имеют весу всего семь пудов. Первый большой колокол (2 пуда

15 фун[тов]), составляющий основной тон (1), производит 870 простых колебаний в секунду и соответствует ноте А. Этот колокол вполне согласен с нормальным диапазоном или камертоном, который производит также 870 полукачаний в секунду при 15° стоградусного термометра и который, на основании Высочайше утвержденного 23 мая 1878 года мнения Государственного Совета, установлен однообразным по всей России для вокальной и инструментальной музыки. Второй колокол (2 пуда 20 ф[унтов]), составляющий малую терцию ($6/5$), производит 1044 колебаний и соответствует ноте С. Этот колокол согласен с камертоном, который большею частию употребляется в хорах певчих. Третий колокол (1 пуд 21 $1/2$ ф[унта]), составляющий чистую квинту ($3/2$), производит 1305 колебаний и соответствует ноте Е. Четвертый колокол (21 $1/2$ ф[унта]), составляющий верхнюю октаву (2) первого колокола, производит 1740 колебаний в секунду и соответствует ноте А.

Звуки этих четырех колоколов, составляющие минорный аккорд, основанный на нормальном диапазоне, могут быть обозначены в нотной системе следующим образом:

A(1)	C($6/5$)	E($3/2$)	A(2)
870	1044	1305	1740

Эти колокола, представленные мною на Всероссийскую выставку во II группу (научно-учебные произведения) вместе с моими многоразличными камертонами и с моим акустическим прибором, служащим для точного определения числа колебаний звучащих тел, обратили на себя внимание печати.

Во многих газетах, например, во «Всероссийской Выставке» (1882 г., №№ 14 и 117) и в «Современных Известиях» (1882 г., № 158), отозвались о них с большою похвалою; даже в «Правительственном» (1882 г., № 122) и «Церковном» (1882 г., № 28) Вестниках сказано о них сочувственное слово.

Но эксперты Всероссийской выставки отнеслись ко мне особенно внимательно. Они, присудив мне за изготовление коллекции диапазонов диплом II разряда, соответствующий серебряной медали, ни одним словом не упомянули о представленных мною колоколах, так же как и моем новоизобретенном акустическом приборе.

По закрытии Всероссийской выставки, я 4 октября 1882 года подал в Высочайше утвержденную комиссию по устройству этой выставки заявление, что вышеозначенные свои четыре колокола жертвую в храм, который имеет соорудиться в С.-Петербурге в память в Бозе почившего государя императора Александра II, и просил ее доставить их к месту назначения.

Когда же эти колокола были доставлены в С.-Петербургскую Думу, то я 4 февраля сего 1883 года обратился к С.-Петербургскому городскому голове И.И.Глазунову с просьбою об исходатайствовании разрешения, чтобы пожертвованные мною колокола, до сооружения храма, были повешены при временной часовне, построенной на месте злодеяния 1 марта 1881 года.

Через месяц я узнал из газеты («Новости», 1883 г. № 63), что городской голова сносился по этому вопросу с Высокопреосвященнейшим Исидором, митрополитом Новгородским и С.-Петербургским, который уведомил, что с его стороны к повешению колоколов при временной часовне препятствий не встречается.

Вскоре учреждена была комиссия по построению храма и, по распоряжению ее, мои колокола, вместе с пожертвованиями других лиц, переданы были из Думы в Академию художеств.

В октябре месяце, прибывши в С.-Петербург и узнавши, что мои колокола находятся в Академии художеств, я 9-го числа представился к настоятелю Троице-Сергиевой пустыни отцу архимандриту Игнатию и покорнейше просил его, как члена этой комиссии, о ходатайстве повесить пожертвованные мною колокола при временной часовне. По совету отца архимандрита, я отнесся к управляющему делами комиссии П.Ф.Исаеву, а потом и сам явился в комиссию. 18-го октября, в присутствии комиссии, я показывал мои 4 колокола, которые затем повешены при временной часовне.

Итак, благодарение Господу! Моя мысль об устройстве гармонического звона частью осуществлена и моя лепта здесь принята²⁸⁹...

Нам приятно закончить рассказ почтенного автора известием, что в последнее время его многолетние старания увенчиваются самым желанным успехом. 20 февраля 1884 г. о. Израилев имел счастье представиться Государю императору. Об этом в «Правительственном Вестнике» (№ 43, 23 февр. 1884 г.) читаем:

«В понедельник, 20-го февраля, во втором часу пополудни, в Концертной зале собственного Его величества Дворца, священник Рождественского женского монастыря города Ростова, о. Аристарх Израилев поднес Их императорским величествам образ святителя Исаии, Ростовского чудотворца, память которого празднуется ежегодно 15-го мая. Это празднование совпадает с днем совершившегося в минувшем году священного Коронования Их императорских величеств. Приняв св. икону и приложась к ней, Его величество благодарил о. Аристарха.

Затем Их величества слушали звон выставленных в той же зале четырех церковных колоколов, пожертвованных о. Аристархом в сооружаемый храм на месте мученической кончины в Бозе почив-

шего императора Александра II. Колокола настроены таким образом, что их звон составляет минорный аккорд.

О. Аристарх представил целую коллекцию колокольчиков, настроенных на разные аккорды. На этих колокольчиках о. Аристарх сыграл два гимна: «Боже, царя храни» и «Коль славен наш Господь в Сионе». Вместе с тем были представлены 18 камертонов, установленных на деках¹⁾, для настройки колоколов, изобретения о. Аристарха.

В заключение о. Аристарх показывал акустический прибор, также своего изобретения, для точного определения числа колебаний звучащих тел».

Вслед за тем о. Израилеву поручено было привести в порядок колокола в церкви Аничкова дворца. Эта задача в настоящее время успешно окончена.

Звуки церковных колоколов, имеющихся при Аничкове дворце, в числе 9, составляют в настоящее время три музыкальных аккорда: а) мажорный аккорд тоники (Fis-dur), б) мажорный аккорд субдоминанты (H-dur) и в) минорный аккорд (Dis-moll), соответствующий мажорному тоническому аккорду (Fis-dur).

За этот труд о. Израилеву всемилостивейше пожалован 14 июля золотой наперсный крест, украшенный драгоценными камнями.

Вот что пишет г. К.И.¹¹⁾ о гармонически настроенных колоколах протоиерея Израилева.

«В нынешнюю летнюю поездку на родину мне пришлось быть свидетелем одного церковного торжества, оставившего по себе глубокое, можно сказать, неизгладимое впечатление в душе. Торжество это так исключительно, впечатления от него так дороги для всякого православного русского сердца, что мне невольно хочется поделиться их избытком.

Чтобы быть более понятным, начну несколько издалека. Ростов, Ярославской губернии, мой родной город, бывший некогда столицею Ростовского княжества, представляет собою один из древнейших городов русских. Богатый святынями и различными древними историческими памятниками, привлекающими к себе немало и благочестивых паломников, и исследователей родной старины, он хранит, между прочим, в стенах своего кремля такую историческую драгоценность, подобной которой не найдете вы ни на одном из городов русских. Это знаменитые своею гармоничностью ростовские

¹⁾ Следовало сказать: на резонансовых ящиках.

¹¹⁾ [К.И. Гармонический звон церковных колоколов (Из путевых впечатлений): О настройке А.А. Израилевым 14 колоколов в усадьбе В.П. Мордвинова //] Литовские епархиальные ведомости. – 1893. – № 34. – С. 285–286.

колокольные звоны, устроенные во 2-й половине XVII века при древнем Успенском соборе ростовским митрополитом Ионою III Сысоевичем (1652–1691).

С искренним, неподдельным восторгом всегда слушались и слушаются многочисленными посетителями Ростова его мелодичные соборные звоны, но до самого последнего времени к этому светлому чувству примешивалось еще иное, противоположного свойства. Жалко становилось, слушая эти звоны, того, что они представляют собою лишь единичное исключительное явление, что тяжеловесные, заботливо украшенные надписями и рельефными изображениями наши церковные колокола никогда почти не бывают согласны между собою, что требования музыкальной гармонии при устройстве колокольного звона теперь обыкновенно совсем забываются, игнорируются.

И вот Ростов, с соборной колокольной которого слишком два уже века раздаются гармонически-величавые звоны, дал, наконец, чело- века, который не только строго научным образом определил эти звоны и положил их на ноты, не только предложил особые нотные схемы для исправления некоторых из них, не только увековечил их гармонию на особых, поставленных на резонансовые ящики камер- тонах, но и поставил своею задачей распространить, воскресить на Руси православной этот забытый в наши дни колокольный гармо- нический звон. Я говорю о знаменитом своими неутомимыми полу- вековыми учеными занятиями в области музыкальной акустики маститом 76-летнем старце, о протоиерее Аристархе Александро- виче *Израилеве*, который в течение 45 с лишком лет проходил пас- тырское служение в Ростовском женском монастыре, — говорю о пастыре, который «не только своим теплым пастырским голосом всегда старался проповедовать слово Божие, но и холодную медь заставил благозвучно вещать славу Божию».

Немало трудностей должен был побороть протоиерей, прежде чем судил ему Бог увидеть осуществление своей долго лелеянной заветной думы... В настоящее время в различных местах насчитывается уже не менее десяти музыкально настроенных им звонов, котрые оглашают собою не только обе столицы нашего отечества, не только западную и южную его окраины (Варшава и Крым), но и далекую Святую землю¹⁾.

¹⁾ Музыкально настроенные протоиереем Израилевым колокола в на- стоящее время имеются: 1) в С.-Петербурге: а) на колокольне собственного Его величества Аничкова дворца, б) на колокольне Казанского собора и в) при временной часовне, построенной на месте горестного события 1-го

Наконец, нынешним летом и родная сторона о. протоиерея услышала у себя его гармонические звоны и радостным торжеством (которое и вызвало эти строки) приветствовала их первые звуки. Торжество состоялось в усадьбе сенатора, тайного советника Владимира Павловича Мордвинова – селе Ваулове Романово-Борисоглебского уезда. Владелец усадьбы, постоянно занятый благоустройством двух находящихся в ней храмов, устроил, между прочим, недавно при одном из них невысокую, изящную каменную колокольню-звонницу. 20-го минувшего июля на ней освящены были поднятые накануне 14 небольших сравнительно колоколов¹⁾, музыкально настроенных о. Израилевым – уроженцем того уезда¹¹⁾, в пределах которого находится усадьба, а 1-го августа должен был раздаться торжественный звон этих колоколов. Яркий, чистый звук благовестного колокола еще издали манил к себе слух, когда утром в этот день подъезжала я к с. Ваулову. Вслед за благовестом послышался скоро обычный пред началом литургии звон во все колокола. Местный псаломщик, наученный о. протоиереем, исполнил весьма удачно один за другим шесть звонов в различные тоны, в которые настроены колокола. Нельзя было не испытывать самой чистой, высокой духовной радости, слушая эту редкую, неслыханную музыку, и жалко как-то стало, что так скоро замолкла она... Небольшой храм во время литургии, которую совершал протоиерей Израилев в сослужении с 3 священниками, был переполнен молящимися. По окончании литургии устроен был крестный ход на воду. Гармонические звоны, чередуясь один за другим, снова услаждали собою слух, снова наполняли умилением душу. На этот раз они, казалось, были еще музыкальнее, еще художественнее. Глаза невольно поднялись вверх к звоннице и не могли оторваться от нее: так порази-

---

марта 1881 года; 2) в Москве при церкви, сооруженной гг. Первушиными в ставропигиальном Донском монастыре; 3) в Варшаве при домово́й церкви первой женской гимназии; 4) в Нижнем Новгороде в Дворянском институте императора Александра II; 5) в Киеве во дворце великой княгини Александры Петровны; 6) в Белеве во Вдовьем доме при церкви, устроенной в память в Бозе почивающей государыни императрицы Елисаветы Алексеевны; 7) в Крыму в имении покойного великого князя Константина Николаевича Орианде, и 8) в Палестине при храме во имя св. равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании. (См.: Протоиерей Аристарх Александрович Израилев. (Ко дню 50-летия служения в священном сане): 1841 – 18 июля 1891. 2-е изд. – СПб.: тип. С.Добродеева, 1892. – С. 20, 21.)

¹⁾ Самый большой благовестный весит 24 пуда 24 фунта.

¹¹⁾ Протоиерей Израилев уроженец села Петровского на р. Ухре, Романов-Борисоглебского уезда.

тельна, так невиданна, редкостна была открывшаяся пред ними картина. На звоннице в роли звонаря стоял в камилавке, украшенный драгоценным кабинетским наперсным крестом, сам маститый виновник торжества и с чисто юношеским религиозным одушевлением и живостью исполнял один за другим свои звоны; а когда крестный ход вернулся в храм, он сыграл на колоколах гимны «Коль славен» и «Боже, царя храни». Чутко прислушивалась к этим звукам полутысячная толпа народа, окружавшая звонницу. На ее открытых лицах без большого труда можно было прочесть то удовольствие, умиление и радость, которые будили в этих простых сердцах лившиеся с колокольной одушевленные, мелодичные звуки... Когда утомленный о. протоиерей не без труда спустился со звонницы, вся толпа, как один человек, дружно хлынула под благословение к нему.

Много дум, чувств и желаний пробудилось в душе под сильным впечатлением этого редкого церковного торжества. Припомнилась тут и наша западно-русская окраина... Как хорошо было бы, думалось, если бы этот чистый музыкальный звон проник и в тот край, православно-церковная жизнь которого до сих пор должна считаться с враждебной силой воинствующего латинства; как хорошо было бы, если бы эти мерные мелодичные звуки, раздаваясь все громче и громче с православных наших храмов, покрыли собою нестройное гуденье колоколов, раскачиваемых на гордо высящихся латинских костелах.

[Гармонически настроенные колокола в с. Ваулове]

В архиве Александро-Свирской церкви, в селе Ваулове Романово-Борисоглебского уезда, Ярославской губернии хранятся следующие любопытные документы о гармонически настроенных колоколах:

І. Из рапорта церковного причта села Ваулова Романово-Борисоглебского уезда Вашему Высокопреосвященству, от 13 ноября 1891 года, ярославскому епархиальному начальству не безызвестно, между прочим:

1) что на вновь сооруженную в названном селе, согласно указу Ярославской духовной консистории от 16 сентября 1889 года за № 6816, церковную при Александро-Свирской того села церкви звонницу, освященную, по окончательной ее постройке, 20 июля 1891 года, навешаны все исстари принадлежащие сей церкви и значащиеся по церковной описи 1857 года пять колоколов, в коих весу: в первом 10 пудов $\frac{3}{4}$ фунта, во втором 2 пуда $\frac{1}{2}$ фунта, в третьем 1 пуд 4 фунта, в четвертом 22 фунта и в пятом 9 фунтов;

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13
F G A B H C C^{#4} D E^{#4} E F G A

I. F dur. 1 3 6 11 13
F A C F A
Благоговѣстный.

II. B dur. 1 4 8 11
F B D F

III. C dur. 2 6 10 12
G C E G

IV. D moll. 3 8 11 13
A D F A

V. A dur. 8 7 10 13
A, C^{#4} E A

II. 6 8 8 6 3 1 11 10 8

Бо-же, Ца - ря хра-ни! Силь-ный, дер-

3 6 8 4 6 6 3 8 5
жав-ный, Цар-ствуй на сла-ву, на

6 . 5 3 4 3 2
сла-ву. вать, Цар-ствуй на

8 3 8 11 10 8 7 8 6
страхъ вра-гамъ, Царь пра-во - слав-ный!

11 10 8 6 4 8 2 1
Бо же, Ца - ря хра - ни!

Нотные примеры из книги: Сооружение и освящение в 1892 и 1893 годах четырнадцати колоколов, музыкально настроенных протоиереем Аристархом Александровичем Израилевым на звоннице при церкви во имя преподобного Александра Свирского в усадьбе Владимира Павловича Мордвинова с. Ваулове Романов-Борисоглебского у. Ярославской губ. – СПб., 1893. – С. 41–42.

2) что все эти пять колоколов размещены по брусам, расположенным в пролетах верхнего яруса звонницы, и

3) что в том же верхнем ярусе звонницы, по середине оного, положен еще особый деревянный, также предназначенный для помещения церковного колокола, квадратный соснового дерева брус, толщиной в 6 вершков, концы утверждены в восточной и западной стенах звонницы, поверх упомянутых выше пролетов.

Приобретя ныне для той же Александро-Свирской церкви новый колокол весом в 24 пуда 24 фунта, отлитый в Ярославле на заводе торгового дома «П.И. Оловянишникова сыновья» и долженствующий служить благовестным, имею честь испрашивать архипастырского благословения Вашего Высокопреосвященства на помещение этого колокола на вышеозначенный поперечный брус состоящей при Александро-Свирской церкви звонницы.

II. Прошением от 11 августа сего года испрашивал я архипастырского благословения Вашего Высокопреосвященства поместить на вновь сооруженной в усадьбе моей селе Ваулове Романово-Борисоглебского уезда, согласно указу Ярославской духовной консистории от 16 сентября 1889 года за № 6816, церковной при Александро-Свирской того села церкви звоннице приобретенный мною праздничный благовестный колокол, весом 24 пуда 24 фунта, отлитый в Ярославле на заводе торгового дома «П.И. Оловянишникова сыновья».

На прошении этом, хранящемся в подлиннике при делах вауловских церквей, Вашему Высокопреосвященству угодно было положить того же 11 августа следующую собственноручную резолюцию *«Благословляется. Арх. Ионаф.»*.

Помянутый колокол был сооружен при содействии протоиерея церкви во имя святителя Стефана епископа Пермского, что при первой Московской мужской гимназии, Аристарха Израилева, выразившемся в личных со стороны сего протоиерея при отливке и обточке того колокола распоряжениях и наблюдении за тем, чтобы колокол этот, при ударах в оный, издавал музыкальный звук фа (F), соответствующий ноте, находящейся на 4-й линии нотной системы с ключом басовым, что и достигнуто вполне.

Ныне с Божиею помощью и благодаря тем же непосредственным личным трудам протоиерея Израилева, известного своею опытностию в области музыкальной акустики и трудами своими по устройству гармонического звона церковных колоколов, привелось мне дожидаться окончания исполнения сделанного мною заказа по отливке для той же Александро-Свирской села Ваулова церкви тринадцати других, постепенно уменьшающихся по весу от предыду-

шего, колоколов, долженствующих служить для церковного гармонического звона. Перечень этих тринадцати настроенных протоиереем Израилевым в музыкальные звуки колоколов, с обозначением их веса и звуков, следующий:

1-й колокол 9 п. 30 ф. Звук его *фа* (F) соответствует ноте, находящейся между 1-й и 2-й линиями нотной системы с ключом скрипичным;

2-й колокол 4 п. 6 ф. Звук его *соль* (G) соответствует ноте, находящейся на 2-й линии нотной системы с ключом скрипичным;

3-й колокол 2 п. 38 ф. Звук его *ля* (A) соответствует ноте, находящейся между 2-й и 3-й линиями нотной системы с ключом скрипичным;

4-й колокол 2 п. 28 ф. Звук его *си бемольное* (B) соответствует ноте, находящейся с бемолем на 3-й линии нотной системы с ключом скрипичным;

5-й колокол 2 п. 2 ф. Звук его *си* (H) соответствует ноте, находящейся с отказом также на 3 линии нотной системы с ключом скрипичным;

6-й колокол 1 п. 29 ф. Звук его *до* (C) соответствует ноте, находящейся между 3-й и 4-й линиями нотной системы с ключом скрипичным;

7-й колокол 1 п. 30 ф. Звук его *до диезное* (Cis) соответствует ноте, находящейся с диезом также между 3-й и 4-й линиями нотной системы с ключом скрипичным;

8-й колокол 1 п. 7 ф. Звук его *ре* (D) соответствует ноте, находящейся на 4-й линии нотной системы с ключом скрипичным;

9-й колокол 38 ф. Звук его *ми бемольное* (Es) соответствует ноте, находящейся с бемолем между 4-й и 5-й линиями нотной системы с ключом скрипичным;

10-й колокол 1 п. Звук его *ми* (E) соответствует ноте, находящейся с отказом также между 4-й и 5-й линиями нотной системы с ключом скрипичным;

11-й колокол 28 ф. Звук его *фа* (F) соответствует ноте, находящейся на 5-й линии нотной системы с ключом скрипичным;

12-й колокол 21 ф. Звук его *соль* (G) соответствует ноте, находящейся выше 5-й линии нотной системы с ключом скрипичным;

13-й колокол 15 ф. Звук его *ля* (A) соответствует ноте, находящейся на первой добавочной сверху линии нотной системы с ключом скрипичным.

На десяти колоколах 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12 и 13-м, издающих звуки F–A–B–C–Cis–D–E–F–G–A, можно при звоне производить пять музыкальных аккордов:

а) мажорный аккорд тоники *F-dur* ($\overset{1}{F}-\overset{3}{A}-\overset{6}{C}-\overset{11}{F}-\overset{13}{A}$); в дни праздничные к этому аккорду надлежит присоединить звук *F* праздничного колокола;

б) мажорный аккорд субдоминанты *B-dur* ($\overset{4}{B}-\overset{8}{D}-\overset{11}{F}$); к этому аккорду может быть присоединяем еще звук *F* первого колокола;

в) мажорный аккорд доминанты *C-dur* ($\overset{6}{C}-\overset{10}{E}-\overset{12}{G}$); к аккорду этому может быть присоединяем еще звук *G* второго колокола;

г) соответствующий мажорному аккорду тоники минорный аккорд *D-moll* ($\overset{8}{D}-\overset{11}{F}-\overset{13}{A}$); к аккорду этому может быть присоединяем еще звук *A* третьего колокола, и

д) минорного аккорда *D-moll* доминантаккорд *A-dur* ($\overset{3}{A}-\overset{7}{Cis}-\overset{10}{E}-\overset{13}{A}$); в дни праздничные к этому аккорду надлежит присоединить звук *F* праздничного колокола;

На шести колоколах 3, 4, 6, 7, 9 и 11-м, издающих звуки *A-B-C-Cis* (или *des*) – *Es-F*, может быть исполняемо *трисвятое надгробное*; поемое по великом славословии: а) в Великую субботу и б) в дни выноса честного и животворящего Креста, как-то: 1-го августа, 14-го сентября и в 3-ью неделю Великого поста.

На двенадцати колоколах 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12 и 13-м, издающих звуки *F-G-A-B-H-C-Cis-D-E-F-G-A*, могут быть исполняемы мелодии двух гимнов: *Коль славен наш Господь в Сионе* и *Боже, царя храни*.

Долгом считаю и на этот раз, предварительно всяких распоряжений относительно поднятия перечисленных тринадцати колоколов на звонницу при Александро-Свирской села Ваулова церкви и надлежащего их там размещения, покорнейше испрашивал на сие благословения Вашего Высокопреосвященства, с тем, не соизволите ли Вы, Высокопреосвященнейший владыко, по учинении на настоящем моем прошении архипастырской резолюции прошение это мне возвратить для хранения одного в подлиннике при делах вауловских церквей, подобно тому, как это уже сделано с вышеупомянутым прошением моим от 11-го августа сего года.

III. В прошлом 1892 году содержанием храмов Божиих в селе Ваулове сенатором тайным советником Владимиром Павловичем Мордвиновым приобретены были, на собственное его иждивение, для состоящего в том селе зимнего теплого храма во имя преподобного Александра Свирского четырнадцать колоколов, отлитые по его же, г. Мордвинова, заказу.

На помещение всех сих колоколов на каменной звоннице, сооруженной при вышеназванном храме с разрешения епархиального начальства, приписанного в указе Ярославской духовной консистории нам, священно- и церковнослужителям, от 16 сентября 1889 г. за № 6816, и освященного 20 июля 1891 года, уже последовало архипастырское соизволение Вашего Высокопреосвященства, изъясненное в резолюциях, которые Вам угодно было собственноручно начертать 11 августа и 26 декабря 1892 года на поданных г. Мордвиновым по сему предмету на имя Ваше 11-го августа и 16-го декабря того же года прошениях. Оба эти прошения г. Мордвинова с резолюциями на оных Вашего Высокопреосвященства, быв возвращены от Вас ему, г. Мордвинову, хранятся ныне в подлинниках при делах вауловских церквей, и как с позднейшего из означенных прошений, именно с прошения от 16 декабря 1892 года, уже имеется при деле Духовной консистории о постройке в селе Ваулове церковной звонницы (дело 3 стола № $\frac{417}{1889 \text{ г.}}$) копия, снятая по распоряжению Вашего Высокопреосвященства, то в соответствие сему, для приобщения к тому же делу, при сем прилагается и список с первого из числа упомянутых прошений, именно с прошения от 11 августа 1892 года.

На благовестном колоколе, доставленном в село Ваулово 13 августа 1892 года, независимо от вырезанной на сем колоколе надписи, обозначающей вес его в 24 пуда 24 фунта, имеются еще следующие надписи: *первая*, отлитая одновременно с отливкою самого колокола: «Лит в заводе торгового дома потомственного почетного гражданина П.И. Оловянишникова сыновей в Ярославле»; *вторая*, выгравированная: «Лета тысяча восемьсот девяносто второго отлит сей колокол для безприходной во имя преподобного Александра Свирского церкви села Ваулова Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии, при священно- и церковнослужителях названного села иерее Павле Иоаннове Зефирове и чтеце Алексее Михайлове Эдомском. Настроен же означенный колокол в музыкальный звук *фа* известным своею опытностию в области музыкальной акустики и трудами своими по устройству гармонического звона церковных колоколов, уроженцем того же уезда протоиереем церкви во имя святителя Стефана епископа Пермского, что при Первой московской мужской гимназии Аристархом Александровичем Израилевым»; *третья*, также гравированная: «Того же лета отлиты для той же Александрово-Свирской села Ваулова церкви прочие постепенно уменьшающиеся тринадцать колоколов, настроенные тем же протоиереем Израилевым в следующие музыкальные звуки: *фа, соль, ля, си бемольное, си, до, до диезное, ре, ми бемольное, ми, фа, соль,*

ля. На сих последних колоколах могут быть исполняемы, независимо от музыкальных аккордов, мелодии некоторых церковных песнопений, а также двух гимнов *Коль славен наш Господь в Сионе* и *Боже, царя храни*.

Помещение благовестного колокола на звоннице при Александро-Свирской села Ваулова церкви и освящение сего колокола совершены были пятнадцатого августа тысяча восемьсот девяносто второго года, в день храмового в названном селе праздника Успения Пресвятой Богородицы. В названный день литургию, точно так же, как и накануне онго вечером всенощное бдение, с чтением на сем последнем акафиста Успению Божией Матери, отправлял ризничий первоклассного ярославского Толгского монастыря иеромонах Нектарий (ныне казначей ярославского Спасского монастыря) в сослужении со священниками Романово-Борисоглебского уезда, бывшим приходским села Богоявленского на Острове, ныне заштатным, Федором Барсовым, приходским села Никольского на реке Эдоме Николаем Овсецовским и местным села Ваулова Павлом Зефириным и диаконом ярославской градской во имя Владимирской Божией Матери церкви Федором Соловьевым, при чем клировое чтение и пение исполняли псаломщики помянутого села Никольского на р. Эдоме Феодор Левиков (состоящий в сане диакона), Михаил Лебедев и Николай Троицкий и местный села Ваулова Алексей Эдомский. По окончании литургии и бывшего по оной праздничного молебна последовал из Успенской церкви к Александро-Свирскому храму крестный ход. Пред дверьми сего храма отслужен был установленным в требнике порядком чин благословения кампана, при чем колокол, стоявший дотоле на особых подмостках, вслед за его окроплением и по совершении над ним по чиноположению каждения, поднят был на уготованное для него на звоннице место бывшими при настоящем церковном торжестве богомольцами из народа под ближайшим руководством прибывшего нарочито для сего в село Ваулово из Ярославля служащего на колокольном заводе Оловянишниковых мастера Петра Давыдова Маурина. По отпуске, на коем провозглашены были многолетия: 1) Государю императору и всему царствующему Дому, 2) святейшему правительствующему всероссийскому Синоду и святейшим патриархам православным Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому, 3) Его высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Ионафану архиепископу Ярославскому и Ростовскому со всею его богохранимою паствою и 4) благоверному правительствующему синклиту, военачальником, градоначальником, всему христолюбивому воинству и всем право-

славным христианом, пет был молебен преподобному Александру Свирскому, и за сим, согласно существующему в селе Ваулове обычаю ежегодного празднования настоящего храмового праздника, крестный ход продолжал шествие свое вокруг всего означенного села, с пением на пути следования четырех молебнов: а) св. Николаю Чудотворцу, б) иконе Божией Матери, именуемой Грузинскою, в) Спасителю и г) Успению Пресвятой Богородицы. При совершении во время всего крестного хода прописанных богослужений обязанности вторствующего диакона исполнял вышеназванный состоящий на должности псаломщика диакон Левиков.

Что же касается тринадцати колоколов, долженствующих служить как для церковных гармонических звонов, так и для исполнения на них церковных песнопений и гимнов, то колокола эти подняты были на ту же звонницу при Александро-Свирской церкви в девятнадцатый день сего июля вечером, под личным наблюдением и руководством: во-первых, протоиерея Израилева, трудами коего приведены в гармонический звон как означенные тринадцать колоколов, так и вышеупомянутый благовестный, и, во-вторых, находившегося в сей день в Ваулове, для проверки правильности производящихся работ по постройке в сем селе церковной ризницы, архитектора Николая Никитича Никонова, при чем по надлежащем размещении означенных колоколов, окончившемся уже после заката солнца, протоиереем Израилевым исполнена была на упомянутых колоколах (посредством ударов в оные деревянным молотком) мелодия гимна *Коль славен наш Господь в Сионе*, а вслед за сим, на открытом дворе пред дверьми Александро-Свирского храма, отправлен был вауловским церковным причтом молебен преподобному Александру Свирскому. В двадцатый же день текущего месяца, на память святого славного пророка Илии, в том же Александро-Свирском храме совершены были божественная литургия в обычное время, а пред началом оной молебное пение пророку Божию Илии. По окончании литургии последовали крестный ход вокруг церковной звонницы и за оным освящение поднятых на оную накануне тринадцати колоколов по указанному в требнике чину благословения кампана. В сей день в богослужении вместе с вауловским церковным причтом принимали участие: на молебном пении и литургии местный духовник, бывший приходский села Богословского, что на погосте, Романово-Борисоглебского уезда, а ныне заштатный священник Феодор Миров, а во время крестного хода и освящения колоколов как тот же священник Миров, так и упомянутый выше протоиерей Израилев, которым, непосредственно по окончании богослужения, собственноручно произведены первые трезвоны в

сооруженные под его наблюдением и руководством колокола и исполнены на сих последних (посредством ударов в оные деревянным молотком) мелодии двух гимнов: *Коль славен наш Господь в Сионе и Боже, царя храни*.

Доводя о всем изложенном до сведения Вашего Высокопреосвященства и представляя при сем экземпляре отпечатанных в С.-Петербурге в типо-литографии В.А.Вацлика в 1893 году нот, по которым на имеющихся при Александро-Свирской села Ваулове церкви колоколах могут быть исполняемы музыкально настроенные протоиереем Израилевым пять различных гармонических звуков, а равно мелодии как церковных песнопений *Со святыми упокой, Вечная память* и *Трисвятого погребального*, так и гимнов *Коль славен наш Господь в Сионе* и *Боже, царя храни*, обязанностью представляем себе доложить:

1) что непосредственное наблюдение за правильностию отпечатания означенных нот принимал на себя, по старому своему с В.П.Мордвиновым и протоиереем Израилевым знакомству, управляющий придворною певческою капеллою Милий Алексеевич Балакирев;

2) что одновременно с размещением на звоннице при Александро-Свирской села Ваулова церкви новосооруженных тринадцати колоколов прежние, висевшие дотоле на этой звоннице и значащиеся по церковной описи 1857 года колокола, числом пять, весом в 10 п. $\frac{3}{4}$ ф., 2 п. $\frac{1}{2}$ ф., в 1 п. 4 ф., в 22 ф. и в 9 ф., помещены того же 19-го июля на деревянных при той же Александро-Свирской церкви столпах, до времени, когда представится случай и возможность обратить оные на какое-либо приличное употребление, и

3) что протоиерей Израилев счел необходимым воспользоваться трехдневным пребыванием своим в Ваулове для преподавания лично из нас псаломщику Эдомскому практических наставлений относительно исполнения на вновь сооруженных колоколах гармонических звуков.

*Священник села Ваулова Павел Зефиров.
Того же села псаломщик Эдомский»²⁹⁰.*

[Карильоны и куранты]

[...] Попытки настраивать колокола разных величин по диатонической или хроматической гамме встречались и в прежние времена. Такой набор настроенных колоколов называется *курантом* по немецки *Glockenspiel*, по французски *Carillon*, раньше *quadrillon*, про-

исходит от *quadrillonner*, что первоначально означало *четыре* колокола, гармонически настроенных между собой»¹⁾.

Слово «*carillon*» раньше «*quadrillon*» происходит от *quadrillonner*, что первоначально означало четыре колокола, настроенные в один гармонический аккорд. *Quadrillonner* перешло в *carillonner*. В фламандском наречии существует соответствующее слово *beiar-den*; последнее происходит от слова *beieren*, происходящее в свою очередь от старого фламандского слова «*beren*», которое обозначало – *дать звук*.

Первые куранты были самого примитивного типа. Обыкновенно в колокола ударяли маленькими деревянными молоточками.

Название «*clipotiaux*» эти маленькие молоточки были в употреблении продолжительное время. Они упоминаются еще в 1499 г. в отчетах города *Ath*. Этот способ издавать колокольный звук посредством молота и языка не был музыкальным, так как, с одной стороны, служащий, нанятый для этой цели, был обыкновенно помощник понамаря (*ondercoxter*), человек без музыкальной подготовки, да и сами колокола не были гармонично настроены. В отчетах города *Malines* в 1430–31 годах говорится, что понамари всех приходских церквей города получали награды за трезвость по случаю рождения царственного лица. Но такие понамари были большой редкостью.

Впоследствии, для достижения более музыкального исполнения на колоколах, был приспособлен особый аппарат, нечто в роде клавира, употребляемого для клавесина; но прежде, чем достичь этого, следовало пройти чрез различные фазы совершенства. Набор колоколов обязан своим происхождением механическим часам, помещенным в башнях для извещения жителям города времени суток. Первоначально часовой механизм ограничивался обозначением часов рядом ударов в колокол, по образцу наших домашних часов. Но первые удары ускользали от внимания и во избежание этого неудобства усовершенствовали механизм, прибавивши цилиндр или барабан, который приводил в движение 3 или 4 маленьких молоточка, которые в свою очередь ударяли в такое же количество колокольчиков. Последовательный и повторяемый звон этих колокольчиков предупреждал жителей о бое часов. Этот звон колокольчиков назывался в фламандском наречии «*Voorslag*», т. е. сигнал, предвещающий первый удар часов.

¹⁾ *Doorslaer G. van*. Le Carillon son origine et son développement // *Annales de 22 e congrés Fédération archéologique et historique de Belgique*. – *Malines*, 1911. – Т. 2. – La page 1.

Примитивная форма «voorslag» долго не изменялась. Прибавление клавиатуры представляло позже новый и важный этап в развитии игр колоколов, превращая их в инструмент, доступный для артистической руки. Последний этап перешли немного позже с прибавлением рычага, необходимого, благодаря постоянного увеличения числа колоколов и следовательно веса последних. В Andenarde открывается новый период для набора колоколов. Vanderstraeten дает заметку, которая показывает, что в этом городе клавиши были употреблены в 1510 году. В других городах этот механизм был употреблен гораздо позднее, — по всей вероятности, благодаря большому количеству существующих колоколов, требовавших более сложного механизма. В 1541 году набор колоколов был установлен в соборе Богоматери в Антверпене и был назначен особый звонарь. Появление в наборе колоколов более массивных и тяжелых потребовало нового механизма для того, чтобы привести их в движение.

Принимая во внимание тяжесть их языков, требовались более могучие силы, нежели человеческая рука, — тогда изобрели рычаг. Этот рычаг был испробован при наборе в Malines в 1583 году. По всей вероятности, он был приложен в ту же эпоху в других местах. С тех пор набор колоколов не подвергался развитию. Совершенство заключалось только в механизме и числе колоколов¹⁾.

Отчеты города Malines, начинающиеся от 1311 года, упоминают про башенные часы St. Kambourt, существовавшие в половине XIV века. В конце этого века, часовой механизм приводил в движение манекен, руки которого, снабженные молоточками, ударяли по колоколу, предназначенному для боя часов.

Но в этих отчетах еще не упоминается о маленьких колокольчиках, служащих для «voorslag». Предполагается, что единственный «voorslag» начал действовать в Malines в 1441 году. Отчеты года 1440–41 действительно говорят о новых колоколах, отлитых в продолжение этого года. Многочисленные и значительные работы, произведенные в древней башне St. Kambourt относятся только к часовому колоколу, и мы не находим никакой заметки, касающейся другого рода колоколов. Мы не можем заключить, что колокола, вылитые в то время, были предназначены для боя часов и представляли примитивный «voorslag». Окончив эти работы, назначили в 1441 году часовщика с определенным жалованьем, обязанного присматривать за часовыми колоколами в башне St. Kambourt, и за ходом часов городской думы. Упоминание об этой службе часовщика встречается с тех пор аккуратно каждый год в счетовых книгах.

Эпоха, когда приняли начало эти маленькие концерты колокольного звона, точно не установлена. По распространенному повсюду преданию, первый музыкальный «voorslag» был изобретен в 1487 г. часовщиком из Alost; это утверждение чисто легендарное и ни на чем серьезном не основано.

Достоверно известно, что в 1537 г. Medard Waghevens, литейщик колоколов в Malines, снабдил семью колоколами «voorslag» в Alost. Фландрская хроника показывает, что в 1478 году на востоке Фландрии в городе Dunkerque был услышан первый набор колоколов, который к большому удовольствию и к удивлению всех воспроизводил музыкальные аккорды. Искусный изобретатель и мастер этого инструмента был молодой человек Jan Van Bevereen.

Buchius в хронике, названной Chronicon Windesemense, законченной в 1464 году, говорит, что в 1404 году Henri Loeder, будучи послушником в одном из монастырей, составил набор колоколов, который посредством цилиндра и молоточков воспроизводил гармоничные аккорды для пробуждения братьев¹⁾.

Куранты помещались обыкновенно на колокольных и находились в связи с механизмом башенных часов или клавиатуры для игры.

Куранты особенно распространены в Голландии и Нидерландах. В настоящее время своими курантами славится Страсбург. В Венеции на так называемой *часовой башне* (Morre dell' Orologio) находятся любопытные часы, изображающие двух бронзовых вулканов, выбивающих на колоколе количество часов. При Петре Великом куранты появились и в России и были помещены на колокольне Исаакиевского собора (1710 г.) и на Петропавловской крепости (1721 г.), где находятся и доныне.

За наблюдением башенных часов обыкновенно назначаются специальные часовники.

В расходной книге московской Оружейной палаты читали: «часовнику, который при школах у боевых часов одному человеку двадцать три рубля, три алтына».

Куранты имеются также и на Андреевском соборе в Крондштадте, а на ростовской соборной колокольне существуют уже с XVII в., со времени митрополита Ионы III Сысоевича.

Над церковью Покрова города Александра устроены те часы, которые в монастыре слынут русскими и которые, начиная счет времени от заката солнечного, обличают италийское происхождение.

¹⁾ *Doorslaer G.van.* Le Carillons et les Carillonneurs à Malines. – Malines, 1896. La page 13–17.

При этих часах живет старушка, которая ежедневно заводит их, сверяет с солнцем и заведывает их механикой, которая, судя по наружности ее и устройству, должна быть примитивная.

Надобно слышать, с каким заботливым участием говорит старушка о своих часах. Посредством двух деревянных дощечек она как-то устроила правильное движение маятника, который было испортился. Вся жизнь ее в этих часах. Впрочем, для монастыря они чрезвычайно важны, потому что все занятия монастырской общины распределены по ним.

Когда эти часы сделаны или откуда привезены – неизвестно. Если они устроены уже по основании монастыря, то в эти времена у нас были свои русские часовщики. Из юридических актов мы знаем, что Петр Кузьмин Печонкин, тихвинец, посадский человек, в 1655 году взялся для одного девичьего монастыря своими работными людьми собрать казенные часы боевые, поставить их на колокольне наготово, *как им бить на четверо часы по четвертем, безмятежно*, указать их монастырскому человеку и вывести круг указной, по чем их водить и знать, и впредь шесть месяцев починивать их *безволокидно*, а все это за *полпята рубли*¹⁾.

В Киеве в четвертом этаже Лаврской киевской колокольни находятся боевые часы; четверти бьют 8 небольших колоколов в полной и довольно правильной октаве по диатонической шкале (*Scala diatonica*), но не по хроматической шкале, что не в натуре колокольных инструментов, и как то по ошибке было указано в первом издании «Описания Киева» Закревского¹¹⁾.

Колокольня Братского монастыря в Киеве в три этажа; в ней помещены с 1828 г. боевые часы¹¹¹⁾.

На колокольне Соловецкого монастыря также находились куранты, о которых в монастырской описи (1676 г.) сказано: «Часы боевые с перечаем железные и с кругом указным, а у них четыре колокола перечаемых небольших немецкого же литья»¹¹²⁾.

По свидетельству летописца, в 1476 г.: «Владыка Феофил приеха во Псков дек. 24 и часы повеле своим мастером самозвонные поставити на Святогорском дворе, а тыя часы сам же владыка со своим боярином Автономом присла в дом Живоначальныя Троицы...».

¹⁾ Шевырев С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С.Шевырева в 1847 г. – Ч. 1–2. – М., 1850. – С. 42–43.

¹¹⁾ Закревский Н.В. Описание Киева. – Т. 2. – М., 1868. – С. 689.

¹¹¹⁾ Там же. С. 177.

¹¹²⁾ Белокуров С.А. Материалы для русской истории. – М., 1888. – С. 1–80. – Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 год).

В 1404 году были сделаны первые боевые часы в Москве монахом Афонской горы Лазарем, по происхождению сербом¹⁾. Они были поставлены на башне великокняжеского дворца, за церковью Благовещенья, и стоили 150 рублей или около 30 фунтов серебра. Народ дивился, глядя на них, как на чудо. При часах была сделана механическая фигура человека, ударявшего молотом в колокол при окончании каждого часа. В Троицкой летописи говорится об этих часах в следующих выражениях: «Сей же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и рассчитая часы ночные и дневные; не бо человек ударяше, но человековидно самозвонно и самодвижно, страннолепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищрено»¹¹⁾.

В XV же веке один из членов русской миссии в Италии на Флорентийском соборе, инок Симеон Суздальский, видел такие же часы и описывает их следующим образом: «В том же граде Ферраре на Папине дворе возведен бысть столп каменн, высок и велик, над торгом, и на том столпе устроены часы, колокол велик, и коли ударить – на весь град слышати. И у того столпа отведено крыльцо и двои двери; и коли приспееет час ударити в колокол, и выдет из столпа на крыльцо Ангел, просте видети, яко жив, и потрубит в трубу, и выходит другими дверями в столп; а людям, всем видящим, слышати мочно глас его; и потом в тот колокол великий восходящее Ангел на всяк час ударяше»²⁹¹.

В первой половине того же XV века Новгородский епископ Евфимий поставил у себя на дворе каменную с тридцатью дверями палату, украшенную живописью и боевыми часами¹¹¹⁾.

Интересен ответ Ивана Грозного датскому королю Христиану III, приславшему ему в подарок в 1550 г. самозвонные часы. Но царь Иван Васильевич не принял их, отзываясь тем, что «нет надобности в часах Христианскому царю, верующему в единого Бога и не занимающемуся планетами и знаками зодиака»²⁹².

Неизвестно, чем был вызван такой ответ, так как в то время на великокняжеском дворе были уже поставлены такие самозвонные часы.

У царя Феодора Иоанновича были часы *боевые золочены, немецкого дела, походные на слонах*; они стояли на окне. Император немецкий в 1597 году подарил Феодору Иоанновичу «часы с перечаем (т. е. с репетицией), с людьми и с трубы и с накры (т. е. с бубнами) и

¹⁾ Карамзин Н.М. История государства Российского. – 2-е изд. – Т. V. – СПб., 1819. – С. 238–239.

¹¹⁾ Плечко А.М. Москва: Исторический очерк. – М., 1883. – С. 39.

¹¹¹⁾ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 401.

с варганы (с органом) и как перечасье и часы забьют, в те поры в трубы и в накры и в варганы заиграют люди, как живые, – и другие часы с перечасьем и как забьют, и те часы запоют разными голосы». Борису Годунову были также посланы от него часы, «стоячие боевые с знаменiem небесным»¹⁾.

[Куранты в Московском Кремле]

В Москве куранты помещаются на Спасских воротах, которые в нынешнем своем виде остаются со времени Петра Великого²⁹³; этот Государь выписал из Голландии боевые часы и велел поставить их в башне над воротами. Всех колоколов в башне тридцать шесть, из них девять бьют четверти, а девять – часы; по надписи на последнем, в нем весу 135 пудов 32 фунта, остальные 26 колоколов без действия. На больших колоколах имеются надписи и на некоторых изображения св. Богоматери и св. Троицы¹¹⁾.

Фроловские (Спасские) ворота были построены в 1491 году итальянским архитектором Петром Антонио²⁹⁴ в том виде, как обыкновенно строились городские ворота, без высокой башни, которая существует теперь.

Они представляли стенообразную постройку на четыре угла, с шатровою кровлею, на верху которой стояла небольшая башенка с маленькою главою, увенчанной большим двуглавым орлом. В середине башни, под главою, висел колокол, по всему вероятно, для часового боя, так как и в то время или, по крайней мере, в XVI столетии над воротами существовали часы.

На это указывает то обстоятельство, что в 1585 году при трех воротах Кремля – Спасских, Тайницких и Троицких, – находились на службе *часовники*.

В 1613–1614 годах упоминаются часовники, кроме указанных трех ворот, еще у Никольских. Они получали годового жалованья по четыре рубля и по две гривны на мясо и соль и, кроме того, по четыре аршина сукна настрафилю.

В 1614 году о часах на Никольских воротах упоминается в последний раз. Вероятно в этом году они были разобраны. Потом в 1674 году были разобраны и Тайницкие часы, после чего Кремль оставался только с двумя башенными надворотными часами: Спасскими и Троицкими.

У Фроловских ворот в 1614 году был часовник Никифорка Никитин. Часы эти, вероятно, были не особенно сложного устройства,

¹⁾ Вологодские губернские ведомости. – 1851. – С. 233.

¹¹⁾ Пыляев М.И. Старая Москва. – СПб., 1891. – С. 407.

русские, как их называли в то время, разделяемые на *дневные* – от восхода солнца, и *ночные* – от его заката.

Спустя десять лет царь Михаил Феодорович пожелал устроить на воротах часы более сложной конструкции, несомненно по проекту, появившегося тогда (с 1621 года) в Москве искусного мастера, англичанина Христофера Головея, который для устройства новых часов предложил надстроить над воротами высокую башню, как это и было исполнено в 1624–1625 годах.

В сентябре 1624 года старые боевые часы были проданы на вес Спасскому ярославскому монастырю за 48 рублей; весу в них было шестьдесят пудов железа.

В том же году колокольный мастер Кирила Самойлов слил на Фроловские ворота к часам тринадцать колоколов.

Когда была окончена постройка и часы стали указывать время и производить игру колоколами, государь очень щедро наградил строителя. 29 января 1626 года он получил государево и отца государева, патриарха Филарета Никитича, жалованье: серебряный кубок, десять аршин атласу алого, десять аршин камки лазоревой, пять аршин тафты виницейки-червчатой, четыре аршина сукна красно-малинового, сорок соболей – 41 рубль, сорок куниц – 12 рублей; всего почти на сто рублей. «А пожаловал государь его за то, что он сделал в Кремле городе на Фроловских воротах башню и часы».

В мае месяце того же года случился лютый пожар в Кремле, куда огонь перенесся от храма Василия Блаженного на Вознесенский монастырь и далее на Чудов и по всему Кремлю.

Новая башня вместе с часами погорела так, что надо было все устраивать вновь. Опять англичанин Галовой принялся за работы, которые окончились уже в 1628 году, когда 16 августа опять ему выдана награда, почти равная первой. Вместе с ним была выдана награда поменьше и *наряднику* Вилиму Граеру за то, что он был у башенного и у часового дела до московского пожара и после пожара.

Христофер Галовой, или как его тогда называли *Аловей*, *Ханове*, выехал в Москву на службу в 1621 году на жалованье по договору в год 60 рублей, кормовых по двадцати копеек в день, да на неделю по возу дров. В 1640 году он уже получал 75 рублей в год и удвоенные кормовые. Он состоял часовником Фроловской башни и придворным часовщиком, почему всякий корм и питье получал из дворца.

В 1428 году²⁹⁵ он «починивал во дворец часы большие – Цесарская башня, и часики невелики воротные (носимые на вороту, ныне карманные) в серебре».

В 1654 году, 5 октября, в четвертом часу ночи, начался пожар на Фроловской башне; что было деревянного – все выгорело, и часы

испортило, и часовой колокол упал, проломил своды в башне и разбился.

Потушить пожар было невозможно, потому что лестницы к часам были деревянные и вскоре погорели. Часовник на допросе сказал, что заводил часы без огня и отчего на башне загорелось, он про то не ведает.

Об этом пожаре, с большим сожалением, рассказывает упомянутый выше Павел Алеппский. Он говорит, что вернувшийся с литовского похода царь Алексей Михайлович, дойдя до Спасских ворот и увидев обгорелую их башню с часами, *горько заплакал*.

«Над воротами, — говорит Павел Алеппский, — возвышается громадная башня, высоко возведенная на прочных основаниях, где находились чудесные городские железные часы, знаменитые во всем свете по своей красоте и устройству, и по громкому звону своего большого колокола, который слышен был не только во всем городе, *но и в окрестных деревнях более чем на десять верст*.

На праздник нынешнего Рождества¹⁾, по зависти диавола, загорелись деревянные брусья, что внутри часов, и вся башня была охвачена пламенем, вместе с часами, колоколами и всеми их принадлежностями, которые при падении разрушили своей тяжестью два свода из кирпича и камня, и эта удивительная, редкостная вещь, восстановление которой в прежний вид потребовало бы расхода более чем на 25.000 динаров (рублей) на одних рабочих, была испорчена. И когда взоры царя упали издали на эту прекрасную, сгоревшую башню, коей украшения и флюгера были обезображены и разнообразные, искусно высеченные из камня статуи обрушились, он пролил обильные слезы»²⁹⁶.

Конечно, архидиакон Павел все это описывает наполовину по рассказам москвичей, почему часы явились знаменитыми во всем свете. Но любопытно, что в числе украшающих и доньине Спасскую башню разных фигур и балясин находились, как упомянул архидиакон, и искусно высеченные из камня статуи, о которых упоминают и домашние свидетельства.

В 1624 году, 6 октября, по указу царя Михаила Феодоровича, сделано было на четыре болвана *однорядки* (верхняя одежда) суконные, сукна пошло *англинского* разного цвету двенадцать аршин; а быть тем болванам, сказано в записи, на Фроловских воротах. Таким образом, эти болваны были поставлены, вероятно, по четырем углам ворот еще во время первоначального устройства башни

¹⁾ Архидиакон Павел пишет ошибочно. Как было упомянуто, пожар случился пятого октября.

по замыслу Галовея. Однако, по русскому обычаю, их одели в суконные кафтаны, вероятно с мыслью скрыть их статуynную, идольскую наружность и дать им вид живых людей¹⁾.

Что касается внутреннего устройства часов, то по этому предмету сохранились отрывочные указания только о часах, существовавших до постройки башни. Приведем несколько таких указаний.

В 1613 году фроловский часовник делал к часам железный запор. В 1614 году фроловские часы возобновлялись и приводились в новый порядок, при чем часовник Никитин делал у часов *шестерню да подъем перечасный*, а плотники сделали на воротах лестницы и крыльца и у часовника крыльцо восточное с дверью, а у часов у бою клали брусье новое и куплены скобы, чем прибить к бросу боевую пружину.

Бывший в Москве в 1661 году посол австрийского императора, барон Мейерберг, оставил нам даже изображение Фроловских часов, по которому видно, что вверху круглого циферблата было изображено солнце с лучами, неподвижное, при чем нижний его луч в виде стрелы, служил указателем цифр, расположенных по ободу циферблата, имевшему вращательное движение, подвигая по порядку изображенные на нем цифры к неподвижной стрелке, т. е. к неподвижному лучу солнца.

Таким образом, на этих часах ходила не стрелка, а ходил мимо стрелки обод циферблата с указанными вызолоченными цифрами, славянскими, каждая мерою в аршин.

Этот ходовой указательный круг-колесо в диаметре имел семь с четвертью аршин, кругом колеса — десять с половиной сажен. Середина циферблата была покрыта лазоревой краской и испещрена золотыми и серебряными звездами, с изображениями солнца и луны, что, конечно, представляло небесное пространство.

Таковы ли были и сгоревшие часы Галовея — неизвестно. После пожара в 1654 году часы, конечно, были возобновлены. Потом в 1668 году их снова возобновляли, вываривали от ржавчины в щелоку и починивали.

Так эти старозаветные часы дожили до XVIII столетия, когда в первом же году столетия, 1701-м, во время нового лютого пожара в Кремле, они, по всему вероятно, погорели вместе с другими зданиями.

С этого времени Петр Великий задумал устроить часы на Спасской башне «против (по подобию) немецкого обыкновения на две-

¹⁾ Забелин И.Е. История города Москвы. 2-е изд. — Ч. 1. — М.: изд. автора, 1905. — С. 189.

надцать часов», притом с *колокольною игрою с танцами*, против манера, каковы в Амстердаме. Там и были заказаны такие часы.

В 1702 году государь повелел в Голландии купцам Христофору Бранту и Ивану Любау сделать *три колокольные часовые игры*. В 1704 году они изготовили только две игры и подали счет, что те колокола и танцевальные часы стали им с издержками в 42,474 ефимка слишком.

В 1703 году часовник Григорий Алексеев доносил о старых часах, что на Спасской башне у боевых часов, у указного круга верхние шестерни испортились обе и тот указный круг не ходит.

В 1704 году заказанные Петром Великим часы прибыли из Архангельска в Немецкую слободу на двор генерала Лефорта, а потом оттуда перевезены на тридцати подводах на *Посольский двор* на (Ильинке) и поступили в заведывание Оружейной палаты. Ставил их на место и собирал в течение 1705–1709 годов иноземец Яким Гарнов, Гарнель (*Garnault*). В 1709 году он доносил, что «его радением часы приходят к окончанию». Однако есть свидетельство, что 9 декабря 1706 года, «по утру пробило 9 часов, а в 12 заиграла музыка: почали часы бить по-немецки и указанные круги на 12 часов»²⁹⁷.

[Князь А.Д.] Меншиков также устроил себе часы с курантами на церкву Гаврила Архангела (Меншикова башня), о которых упоминается в 1708 году. Упомянутая выше *третья игра* была доставлена купцами в Ингермонландскую канцелярию, т. е. прямо к Меншикову.

Как играли Спасские часы, об этом рукописных сведений не имеется. После Петра год от году они ветшали без починки, и в 1732 году заставили находившегося при них часовника Гаврилу Паникадильщикова донести по начальству о необходимости произвести починку обветшавших часов.

За перепискою между Оружейной палатой и Губернской канцелярией ответа не последовало. Часовщик в 1734 году 2 января подал новое доношение, в котором писал что: «часы за непочинкою пришли в пущую ветхость и все другие часы ветхостью превосходят» и представил список материалов, потребных на починку, в том числе стали 11 пудов, железа 24 пуда, проволоки 20 фунтов, канату посконного 100 сажень, два круга деревянных указных, жестяных золоченых слов: латинских – три, русских – два, получасовых – три, звезд жестяных белых – 12, три гири бомбовы по 10 пудов и пр.

Между тем, в конце февраля того же 1734 года из Петербурга был прислан к управлению на Троицкой башне *колокольною музыкою колокольный игральный обер-мастер* Яган-Христофор Ферстер.

Он нашел на башне двадцать шесть игральных колоколов, к которым в прибавок должен был прибрать еще восемь колоколов басо-

вых. Вместе с тем он доносил, что «оная Троицкая башня, по его усмотрению, находится в тесном месте, в стенах и в глуши, и музыка с оной башни будет не слышна, а надлежит де оной колокольной музыке быть на Спасской башне, понеже де оная стала на всей красоте и вельми та колокольная музыка и играение во дворце и в Москве будет слышна»²⁹⁸.

На это предложение Сенат решил, что ежели о бытии оной колокольной музыки на Троицкой башне особого именного Ее величества указу нет, то оную музыку поставить на Спасской башне.

Но именной указ нашелся в Губернской канцелярии, где в протоколе было записано 1 января 1731 года, что «граф Семен Андреевич Салтыков приказал именным Ея величества указом с церкви Архангела Гавриила, что на Чистом пруде (Меншикова башня), часовые колокола сняв поставить на Троицкой башне, как надлежит, и к ним приделать инструмент, чтобы играли»²⁹⁹.

На основании этого указа Сенат в августе 1734 года приказал упомянутой колокольной музыке быть по прежнему на Троицкой башне, где и должен был работать обер-мастер Ферстер.

Восемь колоколов, согласных голосами, он прибирал в Артиллерии на Пушечном дворе из хранившихся там шестисот колоколов, собранных в прежние годы по указам Петра Великого от церквей¹⁾.

Спасские часы, вероятно, были починены, но в большой пожар в 1737 году часы на обеих башнях погорели и были приведены в порядок в том же году.

Из приведенных свидетельств видно, что на Спасской башне в это время колокольной игры уже не существовало. На Троицкой башне она продержалась до конца XVIII столетия и, рассказывают, что колокольной музыкант разыгрывал руками и ногами даже «Святый Боже» при погребении первых вельмож, например, начальника Москвы графа З.Г.Чернышева в 1784 году и других, бранные останки которых были проносимы в Троицкие ворота¹¹⁾.

Однако в течение времени и Спасская башня получила такие же куранты. В 1763 году в помещениях под Грановитой палатой происходила разборка архивных дел бывших Преображенского и Семёновского приказов, при чем были найдены «большие английские курантовые часы», быть может, некогда снятые со Спасской башни.

По именному указу императрицы Екатерины Великой в 1767 году эти часы велено было поставить на Спасской башне, для чего был

¹⁾ Архив Мин[истерства] Юстиции, дела Сенатской канторы. № 7712.

¹¹⁾ Гастев М.С. Статистическое описание Москвы. – М., 1841. – Ч. 1. – С. 57.

приглашен часовой мастер Фаций, запросивший за эту работу 14556 р[ублей]. Сумма по расходу была утверждена, а заведывание делом поручено вице-президенту Мануфактур-коллегии, Сукину.

Под его наблюдением установка часов продолжалась три года. В конце 1770 года Сукин донес Сенату, что установка часов мастером Фацием совсем окончена. Сенат приказал освидетельствовать работу, в какой исправности часы, в ходу и прочны ли будут на предбудущие времена, для чего собраны были часовые мастера, записные цеховые и вольные¹⁾.

Между зимним и летним Соборами гор. Углича возвышается осьмиугольная колокольня; она стоит отдельно и на ней устроены огромные боевые часы, которые бьют часы, четверти и минуты¹¹⁾.

[Куранты Петропавловской крепости]

В 1720 году выписаны были для колокольни собора во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла, в С.-Петербургской крепости, из Голландии часы с курантами. Об этих часах Рубан пишет так: «на сих часах колоколов часовых больших и малых 35; у всякого колокола по два молотка и по одному языку; молотами играют часовые куранты, а языками играют полуденные куранты, произведением рук действий человеческих»¹¹¹⁾.

В 1756 году 30 апреля в час по полуночи, молния ударила в колокольню собора Петропавловской крепости в Петербурге; действия удара сначала никто не заметил, но чрез два часа весь шпиг обхвачен пламенем. Пламя, сверху распространяясь вниз с необыкновенною силою, не только истребило все, что было деревянного на колокольне, но и самые колокола растопило.

Драгоценные часы с курантами в это время сгорели. Как ни значительно было повреждение собора, причиненное этим пожаром, и как ни трудно было исправление его, при тогдашнем недостатке в искусных мастерах, впрочем, по повелению государыни императрицы Елизаветы Петровны, через четырнадцать месяцев собор внутри совершенно обновлен.

Не так легко было заменить потерю часов, которая более всего огорчала правительство. Императрица Елизавета Петровна пове-

¹⁾ Забелин И.Е. История города Москвы. Ч. I. – М., 1905. – С. 186–193.

¹¹⁾ Киссель, Федор. История города Углича. – Ярославль, 1884. – С. 383.

¹¹¹⁾ Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 1. – СПб., 1869. – С. 61.

лела Канцелярии о строении придворных домов и садов озаботиться об устройстве в наискорейшем времени, взамен утраченных, новых подобных же часов с курантами.

Устроить эти часы, кроме колоколов, изъявлял желание мастер Друнк Миллер, наблюдавший за правильностью хода и музыкальной игрою прежних сгоревших часов; он предполагал их сделать на сестрорецких или тульских железных заводах, и для этого просил из российских искусных мастеров и подмастерьев по двенадцати человек и до пятидесяти искусных кузнецов. На содержание рабочих Миллер требовал 30.000 рублей, награду же за свои труды предоставлял вниманию и воле правительства. Однако Миллер давал такое обязательство только словесно, письменно же дать его не соглашался, и при том никакого ручательства за успех своего дела не представлял. В виду этого Правительствующим Сенатом ему было отказано, и тогда же решено было заказать часы в Голландии.

Председатель Канцелярии о строении, граф Фермор, письмом от 11 мая 1756 года просил чрезвычайного нашего посланника графа Головкина или приискать готовые часы для перемещения их в Петропавловскую крепость, или, если таких не найдется, заказать их вновь лучшим и искуснейшим мастерам.

На сделанное в газетах объявление графа Головкина вызвались устроить часы: 1) мастер Фришгоф в компании с литейным и пушечным мастером Фербригеном, за 86.500 гульденов, полагая 55.000 за часы и 31.500 гульденов за колокола с молотами и языками, и 2) часовой же мастер Оорт Красс за 80.084 гульдена и 12 стиверов или нашу монету за 32.033 рубля и 84 копейки.

Оорт Красс пользовался в то время большою известностью за устройство в 1750 году знаменитых перпендикулярных часов для курфюрста в Кельне, при том за успех своего дела он представлял ручательство известнейших капиталистов в Гааге, и цена, им объявленная, была менее назначенной мастерами Фришгофом и Фербригеном: поэтому Правительствующий Сенат и поручил ему устройство часов, повелев графу Головкину заключить с ним контракт на условиях, которые предварительно были представлены Оортом Крассом в Правительствующий Сенат на рассмотрение.

1. Вышеобъявленным часовым мастером Барендом Орткрассом имеются быть сделаны часовой стан с движением и квадратурою, також принадлежащие к тому колеса, мера и калибр должны быть учреждены по внутреннему месту колокольни угольные же столбики сделаны на подобие колонн новейших фасонов, а колеса наилучшим мастером и из наилучших материалов: в 37 колоколах равно весу 16.506 фунтов, а российских 458 пуд по каждой 22 стивера, а рос-

сийскими деньгами 44 копейки сделает 18.157 гульденов 12 стиверов – 7262 р. 64 коп. В музыкальном валу на примере весу 3500 фунтов, а российских 97 $\frac{2}{9}$ пуд[а] каждый по 22 стивера, а российскими 44 копейки – 3850 гульденов – 1540 р. За резание 12.120 скважин на музыкальном валу за каждую по 2 стивера, а российских по 4 копейки – 1.212 гульденов – 484 р. 80 к. В молотках и языках к 37 колоколам весу 1843 фунта, а российских 51 $\frac{1}{5}$ пуд[а] за каждый по 10 стиверов, а российскими деньгами по 20 коп. – 921 гульден – 368 р. 40 к. За часы игральной машины совсем 48.000 гульденов – 19.200 р. – Итого за все дело кроме квинта 72.139 гульденов и 12 стиверов – 28.855 р. 84 к. Когда ж определено будет, что и квинт возмется, то весу в оном 700 фунтов, а российского 19 $\frac{4}{9}$ пуда придет за металл и за литье – 7.700 гульденов – 3.080 р. В молотке и языке квинту 490 фунтов, а российских 31 $\frac{11}{15}$ пуда – 245 гульденов – 98 р. Всего с квинтом 80084 гульденов 12 стиверов – 32.033 р. 84 к. Вместе с сею экспликацией представлена была Оорт Крассом и следующая табличка, для объяснения устройства часов. Таблица, из которой можно усмотреть число, звание колоколов и как они весом друг от друга различаются также и числа молотков и языков, как и вес оным.

2. Барабанчик имеет быть около 5 футов 8 долей в длину по аглинской мере, и 6 футов 5 долей в вышину, или в диаметре, оной разделится в 120 мер, а именно 74 меры для всех часов, 36 мер для оной половины часов. 4 меры для первой четверти, а 6 мер для третьей четверти. Что все учинить 12.120 нотных дыр, и нот, кои на барабанчике быть должны.

3. Машина, которая управляет руками и ногами, имеет состоять их тонких искусно сделанных пружин, дабы самый большой колокольный язык для действования не был труднее самого меньшего колокольного же языка; для рук сделаны будут 37, а для ног 20 до 23 клавиров; проволока, которая проведена будет от клавиров до колоколов, имеет быть из хорошей меди.

4. Четыре указательные цифирные доски будут около 9 до 10 англинских футов в диаметре, и имеют быть сделаны из битой меди, а сзади толстыми железными прутьями и 2 кольцами укреплены, вверху же делается еще медная связка около 25 долей шириною, которая утверждена будет шурупам, длина цифирных букв имеет быть по пропорции и величине указательных цифирных досок, указательные же стрелки будут сделаны из красной меди, а дырки на цифирных досках обложены быть имеют самую хорошею медью, шпиг, на котором кладется стрелка, имеет на конце також, обложен быть медью, потому что оной всегда на свободном воздухе бывает.

5. Часовые и курантные гири имеют быть все свинцовые.

Число колоколов	Число молотков и языков	Нумеры колоколам	Вес колоколам	Вес молоткам	Вес языкам
		Квинт	7,000		
1	2	C	3.200	198	150
2	2	D	2.280	138	91
3	2	E	1.620	99	65
4	2	F	1.430	88	58
5	2	F+1	1.140	71	45
6	2	G	1.040	64	42
7	2	G+1	850	53	34
8	2	A	698	44	28
9	2	B+1	620	38	25
10	2	H	490	28	19
11	3	C	450	43	18
12	3	C+1	370	33	15
13	3	D	310	30	12
14	3	D+1	270	24	11
15	3	E	234	23	9
16	3	F	204	20	8
17	3	F+1	171	18	8
18	3	G	157	16	7
19	3	G+1	128	13	6
20	3	A	108	11	5
21	3	B+1	98	10	4
22	3	H	83	9	3 ^{1/2}
23	3	C	78	9	3
24	3	C+1	64	8 ^{1/2}	2 ^{1/2}
25	3	D	53	8	2
26	3	E+1	46	8	2
27	3	E	38	7 ^{3/4}	1 ^{3/4}
28	3	F	34	7 ^{1/2}	1 ^{1/2}
29	3	F+1	33	7	1 ^{1/3}
30	3	G	30	6 ^{3/4}	1 ^{1/6}
31	3	G+1	26	6	1
32	3	A	22	5 ^{1/2}	1
33	3	B+1	19	4	3/4
34	3	H	17	3 ^{8/4}	3/4
35	3	C	16	3	1/2
36	3	CIZ	15	2 ^{3/4}	1/2
37	3	DIZ	14 1/2	3 ^{1/2}	1/3
	101		16,506 1/2	1,843	

[Часть 2. В поисках гармонии]

6. Колоколов с квинтом должно быть числом 38: а весом около 23.506 фунтов. Молотков на колокола будет 101; а весом с языками около 2451 фунта, языков же числом столько же как и колоколов, а именно 38.

7. И как вышепоказанному часовому мастеру Баренду Орткрасу по учиненному описанию и сообщенной при том росписи ни коим образом невозможно что либо из суммы 84084 гульденов 12 шт. Голландских уступить, ибо он все наитончайше сметил, разве что должно будет во всех часах некоторую отмену учинить, и несколько оных уменьшить, також и худшие материалы к тому употребить, то Его сиятельство господин граф Головкин соглашается чрез сие о даче ему часовому мастеру Баренду Орткрасу ради вышепредъявленных им резонов означенного числа 80.084 гульденов 12 штив. голландских, а понеже Его сиятельство господин граф Головкин получил уже из Санкт-Петербурга надежное известие, что вексели на сии деньги вскоре пересланы будут; того ради Его сиятельство как скоро оные получит половину сей суммы, а именно 40.042 гульдена 6 шт. голландских ему часовому мастеру Баренду Орткрасу взяв надежную в том поруку выдать, но доставленные 40.042 гульдена 6 штив. голландских имеет оной часовой мастер Баренд Орткрас получить в то время, когда часы будут совсем готовы; и знающими часовыми и курантными мастерами осмотрены и опробованы, на против чего он, часовой мастер Баренд Орткрас, обязуется, что вышеозначенная сумма 80.084 гульдена 12 штив. голландских ему сполна заплатится, то он после за сии часы с курантами более уже ничего требовать не может и не должен.

8. Железные переклады, на которых привешены будут колокола, могут быть сделаны в Санкт-Петербурге, и он, часовой мастер, перешлет модель, каким образом такие переклады делать и класть надлежит, ибо оные по меньшей мере 6 или 8 недель прежде нежели колокола привешены будут в колокольне, утверждены быть должны, сии же переклады имеют быть сделаны на счет Ее императорского величества.

9. Перевоз часов и курантов отсюда до Санкт-Петербурга имеет быть такожде на счет Ея императорского величества, и ежели мне самому оные часы и куранты там поставить должно будет, то мне и старшему подмастерью моему все издержки на проезд туда и обратно возвращены, а притом и со дня нашего отсюда отъезда, даже до дня возвращения нашего сюда по 2 червонных денег на день, а именно нам обоим по 4 червонных ежедневно давано быть имеет, ибо я таким проездом при здешней моей работе по меньшей мере двух червонных на каждый день лишиться принужден, равномер-

нож; потребные для поставки оных часов помощники, а притом еще и такой человек, который бы по немецки и по русски читать и писать умел (дабы другие меня и я их разуметь мог) мне даны быть имеются.

10. А сколько времени ему, часовому мастеру, к изготовлению сих часов оное прежде точно назначено быть не может пока деньги действительно уже заплачены не будут; есть ли всем не весьма долго замедлять, то он уповает еще в 1759 году совсем справиться, так что оные часы того же лета в Санкт-Петербург перевезены быть могли б, ибо иначе буде самое способнейшее летнее время пройдет, формам уже высохнуть нельзя, но к тому целый год еще положить должно.

11. Украшения на колоколах чаятельно состоять будут в Российском императорском Гербе или в высочайшем Ея же императорского Величества вензельном имени, и для того же нижеподписавшийся просит дабы к нему рисунок, каким именно образом сии украшения сделаны быть имеют, прислан был¹⁾.

Контракт был заключен 7 июля 1757 г.; Оорт Красс принял за работу с таким успехом, что в ноябре 1759 года уже уведомлял графа Головкина, что вся машина к апрелю будущего года будет уже совсем готова, чтобы в Петербурге поспешили все приготовить для надлежащей постановки часов на Петропавловской колокольне.

Кроме того, Оорт Красс опасался и весьма справедливо, что для успешной постановки часов на колокольне ему недостаточно будет одного подмастерья, как это назначено в контракте, и потому просил графа Головкина о дозволении взять с собою в Петербург, кроме одного, еще четырех подмастерьев, с тем, чтобы как содержание, так и жалованье им было отнесено на счет российского правительства. Граф Головкин на это согласился, и 11 декабря 1759 года заключил с Оортом Крассом законный договор, подписанный, впрочем, за болезнью графа, его сыном, но скрепленный печатью посольства. Вследствие сего договора, Оортом Крассом 19 того же декабря заключены контракты с четырьмя другими подмастерьями: подмастерья обязывались около мая 1760 года быть готовыми отправиться в Петербург, Оорт же Красс должен был, сверх издержек на проезде туда и обратно, выдавать каждому из них по три червонца в неделю, считая срок с того числа, в которое его работа будет освидетельствована, и по число возвращения в Гаагу. О таких своих распоряжениях

¹⁾ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. – Вып. 1. – СПб., 1869. – С. 65–67.

Оорт Красс уведомлял Канцелярию о строении двукратно, в январе и феврале 1760 года.

Наконец, в 1760 году часы были совершенно готовы, как и обещал их мастер. Для освидетельствования их избраны по два искуснейших часовых мастера, как со стороны Оорта Красса, так и со стороны русского посольства. Освидетельствование произведено 22-го апреля, в присутствии публичного нотариуса и сына графа Головкина, при чем оказалось, что часы устроены совершенно согласно с контрактом, что «мера и величина калибра их сделаны по пропорции имеющегося в той (в Петропавловской колокольне) внутреннего места, которого и предъявлен рисунок и что все сделано самым лучшим искусством и из самого лучшего материала». Только колокола весили на 226 ф[унтов] более, нежели как назначено в условиях. Акт освидетельствования подписан четырьмя мастерами и потом скреплен публичным нотариусом в Гааге, бургомистрами и ратманами города Гааги с приложением печати, сыном российского посланника графом Ив. Головкиным с приложением же печати посольства.

Оорту Крассу теперь надлежало получить остальную сумму денег и затем отправиться в Россию с редким и драгоценным произведением своего искусства. Но денег из России не присылали до самой осени и не делали никаких распоряжений о перевозке часов; между тем Оорт Красс, на основании заключенного с подмастерьями контракта, должен был давать им содержание и жалованье, и даже должен был нанять особенный дом для помещения часов с клошпилом: очевидно, это вводило его в излишние издержки, которых он мог бы избежать, отправившись с часами в Петербург сразу после их освидетельствования. Только 1-го октября ему было выдано 11.011 гульденов, и затем уплата остальных денег продолжалась по частям в разное время до 13 числа июля 1761 г.

Наконец, в июле же, через секретаря российского посольства г. Коробова объявлено было Оорту Крассу, чтобы он немедленно отправился в Петербург с часами и 5 подмастерьями и что он там щедро будет вознагражден за все претерпенные им убытки. Ему выдано было кормовых денег 480 червонных. Для перевозки часов нанят был корабль «Фрау-Мария», шкипер Мартен Иоганнез за 1800 гульденов, которые, по условию, имели быть заплачены в Петербурге. Все хлопоты и расходы по сему делу поручены были банкирам братьям Пелсам. Часы были застрахованы, и страховой суммы заплачено 2.403 гульд[енов], пошлины в Зунде 375 гульденов; рабочим, переносившим часы на корабль, 1.586 гульд[енов]; всего издержано по этому случаю около 4.000 гульденов.

22-го июля Оорт Красс отправился из Голландии и 22 августа благополучно прибыл в Петербург. Но здесь его ожидали великие огорчения. Колокольная, для которой устраивались часы, не только не была окончена, но к устройству ее даже не приступали. Для повешения часов определено было выстроить деревянный домик, шириной в 4 сажени и вышиною в 6 аршин. В этом маленьком домике канцелярию о строении повелено Оорту Крассу собрать и заставить действовать весь сложный громадный часовой механизм, который назначался для башни вышиною в 26 сажень. Посему многие вещи в часах и клок-шпиле, которые он делал применительно к башне колокольной, ему пришлось переделывать; работы свои он должен был производить под надзором часового мастера Друнк Миллера и мастера игровой машины Ферстера, которые прежде заведывали часами на Петропавловской и Исаакиевской колокольных.

К сожалению, между Оортом Крассом и Друнк Миллером возникло неудовольствие, виновником которого должно считать последнего. Миллер, вероятно, недовольный тем, что не ему поручено было устройство часов, как он о том предлагал Канцелярии о строении в 1757 году, усиливался излить свою досаду на Оорте Крассе. Он неоднократно доносил Канцелярии о строении, что в привезенных из Голландии часах еще многое не сделано, что в самом механизме часов многое сделано неправильно, и что потому часы едва ли будут действовать, когда будут повешены на колокольне. Эти мысли он позволял даже себе выражать перед Оортом Крассом и терпеливого голландца довел, наконец, до того, что последний выгнал его из комнаты, где находились часы, и запретил впредь впускать туда как его, так кого-либо из его учеников.

К этой неприятности для Оорта Красса присоединилась другая, еще более тяжкая. По приезде в Петербург он начал просить Канцелярию о строении, чтобы его, наконец, удовлетворили: 1) за наем дома для часов в Голландии; 2) за наем 4 подмастерьев, по 3 червонца каждому с мая 1760 года; 3) за лишний металл, употребленный для колоколов. Кроме того, он просил еще, чтобы ему выдали проценты на тот капитал, который он получил спустя более года после срока.

Нельзя не сознаться, что требования Оорта Красса были справедливы, как то впоследствии было выражено и в промемории от Правительствующего Сената в Канцелярию о строении. Но Канцелярия о строении таких требований не сочла нужным уважить, ссылаясь на то, что по контракту Оорт Красс должен был взять одного подмастерья, и притом в контракте сказано, чтобы кроме той суммы, за которую он подрядился устроить часы, ему ничего более не требовать. Огорченный Красс жаловался своему посланнику в Петер-

бурге, который и входил нотою по сему делу в коллегия Иностран-ных дел. Но и ходатайство голландского посланника не имело ника-кого успеха. Канцеляриею о строении, с утверждения Правитель-ствующего Сената, определено было выдать ему и одному только его подмастерью по два червонца на день до времени окончательной отделки часов. В то же время поручено было Миллеру и Ферстеру, пригласив некоторых членов Академии наук, осмотреть часы и на-значить срок, в который они могут быть окончательно собраны и опробованы. Для сего назначено было 9 месяцев и за это время с присоединением 50 дней для проезда в Петербург и обратно в Гол-ландию, определено выдать Крассу с главным его подмастерьем 1280 червонных, если же он продолжит свои работы далее назначен-ного срока, то ничего более ему не выдавать.

14 августа 1762 года Оорт Красс приглашен был в присутствие Канцелярии о строении, где ему и было объявлено последовавшее на его просьбу решение и предложена была часть назначенной ему суммы. Но Красс отказался принять предлагаемую ему сумму и объявил, что отделки часов он продолжать более не будет до тех пор, пока его справедливые претензии не будут удовлетворены. Снова потом он обратился к ходатайству своего посланника, и опять без всякого успеха сей последний представлял ноту в коллегия Ино-странных дел.

Между тем, Оорта Красса на чужбине постигло новое горе, с ко-торым бороться у него не стало сил. Деньги, привезенные с собою из Голландии, были все им истрачены. Красс принужден был даже продавать свои вещи для содержания себя с подмастерьями и для удовлетворения сих последних жалованьем. В течение 2 лет, не по-лучая ниоткуда никаких средств, он даже наделал значительных долгов. Подмастерья, не получая за несколько месяцев жалованья, хотели его оставить и возвратиться в Голандию. Кредиторы, за неуп-лату долгов, наконец, посадили его в гильдянский дом, откуда он впрочем через три дня был освобожден по ходатайству Канцелярии о строении.

В столь трудных обстоятельствах Оорт Красс согласился на все. В июле месяце 1763 года он просил Канцелярию о строении в счет назначенной ему суммы выдать 600 червонных для уплаты долгов, обязуясь непременно окончить отделку часов в последних числах декабря того года. В обеспечение своего обязательства он даже пред-ставил поручителем члена Конторы лифляндских и эстляндских дел коллежского советника Ивана Иванова Крока, который дал письменное удостоверение, что, ежели к назначенному сроку часы не будут готовы, то он, Крок, возвратит Канцелярии о строении всю

сумму, какая будет выдана Оорту Крассу на его нужды. Деньги были выданы, и с 28-го июля он принялся за работу с успехом, но только жестокие морозы помешали ему совершенно окончить устройство часов к назначенному им сроку.

С прекращением стужи, в начале весны он надеялся окончить свое дело только с двумя подмастерьями; остальных же трех в январе 1764 года он хотел отправить обратно в Голландию; и на издержки по случаю их отъезда просил Канцелярию о строении выдать ему остальные 320 червонцев. Но Канцелярия о строении в этом отказала ему, основываясь на донесении Друнк Миллера, который писал, что «он просматривал тайным образом как сам, так и чрез данных ему учеников, производство работы, и до сего числа (16-го января) в часах ничего не сделано». Это новое огорчение до такой степени подействовало на несчастного Красса, что в апреле месяце он сделался болен и 27 мая 1764 г. скончался. Так печально кончил свою жизнь на чужбине весьма замечательный механик, пользовавшийся известностью во всей Европе.

В 1820 г. внук Красса, полковник голландской службы, обращался к императору Александру I с просьбою об удовлетворении претензии его деда; но что последовало по этой просьбе, неизвестно. Смерть Красса надолго потом оставила окончательную отделку часов. Канцелярия о строении первоначально предлагала это дело главному подмастерью покойного Красса, но он отказался от такого поручения, объявив, что он может работать только под руководством опытного мастера, и возвратился в Голландию.

Нужно было искать нового искусного механика; а в то время это было не так легко. В 1765 году найден был в Петербурге вольный часовой мастер Иоганн Эрдман Ридигер, которому и поручено было осмотреть часы и объявить условия, на которых он может принять на себя труд собрать их и потом поставить на колокольню. Ридигер, по осмотре часов, объявил, что часы устроены весьма искусно и делают честь своему мастеру, что для приведения их механизма в действие нужно не более 2 месяцев. Окончательную отделку часов Ридигер соглашался произвести за 300 червонных; но за поставку часов на колокольню он требовал или 2000 рублей или принятия в службу с производством по 600 руб. в год жалованья. Условия Ридигера были приняты Канцеляриею о строении уже в 1776 году. Ридигер был принят в русскую службу с производством ему назначенного им самим жалованья, и с полным успехом не только окончил устройство часов, но и поставил их на колокольне.

В конце того же 1779 года жители столицы снова с удовольствием услышали ту музыку, которой лишились они от пожара ровно

за двадцать лет. Механик Ридигер первой статьею контракта обязался: «Содержать часы и куранты в непрерывном и исправном ходе, биении и игании, а сверх того ежедневно, выключая субботу, полчаса, т. е. с половины двенадцатого до двенадцати часов, а по воскресеньям и другим праздникам с двенадцати до второго часа играть на находящихся при часовой машине клавикордах разные музыкальные штуки, и оные чрез всякие четыре недели переменять».

Бой часов, по свидетельству Рубана, был следующий: 1) «Полчетверти часа ударяют несколько колоколов немного; 2) четверть часа бьют несколько колоколов небольшой курант; 3) полчаса играют во многие колокола небольшой курант в половину тона; 4) часовой курант играют во все колокола во весь тон; 5) в небольшой колокол бьют полчаса; 6) а по окончании часа, ударяют в большой колокол»¹⁾.

В 1781 году Ридигер умер и его место занял механик Иоанн Георг Страссер с жалованьем по 800 рублей в год; кроме того, на содержание часов ему производилось по 300 рублей в год.

После успешного исправления их, Страссер в течение 10 лет обязался: «Содержать часы в надлежащей исправности и обучить часовому мастерству шесть учеников; для приучения же тех учеников играемые штуки в курантах переменять не реже, как чрез каждые «два месяца». Жалованья Страссер получал по 1500 рублей ассигнациями в год, кроме 300 рублей, отпускавшихся на отопление и освещение мастерских комнат, а также на покупку масла и проволоки для часов».

В течение восьми лет (1781–1789), Страссер заведывал часами с отличною исправностью, и во вверенных ему учениках успел приготовить себе способных и знающих преемников. Сии последние вступили в заведывание часами в марте 1789 года, с жалованьем: двум старшим по сту рублей в год, а троим остальным по восьми-десяти рублей. Сумма на ремонт часов осталась прежняя.

В 1817 году часы, от времени уже повредившиеся, были разобраны и исправлены придворным часовых дел мастером – сыном механика, прежде заведывавшего петропавловскими часами – за 12000 руб. государственными ассигнациями.

Около 1840 года музыкальный механизм часов повредился, и игра на клавирах прекратилась¹¹⁾.

¹⁾ *Флоринский Д.И.* Собор во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Санкт-Петербургской крепости. – СПб., 1882. – С. 12–24.

¹¹⁾ Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 1. – СПб., 1869. – С. 71–72.

Берхгольц в своем дневнике посещения Петербурга вот что рассказывает о посещении колокольни Петропавловского собора: «7 августа мы целым обществом входили на колокольню в крепости, чтобы послушать игру курантов и посмотреть на панораму Петербурга. Колокольня эта самая высокая в городе: чрезвычайно любопытно там поглядеть на игру музыканта, особенно тому, кто не видывал ничего подобного. Я, впрочем, не избрал бы себе его ремесла, потому что для него нужны трудные и сильные телодвижения. Не успел он исполнить своей пьесы, как уже пот градом катился с его лица. Он заставлял также играть двух русских учеников, занимающихся у него не более нескольких месяцев, но играющих уже сносно. Большие часы играют сами собою каждые четверть и полчаса»¹⁾.

---

¹⁾ *Пекарский П.П.* Петербургская старина // Современник. – 1860. – Июнь. – С. 311.

[Часть третья.

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
О КОЛОКОЛАХ]

В прежнее время колокола имели громадное значение в гражданской жизни. Они заменяли часы, бывшие в то время большой редкостью. Удары колокола возвещали жителям начало и конец работ, вход в город и тушение огней.

Одному из кафедральных Бовенских колоколов, в который ударили только, чтобы возвестить продажу рыбы, было дано народом прозвание: *Торговка рыбой* (La Poissarde.) В Этампе колокол, возвещавший о том, что пора тушить огни, получил название: *Преследователя гуляк* (Chasse-Ribaub.)

То же самое прозвище было дано одному из колоколов Руанской башни. Напомним, что удивительный колокол, подаренный архиепископом Руанским Риголь и получивший его имя, был приводим в движение только для щедрых клиентов, не жалевших на вино звонарям. Оттуда пошла поговорка *пить в честь Риголь*¹⁾.

Как было сказано выше, кроме церковного значения, колокола играли видную роль в нашей исторической жизни, имея политическое и гражданское значение.

Таковы колокола: вечевые, набатные, осадные, часовые и весовые. Некоторые из них подвергались наказанию и, осужденные в ссылку, слыли опальными, ссыльными.

[Наказание новгородского колокола]

Предание говорит, что Иоанн Грозный велел отрубить уши у колокола при церкви Св. Николая в Пскове за то, что он звоном своим испугал коня, на котором ехал царь.

О таком же случае в Новгороде в записках Павла Якушкина находим следующие подробности: «В Новгороде на стенной колокольне показывают колокол, про который мне рассказывали сле-

¹⁾ *Havard, Henry. Les bronzes d'art et d'ameublement. Paris, 1897 (LesArts de l'ameublement). – La page. 102–103.*

дующее: ехал Грозный царь с Торговой стороны на Софийскую. Въехал он на большой мост (его теперь нет), в это время ударили в колокол, под Иваном конь пал на колена. Грозный велел у колокола отрубить уши. Теперь этот колокол перелит. В Пскове есть такое же предание, там тоже показывают колокол без ушей, он лежит на колокольне на плахах, и в него звонить нельзя»¹⁾.

В нашем народе сохранилась об этом событии следующая легенда: «Услышал Грозный царь во своем царении в Москве, что в Великом Новгороде бунт. И поехал он с каменной Москвы великой и ехал путем-дорогой все больше верхом. Говорится скоро, делается тихо. Въехал он на Волховский мост; ударили в колокол у святой Софии и пал конь его на колени от колокольного звону. И тут Грозный царь воспроговорил коню своему: «Ай же ты мой конь пеловой мешок (мякина), волчья ты сыть; не мошь ты царя держать – Грозного царя Ивана Васильевича». Доехал он до Софийского храма и в гневе велел отрубьть снасти у этого колокола, чтобы пал на землю, и казнить его уши. «Не могут, говорит, скоты, звону его слышать».

И казнили этот колокол в Новгороде – ноне этот колокол перелитой»¹¹⁾.

[Ссылка угличского колокола]

В Тобольске на церкви Всемилоливейшего Спаса находился сосланный Борисом Годуновым *набатный* колокол, в который за благовестили, когда был умервщлен в Угличе Дмитрий царевич. Звонил соборный сторож Максим Кузнецов и вдовый священник Федот, прозванный «Огурец».

Летописец об этом событии говорит: «Соборный же пономарь, видя пагубу блаженного и тек на колокольню, запреся тамо и нача в колокол бити; они же убийце и советницы их приступаху к нему, веляху ему престать, он же паче бияше, хотяху же и его убити, но не могоша»¹¹¹⁾.

Пораженный этим убийством и полный мщением, народ прежде всего свою злобу и месть излил на этот колокол. Его сбросили с колокольни, отрубили одно ухо и били кнутами.

¹⁾ *Якушкин Павел*. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. – СПб., 1860. – С. 97–98.

¹⁾ *Барсов Е.В.* Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. 2, № 9. – Грозный царь Иван Васильевич. – С. 409.

¹¹¹⁾ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенского. – М., 1853. – С. 34.

В статье М.И. Пыляева «Исторические колокола»¹⁾ находим любопытные сведения об этом колоколе.

По приказанию Бориса Годунова он был сослан в Тобольск в 1595 г. и повешен был сначала на Спасскую колокольню. Здесь он висел до 1837 года, когда по распоряжению архиепископа Антония, снят оттуда и повешен подле архиерейского дома, при крестовой церкви, под небольшим деревянным навесом.

Целью последнего перемещения было то, чтобы показать, если потребуется, эту историческую достопримечательность посетившему в 1837 году Тобольск Наследнику цесаревичу.

В настоящее время угличский колокол сзывает к богослужению, а в то время, когда он висел на соборной колокольне, в него отбивали часы и при пожарах били в набат.

Весу в нем 19 пудов 20 фунтов, он *корноухий*, т. е. с отсеченным ухом. Звук у него резкий и громкий, надпись по краям вырезана, а не вылита, она гласит: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Димитрия в 1593 году³⁰⁰, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку в град Тобольск к церкви Всемилостивейшего Спаса, что на Торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитной».

Как склад надписи так и форма букв новейшего времени.

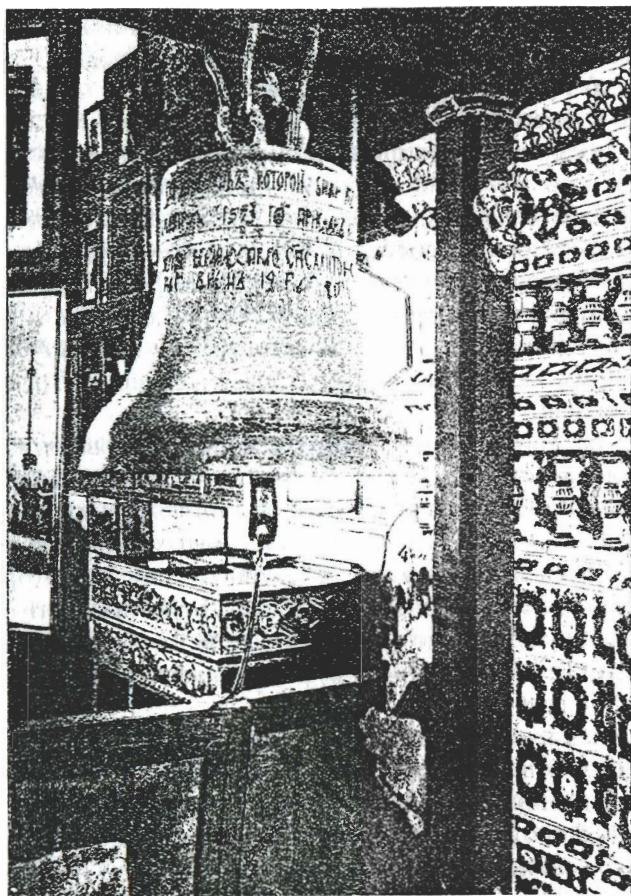
В декабре 1849 года в Угличе возникла мысль о возвращении сюда ссыльного колокола; местные жители, в числе сорока человек, обратились к министру Внутренних дел графу Перовскому с просьбою об исходатайствовании им Высочайшего разрешения для возвращения из Тобольска на их счет колокола.

По докладу министром этой просьбы императору, повелено: «Удостоверясь предварительно в справедливости существования колокола в городе Тобольске и по отношении с обер-прокурором, просьбу сию удовлетворить».

Министр вошел в сношения с обер-прокурором и, по предложению последнего, Синод обратился с вопросом о колоколе к Тобольскому архиепископу Георгию.

Из ответного на этот вопрос сношения преосвященного Георгия оказалось, что в Тобольске при крестовой Святодуховской церкви тамошнего архиерейского дома действительно находится корноухий колокол, слывший ссыльным, и что в сочиненной в Тобольске книге, под названием «Краткое показание о сибирских воеводах» есть известие о присылке в 1593 году³⁰¹ в Тобольск в ссылку корно-

¹⁾ Пыляев М.И. Исторические колокола // Исторический вестник. — Т. 42. — 1890.

*Ссылный угличский колокол, находящийся в настоящее время
в городском музее г.Углича*

ухого колокола, в который били в Угличе в набат при убиении благоверного Димитрия царевича.

Затем Синод сделал предписание ярославской Духовной консистории «собрать самовернейшие сведения – не известно ли епархиальному начальству, или духовенству города Углича, чего-либо положительного о том колоколе, о возвращении которого из Тобольска просят угличские граждане».

Вследствие этого и Консистория, с утверждения архиепископа Ярославского и Ростовского Евгения, указом от 25 июля 1850 года, сделала сообразное тому предписание углицкому Духовному правлению.

В этом предписании велено было обратить внимание и на архив правления, но так как хранящиеся в нем бумаги восходят не далее 1740 года, то, разумеется, он и не мог послужить никаким документом по вопросу о колоколе.

Но за всем тем некоторые лица из означенного духовенства выставили на вид местное предание, свидетельствующее о ссылке углицкого набатного колокола в Тобольск, и известия об этом, находящиеся в «Древней Российской вивлиофике» – [Н.]Новикова, в «Истории государства Российского» – [Н.М.]Карамзина и в «Памятниках Московской древности» – [И.М.]Снегирева.

Преосвященный Евгений, донося об этом Синоду, прибавил, что епархиальному начальству «ничего положительного об означенном колоколе не известно».

Синод, рассмотрев приведенные углицким духовенством сведения о колоколе, нашел их, точно так же как и сообщенные архиереем Георгием, неудовлетворительными, и в определении своем, подписанном 11-го мая 1851 года, объявил, «что сими сведениями не подтверждается мысль, что колокол сей тот самый, которым возвещено было в Угличе убийство царевича Димитрия, и что, вероятно, мысль сия уже поколеблена в понятиях самих углицких жителей известием, напечатанным в «Ярославских губернских ведомостях» 1850 года, № 5».

Этим и окончилось дело о возвращении колокола.

В 1888 году в Угличе опять возникло в среде граждан дело о колоколе, и в Петербург приезжал выборный от городской думы г. Соловьев хлопотать о возврате его из Тобольска.

Хлопоты его увенчались успехом, и в 1892 году 20 мая колокол был обратно перевезен в Углич, где был встречен представителями всех сословий города с массой народа.

К девяти часам утра 21 мая колокола были уже помещены на временную звонницу, устроенную против собора на площади.

В девять часов началась божественная литургия, на которой присутствовали представители города и большое стечение народа. После литургии местный протоиерей А.Субботин сказал приличествующую случаю речь, в которой приветствовал граждан города Углича с возвращением в стогны града ссыльного колокола, возвестившего 15 мая 1591 года о кровавом событии – мученической кончине царевича Димитрия.

Затем, после литургии, совершен был крестный ход из собора на площадь, где помещен колокол. Здесь при участии всего городского духовенства, при громадном стечении народа совершено было благодарственное Господу Богу молебствие.

По окончании молебна местный протоиерей, окропив крестообразно святой водой колокол, позвонил в него. И раздался по Угличу заунывный звон, который три века тому назад печально пронесся здесь, извещая о мученической кончине любимого народом царевича Димитрия. Пред умственным взором присутствующих представлялась мрачная страница того печального времени.

Что каждый чувствовал в это время – трудно описать; заметно было, что многие плакали и долго не отрывали глаз от свидетеля отдаленного и не забытого прошлого, на мгновение переносясь к этому прошлому и как бы переживая трудную годину своих предков¹⁾.

В настоящее время этот колокол помещен в городской музей.

В Николаевском Карельском монастыре имеется набатный колокол, отправленный из Москвы, как говорит предание, по указу царя Феодора Алексеевича в 1861 г. за то, что звоном своим испугал его во время послеобеденного сна.

Между *опальными* и *ссылными* колоколами есть некоторые называемые *лыковыми*, т. е. такие, которые были ранее разбиты и затем связаны лыком. Такой лыковый колокол имеется в одном из монастырей Костромской губернии, куда он был прислан из Москвы Иваном Грозным.

[Пленные колокола]

Из покоренных городов великие князья и цари брали колокола, как военную добычу.

Так, в летописи под 1066 г. значится «Приде Всеслав и взял Новгород и колоколы съима у Святыя Софии и паникадил съима»³⁰².

Далее, под 1146 г. говорится, что «Изяслав в Киеве взял колокол»³⁰³.

Грозный царь, опустошая Новгород в 1570 году, взял из собора ризничную казну, многия драгоценные вещи, чудотворныя Корсунския иконы, ризы и колокола¹¹⁾.

Эти летописные указания, кроме того, ясно говорят, что колокола в те времена были слишком незначительного веса, вероятно, не тяжелее тех паникадил, которые вместе с колоколами Всеслав «у Святыя Софии съима».

---

¹⁾ Демьянов Г.П. Путеводитель по Волге. – 2-е изд. – Нижний Новгород, 1894. – С. 49–50.

¹¹⁾ Толстой М.В., граф. Святыни и древности Великого Новгорода. – М., 1862. – С. 8.

Далее, мы видим, что в последующее время, когда вес и размеры колоколов значительно увеличились, «полон» их почти совсем прекратился, так как перевозить их по тогдашним дорогам было крайне затруднительно.

Но в более раннее время нашей истории такое пленение колоколов было развито в сильной степени, и только в редких случаях победитель возвращался без этих трофеев, которым, очевидно, народ придавал большое значение.

С побежденных брали то, что составляло, согласно условиям времени, наивысшую национальную святыню, каковой являлись тогда, между прочим, и колокола.

Не даром летописец восклицает – «о велико бяше беда в час тыи!..»¹⁾

Тверь в знак своей покорности выслала Иоанну Калите соборный колокол. Карамзин об этом говорит так: «Константин и Василий Михайловичи уже не дерзали ни в чем ослушаться Иоанна и, как бы в знак своей зависимости, должны были отослать в Москву вещь по тогдашнему времени важную: соборный колокол, отменной величины, коим славились тверитяне»³⁰⁴.

От 1284 года сохранилась даже грамота смоленского князя Феодора Ростиславовича о суде про колокол¹¹⁾.

Из Великого Новгорода и Пскова были вывезены их вечники³⁰⁵ московским государем. О том, до чего народ любил эти колокола, можем заключить из следующего летописного сказания. Когда в Псков явился дьяк Долматов с приказом великого князя отобрать вечевой колокол, то «псковичи, удариша челом в землю, и не могли против его ответа дати от слез и туги сердечныя. Токмо тые не испустили слез, иже младенцы, ссущие млеко. И бе тогда во Пскове плач и стонание во всех домах, друг-друга обнимающе»³⁰⁶.

Когда, продолжает летописец: «На утрие же освитающему дни, позвониша на Вечье и собрашася», народ, хорошенько обсудив свое положение, пришел к заключению, что борьба с великим князем была немыслима и ничего более не оставалось, как подчиниться его воле. И отвечал народ дьяку, что он готов покориться и «нынче Бог волен, да Государь в своей отчине и дедине во граде Пскове, и в нас, и в колокол нашем»¹¹¹⁾.

¹⁾ Полное собрание русских летописей / Изд. Археогр. ком. – Т. 3. Новгородская 1-я летопись. – СПб., 1841. – С. 2.

¹¹⁾ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. – СПб., 1876. – С. 132, примеч. 988.

¹¹¹⁾ Карамзин Н.М. История государства Российского. – 2-е изд. – Т. 7. – СПб., 1819. – Примеч. 66.

Далее, летописец следующим образом описывает это событие: «И генваря в 13 спустиша колокол вечной у св. Троицы и начаша псковичи, на колокол смотря, плакати, по своей старине и по своей воли и повезоша его на Святогорский двор к Ивану Богослову, где ныне Наместнич двор. Тоя же нощи повезе Третьяк вечной колокол к великому князю в Новгород»¹⁾.

На место этого колокола великий князь в 1518 году, по словам летописца, «прислал в Псков ко храму святой Троицы большой колокол, на место вечевового»¹¹⁾.

Барон Герберштейн в своих «Записках о Московии» пишет: «В старину Псков был весьма обширен и независим, но наконец в 1509 году³⁰⁷ Иоанн Васильевич овладел им и обратил его в рабство, а также *увез колокол*, звоном которого созывался сенат для совещания о государственных делах (*Senatus ad rempublicam coustitueudam cogebatur*)»¹¹¹⁾.

После покорения Новгорода оттуда был привезен в Москву вечевой колокол и повешен на колокольне Успенского собора.

«Как привезен был, говорит летописец, и внесли его на колокольницу на площади с прочими колоколами звонити».

За колоколом, по преданию, ушел в Москву тот глухонемой звонарь, который весь свой век прожил при нем, звонил в него и не хотел расстаться с ним¹¹²⁾.

Полагают, что этот колокол впоследствии был помещен на Набатную башню около Фроловских (ныне Спасских) ворот.

В Тверской губернии, Вышневолоцкого уезда в с. Млеве, лежащем на берегу реки Мсты, при церкви Спаса Нерукотворенного показывают могилу какой-то Марфы. Местное предание утверждает, что тут погребена Борецкая, умершая на пути в Москву и *что вечевой колокол по приказанию царя брошен тут же в реку Мсту*.

12 ноября 1623 года жители Витебска убили униатского епископа Иосафата Кунцевича, раздраженные жестокими его мерами к распространению унии. Шестнадцати зачинщикам этого дела отрублены были головы, а так как все жители более или менее принимали участие в убийстве, то отнято было у города право Магдебург-

¹⁾ Карамзин Н.М. История государства Российского. – 2-е изд. – Т. 7. – СПб., 1819. – Примеч. 383.

¹¹⁾ Храмовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Ч. 1. – Нижний Новгород, 1859. – С. 10, примеч. 89.

¹¹¹⁾ Герберштейн С., барон. Записки о Московии / Перев. И. Анонимов. – СПб., 1866. – С. 116.

¹¹²⁾ Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 18.

ского суда, *снят вечевой колокол*, разорена ратуша и граждане отданы под непосредственный суд и расправу воеводы. Современники записали, что когда с башни Ратуши *снимали колокол* и стали разрушать самое здание, то раздалось повсюду тяжкое стенание¹⁾.

Во многих церквях и монастырях России и особенно в Сибири имеются колокола, называемые «пленными», взятые в плен, как военная добыча.

В Красноярске, на соборной колокольне, имеется один колокол, исписанный какими-то восточными письменами. По преданию, он взят из буддийского храма, по другим рассказам его нашли лет пятьдесят тому назад при разрытии одного кургана в Минусинском селе.

В летописи под 1481 г. говорится: «Псковичи привезоша к великому князю немецкаго полону 8 колоколов Вельязских». В другом месте находим: «Псковитяне прислали великому князю 50 Феллинских колоколов»³⁰⁸.

Во время войны царя Алексея Михайловича с Польшей, в Сибирь было послано много пленных поляков и литовцев, а с ними отправлены и колокола. Некоторые из пленных колоколов привезены были даже в Енисейск. Но война с Польшей кончилась, и вследствие Андрусовских договоров, по царскому указу, пленники, одушевленные и неодушевленные, потянулись обратно на свои прежние места. Впрочем, нет сомнения, что как многие из литовцев и поляков добровольно остались в Сибири и после поступили то в городовые, то в линейные казаки, так и колокола, по крайней мере некоторые, не возвратились на родину¹¹⁾.

Обычай вывозить колокола, как военную добычу, заставлял население, во время нашествия неприятеля, прятать их.

Находка колокола в погосте Дворицах, Псковской губернии, Новоржевского уезда 29 июня 1897 года, подтверждает это.

Он найден был при следующих обстоятельствах: девочка, ловившая в реке раков, случайно заметила в реке колокол, который оказался очень древним. Недалеко от берега она оцупала рукою на дне реки какое-то углубление, а в нем двух раков. Чтобы вытащить их из воды, она принуждена была оттащить кусок земли, закрывший это углубление, которое и оказалось внутренностью колокола.

Найденный колокол весит около пяти пудов и имеет следующую надпись: «Лета 7098 (1590 год³⁰⁹) ноября 2-го дня слит бысть

¹⁾ Верховский Т.А., *прот.* Стародубье. — Ч. 2. — Казань, 1874. — С. 15.

¹¹⁾ Пыляев М.И. Старое житье. — СПб., 1892. — С. 293. — Приводя этот факт, Пыляев ссылается на Словцова «Исторический обзор Сибири», кн. 1, с. 198, но у Словцова мы ничего подобного не нашли.

колокол сий к великомученицы Парасковей нареченный Пятницы в Ржеву Пустую (очевидно, в существовавший раньше в Псковской области городок Пусторжев) при государи цари и великом князе Феодоре Ивановиче всеа Руси повелением детей боярских... (не разобрано слово, вероятно, собственное имя; вообще надпись, сделанная без словоразделения, читается нелегко) Иванова сына за Петра Александрова сына Бухвостовых (фамилия имеющая представителей и в настоящее время), и при священнике Феодоре, а лил колокол Васка Иванлов».

Таким образом, открытому колоколу триста лет. Вероятно, он был зарыт в землю во время бывшего здесь «литовского разорения», а не попал сюда случайно, например, во время пожара церкви, так как в ухе колокола сохранилась деревянная плаха, на которой он висел, и река, размывающая берега, вымыла его¹⁾.

Вообще около Двориц, упоминаемых в Псковской летописи уже под 1536 г., находят много древностей.

Так, несколько лет тому назад один крестьянин в находящемся в полверсте от Двориц болоте, недалеко от того места, где, по преданию, был монастырь, упоминаемый в той же Псковской летописи и сожженный во время литовского нашествия, нашел колокол с латинской надписью: «Gloria Dei manet in aeternum» и с датой 1554 г.

Здесь, недалеко от Двориц же, диакон Туровской церкви нашел котел с древними медными монетами¹¹⁾.

О находке древних колоколов в воде встречаем в грамоте царевны Софии, которую приводим ниже:

«Похвальная грамота государыни царевны Софии Алексеевны Холмогорскому и Важскому архиепископу Афанасию, за усердное его старание о построении соборной церкви во имя Преображения Господня. Писана 1485³¹⁰, в июле: «От великия государыни благоверныя царевны и великия княжны Софии Алексеевны богомольцу нашему Афанасию, архиепископу Колмогорскому. В нынешнем во **рѣг** (1685) году июня в **кн** (28) день писал ты к Нам великой государыне: на Колмо-де-горах у нашего богомолья соборныя церкви боголепнаго Преображения Спасова колокольня каменная в совершенно строения приходит; а соборную церковь строить начали мая с **ї** (10) числа, а припасов камени тесового и бутового к тому церковному строению довольно кирпича двести тысяч от Архангельскаго города взято, да июня в **г** (3) числе *в озере Яковлевском,*

¹⁾ Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. – М., 1897. – Т. 5, № 9. – С. 287.

¹¹⁾ Русские ведомости. – 1897. – № 207.

во время ловли рыб, нашли три колокола, и те колокола построены в соборе на колокольне. И Мы великия государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна о тцании твоем к строению соборныя церкви боголепного Преображения Господня и о колокольном строении жалуем тебя и похваляем. Писана на Москве. Лета 7198 (1685), июля в ... день»¹⁾.

После мирного договора со Швецией жителям Нарвы была отдана обратно обращенная [А.Д.] Меншиковым в православную церковь кирха для свободного богослужения, но колокола были взяты.

Об этом в указе императрицы Анны Иоанновны от 12 февраля 1733 года за № 6323 читаем: «§ 3. Имеющиеся ныне на той бывшей кирхе 9 колоколов с нее, ежели ей отдача по прежнему учинена будет, велеть снять и отдать их к соборной в том городе Нарве обретающейся Преображения Господня церкви для благовеста и звона, и для тех колоколов построить вновь колокольню, на той или при той церкви, а удобное к тому колокольному строению место имеется, а без той колокольни, при соборной церкви, в том новозавоеванном городе Нарве, быть отнюдь невозможно»¹¹⁾.

[Самозвоны]

Как уже было сказано, колокола имели громадное значение в гражданской жизни разных народов.

В дурную погоду колокола служили указателями дороги. Звон в колокола был обязателен не только в непогоду в горах, но также и в равнинах при снежных бурях.

В России в начале шестидесятых годов полиция приказывала звонить по селам днем и ночью для указания дороги в снежные ураганы. В некоторых местностях России этот обычай сохранился до последнего времени. По поводу снежных метелей, столь часто в России бывающих, при которых нередко случалось гибнуть и людям, ими застигнутым, сочтено полезным предложить хозяевам об устройстве в селениях самозвонов. Это орудие, будучи приводимо в движение ветром, звонит, и тем указывает прохожим и проезжим, застигнутым метелью, на место, где они могут укрыться от вьюги и сохраниться от опасности.

¹⁾ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел. – Ч. 4. – М., 1828. – Ст. 493, № 170.

¹¹⁾ Указ «об отдаче Нарве церкви, именуемой Александровской, с предоставлением им на основании 10 пункта мирного трактата с Швецией, свободного богослужения». – ПСЗРИ. – СПб., 1830. – Т. IX. – С. 29–30 [Указ Анны Иоанновны от 12 февраля 1733 г. № 6323].

В №№ 3 и 4 «Записок Императорского Общества сельского хозяйства южной России» 1845 г. напечатана статья г. Христофорова *о самозвоне*³¹¹ или колокольчике, приводимом в действие ветром, и приложены правила устройства снаряда, с надлежащими к тому чертежами. Пользу самозвона г. Христофоров объясняет так: «От высоты С.-Гутара до наших степей южной России, много говорили и писали о том, как полезен звон колокольчика во время метелей, особенно ночью, когда зрение должно быть заменено слухом. К сожалению, колокольчики, выставленные у нас по дорогам при заезжих домах не приносят ожидаемой пользы, потому что приведение их в действие возлагается иногда на такого человека, который по лености или беспечности часто забывает звонить, когда нужно.

Из многих печальных примеров, нередко повторяющихся в наших степях: человек вышел за водою, сбился с дороги, и его нашли замерзшим в нескольких верстах от деревни. Всякий знает, как отратно во время метели услышать лай собаки; но это голос животного, а не зов человека.

Желание избавить путешественника от опасности и человека от труда звонить подало мне мысль предоставить приведение колокольчика в движение самому ветру; как этот способ сберегает труд, и заставляет действовать природу, то и польза его очевидна».

Редакция «Записок Императорского Общества сельского хозяйства южной России», в примечании к статье о самозвоне, присовокупляет: «Минувшею зимою выставлена была, на несколько времени, у казармы одесской арестанской роты гражданского ведомства, модель самозвона в большом виде, устроенная изобретателем его г. Христофоровым. При каждом несколько сильном ветре, самозвон г. Христофорова приходил в движение и продолжительно звонил.

«Члены Общества сельского хозяйства южной России, Е.Г. Ггарин и Бомон, которым поручено было Обществом освидетельствовать это изобретение, донесли, что по простоте и прочности устройства самозвона, по их мнению, всякому легко пользоваться этим изобретением, и что его польза неоспорима во время метели, в наших степных пространствах».

Не сомневаясь в действительной пользе самозвона, имеющего целью предупреждать несчастные случаи, могущие быть с путешественниками во время бурь и метелей, так часто случающихся в степных наших губерниях, директор департамента Сельского хозяйства министерства Государственных имуществ приказал учрежденной при Департаменте Комиссии для дел технических и строительных сделать модель самозвона по чертежу, приложенному к описанию самозвона г. Христофорова, и подвергнуть ее испытаниям на от-

крытом воздухе. В мае месяце 1846 года, модель самозвона, сделанная в Технологическом институте (по масштабу в $\frac{1}{8}$ аршина), выставлена была на крыше дома, занимаемого департаментом Сельского хозяйства, в С.-Петербурге в Большой Миллионной улице.

Члены Комиссии, наблюдавшие за действием самозвона в течение 8 дней, убедились, что при каждом, даже незначительном ветре, колокольчик производил звон. На основании таких наблюдений, Комиссия для дел технических и строительных, журналом от 3 июня 1846 года донесла директору департамента Сельского хозяйства, что самозвон, действительно, может вполне соответствовать предполагаемой цели и, по системе своего устройства, постоянно производя звон, с какой бы стороны ни было движение ветра, может указывать путь к большим дорогам или селениям, смотря по тому, где самозвон устроен, и что весьма полезно было бы распространять введение их в местах степных, где несчастные случаи с путешественниками от бурь и метелей, преимущественно встречаются.

В начале февраля месяца 1847 года, директор департамента Сельского хозяйства приказал повторить опыты над самозвоном в зимние месяцы, в Лесном и Межевом институте, как месте загородном и более открытом. Директором Лесного и Межевого института рапортом от 3 апреля донесено департаменту Сельского хозяйства, что модель самозвона, изобретенного г. Христофоровым, была поставлена на крыше главного корпуса, и в продолжение наблюдений постоянно производила звон при ветре умеренном, т. е. скорость которого была от пяти до десяти футов в секунду; но в одну ночь, от сильного порывистого ветра, пружина, служащая для усиления удара язычка в колокол, переломилась в точке изгиба ея¹⁾.

[Пленные колокола (окончание)]

Характерно, что русские придавали колоколам чрезвычайно большое значение: так, например, после осады Риги царем Алексеем Михайловичем, «отступая с величайшей поспешностью, побросали съестные припасы, пушки, порох, ядра, даже деньги, и сверх сего, кроме значительного числа лодок, оставили более 200 стругов, больших и малых, *только взяли с собою колокола и органы из Гошпитальной и Иисусовой церквей*¹⁾.

Пленными колоколами особенно богата Петербургская губерния, отчасти Москва и затем, как было уже сказано выше, Сибирь.

¹⁾ Вологодские губернские ведомости. — 1851. — С. 184, 230, 233, 223–225.

¹⁾ Шлун Д. Осада города Риги царем Алексеем Михайловичем в 1656 году // Отечественные записки. — 1822. — Ч. 9, № 24, апрель. — С. 37.

Из замечательных шведских старинных колоколов один находится в Петербурге за Невской заставой на фарфоровом заводе, весом в тридцать пудов, с латинской надписью: «Soli Dlo³¹² gloria. Gloria in excelsis Deo. Me fundebat anno 1686 Holmiae Misael Bader».

По рассказам одних, этот колокол найден был в земле при постройке каменной церкви, на месте которой в старину была шведская кирка. По другим преданиям, он был взят в плен от шведов Петром Великим¹⁾.

В церкви Петровского Троицкого собора в Петербурге есть колокол, взятый в Або в 1713 году¹¹⁾.

[Набатные, осадные и сторожевые колокола]

Набатные колокола были известны в глубокой древности. Набат был единственным способом огласить какое-либо бедствие и собрать народ. Набат отличался особым характером звона, горожане очень хорошо отличали его от благовеста церковного.]

В Кремле, по словам И.Е. Забелина¹¹¹⁾ ~~особые набатные~~ колокола висели с трех его сторон, где находились и городские башенные часы: 1) у Спасских (в XVI в. Фроловских) ворот, на малой, нарочно для того построенной башне; этот колокол назывался *спасским набатом*; 2) к Замоскворечью на Тайницкой башне (называвшейся в XVI в. *Водяными воротами у Тайника*), и 3) к Занеглименью на Троицком мосту, на Троицких (в XVI в. *Ризположенских*) воротах.]

Во время стрелецкого бунта в 1682 году, по сказанию очевидца Сильвестра Медведева, «биша в колокола набатные по всему Кремлю».

По значению своему кремлевский набат был большой, предполагающий малые набаты: первым иногда служил большой колокол на Ивановской колокольне¹¹⁴⁾.

Настенная башня у Спасских ворот цела и до сих пор; в старину она называлась *Царской, Сторожевой, Набатной и Всполюшной*.

Название Царской она получила благодаря тому, что русские государи после своего коронования восходили сюда показаться народу, собиравшемуся на Красной площади. Другие названия объясняются тем, что здесь некогда висел *набатный* или *переполошный* колокол, в который звонили в случае угрожавшей городу опасности — во время нашествия врагов, мятежа, пожара.

1) Пыляев М.И. Старое житье. — СПб., 1892. — С. 292–293.

11) Иллюстрация. — 1862. — № 214, 5 апр.

111) Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. — М., 1873. — С. 179.

114) Снегирев И.М. Памятники Моск. древности. — М., 1842–1845. — С. 302.

Такой звон назывался *всполохом* или *набатом*, от арабского слова *pobouat*, перешедшего к нам от татар, а самый колокол, смотря по обстоятельствам, — оасдным, вечевым, набатным, всполошным.

Впрочем *набатом* назывался также и большой барабан или тумбас. Маржерет, описывая русское войско, говорит, что всякий генерал имел свой набат, род барабана, покрытого кожей, который возили на лошади¹⁾.

Кроме набатных колоколов, как было уже сказано, существовали еще в городах [колокола] *осадные*, которыми извещали жителей о приступе неприятеля.

Так, псковичи в 1581 году звонили в осадный колокол при осаде Пскова Стефаном Баторием¹¹⁾.

Отсюда можно заключить, что колокола различались между собою по звуку, чтобы жители сразу отличили: пожар или приступ неприятеля.

[Кремлевский набатный колокол]

На башне у Спасских ворот, как полагали, был вечевой колокол, привезенный в Москву из Великого Новгорода, после покорения его Иоанном III. Теперь остались одни перекладыны, на которых висел этот вечник вольного города¹¹¹⁾.

Может быть, новгородский вечевой колокол перелит был в московский набатный или всполошный 1673 г.³¹³ По указу царя Феодора Алексеевича, он сослан был в 1683 году в Корельский Николаевский монастырь за то, что звоном своим испугал царя.

На нем вылита следующая надпись: «Лета 7182 [1674 г.], июля в 25 день, вылит сей набатный колокол Кремля города Спасских ворот; весу в нем 150 пудов». Кроме этой на нем находится другая *вырезанная* надпись: «7189 года, марта в 1 день, по именному великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя России самодержца указу, дан сей колокол к морю, в Николаевский Корельский монастырь, за государское многолетное здравие и по его государских родителей в вечное поминовение неотъемлемо, при игумене Арсение»¹¹⁴⁾.

¹⁾ Карамзин Н.М. История государства Российского. — 2-е изд. — Т. 10. — СПб., 1824. — С. 241, примеч. 101.

¹¹⁾ Древняя Российская вивлиофика. — 1774. — Ч. 6. — С. 176.

¹¹¹⁾ Снегирев И.М. Русская старина [в памятниках церковного и гражданского зодчества] / Сост. А.А.Мартынов. 3-е изд. Год 1. — М., 1852. С. 115–116.

¹¹⁴⁾ Щекотов А., Максимович Л.М. Географический словарь Российского государства: В 7 т. — М., 1801–1809.

На набатном колоколе (вышиной в 2 арш. 2 верш., в диаметре 2 арш. 4 верш.), хранящемся в Оружейной палате, читаем: «1714 июля в 30 день, вылит сей набатный колокол из старого набатного ж колокола, который разбился, Кремля города ко Спасским воротам, весу в нем 108 пуд. Лил сей колокол мастер Иван Моторин».

Этот колокол висел на башне у Спасских ворот, вместо посланного в Корельский монастырь. Из дела о московском бунте во время мора 1771 года значится, что тогда звонили в набатный колокол для сбора народа. За это императрица Екатерина II велела отнять у него язык, без коего он висел до 1803 г. и тогда был снят с башни и поставлен под каменным шатром у Спасских ворот в Кремле, вместе с большими пушками. По сломке шатра, он сперва перемещен в Арсенал, а потом в Оружейную палату^{II)}.

Царь Алексей в 1668 г., января 6, назначил кремлевскому набатному звону такой порядок: «Будет загорится в Кремле, – бить во все три набата в оба края по-скору. Будет загорится в Китае – бить в один спасский набат в один край, скоро же. Будет – в Белом городе, в спасский набат в оба края потише и в набат, что на Троицком мосту, в оба края потише. В Земляном городе, – в набат на Тайницкой башне в один край, тихим обычаем, бить *развалом* с расстановкою»³¹⁴.

В ночь 17 мая, когда был свергнут Лжедмитрий, по словам Петра: «Народ проснулся от звона нескольких тысяч колоколов, которые били набат»^{III)}.

В Самаре, на соборной колокольне до сих пор находится набатный колокол, присланный сюда в 1643 году царем Михаилом Феодоровичем^{IV)}.

В описи городского Ряжского кремлевского имущества значится *вестовой колокол*, весом в 12 пуд. Этот колокол находился в городе у Московской башни на городской стене; а в 1701 году по указу великого государя Петра Алексеевича и по грамоте из Пушкарского приказа взят в Москве в Пушкарском приказе. Какое назначение имел этот колокол, – рукопись умалчивает^{V)}.³¹⁵

На Спасской башне в Казани висит древний набатный колокол.

^{II)} *Снегирев И.М.* Русская старина... / Сост. А.А. Мартынов. – 3-е изд., доп. – Год 1. – М., 1852. – М., 1852. – С. 117.

^{III)} *Петрей де Ерлезунда, Петр.* История о Великом княжестве Московском / Пер. А.Н. Шемякина. – М., 1867. – С. 224.

^{IV)} *Демьянов Г.П.* Путеводитель по Волге. – 2-е изд. – Нижний Новгород, 1894. – С. 175.

3) [Город Ряжск к его соборный Благовещенский храм //] Рязанские епархиальные ведомости. – 1876. – № 3, 1 окт., прибавл. – С. 65.

[Случай со снятым набатным колоколом]

Вот что сообщает Г.В.Есипов о [московском кремлевском] набатном колоколе.

В 1803 году стены и башни Московского Кремля во многих местах начали разваливаться, и московская Кремлевская экспедиция озаботилась об их исправлении.

Главноуправляющий этой экспедицией П.С.Валуев командировал чиновника в Набатную башню с приказанием снять осторожно колокол и сдать его в Экспедицию для хранения в кладовой, впредь до исправления башни.

Когда сняли колокол и хотели везти его в кладовую, явился офицер с солдатами и заявил, что комендант приказал оставить колокол на площади, и поставил к нему двух солдат.

Сконфуженный чиновник донес Валуеву об аресте колокола.

Валуев, отличаясь непомерным самолюбием, послал к коменданту чиновника, который на словах заявил ему: чтобы он немедленно возвратил колокол.

Комендант потребовал письменного объяснения. Валуев не замедлил такое послать и немного резкое.

Комендант нашел тон письма да самого требования оскорбительным и пожаловался московскому главнокомандующему графу Салтыкову.

Главномандующий, вероятно, тоже не совсем довольный тем, что Валуев обратился к коменданту помимо его, в тот же день уведомил Валуева, «что он находит действия коменданта совершенно законными и просит в подобных случаях обращаться к нему – главнокомандующему и содержать коменданта в том внимании, какого он заслуживает по отличному усердию и исправности в толиколетнем прохождении важного служения своего оказанными».

Валуеву стало понятным, что он сделал ошибку, погорячился, и что главнокомандующий может довести об этом до Высочайшего сведения, а главнокомандующий и Валуев, как два медведя в берлоге, жили не в ладу.

Валуев поспешил искать покровительства в любимце императора сенаторе Трошинском, мимо которого в случае жалобы графа Салтыкова дело не могло пройти.

«Опасаясь, что главнокомандующий представит о деле своим манером на Высочайшее усмотрение, доношу вашему высокопревосходительству (писал Валуев Трошинскому), яко единственному благотворителю, о встретившейся неприятности от коменданта и главнокомандующего душащими меня попеременно пустыми от-
ношениями.

По понятию моему о пользе казны и славы моих государей, истребил я, без огласки, прошедшим летом два застенка, яко памятники времен жестоких и бесчеловечных, употребля из оных материалы на исправление древностей, заслуживающих быть обереженными в позднейшие времена и, что этим оправдал я ваше покровительство, снискав всеобщую жителей московских эстиму и заслужил монаршее благоволение.

Руководствуясь таковым же подвигом *спрятан у меня давно язык известного колокола, служащего возвестителем всех возмущений стрелецких и возмущений чумы* в царствование Екатерины Премудрой».

После такого напоминания о своих заслугах, оказанных государю и отечеству и московским жителям, Валуев в письме к Трошинскому рассказывает, как комендант арестовал колокол и оставил его под караулом на площади, где «прохожие, может быть, делают о том разные толки и заключения, а главнокомандующий, не осмотрев места и не расспросив о том у меня, пишет ко мне отношение, которое я оставил без ответа как для избежания дальнейших историй, так и потому, что ответствуя, обязан бы я был объяснить его сиятельству, что колокол им уважаемый, есть памятник зол российских, заслуживающий быть забытым всеми благомыслящими отечества сынами, памятник бесславия покойного отца его, который, будучи главнокомандующим, от чумы и возмущения укрылся в подмосковную, за что и был отставлен, и дана преемнику его инструкция, в которой упомянуто о его побеге».

Изливши свою злость на главнокомандующего и даже на покойного отца его, Валуев принимается за коменданта:

«Комендант говорит, что без начальства колокола отдать не может. Бude колокола принадлежат к военной дисциплине и аккуратности, почему же не воспрепятствовал мне прошедшим летом разбирать колокола на башнях Спасской и Троицкой?»

Обязан я был объяснить ему (главнокомандующему), что в моем чине, служа непорочно пятьдесят лет, разумею я должен, кому какие давать уважения, не погрешая против коменданта, о котором он сам отзывался, что он пьяница и знает только службу капральскую».

Далее Валуев, ни перед чем не останавливаясь, продолжает перечислять всякие мелочи, чтобы окончательно уничтожить своего противника:

«Злоба коменданта происходит от того, что не удовлетворяются его пустые требования о снабжении его дома невероятным числом дворцовыми мебельями, о набитии льдом его погребов и проч. и проч., понеже дом его не ведомство экспедиции; злоба главноко-

мандующего от неблагорасположенных ко мне окружающих его зятя Уварова и правителя канцелярии Карпова».

Как ни старался Валуев в глазах Трошинского, который мог донести эти сплетни и выше, очернить коменданта и главнокомандующего, не постыдившегося даже, по случаю колокола, вызвать тяжелые воспоминания фамилии графов Салтыковых и поступке одного из их семейства во время чумы в Москве 1771 года, как ни льстил Трошинскому разными подобострастными фразами, но граф Салтыков остался цел и невредим и 28 мая 1809 года сообщил Валуеву, что государь император Высочайше повелеть соизволил: «*Набатный колокол сохранять навсегда на своем месте* (т. е. на той башне, где он висел), в случае же починки башни сохранять колокол в надежном месте до исправления ея, а по исправлении опять вешать на свое место».

Валуеву, впрочем, осталось утешением, что в решении ничего не было упомянуто *о спрятанном им языке от колокола*¹⁾.

[Сторожевые морские колокола]

Кроме перечисленных выше есть еще так называемые *сторожевые* морские колокола, которые прикрепляются в опасных местах моря к плавающему бую. Услыхав такой звон, корабли спешат прочь от рокового места.

Виктор Гюго в своем романе «*L'homme qui rie*» описывает такой сторожевой колокол.

Другое описание сооружения сторожевого, так называемого *Тейского* колокола, приводим ниже.

«Однажды, по улицам Перта и Донди тянулись две процессии; духовенство шло под богатыми раззолочеными балдахинами; певчие пели; моряки несли флаги и хоругви; обыватели, сбежавшиеся со всех сторон, держали в руках зажженные факелы, а другие несли с торжеством по обоим городам изображение святого Антония, патрона и покровителя тех, которые вверяют жизнь свою бурному океану.

Между тем как процессия тянулась к берегу, зрители бросали из окон множество больших и малых монет. Мальчики в белых туниках и с крыльями за плечами проворно подбирали деньги и поднимали кверху серебряные подносы, которые звенели под усердными криношениями набожных жителей.

Шествие продолжалось целый день, и сокровища, собираемые в обоих городах, увеличивались до самого вечера. Милостыня пре-

¹⁾ Есипов Г.В. Набатный колокол // Исторический вестник. – 1881. – № 2. – С. 418–419.

дупреждала требование, потому что в обоих городах не много семейств, которые не оплакивали бы родственника или приятеля, погибшего у скалы, которая подобно гиганту стоит на пути кораблей, входящих в Тейской пролив.

Этот крестный ход был учрежден для того, чтобы собрать деньги, необходимые городскому начальству на исполнение плана, предложенного искуснейшим из пертских моряков, и самые бедные люди лишали себя насущного хлеба, чтобы участвовать в этом предпрятии, которое обещало столько блага в будущем.

Дело в том, что на скале хотели повесить большой колокол, так, чтобы малейший порыв ветра приводил его в движение и звоня предупреждал бы пловцов о буре, еще не наступившей, и о близости страшного камня.

Молодой капитан Андрус Мек-Элайз так ясно изложил свой проект в собрании городского совета, что возбудил всеобщее удивление, и до тех пор члены о том только и думали как бы скорее привести в исполнение план, от которого зависела жизнь столь многих мореходцев.

Вечером деньги, собранные во время процессии, сосчитаны и оказалось, что их слишком довольно на исполнение задуманного предприятия.

В новом собрании совета положено было отправить капитана Мек-Элайза в Амстердам, чтобы купить колокол. Капитан говорил, что у знаменитого голландского литейщика ван-дер-Маклина есть огромный колокол, который по своей величине и звучности очень удобен для этого употребления.

Все обыватели провожали Андруса Мек-Элайза до берега и осыпали его благословениями; взяв с собою деньги, он сел на корабль и благополучно прибыл в Амстердам.

Он уже не раз бывал там, жил в дружбе с ван-дер-Маклином, и флегматик-голландец с жаром расхваливал серьезный, решительный характер молодого англичанина.

Они не раз просиживали вдвоем целые вечера и посреди густых облаков табачного дыма потягивали густое амстердамское пиво.

— Ну так вы, мейнгер Мек-Элайз приехали, чтобы купить знаменитый утрехтский колокол и повесить его на этой проклятой скале? Дело доброе. Вы знаете, я сам пострадал от нея. После я опять разбогател и молю святого Антония, чтобы и другие были не беднее меня. Но ведь колокол будет стоять не малого: иначе и нельзя, потому что вес-то в нем огромный.

— Мы готовы заплатить за него, что вам будет угодно, мистер ван-дер-Маклик, — отвечал Мек-Элайз.

— Однакож, как вы покупаете его на доброе дело, то и я хочу в нем участвовать; я ничего не потребую за работу; заплатите мне только за металл. Это будет та самая цена, которую мне уж месяца четыре предлагает Моисей. Не давайте мне того, что он бы с вас взял; дайте только то, что этот скряга мне сам предлагает; а между этими двумя ценами разнища огромная! Есть ли у вас десять тысяч гильдеров чистоганом?

— Есть и побольше.

— Больше мне не нужно; я вам говорю, что хочу тоже участвовать в добром деле. А уж Моисею не продам! Не звонить этому колоколу ни у него в кармане, ни за упокой его души. Согласны? Так по рукам, и берите.

— По рукам. Наш город будет вам очень благодарен, мистер вандер-Маклин, за ваше великодушие.

— Мне приятнее будет, капитан, когда меня станут благодарить моряки. Выкуримте же теперь по трубке.

Колокол перевезли на корабль; корабль пошатнулся и прыгнул под огромною тяжестью; деньги были заплачены, экипаж собрался и Мек-Элайзу медлить было нельзя.

Однажды, в тихое, прекрасное утро, бесчисленное множество открытых шлюпок, под парусами, с аллегорическими хоругвями, расписанными, вышитыми, покрытыми национальными и цеховыми девизами, отчалили от абербротвейкского берега и длинною вереницей потянулись к скале.

В этих лодках сидели духовенство, певчие и все начальство городов Перта и Донди. По воде разносилась гармония, а легкие ладьи, сжавшись и стеснившись, походили издали на летучий мост. Торжественные гимны раздавались в таких местах, где с сотворения мира их не слышали.

Андрус Мек-Элайз, со своими работниками, которые должны были повесить колокол, вскарабкался на скалу перед глазами трепещущей толпы. Прошел час в тревожном ожидании; потом, посредством колес и канатов, огромная медная масса начала подыматься посреди лесов, вделанных в скалу, и благословения толпы, вместе с цветочными венками, взлетели на воздух.

Эти цветы падали потом в море, как дождь с неба, и вода была совершенно усеяна венками вокруг скалы, где не росло ни травы ни мху. Колокол, назначенный к тому, чтобы спасти пловцов от гибели, был окроплен святой водою.

Между тем как песни с живейшею благодарностью вознеслись к небу, налетел ветер и колокол запрыгал и звуки его возбудили громкие рукоплескания, потому что эти звуки теперь уничтожили всю опасность скалы для пловцов.

Несколько облачков, предвестников бури, пронеслось по небу и процессия поспешила к Абербротвейку. Через час весь берег был затоплен.

Море, яростное и шумное, воздымалось, восставало против звучного сторожа, как бы силясь опрокинуть его в бездну; но колокол усердно исполнял свою обязанность и гудел громче бури.

Птицы со страхом отвечали криками на медный голос скалы. Они кружили вокруг этого голоса и, казалось, что он не допускал их спуститься на скалу, которая часто служила им убежищем во время бури.

Наконец, Андрус Мек-Элайз отдохнул; работа окончена; колокол повешен. На другой день он ускользнул от изъявлений благодарности и празднеств, которые готовили ему граждане обоих городов, где имя его произносилось теперь с энтузиазмом»¹⁾.

[О значении колоколов для русского человека]

Как было уже сказано, колокола имели огромное значение и смысл в Древней Руси. Они вешали народу о радости, о печали, призывали его к молитве или сообщали ему о надвигающейся опасности, как, например, колокола *сторожевые*, *вспокошные* или *набатные*.

Вот почему народ наш с особенным благоговением, а иногда и с священным трепетом относился к колоколам и церковному звону. Он слышал в нем голос Неба, призывающий и направляющий его, и этот могучий голос был ему понятен и дорог.

Путешествуя по чужим землям, русские люди – игумен Даниил, иеродиакон Зосима, Трифон Коробейников, Василий Гогара, инок Иона, Арсений Суханов и другие – постоянно с сердечным умилением описывали колокола и церковные звоны и искренно печались, если где-либо в христианском городе не слышали благовеста.

Так, описывая Царьград, Трифон Коробейников говорит: «А против того столпа храм велик во имя Софии Премудрости Божия, а служит у него царьградский патриарх; *звону нет, потому что отнял турецкой царь*; а за храм и за службу патриарх дает великий откуп с году на год золотыми; а в иных монастырях старцы також откупают божественное пение»¹⁾.

Попадая на чужбину, русские люди первым долгом вспоминали благовест на своей родине и грустили и тосковали, не слыша его.

¹⁾ Библиотека для чтения. – СПб., 1840. – Т. 43. – С. 97.

¹⁾ *Коробейников Трифон*. Второе хождение Трифона Коробейникова [О пути к Царю граду от Москвы и до Иерусалима. Рук. Московского публ. музея из собр. А.Н. Попова, № 2416, XVII в, скор. в 4° л. 40–48] / С предисл. С.О. Долгова. – М.: издание чтений, 1887. – С. 16.

«Мне не надо твоей золотой казны,
Отпусти ты меня на святую Русь,
Не слышать мне здесь пенья церковного,
Не слышать звону колокольного...»

Так восклицает русская девушка, попавшая в татарскую орду.

В этих словах отражается отношение к церковному звону вообще всех русских людей, оторванных от родины, от ее исконных заветов, обычаев и обрядов.

Очевидец, бывший в Москве в 1812 году во время вторжения туда неприятелей, рассказывает, что когда немногие из русских, оставшихся в столице, услыхали стройный благовест, все были охвачены чувством умиления и каким-то особенным подъемом.

«Около восьми часов утра мы услыхали отдаленный колокольный звон. Все вопросительно взглянули друг на друга и начали доискиваться причины. Одни говорили: вероятно, неприятели вздумали потешиться колокольною музыкой, другие опровергали это и делали свои предположения; но отец мой, внимательно вслушавшись в звук, утверждал, что это не простой, безалаберный звон, но правильный *благовест в один колокол*, которым православные созываются на богослужения. Для удостоверения, мы, мужчины, отправились по направлению слышанного колокола.

Достигнув Якиманской улицы и подойдя к церкви Петра и Павла, мы уверились, что это действительно был благовест, производившийся при этой церкви. У растворенных дверей храма, по сторонам, стояли двое неприятельских часовых с ружьями, которые беспрепятственно пропускали русских внутрь храма. В это время собирались богомольцы, благоговейно, при входе в церковь крестясь, творили молитвы.

Смотря на исхудалые, бледные лица, изъявляющие совершенное истощение органических сил от претерпеваемых страданий тела и духа и рубищное одеяние богомольцев, с трудом передвигавших от слабости ноги, вылезавших из своих жилищ, как бы из нор, из обгорелых подвалов и погребных ям, их можно было уподобить восставшим из гробов теням, как бы вызванным трубным гласом (т. е. благовестом) в последний день Страшного суда, для отдания отчета.

Оказалось, что священник, оставшийся в Москве, через какого-то французского маршала исходатайствовал дозволение на богослужение, однако с тем, *чтобы колокольный звон производился только один раз в день* и не ранее восьми часов утра»¹⁾.

¹⁾ Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. — М., 1862. — С. 199–200.

В 1812 году, во время нашествия французов, в селе Новоспасском непрерывно совершалось богослужение в кладбищенской церкви Покрова Богоматери. Французы не препятствовали священнодействию и даже сами неоднократно присутствовали при оном. В это время настали два храмовых праздника: *Преподобного Сергия* (25-го сентября) и *Покрова Богоматери*. Французские начальники запретили только благовест в большой колокол, приславши сказать из своего лагеря, который разбит был в полуверсте, *чтобы не тревожили набатом войска* (таково было их выражение), *а служили бы звоном маленьких колоколов*.

Некоторые из поляков, бывших в стоявшем здесь отряде из корпуса короля Неаполитанского, приходили *даже служить* молебны Святителю Николаю¹⁾.

Имея тесную связь с русским народным бытом, колокола естественно послужили неисчерпаемой темой для преданий, сказок, былин, загадок и причитаний.

[Писатели о колокольном звоне]

Художественная литература часто касалась колокольного звона. Вот как описывает А.И. Куприн праздничный благовест:

«Колоколья. Какая веселая, пьянящая, головокружительная пестрота внизу, под моими ногами. Небо страшно близко: вот-вот дотянешься рукой до белого пухлого ленивого облачка. О, верх мальчишеского счастья – наконец-то в моих руках веревка от самого главного, самого большого колокола.

Грушевидный язык его тяжел и долго скрипит своим ухом, пока его раскачиваешь. Ба-ам!.. Теперь уж больше ничего не видишь, не слышишь и не понимаешь. В ушах больно от мощных медных колебаний. Еще!.. еще... Ласточки стрелой проносятся мимо тебя, любительские «голуби» стаяй плавают высоко в воздухе...»¹¹⁾.

«Лишь триста, четыреста лет висят наши большие колокола на наших колокольнях; но если бы допросить эти колокола, как они созидались и если бы они рассказали нам об этом; если бы поведали нам они, откуда они взялись, о, какая бы тогда назидательная летопись раскрылась пред миром! Бесчисленные звуки от них к нему восходящие. Но какой длинный свиток поучительных любопытных сказаний о праведной жизни, полной святых подвигов с картинами

¹⁾ *Казанский П.С.* Село Новоспасское, Деденево тож и родословная Головиных, владельцев оногo. – М., 1847. – С. 9.

¹¹⁾ *Куприн А.И.* Мой паспорт[: Пасхальное стихотворение в прозе] // Собрание сочинений: В 2-х кн. – СПб., 1911. – Т. 1, кн. 2. С. 99–108.

самоотвержения, благочестия, чудес благодати и промысла развернулся бы пред нашими изумленными глазами, если б эти колокола да попросить рассказать нам о радости и горе, о входах и исходах, о смерти и о жизни православного народа под их звуки!

Кто исчислит толпы взрослых и детей, под их звон из года в год во дни праздников и в будни в наши храмы приходящих? Сколько сердец о мире с Богом под звуки их вздыхают и о ниспослании его в душу к небу вопиют! Мертвых кто сочтет, коих с наших колоколен звон к вечному покою провожал и провожает?

Сколько в течение последних двух-трех столетий победного звона с наших колоколен раздавалось! О скольких торжествах мира они нашим предкам возвещали! Во времена военные о мире молили Бога наши колокола, а когда Всевышний миром дарил наше отечество, они возвещали ему о сем мире радостно и полногласно. Как бы с неба голос, с наших колоколен звон, говорил тогда к народу: «Слава Богу, с врагом мир заключен. Теперь копье, ружье и меч и тяжелые орудия прекратят свою работу, уляжется убийство. Любезное отечество! Возьми теперь свой псалтирь десято-струнный и пой в высоких нотах, пой Богу хвалебные песни, пой и благодари Бога сердцем и устами в полных хорах». Так, когда народ прислушивается к звону своих церковных колоколов, они дарят его миром; а как скоро о сем забывает, о мире снова молиться начинает. В наше время слышны вопросы: к чему такие великаны и такие мощные гласы для призыва христиан к молитве? Да, если бы колокола не были изобретены давно, то в наше время не были бы изобретены. Если б к настоящему времени мы не имели колоколов, то, быть может, пришлось бы обращаться к детям для созыва взрослых в храмы при их посредстве. «К чему эти мощные голоса?»... Есть много сокровищ, которые лишь поднять нужно и пригоршней собирать, чтобы ими жизнь свою обогатить «К чему эти могучие голоса?»... К Высочайшему, ко Всесвятейшему и приглашать должно настойчивей, сильнее. Где дело идет об охране души всех, там и приглашение должно достигать слуха всех. На другие собрания можно приглашать чрез вестников, письмами, чрез объявления; во храмы призывает Бог; нужно чтобы и призыв напоминал Бога и звуки зова трогали бы сердце. Но какой иной инструмент мог бы выполнять это назначение в том самом объеме, как выполняет его колокол? Звон наших колоколов — единственный в своем роде и ничем другим не заменимый. Уже когда колокола на Западе только еще входили в употребление, язычники Римской империи, почасту слыша звон этих колоколов, говорили: «Глас Божий это; это голос христианского Бога слышен». И в этом слове их более правды, чем сколько ее кто-нибудь предполагал

бы в нем. Хоть колокольный звон и не молитва, хотя сами колокола и никогда в церкви не бывают: бездушны они, а все-таки они во славу Божию звонят; хотя своим билом, языком они речей весть и не могут, а вести подают. «Земле, земле, земле, — как бы так говорят они, — слыши слово Господе» (Иер. XXII, 29)¹⁾.

«И скрашиваются же христианские наши праздники колокольным звоном! Вот в праздничных нарядах народ выходит из храма, а клирик «знаменает кампаны» (σημαίνει τὰς χαμπάνας), звонит с приударением во все колокола. Звуки уже и отдельного колокола представляют собою нечто возвышенное и торжественное. Если же раздается полный звон во все колокола, а особенно красный звон в согласный подбор колоколов погласицей или, что то же, целой лестницей звуков, когда церковный звонарь распетлится на колокольном и по рукам и ногам, качается на зыбке и звонит согласно в целую дюжину колоколов, перебирая их от большого к меньшому и к большому от меньшого, да еще с другими звонарями на других колокольных перезванивается колоколами, как бы перекликается; когда праздничный трезвон в прекрасном созвучии, согласном, правильном взаимном соотношении одновременных звуков льется с наших колоколен, то происходит благозвучие еще торжественнейшего рода: становится тут торжество уже всенародным. Ничем иным общее настроение народа не может быть выражено удачнее; ничем праздник не может быть отважней и смелее возвеличен, как именно мощным колокольным звоном. Поистине, если дни воскресные и праздничные в нашей трудолюбивой жизни являются вестниками мира, то в колоколах получают и имеют эти вестники и уста»¹¹⁾.

Колокол, это — голос церкви, зовущий издалека и посылающий равномерный привет дворцу и лачуге, говорит Паоло Мантегацца.

Каждый знает, какие сильные впечатления может производить колокольный церковный звон при особенных обстоятельствах и душевных настроениях человека. Когда неожиданно в тиши ночной раздается, призывающий к полуночному богослужению, как поэтически улаждающе отражается он в душе юности и погружает ее в полузабытые сладких грез, и как повелительно побуждает он воздыхающую старость воспрянуть от сна и в молении искать примирения с жизнью и готовиться к недалекому уже расчету с нею!

По народным повериям влиянию ночного церковного колокола не могут противостоять сами нечистые силы, и шабаш их тотчас же

¹⁾ Корсунский Н.Н. Благовест. — 3-е изд. — Ярославль, 1887. — С. 12.

¹¹⁾ Там же. С. 30–33.

пропадает с первым ударом колокола, равно как теряет силу всякое волшебство, всякое гаданье.

Звук колокола производит иногда отрезвляющее, спасающее действие на человека, находящегося на краю нравственной и физической гибели, говоря ему о чем-то таком, что выше его страданий, что может дать новое содержание его жизни и о чем он забыл.

Припоминается при этом прекрасный рассказ Всеволода Михайловича Гаршина «Ночь». Разочаровавшийся в жизни и ожиданиях, в людях и в самом себе, Алексей Петрович, герой рассказа, приготовился покончить счеты с жизнью.

«— Прощайте, люди! Прощайте, кровожадные, кривляющиеся обезьяны!

Нужно было только подписать письмо. Но, когда он кончил писать, он почувствовал, что ему жарко; кровь прихлынула к голове и застучала в вспотевших висках. И, забыв о револьвере и о том, что, избавившись от жизни, он избавится и от жара, он встал, подошел к окну и отпер форточку. Дымящаяся морозная струя пахнула на него...

Ему не хотелось отвести глаз от звезды. Кто-то быстро прошел по улице, сильно стуча озябшими ногами по плитам панели и ежась в холодном пальто; карета провизжала колесами по подмерзшему снегу; проехал извозчик с толстым барином, а Алексей Петрович все стоял, как застывший.

— Нужно же! — сказал себе наконец.

Он подошел к столу. От окна до стола было всего две сажени, но ему казалось, что он шел очень долго. Когда, подойдя, он уже взял револьвер, в открытое окно раздался далекий, но ясный, дрожащий звук колокола.

— Колокол! — сказал Алексей Петрович, удивившись, и положив револьвер снова на стол, сел в кресло.

— Колокол! — повторил он. — Зачем колокол? Благовестят, что-ли? На молитву... Церковь... Духота... Восковые свечи... Старенький поп, отец Михаил, служит жалобным, надтреснутым голоском; дьячок басит. Хочется спать, в окно едва брезжится рассвет. Отец, стоящий рядом со мной, склоня голову, делает торопливые маленькие кресты; в толпе мужиков и баб сзади нас поминутные земные поклоны...

Как давно это было!.. Так давно, что не верится, что это была действительность, что сам когда-то видел, а не прочитал где-нибудь или не слышал от кого-нибудь. Нет, нет, было это все, и тогда было лучше. Да и не только лучше, а хорошо было. Если бы теперь так, не нужно бы ездить за револьвером.

«Кончай!» — шепнула ему мысль. Он посмотрел на револьвер и протянул к нему руку, но тотчас же отвел ее назад.

«Струсил?» — шепнула ему мысль.

— Нет, не струсил; тут не то. Страшного уже ничего нет. Но колокол — зачем он?

Он взглянул на часы.

— Это к заутрени, должно быть. Пойдут люди в церковь; многим из них станет легче! Так говорят, по крайней мере. Впрочем, помню, и мне легче становилось. Мальчиком был тогда. Потом это прошло, погибло. И легче мне не становилось уже ни от чего. Это правда.

Правда! Нашлась правда в такую минуту!

А минута казалась неизбежной. Он медленно повернул голову и опять посмотрел на револьвер...

— Вон там смерть. Нужно взять, повернуть кругом...

На улице было тихо: никто не ехал и не шел мимо. И из этой тишины издалека раздался другой удар колокола; волны звука ворвались в открытое окно и дошли до Алексея Петровича. Они говорили чуждым ему языком, но говорили что-то большое, важное и торжественное. Удар раздавался за ударом, и когда колокол прозвучал последний раз, и звук, дрожа, разошелся в пространстве, Алексей Петрович точно потерял что-то.

Колокол сделал свое дело: он напомнил запутавшемуся человеку, что есть еще что-то, кроме своего собственного узкого мирка, который его измучил и довел до самоубийства. Неудержимой волной нахлынули на него воспоминания, отрывочные, бессвязные, и все как будто новые для него. В эту ночь он многое уже передумал и многое вспомнил, и воображал, что вспомнил всю свою жизнь, что ясно видел самого себя. Теперь он почувствовал, что в нем есть и другая сторона, та самая, о которой говорил ему робкий голос души...

Новая нить размышлений развернулась в голове Алексея Петровича:

«Господи! Хотя бы какого-нибудь настоящего, неподдельного чувства неумирающего внутри моего я! Ведь есть же мир! Колокол напомнил мне про него. Когда он прозвучал, я вспомнил церковь, вспомнил толпу, вспомнил огромную человеческую массу, вспомнил настоящую жизнь. Вот куда нужно уйти от себя и вот где нужно любить. И так любить, как любят дети... Ведь это сказано вот тут...»

Он с радостью схватил маленькую темно-зеленую книжку и начал читать с первой страницы и читал все подряд»¹⁾.

¹⁾ Гаршин В.М. Ночь // Первая книжка рассказов. — 8-е изд. — СПб., 1897. — С. 153.

В путеводителе по московской святыне Ф.И. Рычина приведено следующее стихотворение о колоколе:

Колокол русский, народный,
Колокол Церкви святой!
Чуден твой голос свободный,
Люб отголосок мне твой.

К Богу во храм призывает
Стройная звуков волна,
Москву кругом оглашает,
Грешников будит она.

Чуть над Москвой пронесется
Первый торжественный звон –
Всюду народом кладется
Господу Богу поклон.

С первым к обедне ударом
Шапки снимают долой,
Крестится всякий не даром,
К небу стремяся душой.

Чистые, чудные звуки
Любо душою ловить,
Ими тревожные муки
В сердце больном хоронить.

Колокол русский, народный,
Колокол Церкви святой!
Чуден твой голос свободный,
Люб отголосок мне твой¹⁾.

[Колокола в музыкальном искусстве]

Насколько большое значение имеет колокольный звон в явлениях нашей русской жизни, это можно видеть из того, что колокол и колокольный звон неоднократно были предметом воспроизведения в различных областях нашего искусства. Так, ни у одного из европейских народов нет столь многочисленных изображений звона в музыке, как у нас, имеющих целый ряд опер и пьес с воспроизведением звона.

Вот их список:

- 1) «Жизнь за царя», опера [М.И.] Глинки, 5-й акт.
- 2) «Борис Годунов», опера [М.П.] Мусоргского, – пролог.

¹⁾ Приведено стихотворение Акинфиева из книги: *Рычин Ф.И.* Путеводитель по Московской святыне. – 5-е изд. – М., 1890.

- 3) «Князь Игорь», опера [А.П.]Бородина, 1-е действ. 2-я карт. и 4-е действ. (Скула и Ерошка).
- 4) «Псковитянка», Р.Корсакова³¹⁶, 1-е действ., вече.
- 5) «Пасхальная увертюра», его же.
- 6) «1812 год», увертюра [П.И.]Чайковского.
- 7) «Кремль», сюита [А.К.]Глазунова, III часть, встреча князя.
- 8) «Ратклиф», опера [Ц.А.]Кюи.
- 9) «Рогнеда», опера [А.Н.]Серова, – политический звон.
- 10) «Нижегородцы», оп. [Э.Ф.]Направника.
- 11) Фортепианная сюита [А.П.]Бородина, № 1 Au couvent.
- 12) «Ночь на Лысой горе», фантазия для оркестра, [М.П.]Мусоргского и др.

Некоторые из этих воспроизведений звона столь значительны и сильны, как напр[имер], в «Жизни за Царя» [М.И.]Глинки и «Борисе Годунове» [М.П.]Мусоргского, что являются настоящими перлами искусства, и было бы весьма любопытно попробовать настроить где-нибудь колокола так, чтобы на них можно было исполнить один из названных звонов. Недавно московский Большой театр приобрел колокол в 170 пудов для оперы «Псковитянка».

Из зап[адно]-европейских опер изображение звона есть в «Пророке» Мейербера, но оно мало интересно, как мало значителен зап[адно]-европейский звон сравнительно с нашим величественным и могучим церковным звоном.

[Колокола в изобразительном искусстве]

Вечевой колокол был не раз предметом изображения в живописи.

Как сообщил В.В.Стасов, мотивом первой русской виньетки в русском стиле был вечевой колокол, именно, в 1857–58 гг. профессор архитектуры Горностаев проектировал совместно с В.В.Стасовым и нарисовал две первые русские виньетки: одну для издания «Камаринской» Глинки (с изображен[ием] музыкальн[ого] инструм[ента] балалайки и др.), другую – для издания музыки Глинки к трагедии «Князь Холмский», Кукольника; на этой последней виньетке изображен древний вечевой колокол с тремя веревками – красной, синей и зеленой; откуда проф. Горностаев взял или вычитал эти подробности, В.В.Стасов не помнит.

Затем, несколько лет тому назад на одной из передвижных выставок появилась картина Клавдия Лебедева: «Увоз вечевых колоколов из Новгорода при Иване III»¹⁾.

¹⁾ Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 17–18.

[Колокола в фольклоре]

В русских загадках колокольный звон определяется следующим образом:

- 1) «Звонко звякнет,
Утка крикнет,
Собирайтесь детки,
К одной матке»¹¹⁾.
- 2) «Выду на вывой,
Ударю в гой, гой, –
Утешу царя в Москве,
Разбужу короля в Литве,
Мертвеца на земле,
Игуменью в келье,
Малу дитю в колыбели».

Колокол же определяется так:

- 1) «Кричит без языка,
Поет без горла,
Радует и бедует,
А сердце не чует».
- 2) «Из земли взяли,
На огне грели,
Опять в землю положили;
А как вынули – стали бить,
Чтобы мог говорить».
- 3) «В церковь других созывает,
А сам в ней не бывает».

Но особенно характерна и в высокой степени интересна следующая народная загадка о колоколе:

«Я – мертв, но живым вещаю о радости и горе,
И чем больше бьешь меня, тем громче говорю о Боге».

Пасхальный звон неоднократно служил темой для поэтических народных преданий и легенд. Особенной популярностью среди народа пользуется *рассказ об архангельском злодее-душегубце*.

В древние времена, в дремучем лесу на большой вологодской дороге жил лихой человек. Много душ христианских загубил он на своем веку, много вдов и сирот обездолил, и росла о нем слава по всей Русской земле. Кого бы ни встретил тот лихой человек, – старца ли старого, молодца ли удалого или женщину с ребятами малы-ми, никого не оставлял в живых.

¹¹⁾ Сахаров И.П. Сказания русского народа. – 3-е изд. – Т. 1, кн. 1. – СПб., 1841. – С. 92–93. – № 25–34–72.

И вот, однажды, под самое светлое Христово Воскресенье, вышел он ночью в лес и начал ожидать жертву.

А тем временем из Тотьмы в Вологду шел человек, – спешил он праздник великий встретить дома.

Заслышал шаги лихой человек, бросился с ножом, но в это самое время пронесся могучий удар церковного колокола, а за ним другой, третий...

Остановился, как вкопанный, лихой человек, а пасхальный звон широкой рекой разливается и тонет в глубине леса...

Не выдержал злодей, разрыдался, выронил нож из рук и, бросившись к путнику, голосом, полным слез, проговорил:

– Христос Воскресе!..

А церковный звон разливался все шире и радостней и, казалось, вся природа на его могучие раскаты отвечала:

– Воистину Воскресе!..

И с той поры пошел лихой человек в обитель святую замаливать свои грехи великие...

В этом поэтическом предании ярко рисуется отношение нашего народа к церковному звону, в котором он слышит голос Бога, и даже закоренелый злодей и тот возрождается, пробужденный его могучими раскатами.

В селе Каменка Нижегородской губ., в сельской церкви есть колокол, о котором существуют разные предания. Так, например, рассказывают, что какой-то разбойник, обратившийся на путь истинный, привез этот колокол в монастырь, теперь не существующий. Затем, когда монастырь был упразднен, колокол перевезли в Каменку.

На колоколе сохранилась следующая надпись: «Ave Maria ctella Dei Mater alma atque semper virgo, felix celi porta». Под надписью стоит число: «1003»¹⁾.

[³¹⁷ «Сельская церковь с. Коприна, говорит [А.] Радонежский в своей хрестоматии «Солнышко», стоит на высоком берегу р. Волги. С колокольни вид на Волгу и окрестности бесподобный. В детстве любил Радонежский лазить на колокольню со сторожем, отставным солдатом Николаем, когда он пойдет, бывало, благовестить ко все-нощной на праздник. Благовест гудит, а ты стоишь и смотришь с высоты в даль.

Мечты, думы одна за другой, неясные грезы встают в голове и уносятся волнами звуков. Часто мне хотелось спросить у гудящего

¹⁾ Демьянов Г. Путеводитель по Волге. – Нижн. Новгород, 1894. – С. 133.

колокола: что он видел на своем веку? Сколько слез, горя, неутешной скорби или радости пролито при его звуках? Какое облако молитвенных вздохов вылетело из груди поселян, когда они внимали этому медному голосу.

Помню, как теперь, говорит Радонежский, мое пребывание на колокольне со сторожем накануне Покрова. Он не слезал с колокольни, и в продолжение всенощной словоохотливый старик мне рассказал много замечательных случаев из жизни прихожан, где сказалась святая сила церковного благовеста. Вот два из них. 1) «Раз в зимнюю ночь, под воскресенье, подходит к проруби на Волге едва прикрытая лохмотьем, обутая на босу ногу, молодая крестьянка с грудным ребенком на руках. Пьяный, распутный муж, пропивший все в доме, последнюю одежонку с себя и с жены, не в первый раз избил ее и выгнал вон на мороз... Терпенье несчастной истощилось; сердечная решилась утонуть вместе с дитятей. Вот она у проруби; целует ребенка, крестит его, начинает последний раз молиться на церковь; помолившись, снимает с себя крест и кладет близ проруби на снег... В эту минуту раздается благовест к заутрени... Вздрыгнула женщина, точно испуганная голубка, встрепелась, оглянулась на церковь, зарыдала, перекрестилась, быстро подняла, торопливо надела на себя лежавший на снегу крест, поцеловала ребенка и бегом побежала к церкви, в сторожку... Здесь ее отогрели и она прожила в сторожке целую неделю. Между тем проснувшийся муж напрасно искал своей семьи у соседей. Напросы о жене и ребенке, все ему отвечали: «Загубил ты, разбойник, заел жизнь доброй жены... Где ей быть? Наложил видно руки на себя». Проснулась совесть у мужика: он рыдал, каялся в своем тиранстве, клялся, давал зарок оставить худую жизнь, только бы Господь сохранил ему жену и ребенка. Действительно, соседи все удивлялись, как после этого случая быстро переменялся мужик, стал жить в любви и согласии с женою, сделался трезвым, работающим. Сын вырос, стал хорошим человеком, и теперь первый в приходе крестьян: набожный, трудолюбивый, зажиточный. Старики долго жили: отца сын похоронил раньше матери. Перед кончиною только поведал ему отец: «В ту ночь, когда я, пьяный, избил и выгнал твою мать, вдруг слышу во сне над самым ухом громкий благовест и кто-то говорит мне так строго, точно неземным голосом: «Безумец! Гляди, где твоя семья»... Вижу, словно на яву, среди ночной темноты стоит на берегу наша церковь, как огненный столп, чудным светом озаренная, а от нее широкая яркая полоса света пала на Волгу... Глянул как я в ту сторону: Господи помилуй! Подле проруби, обнесенной елками, стоит жена с ребенком на руках и молится на церковь».

Далее, Радонежский приводит другую легенду:

«Приехал сюда в Великом посту, под Вербное воскресенье, вечером из города богатый купец: нужно было ему по делам переправиться за Волгу. А Волга только что тронулась и пошла, переехать на ту сторону было никак нельзя.

Купец решил переночевать на постоялом дворе, который (теперь двора нет, да и хозяин давно умер) вон там, за селом один бобылем стоял. Двор держал здешний крестьянин. Купец ехал по торговым делам и вез с собою большие деньги. Поместил проезжего хозяин в отдельной комнате, а сам ночевал со своей семьей через сени в другой избе. Постоялец разговорился с хозяином: куда, как и зачем едет. Лукавый силен, горами шатает... Мужик заметил у купца много денег, соблазнился, и что бы вы думали, решил убить проезжего. Наступила ночь. Купец с дороги крепко уснул. В деревне какие запоры... Да купцу и на мысль не приходило что-нибудь дурное. Мужик берет топор и тихонько крадется к спящему; вот он ощупал постель... Вдруг благовест к заутрени. Мужик вздрогнул. Топор выпал у него из рук и грохнулся о пол. Купец проснулся, зажег свечку. Перед ним ни жив, ни мертв стоит хозяин, а на полу топор. Остолбенел мужик и бежать не мог. — «Прости Христа ради», — сказал он, встав на колени пред купцом и горько заплакал. «Винюсь. Согрешил, окаянный, задумал тебя убить и завладеть твоими деньгами. Кабы не удар святого колокола, словно гром грянувший на мою грешную голову, кабы не остановил он меня, не образумил, я бы сделал худое дело: и твою бы и свою душу загубил. Прости, прости», рыдал мужик.

— Бог тебя простит, — отвечал ему купец, перекрестившись. — Тебя мои деньги соблазнили: я тебе отдам их все, что есть со мною. Вот тебе бумажник: мне жизнь дороже. — И купец подал ему бумажник с деньгами. Мужик только молил о прощении, плакал и ни за что не хотел брать денег. Тогда купец решил, — так как благовест спас ему жизнь, — пожертвовать эти деньги на новый колокол. Приход ваш большой — сказал купец, — и раскинулся далеко; в будничные дни, может быть, до иных деревень не достигает гул Господня благовеста. А потому я новый колокол закажу в Москве позвонче, пудов в двести, и пусть он будет повседневным. Пришлю его сюда от неизвестного с письмом на имя священника, а в письме я ничего не скажу, а только завещаю, чтобы благовестили по будням. Пусть раздается благовест его по вся дни. Ведь благовест — голос Божий: заслышав его в далекой деревне не одна христианская душа перекрестится, вспомнит о Боге и, может быть, удержится от злого дела. — Так и сделал купец. Не через долгое время колокол привезли,

подняли, повесили; на нем вылита надпись: «Пожертвован в благодарность Господу Богу за спасение погибавшего».

Что еще чудно: крестьянин, содержатель постоялого двора, умер в ту самую минуту, как в первый раз заблаговестили к обедне в новый колокол».

Такое значение имеют для нас наши колокола и с таким благоговейным уважением относится православный русский человек к церковным благовесту и звону, этому голосу неба на земле. Не даром же на нашем языке церковный звон и называется благовестом: действительно, в волнах колокольного звона с высот при наших Божьих храмах льется разнообразно – благая весть по миру»¹⁾.

Далее Радонежский приводит следующий рассказ: «Мальчик деревенский не любил ходить в церковь, и когда товарищи его стояли за обедней, он обыкновенно где-нибудь гулял. Мать узнала об этом и в следующее воскресенье, когда заблаговестили к обедне, сказала сыну: «Слышишь благовест? Колокол зовет тебя в церковь, а не пойдешь, Бог тебя накажет: сам колокол придет за тобой...» Ветреный мальчик подумал про себя: «Колокольная высока, не сойти оттуда колоколу», – и снова бежит, вместо церкви, гулять в лес... Но, случайно взглянув на церковь, шалун с удивлением видит: колокол снялся с петель и летит вниз прямо к нему. Ужаснулся мальчик и в страхе побежал в церковь. И с той поры каждое воскресенье, как заслышит колокола звон, идет к обедне»¹¹⁾.

[В.А.] Жуковский, описывая благовест, говорит:

«Слыша, благовест, с Тобой,
Создатель говорю».

В так называемых *причитаньях*, особенно распространенных на севере и северо-востоке России, народ наш неоднократно обращается к колоколам.

Вот, например, похоронное причитание Олонекской губернии:

«Понеситесь вы к Божьей церкви,
Размечите вы сыру землю,
Вы ударьте в большой колокол,
Разбудите мою матушку!
Не бушуют то ветры с четырех сторон,
Не ударят они в большой колокол,
Не разбудят моей матушки»¹¹¹⁾.

¹⁾ Корсунский Н. Благовест. – Ярославль, 1887. – С. 41–44.

¹¹⁾ «Солнышко» книга для чтения / Сост. А. Радонежский. – СПб., 1804. – С. 4. Рассказ под заглавием «Мальчик и церковный колокол» (10).

¹¹¹⁾ Барсов Е.В. Причитанья Северного края. Ч. 1. – М., 1872.

Точно так же и в свадебных причитаньях часто упоминается о колоколах и церковном звоне. Вот, например, причитанье просватанной девушки:

«Боже, Господи, благослови!
Белой лебеди загукати,
Красной девушке заплакати
По сегодняшнему денечку.
В большой колокол ударили
Меня девушку просватали.
В меньшей да затрезвонили
Мою волю обневолили
И головку обзаботили»¹⁾.

Русские пословицы так определяют колокола и колокольный звон: «На Москве звонят, а в Вологде слышно», «Не только звону, что в Москве и Киеве», «Звони в колокола, чтобы попадья не спала», «Звонить не умею, а перестать не смею», «Слышал звон, а не знает где он», «Помолись сначала, а потом берись за ботало» (*Ботало* – областное название колокольного языка), «Научись сначала, а потом берись за ботало», «Звон хорош, да звонаря нет», «Хоть и крив наш звонарь, а слушает его и царь», «Вам мило – наше било, а вам видно мало своего клепала»¹⁾.

В малорусских народных песнях сохранились такие строки:

Ой у неділю ранесенько до церкви дзвони дзвонять,
А нашого вельможного пана десятчики на панщину гонять¹¹⁾.

[Обычаи, связанные с колоколами]

Привоз колокола в древней Руси был настоящим событием. Его встречало духовенство в полном облачении, с хоругвями и иконами, кропили святой водой, совершали над ним обряд крещения и только после уже вешали на колокольную. Народ обыкновенно все время толпился возле, деятельно помогая поднимать его. Это считалось делом Божиим.

В народе существует поверье, что если при отливке или поднятии колокола в числе присутствующих находятся так называемые «снохачи», то должно произойти какое-либо несчастье.

¹⁾ *Дмитревская Е.* Семейные песни Олонецкой губ. // «Русский Архив», 1901. № 2. С. 246.

¹¹⁾ *Княжевич Д.М.* Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. – СПб., 1822.

¹¹⁾ Древняя и новая Россия: Исторический ежемесячный сборник. – 1879. – Т. 2. – С. 8.

Поэтому когда приступают к отливке или поднятию колокола, кто-нибудь из толпы кричит: «Снохачи, долой»!

В прежнее время этот обычай был сильно распространен, да и теперь он еще сохранился в некоторых селах.

Вот как описано сооружение и привоз колокола, сооруженного в память государя императора Александра II.

«Сельская жизнь обыкновенно течет тихо и однообразно. Редко встречаются в ней какие-либо события и обстоятельства, разнообразящие ее, возбуждающие и оживляющие. Заботы об удовлетворении насущных жизненных потребностей поглощают все время и внимание селянина.

Но как скоро случаются в жизни какие-либо обстоятельства, выходящие из ряда обыкновенных, мы отдаемся им всею душою. Таковым событием в нашей местности было ныне поднятие на место нового 300-пудового колокола. Мы очень любим звон колокольный и благоговейно прислушиваемся к нему.

Наш же колокол интересовал и занимал всех еще и потому, что он слит был в память государя императора Александра Николаевича, да служит вечным напоминанием грядущим поколениям о признательности к этому царю крестьян. О сем гласит и надпись на колоколе.

Давно уже прихожане мои были заняты мыслию о большом колоколе для церкви. Наш приход в три конца простирается от церкви до девяти верст. И звук прежнего колокола не достигает поэтому слуха многих прихожан, живущих в отдаленных селениях от церкви. А между тем каждому желательно было, чтобы когда по разным обстоятельствам, кому-либо нет возможности в праздничные и воскресные дни присутствовать в церкви за богослужением, то хоть дома услышать звон церковный и перекреститься в богослужбное время.

Поэтому и занимала всех мысль устроить колокол поболее прежнего. С этою целью лет восемь тому назад приступлено было к сбору добровольных пожертвований на колокол. Но до 1882 г. сбор не достиг и третьей части потребной суммы, потому что промыслы прихожан были за это время скудны, и сбор почти прекратился.

Но вот совершилась катастрофа 1-го марта, до глубины души взволновавшая наших прихожан. Задумали они чем-либо увековечить память о славном царствовании Государя. Остановились на мысли о колоколе. Снова потекли от скудных достатков, хоть и небольшие, пожертвования, от состоятельных же благодарных крестьян явились и крупные пожертвования. По пословице: по зернышку ворох, по капельке море, и у нас составилась достаточный капитал, и

колокол был слит в январе месяце, в городе Мологе, в нарочито устроенной там печи, мастером крестьянином Константином Ники-
тиным Кичигиным. Колокол и звуком и по весу вышел прекрасный; прихожане радуются не нарадуются, что Господь, при малых их средствах, помог исполниться благому и желанному делу.

С какою радостью стремились все в город Мологу, когда узнали, что колокол готов и его нужно везти на место.

Оставили едва ли не все дорогое время, работы и домашние занятия и шли в город. Собралось сот до пяти человек и *на себе* привезли колокол на место в село, которое отстоит от города верстах в трех.

Мужчины почти все шли с непокрытою головою. Колокол в селе был встречен благовестом в большой колокол.

Это было 29-го января; потом колокол на месте уже был вычищен, а 14-го марта поднят и на колокольню.

Излишне говорить о множестве собравшихся на торжество поднятия колокола. Явилось более тысячи человек, несмотря на распутицу. Перед литургиею был отслужен молебен с водосвятием, а затем колокол был освящен. Какое умиление и довольство видны были на всех лицах молящихся»¹⁾.

Точно так же, присутствуя при отливке колокола, каждый из присутствующих, даже последний бедняк, считал священной обязанностью бросать в расплавленную массу медные и серебряные деньги и, таким образом, фактически участвовал в создании нового колокола.

На колокольне Богородице-Алексеевского мужского монастыря, в Томске, находится колокол, весом в 303 пуда, он слит в 1863 году на собранную между прихожанами сумму.

Но помимо денег, народ приносил и бросал в расплавленную массу разных медный лом – самовары, подносы и пр.¹¹⁾

[Путешествие русских колоколов в Сербию]

Любопытное описание мытарства русских колоколов, отправленных в 1863 году в Сербию находим в «Русской старине».

Вот что сообщает об этом г. Марченко: «В Старой Сербии, близ турецкого городка Печа, стоит древний Дечанский монастырь Св.

---

¹⁾ *Красносельский В.* Поднятие нового 300-пудового колокола в с. Боро-
нишине Московского у., слитого крестьянами в память государя Императора
Александра II // Ярославские епархиальные ведомости. – 1882. – №15,
ч. неофиц. – С. 117–118.

¹¹⁾ Живописное описание монастырей и обителей. Издание А.Н. Велич-
кова. – М., 1903. – Вып. 6. – С. 83.

Николая, основанный сербским королем Стефаном Урошем, прозванным Дечанским, который одарил его богатыми дарами и ценнымикладами после войны, веденной им с болгарами в 1330 году.

Об основании этого монастыря сложилось предание, занесенное Вуком Стефановичем Караджичем, в его «Српски рјечник» (сербский словарь с объяснениями и сведениями географического и этнографического характера).

По словам этого предания, отец Стефана выколол ему (будущему королю. – *Ред.*) глаза и повесил их на воротах города Призрена. Когда Стефан вышел на прогулку из города, навстречу ему попался св. архангел, который, сжалившись над будущим королем, обратился орлом, снял с ворот глаза Стефана и вложил их на прежнее место, сказавши при этом: «одечи очи». Получив зрение, Стефан, в благодарность и память об этом чуде, построил Дечанский монастырь, известный под именем высокого Дечана («високе Дечане»), про который поется в народных сербских песнях.

В 1861 году стараниями ктитора иеромонаха Дечанской лавры Кирилла Андреевича Шиколярца и жертвованиями петербургского купца Ф.Ф. Зайцева, в Москве, на заводе А.П. Богдановой отлиты были для обители два колокола: один весом в 20 пудов 10 фунт[ов], другой – в 10 пудов 32 фунта.

Колокола эти были доставлены в Лиссабон на фрегате «Дмитрий Донской» и здесь перегружены в конце 1862 года на фрегат «Ослябя», которым в ту пору командовал капитан 1-го ранга Николай Николаевич Назимов.

Отсюда они должны были Средиземным морем быть доставлены через порты Рагузу или Антивари к месту своего назначения. Доставка эта совершенно непредвиденно осложнилась трудностями и послужила предметом деятельной дипломатической переписки.

В архиве вице-адмирала П.Н. Назимова сохранились бумаги брата его, покойного Н.Н. Назимова, командовавшего названным фрегатом. В рапорте от 1 февраля 1863 г. он доносил чрезвычайному русскому посланнику и полномочному министру в Греции графу Блудову о тех трудностях, которые ему пришлось преодолеть при доставке пожертвованных колоколов: «Выйдя января 19-го с вверенным мне фрегатом «Ослябя» из залива Каламата, откуда я имел честь доносить вашему сиятельству о предшествовавшем плавании по портам Греческого архипелага, я направил курс в Рагузу, так как там есть русский консул, который мог дать сведения о способе доставки присланных из С.-Петербурга и находящихся на фрегате колоколов для Дечанской обители, находящейся во владениях Европейской Турции, неподалеку от Скутарийского озера.

Придя в Рагузу 24-го января, я тотчас обратился к исправляющему должность консула господину Макушеву принять колокола с фрегата, принимая во внимание, что в полученной мною описи вещей с фрегата «Дмитрий Донской» сказано, чтобы колокола были доставлены в Рагузу или Антивари.

Господин Макушев полагал более удобным переслать колокола через Черногорию, так как Дечанская обитель ближе к этой области; сверх того, играло роль и то соображение, что черногорцы доставят колокола эти вернее и охотнее, нежели другие племена. Он сообщил мне кроме того, что уже телеграфировал в Вену, прося позволить фрегату «Ослябя» войти в залив Бокко-ди-Каттаро, потому что без особого разрешения вход в порт Каттаро не допускается.

26-го января фрегат вошел в Антиварскую бухту, я тотчас телеграфировал нашему консулу в Скутари о желании видиться с ним на фрегате. На другой день утром, обменявшись салютами с турецкою крепостью, я сделал визит начальнику округа Мехмету-паше вслед за тем он сам прибыл на фрегат.

В тот же вечер приехал ко мне секретарь консульства в Скутари. По его словам, от Скутари до Дечанской обители семь часов ходу, и доставление колоколов (и еще трех железных подсвечников, как это видно из отношения Назимова к консулу в Скутари от 24 января 1863 г. за № 13), пожертвованных Зайцевым в Дечанскую обитель, будет затруднительно и обойдется не дешево, вследствие того, что обыкновенный, единственный путь к монастырю представляет собою горную тропинку, проложенную по высоким и крутым кряжам.

На другой день утром колокола были свезены с фрегата на пристань, где они должны были временно храниться в сарае, принадлежащем Австрийскому пароходному обществу, до изыскания средства для их перевоза. «Не успели люди команды выгрузить колокола из катеров и поставить их на землю, как прибыл адъютант пашы с запрещением свозить их на берег до получения на то разрешения из Константинополя.

Я представил адъютанту невозможность фрегату оставаться долее на рейде, напомнив также о недавно состоявшемся с Турцией трактате о веротерпимости, неразрывно соединенном с правом ввоза подобных предметов; убедив его в том, что вещи эти не военная контрабанда, я достиг того, что он согласился со мною и позволил оставить колокола на пристани, но просил секретаря консульства ехать с ним в Антивари к паше, чтобы уладить это дело»¹⁾.

¹⁾ *Марченко*. Приключения русских колоколов, отправленных в Сербию в 1863 г. // «Русская Старина», 1898. Кн. IV. С. 149–153.

[О любви звонить в колокола]

Звонить в колокол было любимым занятием русских. Обычай звонить на Пасху сохранился и до сих пор, не только в деревнях и даже в городах, а раньше это считалось необходимым для каждого религиозного человека. Это называлось – славить Христа.

В летописях мы находим указание, что царь Иоанн Грозный каждый день «в четвертом часу утра ходил на колокольню с царевичами и Малютою Скуратовым благовестить к заутрени, братья спешили в церковь, кто не являлся, того наказывали осмидневым заключением»¹⁾. В Александрове до сих пор сохранилась древняя звонница, на которой Иоанн Грозный любил благовестить¹¹⁾.

В прекрасных стихах «Василий Шибанов» граф Алексей Толстой так описывает звон Иоанна Грозного:

«Звон медный несется, гудит над Москвой,
Царь в смирной одежде трезвонит:
Зовет ли обратно он прежний покой,
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет
И звону внимает московский народ
И молится полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.
В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични кромешная тьма,
И Васька Грязной и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом, Басманов».

Любил церковный звон и набожный царь Феодор, и сам неоднократно звонил в колокола на московских соборах.

Любовь Феодора к колокольному звону простиралась до того, что часто во время заседания Боярской думы, вместо того, чтобы слушать дело, отдавал приказание кому-нибудь из своих людей:

— Эй, приведи-ка мне пономаря из Андроньева монастыря!

Иоанн IV, считая сына полоумным, говорил ему: «Ты не царь, а пономарь будешь»¹¹¹⁾.

¹⁾ Карамзин Н.М. История Государства Российского. – Т. 9. – 3-е изд. – СПб., 1831. – С. 98.

¹¹⁾ Мамонтов С. На пепелище Грозного царя // Русское слово. 1910. № 166.

¹¹¹⁾ Петрей де Ерлезунда, Петр. История о Великом княжестве Московском / Пер. А.Н. Шемякина. – М., 1867. – С. 168.

Феодор умел, вероятно, выполнять на колоколах известную фигуру, мотив, а пономарь из Андроньева монастыря, надо думать, умел выделять другую, более лучшую фигуру, почему и интересовал царского сына.

Суворов, отправляясь в поход в Швейцарию, сам звонил в колокола в созданной им самим церкви в селе Кончанском Новгородской губернии¹⁾.

[Царские колокола]

Судя по летописным указаниям и сохранившимся монастырским записям, мы видим, что русские цари, бояре, дьяки и купцы создавали колокола на свои средства и жертвовали их монастырям и приходским церквям.

Вот почему в прежнее время колокола и носили наименования: *царский, боярский, посадский, святительский* и проч.

По сохранившейся записи Ниловой пустыни¹¹⁾ значится, что царь Алексей Михайлович жалует обители колокол во 150 пудов. Бояре Иван и Юрий Ивановичи Ромодановские дают колокол в 50 пудов. Кроме того, князь Алексей Михайлович пожертвовал колокол в 41 пуд, и два колокола в 25 ¹/₂ и в 25 пудов пожертвовали бояре Илья Данилович и Иван Андреевич Милославские.

На колокольне Новодевичьего монастыря в Москве находится один из таких царских колоколов.

На нем имеется следующая характерная надпись:

«Лета 7138 (1630) апреля в 13 день при великом государе, царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всея Руси самодержце в его государской державе в 17 лето и при благоверном царевиче и великом князе Алексее Михайловиче всея Руси и при великом господине святейшем патриархе Филарете Никитиче Московском и всея Руси, поставила сей колокол мати государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси, инока великая государыня старица Марфа Ивановна в дом Пречистыя Богородицы Новодевичь монастырь по своей душе; игуменье с сестрами, которые в том монастыре будут, за тот наш вклад душу мою в синодике написать, по вся дни поминати».

¹⁾ *Шавельский Г.И., протоиерей.* Суворовская Кончанская что при Николаевской академии Генерального штаба церковь (1786–1906). [Исторический очерк]. – СПб., 1906.

¹¹⁾ *Рачинский А.В.* Нилова Пустынь в первые полутора столетия ее существования: Исторический очерк по старинным монастырским бумагам. – М., 1876. – С. 8.

На колоколе изображено распятие Иисуса Христа с предстоящими, под ним в клейме агнец в сиянии около головы и с хоругвью на плече¹⁾.

В московских церквях довольно много сохранилось таких царских колоколов, преимущественно царя Михаила Феодоровича. Так, на церкви святителя Николая Явленного на колоколе написано «Божию милостию великий государь, царь и великий князь Михайла Феодорович всея Руси самодержец и его царица великая княгиня Евдокия Лукьяновна и их государские дети государь цесаревич и князь Алексей Михайлович, государыня царевна и великая княжна Анна Михайловна, государыня царевна и великая княжна Наталья Михайловна сей колокол велели лить в церкви Николы Чудотворца Явленного, что за Арбатскими вороты, лета 7146 (1638) году».

В Александро-Свирском монастыре в Олонецкой губернии находится колокол, присланный царем Феодором Иоанновичем в 1585 году. На этом колоколе сохранилась следующая надпись: «Под щет государя царя великаго князя Ивана Васильевича всея России в иноцех Ионы»¹¹⁾.

Создание колокола и пожертвование его в церковь сыспокон веку на Руси считалось делом Божьим, этим и объясняется обилие колоколов в России, из которых некоторые достигают колоссальных размеров и веса.

Колокола создавались не только на пожертвование царей или людей богатых, но нередко мы видим, что даже бедные прихожане по копейкам собирали на колокол.

На колокольне церкви Похвалы Пресвятой Богородицы за Старым дровяным двором в Чертополье³¹⁸ (в Москве) имеется такой колокол со следующей трогательной надписью «Лета 7202 (1694) куплен сей звон к церкви Преподобныя Параскевы на место Поречье на мирские гроши, весу 3 пуда 6 фунтов».

Эта надпись ясно говорит, с какой любовью колокола создавались на Руси, создавались на последние «мирские гроши», для того, чтобы была возможность возвещать людям о Боге.

Такие колокола назывались обыкновенно – *мирскими*, т. е. созданными миром, группой прихожан или, вообще, доброхотных дателей.

¹⁾ Мартынов А.А. Московские колокола // Русский архив. – 1896. – № 3. – С. 396–397.

¹¹⁾ Тюменев И. Александро-Свирский монастырь // Нива. – 1899. – № 5. – С. 95.

Что же касается до названия — *царь-колокол*, то это вовсе не означает, как многие полагали, что оно относится к одному только колоколу, а именно колоколу, находящемуся ныне подле Ивановской колокольни в Московском Кремле.

Еще более ошибочно думать, что название *царь* объясняется тем, что он создан на деньги, пожертвованные царем; такие колокола, как уже было сказано, назывались просто — *царскими*.

У нас было несколько царь-колоколов; они так назывались благодаря своей величине. Как было сказано выше, один из таких колоколов был слит в XVI в. и находился в Кремле между Успенским и Архангельским соборами, на особенном деревянном срубе.

В былине о «Гришке-Растриге» говорится:

«У того ли Ивана Великого
Завсегда звонят в царь-колокол»...

Вернее всего, что здесь идет речь именно о колоколе XVI века, и название «царь» относится к его величине и весу, точно так же и пушка, слитая Андреем Чоховым, благодаря своей величине, называется *царь-пушкой*.

[Тифлисская история]

Видя в колоколе средство для прославления Бога, русский народ, особенно в прежнее время, относился к нему с благоговением и трепетом и благодаря этому связал с ним несколько суеверий, примет и, освященных традицией, обычаев.

Так, например, от места отливки до колокольни, на которую должен быть повешен колокол, его непременно переносили на руках, за теми немногими исключениями, если отливка производилась в другом городе или вообще, на довольно значительное расстояние от церкви.

Если народ видел, что в процессии перенесения колокола участвовал какой-нибудь иноверец, а особенно еврей, то он без церемонии изгонялся, так как присутствие его считалось дурным предзнаменованием: с колоколом случится какое-либо несчастье.

Для иллюстрации такого суеверия приведем следующий довольно характерный случай, который мы нашли в воспоминаниях вполне достоверного, по словам П.И. Бартенева, лица А.М. Фадеева:

«В начале января 1848 года, на исходе зимы, в городе (Тифлисе) случилось маленькое, но очень странное происшествие, которое произвело в ту минуту на многих очень сильное впечатление, разумеется, очень скоро изгладившееся, так как все на свете забывается, да и при том же иные, может быть, не обратили внимания

или не придавали особенного значения удивительному совпадению, проявившемуся при этом обстоятельстве. Простая ли это случайность или заявление свыше – это не моего суждения дело.

Тифлиссские церкви чрезвычайно бедны колоколами. Во всем городе не было ни одного не только хорошего, но даже сколько-нибудь порядочного колокола. Церковный звон слышался только в ближайшем соседстве церквей, и его слабые дребезжащие звуки походили (как и теперь походят) на звон плохих почтовых колокольчиков; да и по самому объему и весу немногим превосходили валдайские изделия и отличались разве только древностью, вследствие которой давно отслужили свой век и, вероятно, потрескались и раскололись, если судить по их разбитому тону

Для русского новоприезжающего человека, привыкшего почти во всех городах и даже больших селах России к звучному, торжественному, могучему, часто оглушительному трезвону своих родных массивных колоколов, это отсутствие колокольного звона или в замену его какое-то нестройное брянчание, раздражающее уши, кажется чем-то неприятным, чуждым, даже тягостным, особенно на первых порах и в праздничные дни.

Князь Михаил Семенович Воронцов заметил этот недостаток и давно подумывал об исправлении его, хотя отчасти.

В 1847 году, по его приказанию, выписан в Тифлис из Орловской губернии литейных и колокольных дел мастер, которому князь заказал отлить колокол в восемьсот пудов веса, для Сионского кафедрального собора.

Мастера поселили в тифлисской немецкой колонии по левой стороне Куры, где он и занимался довольно долго своей работой.

Многие ходили смотреть, как отливался колокол (для жителей Грузии это представляло совсем невиданное дело), и бросали туда серебряные деньги. Нередко заезжал во время прогулки верхом и князь Воронцов, наблюдал сам за работой, и, по-видимому, очень интересовался ею.

Наконец, колокол был отлит, окончательно отделан и готов к перевозке.

В это время холода усилились, и сплошной снег уже недели две покрывал все улицы, чему туземцы очень удивились и говорили, что не запомнят такой зимы.

Тогда оба противолежащие берега Куры соединялись в Тифлисе двумя мостами в старом городе, около Метехского замка, и только в этом месте; между старой частью города и предместьем Авлабаром по той стороне реки, было постоянное сообщение. Михайловский мост, ныне соединяющий в центре обе части нового города, еще не

существовал и заменялся деревянным наводным временным мостом. Через этот-то мост должен был переправляться колокол.

В назначенный для его перевозки день собралось множество народа. В России, по исконному обычаю, православный народ *перевозит колокола в церковь на себе*; но так как в Грузии, надо полагать, не было колокола, которого один человек не мог бы пронести просто на руках, то туземцы не имели об этом обычае никакого понятия и потому для перевозки колокола была наряжена рота солдат.

Приехали верхом князь и княгиня Воронцовы с большой свитой, и началась торжественная процессия.

Колокол установили на крепкие прочные салазки с прикрепленными к ним длинными веревками; солдаты впряглись в веревки по несколько человек в ряд и длинной вереницей готовились двинуться вперед.

В эту минуту подошел к князю мастер-литейщик, отливавший колокол, русский бородатый мужичок, и, низко кланяясь, изъявлял желание что-то сказать.

Воронцов, заметив его, спросил, что ему нужно. Мастер сказал:

— Ваше сиятельство, прикажите узнать, нет ли между солдатами, что будут перевозить колокол, евреев; если есть, велите, чтобы они ушли и не притрагивались к этому делу.

— Почему это, любезный? — с удивлением спросил Воронцов.

— Ваше сиятельство, — отвечал литейщик, — колокола — это мое ремесло; я в жизни своей отлил их много и насмотрелся на своем веку, как их перевозят. Наверно докладываю Вашему сиятельству, что если при перевозке колокола замешается еврей, никогда не обойдется без несчастия. Сколько раз я был свидетелем и от других слышал. Нижайше прошу Ваше сиятельство, если тут есть некрещенные, прикажите им уйти: не то быть беде.

Князь слегка кивнул головой и, с снисходительной полупрезрительной улыбкой, торопливо проговорил:

— Хорошо, хорошо, любезный, — повернул лошадь, отъехал немного далее и отдал приказание двинуться.

Тронулись. Довезли колокол благополучно до моста, перевезли через мост и здесь остановились перевести дух.

На этом месте было нечто вроде ямы, а перед нею возвышалась маленькая горка, с которой, по причине наступившей в этот день оттепели, вода от тающего снега стекала к мосту и потом, замерзнув, образовала ледяные лужицы. Перед одной из этих лужиц стояли салазки с колоколом.

Солдаты отдохнули и бодро принялись за работу; натянули веревки и, крепко поднатужившись, разом дернули салазки с места,

но не протащили их пяти шагов, как раздались крики, и все опять остановились. Раздавили одного солдата. Этот солдат находился в числе людей, впряженных в первом ряду, близ самых салазок, и когда вдруг дернули, он поскользнулся на обледенелой лужице, упал, и салазки с восьмисотпудовым колоколом одной стороной переехали через него поперек туловища от правой ноги к левому плечу. Солдат был перерезан как бритвой, и кровь лила рекой из раздвоенного тела. Картина была страшная.

Княгине Воронцовой сделалось дурно, и из соседнего дома ей принесли стакан воды. Князь Воронцов подозвал к себе коменданта, старого генерала Бриземан-фон-Неттиха, и сказал ему:

— Поезжайте сейчас к экзарху; расскажите об этом происшествии и скажите ему, что я прошу его позволить похоронить этого солдата в ограде Сионского собора, как человека, погибшего при совершении богоугодного дела, во время перевозки в собор колокола. Скажите ему, что он очень меня этим обяжет.

Вероятно, князь хотел таким распоряжением несколько смягчить или изгладить тяжелое впечатление, произведенное кровавым зрелищем на публику.

Комендант поехал исполнить приказание, но спустя несколько минут снова возвратился и доложил наместнику:

— Ваше сиятельство, этого человека нельзя хоронить в Сионском соборе.

— Как нельзя! Отчего нельзя?

— *Он еврей*, — отвечал комендант.

Воронцов, видимо, смутился. Это известие его озадачило, он не сказал ни слова, но не мог не вспомнить только что выслушанной им просьбы и предсказания старого колокольного мастера.

Шествие продолжалось далее в порядке и достигло местоназначения уже без всяких приключений.

С тех пор Тифлис обязан князю Михаилу Семеновичу своим единственным прекрасным, громозвучным колоколом, звоном которого отличаются праздничные и торжественные дни от обыкновенного будничного времени»¹⁾.

Этот эпизод, рассказанный г. Фадеевым, в высокой степени характерен для суеверий нашего народа. Считая колокол святыней, он естественно в наивной простоте не может допустить «некрещеного» дотрагиваться до тех предметов, которые предназначаются для служения Богу.

¹⁾ Фадеев А.М. Воспоминания // Русский архив. — 1891. — № 10. — С. 229–232.

[Падение Реута]

Другой трагический случай произошел Великим постом 1855 г., в день присяги императору Александру Николаевичу в Кремле, с колокольни Ивана Великого оборвался один из колоколов Реут и задавил свыше десяти человек; их перенесли в Патриаршую палату. Густая толпа народа смутилась, и по словам П.И. Бартенева, раздавалось немало зловещих толков¹⁾.

Реут первый раз упал в 1812 году во время взрыва, произведенного французами. В 1855 году он упал второй раз, пробил три каменных свода и два деревянных потолка и убил 17 человек. Это случилось во время торжественного звона, когда шел молебен в Успенском соборе и провозглашалось многолетие во время коронации Александра II.

Тогда преосвященный Филарет сказал окружающим:

— Царствование будет хорошо, а конец неблагополучен!

Колокол упал оттого, что у него оборвались медные уши.

И сейчас в Москве живет, в мещанской богадельне, Г.А.Кудрявцев, старик, очевидец этого ужасного случая. Он был подстаростой Успенского собора, и квартира его находилась как раз под Реутом, в нижнем этаже. В числе 17 жертв оказалась его молодая жена, которую прикрыло колоколом. Уже через много дней достали ее тело из-под обломков и из-под колокола¹⁾.

Тогда сделали уши железные и вновь повесили его на место, а в 1885 году, боясь за прочность, вокруг него были сделаны подставки, которые стоят и теперь.

[Коллекция «отлитых» историй]

В старые времена в Москве существовал обычай пустить нелепый слух, когда начинали на колокольном заводе лить колокол. И, чем нелепее и громче слух, тем звончее будет колокол, — так искренне думали колоколо-литейные заводчики, а за ними и вся Москва того времени. Появлялся слух тайно, потом из лавочек и трактиров шел по домам и площадям, потом в деревни и провинции на почтовых и с оказиями, и когда разрастался, вдруг объявлялось:

— На таком-то заводе колокол слили! У-у, звонкий!..

Это была реклама того времени.

---

¹⁾ *Бартенев П.* Рецензия о первом издании книги Н. Оловянишникова «История колоколов... [Ярославль, 1906/7]» // Русский архив. — 1907. — Кн. 3, № 10. — С. 2–3 облож.

¹⁾ *Гиларовский В.* Иван Великий // Русское слово. — 1909. — № 89. — С. 5.

Если же колокол на заводе выходил не звонкий, то слух так и не открывался, а переходил в легенду.

Остроумные изобретатели таких слухов получали хороший гонорар за свои «сочинения».

Во 2-й половине прошлого века, с появлением газет обычай уничтожился, но когда здорово соврут, все-таки говорили – «колокол льют!».

В 1878 году, когда лили самый большой колокол для храма Христа Спасителя, генерал-губернатор, кн. В.А. Долгоруков, председательствуя в комиссии по постройке храма, пошутил:

— Надо бы по древнему московскому обычаю, чтобы колокол звончее был, пустить какой-нибудь слух...

Все рассмеялись, а член комиссии, известный в Москве П.Н. Зубов, подошел к председателю и шепнул ему что-то на ухо.

Кн. Долгоруков взглянул на сидевшего против себя члена же комиссии, необъятно толстого и громадного барона Б., и неудержимо расхохотался.

— Что, что такое, ваше сиятельство? — заинтересовались все, но В. А. молчал.

— Что случилось? Что?

— Секрет... Большой секрет... Вот когда колокол будет хорош — тогда скажу...

А потом, по секрету, каждому члену комиссии, конечно, кроме барона Б., кн. Долгоруков и Зубов рассказали слух, который был настолько «подходящ», что облетел всю Москву шепотом в гостиных и гремел в клубах и трактирах.

Только один барон Б. недоумевал, когда при всяком его появлении в обществе все «помирали со смеху». А Зубов сказал В.А. Долгорукову следующее:

— Пустим слух, что барон Б. «в таком положении»...

По месту пришлось эта шутка и облетела Москву. Колокол, весящий 1400 пудов, как известно, оказался очень хорошим.

Колокол слили и барона Б. вспомнили.

На эти рассказы полиция не раз обращала внимание и брала с заводчиков подписки не распускать никаких темных слухов.

Однако этот освященный традицией обычай продолжал крепко держаться. А.П. Милюков в своих воспоминаниях рассказывает о легенде, распушенной при литье колокола.

«Однажды на Покровке венчали свадьбу, и когда священник повел жениха и невесту вокруг аналая, брачные венцы сорвались

у них с голов, вылетели из окон церковного купола и опустились под наружные кресты, утвержденные на главах церкви и колокольни.

Слух этот настолько был силен в Москве, что к церкви съезжались экипажи в таком количестве, что проходу небыло – нежные сердца к этому добавляли, что жених и невеста были родные брат и сестра, и что они этого не знали, и, что только чудо не допустило до греховного брака».

Другой такой же нелепый и дикий слух, пущенный литейщиками, заключался вот в чем:

«Генерал-губернатор накануне большого праздника, кажется Николина дня, давал бал, на который приглашено было полгорода.

Дом горел огнями. Всю ночь продолжались танцы и вот, во время полного разгара удовольствий, при громе бальной музыки, раздался с Ивановской колокольни первый удар благовеста к утрине.

При этом торжественном звуке люстры и канделябры в губернаторском доме в одну секунду погасли, струны на музыкальных инструментах лопнули, стекла из двойных рам, звеня, попадали на улицу и, в страшной темноте, волны морозного воздуха хлынули на обнаженные плечи и шеи танцующих дам.

Раздался крик ужаса. Испуганные гости бросились толпою к дверям, но они с громом захлопнулись и никакие усилия не могли отворить их до тех пор, пока не кончился в Кремле благовест»¹⁾.

К этому рассказу добавляют, что в большой зале найдено несколько замерзших и задавленных и в том числе тело самого хозяина праздника.

[Знак об освобождении Москвы]

Любопытная легенда сохранилась в Киево-Печерской лавре. Рассказывают, что в 1812 году, когда Москва была в руках неприятеля, и вся Россия страдала, видя истребление священной столицы – вдруг в один день на лаврской колокольне раздался сильный звон в неурочное время.

Народ взволновался, все бегут на колокольню и находят там старого солдата, который на вопрос: что его побудило к такому поступку ответил, что он в душе своей дал обещание, во что бы то ни стало, зазвонить на лаврской колокольне, лишь только французы изгнаны будут из Москвы.

¹⁾ *Пыляев М.И.* Старая Москва. – СПб., 1891. – С. 295–296.

И в самом деле в тот же самый день было получено в Киеве известие об освобождении Москвы от неприятеля¹⁾.

Как было сказано выше, колокола не сразу появились в России, и народ первое время относился к ним довольно недоверчиво, но мало-помалу, привыкнув к их медному голосу, народ полюбил их и начал относиться к ним с каким-то особенным благоговением, ревностно заботился о создании их, и теперь Россия не только по количеству, но и по величине и качеству колоколов занимает первое место.

[Русский колокол на Афоне]

Святогорец в своих письмах к друзьям рассказывает о том, какое впечатление на греков произвел колокол, присланный в русский монастырь на Афоне:

«Мне удалось, — говорит он, — быть очевидцем трогательной сцены. Почетный московский гражданин Федор Набилков пожертвовал сюда (т. е. на Афон) три колокола, из которых большой имеет в себе весу 35 пудов 32 фунта.

Надобно заметить, что подобного колокола, кажется, нет на всей Св[ятой] горе. Кое-как этого «великана» вытащили с судна на берег, поставили в обители на площади, и он сделался предметом всеобщего внимания и любопытства.

Старцы плакали от радости, не выдавши на веку своем такого колокола; юные ликовали, и никто не знал, как такую огромную массу втащат на колокольню, как повесят, как укрепят, да как и звонить-то будут в такой колокол? Последний вопрос был для греков совершенно загадкой, потому что на Святой горе, да и на всем Востоке ударяют не языком в колокол, а колоколом в язык. Для этого-то к языкам здесь не привязывают веревки, а в уши колокола продевают шест или коромысло, и, оцепивши конец его веревкою, человека два раскачивают весь колокол, который, расхлывшись, поневоле составляет свободный язык бить по своим краям и звучать.

Не говорю о том, как в Греции забавно смотреть на неестественность подобного звона, как бьются около коромысла и утомляются звонари, которых всегда бывает на колокольне по числу колоколов, а ежели огромен колокол, — там надобно уже двоих, если не троих...

Судя по этому, вы поймете, как для греков казалось дивным и даже чрезвычайно трудным звонить в великана, присланного из России. Но это все еще ничего.

¹⁾ Хватов М. Описание России и ее достопримечательности. — Ч. 1. — С. 273.

— Остался ли еще и есть ли подобный колокол в России? — спрашивали нас греки; а один старец, Даскал, задушевный мой друг, осмотревши колокол, подивясь на него и взглянувши потом на колокольню, сомнительно покачал головою и возразил:

— Да стерпит ли колокольня-то такую тяжесть?..

От души забавляясь детскими суждениями греков, мы рассказали им про московского великана в 12.000 пудов, у которого самый выбившийся иверень полагают до восьмисот пудов, и они, удивляясь такому неслыханному между ними диву, восклицали: «Бре! бре!..» («бре» — междометие, значащее удивление в высшей степени).

Троицкая суббота была у нас пасхальным днем, потому что тогда были повешены колокола, и звон не умолкал до самой вечерни.

Колокольня была набита иноками, желавшими видеть и знать, как и что будут делать руссы со своими колоколами. Сам маститый игумен был там.

Когда загудели колокола в стройных русских тонах и металлическая игра их отозвалась в далеком эхе и в мелодических замирающих звуках по скатам прибрежных холмов и соседних гор, греки были вне себя от радости и удивления.

С тех пор, как только бдение, греки высыпают в светлую галерею, обнимающую собор их с запада, и не сводят глаз с колокольни, пока производится звон во вся, так что, смотря на них, мы с чувством и с грустной улыбкой восклицаем: «Бедные греки!.. это сущие дети!..»¹⁾.

Из этого описания мы видели, как сильно и неотразимо действует церковный звон на душу человека, и не даром поэт воскликнул:

«Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он»...

Да, благовест, действительно, наводит много дум, он пробуждает в нас наши лучшие и светлые чувства, будит детские воспоминания и наполняет душу тихой безмятежной радостью...

Любит русский народ звон церковного колокола, любит потому, что его торжественные звуки вещают ему о Боге, направляют мысли и сердце к Нему и, раздаваясь с высоты, призывают к небесному, горнему, лучшему.

¹⁾ *Серафим (Веснин С.А.)*. Письма Святогорца к друзьям своим о Св[ятой] горе Афонской. — Ч. 1. — СПб., 1850. — С. 159–161, письмо 11.

С любовью русский народ созидает единственные в мире по размеру, весу и силе звуков колокола и любит, когда громовые удары их потрясают воздух и наполняют душу его великим, благоговейным чувством.

И не заменит русскому человеку этого звона никакой другой призыв, как звуков небес, по словам поэта, для чистой души не могут заменить скучные песни земли.

Звон церковных колоколов слышали мы при разнообразнейших положениях и условиях нашей жизни. От колыбели и до гроба сопровождает он нас, наполняя нашу душу то светлой радостью, то горем и печалью.

Живых он пробуждает, призывая к лучшему и чистому от житейской темноты и невзгоды, а мертвых провожает до последнего приюта – могилы»¹⁾.

---

¹⁾ *Корсунский Н.Н.* Благовест. – 3-е изд. – Ярославль, 1887.

[Часть четвертая.]

КОЛОКОЛОЛИТЕЙНОЕ ИСКУССТВО

[Колокольный металл]

Бросив взгляд на историю колоколов, небезынтересно будет познакомиться и с отливкой их.

Как уже было сказано выше, главное достоинство всякого колокола – его благозвучность, но отлить колокол в требуемый тон и нужного веса не так легко, хотя и существуют различные правила постройки колоколов, но все же даже и опытному мастеру не всегда удается вполне удовлетворить всем требованиям. Многое зависит здесь и от состава металла. Мастеру очень часто предъявляются требования, чтобы с *наименьшим* количеством металла достичь нужного тона колокола, благозвучности и его прочности.

Как известно, для отливки идет сплав из меди и олова в определенной пропорции, т. е. бронза, которую называют и «колокольная бронза», и «колокольный металл». Неправильность в составе ведет иногда к быстрой порче колокола, т. е. колокол разбивается. Впрочем, часто колокола разбиваются и по другим причинам, как, например, от низко спустившегося языка или от излишнего усердия звонаря, желающего посильнее выколотить звук.

Колокольный сплав должен быть составлен таким образом, чтобы вместе с приятным звуком соединял достаточную жесткость и крепость. Обыкновенно для сплава берут 80 частей меди и 20 частей олова, хотя эти цифры часто колеблются, смотря по чистоте металлов³¹⁹.

Ходящий в народе взгляд, будто бы примесь серебра улучшает звук, совершенно ошибочен. Известные по своему приятному звуку колокола, в которых предполагалось значительное количество серебра, не дали при химическом анализе ни малейших следов серебра. Так, например, знаменитый колокол «Ropeni», который, как предполагали, должен содержать золото и серебро, дал при анализе следующие результаты: меди – 71 %, олова – 26 %, железа – 1,2 %, цинка – 1,2 %.

В Руане также находится колокол, долгое время считавшийся серебряным.

Жиарден, анализирувавший его, говорит, что присутствие в больших колоколах драгоценного металла сомнительно. Он думает, что литейщики вместо того, чтобы бросать приносимые им драгоценные металлы в тигли, заставляли жертвователей бросать их прямо в огонь. «Благодаря этому серебряная масса вместо того, чтобы быть прибавленной к бронзе, оставалась в золе, откуда литейщики и вытаскивали ее, как только церемония кончалась и мастерская пустела»¹⁾.

Народная молва о прибавлении серебра к колоколу имеет свою историю. В старину, церкви, нуждавшиеся в колоколах, отправляли особых сборщиков на телегах, переезжавших из села в село, и остановившись на торговой площади, сборщик звонил и собирал мирские гроши и серебряные рубли от щедрых жертвователей, чтобы колокол был звонче и лучше. Обычай этот сохранился в некоторых губерниях Поволжья.

Кроме того, хороший колокольный металл имеет в изломе серебристый блеск, что также давало повод думать, что в колокол было вплавлено серебро.

Случается, что крестьяне, доставив на колоколотейный завод разбитый колокол и предполагая в нем серебро, просят перелить, а новый не покупают.

Медь для литья колоколов должна быть чистая без каких-либо примесей, тогда легче сделать колокол благозвучным, легче считать правильное соотношение меди с оловом. В обществе наилучшая медь для отливки считается демидовская и заказчики охотно переплавляют лишнее лишь бы иметь колокол из демидовской меди. Медь эта наиболее чистая из всех сортов встречающейся русской меди³²⁰. Появившаяся в последнее время электролитическая медь по своей чистоте выше, но литейные мастера, не имея с ней опыта, все же предпочитают первую.

Сам металл имеет характерный красный цвет, плавится при температуре 1084° Ц³²¹; расплавленная медь жидка и обладает цветом морской воды. При температуре вольтовой дуги³²², медь летит и окисляясь, дает зеленоватое пламя.

Второй металл для сплава бронзы это олово; белый довольно мягкий с серебристым блеском, имеет кристаллическое сложение и плавится при 228° Ц³²³. Накаленный на воздухе он сгорает ярким белым цветом. Сплавленная вместе медь с оловом, в известной пропорции, дает бронзу. Оба мягкие металла в сплаве делают твер-

¹⁾ *Havard, Henry. Les bronzes d'art et d'ameublement. – Paris, 1897 (LesArts de l'ameublement). – La page 108–109.*

дыми и цвет меди от олова резко изменяется. Цвет сплава в изломе серовато стальной, вид однородный, плотно-мелкозернистый. Неоднородность вида показывает нехорошее перемешивание сплава.

Точка плавления колокольной бронзы около 880°C . Бронза при переплавке делается хуже. Она становится густой и ее хрупкость растет с каждой переливкой; это объясняется поглощением сплавом кислорода и переходом при этом металлического олова в оловянную кислоту. Исправление сплава возможно прибавлением к сплаву фосфора, который расплавляясь совместно с бронзой, как бы растворяется в ней и восстанавливает оловянную кислоту³²⁴.

Были произведены опыты со сплавом, содержащим 9,6% олова и после каждой переплавки % содержания олова падал почти на 1%.

Жидкий сплав, переходя из расплавленного состояния в твердое, распадается на составные части; явление это называется ликвацией и степень ее зависит от того, насколько сплав был нагрет перед выливанием в форму и насколько быстро он охладился. Для колокольного сплава желательна относительно быстрое охлаждение, чтобы в середине отливки не появились белые пятна, представляющие собой сплав меди с большим содержанием олова.

Точно также в нижней части колокола, меди замечается больше, чем в верхней. Анализ одного старого колокола показал, что взяв три пробы из разных мест колокола: верха, середины и ударной части, получили разные составные части:

	Верх	Середина	Низ
Олово	21,36	20,86	20,62
Свинец	2,96	2,85	2,41
Медь	75,68	76,69	77,69

олово и свинец как легкоплавкие собрались вверху колокола³²⁵.

На поверхности колокола наблюдается выделение тонкого слоя сплава с большим содержанием олова.

Найденное практикой наилучшее отношение меди к олову в колокольном сплаве, вполне совпало с лабораторными опытами определения свойств бронзы в зависимости от содержания олова и меди.

Диаграмма подобного исследования показала, что наилучшая совместимость свойств бронзы для колокола как-то, ковкость, твердость и вязкость имеются в сплаве меди с оловом при содержании олова около 20%.

Бронза при нагревании расширяется, а при охлаждении сильно сжимается, отчего и получается на поверхности нечистая отливка. Коэффициент осадки для бронзы равен $1/65^{326}$; знание его для литейщика необходимо, чтобы рассчитать правильно размеры модели.

Колокольная бронза на воздухе покрывается зеленым основным углекислым порошком меди – патиной, слой этот и предохраняет металл от дальнейшего влияния атмосферы.

Обыкновенно для продажи не на заказ колокола изготавливаются не из новых металлов. Отливают их из старых, бывших в употреблении металлов и часто анализ показывает в колокольном сплаве присутствие посторонних металлов, вредных для качества колокола.

Вредными примесями к сплаву являются цинк, свинец и железо. В небольшом количестве цинк допустим, хотя дает хрупкость колоколу и резкий звук. Свинец же и железо совсем не желательны для колокола, – свинец понижает звонкость и твердость сплава.

Чем чище олово и медь³²⁷, тем лучше выходит звук.

Хороший колокольный сплав имеет мелкозернистый излом, большие же кристаллы излома указывают на недостаток олова, а чуть заметные кристаллы – излишек олова.

Избыток олова делает колокол очень хрупким³²⁸, но с более приятным звуком, а малое количество олова дает противоположные результаты.

[Форма колоколов. Профили]

Но не один сплав влияет на звук колокола, многое зависит от формы и от толщины стен.

Отношение диаметра к вышине и толщине стен наиболее отражается на красоте и чистоте звука. Все искусство мастера должно заключаться в том, чтобы к соответствующему составу бронзы выбрать подходящую форму колокола, дающую нужный тон и вес.

С акустической стороны колокол можно рассматривать как изогнутую круглую пластину, подвешенную в ее центре.

От удара образуются в нем 4 узловых линии, сходящихся в верхней точке колокола, при чем ударное место будет в середине между двумя узловыми линиями. В этих узловых линиях металл колокола находится в покое, поэтому вполне возможно все эти линии и верхнюю часть колокола, где эти линии пересекаются, закрыть войлоком или сукном, нисколько не влияя на звук колокола. Наоборот, полное затемнение получается, если в каком-либо месте колокол вокруг обвязать чем-либо мягким.

Вообще при ударе в колокол слышен не один главный тон, а несколько добавочных, и если бы колокол был во всех своих частях одинаковой толщины, то имел бы добавочные негармонические тона.

Добавочные тона возможно, при некоторых условиях, слышат в отдельности, заглушая чем-либо край колокола в определенных местах.

Тон колокола, на интервал выше лежащий, будет слышен, если колокол заглушить в двух точках, отстоящих одна от другой на 60° , и в точке отстоящей на 90° от той или другой узловой точки, провести смычком. Колокол при этом делится на *секстанты*.

Третий тон, удаленный от основного на целую октаву, услышим, когда зажмем в двух местах, отстоящих на 45° одно от другого и в соответствующем месте проведем смычком. Таким же образом можно вызвать и другие тона.

Подобные опыты лучше производить со стеклянным колоколом одинаковой толщины и равнообрезанными краями.

Разница в толщине стенок между краем и верхом колокола дает отступления от приведенного выше правила между главным и добавочными тонами, и, таким образом, изменяя толщину и профиль стенок колокола, возможно достигнуть, что несоизмеримые добавочные тона будут вполне соизмеримы и колокол будет гармонично звучать.

Лишь в XIII столетии удалось достичь правильной формы колокола, значительно расширить основание колокола против прежних узких форм³²⁹.

В этом же веке вывели правило, что колокол должен совмещать в себе три гармоничных тона, которые возможно регулировать лишь определенным профилем колокола.

В нижнем крае – основной тон, в верхней части колокола – выше на октаву, а в средней части делали большую или малую терцию, а иногда и кварту³³⁰.

Отсюда ясно, что если изготавливать все колокола по одному и тому же профилю, то получим в каждом колоколе одно и то же соотношение тонов.

В отдельности каждый такой колокол будет гармоничен, но два, три таких колокола никогда не дадут правильного аккорда, так что для звона нескольких колоколов необходимо, чтобы профили колоколов строились бы различно, рассчитывая так, чтобы и добавочные тона разных колоколов между собой давали гармонию.

Постройку подобных профилей колокола мастера обыкновенно держат в секрете.

Акустика учит, что отношение между числом колебаний, соответствующих двум каким-нибудь тонам, во всех группах всегда одно и то же, и число колебаний обратно пропорционально длине струны или для нашего случая – диаметру колокола.

Зная это и приняв за единицу диаметр колокола с тоном *do*, получим следующую таблицу:

Если «do» с диаметром, равным	1	или	1,00000
тогда do диэз	»	»	$24/25$ » 0,96000
» re	»	»	$8/9$ » 0,88889
» mi бемоль	»	»	$5/6$ » 0,83333
» mi	»	»	$4/5$ » 0,80000
» fa	»	»	$3/4$ » 0,75000
» fa диэз	»	»	$18/25$ » 0,72000
» sol	»	»	$2/3$ » 0,66667
» la бемоль	»	»	$5/8$ » 0,62500
» la	»	»	$3/5$ » 0,60000
» si бемоль	»	»	$5/9$ » 0,55555
» si	»	»	$8/15$ » 0,53333
» do	»	»	$1/2$ » 0,50000

По подобной таблице и вычисляют тон и размеры требуемого колокола, согласно пробного колокола. Если имеем колокол в 1000 пуд[ов], тон do и диаметр 4 арш[ина] 3 верш[ка], то колокол октавою выше будет в диаметре 2 арш[ина] 1 $1/2$ вершка; вес такого колокола можно определить по ниже приложенному способу и будет равен ста пудам.

Определить вперед вес колокола по его размерам очень важно для литейщика. Вначале, когда модель колокола делалась из воска, то вес определяли по весу расходуемого воска; также еще и теперь практикуется проверка веса предполагаемого колокола по расходу глины на модель колокола, считая один пуд сырой глины на пять пудов сплава.

Практика скоро доказала, что вес колоколов, построенных по одному профилю, относится между собою, приблизительно как кубы диаметров $Q : q = D^3 : d^3$.

Таким образом, зная вес и диаметр одного колокола, легко узнать диаметр колокола желаемого веса³³¹. Зная диаметр, легко найти размеры боевой части, а затем и весь профиль.

Но подобными расчетами мастера не занимаются каждый раз; в большинстве случаев у них имеются составленные таблицы с масштабом, которыми они и руководствуются.

Такие линейки-масштабы были известны еще в XVI веке.

В 1540 году подобный масштаб дал нюрнбергский математик Георг Гартман.

Имея пробный колокол, возможно легко узнать как размеры, так и вес других колоколов.

Русские мастера руководствуются в своих вычислениях диаметром колокола, по заданному весу, следующим образом: форма требу-

ется на 120-пудовый колокол; диаметр четырехпудового колокола имеется и равен $10 \frac{3}{4}$ вершка, тогда к $10 \frac{3}{4}$ прибавляют четвертую часть, т. е. $2 \frac{1}{2}$ вершка (дроби менее одной четверти при таком вычислении не считаются вовсе), получится $13 \frac{1}{4}$ вершка, это будет диаметр колокола вдвое больший, т. е. в восемь пудов; далее к $13 \frac{1}{4}$ вершка прибавляют опять одну четвертую часть от $13 \frac{1}{4}$ вер[шков], получают диаметр колокола вдвое больший, т. е. в 16 пудов и т. д. до тех пор, пока не получится диаметр колокола в 120 пудов, который при таком вычислении будет равен $31 \frac{3}{4}$ вершка.

Если же требуется иметь диаметр колокола в 150 пудов, а имеется размер стопудового колокола, то вычисления меняются.

К диаметру стопудового колокола прибавляют седьмую его часть и получают диаметр колокола в 150 пудов, при чем и здесь доли менее одной четвертинки откидываются.

Практика показывает, что подобные простые вычисления приблизительно оправдываются³²².

На приложенном рисунке (см сл. стр.) показана постройка профиля колокола по немецкому, французскому и русскому способам.

[Немецкий профиль]

Немецкий профиль (рис. I) чертится таким образом: радиус колокола *аб* делят на семь равных частей. Одна такая часть носит название *боевой*. Из точки *а* проводят дугу радиусом $ав = 1 \frac{1}{4}$; от *в* радиусом $1 \frac{1}{2}$ боевой находят на дугу точку *г*.

Соединив точку *а* с *г*, продолжив ее до точки *д* и отложив на ней одиннадцать боевых частей, получают высоту колокола.

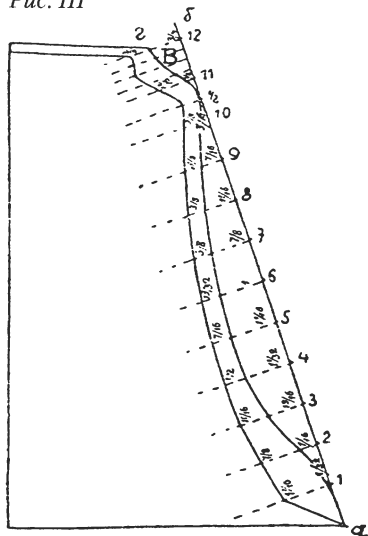
На перпендикулярных линиях в делениях 3, 7, 10, 11, откладывают боевые части; в 3-ем делении целую и затем $\frac{1}{2}$ боевой части; получают точки *е* и *ж*; в точке $7 - \frac{7}{8}$ боевых — точка *з* и затем $\frac{1}{3}$ боевой — точка *к*; в 10 точке — $\frac{1}{4}$ боя — точка *л*; в 11 точке — 1 бой — точка *м* и $\frac{1}{4}$ боя точка *н*. Из 11 проводят параллель радиусу *аб*, на линию *об* откладывают $\frac{1}{4}$ боя и проводят также параллель. На линии *ад* от точки *а* откладывая $1 \frac{1}{2}$ боя, получают точку *п*. Теперь остается лишь соединить между собой все полученные точки: *р—а*; *п—а*; *з—ио*; *ио—м*; *л—н*; *м—с* и *л—к* прямыми линиями. Остальные точки выгиба соединяют таким образом: между *рж* и *жк* проводят дугу радиусом, равным 14 боям; *пе* — дуга радиуса 3 боя, *ез* — радиуса 11 боевых частей.

Верхнюю часть колокола иногда литейщики изменяют, достигая этим некоторых технических выгод.

Подобная немецкая постройка профиля есть результат долготной практики.

Гетье, который дал в своей книге наглядную таблицу толщины, веса и диаметра колоколов от 3 кило до 12.000, говорит, что толщина края колокола весом 3 кило должна быть 0,008^m, а его большой диа-

Рис. III

метр $0,120^m$, что для колокола в 100 кило те же самые пропорции должны быть $0,037^m$ и $0,555^m$ и что для 1.000 кило надо считать с одной стороны $0,081^m$ и с другой $1,215^m$; наконец для 10.000 кило эти две цифры должны быть $0,173^m$ и $2,595^m$, т. е. диаметр всегда в 15 раз более боевой части.

Эти данные, приобретенные после долгих проб и изысканий, позволили установить то, что литейщики называют сравнительной таблицей, которая им служит для определения высоты и толщины, подходящих для различных частей колокола, согласно звуку, который хотят получить¹⁾.

[Русский профиль]

В России профиль строится, опираясь более на практику. На рисунке III приведен профиль по способу, применяемому русскими мастерами.

Берут линию *ab*, откладывают на ней 12 боевых частей, при чем каждая часть составляет $\frac{1}{14}$ диаметра колокола. Из каждой отложенной на линии *ab* части восстанавливают перпендикуляры, на которых и откладывают соответствующие части боя, указанные на приложенном чертеже. Затем все полученные точки соединяют между собой, округляя углы.

Расстояние от точки *a* до $10\frac{1}{2}$ загиба плеча называют вышиной колокола. Этой вышиной практики определяют диаметр колокола: из вышины колокола вычитают третью часть и остаток умножат на два. Например, если высота 9 вершков, вычтя три вершка, получим 6 и, умножив это число на два, получим диаметр колокола 12 вершков.

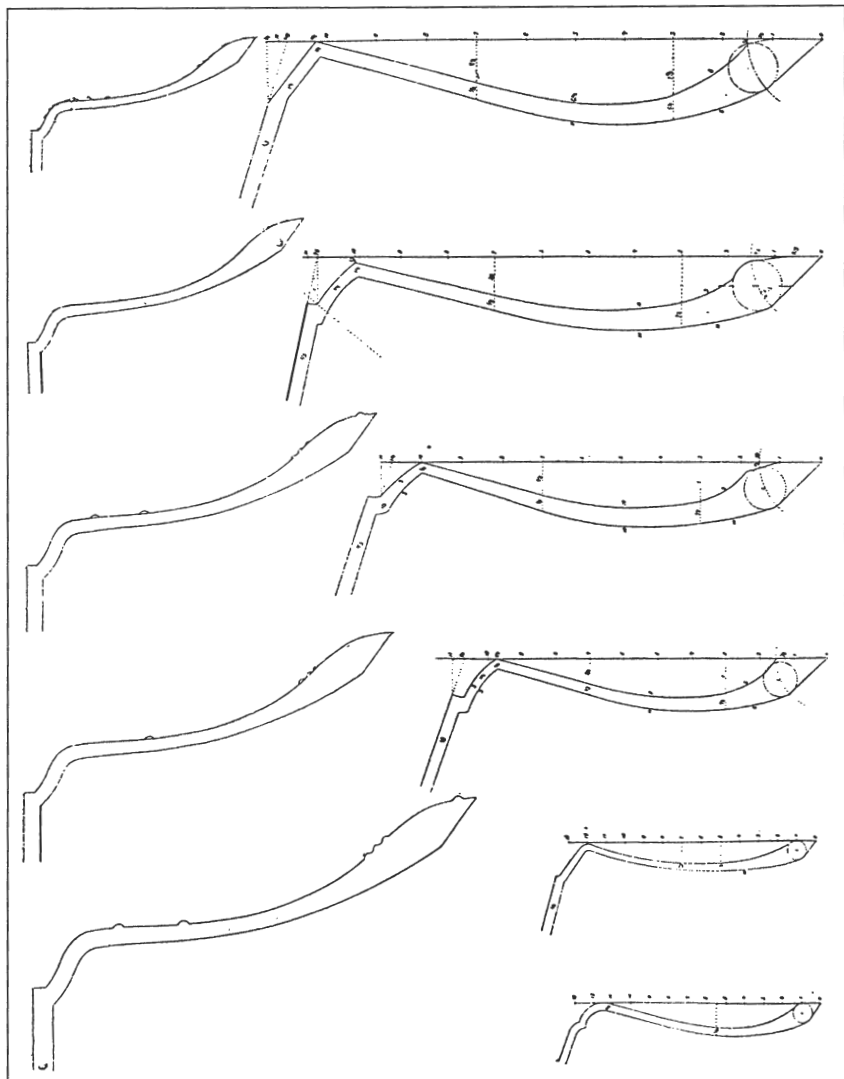
Подсчитав подобный вывод, видим, что боевая часть равняется $\frac{1}{14}$ диаметра. Часть колокола от деления $10\frac{1}{2}$ до *B* называется *плечо*, которое берут равной $\frac{1}{10}$ вышины, т. е. около 1 боя, затем идет *шейка*, равная $\frac{1}{20}$ вышины до точки *z*, которую называют *стрелкой*, за ней следует *сковорода*.

¹⁾ *Havard, Henry*. Les bronzes d'art et d'ameublement. — Paris, 1897 (Les Arts de l'ameublement). — La page 105–106.

Вышину ушей считают $\frac{1}{5}$ вышины колокола, т.е. почти 2 боя. Русские мастера при постройке профиля руководствуются размером, называемым ими *перчень*, который равен $\frac{1}{4}$ боевой части.

В отдельной таблице на этой странице показаны профили старых немецких колоколов, из которой видно, что построение профиля колокола встречается довольно разнообразное, но все же приблизительно придерживаясь вышеприведенного способа.

Профили старых немецких колоколов

В России встречается еще больше разнообразия в профилях колокола. Обычай отливать колокол на месте при церкви постепенно исчезает. Раньше же были, как сказано выше, странствующие мастера, которые формовали колокола, руководствуясь лишь тем, что удалось им заметить на службе при колоколо-литейных заводах.

[Форма колоколов. Добиваясь совершенства]

Рассматривая профили колоколов, построенных протоиереем Аристархом Александровичем Израилевым¹⁾, видим, что вначале в своих построениях протоиерей руководствовался теми же практическими соображениями, что и русские мастера, внеся затем к построению профиля колокола и звуковую теорию.

Можно сказать, что он первый дал толчок русским мастерам рассматривать колокол как музыкальный инструмент³³³ и познакомил их с теорией звука, о которой русские мастера по недостатку образования не имели никакого понятия.

Что-либо нового в построение профиля протоиерей Израилев не внес, а гармоничности звона и правильности звука в колоколе достигал лишь подтачиванием колокола – работой кропотливой и не всегда ведущей к цели.

В настоящее время в Москве много толков по поводу производящегося ремонта Спасской башни в Кремле.

Определенно говорят, что старинных курантов Спасской башни по окончании реставрации москвичи совсем не узнают.

Над колоколами из этих курантов трудится о. диакон Н.С. Померанцев, занятый их «подточкой», предпринятой с целью получения точной хроматической гаммы колокольного звона.

Выше было высказано, что колокола имеют и добавочные тона; в верхней части – октавой выше, для этого, согласно таблицы, диаметр в верху колокола должен быть равен половине нижнего диаметра. Относительно того, где мерить верхний диаметр происходят разногласия, так как одни считают, что верхний диаметр нужно мерить по наружному, другие – по внутреннему колоколу.

Если добавочный средний тон желательно получить в большую терцию, то профиль колокола на $\frac{4}{5}$ вышины колокола, считая сверху, должен иметь диаметр $\frac{4}{5}$ нижнего диаметра, таким же образом поступают и для получения других средних тонов, находящихся в ином отношении к основному тону³³⁴.

Профиль колокола, переходя от точки основного тона к двум добавочным по кривой линии, конечно должен вызвать много и

¹⁾ См. о нем выше.

других добавочных тонов, – но сила гармоничного трезвучия почти совершенно поглощает их.

При проектировании профиля приходится обращать внимание на толщину стенок колокола; следуя теории³³⁵ – стенки должны также постепенно утоньшаться соответственно диаметру, идя снизу вверх.

Практики видят, что гармоничность звона находится в связи с правильностью соотношения диаметра колокола с наибольшей толстой частью его, находящейся в боевом месте.

Эта толстая часть колокола имеет название *бой* и служит сравнительной единицей для проектирования всех частей профиля³³⁶, а сама зависит от диаметра колокола.

От этого же отношения толщины боя к диаметру зависит и прочность колокола. В старинных колоколах подобное отношение равно 1:12; 1:13³³⁷, после XV века стало 1:14, в настоящее время также 1:14 или 1:15.

С утоньшением стенок колокола звук делается эластичнее и ниже тоном. Надо предполагать, что устройство сходящегося с известного места на нет края колокола и было вызвано желанием дать более низкие гармоничные добавочные тона, так как при этом одновременно увеличивали диаметр колокола и утоньшали стенки.

Еще Chladni в своей книге об акустике³³⁸ писал, что не только звучность колокола, но и высота колокола зависит от свойства металла: тона относятся между собой как квадратные корни хрупкости металлов и обратно пропорционально квадратным корням удельного веса металлов³³⁹. Поэтому отливать колокола, предназначенные для целого звона, по возможности необходимо одновременно: но все же и при одновременной отливке трудно достичь однородности сплава, так как при больших колоколах от веса массы жесткость металла выше³⁴⁰, чем у маленьких, а также и потому, что сплав течет из печи неоднородный – сначала снизу более тяжелый сплав, а затем и более легкого удельного веса – так как перемешать сплав идеально в печи невозможно.

Таким образом, и при всей опытности мастера не всегда сразу выходит звон из нескольких колоколов в требуемом тоне и тогда остается одно – обточкой стенки колокола помочь недостатку³⁴¹, но это возможно лишь в том случае, когда тон колокола должен быть понижен, и почти невозможно тон повысить в колоколе, так как надо диаметр нижнего края колокола укоротить. Поэтому в практике предпочитают отлить колокол с более толстыми стенками, чем с тонкими.

Хотя таким способом возможно исправить ошибку главного тона, но при этом невозможно исправить добавочные тона.

На звук колокола влияет также и способ звона в колокол.

Если в колокол ударяют языком, то добавочные тона почти теряются за главным тоном, да и удар языка о колокол эластичнее, что отражается на красоте звука.

Если же колокол при звоне качают и он ударяется об язык, то в первый момент слышно один главный тон, вслед за ним чуть позднее и добавочные тона; в особенности их хорошо слышно при медленном звоне, и наоборот при очень быстром они поглощаются.

Был произведен опыт с колоколом, который заставили качаться со скоростью 1800–2000 раз в минуту, – то звук получился пронзительный, как свисток паровоза, на 3 тона выше, чем при нормальном звоне; скорость качания, сбавленная до 800 раз, дала вполне нормальный тон. Из этого видно как влияет на звук способ качания колокола; все это зависит от умения звонаря из нескольких колоколов вызвать те или другие сочетания звуков.

Звук колокола также бывает слышен различно от той причины, где помещается ухо слушающего: если на одной плоскости с нижним краем колокола – то слышно более главный тон; если же держать ухо отвесно к отверстию колокола, то более слышны добавочные звуки.

Влияют также на звук колокола и окружающие предметы, напр., если вблизи колокола находится стена, то стоящие вдали слышат более низкий тон и наоборот вблизи стены – более высокий тон.

При звоне в колокол необходимо, чтобы звуку было свободное место куда удаляться и не встречать на своем пути задерживающих преград. Часто встречаются колокольни с глухим барьером окон, так что подвешенный колокол бросает свой звук в этот искусственный колодезь, оставляя малую часть звука для окна. Способ звона в колокол его качанием более выгоден для звука. Все звуки свободно летят в окно колокольни, так как удар языка приходится почти в момент нахождения нутра колокола перед окном.

Температура воздуха, как и погода, также влияет на звук. Морозный ясный день способствует распространению звука; снег падающий задерживает звук³⁴². Ночью, благодаря большей равномерности плотности воздуха, чем днем, звук сильнее. Влияют также и облака на звук³⁴³. Сильный мороз делает металл хрупким – и звон тогда небезопасен: колокол может разбиться.

[Колокольные уши]

К колоколу приделывают 2–4–6 ушей. В маленьком довольствуются двумя, а большие всегда имеют 6 ушей – 2 парных и 2 одиночных. Расположение их накрест. Колокола выше 300 пудов подвешивают-

ся на четырех хомутах, захватив все 6 ушей. За парные уши захватывают главными хомутами, а за одиночные – добавочными хомутами, имеющими целью не давать колоколу раскачиваться при звоне.

Уши изготавливаются разных фасонов и рисунков, с украшением и без оных. В России изготавливаются уши без всяких украшений – отличаясь одни от других лишь линиями изгиба. В Западной Европе обыкновенно уши украшают каким-либо рисунком листьев, или сажают на каждое ухо по женской или мужской головке.

Способ изготовления формы ушей разный. Сама форма должна изображать глиняную массу, в которой имеются пустоты – размера ушей – для заполнения расплавленным металлом.

Имея разъемную гипсовую форму ушей, заливают ее воском; форму разнимают и остается восковая модель ушей, которую всю тщательно обкладывают глиной, повивая бечевкой. При просушке, воск выплавляется и остается глиняная форма для насадки на форму колокола. Работают и иначе: модели деревянных ушей, каждая в отдельности, обкладываются сырой глиной, разрезав вдоль вынимают деревянное ухо, а половинки глины складывают. Изготовив таким образом 6 форм ушей, их связывают все вместе, поставив между ними деревянную модель маточника. Все обмазывают глиной, повивают бечевой и проволокой, сделав из нее, для больших колоколов 2 петли для переноски формы. Сверху маточника оставляют 2 отверстия: одно для впуска металла, другое для выпуска воздуха.

[Изготовление формы для отливки колокола]

На рис. справа показан разрез печи совместно с ямой, в которую уже опущена форма для отливки колокола.

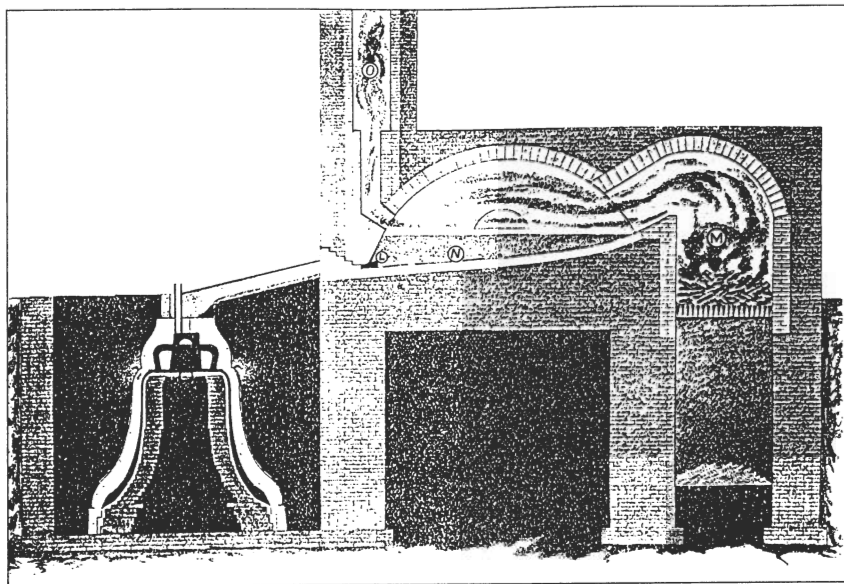
Такая яма, выложенная кирпичем, необходимая принадлежность каждого колоколо-литейного завода, находится обыкновенно рядом с плавильной печью. В ней и производят формовку больших колоколов; небольшие колокола формуют на берегу ямы, а по изготовлении, при помощи подъемного крана, опускают в яму.

Глубина ямы должна быть такова, чтобы самая верхняя часть формы колокола была немного ниже отверстия в печи, откуда потечет расплавленная медь.

Для изготовления формы колокола прежде всего нужно приготовить деревянный шаблон, по-заводски – доску, профиль которого точно рассчитан для требуемого веса, размера и тона колокола. Шаблонов изготавливают два, – один для внутреннего профиля колокола, другой для наружного³⁴⁴.

Форму колокола работают таким образом: над местом, где предполагается возводить форму, под потолком должна быть укреплена

Разрез пламенной печи для отливки колоколов

железная полоса с небольшим отверстием или со скобой сбоку (см. рис. на сл. стр.).

Из этого отверстия отвесом находят на земле точку, в которую вколачивают деревянный кол. На этот кол и в верхнее отверстие полосового железа устанавливают квадратный железный с отверстиями стержень – веретено.

На этом стержне укрепляют с помощью скоб деревянный шаблон, который таким образом может вращаться вокруг оси, обрисовывая профиль колокола.

Тщательно проверив правильность вращения шаблона и измерив диаметр как верхнего, так и нижнего описываемого шаблоном круга, приступают к изготовлению формы.

Прежде всего выкладывают без глины подбор или фундамент из кирпича вышиной восемь – девять вершков, который должен быть несколько более диаметра колокола, и оставляют в нем отверстие для поддувала.

Сверху подбора накладывают на глине второе кольцо – подставу из кирпича, но уже все связанное между собою проволокой, с оставлением петель для прикрепления этой подставы к стопе кирпичной формы.

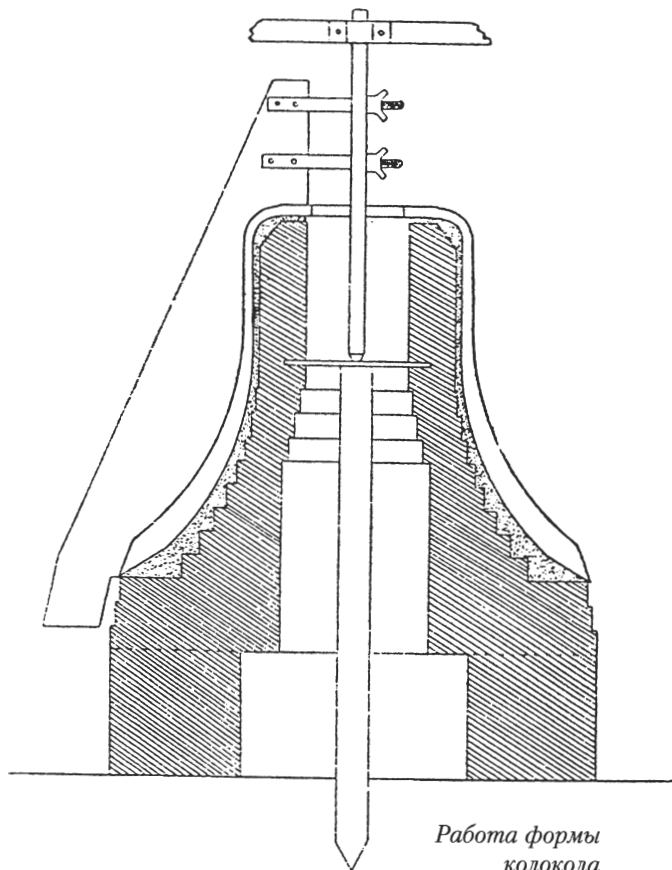
На подставу устанавливают откос, затем из кирпича, стоймя или плашмя, смотря по размерам формы, промазывая их глиной и бес-

прерывно руководствуясь шаблоном, чтобы кирпичи не выступали из очертаний шаблона, – возводят стопу.

Когда кладка этой кирпичной стопы дойдет до высоты деревянного кола, на котором укреплен стержень шаблона, то вмазывают поперек формы кусок квадратного железа с отверстием, пользуясь также отвесом с верхнего отверстия для нахождения нижнего, и теперь уже веретено укрепляют между верхним и нижним отверстиями полосового железа.

После этого кладку кирпичом продолжают далее до самого верха лекала, при чем вся стопа связывается проволокой.

Затем на стопу до самого верха толстыми слоями кладут красную глину с примесью песка³⁴⁵, придавая лекалом требуемый внутренний профиль колокола. Он весь повивается железной проволокой, после чего насекают киркой, чтобы глина прочно держалась на стопе.

Работа формы
колокола

Сверху, в оставшееся пространство внутри ядра, закладывают дрова, поджигают их и форма таким образом сушится; вначале топят не сильно, затем понемногу увеличивают огонь. Выходящий из формы дым удаляется в трубы, находящиеся в потолке.

Когда форма достаточно просушится, навешивают вновь шаблон и трещины затирают глиной с песком, разведенной на сусле.

По просушке этого сердечника — ядра приступают к изготовлению на нем глиняного фальшивого колокола.

Количество глины, т. е. толщину слоя, регулируют вторым лекалом, называемым *теловой доской* и имеющей рисунок наружного профиля. Таким образом получился насаженный на сердечник глиняный колокол, — тело, одинакового размера с предполагаемым отлить.

Тело повивается прядью, чтобы глина держалась. Снимают шаблон и подсушивают тело, затем дают остыть и вновь вешают шаблон, притирая тело жидко разведенной глиной с песком и по ее просушке притачивают теплым салом, чтобы форма была чиста.

Если требуются украшения в виде икон и орнаментов, то их приклеивают на глиняное тело колокола, приготовив их раньше по моделям из массы, состоящей из воска, сурика, канифоли, вару и сажки. После этого одевают всю форму глиняной рубашкой. Украшения должны быть плоские, иначе они усилят толщину стенок и тем вызовут изменение в тоне колокола.

Нанесение кожуха-рубашки требует особенно большого внимания и тонкости работы, иначе колокол может выйти не чист в отделке.

Для первого слоя этой рубашки употребляют смесь двух частей жирной глины, мелко истолченной и просеянной, — с одной частью приготовленной таким же способом обыкновенной глины или толченого кирпича, смотря по свойству глины.

Эту смесь, жидко разболтанную в крепком сусле, наносят кистями на поверхность глиняного колокола, тщательно наблюдая, чтобы она совершенно заполнила все детали украшений колокола.

По подсушке первого слоя наносят второй, а после третьего для дальнейших слоев берут уже более густой жидель, где песку немного более, и так далее, до 6–7 раз, смотря по величине колокола.

Затем форма поливается рукой из ковша жиделем с большим содержанием песка. После этого слои прокладываются пенькой и повиваются проволокой; форму сильно нагревают и накладывают глину толстыми слоями, повивая все пенькой, бечевкой и проволокой, чтобы эта рубашка прочно держалась на колоколе. Последний же слой глины обхватывают железными обручами, которые одновременно поддерживают долевые железные связи, с крючками наверху, служащими для подъема глиняного кожуха.

По просушке всей формы, ее осторожно опускают в литейную яму. Пустоту внутри ядра заполняют землей. Кожух поднимают за крючки железных связей, а внутренний фальшивый колокол-тело осторожно снимают, отбивая по кускам. С внутренней стороны кожуха остались вдавленными все украшения колокола, которые были нанесены на глиняный колокол из массы и выплавившейся при просушке формы.

Осмотрев внимательно как поверхность ядра, так и кожуха, сметают пыль и исправляют замеченные недостатки. Сердечник обтирают смесью золы и мела, разболтанных в сусле.

Затем надевают рубашку, стараясь, чтобы она точно встала на прежнее место и замазывают глиной шов между ядром и кожухом. Таким образом, получилось пустое пространство между рубашкой и ядром для заливки металлом.

Вмазывают железную петлю для языка таким образом, чтобы лишь концы петли выходили наружу, которые впоследствии зальются металлом. Сверху все прикрывают глиняной формой ушей, приготовленной заранее по деревянной модели. Тщательно замазывают глиной шов соединения формы ушей с формой колокола³⁴⁶.

Установленную таким образом в яму форму засыпают землей и плотно утрамбовывают (см. рис. «Разрез пламенной печи...»).

Утрамбовку производят постепенно слоями, вершка по три–четыре. Насыпав земли нужный слой, рабочие встают в ряд и пестами, с железными наконечниками, оканчивающимися таким же кружком в диаметре вершка полтора и нагретыми с силой ударяют по земле до тех пор, пока слой земли не будет очень плотен. Затем вновь насыпают слой земли, который также утрамбовывают, и так далее, пока вся форма не скроется под землей. Земля эта состоит из смеси перегорелой земли, песка и золы. Такая тщательная утрамбовка необходима, чтобы кожух выдерживал давление металла и медь не прорвалась где-либо и не ушла в землю.

Оставляют сверху ушей 2–3 отверстия – одно для притока жидкого металла, другое для выхода газов; прокладывают желоб из кирпича, по которому потечет расплавленная в печи бронза.

[Отливка]

На под печи N кладут медь, в топку M забрасывают дрова и часов через пять–шесть, когда металл расплавится, кладут олово и старательно перемешивают сплав жердями. Затем вышибают снаружи железным шестом пробку L и жидкий сплав стемительно бросается в отверстие, течет по желобу и наполняет форму. Колокол отлит. Когда он через несколько дней остынет, его вынимают, очищают от

пригоревшей глины и затем обтачивают, придавая этим более изящный вид. Покрывают украшения бронзовым порошком, и даже иногда гальванически серебрят или золотят весь колокол.

Плавка металлов происходит в графитных тиглях или на полу пламенной печи; в первых для малого количества металла и во вторых для больших. Ранее расплавляют медь, а затем к жидкой меди прибавляют олово (предварительно нагрев его, чтобы предотвратить разбрызгивание), чем достигается меньший угар олова. Расплавленный металл по временам помешивают, для составления однородного сплава еловыми шестами. Дерево, обугливаясь, выделяет газы, способствующие лучшему перемешиванию металла и одновременно действует восстанавливающим образом на окислившийся металл.

Конструкция тигельных печей разнообразна. Наиболее удобны для отливки колоколов переносные печи типа Piat, Bauman'a и др. В этих печах тигель не вынимается, а вместе с топливом вся печь помощью крана может переноситься к форме для отливки. Подобная печь позволяет из одного тигля отлить колокол до 30 пудов весом.

В пламенных печах, для отливки колоколов, металл находится непосредственно на покатом поду печи, где он плавится и стекает в более низкое место пода, откуда его выпускают через отверстие, закрытое во время плавки. Слой жидкого металла, всего несколько вершков, подвергается действию пламени, которое стараются вести восстановительное для меньшего угара. Для отопления подобных печей служит топливо, дающее длинное пламя, в России – дрова, нефть, на западе и каменный уголь.

Устройство плавильной печи (топка дровами) ясно из прилагаемого рисунка; главные ее части: топка М, под N и труба О. Под сводом топки, отделенной от пода печи огненным порогом, находятся колосники, ниже которых помещен зольник и поддувало. Подобная конструкция печей, выработанная несколько десятков лет тому назад, осталась на колоколо-литейных заводах до сего времени. Недостаток специалистов в постройке подобных печей и большая стоимость их, вмещающих до 2000 п[удов] сплава, для такого небольшого специального производства, как литье колоколов, тормозит переустройство существующих старых по новым данным литейной техники. От печи требуется главным образом, чтобы был небольшой угар ценного металла, расход топлива ставят уже на 2-й план. Указанная на рисунке печь при удачной конструкции дает 3–4 % угара, смотря от чистоты металла.

Русские мастера при постройке печей руководствуются таким соображением, что диаметр печи должен равняться диаметру, пред-

полагаемого к отливке, колокола. Обыкновенно печи и строят круглыми – чашкообразными с уклоном к месту выхода меди.

Техника отливки колоколов с XII века настолько значительно изменилась, что этот век надо считать границей старинных колоколов от новых.

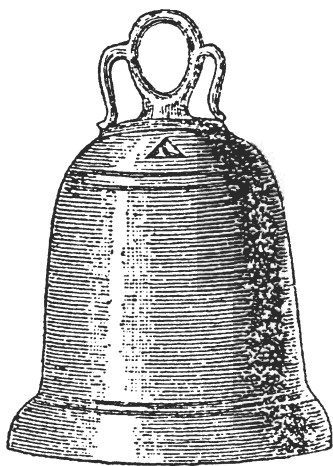
[Теофиловы колокола]

Старинные колокола называют «колокола Теофилуса (Theophilusglocken), именем Бенедиктского³⁴⁷ монаха, жившего в XI веке в Вестфальском «Helmarshausen» монастыре и впервые описавшего способ его изготовления.

Приготовление формы для отливки Теофилус описывает так: первоначально формуют слоями глиняное ядро, затем сверху наносят столько сала, пока эта сальная крышка точно не будет соответствовать размерам металлического колокола.

В этой сальной крышке вырезали украшение и надписи, которые впоследствии и в отливке выходили углубленными. На приготовленную таким образом модель вновь наносили слоями глину; обхватывали все железными обручами и опускали в литейную яму. Здесь огонь выплавлял сало и высушивал ядро и крышку.

В пустое пространство, оставленное выплавленным салом, вливали расплавленный металл.

Старинный колокол находится в Нюрнбергском музее. Высота 540 мм, диаметр 400 мм. Стреугольным сквозным углублением

Колокола, по описанию Теофилуса, отливались не поднимая крышки. У подобного простого способа отливки имелись также и свои недостатки, по которым и узнают старинные колокола.

При сушке формы небольшие частицы глины отпадали, которые затем заполнялись металлом. Точить колокола в то время еще не умели, лишь шлифовали их песчанником на вращающемся станке, но могли это делать лишь поверхностно, в виду твердости сплава.

«Колокола Теофилуса» легко узнать по следующим признакам: круто поднимающаяся линия колокола – с очень небольшим отклонением, одно большее подвесное ухо, которое поддерживают несколько дужек в виде коро-

ны; вдавленная надпись и украшение. У более позднейших делали из восковых палочек выпуклую надпись; два, три или четыре равномерно распределенных треугольных углубления, или точки вокруг верхней части колокола; грубая неровная поверхность отливки.

Для определения старины отдельных колоколов времени Теофилуса необходимо наблюдать за углублениями, которые должны были образовывать «Tinnieren» добавочный тон, — и тем менее заметны, чем моложе колокол. У старейших эти углубления «Fogami-pa» проходят очень глубоко, у более молодых они постепенно исчезают, так как мастера впоследствии не видели в них цели.

Все же по вышесказанным приметам не всегда можно быть твердо уверенным, что колокол ранее XI века; часто еще и после XII века, в особенности в России, применяли те же способы формовки колоколов, как описал Теофилус. Образцы настоящих старинных колоколов имеются в некоторых музеях, например: в г. Нюрнберге, Галле, Риме, Базеле, Кельне и др.

В прежние времена отливка колокола считалась опасным ремеслом и поэтому отливке предшествовала молитва об удачном исходе ее; это было у католиков, протестантов и православных.

На некоторых заводах во все время литья стоят с обнаженными головами, творя молитву, иногда приглашают духовенство и служат молебен о благополучном литье; обыкновенно же перед выпуском расплавленной бронзы зажигают перед иконой свечи, молятся и затем уже приступают к отливке.

[Колокольные языки]

Теперь остановимся на одной детали, без которой колокол не имеет значения, это — железный язык колокола. Прежде всего этот язык хорошо прокован и определенного веса, в зависимости от размера колокола; только удовлетворив все эти требования, получим правильный и чистый звук колокола. Обыкновенно вес языка берут около $\frac{1}{25}$ веса колокола; для больших же колоколов языки берут легче.

Применяемые иногда в Германии железные языки с бронзовыми или деревянными подушками на ударных местах не могут у нас в России иметь места ввиду своеобразности нашего звона.

У нас ударяют язык о колокол, а на Западе качают колокол и он ударяется об язык, таким образом сила удара сравнительно много слабее нашего.

При нашей системе звона должно происходить быстрое изнашивание мягкого металла и дерева в языке, а также удары дерева о бронзу будут недостаточно ярки.

*Железный язык
для качающихся
колоколов*

*Железный язык для
колоколов, спокойно
висящих*

[Ремонт колоколов]

В виду дороговизны переливки треснувших колоколов пытались их спаивать, и, по некоторым описаниям, на Западе удавалось спаивать одни удачно, другие же безуспешно. Производили это таким образом: вдоль всей трещины, с обеих сторон, из глины устраивали как бы резервуар для жидкого металла, который вливали после сильного нагрева треснувшего колокола. Металл заполнял трещину, сплавляясь с самим колоколом, а излишек металла с боков стачивали. Но удачно исполнить спайку не так просто, как это описано. Обыкновенно колокол дает трещину в том же месте или в новом — от неравномерного нагревания колокола. В последнее время с усовершенствованием аппаратов пайки ацетиленом и электричеством пытаются их применить также для спайки и разбитых колоколов. Попытки эти были неудачны и если удавалось у маленьких колоколов запаять трещину, но с некоторой потерей звука в колоколе.

Более простой, но также несовершенный, способ исправления разбитого колокола — это механическое увеличение трещины, чтобы

Да и вообще устройство языков из двух разных металлов непрактично, так как первоначально плотное соединение одного металла с другим должно быстро разрушиться, что, конечно, будет отражаться на чистоте звука. Прежде даже делали языки пустотелыми и устраивали их так, что при ударе о колокол он прикасался к нему одновременно в 3-х точках, — этим хотели усилить и улучшить звук. Делали языки и с противовесом для легкости звона, но распространения подобные языки не получили.

Что касается стальных языков, то они не отличаются прочностью, легко могут разбиться и не дают приятного звука в колоколе.

стенки при звуке не соприкасались: тогда звук делается выше первоначального и не гармоничным, так как добавочные тона не подойдут к измененному основному; конец же трещины обязательно закругляют сверлом, чтобы трещина не удлинялась. Если же трещина идет таким образом, что допускает отколоть незначительную часть края колокола — то наилучше это и сделать, лишь изменив затем место удара языка.

В случае если ударное место колокола от ударов языка стало пластинчатое, то его гладко запиливают напильником.

Отломанные уши без вреда для звука можно заменить железными. К оставшимся частям уха болтами прикрепляют отломанную часть, выкованную из железа. Но можно на местах ушей просверлить дыры в сковороде колокола, пропустить железные болты которыми и подвесить колокол.

[Доставка и подъем колоколов]

Доставка колокола с завода к церкви производится на лошадях, если не очень далеко и нет железной дороги; по железной дороге, при взятии из местной Духовной консистории свидетельства на право провоза по льготному тарифу № 89 1901 года и считается тогда по $\frac{1}{100}$ к[опеек] с пуда и версты. Но колокола более 1500 пудов по железной дороге перевозимы быть не могут, так как благодаря своей ширине не могут разехаться с встречным поездом и проехать под мостом. Третий способ доставки, возможный для всякого веса, — это водный. Практикуется и доставка людьми со ст[анции] железной дороги — несмотря на вес колокола; поставив колокол на полозья, волоком народ тащит несколько верст, для чего собираются все ближайшие деревни от места подъема колокола.

Недостаточное количество железных дорог и мостов через реки заставляет часто отправку колокола приурочивать к зимнему времени, пока лед достаточно окрепнет и здесь не редки случаи, что лед под тяжестью колокола ломался и колокол погружался в воду.

Подъем колоколов на колокольню производится помощью пеньковых канатов или цепными блоками. Канаты тянутся лебедками или людьми; последний способ и для самых больших колоколов наиболее в России употребителен.

Подъем бывает внутренний и наружный. Внутренний, наиболее простой, производится цепными блоками, и, возможен лишь при неоконченной стройке колокольни, когда внутри колокольни ничто не мешает пройти колоколу до самых балок, на которых он будет висеть. Людей требуется очень мало, но зато подъем длится несколько часов.

Поднятие колокола в 544 пуда на колокольню

Быстр и красив подъем колокола снаружи. Требуется для него много народа, дружная его работа и точное исполнение приказаний мастера, заведующего подъемом. От размеров колокола зависит число и размеры канатов. Одни канаты поднимают колокол, другие его отводят. Назначение последних, это чтобы колокол не задевал стен колокольни при своем подъеме. Отводной канат, привязанный

вверху колокольни и внизу пропущенный под блок, привязанный к колоколу, будучи натянут, служит как бы направляющей для поднимаемого колокола – он как бы катится на блоке по этому канату, тащимый подъемными канатами.

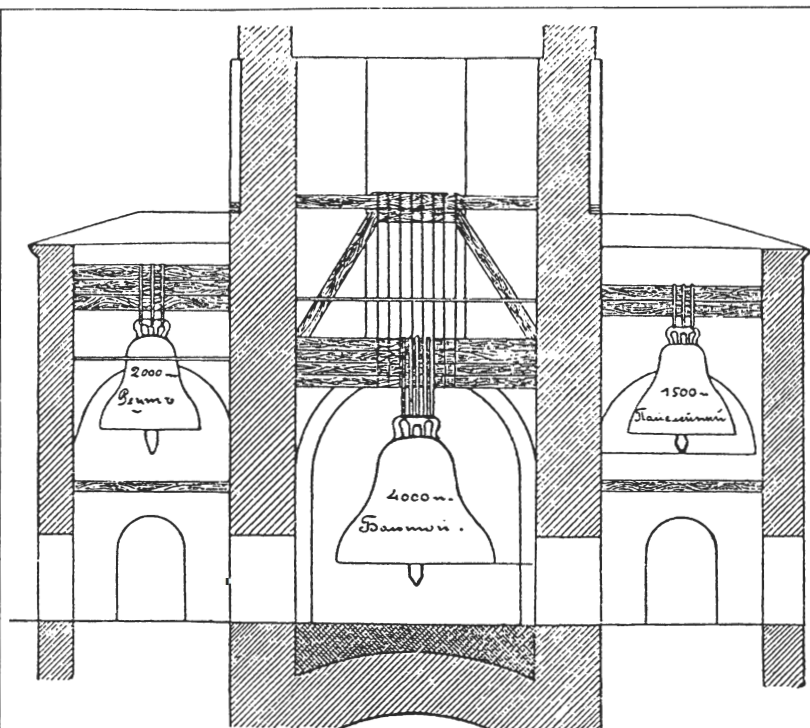
Время подъема от момента поднятия до конца длится лишь пять–десять минут. На рис. слева показан подобный подъем колокола, весом в 544 пуда. Колокол катится на 2-х блоках, привязанных к петле колокола, по 2-м отводным канатам; поднимают же колокол 3 каната. Для подобного подъема людей приблизительно требуется: на отводные канаты считая 2 п[уда] колокола на 1 человека, а на подъемные канаты по 1 пуду на человека. Без осмотра на месте колокольни нельзя вперед сказать каким образом будет подниматься колокол, т.е. как будут проложены канаты, с какого места будут тянуть канаты и дальнейшие работы по укреплению колокола. Существует в России обычай к поднимаемому колоколу привязывать полотенца и куски материй.

Если колокольня не допускает по своей конструкции или непрочности подъем большого колокола одним из вышеуказанных способов, то устраивают рядом с колокольней, одинаковой вышины деревянную или железную каланчу-башню, на которую и поднимают цепными блоками колокол; устанавливают его сверху на платформу и по каткам передвигают на колокольню. Описанный способ подъема самый дорогой в виду ценности башни.

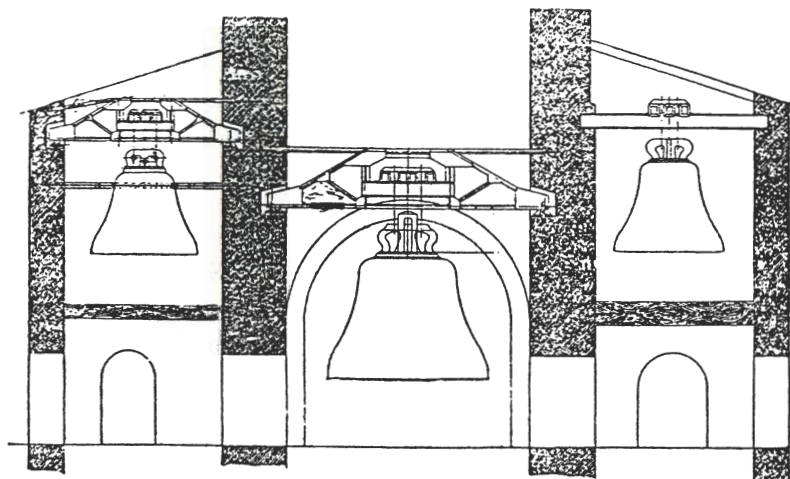
С колокольни снимают колокола теми же способами, как и поднимают, но практикуется и небезопасное сбрасывание колокола с колокольни, если только допускает прилежащая местность. Сбрасыванием упрощается спуск и колокол при этом разбивается, что облегчает дальнейшее разбитие на мелкие части.

[Подвеска колоколов]

Подвеска колоколов на колокольне в прежние времена, когда не было железных двутавровых балок, производилась на деревянных, впоследствии стали подкладывать под деревянные балки железнодорожные рельсы. В настоящее время, почти повсюду вешают колокола на железные двутавровые балки, и чтобы железо хомутов, которыми подвешивают колокола не соприкасалось с железом балки и не вредило бы звуку колокола, устраивают деревянные прокладки из лафетных досок, одевая этими досками балку со всех сторон. Одновременно этим, если не вполне, то значительно уничтожается и та передача вибрации железной балке, благодаря которой возможна деформация самого железа балки из волнистой в зернистую структуру, могущая повести за собой разрушение балки. По-

Старая конструкция балок на Ивановской колокольне

Новая конструкция балок на Ивановской колокольне

дробное обсуждение этого вопроса можно найти в статье г-на Подчиненнова в Бюллетенях Политехнического общества за 1909 год № 2 «Устройство и установка железной конструкции для привеса колоколов на древней колокольне московского Даниловского монастыря»³⁴⁸. Статья эта с подробными обсуждениями металлической конструкции для подвески колокола лишь указывает как мало специальных знаний было уделено до сего времени для подвески таких огромных грузов на колокольнях.

На прилагаемых рисунках указано как был повешен Царский колокол, Реут и Полиелейный на колокольне Ивана Великого и как это теперь устроено. Из рисунка видно, что для Царского колокола, путем в несколько рядов наложенных деревянных балок одна на другую и связанных между собой железом составили одну огромную деревянную балку около 1 арш[ина] 12 верш[ков] толщиной. Но и эта балка от времени сильно прогнулась, так как отдельные балки сгнили, что вынудило все их выбросить и заменить в 1910 году двумя железными клепаными конструкциями, параллельно поставленными.

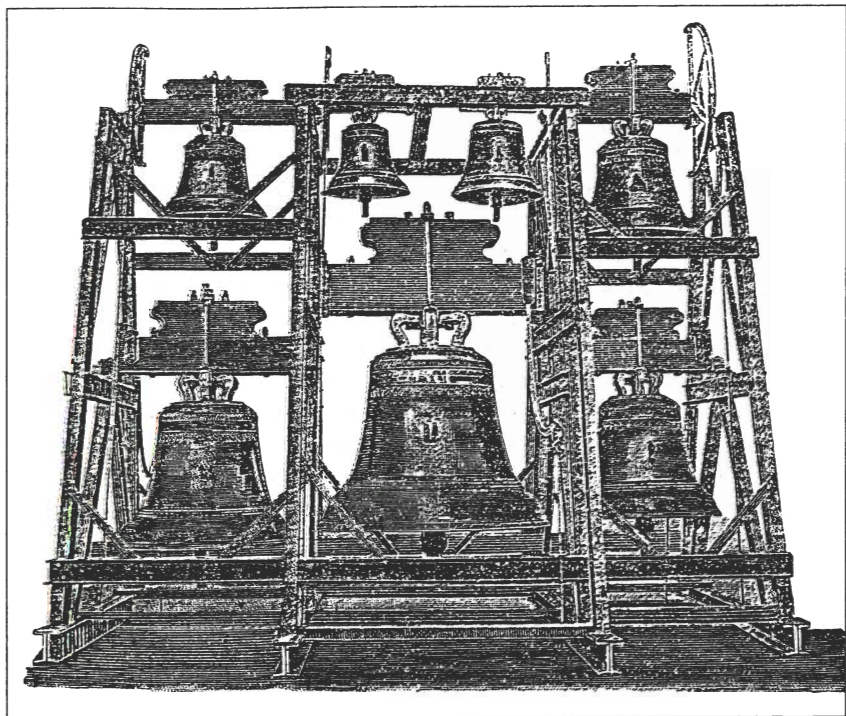
На эти конструкции положены четыре деревянных обрубка [размерами] 7×6 вершков, которые и несут на себе помощью хомутов весь груз колокола. Деревянные обрубки употреблены с целью, чтобы не передать вибрацию железной конструкции. Интересно то, что вес железа, связывавшего ранее все вместе деревянные балки для Царского колокола, значительно больше веса всей новой железной конструкции. Новая железная конструкция для Царского колокола весит 450 пудов; для колокола Реут – 250 пудов; будничного – 200 пудов; для полиелейного – 150 пудов.

В Западной Европе, где при звоне колоколов значительного веса качаются несколько [колоколов] одновременно, давно уже употребляют разнообразные деревянные и железные конструкции, чтобы не расшатывать верх колокольни. При сильном качании колокола сотрясение колокольни гораздо значительнее, чем при звоне в православных церквях.

Рисунок (на сл. стр.) показывает одно из приспособлений на железной конструкции для целого звона.

Обыкновенно, при незначительных размерах колокольни, и подвеске колокола в середине ее употребляют две накрест лежащие, одна над другой, деревянные или железные двутавровые балки, протянутые из угла в угол.

Если по расчету, который ведется на беспокойную нагрузку в середине балки, потребуются балки слишком больших размеров, практичнее брать меньший размер и класть по две рядом.

Железная конструкция для звона в колокола

Подвеска же колоколов к балкам производится смотря по размеру колокола: малые можно вешать на веревке, но большие должны быть укреплены на железных хомутах из полосового или квадратного железа того или другого размера согласно величине колокола. Хомуты должны быть настолько длинные, чтобы колокол не прикасался к балке, а висел бы на $1-1\frac{1}{2}$ вершка ниже и имел бы таким образом некоторое движение при звоне. Также край колокола должен отстоять от пола не менее 2 ар[шин] и 8 верш[ков] – лучше более, устраивая помост для удобства звона. Возвышенной подвеской колокола достигается, что более звуков полетит вниз на землю, а не все ударятся в поле колокольной. Также необходимо, чтобы пол был обнесен сквозной решеткой, а не сплошной – иначе звук уйдет в образовавшийся ящик.

В большинстве стран Западной Европы звон производится посредством качания самих колоколов, а в России при звоне ударяют языком в неподвижно привязанный колокол, и в этом состоит коренное отличие и превосходство нашего звона перед западно-европейским.

Любопытно, что самые технические выражения определяют разницу в характере западно-европейского звона и нашего: по-немецки говорится «die Glocke läutet», — «колокол звонит», тогда как по-русски выражаются: «в колокол звонят». Немцы представляют колокол звонящим самостоятельно, как бы заставляющим язык качаться, тогда как у нас сложилось представление, что не сам колокол производит звон, качает язык, а его заставляет звучать живое лицо, человек, ударяя в колокол языком.

На Западе же способ подвески колокола иной: короткая балка, к которой вплотную прикреплен колокол, на своих концах имеет металлические стержни, покоящиеся в подшипниках, благодаря которым звон в колоколе облегчается. Сам же звон производится [с] помощью большого колеса или 2-х рычагов, укрепленных на вышеуказанной короткой балке. Через колесо перекинута веревка и два ее конца спущены вниз колокольні; дергая тот или другой конец, раскачивают колокол, не поднимаясь на колокольную. В последнее время ручной способ подобного звона в колокола заменяют электрическими моторами. Эти моторы, самостоятельно меняя направление вращения через определенные промежутки времени, вращаются то в одну сторону, то в другую. Веревка, перекинутая через шкив подобного мотора, тянет поочередно тем или другим концом, приводя в движение колокол.

Когда колокол начинают качать, то сначала приходит в движение только колокол, который встречает язык и заставляет его отскакивать в противоположную сторону, в силу чего язык из положения равновесия приходит в движение и описывает дугу вверх; вторично встречается с ним своею другою стороною, прежде чем язык успевает описать свою дугу.

Движущийся вниз колокол отбрасывает более легкий и в своем движении вверх уже обессилевший язык перед собою вторично, чтобы устремить его вверх в противоположном направлении, где колокол, возвращаясь, опять с ним встречается и т. д.

Сами теоретики западно-европейского звона указывают на его неудовлетворительность, отмечая, что при раскачивании колоколов получается неправильный звон, а на наш слух нехороший своею сбивчивостью, какой-то взболтанностью, если хотите, суетливостью; при больших колоколах способ раскачивания почти неприменим в силу тяжести их, почему такие большие колокола, как на Кельнском соборе в 1312,5 пуд[ов], остаются в молчании, тем более что сила их качания отзывается на крепости башен, на которых они висят. Большой колокол «der grosse Brunner» на южной башне «Notre Dame» в Париже своим сильным качанием так расшатал старую башню, что

несколько десятилетий тому назад оказалось необходимым возвести новую постройку, на которую колокол был поднят в 1851 г.

В трудности и даже невозможности раскачивать большие колокола лежит, надо думать, причина того обстоятельства, что в Западной Европе не было и нет колоколов такой величины и веса, как у нас; рост веса колоколов остановился там на 1.300 пудах.

Что касается подвески языка к колоколу, то маленькие языки подвешивают на сыромятных ремнях, иногда и на железных крючках. Среднего размера языки, у колоколов до 100 пудового веса, вешают на приводных машинных ремнях, обхватывая несколько раз ремнем дужку колокола и языка, конец же ремня закрепляется металлической петлей.

У большинства колоколов желательно языки вешать на металлических машинках. Правильно подвешенный язык на машинке гарантирует навсегда от спуска языка. Машинка может служить очень долго – лишь по временам смазывая имеющиеся в машинке подшипники. Звон в колокол при машинке гораздо легче. Внешний вид подобной машинки напоминает дверную петлю; одна ее сторона болтами прикрепляется к петле колокола, а другая таким же образом к языку колокола.

Звон колоколов располагают на колокольне так: зазвонники – малые колокольчики 2 или 4 находятся в правой руке; языки же других 4 колоколов [с] помощью проволоки подтянуты к железной скобе, укрепленной к столбу, и звонарь, левой рукой ударяя по проволоке, как по клавишам, вызывает удары о тот или другой колокол. В большой же колокол [с] помощью натянутых веревок и положенной на них доске-клавише звонит ногой. При подобном устройстве один звонарь достаточен для звона, начиная с 150 п[удового] колокола и ниже. Если же имеется колокол большого веса – то надо запасного звонаря.

Кроме ручного звона к небольшим колоколам, на железных дорогах, устраивают электрическую сигнализацию [с] помощью электромагнитов с молотком, прикрепленным внутри колокола. Звук при таком способе звона не так ярок, как от руки.

[Колоколотейные заводы]

У нас в России колоколо-литейное дело поставлено очень высоко, что объясняется огромным спросом.

Всех заводов в настоящее время в России, занимающихся специально отливкой церковных колоколов, имеется 20: в Москве – 2, Ярославле, Варшаве, Гатчине, Елабуге, Н[ижнем] Ломове (Пензенской губ.), Венгрове (Седлецкой губ.), Харькове, Воронеже, Росто-

Внутренний вид небольшого колоколотейного завода

ве-на-Дону, С.-Петербурге, Слободской (Вятск[ой] губ.), с. Гордеевке (Ниж[егородской] губ.), Балахне, Костроме – по одному, в Валдае и Саратове – по 2, эти заводы отливают более крупные колокола. Затем при с. Пурехе (Ниж[егородской] губ.) 8 заводов изготовляют мелкие колокольчики. За год заводы сработают церковных колоколов [общим весом] 100–120 т[ысяч] пудов.

Несколько заводов, помещающихся в с. Пурехе, изготовляют лишь маленькие ямские колокольчики – дужные, носящие название *валдайские*, по имени города Валдай Новгород[ской] губернии. Формуются они уже не в глине, а в земле, в опоках, ручным и машинным способом. Металл для отливки идет уже не тот, что для больших колоколов – идет медь и цинк. К валдайским колокольчикам подвешивают на железном крючке язычок медный, отлитый из того же сплава; к более мелким подвешивают на сырмятном ремешке железное кольцо.

Особенно литейным искусством славится Ярославская губерния, где уже в XVIII в. существовали отличные мастера, отливавшие колокола, как в самом городе, так и ходившие для отливки на сторону.

Один из ярославцев, г. А.Ф. Грязнов, передает, что точных сведений, когда и кем именно был устроен в Ярославле первый колоколотейный завод, не имеется.

Тем не менее, есть некоторые основания считать, что первый ярославский колоколо-литейный завод был устроен Дмитрием Максимовичем Затрапезновым, сыном основателя «Ярославской мануфактуры» и братом Ивана Максимовича Затрапезнова, «фундатора» «Ярославской Большой мануфактуры».

Что это действительно так, видно из следующих надписей на трех колоколах, из которых два больших находятся на соборной колокольне и один на церкви Николы Мокраго.

Вот эти надписи:

1) «1754 году ноября в 5 день вылит сей колокол в граде Ярославле к соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы при державе благочестивейшия и самодержавнейшия великия государыни нашея императрицы Елизаветы Петровны всея России и при наследнике Ея внуке Петра Перваго благоверном государе великом князе Петре Федоровиче и при супруге его благоверной государыне великой княгине Екатерине Алексеевне и благоверном государе великом князе Павле Петровиче благословением С. П. С. Ч. преосвященнаго Арсения митрополита Ростовскаго и Ярославскаго тщанием Ярославской мануфактуры содержателя Дмитрия Максимовича и сына его Ивана Затрапезновых. Весу в нем 700 пудов. Лил мастер московский первой гильдии купец Константин Слизов»;

2) «1755 года декабря [...] дня вылит сей колокол града Ярославля к соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы при державе благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни Елизаветы Петровны всея России при наследнике ея внуке Петра Перваго благоверном государе великом князе Петре Федоровиче при супруге его благоверной государыне великой княгине Екатерине Алексеевне при благоверном государе великом князе Павле Петровиче благословением С. П. С. Ч. преосвященнаго Арсения митрополита Ростовскаго и Ярославскаго поданием доброхотнодателей. Весу в нем 400 пудов. Лит на фабрике Дмитрия Затрапезнова. Мастер московский первой гильдии купец Константин Слизов»;

3) «1754 году ноября в 5 день вылит сей колокол в граде Ярославле на фабрике Ярославской полотняной и других мануфактур содержателя Дмитрия Затрапезнова. Весу в нем 40 пудов. Лил мастер Константин Михайлович Слизов».

Этот Дмитрий Затрапезнов был сыном известного ярославско-го фабриканта Максима Семеновича, купца Гостинной сотни, основателя Большой Ярославской мануфактуры.

По его смерти эта мануфактура перешла к его сыну Ивану Максимовичу, а Дмитрий Максимович основал так называемую Малую Ярославскую мануфактуру.

Он отличался чрезвычайною предприимчивостью и духом новаторства. Не довольствуясь производством доставшейся ему полотняной фабрики, он завел у себя производство шелковое, кружевное, шерстяное, сургучное, берлинской лазури и проч. и, между прочим, как видно из надписей на колоколах, устроил у себя при фабрике колоколо-литейный завод и начал производить отливку колоколов и делал на них пометку, что лит сей колокол «в граде Ярославле», тогда как на прочих ярославских колоколах, более ранней отливки, подобной надписи не имеется.

Отсюда можно заключить, что до устройства Д.Затрапезновым колокололитейного завода колокола для ярославских церквей отливались не в Ярославле, а в других местах, и доставлялись в Ярославль в готовом виде.

Как например – можно указать на надписи двух колоколов Николанадеинской церкви; на одном из них написано: «Лета 7130 (1623³⁴⁹) года поставил сей колокол в богоспасаемом граде Ярославле на Волгском берегу в дом Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Благовещения и св. Пророка и Предтечи во имя чудотворца Николы и преподобных отец наших Михаила Малеина, Макария желтоводскаго чудотворца, при благоверном государе царевиче и великом князе Михаиле Феодоровиче государе всея Русии самодержце и при великом господине Филарете патриархе московском и всея Русии митрополите Варлааме Ростовском и Ярославском, государев гость Епифаний Андреев сын Светишников прозвище Надеина по своей душе и по своих родителей», а на другом колоколе – такая надпись: «Постави сей колокол в Ярославле на Волгском берегу ко Благовещению Пресвятой Богородицы и Рождества во имя Предтечи и Николы чудотворцу в 7134 (1627³⁵⁰) году Павел Андреевич Светишников по своей душе и по своих родителей».

Судя по качеству литья колоколов завода Д.Затрапезнова, а также по тому, что на нем могли отливать колокола весом по 700 пудов, и притом в один день по нескольку (5 ноября 1754 года было, как видели выше, отлито два колокола), нужно полагать, что завод Д.Затрапезнова, для своего времени, был большой и хорошо поставленный.

К сожалению, больше ничего неизвестно о деятельности этого первого ярославского колокололитейного завода, неизвестно также, когда он прикончил свое существование и по какой причине.

В Ярославле же находится огромный колокололитейный завод Товарищества «П.И. Оловянишникова Сыновья», считающий за собой 150-летнюю давность. Имеются данные, что в 1766 году на за-

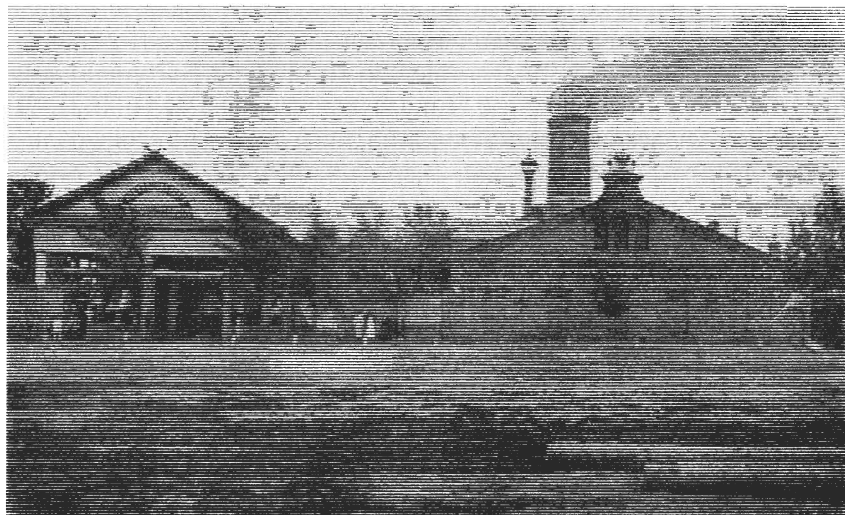
воде был отлит колокол для Яковлевского Ростовского монастыря, весом в 163 пуда 8 ф[унтов], с надписью: «1766 году месяца Июня 15 дня при державе благочестивейшей самодержавнейшей великой государыне нашей императрицы Екатерины Алексеевны и при наследнике Ея благочестивейшем государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче тщанием и трудолюбием собственного святейшаго правительствующаго Синода ведомства при архимандрите Павле и братии того монастыря лит во граде Ярославле на заводе Григория Федорова Оловянишникова весом 163 пуда 8 фун.».

В настоящее время завод находится на улице, называемой Городской вал; это третье место, которое он занимает со дня своего основания.

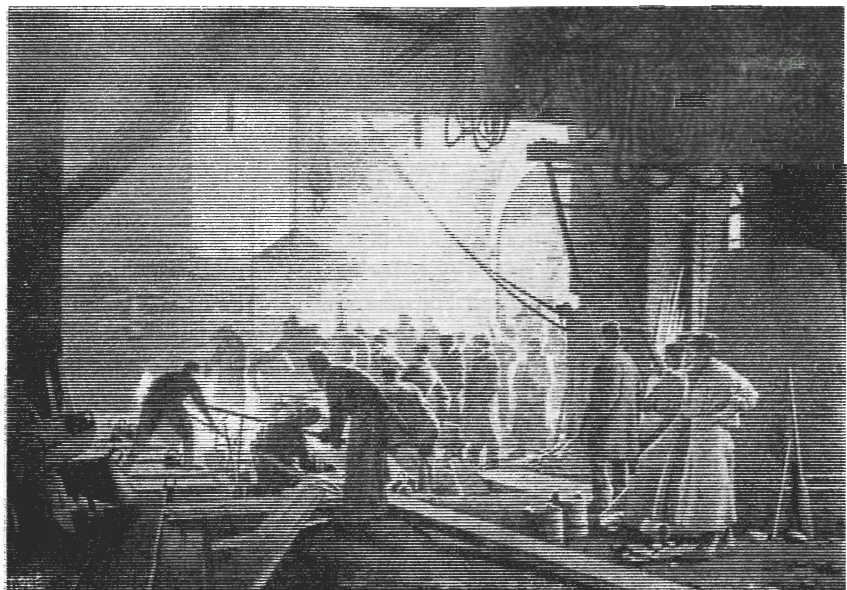
Первоначально, более ста лет тому назад, он находился против Спасского монастыря, затем из центра города, с увеличением производительности, ему пришлось переселиться на Городской вал, недалеко от того места, где он находится в настоящее время. Спустя лет 50 он перебрался на теперешнее место.

Постепенно развивая свою деятельность и расширяя границы своего сбыта, он рос в размерах и теперь, вместо одной небольшой плавильной печи, он уже располагает четырьмя большими, могущими свободно удовлетворить все требования рынка.

Проглядывая список колоколов, отлитых заводом, видно, что нет губерний, в которой не имелось бы колоколов, отлитых на заводе Товарищества.

*Литье колоколов на заводе Т-ва П.И. Оловянишникова С-вья.
(С картины М.Виллие)*

Причина подобного успеха лежит в той зарекомендованной прочности, благозвучности и мощности звука отливаемых на заводе Товарищества колоколов.

Завод неоднократно исполнял заказы для придворных церквей, для Востока и посылал изделия на Запад.

По заказу великого князя Константина Николаевича в Орианду³⁵¹, для церкви Покрова Пресвятой богородицы, для Князя Черногогорского (в Черногорию) и для Княгини Александры Иосифовны в Татое (в Греции), – за границу: в Софию, Тырново, Систово и Рушук (в Болгарии), Старый Иерусалим, Константинополь, Карлсбад (в Австрии) и др.

Высочайшие особы, прибывая в Ярославль, всегда посещали колокололитейный завод Товарищества Оловянишникова. Так, в 1823 году 24 августа завод посетил император Александр Павлович; в 1831 г. 13 ноября – принц Петр Георгиевич Ольденбургский; в 1834 г. 7 октября и 1841 году 11 мая – император Николай Павлович; в 1837 г. 10 мая – государь цесаревич, великий князь Александр Николаевич. в 1850 г. 7 августа – великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич; в 1858 г. 15 января – император Александр II, а в 1868 г. 14 мая – великий князь Алексей Александрович.

С 1882 года завод стал вырабатывать колокола, стремясь не только к одной благозвучности, но также и определенного тона, подбирая целые звоны того или другого аккорда. Этим подбором лично руководил известный протоиерей о. Аристарх Израилев, о котором мы уже упоминали выше. Главным мастером на заводе с 1868 года состоял Игнатий Веревкин; с 1905 года состоит его сын Иван Веревкин.

На Московской Всероссийской выставке 1886 г. за свое изделие завод получил высшую награду – Государственный Герб.

На последней Всемирной Парижской выставке завод экспонировал звон в количестве 22 колоколов, составляющий две октавы. Исполнение пьес на них привлекало массу слушателей; оно производилось при помощи соответственно устроенных клавишей, так что каждому знакомому с нотами представлялась возможность играть на колоколах.

В 1903 году на Промышленной сельскохозяйственной выставке в Ярославле завод вновь экспонировал 30 колоколов, подобранных по нотам, и получил высшую награду.

Завод принимал также участие и на иностранных выставках: в Новом Орлеане, 1885 года; в Париже, 1889 года; в Чикаго, 1893 года, и др., где всегда получал награды.

Что касается украшений, то на мелких колоколах завод их не ставит, так как этим лишь затемняется звук, но для больших колоколов, на которых украшения не отражаются на звуке, имеется богатый и разнообразный набор рисунков.

Заимствованное за границей применение колоколов для богослужения разрослось и окрепло на русской почве, и нет места в России, где стройный и мощный звон колокола, то веселый и радостный, то печальный и торжественный, не возвещал бы людям о ином мире, о иных заботах и радостях.

[Сохранение и правильная эксплуатация колоколов]

Заканчивая настоящий очерк, считаем не лишним сказать несколько слов по поводу периодических осмотров при церквях колоколов и их языков.

До сих пор такие осмотры почти нигде не производились, а между прочим это очень важно для сохранения целости колоколов и сохранения церковных и общественных средств.

Приходилось наблюдать, что повешенный колокол не обращал на себя ничье внимание до тех пор, пока он, вдруг, начинал звонить с изменившимся звуком. Тогда колокол привлекал внимание прихода и он осматривался; – но поправить его, в большинстве случаев в это

время бывает уже поздно. Колокол оказывается разбитым и совсем непригодным для звона.

Обвиняют тогда заводчика, отлившего якобы дурной, непрочный колокол. Но вина в большинстве случаев не заводчика, изготовившего колокол. Объяснение случившемуся весьма простое: язык висел неправильно, что и послужило причиной разбития колокола. Если бы, своевременно, замечена была неправильность в подвеске языка и он был бы перевешен, то ничего бы неприятного не случилось.

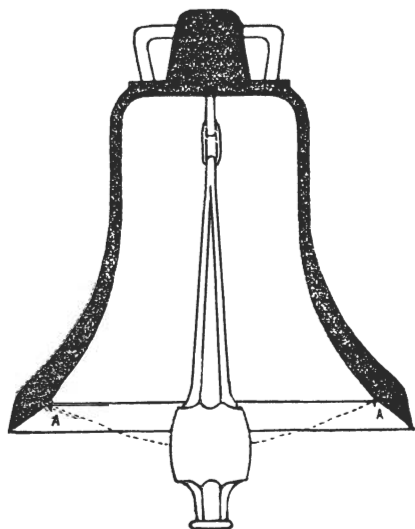
Принято тщательно сохранять всякое церковное имущество. А церковный колокол – разве он не такое же имущество церкви?

Два раза в своей жизни колокол интересуется приход. Радостное событие в жизни прихода создает он, когда его подвешивают на колокольную, и грустное, когда прихожане услышат звук треснувшего колокола. А в промежутки между этими событиями поинтересовался ли кто-либо посмотреть сознательно – как висит язык у колокола?

Лица, близко стоящие к церкви, время от времени должны заглядывать на колокольную, и внимательно осматривать, как висит колокол и как подвешен к нему язык, в случае неправильности нужно немедленно распорядиться приостановить звон до исправления.

Язык у колокола должен висеть так, как указано на прилагаемом рисунке, т. е. середина ядра языка должна ударять в край колокола не ниже и не выше. Если он ударяет выше или ниже, то он бьет по более слабой части колокола, так как самая утолщенная часть колокола – это его край.

Этот случай, наиболее часто встречающийся в практике. Другой случай это тот, когда в край колокола бьет не середина ядра, а более высокая его часть; так как иногда профиль ядра бывает таков, что даже и при опущенном языке он ударяет в край колокола, и на первый взгляд как будто удары правильны, но сила удара при подобной подвеске языка значительно более, чем это должно быть.

Для прочности колокола язык надо подвесить так, чтобы середина ядра языка ударялась в боевую точку А колокола

Для каждого веса колокола существует определенный вес языка, а благодаря опустившемуся языку, сила удара более, что и повлечет разбитие.

Изредка разбивается колокол и от усиленного звона при правильно подвешенном языке. Здесь мы можем рекомендовать не звонить из-под ноги в колокола, начиная с 50 пуд[ов] веса и ниже. Звон из-под ноги гораздо сильнее, чем при ударах от руки.

Также нельзя допускать, чтобы в колокола звонили двое или более, взявшись за веревку, внутри или снаружи с противоположных сторон, и из всех сил тянущих язык по очереди к себе.

Кроме опасности разбитых колоколов при подобном способе звона получается звук совершенно неправильный. Тянущие веревку с языком никогда точно друг против друга не встанут, и удары языка придутся в разные места, не давая звука и обивая все края колокола.

Сам колокол не должен прикасаться ни к каким предметам, могущим задержать – заглушить звук, так как плотное прикрепление твердого предмета к колоколу ведет к разбитию его.

Как пример подобного можем указать на практикуемую распорку бревнами колокола, чтобы он не качался. Хотя распорка была бы укреплена и очень высоко, все равно колокол разобьется. В данном случае причина, ведущая колокол к разрушению, та, что колокол, лишен нормальной вибрации, которая вызывается ударом языка.

Свободно висящий колокол при ударе в него языком так сказать пружинит, отдаваясь немного в бок от удара. Но мертво же повешенный колокол не в состоянии оттолкнуться от удара языка и вследствие этого скорое разбитие.

Вот все те главные причины, когда колокол без умысла со стороны звонаря разбивается. Если бы взять за правило, хотя бы раз в месяц сознательно осматривать подвеску колокола и языка, то можно быть вполне уверенным, что колокол прослужит бесконечное число лет.

[Таблица 1.]

Вес, диаметр, высота колоколов и вес языков к ним

Вес коло- кола	Нижний диаметр колокола в аршинах и вершках	Высота колокола с маткой в арши- нах и вершках	Вес языка
1500 пуд.	4 арш. 10 вер.	4 арш. 11 вер.	46 пуд. — ф.
1400 »	4 » 8 $\frac{1}{2}$ »	4 » 10 »	43 » — ф.
1300 »	4 » 7 $\frac{1}{2}$ »	4 » 9 »	40 » — ф.
1200 »	4 » 6 »	4 » 7 $\frac{1}{2}$ »	37 » — ф.
1100 »	4 » 4 $\frac{1}{2}$ »	4 » 6 »	34 » — ф.
1000 »	4 » 3 $\frac{1}{4}$ »	4 » 4 »	31 » — ф.
950 »	4 » $\frac{1}{2}$ »	4 » 2 »	29 » — ф.
900 »	3 » 15 $\frac{3}{4}$ »	4 » 1 »	28 » — ф.
850 »	3 » 15 »	4 » — »	27 » — ф.
800 »	3 » 14 »	3 » 15 »	26 » — ф.
750 »	3 » 13 »	3 » 14 »	25 » — ф.
700 »	3 » 11 $\frac{1}{2}$ »	3 » 12 »	24 » — ф.
650 »	3 » 10 $\frac{3}{4}$ »	3 » 11 »	21 » — ф.
600 »	3 » 10 »	3 » 10 »	20 » — ф.
550 »	3 » 8 $\frac{1}{4}$ »	3 » 9 »	19 » — ф.
500 »	3 » 7 $\frac{1}{2}$ »	3 » 8 »	18 » — ф.
450 »	3 » 5 $\frac{1}{2}$ »	3 » 6 »	16 » — ф.
400 »	3 » 4 »	3 » 5 »	15 » — ф.
350 »	3 » 2 $\frac{1}{2}$ »	3 » 3 »	13 » — ф.
300 »	2 » 15 $\frac{3}{4}$ »	3 » — »	12 » — ф.
270 »	2 » 13 »	2 » 14 »	11 » — ф.
250 »	2 » 12 »	2 » 12 $\frac{1}{2}$ »	10 » — ф.
220 »	2 » 10 »	2 » 10 $\frac{1}{2}$ »	9 » — ф.
200 »	2 » 9 $\frac{3}{8}$ »	2 » 10 »	8 » — ф.
180 »	2 » 7 $\frac{1}{2}$ »	2 » 8 »	7 » — ф.
150 »	2 » 6 $\frac{1}{4}$ »	2 » 6 $\frac{1}{2}$ »	6 » — ф.
130 »	2 » 3 $\frac{1}{2}$ »	2 » 4 »	5 » 20 ф.
120 »	2 » 2 $\frac{1}{2}$ »	2 » 3 »	5 » — ф.
100 »	2 » 1 $\frac{1}{2}$ »	2 » 2 $\frac{1}{2}$ »	4 » — ф.
90 »	1 » 14 $\frac{3}{4}$ »	1 » 15 $\frac{1}{2}$ »	3 » 20 ф.

Вес коло- кола	Нижний диаметр колокола в аршинах и вершках	Высота колокола с маткой в арши- нах и вершках	Вес языка
80 »	1 » 14 $\frac{1}{4}$ »	1 » 15 »	3 » 10 ф.
70 »	1 » 14 »	1 » 14 $\frac{3}{4}$ »	3 » — ф.
60 »	1 » 12 »	1 » 13 »	2 » 30 ф.
50 »	1 » 9 $\frac{1}{4}$ »	1 » 11 $\frac{1}{2}$ »	2 » 20 ф.
40 »	1 » 8 »	1 » 9 $\frac{3}{4}$ »	2 » — ф.
30 »	1 » 5 »	1 » 7 $\frac{1}{4}$ »	1 » 20 ф.
25 »	1 » 4 $\frac{3}{4}$ »	1 » 6 »	1 » 10 ф.
20 »	1 » 2 $\frac{1}{2}$ »	1 » 3 $\frac{1}{2}$ »	1 » — ф.
15 »	1 » — »	1 » 2 »	— » 30 ф.
12 »	— » 14 $\frac{3}{4}$ »	— » 16 $\frac{1}{2}$ »	— » 24 ф.
10 »	— » 14 $\frac{1}{4}$ »	— » 15 $\frac{1}{2}$ »	— » 20 ф.
9 »	— » 13 $\frac{3}{4}$ »	— » 14 $\frac{3}{4}$ »	— » 18 ф.
8 »	— » 13 $\frac{1}{4}$ »	— » 14 $\frac{1}{2}$ »	— » 16 ф.
7 »	— » 12 $\frac{1}{4}$ »	— » 14 $\frac{1}{2}$ »	— » 14 ф.
6 »	— » 12 »	— » 13 »	— » 12 ф.
5 »	— » 11 $\frac{1}{4}$ »	— » 12 $\frac{1}{4}$ »	— » 10 ф.
4 »	— » 10 $\frac{3}{4}$ »	— » 11 $\frac{1}{2}$ »	— » 8 ф.
3 » 20 ф.	— » 10 »	— » 10 $\frac{3}{4}$ »	— » 7 ф.
3 » ф.	— » 9 $\frac{1}{2}$ »	— » 10 »	— » 6 ф.
2 » 20 ф.	— » 8 $\frac{3}{4}$ »	— » 10 »	— » 5 ф.
2 » ф.	— » 8 $\frac{1}{4}$ »	— » 9 »	— » 4 ф.
1 » 30 ф.	— » 7 $\frac{3}{4}$ »	— » 8 $\frac{3}{4}$ »	— » 3 $\frac{1}{2}$ ф.
1 » 20 ф.	— » 7 $\frac{1}{2}$ »	— » 7 $\frac{3}{4}$ »	— » 3 ф.
1 » — ф.	— » 6 $\frac{3}{4}$ »	— » 7 $\frac{1}{4}$ »	— » 2 ф.
— » 35 ф.	— » 6 $\frac{1}{4}$ »	— » 6 $\frac{1}{2}$ »	— » 1 $\frac{3}{4}$ ф.
— » 30 ф.	— » 6 »	— » 6 $\frac{1}{2}$ »	— » 1 $\frac{1}{2}$ ф.
— » 25 ф.	— » 5 $\frac{1}{4}$ »	— » 6 »	— » 1 $\frac{1}{4}$ ф.
— » 20 ф.	— » 5 »	— » 5 $\frac{1}{2}$ »	— » 1 ф.

Подбор колоколов для цельного звона*

Звон в 2000 п.			Звон в 2000 п.			Звон в 2000 п.			Звон в 1050 п.		
Вес 12 ко- локолов		Тон минор	Вес 11 ко- локолов		Тон мажор	Вес 11 ко- локолов		Тон мажор	Вес 11 колокол.		Тон мажор
Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.	
1000	—	Си	1000	—	До	1000	—	До	500	—	Ми-бем.
500	—	Ре	550	—	Ми	300	—	Фа	250	—	Соль
250	—	Фа-диез	200	—	Соль	150	—	Ля	120	—	Си-бем.
100	—	Си	100	—	До	100	—	До	50	—	Ми-бем.
50	—	Ре	50	—	Ми	40	—	Фа	30	—	Соль
25	—	Фа-диез	30	—	Соль	25	—	Ля	18	—	Си-бем.
15	—	Си	12	—	До	12	—	До	7	—	Ми-бем.
9	—	Ре	8-7	—	Ми	5	—	Фа	3	20	Соль
1-3	20	Фа-диез	4-3	20	Соль	2	20	Ля	2	—	Си-бем.
2	—	Си	1	30	До	1	30	До	1	—	Ми-бем.
1	—	Ре	1	—	Ми	—	35	Фа	—	25	Соль
—	30	Фа-диез									

Звон в 900 п.			Звон в 875 п.			Звон в 775 п.			Звон в 725 п.		
Вес 11 ко- локолов		Тон мажор	Вес 10 ко- локолов		Тон мажор	Вес 11 ко- локолов		Тон мажор	Вес 10 ко- локолов		Тон мажор
Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.	
400	—	Ре	500	—	Ми-бем.	350	—	Ми-бем.	350	—	Ми-бем.
250	—	Соль	180	—	Ля-бем.	200	—	Соль	180	—	Ля-бем.
120	—	Си	100	—	До	120	—	Си-бем.	100	—	До
50	—	Ре	50	—	Ми-бем.	50	—	Ми-бем.	50	—	Ми-бем.
30	—	Соль	10	—	Ля-бем.	30	—	Соль	20	—	Ля-бем.
15	—	Си	12	—	До	18	—	Си-бем.	12	—	До
9	—	Ре	7	—	Ми-бем.	7	—	Ми-бем.	7	—	Ми-бем.
3	20	Соль	2	20	Ля-бем.	3	20	Соль	2	20	Ля-бем.
2	—	Си	1	30	До	2	—	Си-бем.	1	30	До
1	10	Ре	1	—	Ми-бем.	1	—	Ми-бем.	1	—	Ми-бем.
—	25	Соль				—	25	Соль			

* Вес колоколов указан приблизительно.

Звон в 640 п.			Звон в 600 п.			Звон в 500 п.			Звон в 450 п.		
Вес 10 колоколов		Тон мажор	Вес 10 колоколов		Тон мажор	Вес 10 колоколов		Тон мажор	Вес 10 колоколов		Тон мажор
Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.	
300	—	Фа	300	—	Фа	250	—	Соль	250	—	Фа-д.
150	—	Ля	150	—	Си-б.	120	—	Си	100	—	Си
100	—	До	70	—	Ре	50	—	Ре	50	—	Ре-д.
40	—	Фа	40	—	Фа	30	—	Соль	25	—	Фа-д.
25	—	Ля	18	—	Си-б.	15	—	Си	15	—	Си
12	—	До	9	—	Ре	9	—	Ре	7	—	Ре-д.
5	—	Фа	5	—	Фа	3	20	Соль	4	—	Фа-д.
2	20	Ля	2	—	Си-б.	2	—	Си	2	—	Си
1	30	До	1	—	Ре	1	—	Ре	1	—	Ре-д.
—	35	Фа	—	35	Фа	—	25	Соль	—	30	Фа-д.

Звон в 410 п.			Звон в 405 п.			Звон в 380 п.			Звон в 300 п.		
Вес 10 колоколов		Тон мажор	Вес 10 колоколов		Тон мажор	Вес 9 колоколов		Тон мажор	Вес 9 колоколов		Тон мажор
Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.	
200	—	Соль	200	—	Соль	180	—	Ля-б.	150	—	Си-б.
100	—	До	90	—	Си	100	—	До	60	—	Ре
50	—	Ми	50	—	Ре	50	—	Ми-б.	50	—	Фа.
30	—	Соль	30	—	Соль	20	—	Ля-б.	18	—	Си-б.
12	—	До	15	—	Си	12	—	До	9	—	Ре
7	—	Ми	9	—	Ре	7	—	Ми-б.	5	—	Фа
4-3	20	Соль	3	20	Соль	2	20	Ля-б.	2	—	Си-б.
1	30	До	2	—	Си	1	30	До	1	—	Ре
1	—	Ми	1	10	Ре	1	—	Ми-б.	—	35	Фа
—	30	Соль	—	25	Соль						

* (К прим. на предыдущей стр.): Ниже приводятся веса колоколов и их тоны по хроматическому ряду с погрешностью веса не более чем на 5% (веса даны по возрастанию, аппроксимация — по экспоненциальной кривой): 20 ф. — Ля; 22 ф. — Соль-диез; 25 ф. — Соль; 29 ф. — Фа-диез; 34 ф. — Фа; 1 п. — Ми; 1 п. 7 ф. — Ре-диез; ; 1 п. 15 ф. — Ре; 1 п. 22 ф. — До-диез; 1 п. 30. — До; 2 п. — Си; 2 п. 12 ф. — Ля-диез; 2 п. 25 ф. — Ля; 3 п. — Соль-диез; 3 п. 20 — Соль; 4 п. 10 ф. — Фа-диез; 5 п. — Фа; 6 п. — Ми; 7 п. 10 ф. — Ре-диез; 8 п. 20 ф. — Ре; 10 п. — До-Диез; 12 п. — До; 14 п. 20 ф. — Си; 17 п. 30 ф. — Ля-диез; 21 п. — Ля; 25 п. — Соль-диез; 30 п. — Соль; 36 п. — Фа-диез; 43 п. — Ми; 52 п. — Ре-диез; 64 п. — Ре; и т. д. (— Ре-д.).

Звон в 235 п.			Звон в 210 п.			Звон в 210 п.			Звон в 210 п.		
Вес 9 ко- локолов		Тон мажор	Вес 9 ко- локолов		Тон минор	Вес 9 ко- локолов		Тон минор	Вес 9 ко- локолов		Тон мажор
Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.	
120	—	Си-б.	100	—	Си	100	—	Си	100	—	До
50	—	Ми-б.	50	—	Ре	50	—	Ми	50	—	Ми
30	—	Соль	25	—	Фа-д.	30	—	Соль	30	—	Соль
18	—	Си-б.	15	—	Си	15	—	Си	12	—	До
7	—	Ми-б.	9	—	Ре	7	20	Ми	8-7	—	Ми
3	20	Соль	4	—	Фа-д.	3	20	Соль	4-3	20	Соль
2	—	Си-б.	2	—	Си	2	—	Си	1	30	До
1	—	Ми-б.	1	—	Ре	1	—	Ми	1	—	Ми
—	25	Соль	—	30	Фа-д.	—	25	Соль	—	30	Соль

Звон в 185 п.			Звон в 110 п.			Звон в 110 п.			Звон в 100 п.		
Вес 8 ко- локолов		Тон мажор	Вес 8 ко- локолов		Тон минор	Вес 8 ко- локолов		Тон мажор	Вес 8 ко- локолов		Тон мажор
Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.	
100	—	До	50	—	Ми	50	—	Ре	50	—	Ми
40	—	Фа	30	—	Соль	30	—	Соль	20	—	Ля
25	—	Ля	15	—	Си	15	—	Си	12	—	До-д.
12	—	До	7	20	Ми	9	—	Ре	7	—	Ми
5	—	Фа	3	20	Соль	3	20	Соль	3	—	Ля
2	20	Ля	2	—	Си	2	—	Си	1	20	До-д.
1	30	До	1	—	Ми	1	10	Ре	1	—	Ми
—	30	Фа	—	25	Соль	—	25	Соль	—	25	Ля

Звон в 62 п.			Звон в 60 п.			Звон в 56 п.			Звон в 48 п.		
Вес 7 ко- локолов		Тон мажор	Вес 7 ко- локолов		Тон минор	Вес 7 ко- локолов		Тон мажор	Вес 7 ко- локолов		Тон мажор
Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.	
30	—	Соль	25	—	Фа-д.	30	—	Соль	20	—	Ля-б.
15	—	Си	15	—	Си	12	—	До	12	—	До
9	—	Ре	9	—	Ре	8-7	—	Ми	7	—	Ми-б.
3	20	Соль	4-3	20	Фа-д.	4-3	20	Соль	2	20	Ля-б.
1	—	Си	3	—	Си	1	20	До	1	30	До
1	10	Ре	1	—	Ре	1	—	Ми	1	—	Ми-б.
—	25	Соль	—	30	Фа-д.	1	30	Соль	—	20	Ля-б.

Звон в 36 п.			Звон в 33 п.			Звон в 30 п.			Звон в 26 п.		
Вес 6 ко- локолов		Тон мажор	Вес 6 ко- локолов		Тон мажор	Вес 6 ко- локолов		Тон минор	Вес 6 ко- локолов		Тон мажор
Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.	
18	—	Си-б.	18	—	Си-б.	15	—	Си	12	—	До
9	—	Ре	7	—	Ми-б.	7	20	Ми	8-7	—	Ми
5	—	Фа	3	20	Соль	3	20	Соль	4-3	20	Соль
2	—	Си-б.	2	—	Си-б.	2	—	Си	1	30	До
1	—	Ре	1	—	Ми-б.	1	—	Ми	1	—	Ми
—	35	Фа	—	25	Соль	—	25	Соль	—	30	Соль

Звон в 22 п.			Звон в 20 п.			Звон в 32 п.		
Вес 6 ко- локолов		Тон мажор	Вес 6 ко- локолов		Тон мажор	Вес 6 ко- локолов		Тон минор
Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.		Пуд.	Ф.	
12	—	До	10	—	До-д.	15	—	Си
5	—	Фа	5	—	Фа	9	—	Ре
2	20	Ля	2	20	Соль-д.	4-3	20	Фа-д.
1	30	До	1	20	До-д.	2	—	Си
—	30	Фа	—	35	Фа	1	—	Ре
—	20	Ля	—	25	Соль-д.	—	30	Фа-д.

**При составлении настоящего очерка автор пользовался
следующими источниками:**

- [1] *Abbass F.W.* Handbuch der Metallgiesserei. – 2 aufl. / Aufl. von F. Wüst. – Weimar, 1897. 2 aufl.: Weimar, 1875. – 160 s. – S. 50–72. Die glockengiesserei.
- [2] *Blavignac J.D.* La Cloche. Études sur son histoire et sur ses rapports avec la société aux différents âges. – Paris, 1877.
- [3] *Buchetti, Jacques.* La fonderie de cuivre acuivre actuelle (Bronzes, laitons, aluminium etc.; procédés, outils, matériel.) – [Paris], 1905.
- [4] *Colas, Alphonse.* Les Cloches au point de vue séculier. – Paris, 1881.
- [5] *Donnet, Fernand.* Les cloches d'Anvers. Les fondeurs Anversois. – Anvers, 1899.
- [6] *Doorslaer G., van.* Le Carillon son origine et son développement // Annales de 22 e congrès Fédération archéologique et historique de Belgique. – Malines, 1911. – T. 2 – S. 353–390.
- [7] *Doorslaer G., van.* Les carillons et les carillonneurs a Malines. – Malines, 1896.
- [8] *Gillot A., Lockert L.* Nouveau manuel complet du fondeur <...>. – Vol. 1–2. – Paris, 1879. – (Encyclopédie-Roret; Manuels-Roret). Vol. 1 – Chapitre 9: "Fabrication des cloches". – P. 266–317.
- [9] *Harzer, Friedrich.* Die Glockengiesserei und ihre Nebearbeiten. – Weimar, 1854 (Neuer Schauplatz der künste und Handwerke; Bd. 214).
- [10] *Havard, Henry.* Les Bronzes d'art et d'ameublement. – Paris, 1897 (Les Arts de l'ameublement). – 158 s. S. 99–113.
- [11] *Jadart, Henri.* Le bourdon de Notre-Dame de Reims. – Reims, 1884 (Travaux de l'Academie de Reims; T. 73).
- [12] *Kümmel, Otto.* Das Kunstgewerbe in Japan. – Berlin, 1911 (Bibliothek für kunst und antiquitäten sammler; Bd. 2).
- [13] *Montferrand, Auguste Ricard.* Description de la grande cloche de Moscou. – Paris, 1840.
- [14] *Müller, Ludwig.* Die Bronzewaaren-Fabrikation, Anleitung zur Fabrikation von Bronzewaaren aller Art <...>. – Wien; Pest; Leipzig, 1877 (Chemisch-technische bibliothek; Bd. 29).
- [15] *Münsterberg, Oskar.* Chinesische kunstgeschichte. Bd. 1–2. – Esslingen, 1910–1912.

---

* Список источников Н.И. Оловянишникова выверен, нормализован в соответствии с современными стандартами для библиографических записей и приводится в алфавитном порядке. – А.Б.

- [16] *Munsterberg, Oskar.* Japanische kunstgeschichte. – Bd. 1–3. – Braunschweig, 1904; 1905; 1907.
- [17] *Otte, Heinrich.* Glockenkunde. – Leipzig, 1884.
- [18] *Otte, Heinrich.* Zur Glockenkunde. Nachgelassenes Bruchstück // Zur Erinnerung an Heinrich Otte's Leben und Wirken / Dargestellt von J. Schmidt; Historische commission der Provinz Sachsen. – Halle, 1891.
- [19] *Sauveterre, abbe.* Essai sur le symbolisme de la cloche dans ses rapports et ses harmonies. – Paris, 1883.
- [20] *Schönermark S.* Die Altersbestimmung der Glocken // Zeitschrift für Bauwesen. – Berlin, 1889. – Jg. 39, H. 1/3. – Sp. 13–30.
- [21] *Van Coillie C.* De l'usage des Cloches et des Clochers des Eglises. – Bruges, 1897.
- [22] *Авель (Ванюков).* Описание Сатисо-Градо-Саровской пустыни. – 3-е изд. – Муром, 1889.
- [23] Акты русского на Святом Афоне монастыря Св. Великомученика и целителя Пантелеймона. – Киев, 1873.
- [24] *Алексеев И.А.* Скопинский Свято-Духов монастырь: Исторический очерк. – Скопин, 1877.
- [25] *Амвросий (Лотоцкий Аф.).* Церковно-историческое и статистическое описание Варшавской епархии. – Почаев, 1863.
- [26] *Амвросий, архимандрит.* Сказание о Почаевской Успенской лавре на основании документов, хранящихся в лаврском архиве // Волынские епархиальные ведомости. – 1870. – № 13–24, ч. неофиц., прилож.; 1871. – № 1–6, ч. неофиц., прилож. – С. 1–282, 1–6.
- [27] *Антонин (Капустин А.И.)* Заметки поклонника Святой Горы. – Киев, 1864.
- [28] *Антушев Н.П.* Летопись Введенской церкви, что на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки в Москве. – М., 1897.
- [29] *Аполлос (Беляев И.Г.)* Псково-Печерский монастырь. – 2-е изд. – Новгород, 1864.
- [30] *Аристов Н.* Промышленность древней Руси. – СПб., 1866.
- [31] *Аркадий, иером.* Описание Нижегородского Благовещенского третьеклассного мужского монастыря. – Нижний Новгород, 1884.
- [32] Археологическая находка в погосте Дворицы Новоржевского у. Псковской губ. // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. – М., 1897. – Т. 5, № 9. – С. 187.
- [33] Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим Обществом. – М., 1896–97. – Т. 4, № 1–12; Т. 5, № 1–12.
- [34] *Астров Н.* Первоначальное образование Петра Великого // Русский архив. – 1875. – Кн. 2. – С. 468–470; Кн. 3. – С. 90–105.
- [35] *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. 1. – М., 1878.
- [36] *Барсов Е.В.* Из истории колонизации и культуры Ростовского края. – М., 1902.

- [37] *Барсов Е.В.* Причитанья северного края. – Ч. 1. – М., 1872; – Ч. 2. – М., 1882.
- [38] *Барсов Е.В.* Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. 2, № 9. – Грозный царь Иван Васильевич. – С. 405–409; Царица Мария Нагих. – С. 410–411.
- [39] *Бартенев П.* Рецензия о первом издании книги Н.Оловянишникова «История колоколов... [Ярославль, 1906/7]» // Русский архив. – 1907. – Кн. 3, № 10. – С. 2–3 облож.
- [40] *Белокуров С.А.* Материалы для русской истории. – М., 1888. – С. 1–80. – Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 год).
- [41] *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В.Берхгольца. 1721–1725 / Пер. с нем. И.Ф.Аммон. – Ч. 1–2. – М., 1902; Ч. 3–4. – М., 1903.
- [42] Библиотека для чтения. – СПб., 1840. – Т. 38–43.
- [43] *Благовещенский А.А.* Остров Эзель и его древности // Сборник археологического института под редакцией Н.В.Калачова. – СПб., 1881. – Кн. 5, 1-я половина. – С. 57–234.
- [44] *Богданович Е.В.* Исаакиевский собор. 1853–1883. – СПб., 1883.
- [45] Боголюбов монастырь и приписанные к нему монастыри Покровский и Николаевский Волосов: [Описание]. – Вязники, 1891.
- [46] *Богоявленский В.В.* Надписи на двух колоколах в церкви Елгомского прихода // Олонецкие губернские ведомости. – 1873. – № 75, 26 сентября, ч. неофиц. – С. 875.
- [47] *Болховитинов Е.* Описание Киево-Печерской лавры, с присовокуплением разных грамот и выписок. – Киев, 1826.
- [48] *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. – СПб., 1876.
- [49] *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей. – М., 1851.
- [50] *Ваучский А.* Иоанна Предтеченская церковь, что на Опоках в г. Новгороде. – Новгород, 1900 (Прилож. к «Памятной книжке Новгородской губернии на 1901 г.»).
- [51] Ведомость, учиненная в Московской синодального правления канцелярии, обретающимся в Москве архиерейским домам и монастырским подворьям и разных сороков церквам, в которых местах мая 20 дня во время пожара горело <...>. – О Успенском большом колоколе: [Из донесения ее императорскому величеству Государыне императрице Анне Иоанновне о московском большом пожаре мая 20-го 1737 года] / Публикация П.И.Иванова // Чтения в обществе истории и древностей российских. – 1858. – Кн. 3, разд. «Смесь». – С. 40–45, 45–50.
- [52] *Вельтман А.Ф.* Достопамятности Московского Кремля. – М., 1843.
- [53] *Верховский Т.А.* Стародубье. – Ч. 1–3. – Казань, 1874.
- [54] Вести из экспедиции И.П.Толмачева // Известия Русского географического общества. – 1905. – Т. 41, вып. 3 [Колокол с голландской надписью в Туруханске (Сибирь)]. – С. 611.
- [55] Владимирские губернские ведомости. – 1855. – № 5.
- [56] Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 9, 13–25. 1851. № 9, ч. неофиц.; 1851. С. 184, 230, 233, 223–225.
- [57] Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. – М., 1862.

- [58] Временник имп. общества Истории и Древностей Российских. – М., 1850. – Кн. 7, 8.
- [59] Гармонический звон церковных колоколов (Из путевых впечатлений): [О настройке А.А. Израилевым 14 колоколов в усадьбе В.П. Мордвинова] // Литовские епархиальные ведомости. – 1893. – № 34. – С. 285–286. Подпись: «К.И.»
- [60] *Гаршин В.М.* Первая книжка рассказов. – 8-е изд. – СПб., 1897. – С. 153. – «Ночь».
- [61] *Гастев М.С.* Статистическое описание Москвы. – М., 1841. – Ч. 1.
- [62] *Георгиевский Н.Г.* Историко-статистическое описание Санкт-Петербургской Скорбященской церкви, что за Литейным двором. – СПб., 1866.
- [63] *Герберштейн С., барон.* Записки о Московии / Перев. И. Анонимов. – СПб., 1866.
- [64] *Геронтий (Кургановский), архимандрит.* Волоколамский Иосифов второклассный мужской монастырь и его современное состояние. – СПб., 1903.
- [65] *Гляровский В.* Иван Великий // Русское слово. – 1909. – № 89. – С. 5.
- [66] *Годовиков И.Ф.* Описание и изображения древностей Псковской губернии. – Ч. 1–2. – Псков, 1880; Ч. 3. – М., 1882.
- [67] Город Рязск и его соборный Благовещенский храм // Рязанские епархиальные ведомости. – 1876. – № 3, 1 окт., прибавл. – С. 63–69.
- [68] *Горсей Джером.* Записки о Московии XVI века. – СПб., 1909.
- [69] *Горский А.В.* Историческое описание Свято-троицкия Сергиевой Лавры. – М., 1882.
- [70] Грамоты, касающиеся до сношения Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII, XIV веках. – СПб., 1857. грам. № 1.
- [71] *Григорий (Воинов-Березовский И.И.).* Высокопетровский монастырь. – М., 1873.
- [72] *Гундобин П.И.* Описание Крестовоздвиженской церкви в Шуе. – Владимир, 1860.
- [73] *Гюисман Жорис Карл.* Полное собрание сочинений: В 3-х т. – Т. 1: Бездна. – М.: «Современные проблемы», 1912. – С. 46–47.
- [74] *Данилов Кириша.* Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – 3-е изд. по 2-му полному изд. – М., 1878.
- [75] *Де-Ламартиньер П.М.* Путешествие в северные страны, в которых описаны нравы, образ жизни и суеверия [...] / Перев. и примеч. В.Н. Семенкович. – М., 1911.
- [76] *Демьянов Г.П.* Путеводитель по Волге. – 2-е изд. – Нижний Новгород, 1894.
- [77] *Денисов Л.* Рязанский Троицкий третьеклассный необщежительный мужской монастырь: Историко-статистический очерк. – М., 1907.
- [78] Дивногорский Успенский монастырь // Памятная книжка Воронежской губернии. – 1863–1864. – Воронеж, 1864. – 12 с. Подпись: «А.М.».
- [79] *Диев М.Я.* Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. – М., 1858.

- [80] *Дмитревская Е.* Семейные песни Олонецкой губернии // Русский архив. – 1901, № 2. – С. 244–259.
- [81] *Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Кляземнском. Соборы: Кафедральный Успенский и бывший придворный в.к. Всеволода – Дмитриевский. – М., 1849.
- [82] *Досифей (Немчинов).* Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. – Ч. 1–3. – 1836.
- [83] Древний колокол в селе Шестакове // Северная пчела. – 1846. – 12 июня, № 130. – С. 518.
- [84] Древняя и новая Россия: Исторический ежемесячный сборник. – 1877–1879.
- [85] Древняя Российская вивлиофика. – СПб.: Изд. Н.Новиков, 1773. – Ч. 1–2.
- [86] Древняя российская вивлиофика. – 1774. – Ч. 6.
- [87] *Есипов Г.В.* Набатный колокол // Исторический вестник. – 1881. – № 2. – С. 418–419.
- [88] Живописное описание монастырей и обителей. – М.: Издание А.Н. Велличкова, 1903.
- [89] *Забелин И.Е.* История города Москвы. – 2-е изд. – Ч. 1. – М.: изд. автора, 1905.
- [90] *Забелин И.Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. – Ч. 1. – М., 1873; – Ч. 2. – М., 1873.
- [91] *Закревский Н.В.* Описание Киева. – Т. 1–2. – М., 1868.
- [92] Заметки о двух церквях Рязанской губернии Пронского уезда при селе Гулынках. – СПб., 1873.
- [93] Замечания о Иване Великом // Отечественные записки. – 1822. – Ч. 11, № 27, июль. – С. 126–131. Подпись: «Старожил московский».
- [94] Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. – Ч. 1–2. – М., 1810.
- [95] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. 1709 // Русский архив. – 1892. – Кн. 1, № 3. – С. 273–304; Кн. 2, № 5. – С. 35–74.
- [96] *Захарченко М.М.* Киев теперь и прежде. – Киев, 1888.
- [97] *Иванчин-Писарев Н.Д.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. – М., 1843.
- [98] *Иерофей (Добрицкий И.М.), архим.* Брянский Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. – М., 1866.
- [99] *Израилев А.А.* Музыкально-акустические работы // Изв. имп. Общества любит. естествозн., антропологии и этнографии. – М., 1884. – Т. 41, вып. 2. – С. 58–72.
- [100] *Израилев А.А.* Ростовские колокола и звоны. – СПб., 1884. (Чтения в Обществе любителей древней письменности. Вып. 51).
- [101] *Израилев А.А.* Ростовский Ярославской губернии Рождественский третьеклассный женский монастырь. – СПб., 1899.
- [102] Иллюстрация. – 1862. – № 214, 5 апр.
- [103] *Иоасаф (Гапонов В.С.), иеромонах.* Церковно-историческое описание суздальских достопамятностей. – Чугуев, 1857.

- [104] *Иосиф (Левицкий И.)*. Путеводитель к святыне и священным достопамятностям Москвы. – М., 1876.
- [105] *Иосиф (Левицкий И.)*. Путеводитель к святыне и священным достопамятностям Москвы и ее окрестностей. – 9-е изд. – М., 1882.
- [106] Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. – Вып. 1. – СПб., 1869; Вып. 2. – СПб., 1871; Вып. 3. – СПб., 1873.
- [107] Историческое описание первоклассного Княгинина Успенского женского монастыря в губернском городе Владимире. – М., 1900.
- [108] История. О разрушении последнем Святаго града Иерусалима от Римскаго Цесаря Тита сына Веспасианова. Вторая о взятии славнаго столичнаго града греческаго Константинополя (иже и Царь-град) от турского Султана Махомета втораго. – СПб., 1723.
- [109] *Кабанес О. и Насс Л.* Революционный невроз / Пер. Д.Ф. Коморского. – СПб., 1906.
- [110] *Казанский П.С.* Историческое описание Троицкого Козловского монастыря. – М., 1849.
- [111] *Казанский П.С.* О призыве к богослужению в восточной церкви // Труды Первого археологического съезда в Москве в 1869. – М., 1871. – Т. 1. – С. 300–310.
- [112] *Казанский П.С.* Село Новоспасское, Деденево тож и родословная Головиных владельцев оногo. – М., 1847.
- [113] *Калайдович К.Ф.* Историческое и топографическое описание мужеского общежительного монастыря Св. Чудотворца Николая, что на Пешноше. – М., 1837.
- [114] *Карамзин Н.М.* История Государства Российскаго. – 2-е изд. – В 11 т. – Т. 5. – СПб., 1819; Т. 7. – СПб., 1819; Т. 8. – СПб., 1819; Т. 9. – СПб., 1821; Т. 9. – 3-е изд. – СПб., 1831; Т. 10. – СПб., 1824.
- [115] *Качановский В.* Петр Великий в Сербии // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. 15, № 1. – С. 17–19.
- [116] Киево-Печерский Патерик по древним рукописям. – Киев, 1870.
- [117] *Киссель Ф.* История города Углича. – Ярославль, 1844.
- [118] *Классовский В.И.* Помпея и открытые в ней древности. – СПб., 1856.
- [119] *Княжевич Д.М.* Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. – СПб., 1822.
- [120] *Кованьк И.* Краткая историческая записка о происхождении и умножении горных заводов в России и о нынешнем их состоянии // Горный журнал. – 1826. – Кн. 2. – С. 9.
- [121] Колокола на выставке // Ярославские епархиальные ведомости. – 1882. – № 28, ч. неофиц. – С. 217–228.
- [122] *Кондаков Н.П.* Путешествие в Синай в 1881 году. Из путевых впечатлений. Древности Синайского монастыря. – Одесса, 1882.
- [123] *Кондратьев И.К.* Седа́я старина Москвы. – М., 1893.
- [124] *Конкордин А.И.* Описание Новгородского кафедрального Софийского собора. – Новгород, 1901.
- [125] *Корб И.Г.* Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента / Пер. с латин. Б. Женева и М. Семевского. – М., 1868.

- [126] *Коробейников, Трифон*. Второе хождение Трифона Коробейникова [О пути к Царю граду от Москвы и до Иерусалима Рук. Московского публ. музея из собр. А.Н. Попова № 2416, XVII в, скор. в 4° л. 40–48] / С предисл. С.О. Долгова. – М., 1887.
- [127] *Корсунский Н.Н.* Благовест. – 3-е изд. – Ярославль, 1887.
- [128] *Косаткин В.В.* Очерк истории города Владимира на Клязме. – Вып. 1. – Владимир, 1881.
- [129] *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб., 1840.
- [130] *Красносельский В.* Поднятие нового 300-пудового колокола в с. Боро-
нишине Молорского у., слитого крестьянами в память государя Им-
ператора Александра II // Ярославские епархиальные ведомости. –
1882. – № 15, ч. неофиц. – С. 117–118.
- [131] *Крылов А.П.* Церковно-археологическое описание города Ярославля. –
Ярославль, 1860.
- [132] *Крылов И.З.* Историческое описание всех коронаций императоров и
императриц всероссийских. – М., 1856.
- [133] *Кузнецов И.* О построении Московского Покровского (Василия Бла-
женного) собора (Новые летописные данные) // Чтения в Общ. исто-
рии и древностей Российских. – 1896. – Кн. 1, Смесь. – С. 19–24; Кн. 2,
Смесь. – С. 23–36.
- [134] *Куприн А.И.* Мой паспорт: Пасхальное стихотворение в прозе // Собра-
ние сочинений: В 2-х кн. – СПб., 1911. – Т. 1, кн. 2. С. 99–108.
- [135] *Лаврентий (Мордовский), игумен*. Историческое описание Киренского
Свято-Троицкого монастыря. – М., 1841.
- [136] *Лавров Н.Ф.* О взятии Петром I с города Углича меди четвертой части
веса колоколов в 1701 г. // Ярославские епархиальные ведомости. –
1873. – № 13, 28 марта, ч. неофиц. – С. 107–108.
- [137] *Левицкий И.* Город Путивль // Труды XII Археологического съезда в
Харькове: В 3-х т. – М., 1905. – Т. 3. – С. 111–164.
- [138] *Левшин А.Г.* Историческое описание первопрестольного в России храма
Московского большого Успенского собора. – М., 1783.
- [139] *Леонид (Кавелин Л.А.)* Историческое описание коренной Рождество-
Богородицкой пустыни. – 2-е изд. – СПб., 1876.
- [140] *Леонид (Кавелин Л.А.)* Историческое описание Мещевского Георгиев-
ского мужского общежительного монастыря. – М., 1870.
- [141] *Леонид (Кавелин Л.А.)* Историческое описание Козельской Введенской
Оптиной пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи. –
Ч. 1–2. – СПб., 1847.
- [142] *Леонид (Кавелин Л.А.)*. Историческое описание Малоярославецкого
Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. –
СПб., 1863.
- [143] *Леонид (Кавелин Л.А.)*. Историко-статистическое описание Белевской
Жабынской пустыни. – Тула, 1865.
- [144] *Леонид (Кавелин Л.А.)*. Историческое описание ставропигиального Вос-
кресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря. – М., 1876.

- [145] *Леонид (Кавелин Л.А.)*. Таинственный колокольный звон в «Царе-Константинове монастыре» // Русский архив. – 1878. – Кн. 2, № 7. – С. 278–279.
- [146] *Лествицын В.И.* Краткий путеводитель по церквам города Ярославля. – Ярославль, 1887.
- [147] Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 годов) / Изд. М. Оболенский. – М., 1851.
- [148] Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360 (852) до 796 (1598) года. – М., 1819.
- [149] Летопись о многих мятежах и о разорении Московского Государства от внутренних и внешних неприятелей <...>. – 2-е изд. – М., 1788.
- [150] *Линдеман И.К.* Два русских колокола в Швеции: [Доклад имп. Московскому археологическому обществу 30 марта 199] // Древности: Труды Московского археологического общества. – 1914. – Т. 23, вып. 2. Протоколы. – С. 265–266, 268.
- [151] *Любецкий С.М.* Отголоски старины (Историческая мазаика). – М., 1867.
- [152] *Макарий (Миролюбов Н.К.)*. Церковно-историческое описание города Старой Русы. – Новгород, 1866.
- [153] *Макарий (Миролюбов Н.К.)*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. – Ч. 1–2. – М., 1860.
- [154] *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. – Ч. 1–3. – СПб., 1871.
- [155] *Максимович Л.М.* Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским. – В 4-х ч. – Ч. 1–2. – М., 1792; Ч. 4. – М., 1793.
- [156] *Малов Е.А.* Историческое описание церквей города Казани. – Вып. 2. – Казань, 1894.
- [157] *Мамонтов С.* На пепелище Грозного царя // Русское слово. – 1910. – № 166
- [158] *Марков А.В.* Беломорские былины, записанные А.Марковым. – М., 1901.
- [159] *Мартынов А.А.* Московские колокола // Русский архив. – 1896. – №1. – С. 90–98; № 2. – С. 274–278; № 3. – С. 393–400; № 4. – С. 555–561.
- [160] *Марченко*. Приключение русских колоколов, отправленных в Сербию в 1863 г. // Русская Старина. – 1898. – № 4. – С. 149–153.
- [161] Материалы, собранные для XII съезда отдельными предварительными комитетами: От Полтавской духовной консистории // Труды 12 археологического съезда в Харькове. – М., 1905. – Т. 2. – С. 523–546.
- [162] *Мекензи, Уоллес*. Петербург, Москва и славянофилы, с точки зрения англичанина // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. 15, № 1, октябрь. – С. 90–121.
- [163] *Мелетий, иеромонах*. Путешествие во Иерусалим Саровской общежительной пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. – М., 1798.
- [164] *Мельхиседек (Сокольников), архимандрит*. Краткое историческое описание Рыхловской пустыни. – М., 1844.
- [165] Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. – Ч. 1: Монастыри. – Владимир, 1906.
- [166] *Мостовский М.С.* Историческое описание Храма во имя Христа Спасителя в Москве. – М., 1883.

- [167] Надпись на колоколе // Царь-колокол. – 1891. – № 25/26. – С. 420.
[Стихи на колоколе в 500 п. «В сей грозный год Галл дерзновенный...»
(о войне 1812 г.) – припис. б. наст. Покровской ц. с. Дунилово Шуйско-
го у. Владим. губ. Василию Саноровскому].
- [168] *Надхин Г.* Церковные памятники Запорожья // Древняя и Новая Рос-
сия. – 1879. – Т. 2, № 7. – С. 216–231.
- [169] *Никодим (Белокуров Н.И.)*. Описание Московского Богоявленного мо-
настыря. – М., 1877.
- [170] *Николай (Далматов), архимандрит*. Супрасльский Благовещенский
монастырь: Исторический очерк. – СПб., 1892.
- [171] *Никольский К.* Пособие к изучению устава богослужения православной
церкви. – 5-е изд. – СПб., 1894. – [Колокола]. – С. 31–44.
- [172] *Новоселов С.К.* Кафедральный собор во имя святых первоверховных
апостолов Петра и Павла в С.-Петербурге. – СПб., 1857.
- [173] Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федорови-
ча, издан по списку князя Оболенского. – М., 1853.
- [174] О колоколах и о колокольном искусстве // Московские ведомости. –
1850. – № 49. – С. 568–569; № 50. – С. 578–580; № 51. – С. 586–588.
Подпись: «Н.Р.».
- [175] О колокольной фамилии: [Указ Святейшего патриарха Иоакима 1689]
// Древняя Российская Вивлиофика. – 1789. – Ч. 11. – С. 254.
- [176] Образцы древней письменности [/Сост. И.П. Сахаров. – СПб., 1849. –
40 л. факс.].
- [177] *Олеарий А.* Подробное описание путешествия голштинского посоль-
ства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах / Пер. П. Барсов. –
М., 1870.
- [178] Описание Боровичского Свято-Духова монастыря с его окрестно-
стями. – СПб., 1865.
- [179] Описание колоколов, пожертвованных Болгарии и значения жертво-
вателей. – СПб., 1878.
- [180] О преподавании народу перед литургиею Катехизиса в Московском Ус-
пенском, Архангельском и Благовещенском соборах: [Указ Синода от
18 декабря 1750 г.] / Сообщение П. Иванова // Чтения в обществе исто-
рии и древностей российских. – 1861. – Кн. 3. – Смесь. – С. 3–4.
- [181] *Островский П.Ф.* Историко-статистическое описание Костромского
первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. – Кострома,
1870.
- [182] *Остроумов В., свящ.* Харитоновская в Огородниках церковь. – М., 1883.
- [183] *Павел (Леденев-Прусский П.И.), архим.* Краткое описание путешествия
в Св. град Иерусалим и проч. святые места. – М., 1883.
- [184] *Павел Алеппский.* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в
России в половине XVII в. – Вып. 1–4. – М., 1896–1898.
- [185] *Пазухин А.* Серебряный колокол. – М., 1907.
- [186] *Пассек В.В.* Историческое описание Московского Симонова монасты-
ря. – М., 1843.
- [187] *Пассек Т.П.* Воспоминания // Русская старина. – 1876. – Т. 15. –

- С. 805–852; Т. 16. – С. 89–131, 309–350, 511–544, 649–670; Т. 17. – С. 537–578.
- [188] *Пекарский П.П.* Петербургская старина // Современник. – 1860. – Июнь. – С. 311–338 1-й паг.
- [189] *Петрей де Ерлезунда, Петр.* История о Великом Княжестве Московском / Пер. А.Н.Шемакина. – М., 1867.
- [190] *Платон (Любарский П.И.).* Сборник древностей Казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств. – Казань, 1868.
- [191] *Платонов.* Путеводитель по Москве. – 4-е изд. – М., 1891.
- [192] *Плечко А.М.* Москва: Исторический очерк. – М., 1883.
- [193] *Покровский Н.В.* Церковно-археологический музей С.-Петербургской духовной академии. 1879–1909. – СПб., 1909.
- [194] *Покрышкин П.П.* Отчеты о капитальном ремонте Спасо-Нерединской церкви в 1903 и в 1904 годах // Материал по археологии России. – СПб., 1906. – № 30. – 36 с., 27 табл. ил.
- [195] Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 9. С. 29–30 [Указ Анны Иоановны от 12 февраля 1733 г. № 6323].
- [196] Полное собрание русских летописей. – Т. 3: 1-я, 2-я и 3-я Новгородские летописи / Издан. Археографич. комис. – СПб., 1841.
- [197] Полное собрание русских летописей. – Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи / Издан. Археографич. комис. – СПб., 1846.
- [198] *Поляков Я.А.* Село Губайлово-Знаменское Московского уезда // Московская церковная старина: Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии / О-во любителей духовного просвещения. – М., 1906. – Т. 3, вып. 2. – С. 29–36.
- [199] *Попов А.М.* Описание Великоустюжского Прокопиевского Собора. – Вологда, 1859.
- [200] *Попов Н.А.* В.Н.Татищев и его время. – М., 1861.
- [201] *Порфирий (Успенский К.А.).* Афон: В 2-х ч. – Ч. 1: Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 году. – Отд. 1–2. – Киев, 1877.
- [202] Посещение главного Бурятского храма на Гусиных озерах // Северная пчела. – 1846. – № 25. – С. 90.
- [203] Прогулка по Кремлю // Отечественные Записки. – 1822. – Ч. 9, № 25, май. – С. 220–257.
- [204] Протоиерей Аристарх Александрович Израилев (Ко дню 50-летия служения в священном сане): 1841. – 18 июля 1891. 2-е изд. – СПб., Тип. С.Доброедева, 1892. – 72 с.
- [205] Псково-Печерский монастырь в его прошлом и настоящем // Нива. – 1903. – № 37. – С. 738–740.
- [206] Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века (1113–1115) / Изд. Археологической комиссии; Ред. А.С.Норов. – СПб., 1864.
- [207] Путешествие Новгородского Архиепископа Антония в Царь-град в конце XII столетия. – СПб., 1872.
- [208] Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Перев. П.П.Барсова. – М., 1873.
- [209] *Пушкарёв И.И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-

- Петербургской губернии. – Ч. 1. – СПб., 1839.
- [210] *Пыляев М.И.* Старая Москва. – СПб., 1891.
- [211] *Пыляев М.И.* Старое житье. – СПб., 1892.
- [212] *Пыляев М.И.* Старый Петербург. – 2-е изд. – СПб., 1889.
- [213] *Радонежский А.А.* Солнышко: Книга для чтения. – 8-е изд. – СПб., 1894. – С. 4. – Рассказ «Мальчик и церковный колокол»].
- [214] *Рачинский А.В.* Нилова Пустынь в первые полутора столетия ее существования: Исторический очерк по старинным монастырским бумагам. – М., 1876.
- [215] *Роденбах Ж.* Звонарь: Роман / Пер. с франц. А. Мирэ. – М., [1909].
- [216] *Рождественский В.А.* Историческое описание Серпуховского Владычного общежительного девичьего монастыря. – М., 1866.
- [217] *Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления. – Ч. 3. кн. 1. – М., 1870; Ч. 3, кн. 2. – М., 1871.
- [218] Русская старина. – 1871–1908.
- [219] Русские ведомости. – 1897. – № 207.
- [220] *Рыбаков С.Г.* Церковный звон в России. – СПб., 1896.
- [221] *Рыбушкин М.С.* Краткая история города Казани. – 2-е изд. – Казань, 1850.
- [222] *Рычин Ф.И.* Историческое описание московских кремлевских соборов, церквей и монастырей и их святынь. – 3-е изд. – М., 1882.
- [223] *Рычин Ф.И.* Путеводитель по Московской святыне. – 5-е изд. – М., 1890.
- [224] *Савваитов П.И.* Строгоновские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. Записка. – СПб., 1886. (Памятники древней письменности и искусства; Вып. 61).
- [225] *Савваитов П.И.* Описание Семигородной Успенской пустыни и упраздненного Катромского Николаевского монастыря. – СПб., 1856.
- [226] Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. – М., 1888.
- [227] *Самойлов Н.* Киев в начале своего существования. – М., 1834.
- [228] *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. – 3-е изд. – Т. 2, кн. 5–8. – СПб., 1849. Т. 1, кн. 1–4. – СПб., 1841.
- [229] *Свиньин П.П.* Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей: В 4-х ч. – Ч. 2. – СПб., 1817; Ч. 3. – СПб., 1818; Ч. 4. – СПб., 1821.
- [230] *Свирелин А.И.* Описание Переяславского Никитского монастыря в прежнее и нынешнее время. – М., 1879 (на обл.: 1878).
- [231] Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. – 2-е изд. – СПб., 1882.
- [232] *Серафим (Веснин С.А.).* Письма Святогорца к друзьям своим о св. Горе Афонской. – Ч. 1–2. – СПб., 1850.
- [233] *Серафимов В.И., Фомин М.И.* Описание Исаакиевского собора в С.-Петербурге, составленное по официальным документам. – СПб., 1865.
- [234] *Сергий (Спасский И.А.).* Историческое описание Московского Знаменского монастыря, что на старом Государевом дворе. – М., 1866.
- [235] *Сергий (Спасский И.А.).* Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря. – М., 1865.

- [236] *Серебrenиков В.* Об угличских колоколах, взятых Петром Великим для пушек // Ярославские губернские ведомости. – 1856. – № 21, ч. неофиц. – С. 196–197.
- [237] *Серебrenиков С.* Ссылный угличский колокол в Тобольске : [По материалам статьи А. Сулоцкого в журнале «Москвитянин» за 1849 г.] // Ярославские губернские ведомости. – 1850. – № 5, ч. неофиц. – С. 42–43.
- [238] Сказание о начале и настоящем положении Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря. – М., 1863.
- [239] Сказания современников о Дмитрии Самозванцеве: В 5 ч. – Ч. 5: Записки Маскевича. – СПб., 1834.
- [240] *Скворцов П.* Московская церковная старина. Уничтожение в московском Китай-городе церквей // Московские церковные ведомости. – 1895. – № 42. – С. 400 [Материалы из Архива Московской Свят. Синодальной конторы 1737, № 166].
- [241] *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. – Кн. 1–2. – М., 1838–1844.
- [242] *Смирнов С.К.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. – М., 1846.
- [243] *Смирнов С.К.* Покровский Хотьков девичий монастырь. – 4-е изд. – М., 1875.
- [244] *Смирнов С.К.* Покровский Хотьков девичий монастырь. – 5-е изд. – М., 1880.
- [245] *Смирнов Ф.К.* Виленский Св. Духов монастырь. – Вильна, 1888.
- [246] *Снегирев И.М.* Новоспасский монастырь. – М., 1843.
- [247] *Снегирев И.М.* Памятники Московской древности. – М., 1842–1845.
- [248] *Снегирев И.М.* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / Сост. А.А. Мартынов. – 3-е изд., доп. – Год 1–2. – М., 1852–1857.
- [249] *Снегирев И.М., Мартынов А.А.* Московский Царь-колокол // Русские достопамятности. – 1880. – Т. 3. – С. 1–20.
- [250] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: В 5 ч. – Ч. 2. – М., 1813–1819; Ч. 3. – М., 1822; Ч. 4. – М., 1828; Ч. 5. – М., 1894.
- [251] *Солнцев Ф.Г.* Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. – 1876. – Т. 15. – № 3. – С. 644.
- [252] *Соловьев И.П.* Ярославский Спасопробойнский обывденный храм. – Ярославль, 1869.
- [253] Сооружение и освящение в 1892 и 1893 годах четырнадцати колоколов, музыкально настроенных протоиереем Аристархом Александровичем Израилевым на звоннице при церкви во имя преподобного Александра Свирского в усадьбе Владимира Павловича Мордвинова с. Ваулове Романов-Борисоглебского у. Ярославской губ. – СПб., 1893.
- [254] *Спасский Г.* О колоколах достопримечательных по своей величине // Горный журнал. – 1833. – Ч. 1, кн. 1, разд. 6. – С. 123–134.
- [255] Статейный список посольства Никифора Михайловича Тологанова в Грузию 7158 (1650) года // Древняя Российская Вивлиофика. – 2-е

изд. – 1788. – Ч. 5. – С. 135–252.

- [256] *Суворов Н.И.* Описание Спасо-каменного, что на Кубенском озере, монастыря, ныне Спасо-Преображенская Белавинская пустыня. – Вологда, 1871.
- [257] *Сулоцкий А.И.* Описание краткое всех церквей, существующих в городе Тобольске и пространное Тобольского Софийского собора. – М., 1852.
- [258] *Султанов Н.* Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. – СПб., 1881.
- [259] *Таннер Бернгард.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678. – М., 1891.
- [260] *Тизик К.А.* История Ревельского Преображенского Собора: Историко-статистическое описание. – Ревель, 1896.
- [261] *Титов А.А.* Ростов Великий и его святыни. – СПб., 1895.
- [262] *Титов А.А.* Упраздненные монастыри Костромской епархии. – М., 1909.
- [263] *Титов А.А.* Троицкий Желтоводский монастырь у Старого Макария. – М., 1887. [Дьячков А.Н. – издатель].
- [264] *Тихомиров Д.* Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. – М., 1844.
- [265] *Токмаков И.Ф.* Историко-статистическое описание города Киржача. – М., 1884.
- [266] *Толстой М.В.* Древние святыни Ростова Великого. – 2-е изд. – М., 1860.
- [267] *Толстой М.В.* Святыни и древности Великого Новгорода. – М., 1862.
- [268] *Толстой М.В.* Указатель Великого Новгорода с приложением новгородского месяцеслова. – М., 1862.
- [269] *Третьяков А.А.* Московский Симонов монастырь. – М., 1890.
- [270] *Троицкий Н.И.* Сергиевский кафедральный собор в городе Курске. – Курск, 1907.
- [271] *Тюменев И.* Александро-Свирский монастырь // Нива. – 1899. – № 5. – С. 94–96.
- [272] *Тюменев И.Ф.* На среднем плесе // Исторический вестник. – 1904. – Т. 95, № 1. – С. 209–257; № 2. – С. 679–720. Кн. 1.
- [273] *Указатель Святыни и священных достопамятностей Киева.* – 3-е изд., испр., доп. – Киев, 1867.
- [274] *Успенский Вл.П.* Историческое описание Ниловой Столбенской пустыни Тверской епархии Осташковского уезда. – 2-е изд. – Тверь, 1876.
- [275] *Успенский В.П.* О погосте Рожки Осташковского уезда. – Тверь, 1888.
- [276] *Успенский, свящ.* Из истории Ярославля. – Ярославль, 1849.
- [277] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого: В 5 т. – Т. 4, ч. 1 – 2. – СПб., 1863.
- [278] *Фадеев А.М.* Воспоминания // Русский архив. – 1891. – Кн. 1, № 2. – С. 290–329, № 3. – С. 385–424, № 4. – С. 465–494; Кн. 2, № 5. – С. 14–60; Кн. 3, № 9. – С. 95–164, № 9. – С. 229–257, № 11. – С. 424–447, № 12. – С. 453–522.
- [279] *Филарет (Гумилевский Д.Г.)* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Отд. 5. – М., 1858.
- [280] *Филимонов Г.Д.* Сванетия в археологическом отношении // Вестник

- общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. 1874–1876. – № 1–5; 1875. – № 6–9; 1876. – № 11–12. – С. 80–94.
- [281] *Филумен, иеродиак.* Исторические записки о Троицкой Кривоозерской общежительной пустыни Костромской епархии. – М., 1862.
- [282] *Флоринский Д.И.* Собор во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Санкт-Петербургской крепости. – СПб., 1882.
- [283] *Хавский П.В.* Древности Москвы или указатель источников ее топографии и истории. – 2-е изд. – М., 1854.
- [284] *Хватов М.* Описание России и ее достопримечательности. – Ч. 1. – С. 273.
- [285] Хожение в Иерусалим и Царьград черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького 1648–1652 / Сообщено арх. Леонидом. – СПб., 1882. – (Памятники древней письменности; Вып. 35).
- [286] *Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И.* Исторические материалы о церквях и селах. – Ч. 2. – М., 1885.
- [287] *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Ч. 1–2. – Нижний Новгород, 1857–1859.
- [288] *Христофоров В.* Самозвон или колокольчик приводимый в движение ветром // Записки общества сельского хозяйства Южной России. – 1845. – № 3/4. – С. 391–400.
- [289] *Худонов М.* О значении колокольного звона в православной русской церкви // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1900. – № 23. – С. 873–881; № 24. – С. 925–938.
- [290] Черты из жизни Екатерины II, собр. М.Е.Лобановым // Древняя и новая Россия. – 1879. – Т. 1. – С. 66–67.
- [291] Чухломский Авраамиев Городецкий монастырь. Составлено по писцовой монастырской книге. – Кострома, 1859.
- [292] *Шавельский Г.И.* Суворовская Кончанская что при Николаевской академии Генерального штаба церковь (1786–1906) [Исторический очерк]. – СПб., 1906.
- [293] *Шевырев С.П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С.Шевырева в 1847 г. – Ч. 1–2. – М., 1850.
- [294] *Шиллер Ф.* Полное собрание сочинений: В 3-х т. – 7-е изд. – СПб., 1893. – Т. 1. – С. 122.
- [295] *Шлун Д.* Осада города Риги царем Алексеем Михайловичем в 1656 году // Отечественные записки. – 1822. – Ч. 9, № 24, апрель. – С. 25–40.
- [296] *Шекотов А., Максимович Л.М.* Географический словарь Российского государства: В 7 т. – М., 1801–1809.
- [297] *Якушкин П.И.* Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. – СПб., 1860.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

к книге Н. Оловянишникова

«История колоколов

и колокололитейное искусство»

- 1 *Осирис (Озирис)* – в древне-египетской мифологии бог умирающей и воскрешающей природы.
- 2 Колокольчики или небольшие колокола, подвешенные на перекладине и расположенные внутри храма, в средние века чаще назывались «цимбала» (*cimbala*).
- 3 *Прозерпина* – в римской мифологии богиня плодородия и подземного царства.
- 4 *Кибела (Цибела)* – фригийская богиня, почитавшаяся в М.Азии, Греции, во всей Римской империи. В честь нее устраивались мистерии с обрядами, в том числе самоистязания, омовения кровью жертв, самооскопления.
- 5 *Додона* – древнее святилище в Эпире (Северная Греция), где в V в. до н.э. был построен храм.
- 6 *Дельфы* – общегреч. религиозный центр с храмом и оракулом Аполлона.
- 7 В тексте опечатка: «Орлавий»; имеется в виду сочинение Флавия «Иудейские древности» (75 г.).
- 8 Греч. *кодон[ес]*; у древних евреев эти бубенчики или колокольчики назывались «паамоним»; здесь автор дает греческий перевод этого слова (по Септуагинте).
- 9 *Саккос* – верхнее облачение высшего клира, происходит от одежды византийских императоров (далматика), символизирует одежду Христа, в которую он был облачен для поругания, страданий на кресте и искупления.
- 10 Что имел в виду автор неясно; в Еврейской Библии таких слов нет (по сообщению канд. искусствоведения Е.И. Коляды, которая ссылается на изд. *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Ed. 4. – 1990).
- 11 Современные археологические находки свидетельствуют, что бубенцы появились в Палестине в IX в. до н.э.
- 12 Древнейшие китайские бронзовые колокольчики, найденные при раскопках, принадлежат так называемой культуре Эрлитоу (ок. 2395–1430 гг. до н.э.).
- 13 Имеются в виду народности группы мяо-яо.
- 14 Шанхая.
- 15 Предполагается, что дотаку могли быть символами власти.

- 16 *Ниневия* – древний город Ассирии (IX–VII вв. до н. э.).
- 17 Св. Цецилии.
- 18 Опечатка: Saufang.
- 19 Помпеях.
- 20 *Теофил* (Theophilus Presbyten, X в.) – монах-бенедиктинец, живший в монастыре близ Эссена. Вероятно родом из Византии. Автор латинского трактата «*Diversarum artium schedula*», где в ч. 3, параграфах 35–36 описан процесс литья колокола.
- 21 Осада Иерихона описана в Ветхом Завете в книге Иисуса Навина (VI, 3–4).
- 22 Т. е. ручными тарелками.
- 23 Греч. *семандр[он]*.
- 24 *Suicerus Johann Caspar* «*Thesaurus ecclesiasticus e patribus graecis ordine alphabetico*» (Amsterdam: Heur. Wetstenium, 1682).
- 25 Греч. *ксилон*, в церковно-славянском переводе – «древо».
- 26 *Лео Аллагий*. Allatius Leo (Leone Allacci). *De templis graecorum resenti-
tioribus* (Coloniae Aggripinae: Apud Iodicum Kalcovium & Socios, 1645).
Перевод на английский язык – «*The Newer Temples of the Greeks*» (University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1969).
- 27 То есть в колокол.
- 28 Св. *Савва Сербский* (1169–1237).
- 29 *Преп. Зосима* (ум. в 1478) – основатель и первый игумен Соловецкого монастыря.
- 30 *Архиепископ Антоний* (ум. 1233).
- 31 *Преп. Феодосий Печерский* (XI в.).
- 32 См.: ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 80.
- 33 См.: ПСРЛ. Т. 9. Стлб. 104.
- 34 *Святогорец* – иеросхимонах Серафим, в миру Семен Авдиевич Веснин (1814–1853). На Афоне с 1843 г.
- 35 *Тока* – одно из русских названий била, вероятно, от румынского и молдавского названия «тоакэ», восходящего, в свою очередь, к арабскому корню (также как французское «toquet», обозначающее акт удара в колокол).
- 36 «Новая скрижаль» – труд архиепископа Нижегородского и Арзамаского Вениамина (Краснопевкова) впервые был издан в 1803 г.
- 37 Город Пронск с 926 г. – сельское поселение, с 1958 г. – поселок городского типа, районный центр в Рязанской области.
- 38 *Константин I Великий* – римский император, правил в 323–337 гг.
- 39 Эта труба в Сванетии известна под названием «санкер», в Мегрелии – «окуэ[лиа]» и «хорото».
- 40 Св. *Григорий Турский* (ум. ок. 560 г.).
- 41 Лат. – «знак», «знак церкви».
- 42 *Беда Достопочтенный* (Beda Venerabilis) (672 или 673–735).
- 43 Здесь и далее частичное цитирование по: *Colas, Alphonse*. *Les Cloches au point de vue seculier*. – Paris, 1881.
- 44 Имеется в виду Византийская империя.

- 45 867–886 гг. – годы правления Василия Македонянина.
 46 В 886 г.
 47 По указанию венецианского дьякона Иоанна император отдал колокола
 во вновь построенную церковь, без указания в какую именно.
 48 Бароний, основываясь на неизвестных нам венецианских летописцах,
 говорит, что венецианский дож Урсус послал колокола не в 886 г., а в
 865 г. и императору Михаилу, а не Василию.
 49 Подробнее см.: *Кавельмахер В.В.* Способы звона и древнерусские коло-
 кольни // Колокола. История и современность. – М., 1985.
 50 Вес главного колокола Москвы в указанные годы составлял 2200 пудов.
 51 См.: ПСРЛ. Новгородская Вторая (архивная летопись). – М., 1965.
 Стлб. 173.
 52 См.: *Франчук О.В.* История формирования тематических групп «коло-
 кол – колокольный звон» и «колокольное дело» в русском языке. Дисс.
 канд. фил. наук. – Челябинск, 1999.
 53 На сегодняшний день сведений о колоколах в летописях под 988 г. не
 выявлено.
 54 Что имеет в виду автор под коринфской медью – непонятно.
 55 См.: ПСРЛ. Т. VI. – СПб., 1893. Стлб. 296.
 56 Автор имеет в виду следующее сообщение Ипатьевской летописи:
 «Князь Даниил [Галицкий] в Холм колоколы принесе из Киева, другие
 ту соль» (ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 196). Однако это упоминание вовсе не
 означает, что русские стали лить колокола впервые в Киеве в середине
 XIII в.
 57 См.: ПСРЛ. Т. 2. – СПб., 1893. Стлб. 196.
 58 См.: Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 852 до
 1598 г. – М., 1819. Стлб. 72.
 59 См.: ПСРЛ. Т. XV. – СПб., 1908. Стлб. 470–471.
 60 Колокола были вылиты в Ростове в 1412 г. См.: ПСРЛ. Т. 6. – СПб., 1908.
 Стлб. 140.
 61 См.: «Русская правда», текст по Троицкому списку // Сборник «Киев-
 ская Русь» / Под ред. В.Н.Сторожева. – М., 1910.
 62 См.: ПСРЛ. Т. 7. – СПб., 1908. Стлб. 210.
 63 Ссылка неверна. См.: ПСРЛ. Т. XXX. – М., 1965. Стлб. 108.
 64 Имя мастера – Николай Немчин.
 65 Колокол был отлит в 1533 г.
 66 В известных документах имя мастера Игнатия под 1542 г. не встречается.
 67 Мастера Богдана, как известного пушечного литца XVI в., называет
 Е.Л.Немировский. См.: *Немировский Е.Л.* Андрей Чохов. – М., 1982. С. 69.
 68 *Андрей Чохов* (род. около 1545 г., ум. в 1629 г.).
 69 В известных документах имя мастера Кузьмина первого под 1581 г. не
 встречается.
 70 *Семен Дубинин* – соратник А.Чохова, работал на московском Пушечном
 дворе в 1590-е годы.
 71 Название указано неверно. Царь-пушка была мортирой, стреляющей
 каменными ядрами весом 52 пуда.

- 72 Царь-пушка.
- 73 Литейные мастера были в Москве и до приезда Фиораванти, приглашенного для реорганизации и расширения литейного производства, а также для знакомства с передовыми европейскими технологиями. Пушечно-литейный завод был построен Фиораванти в 1479 г., он находился «У трех мостов из Фроловских (ныне Спасских) ворот в Китай-город» и сгорел в 1489 г. Позже был построен новый завод на реке Неглинке (ныне Пушечная ул.), где под названием Пушечного двора просуществовал несколько столетий.
- 74 См.: *Забелин И.Е.* История города Москвы. Ч. 1. – М., 1905. С. 123.
- 75 *Арсений архиепископ Елассонский* (1549–1626), приезжал в Москву в 1586 и 1588 гг. в составе патриаршего посольства и остался в России. См.: *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории... – Киев, 1899.
- 76 Имя мастера – Павлин (Павел) Дебосис.
- 77 Мастер Яков прибыл в Россию в 1480-е годы, а Петр в 1494 г.
- 78 См.: *Бондаренко А.Ф.* Московские колокола. XVII в. – М., 1998.
- 79 Медную руду на Каме отыскала в 1633 г. экспедиция во главе со стольником Василием Ивановичем Стрешневым, который в том же году основал Пыскорский медеплавильный завод, Надей же Андреевич Светешников был управляющим этим заводом с 1635 г. Подробнее см.: *Бондаренко А.Ф.* Указ. соч.
- 80 Проня Федоров работал на московском Пушечном дворе в конце XVI – начале XVII вв.
- 81 Об Игнатии Максимове см.: Энциклопедия «Москва». – М., 1998. С. 455.
- 82 Мастера с именем Андрей Данилов в источниках не обнаружено. В это время (1621–1651 гг.) на московском Пушечном дворе работал мастер Данила Матвеев.
- 83 Об Алексее Якимове см.: *Рубцов Н.Н.* История литейного производства в СССР. Изд. 2. – М., 1961. Список русских литейщиков, № 33.
- 84 Кондратий Михайлов работал на московском Пушечном дворе в конце XVI – начале XVII в.
- 85 О Богдане Васильеве см.: *Рубцов Н.Н.* Указ. соч. Список..., № 17.
- 86 О Григории Наумове см.: *Рубцов Н.Н.* Там же. № 74.
- 87 О Гансе Фальке см.: Энциклопедия «Москва». С. 850–851.
- 88 О ком конкретно идет речь – непонятно.
- 89 Пушечный мастер Евсей Данилов работал на московском Пушечном дворе во 2-й половине XVII в.
- 90 Мастер с именем Тимофей Воин в источниках не обнаружен.
- 91 Мастер с именем Федор Аникин в источниках не обнаружен.
- 92 О Емельяне Данилове см.: *Рубцов Н.Н.* Указ. соч. Список..., № 27.
- 93 Об Андрее Нейгарте источники не выявлены.
- 94 Об Александре Григорьеве см.: Энциклопедия «Москва». С. 238.
- 95 О Харитоне Иванове см.: *Рубцов Н.Н.* Указ. соч. Список..., № 44.
- 96 Пушечный мастер Мартьян Осипов работал на московском Пушечном дворе во 2-й половине XVII в.

- 97 Пушечный мастер Яков Дубинин работал на московском Пушечном дворе во 2-й половине XVII в.
- 98 Возможно речь идет об Аникии Никифорове. См.: *Рубцов Н.Н.* Указ. соч. Список..., № 77.
- 99 Известен колокольный мастер Григорий Екимов. См.: *Рубцов Н.Н.* Указ. соч. Список..., № 34.
- 100 Мастер Яким Гаврилов работал на московском Пушечном дворе в середине – второй половине XVII в.
- 101 Пушечный мастер Пантелей Яковлев работал на московском Пушечном дворе во 2-й половине XVII в.
- 102 Пушечный мастер Осип Иванов работал на московском Пушечном дворе во 2-й половине XVII в.
- 103 О Василии и Якове Леонтьеве см.: *Рубцов Н.Н.* Указ. соч. Список..., № 60, 62.
- 104 О Федоре Моторине см.: Энциклопедия «Москва». С. 525–526.
- 105 Пушечный мастер Евсений Данилов работал на московском Пушечном дворе во 2-й половине XVII в.
- 106 Вес колокола около 1200 пудов.
- 107 Правильно: 250 пудов.
- 108 Горное дело в России начало развиваться еще при царе Михаиле Федоровиче в 1-й половине XVII в. В 1633 г. на Урале был основан первый медеплавильный завод – Пыскорский. Подробнее см.: *Бондаренко А.Ф.* Указ. соч. С. 36–41.
- 109 В 1700 г. приказ Рудокопных дел выделился из приказа Большой казны. Это было закреплено специальным указом Петра I от 24 августа 1700 г.
- 110 Опечатка, правильно: 1719 г.
- 111 Утверждение автора ошибочно. На самом деле в первые годы царствования Петра I литейное искусство было весьма успешным.
- 112 Яков Дубинин и Иван Моторин успешно работали еще во второй половине XVII в.
- 113 Завод Ф.Д.Моторина был основан в 1686 г.
- 114 В Троице-Сергиевой лавре на рубеже XVII–XVIII вв. по замыслу Петра I был отлит колокол весом 3555 пудов, который просуществовал недолго, однако в сохранившихся документах имя мастера не указано. По какому источнику автор называет имя Ивана Моторина – неизвестно.
- 115 К. Слизов перелил повредившийся в пожаре 1701 г. Большой Успенский колокол в 1761 г.
- 116 См.: ПСРЛ. Новгородская Вторая (архивная летопись). – М., 1965. Стлб. 148.
- 117 Правильно: 1532 г.
- 118 Николай Фрязин и Николай Немчин – одно и то же лицо. См.: *Кавельмахер В.В.* Большие благовестники Москвы XVI – первой половины XVII в. // Колокола. История и современность. – М., 1993.
- 119 См.: ПСРЛ. Т. 6. – СПб., 1908. Стлб. 194.
- 120 Цифры сильно преувеличены.
- 121 См.: *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его

- из русской истории... – Киев, 1899.
- 122 Речь идет о колоколе, отлитом А. Чоховым в 1600 г. Его вес был 2450 пуд.
- 123 Исправлено, было: Там же, стр. 5.
- 124 *Берберини Рафаэль* – представитель знатной итальянской фамилии, был в Москве в 1565 г.
- 125 См.: *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. – М., 1892. С. 138–139.
- 126 *Стефан Какаш* – посол от австрийского императора Рудольфа II к царю Борису Годунову.
- 127 См.: *Таннер Б.* Указ. соч. С. 143.
- 128 См.: Известие о русском и московском путешествии датского герцога Иоганса Младшего 1602 г. // ЧОИДР. 1867. Кн. 4. С. 11–12.
- 129 Здесь принц Иоанн описывает звонницу при Покровском соборе (храме Василия Блаженного).
- 130 Описание де-Ламантиньера относится к колокольне Иван Великий, а не к церкви Василия Блаженного.
- 131 Приведенные сведения носят преувеличенный характер и более отражают воображение автора, чем реальность.
- 132 Это сообщение относится к традиции, бытовавшей в Западной Европе.
- 133 *Масса Исаак* (1587–1635), итальянец, голландский купец и торговый резидент в Москве. Был в России дважды, в 1601–1609 и 1612–1634 годах. Оставил «Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, бывших в непродолжительный период царствования нескольких государей ее, до 1610 года».
- 134 Источник не выявлен.
- 135 Источник не выявлен.
- 136 См.: ПСРЛ. – СПб., 1908. Т. 4. Стлб. 97; Т. 6. Стлб. 99.
- 137 См.: ПСРЛ. Новгородская Вторая (архивная) летопись. – М., 1965. Стлб. 168.
- 138 Там же. Стлб. 174.
- 139 В настоящее время этот Устав не обнаружен.
- 140 Колокола 1, 2, 3, 4 существовали лишь в больших собраниях, как правило, в монастырских. Затем шла группа средних колоколов – подзвонных и два или три малых – зазвонных.
- 141 Перезвон и перебор к благовесту не относятся.
- 142 Здесь и далее до слов «...быть колокольному звону и иллюминации» цитируется по: *Крылов И.З.* Историческое описание всех коронаций императоров и императриц Всероссийских. – М., 1856.
- 143 *Ясак* (тюрк.) – первоначально: налог, позже: сигнал, знак тревоги; небольшой колоколец или било, которым подают условный знак (например, когда благовестить или прекратить звон).
- 144 Датировка от СМ непонятна.
- 145 *Святой Григорий Великий* (Двоеслов) – папа Римский (VI в.).
- 146 См.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. 2-е изд. – СПб., 1819. Т. 4, прим. 182.
- 147 Источник не выявлен.

- 148 Полное собрание русских летописей. Т. 3: 1-я, 2-я и 3-я Новгородские летописи / Издан. Археографич. комис. – СПб., 1841. – Год 1409.
- 149 Правильно: Корсунские.
- 150 Источник не выявлен.
- 151 Об этом колоколе см.: *Гордеев В.А.* Два Новгородских колокола XVI в. из собрания музея-заповедника «Коломенское» // Искусство христианского мира. Т. 4. – М., 2001.
- 152 Изящный шрифт, созданный знаменитыми голландскими типографами-издателями Эльзевирами (конец XVI–XVIII вв.). Этот шрифт, несколько модернизированный, используется и в настоящее время.
- 153 Правильно: 2125 пудов 30 фунтов.
- 154 Князь П.И. Львов.
- 155 Подробнее см.: *Кондрашина В.А., Шашкина Т.Б.* Большой колокол Саввино-Сторожевского монастыря как научно-технический памятник Древней Руси // Памятники науки и техники. – М., 1981.
- 156 1777 г.
- 157 Перевод надписи: «Меня отлил в Камписе (город в Голландии) Килиан Вегеварт. Год 1636...».
- 158 *Очепный способ звона* – звон посредством раскачивания колокола, существовал на Руси до сер. XVII в., после чего постепенно был заменен на язычный способ. У католиков язычного способа звона не существует.
- 159 Скорее всего, здесь имеет место неправильное прочтение фамилии мастера. Видимо, следует читать: «Моторин».
- 160 Т. е. города Рязска.
- 160a См. Архив СПб. ИИРАН, ф. 175, оп. 3, кн. 27, с. 429–431.
- 161 Исправлено, в оригинале было: Иван VI (?).
- 162 Имеются в виду не зазвонные колокола, а все, кроме благовестных; собственно зазвонных из них лишь два.
- 163 Полтрети пуда это 2,5 пуда.
- 164 Ошибка в подсчете. Следует читать: три благовестных. И далее: четыре подзвонных и два зазвонных.
- 165 Дата 7160 г. от СМ – 1597 г. от Р.Х.
- 166 См.: *Титов А.А.* Упраздненные монастыри Костромской епархии. – М., 1909.
- 167 Правильно: в 1595 г.
- 168 Правильно: в 1591 г.
- 169 Скорее всего, вес в фунтах указан неверно, так как 1 пуд = 40 фунтам.
- 170 Что имеется в виду под понятием «примерно-звучный» колокол – непонятно.
- 171 О колоколах Псково-Печерского монастыря см.: *Никаноров А.Б.* Колокола и колокольные звоны Псково-Печерского монастыря. – СПб., 2000.
- 172 Имеется в виду очепный способ звона – звон, издаваемый посредством раскачивания колокола.
- 173 Дата неверна. Колокол был отлит в 1687 г. В настоящее время хранится в музее «Коломенское».
- 174 Об этом колоколе см.: *Бондаренко А.Ф.* Колокола династии Моториных

конца XVII в. в собрании колоколов Покровского собора // Труды ГИМ. Вып. 100. – М., 1998. С. 185–192.

- 175 Об этом колоколе см.: *Бондаренко А.Ф.* Колокола династии Моториных конца XVII в. в собрании колоколов Покровского собора.
- 176 Колокол этот, будучи разбитым, находился в соборе до 1865 г., когда вместе с другим, также разбитым, был перелит в один.
- 177 Следует читать «Псковитинов».
- 178 Имя мастера – Кирил Самойлов.
- 179 Правильно: 1650 г.
- 180 Правильно: 1687 г.
- 181 Правильно: 1695 г.
- 182 Имя мастера Henrick Tor Horst, название города Davenport.
- 183 Нам видится правильным следующее прочтение надписи: «Soli Deo Gloria Assver Koster me fecit Amstelodami».
- 184 Нам видится правильным следующее прочтение надписи: «Soli Deo Gloria Anno. 1647».
- 185 Представление о том, что для лучшего звучания колокола в сплав добавлялось серебро – ошибочно. На самом деле, серебро, даже в очень малом количестве, значительно ухудшает звук колокола.
- 186 Расшифровка содержит неточности, имеет место неправильное прочтение текста. Надпись, приведенную выше следует читать: 1-я строка – «Лета 7071 года апреля в 28 день при благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче всея Росии», 2-я строка – «и при архиепископе Новаграда и Пскова владыки Пимини по благословению игумена Мисаила», 3-я строка – «сей колокол перелит и наново, а старой колокол был весом семь пудов /.../», 4-я строка – «Николы чудотворца Селифонтова монастыря вкладчиком Илия Тимофеев сын Масленик». Далее, согласно приведенному тексту нам видится так: «Славковой улицы с своими детьми с Петром да с Ерофеем, а новой меди прибавили четыре пуда с осьминою».
- 187 «Славкова окличин» следует читать как Славкова улица.
- 188 Правильно: в 1566 г.
- 189 Правильно: в 1735 г.
- 190 Из разбитого Годуновского колокола в 1654 г. был вылит Царь-колокол Е.Даниловым, в 1655 г. из разбитого «даниловского» колокола был вылит Царь-колокол А.Григорьевым, а уже из разбитого в 1701 г. «григорьевского» колокола в 1735 г. был вылит последний Царь-колокол Иваном и Михаилом Моториными.
- 191 А.Олеарий был в Москве не только в 1636 г., но также в 1634, 1639 и 1640-е годы.
- 192 Речь идет о Емельяне Данилове.
- 193 Речь идет об Александре Григорьеве.
- 194 Павел Алеппский ошибочно принял олово за серебро.
- 195 *Мейерберг Августин фон* (Августинус де Майерн) (1612–1688) – австрийский дипломат. Был в России во главе австрийского посольства в 1661–1662 годах.

- 196 Правильно: 1655 г.
- 197 См.: *Мейерберг А.* Путешествие по России... / Ред. и пер. О. Бодянского. – М., 1874.
- 198 *Стройс Йенс Йенсон* (Ян Янсен Стрейс) – голландский путешественник. Свои впечатления о России описал в «Путешествии по России голландца Стройса в 1668 году».
- 199 *Кильбургер Иоганн Филипп* – был в Москве в 1674 г. в составе шведского посольства.
- 200 *Таннер Бернгард Леопольд Франциск* – чешский путешественник, был в Москве вместе с польским посольством Черторыйского и Сапеги с 1678 по 1682 гг.
- 201 См.: *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Ред. и пер. Ивакина И. – М., 1891. С. 164.
- 202 См.: ПСРЛ. Т. 13. Стлб. 72; Т. 12. Стлб. 161; Т. 20. Стлб. 418.
- 203 *Рейтенфельс Якоб*, уроженец Курляндии, в 1670–1673 годах жил в Москве.
- 204 См.: *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии / Ред. и пер. М. Станкевича. – М., 1906.
- 205 *Конрад ван Кленк* – чрезвычайный посол Генеральных Штатов Соединенных Нидерландов в Москву в 1675–1676 гг.
- 206 См.: *Ловягин А.М.* Посольство Конрада ван Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. – СПб., 1900.
- 207 *Корб Иоганн Георг* – секретарь австрийского посольства Игнатия Гварриента в Россию. Был в Москве в 1698–1699 гг.
- 208 Января.
- 209 Емельян Данилов умер в 1654 г. во время чумы.
- 210 В било.
- 211 Что имеет в виду автор под эмесским составом – непонятно.
- 212 Описывается язычный способ звона.
- 213 В этой цитате речь идет о московских колоколах.
- 214 *Корнелий де Бруин* (Корнилий Лебрен) – голландский путешественник и живописец. Посетил Россию дважды: в 1701–1703 и в 1707–1708 гг.
- 215 Путаница: название колокольни просто автоматически перенесено на колокол.
- 216 В 1709 г. никакого колокола для Троицкой лавры не отливалось. Самый большой лаврский колокол, отлитый на рубеже XVII–XVIII вв. весил 3555 пудов, вторым по величине был колокол Ф. Моторина (1275 пудов), третьим – Годуновский колокол А. Чохова (1080 пудов).
- 217 Правильно: 1836 г.
- 218 Правильно: 1836 г.
- 219 Правильно: 25 марта.
- 220 Дата ошибочна, так как Павел I стал императором в 1796 г.
- 221 В тексте на колоколе допущена ошибка – Царь-колокол отлит не в 1733, а в 1735 г.
- 222 Правильно: 7209 г.
- 223 Правильно: 1701 г.

- 224 Правильно: 1731 г.
- 225 См.: Предисловие Стасова В.В. к книге: *Израилев А.А.* Ростовские колокола и звоны. – СПб., 1884. С. VI.
- 226 Сведений о проекте Н.В.Подчинова в литературе не найдено.
- 227 Пекинский колокол «Та-Чжун» весит около 40 тонн, т.е. более чем на 1500 пудов меньше указанного веса.
- 228 Следует читать не «над», а «в».
- 229 Источник не выявлен.
- 230 Правильно: 1819 г.
- 231 Исправлено, в оригинале: Екатерине.
- 232 Правильно: 1761 г.
- 233 О каком колоколе идет речь – непонятно.
- 234 Правильно: около 2500 пудов.
- 235 Правильно: 1668 г.
- 236 В 1505–1508 гг. храм Иоанна Лествичника, построенный в 1329 г., за ветхостью был разобран, и вместо него итальянским мастером Боном Фрязином был возведен двухъярусный столп с церковью Иоанна Лествичника в первом ярусе.
- 237 Колокольная была надстроена и завершена позолоченным куполом по велению Бориса Годунова в 1600 г., что было увековечено надписью золотыми буквами по черному фону у основания колокольной.
- 238 Правильно: Никоновской.
- 239 Полная надпись: «Изволением Святыя Троицы, повелением великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всея Руси самодержца и сына его благоверного великого государя царевича и великого князя Федора Борисовича всея Руси храм совершен и позлащен во второе лето государства их 108 года».
- 240 *Петрок Малой* – обрусевший итальянский зодчий.
- 241 *Забелин Иван Егорович* (1820–1908) – историк, археограф, публикатор памятников письменности, археолог, коллекционер, организатор музейного дела.
- 242 К Ивану Великому, возведенному в 1508 г. и надстроенному в 1600 г., в 1532–1543 гг. была пристроена церковь Воскресения Христова, а в 1620-е годы к ней примкнула сооруженная по распоряжению патриарха Филарета пристройка, получившая название Филаретовской.
- 243 См.: *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии / Ред. и пер. М.Станкевича. – М., 1906.
- 244 См.: *Эрколе Зани.* Реляция о путешествии в Московию / Ред. и пер. И.Ивакина. – СПб., 1901.
- 245 *Кильбургер Иоганн Филипп.* См. выше.
- 246 Источник не выявлен.
- 247 Имеется в виду Большой Успенский колокол, отлитый К.Слизовым в 1761 г.
- 248 Колокол при падении был поврежден.
- 249 Правильно: 1819 г.
- 250 Колокол был отлит на заводе М.Г.Богданова под руководством мастера

- Якова Завьялова.
- 251 Вес колокола около 4000 пудов.
- 252 О Царь-колоколе см.: *Рубцов Н.Н., Богуславский Г.А.* Царь-колокол. – М., 1969; *Костина И.Д.* К истории создания «Царь-колокола» // Колокола. История и современность. – М., 1993.
- 253 Здесь и далее цитата по: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого: В 5 т. – Т. 4, ч. 1–2. – СПб., 1863.
- 254 См. Галицко-Волыньскую летопись в «Памятниках литературы Древней Руси. XIII век». – М., 1981. С. 347.
- 255 Имя мастера Харитон Иванов.
- 256 Колокола в Ростове разбились в 1305 г. См.: ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 228.
- 257 См.: ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 285.
- 258 Правильно: 1761 г.
- 259 См. примеч. 250.
- 260 Вес колокола составляет 420 пудов.
- 261 Надпись приведена с неточностями. Кроме того, на колоколе не одна, а две надписи. 1-я: «ЛЕТА ЧЕТЫРЕДЕСЯТОГО ПОВЕЛЕНИЕМ БЛАГОВЕРНАГО И ХРИСТОЛЮБИВАГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ГОСУДАРЯ ВСЕЯ РУСИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И ПРИ ЕГО СЫНЕ КНЯЗЕ ИВАНЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ СОЛЪЯН БЫСТЬ СЕЙ КОЛОКОЛ ВО ПРЕИМЕНИТОМ И СЛАВНОМ ГРАДЕ МОСКВЕ», 2-я: «NIKŁWAS OBRAKER 1532. A ДЕЛАЛ НИКОЛАЙ». Подробнее о колоколе см.: *Кавельмахер В.В.* Большие благовестники Москвы XVI – первой половины XVII в. // Колокола. История и современность. – М., 1993. С. 88.
- 262 На самом деле колокольня Иван Великий является лишь одной из трех составных частей комплекса Кремлевских звонниц: столб Иван Великий, звонница палатного типа с церковью Воскресения Христова (в 1554–1555 гг. переосвященной в Рождество Христово с приделом Воскресения Христова) и Филаретова колокольница (См.: *Кавельмахер В.В.* Указ. соч.)
- 263 Называемый Н.И. Оловянишниковым «Годунов столб» (он же «Иван Великий» или храм Ивана Списателя Лествицы) был построен итальянским мастером Боном Фрязиным в 1508 г. При Борисе Годунове в 1600 г. он был лишь надстроен до своей настоящей высоты.
- 264 См.: *Кавельмахер В.В.* Указ. соч.
- 265 Следует читать «в XVII в.».
- 266 Здесь и далее изложение и частичное цитирование из книги: *Толстой М.В.* Древние святыни Ростова Великого. – М., 1860.
- 267 Правильно: 1688 г.
- 268 Правильно: 1682 г.
- 269 Отсюда и до с. 231 – глобальная цитата всей брошюры: *Израилев А.А.* Ростовские колокола и звоны. – СПб., 1884.
- 270 Под простым колебанием подразумевается полу качание звучащего тела, его прямое или обратное движения. В России и во Франции в XIX в. было принято одно полное колебание рассматривать как пару простых (см.:

- Гельмгольц Г. Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки. – СПб., 1875. С. 25). Чтобы представить звуковые частоты, которые дает А.А.Израилов в современном виде, их необходимо делить на два.
- 271 А.А.Израилов производил измерения при температуре 15 градусов Цельсия (1 градус Реомюра равен $5/4$ градуса Цельсия).
- 272 Имеется в виду эталон камертона *ля* первой октавы, соответствовавший в то время 870-ти простым колебаниям в секунду, то есть 435 Гц (см.: Установление Гос. совета, отд. 1. № 58555, Высочайше утвержденное 23 мая 1878 г. «О камертоне *ля* с частотой 870 простых колебаний при +10 градусах 100 градусного термометра...» // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1880. Т. 53. С. 363–364).
- 273 1682 г.
- 274 1688 г.
- 275 1690 г.
- 276 Колокол «Козел» был перелит на заводе П.И. Оловянишникова в другой колокол с таким же названием, весом 18 п. 22 ф.
- 277 $2\frac{3}{8}$.
- 278 Здесь и далее до с. 259 материал из книги: *Donnet, Fernand. Les cloches d'Anvers. Les fondeurs Anversoises. – Anvers, 1899.*
- 279 См.: Цилиндрические колокола // «Нива», 1894, № 4. С. 93.
- 280 См.: *Роденбах Ж. Звонарь: Роман / Пер. с фр. А. Мирэ. – М., [1909].*
- 281 См.: *Поисман, Жорис Карл. Полное собрание сочинений: В 3-х т. – Т. 1: Бездна. – М.: «Современные проблемы», 1912. С. 46–47.*
- 282 Со слов «Будучи идеалистом...» автор пытается обобщить (не цитируя) материалы книги С.Г.Рыбакова о творчестве звонаря Смагина и его роли в искусстве русского колокольного звона. При этом имеет место некорректное высказывание о стройности колокольного звона, на которое якобы обратил внимание Смагин, используя оттенки. Следует различать в первом случае акустический строй колоколов, к которому Смагин, в отличие от А.А.Израилева, был равнодушен, и громкостную динамику. Последняя действительно была важной особенностью исполнительского стиля звонаря.
- 283 Правильно: деревня Шалаяпинская.
- 284 Правильно: Дмитрий Иванцов.
- 285 См.: Самоучка-механик, изобретатель механического церковного звона // «Вятские епархиальные ведомости», 1904, № 11, отд. неофиц. С. 680–682.
- 286 О протоиерее Аристархе Александровиче Израилеве см.: Протоиерей Аристарх Израилов (1817–1901). Труды, публикации, исследования. – М., 2001. 828 с.
- 287 Правильно: Аничкова дворца.
- 288 Финляндский.
- 289 См.: *Израилов А.А. Музыкально-акустические работы // «Известия императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Т. 41, вып. 2. – М., 1884. С. 67–72.*

- 290 См.: Сооружение и освящение в 1892 и 1893 гг. четырнадцати колоколов, музыкально настроенных протоиереем Аристархом Александровичем Израйлевым на звоннице при церкви во имя преподобного Александра Свирского в усадьбе Владимира Павловича Мордвинова с. Ваулове Романов-Борисоглебского у. Ярославской губ. – СПб., 1893. С. 27, 29–35 и С. 1–23.
- 291 Источник не установлен.
- 292 Источник не установлен.
- 293 Имеются в виду часы с 12-часовым циферблатом. До начала XVIII в. на Спасской башне находились часы, построенные совершенно по другому принципу. Посол австрийского императора барон А. Мейерберг, бывший в России в 1661–1662 гг., писал об этих часах, что они были самые большие в Москве и показывали дневные часы от восхода до захода солнца. Летом, когда день длиннее, они били 17 раз днем и 7 раз ночью. Вокруг диска были размещены 17 медных букв и сочетаний букв кириллического алфавита, а внутри круга – арабские числа от 1 до 17. Диск медленно вращался, так что луч солнца, расположенного над диском, показывал настоящее время. Середина часов была лазоревого цвета с размещенными на ней золотыми и серебряными звездами, луной и солнцем. Золоченные цифры достигали полуметровой высоты. Диаметр колеса-круга составлял около 3,5 метра. Часы погибли в пожаре 1701 г.
- 294 Полное имя мастера Петр Антонио Солари.
- 295 Правильно: 1628 г.
- 296 См.: *Павел Алепский*. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в России в половине XVII в. Вып. 1–4. – М., 1896–1898.
- 297 Источник не выявлен.
- 298 Источник не выявлен.
- 299 Источник не выявлен.
- 300 Правильно: 1591 г.
- 301 Правильно: 1595 г.
- 302 См.: ПСРЛ. Т. III–IV. Новгородские летописи. – СПб., 1841. Стлб. 2.
- 303 См.: ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 27.
- 304 См.: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. 2-е изд. Т. 7. – СПб., 1819. Примеч. 64.
- 305 Имеются в виду, вечевые колокола.
- 306 См.: ПСРЛ. Т. 12. Стлб. 281.
- 307 Правильно: 1510 г.
- 308 ПСРЛ. Т. 12. Стлб. 285.
- 309 Правильно: 1589 г.
- 310 Правильно: 1685 г.
- 311 См.: *Христофоров В.* Самозвон или колокольчик, приводимый в движение ветром // «Записки общества сельского хозяйства Южной России», 1845, № 3/4. С. 391–400.
- 312 Правильно: «Део».
- 313 Правильно: 1674 г.
- 314 См.: Указ царя Алексея Михайловича о пожарных набатах в Москве

- 1668 г. // ЧОИДР. Кн. 1. – М., 1899. С. 14–15.
- 315 *Вестовой колокол* (он же набатный) – своим звоном извещающий о чем-либо горожан. В XVII в. вестовые колокола были в каждом русском городе.
- 316 Н.А. Римский-Корсаков.
- 317 Отсюда и далее цитируется по: *Радонежский А.А.* Солнышко: Книга для чтения. 8-е изд. – СПб., 1894. С. 4 [Рассказ «Мальчик и церковный колокол»].
- 318 Правильное название урочища Чертолье.
- 319 Пределы отклонений от указанной пропорции между медью и оловом в колокольном сплаве разумно полагать, исходя из требований благозвучности и долговечности колокола: «Эта пропорция колеблется между 77–80 % меди и 23–20 % олова – такой результат дал неоднократно повторенный химический анализ старых, признанно хороших колоколов» (*Böckeler H.* Beiträge zur Glockenkunde. – Aachen, 1882. С. 111–112).
- 320 Подобные высокие оценки меди, выплавленной на основанных Демидовыми Невьянском и Колыванском заводах, можно встретить и в зарубежной специальной литературе тех лет: «Лучшая медь – сибирская, или русская» (*Böckeler H.* Beiträge zur Glockenkunde. – Aachen, 1882. С. 112).
- 321 1083° С.
- 322 Температура плазмы в шнуре электрической (вольтовой) дуги при атмосферном давлении и силе тока в несколько ампер составляет 5000–6000° абсолютной шкалы температур.
- 323 232°С.
- 324 Кислород в колокольной бронзе образует оксиды Cu_2O и SnO_2 .
- 325 Это ликвация (расслоение металлов в растворе) по плотности (плотность $\text{Cu} = 8,94$, $\text{Sn} = 7,29$).
- 326 Примерно 1,5%.
- 327 Исследования Т.Б. Шашкиной показали, что суммарное количество примесей не должно превышать 1,0%.

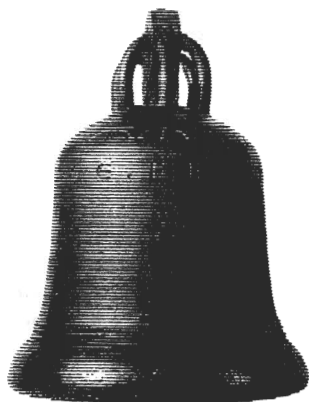

Рис. 1. «Улей»

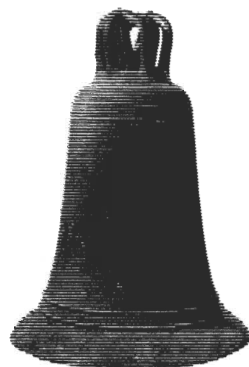

Рис. 2. «Сахарная голова»

- 328 Причина хрупкости – снижение пластичности. Оно обусловлено из-
бытком интерметаллида $\text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$ (при содержании $\text{Sn} > 22\%$).
- 329 «Узкие» формы, которые предшествовали в Европе современной форме
колокола, называются *улей* (или *теофилов колокол*, по имени монаха
Теофила, оставившего описание отливки колоколов такой формы) и
сахарная голова (см. рис. 1, 2).
- 330 В звуке европейского колокола современной формы отчетливо ощу-
щается наличие различных частичных тонов. С тех пор, как сложилась
эта форма, стали предприниматься попытки объяснить этот акустичес-
кий феномен. Рассуждения обычно начинались с того, что колокол (см.
рис. 3; воспроизводится по: *C. Seselschreiber*, рукопись, 1524) мысленно
делился горизонтальными плоскостями на кольцевые зоны (само по се-
бе подобное деление целесообразно: можно провести аналогию между
ним и современным методом конечных элементов, по которому успеш-
но проектируются колокола и анализируется их звучание). Далее пред-

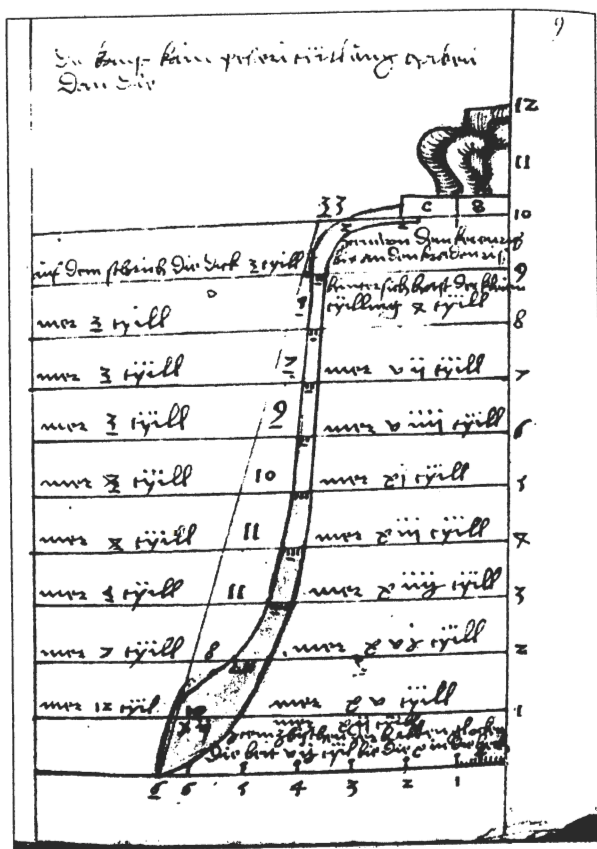

Рис. 3. Кольцевые зоны и их тоны

полагалось, что каждая из полученных зон издает отдельный частичный тон. В русле таких представлений лежат суждения, к которым относится данное примечание (начиная со слов «С акустической стороны колокол можно рассматривать как изогнутую круглую пластину...» — см. 9-ый абзац на с. 398). Однако такие представления не соответствуют действительности. Побуждая колокол издавать лишь один частичный тон (например, приставив к его стенке ножку звучащего хроматического камертона, настроенного на такой тон), можно обнаружить, что вибрирует вся стенка колокола, а не одна какая-то ее часть. При этом некоторые ее точки остаются в покое, и для каждого частичного тона расположение этих точек свое. Они сливаются в узловые линии, пролегающие либо в меридианальных направлениях (меридианы покоя), либо параллельно краю колокола (параллели покоя; среди них особое положение занимает параллель, находящаяся в непосредственной близости от края; на рис. 4 она отмечена пунктиром).

Колебание стенки звучащего колокола можно представить себе как сумму таких элементарных вибраций, называемых модами колебаний. Каждая из них в каждый момент времени имеет определенную амплитуду. Соответственно, звук колокола можно представить как сумму частичных

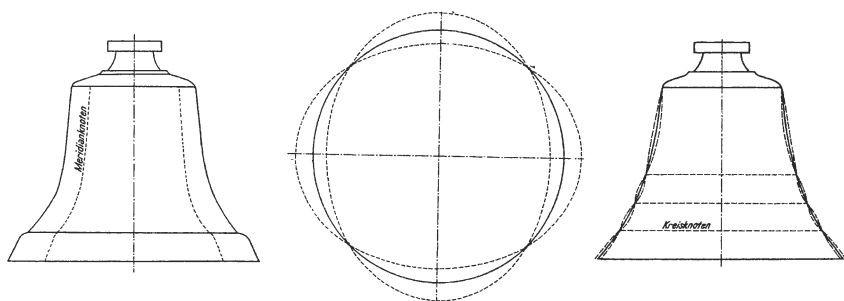

Рис. 4. Звуковые колебания в колоколе

тонов, каждый из которых порождается одной из мод, причем его интенсивность соответствует амплитуде моды. Все эти частичные тона, представленные в координатах «частота–интенсивность», образуют акустический спектр колокола (см. рис. 5). В продолжение звучания колокола он меняется: интенсивность частичных тонов понижается и притом неравномерно, однако частота каждого из них остается постоянной. Называемая Н.И. Оловянишниковым мода колебаний колокола, характеризующаясь четырьмя меридианами покоя и отсутствием параллелей покоя («от удара образуются в нем четыре узловые линии»), — лишь одна из мод, возбуждаемых в колоколе ударом языка о его стенку. Описывая далее эксперименты со смычком, Н.И. Оловянишников косвенно указывает на существование мод с шестью и восемью меридианами покоя.

При строгом геометрическом подобии указанное соотношение между размерами колокола и его весом соблюдаются точно.

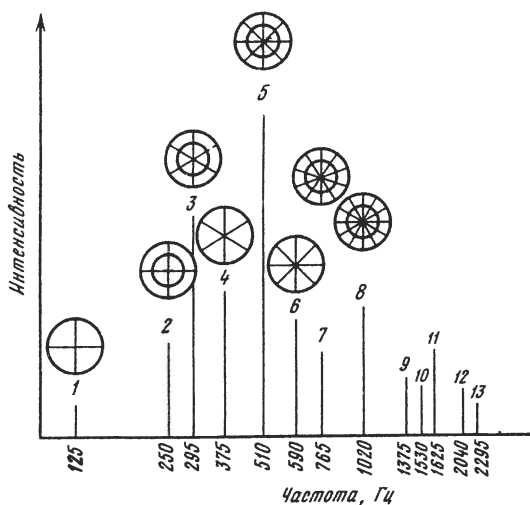
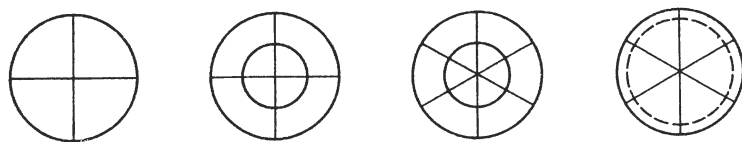

Рис. 5. Акустический спектр колокола

332 Если учесть, что $(1 \frac{1}{4})^3 \approx 2$, то станет ясно, что при увеличении размеров колокола на четверть его вес увеличивается приблизительно в два раза. Подобным образом объясняется и переход к 150-пудовому колоколу от 100-пудового путем увеличения его размеров на одну седьмую: $(1 \frac{1}{7})^3 \approx 150/100$.

333 Существует точка зрения, согласно которой в качестве монументального пленэрного музыкального инструмента рассматривается колоколья (или звонница) с подбором колоколов (Благовещенская Л.Д. Звонница – музыкальный инструмент // Колокола. История и современность. – М., 1985).

334 Так называется резкий, краткий звук, который раздается в момент удара языка о стенку колокола. По нему оценивается и нотруется высота звучания колокола. Определяется на слух путем его сравнения со звучанием хроматического камертона, варьируемым до ощущения совпадения высот того и другого звука. Может отсутствовать в акустическом спектре колокола и потому не фиксироваться акустическими приборами – в этом состоит так называемый парадокс основного тона. Объяснение парадокса, получившее наибольшее признание, таково. Источники музыкальных звуков в большинстве своем имеют акустические спектры, в которых есть частичный тон наименьшей высоты, оцени-

ваемый слуховым аппаратом как высота звука в целом, а далее следуют частичные тона с частотами, кратными наименьшей. В акустическом спектре колокола присутствуют несколько таких частотных рядов; в том из них, что соответствует наиболее интенсивным в момент удара частичным тонам, может отсутствовать частота, кратными которой являются все другие частоты этого ряда. Так, в акустическом спектре колокола, приведенном в примечании 310, есть частичные тона с частотами 510, 765, 1020 Гц, кратными частоте 255 Гц, однако частичного тона с этой частотой нет. В таких случаях слух человека, воспитанный музыкальными звуками с «нормальными» спектрами, субъективно дополняет «обедненный» звук недостающим частичным тоном и принимает его высоту за высоту звучания колокола. Неопытный слух, возможно, такого дополнения не совершит и примет за высоту звучания колокола высоту наиболее интенсивного в момент удара частичного тона – в приведенном примере 510 Гц, поэтому два человека, слыша один и тот же колокол, могут по-разному оценить его высоту – с расхождением в октаву. Как правило, определенный на слух основной тон колокола близок к частичному тону, порождаемому модой колебаний с четырьмя меридианами и одной параллелью покоя (вот почему этот частичный тон именуется примой, более низкий унтертоном, а более высокие обертонами). Нормой считается, когда оба тона – основной и прима – совпадают. Тогда ничего парадоксального в звучании колокола нет. За секунду–другую после удара акустический спектр колокола существенно меняется: частичные тона, наиболее интенсивные в момент удара, уступают в этом качестве другим. Поэтому основной тон колокола, особенно если он не совпадает с одним из частичных, отличается краткостью.

335 В книге ни здесь, ни в других местах не говорится, какая именно теория имеется в виду и в каких источниках она излагается.

336 Можно сопоставить этот абзац с утверждением выше, что гармонически созвучные колокола имеют различные профили, не подчиненные геометрическому подобию. Несоблюдение подобия подтверждается таблицей из книги В.С. Кнаббе «Литейное дело» (Библиотека промышленных знаний. – СПб., 1901. Т. 6. Ч. 6. С. 222), где приведены веса и размеры нескольких гармонически подобранных колоколов: у наибольшего из них отношение толщины боевой части к диаметру составляет 1:14, у наименьшего 1:12,5. Таким образом, нельзя утверждать, что это отношение обусловлено лишь тем, в какое время был отлит колокол.

337 Исправлено. В оригинале: 1:3.

338 См.: *Chladni E.F.F. Schwingungen einer Glocke und überhaupt einer gekrümmten Fläche.* – Leipzig, 1802.

339 Описанные соотношения (см. также 11-й абзац на с. 399) количественно описываются формулой Хладни (*Chladni E.F.F. Op. cit.; Weissenböck A., Pfundner J. Tönendes Erz.* – Graz-Köln, 1961):

$$v_i = \frac{C_i d}{D^2} \sqrt{E/\rho}.$$

где ν_i – частота одного из частичных тонов, издаваемых колоколом, занимающего i -тое место в их ряду; d – толщина стенки колокола (например, наибольшая, то есть в ударной части); D – его размер (например, наибольший диаметр); ρ – плотность сплава, из которого отлит колокол; E – модуль упругости сплава (с этой величиной следует соотносить встречающиеся здесь и в других местах книги слова *жесткость* и *хрупкость*); C_i – коэффициент пропорциональности.

340 Сходные суждения издавна и нередко встречаются в кампанологической литературе, в том числе и в тех источниках, которыми мог пользоваться Н.И. Оловянишников при написании своей книги. Однако эти суждения носят умозрительный характер и не сопровождаются количественными данными соответствующих экспериментов, например: «Как показывает опыт, давление [металла] придает колоколу большую плотность» (*Sprengel P.R. Der Roth-, Stück- und Glockengießer. – Berlin, 1770. С. 56; Krünitz J.G. Glocken, Glockenspiel, Glockenturm etc // Oekonomische Encyclopedie, Bd. 19. – Berlin, 1780. С. 129; цитируемый текст одинаков в обеих книгах*).

341 Акустический спектр колокола определяется профилем его стенки. Всякое изменение этого профиля, в том числе и подточка стенки, вызывает соответствующие изменения в акустическом спектре колокола. Выработанные многовековой практикой эмпирические приемы коррекции этого спектра без нарушения его общей структуры (см. рис. 6) позволяют достичь лишь незначительного, не более чем на четверть тона, изменения частот некоторых частичных тонов (*Arnet J. Praktische Glockenkunde. Sempach, 1927; Weissenback A., Pfundner J. Op. cit.*). На эту незначительность, вероятно, и указывает фраза о невозможности исправить добавочные тона (т. е. унтертон и обертоны).

342 Точное количественное подтверждение таких наблюдений, могли бы дать диаграммы звукового давления в среде, окружающей звучащий колокол. Однако, по всей вероятности, ко времени написания книги таких диаграмм еще не существовало. О методике и некоторых результатах, относящихся к таким экспериментам см.: *Fchroeder H.-J. Optische Schallfelddarstellung mit Phasen und Amplitudenaufzeichnung // Acustica, v. 13 (1963), pp. 92–108*.

343 Всякая волна, в том числе звуковая, меняет свое направление, пересекая границу раздела двух сред различной плотности. Говоря вообще, любая неоднород-

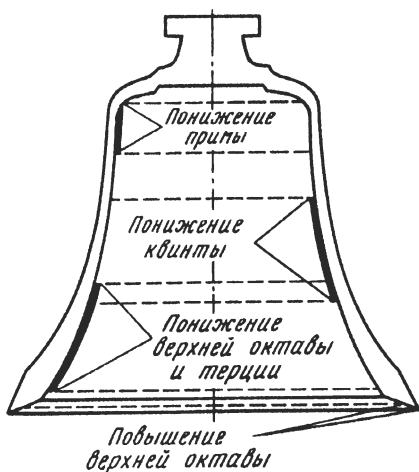

Рис. 6. Зоны возможной коррекции обертонов колокола

ность среды искривляет распространение волн и вызывает их рассеяние. Степень рассеяния тем больше, чем выше частота волны. Неоднородность атмосферного воздуха в значительной мере вызывается неравномерностью, с которой земная поверхность и ее покров нагреваются солнечным светом. Наличие в воздухе мелких частиц иной плотности, нежели он, также является фактором неоднородности. С этой точки зрения становятся понятными сведения о том, что низкие частичные тона колокола слышатся дальше, чем высокие, поскольку рассеиваются слабее; что ночью и в мороз звук колокола кажется более сильным, чем днем и в жару, когда атмосфера становится неоднороднее; что снег задерживает звук и что на него также влияют облака, поскольку то и другое вносят неоднородность в атмосферный воздух.

344 Известна также и другая методика изготовления формы для отливки колокола, когда используется лишь один, но постепенно урезаемый шаблон (см. *Кнаббе В.С. Указ. соч.*).

345 Имеется в виду формовочный песок, применяемый в литейном производстве. Относительно природного песка некоторые руководства по колокольному делу предупреждают: его избыток в глине может привести к тому, что внутренняя поверхность литейной формы при ее контакте с жидким сплавом, заливаемым в форму, станет шелушиться, разрушаться, и это испортит отливку (*Harzer F. Glockengießerei. – Weimar, 1854. С. 109*).

346 В разных отечественных источниках по-разному указывается порядок, в котором литейная форма опускается в яму, удаляется фальшивый колокол и форма ушей приставляется к кожуху (*Н.И. Оловянишников* называет его рубашкой). В ряде источников описывается изготовление литейной формы в яме, в не на ее берегу, как у *Оловянишникова* (ср. *Бабин 1-й. О русских колоколах // «Горный журнал», 1861, № 11; Де Геннин Г.В. Описание уральских и сибирских заводов. – М., 1937; Кнаббе В.С. Указ. соч.; Н.Р. О колоколах // «Московские ведомости», 1850, 27 апр.*).

347 *Теофил* – монах-бенедиктинец. См. прим. 17.

348 См.: *Подчиненнов Н.В. Устройство и установка железной конструкции для привеса колоколов на древней колокольне московского Данилова монастыря. – 1909.*

349 Правильно: 1622 г.

350 Правильно: 1626 г.

351 *Ореанда* – поселок вблизи Ялты в Крыму.

Приложения

Н.Е.Прянишников*

Николай Иванович ОЛОВЯНИШНИКОВ

(Биографический очерк)

Родился Николай Иванович 12 октября (25 по новому стилю) 1875 года в семье Ивана Порфирьевича Оловянишникова, ярославского первой гильдии купеческого сына¹, и жены его Евпраксии Егоровой (урожденной Горошковой). Прадед Николая Ивановича, Иван Порфирьевич Оловянишников, получил по именному указу Николая I потомственное почетное гражданство (см. Приложения). Дед, Порфирий Иванович, превратил традиционное для семьи колокольное производство в современное промышленное предприятие.

Родители поселились в Москве в начале 70-х годов, не прерывая торговых и коммерческих связей с родным городом. В Москве семейство проживало в доме купеческой вдовы Молчановой на Покровке, в Мясницкой части. Ныне это дом под №10.

Николай появился на свет четвертым. Третий сын, Виктор, родился годом раньше, и братья-погодки были очень близки друг другу. Так в семье сложились три возрастных пары: старшая – Порфирий и Иван, средняя – Виктор и Николай, и младшая – Владимир и Георгий. Между девочками Марией и Татьяной было 13 лет разницы по возрасту.

Надо сказать, что еще в семье были дети, умершие в младенчестве. Так, в книгах, фиксирующих сборы за венчики за 1879 год, от 10 мая имеется запись о смерти младенца Владимира, 3-х месяцев. На Леонтьевском кладбище в Ярославле покоится младенец Николай. В метрических книгах за 1894 год сказано, что в половине 6-го утра 6 февраля родился сын Сергей, причем крестным отцом его был города Кронштадта Андреевского собора протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (отец Иоанн Кронштадский). Младенец скончался

---

* Николай Евгеньевич Прянишников является прямым потомком (внуком) Н.И.Оловянишникова, хранителем семейных традиций.

от воспаления оболочек мозга на новый 1896 год и был похоронен на кладбище Алексеевского монастыря.

Крещение младенца Николая было произведено спустя семь дней, 19 октября, в приходской церкви Троицы, что на Грязях у Покровских ворот. Крестил протоиерей Александр Соколов, а восприемниками новорожденного были его дедушка Порфирий Иванович Оловянишников, купец первой гильдии и потомственный почетный гражданин, и его бабушка по материнской линии, тоже потомственная почетная гражданка Ираида Константиновна Горошкова (урожденная Волгина)².

Начальное и среднее образование Николаем было получено в Мужском училище при Евангелическо-Лютеранской церкви святых Петра и Павла, расположенной неподалеку от Покровских ворот в Петроверигском переулке. Состояло оно из трех отделений: начальной школы, реального училища с коммерческим отделением и гимназии. К сожалению, мы не знаем, в каком из двух последних учился Н.И. Оловянишников.

В училище преподавали немецкий и французский язык, давали сведения по коммерческой арифметике, бухгалтерии. Обязательны были Закон Божий, танцы и гимнастика. Душа и тело должны были воспитываться в строгости и работе. О склонности купечества давать детям немецкое образование упоминал в своих воспоминаниях П.И. Щукин. Строгость немецкого обучения (о ней косвенно свидетельствует название переулка, поименованного в честь вериг апостола Петра) должна была компенсировать достаточно благополучное положение богатой купеческой семьи, ее достаток.

Затем Николай Иванович поступил в Императорское Высшее инженерно-техническое училище (ныне имени Н.Э. Баумана), где он получил звание инженера-технолога, а затем его высшее образование было продолжено в Германии.

По окончании Училища Николай Иванович был зачислен рядовым в 7 гренадерский Озмогитский полк на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. К 7-му апреля 1900 года им был пройден курс первоначального военного обучения (с присвоением звания ефрейтора), а уже 1 августа он стал младшим унтер-офицером и, наконец, 20 августа того же года выдержал экзамены на низший офицерский чин – прапорщика запаса.

Во время русско-японской войны был призван в 176 Переволоченский пехотный полк, перемещен в 231 Троице-Сергиевский полк, а 13 января 1913 года уволен из запаса с зачислением в ополчение, в котором и состоял во время начавшейся Первой мировой войны.

За исключением перерыва на воинскую службу и учебу, Николай Иванович все время (1901–1918) проработал в фирме «П.И. Оловянишникова сыновья». Сначала в должности кандидата, а потом – директора. По числу паев среди пайщиков Товарищества он занимал устойчивое второе место после главы фирмы Евпраксии Георгиевны (у нее было 42,5%, у него – около 10%), а по заработной плате вдвое опережал ее, получая 24 тысячи рублей в год. Надо отметить, что, получая зарплату в компании, Николай Иванович, оплачивал проживание в доходном доме Товарищества, о чем сохранились соответствующие квитанции. Эти квитанции впоследствии, в период гонений на купеческие семьи, оченьгодились семье. Ими можно было доказать, что он был рядовым квартиро-съемщиком и не имел в этом отношении никаких преимуществ перед другими жителями.

В компетенции Николая Ивановича было строительство промышленных зданий, разработка технологии производства. Он занимался в основном колокольным и свинцово-белильным заводами, в то время как Виктор Иванович управлял фабрикой церковной утвари, а Иван Иванович ведал финансами. За время работы Николая Ивановича и под его наблюдением велось строительство каменной краскотерки, больницы, механической мастерской, с 1905 года введено электроосвещение, сооружена водонапорная башня. В 1914 году построены двухэтажное здание для прачечной и бани, каменное трехэтажное здание и многие другие сооружения.

Получив хорошее образование, Николай Иванович продолжал учиться самостоятельно. Он ценил и собирал книги. Библиотека из ярославского дома, занимавшая большое число огромных (с размерами от пола до потолка) шкафов, попала впоследствии на Волкушинский завод и состояла более чем из полуторы тысяч томов. Предметом увлечений Н.И. Оловянишникова были искусство и архитектура. В поездках по Европе он более всего ценил возможность посещать музеи, картинные галереи; собирал гравюры. Став сам собирателем, он склонил к коллекционированию и свою жену Александру – она стала собирать национальные женские головные уборы горожанок – кики.

Еще во время учебы Николай Иванович увлекся историей колоколов, связанной с ними мифологией и фольклором, отражающими значение колоколов в русской культуре, а также особенностями технологии литья из колокольной бронзы. Разыскания Николая Ивановича нашли отражение в двух изданиях его книги «История колоколов и колоколотейное искусство», вышедших в 1906 и в 1912 годах.

Первое издание более компактно, зато оно сопровождается развернутой таблицей распространения колоколов фирмы весом более 100 пудов по России и за ее пределами⁵.

Второе издание сильно переработано и увеличено в объеме⁶. Н.И. Оловянишниковым также, по-видимому, составлен список колоколов весом свыше 20 пудов⁷, и, хотя во второе издание список не вошел, чтобы не увеличивать объема книги, он представляет для нас значительную ценность.

2 февраля 1911 года Николая Ивановича принимают в действительные члены Ярославской губернской архивной комиссии (ЯГУАК)⁸, где он сменил в работе своего старшего брата Порфирия Ивановича⁹, умершего в 1909 году и активно работавшего в комиссии еще в XIX веке. Время вступления Николая Ивановича показательно – впереди значительные хлопоты по празднованию 100-летия войны 1812 года и 300-летия Дома Романовых.

6 сентября 1909 года в Троицкой церкви на Грязях, что у Покровских ворот, Николай Иванович обвенчался с дочерью Коммерции советника Александрой Ивановной Пономаревой¹⁰. Брачующиеся были уже людьми зрелыми, Николаю Ивановичу через месяц исполнялось 34 года, а Александре – 29 лет. Супруги принадлежали к соседним приходам. Николай Иванович проезжал в экипаже по Армянскому переулку, следуя из дома Евпраксии Георгиевны в магазин на Никольскую, и иногда видел в окне появлявшуюся Александру Ивановну, бывшую (по многим признаниям) одной из первых красавиц тогдашней Москвы. Поручителями по жениху были братья Виктор и Иван Ивановичи, с которыми у Николая были особо теплые отношения. По невесте согласие дали отец Иван Антонович, и священник церкви Николы, что в Столпах, Петр Иванович Троицкий. В браке было двое детей: Николай – (род. 1910 год) и Ирина (род. 1913 год). Николай Иванович очень любил играть с детьми (это видно по многим сохранившимся фотоснимкам). Он был большим фантазером и однажды предложил детям сделать сад из красок (благо красок в порошке и образцов химического производства в доме было с избытком).

Николай Иванович поддерживал образовательные начинания. Известно, что в ярославской женской гимназии он учредил именную (Шуры Оловянишниковой, своей жены) стипендию, был он и попечителем в объединенном образовательном учреждении – Ярославском городском коммерческом училище имени Ярослава Мудрого и торговой школе. Он был выбран (вместе с Д.Е. Жаковым, И.Ф. Петровым) Ярославским биржевым обществом и утвержден

приказом Министра торговли и промышленности 23 сентября 1911 г. за № 13520 членом попечительского совета на четырехлетие с 2 мая 1911 г.

Кроме того, Николай Иванович был гласным городской думы, (гласным был также выбран двоюродный брат Н.И. – Пантелеймон Сергеевич Оловянишников), а также участвовал в благотворительном «Обществе вспомоществования нуждающимся учащимся Ярославских городских коммерческих учебных заведений», в котором он занимал должность товарища (заместителя) председателя (председателем был Сергей Иванович Вахрамеев). В это благотворительное общество «Товарищество П.И. Оловянишникова Сыновья» входило в качестве коллективного члена, что подразумевало постоянные отчисления на коммерческое образование в городе Ярославле.

Николай Иванович участвовал в общественной жизни Ярославля. Сохранились два его письма к Михаилу Павловичу Чубинскому, директору Демидовского лицея¹². В письмах речь идет о подготовке празднования юбилея Н.В. Гоголя. Николай Иванович, будучи в Москве, занимался его организацией и подготовкой, вел переговоры об участии в ярославских торжествах с И.М. Москвиным, актером Художественного театра, которого никак не отпускал режиссер Станиславский; шла речь о приглашении актера Л.М. Леонидова. Многие, кого Николай Иванович приглашал в Ярославль, были заняты в московских мероприятиях (литературовед В.В. Каллаш, критик Айхенвальд). По рекомендации Каллаша приглашались П.Н. Сакулин, Н.М. Мендельсон. Согласился выступить оперный певец А.И. Разнатовский, а для чтения прозы – актер Малого театра Лебедев. Этот яркий пример участия Николая Ивановича в организации городского праздника в Ярославле показывает его связи с миром культуры и искусства.

Ссылаясь на воспоминания И.К. Хохлова, в книге по истории Волкушинского завода приводятся сведения о смерти Николая Ивановича при переходе границы. Из семейных преданий известно, что после разгрома Ярославского восстания, когда начались жестокие репрессии в городе и расстреливали офицеров и состоятельных горожан (а Николай Иванович относился и к тем, и к другим, да к тому же был гласным городской Думы), он сумел вернуться в Москву, откуда был послан дирекцией фирмы в харьковский филиал (Харьков в то время находился в составе независимой Украины, однако о границе можно говорить с известной натяжкой, скорее, это была линия фронта). Впрочем, подробные обстоятельства смерти Николая Ивановича так и не выяснены. Известно только, что это был 1918 год.

1. Прошение Ивана Порфирьевича Оловянишникова о предоставлении ему права на потомственное почетное гражданство¹⁴
(РГИА, ф. 1343, оп. 39, д. 3442¹⁵, лл.1 и 1 об.):

«27 сентября <1>834

Всепросветлейший Державнейший Великий Государь
Император Николай Павлович Самодержец Всероссий-
ский Государь Всемиловитейший. –

Просит Ярославский первой Гильдии купец и
фабрикант Иван Порфирьев сын Оловяниш-
ников, а о чем тому следуют Пункты.
1-й

*На основании Высочайшего Манифеста, состоявшегося в 10-й
день Апреля 1832го года, числа воспользоваться правом почетного
гражданина потомственно, получил из Ярославской градской думы
Свидетельство, удостоверяющее как о времени Состояния моего и
родителя моего в гильдиях, так и о том, никаким судебным пригово-
ром семейство мое опорочено не было, каковое свидетельство и ко-
пию с него представляя при сем всеподданнейше прошу.*

*Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом
повелено было сие прошение с приложениями Правительствующего
[л. 1 об.] Сената в 1-м Департаменте по Герольдии принять и на пра-
во почетного гражданина потомственного выдать мне с семейством
грамоту;*

*ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ прошу ВАШЕГО Импера-
торского Величества о сем моем прошении решение учинить. Сен-
тября, дня 1834го года к поданию надлежит Правительствующему
Сената в 1 и Департамент по Герольдии прошение сочинял и набело
переписывал Ярославский мещанин Флегонт Иванов Яхантов».*

В конце абзацев и документов текст рукой Ивана Порфирьевича
Оловянишникова: «К сему прошению ярославский первой гильдии ку-
пец Иван Порфирьев сын Оловянишников руку приложил. Житель-
ство имею в городе Ярославле в собственном доме».

В конце первого листа запись: «решено героль<дией> 12 октября
1834-го Д.С.¹⁶. Решение Сенат<a> 18 октября 1834 года».

2. Свидетельство ярославской градской думы, приложенное к прошению И.П. Оловянишникова (РГИА, ф. 1343, оп. 39, д. 3442, л. 2, 2об.):

«СВИДЕТЕЛЬСТВО

По указу Его Императорского Величества дано сие из Ярославской градской Думы ярославскому первой гильдии купцу Ивану Перфирьеву сыну Оловянишникову в том, что данным он прошением просил о выдаче на испрошение по основанию Высочайшаго Манифеста, состоявшегося в 10-й день апреля 1832-го в потомственное почетных граждан сословие грамоты должного свидетельства; после чего с учиненных выправок открылось: что означенный проситель с тысяча восемьсот десятого года при жизни отца Перфирья Григорьева Оловянишникова и с тысяча восемьсот двадцать третьего, по имеющейся за ним посессионной фабрике с особо объявленным капиталом по тысяча восемьсот первой год состоял во второй гильдии, а после смерти отца по заплате наследственного капитала однопроцентных [л. 2 об.] денег с тысяча восемьсот тридцать первого года состоит в первой гильдии, по которой и на сей тысяча восемьсот тридцать четвертой год объявил капитал с имеющимся при нем семейством, а имянно: Женою Ольгою Ивановою, сыновьями, Арсением, Александром, Перфирьем, Иваном и Арсения женой Ольгою Михайловою детьми Николаем и Геннадием, которое Семейство установленны по Гильдиям повинности оплачивало бездоимочно, и в течении более двадцати лет несостоятельности неподпадало, и судебным приговором опорочено не было; в чем градская дума и свидетельствует сентября дватцать первого дня Тысяча восемьсот тридцать четвертаго года.

*Гласный Горошков
Гласный Киселев
Гласный Шапкин*

У сего свидетельства Ярославской
Градской думы Печать
Секретарь Фалин (?)».

3. Грамота Николая I «О присвоении Ивану Порфирьевичу Оловянишникову с потомством сословного звания потомственного почетного гражданина» (РГИА, Департамент герольдии Сената, ф. 1343, оп. 39, д. 3442, л. 11):

**«Божиею милостию
МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ИМПЕРАТОР и САМОДЕРЖЕЦ
ВСЕРОССИЙСКИЙ
и прочая, и прочая, и прочая**

Манифестом НАШИМ в 10-й день апреля 1832 года, установлено сословие Почетных Граждан, на правах в оном предначертанных; а как верноподданный НАШ Ярославский первой гильдии купец Иван Оловянишников, представленными актами доказал право на потомственное Почетное Гражданство, то возводя онаго Ярославского первой гильдии купца Ивана Оловянишникова с потомством в сословие Почетных Граждан, Всемилостивейше повелеваем пользоваться как ему, так и его потомству всеми правами и преимуществами, Манифестом Нашим сему сословиями дарованными; во свидетельство чего повелели Мы сию Грамоту Правительствующему Сенату подписать и Государственной Нашею печатью укрепить. Дана в Санкт-Петербурге ... дня 1834 года».

Примечания:

¹ Купеческим сыном считался неотделивший отпрыск, торговавший вместе с отцом.

² ЦИАМ, ф. 203. оп. 750, дело 30, л. 537 об., 538.

³ РГИА, ф. 23, оп. 28, д. 1338, л. 6 и 6 об.; а также РГИА, ф. 23, оп. 25, д. 250, л. 109; там же, л. 177 об.

⁴ Крупнейший лакокрасочный. – Ярославль, 1970. С. 57.

⁵ История колоколов и колокололитейное дело на заводе П.И. Оловянишникова сыновья. – М.–Ярославль, 1906. 152 стр.; 9 табл.; 8 илл.; 41 п. библи.

⁶ История колоколов и колокололитейное искусство, изд-во Т-ва Оловянишниковых. – 1912. 435 стр.; 11 табл.; 49 илл.; 246 п. библи.

⁷ Список колоколов весом более 100 пудов, отлитых с 1870 по 1905 г. и весом более 20 пудов с 1905 по 1912 г. на заводе товарищества П.И. Оловянишникова сыновья. – Изд. в Ярославле; без даты и указания автора-составителя.

⁸ Труды ярославской губернской архивной комиссии. Книга VII, вып. 1-й. – Ярославль, 1914. С. 65.

⁹ Сохранились сведения об активном участии П.И. Оловянишникова в подготовке к памятной дате – 600-летия кончины Святого и Благоверного князя Федора Ростиславовича Черного (ярославского), где П.И. взял на себя хлопоты по выпуску памятных образков-медальонов и контакты с выпускавшими их фирмой Жако (см. Труды ЯГУАК, кн. VI, вып. 1, Ярославль; с. 117).

¹⁰ ЦИАМ, ф. 2126, оп. 1, ед. хр. 217, лл. 128 и 129 об.

¹² РГИА, ф. 1081, оп. 1, д. 303, лл. 1, 2, 3, 3 об., 4.

¹³ Крупнейший лакокрасочный. – М.–Ярославль, 1970. С. 50.

¹⁴ Документ публикуется с частичным изменением орфографии (с заменой «і», «ъ», «ѣ»), хотя остальные стилистические особенности сохранены. К сожалению, в имеющейся у нас копии отсутствуют дата и месяц выхода документа. Ее можно установить по помете писаря: решение Департамента Герольдии Сената от 12 октября, утверждение 18 октября. Публикация Н.Е. Прянишникова. Выражаю большую благодарность Л.М. Сеселкиной (хранителю РГИА) за разыскание этих документов.

¹⁵ Судя по тому, что в Департаменте Герольдии Сената содержится 13837 дел, число семей потомственных почетных граждан не превысило 14 тысяч. Представители этого сословия могли жаловаться (награждаться) лично Государем за отличия, освобождалось от рекрутской повинности, подушного налога и телесных наказаний.

¹⁶ Департамент Сената.

СИСТЕМА МЕР

в дореволюционной России¹

Меры длины

Верста = 500 сажений или 1067 м

Сажень = 3 аршина или 2,13 м

Аршин = 16 вершков или 3 локтя, или 71,12 см

Локоть² = 38–46 см, виленский локоть = ок. 14 вершков

Пядь = $\frac{1}{4}$ аршина = 4 вершка = 7 дюймов = 17,78 см

Вершок = 4,45 см

Меры площади

Десятина = 2400 квадратных сажений или 1,0925 га

Меры объема

Кадь или бочка (мерная) = 2 половника или 4 четверти,
или 8 осьмин, или 40 ведер (казенных), или 492 литра

Ведро (казенное) = 12,3 л

Меры веса

Барковец = 10 пудов

Пуд = 40 фунтов или 16,38 кг

Гривенка = приблиз. фунт

Фунт = 96 золотников или 32 лота, или 409,51 г

Лот = 3 золотника, или 12,8 г

Золотник = 96 долей или 4,27 г

Доля = 0,044 г

---

¹ Единую систему мер и весов для всей России начал создавать Петр I. В 1845 г. это процесс, в основном был завершен.

² Многие меры различались в зависимости от места, а также изменялись со временем.

Источники: 1) Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. Кн. 1. – М., 1999; 2) Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. I–IV. (2-е изд. – 1880–1882, ..., 1998).

БИБЛИОГРАФИЯ

(дополнительная)¹

- [1] *Афанасьев В.И.* Документальные материалы XVII в. о литейном производстве в России в «Основном собрании грамот» // Проблемы источникововедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. – Л., 1979.
- [2] *Бабин 1-й.* О русских колоколах // «Горный журнал», 1861, № 11.
- [3] *Благовещенская Л.Д.* Звонница – музыкальный инструмент // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 28–38.
- [4] *Благовещенская Л.Д.* Звуковые спектры московских колоколов // Памятники культуры. Новые открытия. 1977. – М., 1978.
- [5] *Благовещенская Л.Д.* Колокола в Сибири // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 217–226.
- [6] *Благовещенская Л.Д.* Колокольни с подбором колоколов и колокольный звон в России. Дисс. кан. искусствовед. – Л., 1989.
- [7] *Благовещенская Л.Д.* Некоторые особенности специфики звучания и восприятия колокольного звона // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 29–37.
- [8] *Благовещенская Л.Д.* Церковные колокола в академической инструментальной музыке // Вопросы инструментоведения. Вып. 3. – СПб., 1997. С. 106–108.
- [9] *Богоявленский С.К.* О Пушкарском приказе // Сборник статей в честь М.Ж.Любавского. – Пг., 1917.
- [10] *Богусевич В.А.* Литейный мастер Михаил Андреев // Новгородский исторический сборник. Вып. 2. – Л., 1937.
- [11] *Богусевич В.А.* Псковские литейщики XVI–XVII в. // «Проблемы истории докапиталистических обществ». – Л., 1934, № 9–10.
- [12] *Болховитинов В. и др.* Рассказы о русском первенстве. – М.: «Молодая гвардия», 1950. С. 138.
- [13] *Бондаренко А.Ф.* Из истории колоколов Покровского собора (храма Василия Блаженного) // Колокола и колокольни. – М.: РГБ, 1994. С. 59.
- [14] *Бондаренко А.Ф.* Колокола династии Моториных конца XVII в. в собрании колоколов Покровского собора // Труды ГИМ. Вып. 100. – М., 1998. С. 185–192.

---

¹ Настоящий библиографический список содержит, в основном, работы, вышедшие после книги Н.И. Оловянишникова «Колокола и колоколотейное искусство», и является дополняющим к библиографии Оловянишникова. – *Ред.*

- [15] Бондаренко А.Ф. Колокола Покровского собора: прошлое и настоящее. – М., 2002.
- [16] Бондаренко А.Ф. Колокол как объект научного исследования // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков. Труды ГИМ. Вып. 127.
- [17] Бондаренко А.Ф. Московские колокола. XVII век. – М.: «Русская панорама», 1998.
- [18] Бондаренко А.Ф. Об эпиграфике московских колоколов XVII века // Сборник Русского Исторического общества. Т. 1 (149). – М.: «Русская панорама», 1999. С. 175–179.
- [19] Бондаренко А.Ф. Производство вестовых колоколов на московском Пушечном дворе в 1657–1666 годах // «Исторический архив», М., 2006, № 5. С. 197–210.
- [20] Бондаренко А.Ф. «Справил монах Александр». Описание колоколов новгородских монастырей второй половины XVII в. // Там же, 2008, № 2. С. 194–210.
- [21] Бондаренко А.Ф. Труд Н.И. Оловянишникова «История колоколов и колоколотейное искусство» как колокольная энциклопедия начала XX века // Колокола и колокольни. – М., 1994.
- [22] Брызгалов В.В., Давыдов А.Н. Колокола на море // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 196–206.
- [23] Вейнер П.П. Беседы о бронзе. – Пг., 1923.
- [24] Вздорнов Г.И. Строительство колокольни СТСЛ // «Архитектурное наследство», 1962, № 14.
- [25] Гидулянов П.В. Церковные колокола на службе магии и царизма. – М., 1929.
- [26] Гордеев В.А. Два новгородских колокола XVI в. из собрания музея-заповедника «Коломенское» // Искусство христианского мира. Т. 4. – М., 2001.
- [27] Горкина А.Н. Колокольные звоны – уникальное явление отечественной культуры // Культура и власть. Сб. ст. VII Всеросс. научно-практич. конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2009. С. 81–86.
- [28] Горкина А.Н. Русские колокольные звоны: особенности музыкальной организации. – М., 2003.
- [29] Горохов В.А. Повседневная жизнь России под звон колоколов. – М., 2007.
- [30] Гуляницкий Н.Ф. Колокол в древнерусской архитектуре // «Архитектурное наследство», М., 1988, № 36.
- [31] Гусева А.Н. Лит сей колокол // «Музыкальная жизнь», 2009, № 8. С. 36–37.
- [32] Давыдов А.Н. Колокола и колокольные звоны в народной культуре // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 7–17.
- [33] Давыдов А.Н. Колокола на русском Севере // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 149–162.
- [34] Дикинсон А. Переборы с вариациями: теория и практика // Узоры симметрии. – М., 1980. С. 69–78.

- [35] *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории... – Киев, 1899.
- [36] *Донской Г.* О церковном звоне. – Новочеркасск, 1915.
- [37] *Дружинин О.Н., Дубровин Н.М., Логовинюк П.И., Сельгеев В.Н.* Исследование и реставрация «Царь-колокола» // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 259–269.
- [38] *Духин И.* Завод отливают колокола // «Московский журнал», 1991, № 8.
- [39] *Духин И.* Дело об ограблении церкви // «Московский журнал», 1991, № 7.
- [40] *Духин И.* Когда били колокола // «Московский журнал», 1995, № 10.
- [41] *Духин И.* Колокольные заводы Москвы. – М., 2004.
- [42] *Есипова М.В.* Колокола Восточной Азии – их функции и семантика // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 236–270.
- [43] *Жолтовский П.Н.* Колокола на Украине // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 163–167.
- [44] Замечания об Иване Великом // Отечественные записки. Ч. 11. – СПб., 1822.
- [45] *Захаров Н.Н.* Кремлевские колокола. – М., 1969.
- [46] Знаменитые колокола России. – М., 1994.
- [47] *Зубова М.В.* Колокола и колокольни западноевропейского средневековья // Колокола и колокольни. – М.: РГБ, 1994.
- [48] *Иванова М.А.* Адаптация Студийской традиции церковного удара в повседневной жизни обитателей Руси в XI–XIV вв. // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. Мат-лы межд. научн. конференции. – М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. С. 496–502.
- [49] *Иванова М.А.* Церковный звон: истоки и традиции. – М., 2010.
- [50] *Иванова М.А.* К вопросу об истоках колокольного звона на Руси // Человек. Культура. Общество. Сб. ст. междунар. научно-практ. конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2009. С. 89–92.
- [51] *Истомин Г.* Ивановская колокольня в Москве. – М., 1893.
- [52] *Кавельмахер В.В.* Большие благовестники Москвы XVI – первой половины XVII в. // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 75–118.
- [53] *Кавельмахер В.В.* Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 39–78.
- [54] *Кирюхина В.А.* Государев колокольный мастер Иван Фальк – создатель колокола Святой Троицы в Никитниках // Филиал Государственного Исторического музея «Церковь Святой Троицы в Никитниках». Иконы и колокол церкви Святой Троицы в Никитниках. – М., 1998. С. 65–71.
- [55] *Кнаббе В.С.* Литейное дело // Библиотека промышленных знаний. Т. VI. Ч. 6. – СПб., 1900.
- [56] Колокола и колокольни. Сборник. – М.: РГБ, 1994.
- [57] Колокола и колокольни Ростова Великого (Сообщения Ростовского музея). Вып. VII. – Ярославль, 1996.

- [58] Колокола. История и современность. – М., 1985.
- [59] Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993.
- [60] Колокольные звоны. Практическое руководство для православных звонарей. – М.: ОО «Красный звон», 1997.
- [61] Кондрашина В.А. Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 79–87.
- [62] Кондрашина В.А. Обучение колокольному ремеслу на московском Пушечном дворе во второй половине XVII в. // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 62–74.
- [63] Кондрашина В.А., Шашкина Т.Б. Большой колокол Саввино-Сторожевского монастыря как научно-технический памятник Древней Руси // Памятники науки и техники. – М., 1981.
- [64] Костина И.Д. К истории создания «Царь-колокола» Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 119–127.
- [65] Костина И.Д. Колокола Ивана Великого // «Наука в России», 1994, № 1.
- [66] Костина И.Д. Кремлевские звоны // «Наука и жизнь», 1993, № 12.
- [67] Костина И.Д. Орнаментация русских колоколов XVI – начала XIX в. из коллекции Гос. Музеев Московского Кремля // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 88–103.
- [68] Костина И.Д. Царь-колокол // «Наука и жизнь», 1992, № 7.
- [69] Костина И.Д. Царь-колокол и его создатели // «Вопросы истории», 1982, № 5.
- [70] Кузнецов И.В. Иван Федорович и Михаил Иванович Моторины // Люди русской науки: техника. – М.: «Наука», 1965.
- [71] Куликов В.И., Софронов В.В. Возрождение звонов колокольной Ивана Великого // Колокола и колокольные. – М., 1994. С. 42.
- [72] Лебедевская А.П. О пушкарских делах Анисима Радищевского // Известия Академии Артиллерийских наук. Вып. XVIII. – М., 1951.
- [73] Ливанова Т. Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры. – М., 1938.
- [74] Лоханский В.В. Русские колокольные звоны // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 18–27.
- [75] Лукьянов Роман, протоиерей. Колокола Свято-Данилова монастыря в гарвардском университете // «Русское возрождение», 1988, № 42. С. 54.
- [76] Любимиров П.Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России в XVII, XVIII и XIX вв. – Л., 1937.
- [77] Макарова С.Е. Трубы, била и колокола как сакральные музыкальные инструменты (К символическому истолкованию «трубного гласа» и «звона») // Музыка колоколов. Сборник исследований и материалов. – СПб., 1999. С. 11–31.
- [78] Мальцев С.А. Виды русских колокольных звонов // Музыка колоколов. Сборник исследований и материалов. – СПб., 1999. С. 32–39.

- [79] Мансветов В.И. Колокола московского Исторического музея и их замечательные надписи, вырезка. – М., 1917.
- [80] Мартышин В.С. Колокольные звоны России. – М., 1990.
- [81] Мишин В.В. Колокола России. – М.: ОО «Красный звон», 1995.
- [82] Музыка колоколов (Сборник исследований и материалов). Серия «Традиционная инструментальная музыка Европы и Азии» / Сост. А.Б. Никаноров. Вып. 2. – СПб., 1999.
- [83] Немировский Е.Л. Андрей Чохов. – М., 1982.
- [84] Никаноров А.Б. Колокола и колокольные звоны Псково-Печерского монастыря. – СПб., 2000.
- [85] Никаноров А.Б., Старостенков С.А. Главные благовестники Новоторжского Борисоглебского монастыря // Вопросы инструментоведения. Вып. 3. – СПб., 1997. С. 104–105.
- [86] Никаноров А.Б., Старостенков С.А. История формирования и музыкальные особенности колокольного набора Новгородского Юрьева монастыря // Музыка колоколов. Сборник исследований и материалов. – СПб., 1999. С. 74–87.
- [87] Никаноров А.Б., Старостенков С.А. Опыт библиографии по русской кампанологии 1785–1940 гг. // Рукописные памятники. Из истории музыкальной культуры. Вып. 5. – СПб., 1999. С. 179–214.
- [88] Нюнин Б.Н., Ларюков А.С. Русский церковный колокол // Колокола и колокольни. – М.: РГБ, 1994. С. 28.
- [89] Оловянишников Н. История колоколов и колоколотейное дело на заводе товарищества П.И. Оловянишникова С-вья. – Ярославль, 1906.
- [90] Оловянишников Н. История колоколов и колоколотейное искусство. Изд. 2-е, дополн. – М.: Изд-ние Т-ва П.И. Оловянишникова С-вей, 1912. 435 с., илл., табл., 297 библ; *то же*. Изд. 3-е (репринт) – М., 1999.
- [91] Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. – М., 1962.
- [92] Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности в России в 1-й половине XVIII в. // Промышленная политика и управление. – М., 1953.
- [93] Пестрецов В.И. Колокольное искусство в общественно-политической и культурной жизни России 2-й половины XIX – начала XX в. // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. Мат-лы межд. научн. конференции. – М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. С. 502–509.
- [94] Петриченко А.М. Книга о литье. – Киев, 1972.
- [95] Плешанова И.И. Колокола псковских литейщиков XVI – начала XVII вв. // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 104–119.
- [96] Плешанова И.И. О зверином орнаменте псковских колоколов и керамид // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. – М., 1968.
- [97] Померанцев Н.Н. Звоны Ростова Великого // «Турист», № 9, 1966.
- [98] Портнов М. Царь-пушка и Царь-колокол. – М., 1990.
- [99] Практическое руководство для звонарей православных храмов. – М., 1997.

- [100] Проблемы, возникающие при возобновлении звонов // Колокола и колокольни. – М., 1994. – С. 24.
- [101] Протоиерей Аристарх Израилев (1817–1901). Труды, публикации, исследования. – М., 2001.
- [102] Пухначев Ю.В. Загадки звучащего металла. – М., 1974.
- [103] Пухначев Ю.В. Колокола в социалистическом городе // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 273–279.
- [104] Пухначев Ю.В. Литье колоколов на русских колокольных заводах // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 155–195.
- [105] Пухначев Ю.В. Поют колокола // «Моя Москва», 1991, № 2.
- [106] Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Изд. 2. Ч. 1. – М., 1962.
- [107] Рубцов Н.Н., Богуславский Г.А. Царь-колокол. – М., 1969.
- [108] Русская Православная Церковь: Монастыри. Энциклопедический справочник / Под общ. ред. архиепископа Бронницкого Тихона. Сост. А.В. Никольский. – М., 2000, 464 с., илл.
- [109] «Русское возрождение», № 72, Нью-Йорк–Москва–Париж, 1998 (II).
- [110] Смоленский С.В. О колокольном звоне в России. – СПб., 1907.
- [111] Смирнов И.А. Часовые колокола Белозерья // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 207–216.
- [112] Смирнова Э.С. Два памятника псковского художественного литья XVI в. // «Советская археология», 1962, № 2.
- [113] Спирина Л.М. О колоколах Троице-Сергиева монастыря // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 120–136.
- [114] Сытин П. Пушечный Двор в Москве в XV–XIX вв. // Московский краевед. Вып. 2 (10). – М., 1929.
- [115] Тосин С.Г. Колокола и звоны России. – Новосибирск, 1998.
- [116] Тосин С.Г. Основные аспекты изучения русского колокольного звона как явления музыкального искусства // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 7–16.
- [117] Тосин С.Г. О жанровой природе русского колокольного звона // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 17–28.
- [118] Тосин С.Г. Размещение колоколов традиционной русской звонницы // Вопросы инструментоведения. Вып. 3. – СПб., 1997. С. 99.
- [119] Тюнина М.Н. Ростовские колокола и звоны // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 137–148.
- [120] Фальковский Н.И. Москва в истории техники. – М., 1950.
- [121] Цветаева А.И., Сараджев Н.К. Мастер волшебного звона. – М., 1983.
- [122] Шатов А.И. О колоколах для церковного звона // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 278–282.
- [123] Шашкина Т.Б. Древнерусские колокола домонгольского времени // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 128–142.
- [124] Шашкина Т.Б. Мотыльный метод колокололитейного ремесла // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 216–237.
- [125] Шашкина Т.Б. Колокольная бронза // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 238–258.

- [126] *Шашкина Т.Б., Галибин В.А.* Памятники древнерусского литья (результаты химико-аналитических исследований) // «Советская археология», 1986, № 4.
- [127] *Шершнев М.Н.* Искусство колоколотейных мастеров Вятской губернии // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 207–213.
- [128] *Шиллинг М.* Новые пути в искусстве литья колоколов // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 271–277.
- [129] *Шишаков В.* Колокола на индустриализацию // «Антирелигиозник», 1930, № 2.
- [130] Энциклопедия «Москва». – М., 1998.
- [131] *Яковлев В.* Колокола в Среднем Поволжье // Вопросы инструментоведения. Вып. 3. – СПб., 1997. С. 100–103.
- [132] *Яковлева Н.П.* Колоколотейное производство в Валдае // Колокола. История и современность. – М., 1985. С. 183–198.
- [133] *Ярешко А.* Колокольные звоны – инструментальная разновидность русского народного музыкального творчества // Из истории русской и советской музыки. Вып. 3. – М., 1978.
- [134] *Ярешко А.С.* Колокольные звоны России. – М., 1992.
- [135] *Ярешко А.С.* Русские православные колокольные звоны в синтезе храмовых искусств. История, стилевые основы, функциональность. – М., 2009.
- [136] *Ярешко А.С.* Творчество А.Н.Скрябина и русские колокольные звоны // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. С. 38–61.
- [137] *Williams E.* The Bells of Russia. – Princeton, 1980.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- А.М. 45
 Августалий, иеромонах 137
 Авель (Ванюков) 110, 440
 Аверин Артемий Иванович 163
 Аверин Феоктист Иванович 163
 Авраамий, игумен 115
 Автоном, боярин 322
 Айхенвальд, критик 478
 Акинфиев 370
 Алевиз Фрязин, итальянский зодчий 210
 Александр I Павлович, рос. имп. 100, 132, 161, 165, 197, 203, 214, 223, 339, 429
 Александр II Николаевич, рос. имп. 68, 96, 99, 101, 140, 161, 233, 304, 305, 307, 309, 378, 379, 389, 429, 445
 Александр III Александрович, рос. имп. 64
 Александр, архиеп. новгородский 93
 Александр Васильевич, кн. суздальский 75, 96, 97
 Александр, игумен 111
 Александр Македонский 144
 Александр Николаевич, вел. кн. 429
 Александр Свирский, св. 317
 Александр, старец 104
 Александр Ярославич Невский, св. кн. 96, 133, 161
 Александра (Шубина), игумения 136
 Александра Иосифовна, княгиня 429
 Александра Николаевна, вел. княжна 140
 Александра Петровна, вел. кн. 309
 Александра, св. 162
 Александра Федоровна, рос. имп. 64, 96, 140
 Алексеев Григорий, часовник 328
 Алексеев И.А. 129, 440
 Алексеев Иван, колок. мастер 226
 Алексей Александрович, вел. кн. 429
 Алексей Алексеевич, царевич и вел. кн. 83, 92, 106, 118
 Алексей Михайлович, царь 53, 54, 68, 82–84, 91, 92, 105, 106, 111, 113, 118, 120, 121, 128, 150, 154, 158–160, 168, 173, 174, 180, 181, 196, 201–203, 234, 298, 326, 350, 354, 357, 383, 384, 445, 452, 461, 465
 Алексей, свящ. 146
 Алексий, митроп. московский 62, 132, 160, 161, 223
 Алексий, протопоп 147
 Алексий, св. 165
 Алляций Лео 454
 Альдерик, епископ монский, св. 40
 Амалер Фортунат 72
 Амбуаз (д) Жорж, кардинал 48
 Амвросий (Лотоцкий Аф.), архим. 120, 121, 440
 Амвросий (Орнатский), архим. 151
 Амвросий, архиеп. 265
 Амвросимов Феодор, свящ. 148
 Аммон И.Ф. 145, 192, 441
 Анастасий, архим. 109
 Анастасия, св. 162
 Андреев Киприан Филиппович, колок. мастер 231
 Андреев Михаил, колок. мастер 484
 Андреев Филипп, колок. мастер 90, 231, 232
 Андрей из Пизы, колок. мастер 40
 Андрей, старец 70
 Андрей Ярославич, кн. 96
 Андроник, св. 165

- Апикин Федор, колок. мастер 53, 456
 Анна Иоанновна, рос. имп. 144, 192, 193, 196, 201, 203, 214, 352, 441, 448
 Анна Михайловна, царевна и вел. княжна 83, 128, 154, 156, 158, 384
 Анна Пророчица, св. 162
 Анонимов И. 349, 442
 Антоний (Стаховский), митроп. 112
 Антоний, архиеп. владимирский 98, 344
 Антоний, архиеп. ярославский 234
 Антоний Печерский, св. 139
 Антоний Римлянин, архиеп. новгородский, св. 28, 29, 43, 89, 448, 454
 Антоний, св. 360, 361
 Антонин (Капустин А.И.) 440
 Антонин о. 32
 Аптушев П.П. 152, 440
 Аполлос (Беляев И.Г.) 127, 440
 Апул, муз. мастер 270
 Араго Д.-Ф. 35
 Аристарх, игумен 115
 Аристов П. 51, 440
 Аркадий, игумен 94
 Аркадий, неромонах 108, 440
 Арканович 51
 Арсений Елассонский, архиеп. 56, 456, 457, 486
 Арсений, еписк. 52
 Арсений, игумен 356
 Арсений, митроп. 426
 Арсеньев Д.О., столыник 227
 Астраханцев Иван Ефимович, колок. мастер 99
 Астраханцев Михаил, колок. мастер 153
 Астров П. 54, 440
 Афанасий, архиеп. казанский 99
 Афанасий, архиеп. колмогорский 351
 Афанасий, архиеп. тобольский 113
 Афанасьев В.И. 484
 Афанасьев Василий, свящ. 155
- Б**
 Бабин 1-й 472, 484
 Бавыка Мина 147
 Багалей Д.И. 45, 440
 Бакмейстер, библиотекарь 84
 Бакулевы, братья, колок. заводчики 9, 99
 Балакирев М.А. 318
 Балашевич Иосиф, колок. мастер 54
 Баранов Микифор, колок. мастер 159
 Бароний 41, 455
 Барсов Е.В. 55, 265, 343, 376, 440, 441
 Барсов П.П. 191, 447, 448
 Барсов Федор, свящ. 316
 Бартенов П.И. 9, 64, 385, 389, 441
 Бартоломей 33
 Барятинский И.Ф., кн. 194
 Батоврина Анисия, игуменья 106
 Бауман Н.Э. 475
 Башилов Я.Д. 115
 Бегичев 155
 Беда Достопочтенный 454
 Белет Жан 71
 Белокуров С.А. 27, 322, 441
 Белон Петр 30
 Белоусов Р. 483
 Бенник Матиас (Beninck Matias), колок. мастер 124
 Бенник Альберт, колок. мастер 166
 Берберини Рафаэль 58, 458
 Берхгольц Ф.В. 145, 191, 192, 341, 441
 Благовещенская Л.Д. 469, 484
 Благовещенский А.А. 146, 441
 Блудов Д.Н., граф 380
 Боборыкин Р.Ф. 91
 Богдан, колок. мастер 52, 455
 Богданов Михаил Гаврилович, колок. заводчик 127, 165, 214, 223–225, 462
 Богданова А.П., колок. заводчица 380
 Богданович Е.В. 132, 441
 Богословский Ив. 126
 Богоявленский В.В. 166, 441
 Богоявленский С.К. 484
 Богусевич В.А. 484
 Богуславский Г.А. 463, 489

Бодянский О. 461
 Болховитинов В. 484
 Болховитинов Е. 441
 Бомон 353
 Бондаренко А.Ф. 9, 14, 15, 439, 456, 457, 459, 460, 484, 485
 Бонифаций VIII, папа 40
 Борзаковский В.С. 348, 441
 Борис, колок. мастер 51
 Борис Федорович Годунов, царь 52, 55–57, 93, 94, 102, 105, 113, 138, 173, 191, 210, 211, 227, 324, 343, 344, 458, 462, 463
 Борисов Афанасий 147
 Борисов В.А. 121, 122, 441
 Борлюйт Жорис 277, 278
 Бородин А.П. 371
 Ботанова Феодора 149
 Брандт Адам 57, 213
 Брант Христофор, часовой мастер 328
 Бриземан-фон-Неттих, ген. 388
 Бруин (де) Корнелий (Корнилий Лебрен) 191, 448, 461
 Брызгалов В.В. 485
 Брюс Яков Вилимович, граф, ген.-фельдмаршал 217, 218
 Булатова, генеральша 143
 Бумажников Василий Алексеевич, купец 155
 Бунтей Филипп 87
 Буовен Рене, колок. мастер 48
 Бутурлин А.Б., ген.-адъютант 114, 134
 Бухвостов П.А. 351

В

Валуев П.С. 358, 359, 360
 Вальсамон Федор 31
 Варлаам, еписк. великоустюжский 118
 Варлаам, игумен 91
 Варлаам, иеромонах 77
 Варлаам, казначей 94, 131
 Варлаам, митроп. новгородский 94
 Варлаам, митроп. ростовский 158,

427
 Варлаам, старец, св. 94
 Варсонофий (Суцев С.В.), инок 98, 129
 Варсонофия (Бутурлина), игуменния 157
 Василий III Иванович, вел. кн. 44, 53, 94, 168, 210, 226, 463
 Василий IV Иванович Шуйский, царь 91
 Василий, архиеп. новгородский 51
 Василий Македонянин, византийский имп. 41, 455
 Василий Михайлович, кн. тверской 348
 Василий Сменович, протопоп 99
 Васильев Богдан, колок. мастер 53, 150, 456
 Васильев Ермолай, колок. мастер 92
 Васильев Тимофей, свящ. 87
 Васильев Федор, колок. мастер 106
 Ватер Джон, рудознатец 53
 Ваучский А., свящ. 87, 441
 Вахрамеев С.И. 478
 Вацлик В.А., издатель 318
 Вегеварт Килиан 459
 Вейнер П.П. 485
 Величков А.Н. 379, 443
 Вельтман А.Ф. 211, 226, 441
 Веневцев В.И., купец 127
 Венедикт, еписк. ревельский 124
 Венедикта (Пушкина), игуменния 157
 Венерабль Бэд 74
 Вениамин (Краснопевков), архиеп. 454
 Вениамин, архип. коломенский 194
 Вениамин, еписк. архангельский 118
 Вениамин, иеромонах 111
 Венсена Жан 74
 Вера, св. 162
 Вердонин Никифор, колок. заводчик 153
 Веревкин Иван, колок. мастер 430
 Веревкин Игнатий, колок. мастер 430
 Веревкин Ксенофонт, колок. мастер

161

Верещагин М. 126
 Веригина А.П. 99
 Верховский Т.А., протоиерей 69, 70, 350, 441
 Веснин Петр, староста 233
 Вздорнов Г.И. 485
 Виктор, еписк. 107, 142
 Виктор, казначей 165
 Виктор, рудознатец 53
 Виниус Андрей, думный дяк 215, 217
 Владимир I Святославич Святой, св. равноап. кн. 133, 162, 226
 Владимир Волынский, кн. 50
 Владимирский А.С. 301
 Власий 78, 79, 80
 Воин Тимофей, колок. мастер 53, 456
 Волконский, кн. 168
 Воробьев Аким, колок. мастер 116
 Воронцов Михаил Семенович, кн. 386, 387, 388
 Воронцова, княгиня 387, 388
 Воротынская Мария Петровна, кн. 158
 Воротынский Александр Иванович, кн. 102, 103
 Воротынский Алексей Иванович, кн. 158
 Воротынский Иван Михайлович, кн. 158
 Воротынский Михаил Иванович, кн. 64
 Вос (де) Бавон 276
 Всеслав Брючиславич, кн. полоцкий 43, 347
 Вязломцев Петр, староста 100
 Вячеслав, св. кн. 162

Г

Гавриил, архиеп. новгородский 136
 Гаврилов Иван, свящ. 154
 Гаврилов Яким, колок. мастер 53, 457
 Гагарин Е.Г., кн. 353
 Галактион, старец 131
 Галибин В.А. 490

Галовой Христофер, часовой мастер 325, 327
 Гарнов (Гарнель, Garnault) Яким, часовой мастер 328
 Гартман Георг 400
 Гаршин В.М. 13, 368, 369, 442
 Гастев М.С. 329, 442
 Гвариент Игнатий Христофор 183, 444, 461
 Гельмгольц Г. 464
 Геннадий (Беляев), архим. 158
 Геннин (де) Г.В. 472
 Георгиевский Н.Г. 145, 442
 Георгиевский Н.И. 145
 Георгий (Дашков), архиеп. 229
 Георгий, архиеп. тобольский 344, 346
 Георгий Иванович, вел. кн. 94
 Георгий, св. 162
 Герасим, архим. 120
 Герберштейн (фон) С. 349, 442
 Гермоген, архим. 165
 Гермоген, еписк. 69
 Гермоген, митроп. 221
 Герольд, рудознатец 53
 Геронтий (Кургановский), архим. 442
 Геронтий, митроп. 62
 Гете И.В. 261
 Гетье 402
 Гидулянов П.В. 485
 Гиляровский В. 389, 442
 Глазунов А.К. 371
 Глазунов И.И. 306
 Глинка М.И. 292, 370, 371
 Глухаревы И.И. и Б.И. 130
 Гогара Василий 363
 Гоголь Н.В. 478
 Годовиков И.Ф. 110, 442
 Годунов Алексей Никитич, стольник 105
 Годунов Борис См. Борис Федорович
 Годунов, царь
 Годунов Григорий Васильевич, боярин 103
 Годунов Димитрий Иванович, боярин 105, 106

Годунов Иван Иванович 105
 Голицын Василий Василиевич, кн. 149
 Головин В.В. 115
 Головин В.П. 115
 Головин Г.П. 115
 Головин П.В. 115
 Головины 444
 Головкин Александр Гавриилович, граф 331, 334, 335
 Головкин Иван Александрович, граф 336
 Голубков Алексей, купец 137
 Голубкова Елена, купчиха 137
 Горбошин Василий Иванович, кн. 107
 Гордеев В.А. 459, 485
 Гордиан, игумен 167
 Горихвостов Григорий Иванович 148
 Горкина А.Н. 485
 Горностаев, проф. 371
 Горохов В.А. 485
 Горошков 480
 Горошкова Ираида Константиновна (урожд. Волгина) 475
 Горсей Джером 183, 184, 442
 Горский А.В. 442
 Горст Генрих Тор 159
 Граве (де) И.А. 81
 Граер Вилим 325
 Григорий (Воинов-Березовский И.И.), арх. 164, 165, 442
 Григорий IX, папа 39
 Григорий, архиеп. казанский 101
 Григорий Великий (Двоеслов), папа, св. 70, 458
 Григорий Турский, св. 34, 454
 Григоров С. 219
 Григорьев Александр, колок. мастер 53, 82, 83, 150, 456, 460
 Григорьев Матфей, колок. мастер 103
 Григорьев Прокофий, колок. мастер 146
 Грязнов А.Ф. 425
 Губин Богдан, дяк 146
 Губин Василий Богданович 146

Гулэн Жан 40
 Гуляницкий Н.Ф. 485
 Гундобин П.И. 112, 442
 Гусева А.Н. 485
 Гюго В. 72, 360
 Гюйсман Ж.К. 278, 279, 281, 442, 464

Д

Давыдов А.Н. 485
 Даль В.И. 483
 Даниил, игумен 363, 448
 Данило (Даниил Галицкий), кн. 50, 455
 Данилов Андрей, колок. мастер 53, 456
 Данилов Евсей, колок. мастер 53, 456, 457, 460
 Данилов Емельян, колок. мастер 53, 225, 234, 456, 460, 461
 Данилов Кирша 268, 271, 442
 Дебосис Павлин (Павел), колок. мастер 456
 Дебоше Павел, колок. мастер 52, 53
 Дедиков Ф.А., стольник 97
 Демидов Акинфей Никитич, заводчик 90, 112
 Демьянов Г.П. 60, 347, 357, 373, 442
 Денисов Л. 442
 Десланд 35
 Диев М.Я. 442
 Дикинсон А. 485
 Димитрий Ростовский, св. 162
 Дионисий, игумен 138
 Дмитриевская Е. 377, 443
 Дмитриев Антип, колок. мастер 139
 Дмитриевский А. 456, 457, 486
 Дмитрий Борисович, кн. ростовский 50, 72
 Дмитрий Иванович, царевич 55, 113, 343, 344, 345, 346, 347
 Дмитрий, кн. 51
 Дмитрий, митроп. ростовский, св. 154
 Дмитрий Самозванец 56, 57
 Добродеев С., издатель 309, 448
 Доброхотов В.И. 97, 443

Долгов С.О. 363, 445
 Долгоруков В.А., кн. 390
 Долгоруков-Крымский В.М., кн. 222
 Долматов, дьяк 348
 Донской Г. 486
 Досифей (Немчинов), архим. 102, 104, 105, 443
 Досифей, еписк. 69
 Досифей, пустынник 264, 265
 Дружинин О.Н. 486
 Дубинин Семен, колок. мастер 52, 455
 Дубинин Яков, колок. мастер 53, 54, 457
 Дубровин Н.М. 486
 Дурасов Петр Харитонович 150
 Духин И. 486
 Дьячков А.Н. 451
 Дьячков Ян, колок. мастер 93
 Дюканж 30
 Дюран Гильом 40, 71
 Дюрталь 278, 280

Е

Евгений, архиеп. ярославский 345, 346
 Евгений, митроп. киевский 46
 Евдокимов Димитрий, колок. мастер 111
 Евдокимов Петр, колок. мастер 103
 Евдокия Алексеевна, царевна и вел. княжна 83
 Евдокия Лукияновна, царица 128, 150, 154, 156, 157, 384
 Евникея (Плещеева), старица 157
 Евпраксия, игумения 138, 139
 Евсвий (Леонов), иеромонах 158
 Евфимий, еписк. новгородский 323
 Евфимий, игумен 51, 109
 Екатерина I Алексеевна, рос. имп. 223
 Екатерина II Алексеевна Великая, рос. имп. 60, 61, 68, 103, 132, 139, 140, 144, 148, 157, 163, 223, 225, 329, 357, 359, 452
 Екатерина Алексеевна, царевна и вел.

княжна 83, 426, 428
 Екатерина Михайловна, вел. княжна 141
 Екатерина, св. 162
 Екимов Григорий, колок. мастер 457
 Елена Павловна, вел. княгиня 141
 Елена, св. царица 162
 Елизавета Алексеевна, рос. имп. 100, 165, 309, 426
 Елизавета Михайловна, вел. княжна 141
 Елизавета Петровна, рос. имп. 81, 111, 141, 148, 154, 157, 163, 208, 223, 330, 426, 462
 Елизавета, св. 162
 Ермолаев А.И. 84
 Ершов Семен 130
 Есипов Г.В. 358, 360, 443
 Есипова М.В. 15, 486
 Ефросин, архим. 122

Ж

Жако 482
 Жаков Д.Е. 477
 Жан Беррийский, герцог 72
 Жан из Пизы, колок. мастер 40
 Женев Б. 183, 444
 Жирарден 265, 396
 Жихарев Логин, колок. мастер 54
 Жолтовский П.Н. 486
 Жуковский В.А. 376

З

Забелин И.Е. 45, 51, 53, 211, 212, 213, 327, 330, 355, 443, 456, 462
 Заборский 120
 Забродский Д.И. 114
 Завьялов Яков, колок. мастер 155, 165, 225, 463
 Загряжский 53
 Зайцев Ф.Ф., купец 380, 381
 Закревский Н.В. 46, 322, 443
 Зандт фон Мерле Яков 117
 Зани Эрколе 213, 462
 Засецкий 160
 Затрапезнов Д.М., заводчик 426, 427

Затрапезнов И.М. 426
 Затрапезнов М.С. 426
 Захаров Иван, часовой мастер 164
 Захаров Н.Н. 486
 Захарченко М.М. 65, 443
 Захарынн Иосиф 107
 Зверинский В.В. 170
 Земский Даниил Яковлевич 164
 Зефирова Павел Иоаннович, свящ.
 315, 316, 318
 Зосима, иеродиакон 363
 Зосима, иеромонах 76, 77
 Зосима Соловецкий, св. 27, 162, 264,
 454
 Зубов П.Н. 390
 Зубов, полковник 155
 Зубова М.В. 486

И

Иаков (Певницкий), игумен 130
 Иаков, монах-пушкарь 45
 Ивакин И. 461, 462
 Иван (Прусского Заполья), колок.
 мастер 93, 171
 Иван I Данилович Калита, вел. кн.
 210, 348
 Иван III Васильевич, вел. кн. 75, 349,
 356, 371
 Иван IV Васильевич Грозный, царь
 51, 55, 75, 76, 80, 89, 93–95, 98, 102–
 104, 107, 122, 127, 129, 146, 156,
 158, 170–172, 183, 186, 192, 211,
 221, 226, 264, 323, 342, 343, 347,
 382, 384, 441, 446, 459, 463
 Иван V Алексеевич, царь 60, 68, 83,
 87, 105, 113, 122, 131, 152, 156, 159,
 222, 230, 231
 Иван Иванович, царевич и вел. кн.
 93, 104
 Иван Михайлович, кн. тверской 51
 Иван Михайлович, царевич и вел. кн.
 128, 156, 157
 Иван, пономарь 271
 Иван, рудознатец 53
 Иван с Городища, колок. мастер 93
 Иванлов Васка, колок. мастер 351
 Иванов Антип, бурмистр 98
 Иванов Василий 147
 Иванов Василий, колок. мастер 94
 Иванов Григорий, диакон 100
 Иванов Григорий, колок. мастер 148,
 160, 161
 Иванов Григорий, протопоп 88
 Иванов Дмитрий, слесарь-самоучка
 297
 Иванов Иахим, колок. мастер 94
 Иванов Иван, свящ. 100
 Иванов Иоанн, протоиерей 126
 Иванов Митяй с Городища, колок.
 мастер 98
 Иванов Осип, колок. мастер 53, 457
 Иванов П.И. 67, 441, 447
 Иванов Терентий, служитель 77
 Иванов Харитон, колок. мастер 53,
 456, 463
 Иванова М.А. 14, 486
 Иванцов Дмитрий, слесарь 464
 Иванчин-Писарев Н.Д. 76, 168, 169,
 443
 Игнатий, архим. 306
 Игнатий, колок. мастер 52, 455
 Игнатий Ростовский, св. 234
 Игнатъев Михаил, свящ. 153
 Иероним, игумен 129
 Иерофей (Добрицкий И.М.), архим.
 127, 128, 443
 Израилев А.А., протоиерей 130, 152,
 203, 204, 226, 243–246, 248, 286,
 297, 298, 303, 306–309, 311–313,
 315, 317, 318, 405, 430, 442, 443,
 448, 450, 462–465, 489
 Израиль, свящ. 110
 Изяслав Мстиславич, вел. кн. 347
 Иисус Навин 454
 Илиодор, иеромонах 69
 Илия, прор. 317
 Илларион, игумен 129
 Иннокентий, архим. 124
 Иннокентий, иеромонах 77
 Иоаким, архиеп. 229
 Иоаким, архим. 107, 126
 Иоаким, патр. московский 92, 227,

- 231, 447
 Иоанн (Алаторцов), монах 111
 Иоанн I Данилович Калита 51 *См.*
 Иван I Данилович Калита, вел. кн.
 Иоанн III *См.* Иван III Васильевич,
 вел. кн.
 Иоанн IV *См.* Иван IV Васильевич
 Грозный, царь
 Иоанн XIV, папа 72
 Иоанн Богослов, св. 141
 Иоанн, диакон 455
 Иоанн, еписк. суздальский 51
 Иоанн, еписк. устюжский 118
 Иоанн, игумен 137
 Иоанн Кронштадский (Сергиев
 И.И.), св. 474
 Иоанн Лествичник 462, 463
 Иоанн Предтеча, пророк 137, 161,
 223
 Иоанн, свящ. 88
 Иоанна Креститель 214
 Иоасаф (Гапонов В.С.), иеромонах
 107, 443
 Иоасаф, патр. 128
 Иов, игумен 168
 Иов, патр. 94, 171
 Иоганнес Мартин, скипер 336
 Иоганс Младший, датский герцог 58,
 59, 458
 Иона III Сысоевич, митроп. ростовс-
 кий 229–235, 298, 308, 321
 Иона, игумен 171
 Иона, инок 363
 Иона Маленький, диакон 28, 452
 Иона, митроп. моск. 132, 161
 Ионаф, архиеп. 312
 Ионафан, архиеп. ярославский 316
 Иорь Иульян, колок. мастер 75
 Иосаф, патр. московский 83, 158
 Иосафат Кунцевич, еписк. 349
 Иосиф (Годунов И.В.) 105
 Иосиф (Левицкий И.) 444
 Иосиф, архим 88
 Иосиф, игумен 88, 95
 Иосиф, патр. 68, 97, 225
 Иосиф, протоиерей 109
 Иосиф, св. 263
 Ираида (Милькова), казначея 157
 Ирина Михайловна, царевна и вел.
 княжна 83, 128, 150, 156, 158
 Ирина Федоровна (Годунова), цари-
 ца 89, 93, 103
 Иса, митроп. 188
 Исаакий Далматский, св. 133
 Исаев П.Ф. 306
 Исаия Ростовский, св. 234, 306
 Исидор, митроп. новгородский 91,
 137, 138, 284, 306
 Истомина Г. 486
- К**
 К.И. 307
 Кабанес О. 250, 444
 Кавельмахер В.В. 455, 457, 463, 486
 Казанский П.С. 19, 27, 30, 48, 109,
 115, 365, 444
 Какаш Стефан 58, 458
 Калайдович К.Ф. 444
 Калачов Н.В. 146, 441
 Калинин Никифор, колок. заводчик
 155, 156
 Каллаш В.В., литературовед 478
 Камбрэ, архиеп. 38
 Канищев Колиник Васильевич,
 подъячий 129
 Канкрин Е.Ф., мин. фин. 141
 Караджич Вук Стефанович 380
 Карамзин Н.М. 45, 52, 55, 57, 113,
 323, 346, 348, 349, 356, 382, 444,
 458, 465
 Карл VI, австрийский имп. 262
 Карл XI, шведский король 168
 Карл Борромейский, св. 40
 Карл Великий, имп. С. Римской им-
 перии 48
 Карл Лорренский, кардинал 250
 Карнин, диакон 126
 Каровская Н.С. 14
 Карпов Артемий 147
 Карпов, прав. канц. 360
 Карэ, звонарь 278, 279, 280
 Кассиан, инок (вел. кн. Константин)

- Каталимов Василий, колок. мастер 165
 Катберт (Cutbert), аббат 39
 Качановский В. 59, 444
 Кеммер Ганс (Kemmer Hans), колок. мастер 124
 Кильбургер Иоганн Филипп 461, 462
 Киприан, митроп. 64
 Кир-Иоаким, патр. московский 150, 230
 Кирилл (Шиколярц К.А.), иеромонах 380
 Кирилов Алексей, свящ. 155
 Кирилов И.А., дьяк 160
 Кирилова И.С. 160
 Кирюхина В.А. 486
 Киселев 480
 Киссель Ф. 330, 444
 Кичигин Константин Никитич, колок. мастер 379
 Классовский В.И. 18, 23, 444
 Клейман из Любека, колок. мастер 167
 Кленк (ван) Конрад 183, 461
 Клинов А.В., купец 143
 Клотар 41, 42
 Кнаббе В.С. 470, 472, 486
 Княжевич Д.М. 377, 444
 Кованьк И. 53, 444
 Козьма III, герцог Тосканский 461, 462
 Кольбергер (Кильбургер) 182, 213
 Коляда Е.И. 453
 Коморский Д.Ф. 250, 444
 Комсин Симеон Иванович, стольник 153
 Кондаков Н.П. 30, 444
 Кондратьев И.К. 194, 203, 212, 444
 Кондрашина В.А. 14, 459, 487
 Конкордин А.И., свящ. 171, 444
 Конон, свящ. 146
 Кононов Дмитрий, колок. мастер 93
 Константин I Великий, византийский имп. 33, 137, 454
 Константин Борисович, кн. ростовский 72
 Константин Михайлович, кн. тверской 348
 Константин Николаевич, вел. кн. 140, 301, 302, 309, 429
 Константин, св. царь 162
 Корб Иоганн Георг 183, 444, 461
 Коренев Николай Ильич, часовой мастер 164
 Корнилий, митроп. новгородский 66, 92
 Коробейников Трифон 363, 445
 Коробов, секр. посольства 336
 Короленко В.Г. писатель 285
 Коротков В.Н. 161
 Корсунский Н.Н. 19, 25, 71, 367, 376, 394, 445
 Косаткин В.В. 445
 Костер Асвер (Koster Assuerus), колок. мастер 104, 146
 Костина И.Д. 463, 487
 Костычев С.Ж. 108
 Котельников, купец 111
 Котельников Николай, колок. мастер 126
 Котошихин Г.К. 445
 Красносельский В. 379, 445
 Кретьен Матюроль 74
 Кречетников, ген. 60, 61
 Крок Иван Иванович 338
 Крылов А.П. 109, 445
 Крылов И.З. 67, 445, 458
 Ксения Борисовна Годунова, царевна 138
 Ксения, св. 162
 Кудрявцев Г.А. 389
 Кудрявцев Тимофей, стольник 98
 Кузмин 1-й, колок. мастер 52
 Кузнецов И.В. 445, 487
 Кузнецов Максим 343
 Кузьмин, колок. мастер 455
 Куликов В.И. 487
 Куприн А.И. 13, 365, 445
 Кюи Ц.А. 371
 Кюммель О. 22

Л

Лаврентий (Мордовский), игумен 445
 Лаврентий, архим. 95
 Лавров Н.Ф. 216, 217, 445
 Лавров, псаломщик 162, 163
 Ладыгин Михаил Матвеевич, колокол. мастер 147, 155, 157, 159
 Лазарь (Баранович), архиеп. черниговский 152
 Лазарь (Кобяков), наместник 158
 Лазарь, монах с Афона 323
 Ламантиньер (де) П.М. 59, 442, 458
 Ланевский, архим. 123
 Ланежский Иван Лукич 168
 Лапшин 115
 Ларюков А.С. 488
 Лебедев, акт. 478
 Лебедев Клавдий Васильевич, худ. 371
 Лебедев Михаил, псаломщик 316
 Лебедеянская А.П. 487
 Левиков Феодор, диакон 316, 317
 Левицкий И., свящ. 106, 445
 Левкий, архим. 150
 Левшин А.Г. 445
 Леклер Петр, колокол. мастер 144
 Леонид (Кавелин Л.А.), архим. 28, 76, 77, 110, 111, 115, 116, 120, 126, 127, 445, 446, 452
 Леонидов Л.М., актер 478
 Леонтий Ростовский, св. 234
 Леонтьев Василий, колокол. мастер 53, 92, 457
 Леонтьев Вукол, свящ. 155
 Леонтьев Семен 217
 Леонтьев Семен, колокол. мастер 54, 140
 Леонтьев Феодор, колокол. мастер 92
 Леонтьев Яков, колокол. мастер 53, 92, 457
 Леопольд, св. 263
 Лепехин Семен Алексеевич, купец 165
 Лествицын В.И. 446
 Лефорт Франц Яковлевич, адм. 328

Лжедмитрий 357
 Ливанова Т. 487
 Линдемман И.К. 169, 446
 Лобанов М.Е. 61, 452
 Лобанов-Ростовский, кн. 168
 Ловягин А.М. 461
 Логовинюк П.И. 486
 Лоханский В.В. 487
 Лу, еписк. орлеанский 41
 Луазо Вилегдьи Лазарь 74
 Лукьянов Роман, протоиерей 487
 Львов, кн. 167
 Львов П.И., князь 84, 459
 Любавский М.Ж. 484
 Любау Иван, часовой мастер 328
 Любецкий С.М. 446
 Любомиров П.Г. 487
 Людовик XIV, франц. король 249

М

Магницкий О.Н. 15
 Магнус, датский принц 146
 Магомет II, турецкий султан 41, 444
 Мазепа И.С., гетман 222
 Майер Андрей 117
 Майерн (де) Августинус См. Мейерберг (фон) Августин
 Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп. 43, 70, 88, 90, 166, 168, 220, 446
 Макарий, архиеп. новгородский 55, 94, 168
 Макарий, игумен 127
 Макарий, митроп. московский 93, 103, 107, 158, 300
 Макарий, митроп. новгородский 92, 93, 168
 Макарий, патр. Антиохийский 83, 177, 179, 180, 189–191, 447, 465
 Макарий, св. 427
 Макарий, старец 88
 Макаров Алексей Васильевич, кабинет-секр. 217
 Макарова С.Е. 487
 Маклин (ван-дер) 361, 362
 Максимила (Волконская), казначей 157

- Максимов Игнатий, колок. мастер 53, 456
 Максимов С.В. 446
 Максимович Л.М. 156–158, 356, 446, 452
 Макушев, консул 381
 Макшеев Иван, стольник 155
 Малов Е.А., протоиерей 99–101, 446
 Мальцев С.А. 487
 Мальчина Е.Д. 130
 Малюта Скуратов (-Бельский), думный дворянин 382
 Мамонтов С. 382, 446
 Мансветов В.И. 488
 Мансуров П.Б. 141
 Мантегацца Паоло 367
 Маншон Жан, колок. мастер 48
 Маргарита (Румянцова), наместница 157
 Маржерет Я. 356
 Мария Алексеевна, царевна и вел. княжна 83
 Мария, игуменья 98
 Мария Ильинична, царица 83, 92, 95, 106, 118, 138
 Мария Магдалина, св. 162
 Мария Михайловна, вел. княжна 141
 Мария Нагих, царица 55, 441
 Мария Николаевна, вел. княжна 140
 Мария Феодоровна, рос. имп. 139
 Марк, митроп. 221
 Маркелл, архиеп. вологодский 111
 Маркиан (Ярцов), архим. 104
 Марков А.В. 60, 446
 Мартин V, папа 260
 Мартирий, монах 77
 Мартынов А.А. 82, 161, 163, 192, 223, 264, 356, 357, 384, 446, 450
 Мартышин В.С. 488
 Мартыаша, лит. мастер 217
 Марфа Алексеевна, царевна и вел. княжна 83
 Марфа Борецкая (?), посадница 349
 Марфа Ивановна, инокиня 81, 158, 383
 Марфа Матфеевна, царица 230, 231
 Марченко 379, 381, 446
 Маскевич 57, 450
 Масленик Ерофей Тимофеевич, колок. мастер 170, 460
 Масленик Илия Тимофеевич, колок. мастер 460
 Масленик Петр Тимофеевич, колок. мастер 170, 460
 Масленик Тимофей, колок. мастер 170
 Масса Исаак 60, 458
 Матвеев Данила, колок. мастер 106, 456
 Матвеев Дмитрий, колок. мастер 91
 Матвеев Иван, колок. мастер 91, 103
 Матвей Прозорливый 28
 Маторин См. Моторин
 Матфиев Федор 128
 Маурин Петр Давыдович, колок. мастер 316
 Медведев Сильвестр 355
 Мейербер, комп. 371
 Мейерберг (фон) Августин, барон 179, 181, 182, 327, 460, 461, 465
 Мек-Элайз Андрус, капитан 361, 362, 363
 Мекензи Уоллес 210, 446
 Мелетий, иеромонах 30, 446
 Мелех Даирович, наместник 95
 Мельхиседек (Сокольников), архим. 65, 110, 142, 446
 Мельцель 242
 Мендельсон Н.М. 478
 Меншиков Александр Данилович, светл. кн. 328, 352
 Метей, пасынок Ивана (Прусского Заполья) 93
 Мехмет-паша 381
 Мещерский, кн. 115
 Миллер Г.-Ф., историк 57, 84, 166
 Миллер Друнк, часовой мастер 331, 337–339
 Милов, купец 143
 Милославский Иван Андреевич, кн. 168, 383
 Милославский Илья Данилович, кн.

383

Милоков А.П. 390
 Миначек Иван, колок. мастер 128
 Миних Б.К., фельдмаршал 193
 Милов Феодор, свящ. 317
 Мирэ А. 449, 464
 Мисаил, архим. 94
 Мисаил, игумен 170, 460
 Митрофан, казначей 94
 Митрофанов Григорий Алексеевич, колок. мастер 137
 Михаил, архим. 111
 Михаил Васильевич Горбатый, кн. 95
 Михаил, византийский имп. 41, 455
 Михаил Малеин, св. 427
 Михаил Николаевич, вел. кн. 140, 429
 Михаил Павлович, вел. кн. 141
 Михаил Федорович Романов, царь 53, 59, 67, 81, 84, 91, 95, 106, 128, 150, 154, 156–158, 163, 166, 182, 211, 212, 225, 325, 326, 343, 357, 383, 384, 427, 447, 457
 Михайлов Андрей, колок. мастер 95
 Михайлов Иван Левонтьевич, колок. подмст. 164
 Михайлов Кондратий, колок. мастер 53, 151, 456
 Михайлов Кузьма, колок. мастер 103, 104
 Михайлов Матфей, колок. мастер 104
 Мишель Филипп 74
 Мишин В.В. 488
 Модест, архим. 123
 Можайтинов Семен 268
 Мозжухин Семен Гаврилович, колок. заводчик 134, 135
 Моисеев Гаврила, подъячий 97
 Моисей, иеромонах 116
 Моисей, ростовщик 362
 Молчанова, купеческая вдова 474
 Монтелиус О. 169
 Монферан А.Р., инженер 196, 202, 203, 208
 Монфокон Гильом 74

Монфокон Мария 74
 Мордвинов В.П. 307, 309, 311, 314, 315, 318, 442, 450, 465
 Морозов Борис Иванович, боярин 227
 Морозова Анна, боярыня 227
 Москвин И.М. 478
 Мостовский 303
 Мостовский М.С. 162, 163, 446
 Моторин Дмитрий, колок. мастер 149
 Моторин Иван Федорович, колок. мастер 54, 149, 153, 158, 160, 161, 192, 193, 225, 357, 457, 460, 487
 Моторин Михаил Иванович, колок. мастер 88, 192, 193, 460, 487
 Моторин Федор Дмитриевич, колок. мастер 53, 112, 122, 149, 152, 153, 159, 457, 461
 Моторины, династия 459, 460, 484
 Мстиславский И.А., боярин 102
 Муравьев А.Н. 209
 Мусоргский М.П. 370, 371
 Мюнстерберг О. 19, 22

Н
 Н.Р. 281, 472
 Набилков Федор, поч. гражд. 140, 392
 Навье 252
 Надхин Григорий 112, 447
 Назарета, игумения 163
 Назимов Николай Николаевич, кап. I р. 380, 381
 Назимов П.Н., вице-адмирал 380
 Наполеон I Бонапарт, франц. имп. 172, 212
 Направник Э.Ф. 371
 Насонов Н.Х., купец 143
 Насс Л. 250, 444
 Наталия Кирилловна, царица 230, 231
 Наталья Алексеевна, рос. имп. 103
 Наталья Михайловна, царевна и вел. княжна 154, 384
 Наумов Григорий, колок. мастер 53,

151, 456
 Нейгарт Андрей, колок. мастер 53, 456
 Нектарий, иеромонах 316
 Немировский Е.Л. 455, 488
 Немчин Николай, колок. мастер 51, 55, 455
 Неонила, игуменья 97
 Нечаев Василий 160
 Никаноров А.Б. 14, 15, 459, 488
 Никитин Алексей, свящ. 87
 Никитин Иван, свящ. 100
 Никитин Никифорка, часовник 324, 327
 Никитин Петр Саввич, колок. мастер 131
 Никитин Савва, колок. мастер 131
 Никифоров Аникий (Яким), колок. мастер 53, 457
 Никодим (Белокуров Н.И.) 447
 Николай (Далматов), архим. 124, 447
 Николай I Павлович, рос. имп. 64, 69, 132, 140, 144, 161, 195, 197, 201, 203, 214, 429, 474, 479, 481
 Николай Николаевич, вел. кн. 140, 429
 Николай Новгородский, св. 162
 Николай, св. 29, 137, 148, 154, 161, 163, 317, 365, 427, 444, 460
 Никольский А.В. 489
 Никольский К. 67, 447
 Никон, патр. 92, 118, 120, 143, 145, 168, 176, 180–182, 234, 284
 Никонов Н.Н., архитектор 317
 Нил, архиеп. 233
 Нил, св. 111
 Нифонт, архим. 95
 Новгородец Тимофей, колок. мастер 171
 Новиков Н. 346, 443
 Новицкий И.А. 87
 Новоселов С.К. 132, 447
 Нольд Николай 117
 Норден К. 81
 Норов А.С. 448
 Нюнин Б.Н. 488

О

Оболенский, кн. 343, 447
 Овсеповский Николай, свящ. 316
 Одуевской Матвей Тимофеевич, дворецкий 147
 Олеарий Адам 44, 57, 173, 174, 447, 460
 Оленин А.Н. 50
 Оловянишников Виктор Иванович, брат Н.И. 474, 476, 477
 Оловянишников Владимир Иванович, брат Н.И. 474
 Оловянишников Георгий Иванович, брат Н.И. 474
 Оловянишников Григорий Федорович, прапрапрадед Н.И. 428
 Оловянишников Иван Иванович, брат Н.И. 474, 476, 477
 Оловянишников Иван Порфирьевич, отец Н.И. 474
 Оловянишников Иван Порфирьевич, прадед 474, 479, 480, 481
 Оловянишников Николай Иванович 9–15, 17, 64, 439, 441, 453, 463, 468, 471, 472, 474–478, 484, 485, 488
 Оловянишников Николай Николаевич, сын Н.И. 477
 Оловянишников Пантелеймон Сергеевич, двоюродный брат Н.И. 478
 Оловянишников Перфирий Григорьевич, прапрадед Н.И. 480
 Оловянишников Порфирий Иванович, брат Н.И. 474, 477
 Оловянишников Порфирий Иванович, дед Н.И. 9, 98, 131, 312, 315, 427–429, 464, 474–476, 478, 480–482, 488
 Оловянишникова Александра Ивановна (Пономарева) 476, 477
 Оловянишникова Евпраксия Егоровна (Горошкова) 474, 476
 Оловянишникова Ирина Николаевна, дочь Н.И. 477
 Оловянишникова Мария Ивановна, сестра Н.И. 474
 Оловянишникова Ольга Ивановна,

прабабушка Н.И. 480
 Оловянишникова Татьяна Ивановна,
 сестра Н.И. 474
 Оловянишниковы 9
 Ольга (Дубенская), игуменья 156
 Ольга (Чирикова), монахиня 157
 Ольга Николаевна, вел. княжна 140
 Ольга, св. равноап. княгиня 162
 Оорт Красс См. Оорткрасс Баренд,
 часовой мастер
 Оорткрасс Баренд, часовой мастер
 331, 332, 334–339
 Оревчев Степанка, колок. мастер 163
 Орсо I, венец. дож 41
 Осипов Василий, колок. мастер 104
 Осипов Карп, колок. мастер 54
 Осипов Мартьян, колок. мастер 53,
 54, 456
 Оskarев Тимофей, колок. мастер 104
 Островский П.Ф., протоиерей 106,
 447
 Остроумов В., свящ. 447
 Отте Г. (Otte Heinrich) 214, 260

П

Павел (Леденев-Прусский П.И.), архим. 447
 Павел I Петрович, рос. имп. 103, 132,
 139, 140, 143, 197, 203, 223, 426,
 428, 461
 Павел Алеппский, архидиакон 177,
 179–181, 185, 189–191, 326, 447,
 460, 465
 Павел, архим. 428
 Павел, митроп. 112
 Павел, св. апостол 154, 162
 Павленко Н.И. 488
 Павлин Милостивый, еп., св. 24–26
 Павлов Михаил, свящ. 156
 Пазухин А. 267, 447
 Паисий, монах 120
 Паисий, папа 83
 Палий Павел Семенович, полковник
 222
 Палий Семен Филиппович, полковник
 222

Палладий, архим. 77
 Памва Берында 26
 Паникадильщиков Гаврила, часо
 ник 328
 Панкратьев Афанасей, колок. маст.
 94
 Панфилия (Скрыпицына), стари
 157
 Параскева Пятница, св. 351
 Параскева Феодоровна, царица 231
 Парасковья, старица 93
 Парфений, архим. 142
 Парфений, иер. 96
 Парфений, келарь 94
 Пассек В.В. 80, 150, 447
 Пассек Т.П. 34, 447
 Пахомий, архим. 150
 Пахомий, еписк. 165
 Пекарский П.П. 448
 Пелсы, банкиры 336
 Первушины 309
 Перовский Лев Алексеевич, граф 344
 Пестрецов В.И. 488
 Петр I Алексеевич Великий, рос. имп.
 54, 59, 68, 87, 89, 97, 104, 105, 113,
 122, 131, 132, 144, 147, 148, 152,
 156, 157, 159, 214–223, 230, 231,
 321, 324, 327–329, 355, 357, 426,
 440, 443–445, 450, 451, 457, 463
 Петр III Федорович, рос. имп. 139,
 140, 148, 157, 163, 223, 426
 Петр Антоний Солари 324, 465
 Петр, венец. колок. мастер 52, 456
 Петр Георгиевич Ольденбургский,
 принц 429
 Петр, колок. ученик 53
 Петр, митроп. моск. 62, 132, 148, 161,
 165, 223
 Петр, св. апостол 154, 162, 169, 259
 Петр, свящ. 69
 Петрей де Ерлезунда, Петр 56, 57, 95,
 357, 382, 448
 Петриченко А.М. 488
 Петров Афанасий, колок. мастер 222
 Петров И.Ф. 477
 Петров Степан, свящ. 77

Петрок Малой (Фрязин), итал. зод-
чий 211–213, 462
Печатова Анфиса 128
Печонкин Петр Кузьмич, часовой
мастер 322
Пий VII, папа 259
Пимен, архиеп. новгородский 92, 93,
98, 103, 129, 170, 171
Пимен, архим. 284
Платон (Любарский П.И.) 448
Платон, митроп. 60, 61, 229
Платонов 448
Платонов Михаил, крест. 101
Плевако 292
Плечко А.М. 172, 323, 448
Плешанова И.И. 488
Поберешков Власко, колок. мастер
93
Поберешков Юшко, колок. мастер 93
Подчиненов Н.В. 204, 206, 421, 462,
472
Пожарский Дмитрий Михайлович,
кн. 107, 149
Покровский Н.В., проф. 33, 448
Покрышкин П.П. 448
Полибий 18
Поляков Я.А. 448
Полянский Сергей, свящ. 45
Померанцев Н.Н. 488
Померанцев Н.С., диакон 405
Пономарев Иван Антонович 477
Понтий Мероний Павлин Милости-
вый С.м. Павлин Милостивый
Попов А.М. 448
Попов А.Н. 363, 445
Попов Н.А. 54, 448
Попов Ф.Г. 121
Попов Харитон Иванович 150
Попова Г.А. 152
Портнов М. 488
Порфирий (Успенский К.А.), архим.
31, 448
Порфирий, игумен 129
Постников Ф.Е., купец 99
Потемкин Г.А., светл. кн. 112, 144
Прокопиев Феодот, свящ. 148

Прянишников Н.Е. 474, 482
Псковитинов Нестер Иванович, ко-
лок. мастер 156, 226, 460
Пухначев Ю.В. 15, 489
Пушкарев И.И. 143, 448
Пыляев М.И. 18, 19, 28, 33, 42, 46, 58,
82, 84, 143, 144, 193, 220, 226, 265,
324, 344, 350, 355, 391, 449

Р

Радонежский А.А. 373–376, 449, 466
Разнатовский А.И. 478
Разумов, колок. мастер 99
Райкович Прокопий, свящ. 114
Райкович Стефан 114
Растрелли Б.К., зодчий 140
Рачинский А.В. 383, 449
Рейтенфельс Я. 182, 461, 462
Релант Иван, столбник 95
Ржевский А.И., окольный 102
Ридигер Иоганн Эрдман, часовой
мастер 339, 340
Римский-Корсаков Н.А. 371, 466
Роберт, король 40
Роденбах Ж. 13, 271, 449, 464
Родионовы 227
Родичев Юрий Тимофеевич 148
Рождественский В.А. 65, 449
Розанов Н.П. 212, 449
Романовы 55, 477
Ромодановский Иван Иванович. кн.
111, 383
Ромодановский Юрий Иванович, кн.
111, 383
Рубан 330, 340
Рубцов Н.Н. 456, 457, 463, 489
Рудольф II, австрийский имп. 458
Рыбаков С.Г. 108, 259, 270, 282, 286,
287, 293–297, 349, 371, 449, 464
Рыбушкин М.С. 34, 76, 105, 221, 248,
449
Рычин Ф.И. 209, 212, 213, 370, 449

С

Сабинианус, папа 34
Савва Сербский, св. 27, 31, 454

- Савваитов П.И. 108, 112, 449
 Савватеев Евдоким, купец 99
 Савватий, старец 122
 Савелов Л.М. 170
 Садовников Иван Никитич 148
 Сакулин П.Н. 478
 Салманассар II 22
 Салтыков Иван Петрович, граф 358, 360
 Салтыков Семен Андреевич, граф 193, 329
 Самойлов Кирилл, колокол. мастер 150, 325, 460
 Самойлов Н. 449
 Самойлов Степан 147
 Сандулия, монахиня 105
 Саноровский Василий, свящ. 172, 447
 Сапега Феодора (урожд. Салтан), кн. 122
 Сараджев Н.К. 489
 Саул, царь 268
 Сахаров И.П. 372, 447, 449
 Светешников Е.А. (по прозвищу Надей) 53, 427, 456
 Светишников П.А. 427
 Свинын П.П. 132, 145, 449
 Свирелин А.И. 96, 449
 Святогорец, иеросхимон. 29, 30, 42, 392, 393, 454 *См. также* Серафим (Веснин С.А.)
 Сельгеев В.Н. 486
 Семевский М.И. 183, 444
 Семенов В.Н. 59
 Семенов Иван, дьяк 217
 Семенов Лука 147
 Семенова В.Ф. 129
 Серапион, архиеп. казанский 100
 Серапион, архиеп. новгородский 146
 Серапион, игумен 166, 167
 Серапион, казначей 115
 Серафим (Веснин С.А.) 29, 30, 42, 393, 449
 Серафим, митроп. 223
 Серафим, монах 126
 Серафим Саровский, св. 64
 Серафимов В.И. 134, 449
 Сергей (Спаский И.А.) 151, 165, 449
 Сергей, архим. 105, 131
 Сергей, монах 120
 Сергей Радонежский, св. 133, 162, 165
 Сергей, св. 220
 Серебренников Артемий Иванович, купец 157
 Серебренников В. 216, 450
 Серебренников С. 450
 Серов А.Н. 371
 Серов В.П. 141
 Сеселкина Л.М. 482
 Сила, архим. 110, 163, 164
 Сильверстов Григорий 91
 Сименников М.Т. 160, 161
 Сименников П.Т., дьяк 160
 Сименников Т.С., дьяк 160
 Сименникова Агриппина 161
 Симеон Алексиевич, царевич и вел. кн. 83
 Симеон, игумен 93
 Симеон Иоаннович Гордый, вел. кн. 51
 Симеон Суздальский, инок 323
 Синцов, колокол. мастер 96
 Сиявин Иван Акимович, бригадир 156
 Скворцов П. 61, 223, 450
 Скопин А.С. 126
 Скрыбин А.Н. 490
 Скуридин 84
 Слизов Константин Михайлович, колокол. мастер 55, 81, 110, 130, 134, 139–142, 148, 153–157, 163, 164, 195, 223, 426, 457, 462
 Словцов П.А. 350, 450
 Смагин А.В. 282–292, 297
 Смирнов Алексей, протоиерей 125
 Смирнов И.А. 489
 Смирнов Николай, колокол. мастер 141
 Смирнов С.К. 84, 101, 450
 Смирнов Ф.К. 131, 450
 Смирнова Э.С. 489
 Смоленский С.В. 489

- Смольянская Елизавета Семеновна 165
 Смольянский Гавриил Петрович, надов. сов. 165
 Сназин Андрей Богданович, приказной 89
 Снегирев И.М. 54, 82, 151, 161, 192, 212, 223, 264, 346, 355–357, 450
 Соболев И.Ф. 109
 Соколик Герасим, свящ. 87
 Соколов Александр, протоиерей 475
 Солдатенков К., издатель 45
 Солнцев Ф.Г. 50, 450
 Соловьев, думский выборный 346
 Соловьев И.П. 109, 450
 Соловьев Федор, диакон 316
 Сомов 227
 Сомов Кирилл, колок. мастер 158
 София Алексеевна, царевна и вел. княжна 83, 156, 159, 230, 351, 352
 София Михайловна, царевна и вел. княжна 128
 Софронов В.В. 487
 Спасский Г. 202, 450
 Спеклин 34
 Спирина Л.М. 489
 Станиславский, режиссер 478
 Станкевич М. 461, 462
 Старостенков С.А. 488
 Стасов В.В. 203, 371, 462
 Стасов В.П., архит. 141
 Стахей, старец 122
 Стеблин-Каменский С.П. 221
 Степанов Василий 89
 Степанов Яков, служитель 76
 Стефан Баторий, польский король 356
 Стефан Урош, сербский король 380
 Стефанов Иоанн, свящ. 148
 Сторожев В.Н. 455
 Страссер Иоанн Георг, механик 340
 Стратилатов Иоанн, свящ. 101
 Стрешнев Василий Иванович, заводчик 105, 456
 Строганов Г.А. 107
 Строганов М.А. 107, 108
 Строганов Н.А. 107, 108
 Строганов Н.Г. 108
 Строганов С.А. 107
 Строганов Я.А. 107
 Строгановы 107, 108
 Струговщиков Асон (Ясон), колок. заводчик 144, 153, 160
 Стрюйс Йенс Йенсон (Стрейс Ян Янсен) 179, 182, 461
 Стуколкин Иван Макарыч, колок. мастер 132
 Стуколкин Михаил Макарович, колок. заводчик 137, 138
 Субботин А., протоиерей 346
 Суворов Александр Васильич 383
 Суворов Н.И. 122, 451
 Сукин, вице-президент Мануфактур-коллегии 330
 Сулоцкий А.И. 113, 450, 451
 Султанов Н. 44, 451
 Суханов Арсений 363
 Суцев Н.Н. 98, 129
 Счелягин А.Б. 130
 Сысой, схимонах 230
 Сытин П. 489
- ## Т
- Таннер Б.-Л.-Ф. 182, 184, 185, 451, 458, 461
 Тарасий, архиерей 50, 72
 Татиана Михайловна, царевна и вел. княжна 83, 128, 156
 Татищев В.Н. 54, 448
 Тверитинин Гавриил 219, 220
 Темкин Михаил, кн. 232
 Теофил, монах 23, 414, 415, 454, 472
 Терентьев Флор, колок. мастер 229, 230
 Тибул Страбон 18
 Тизик К.А., свящ. 126, 451
 Тимофей, колок. ученик 53
 Тимофей, свящ. 140
 Тит Веспасиан Цезарь 41, 444
 Титов А.А. 114, 115, 131, 451, 459
 Тихвинский Андрей, протоиерей 233
 Тихомиров Д. 451

- Тихон (Хлопов Т.А.), монах 94
 Тихон, архиеп. бронницкий 499
 Тихон, архим. 106
 Тихон, еписк. 172
 Токмаков И.Ф. 101, 451
 Толмачев И.П. 166, 441
 Тологанов Н.М. 269, 450
 Толстой А.К., граф 382
 Толстой М.В., граф 84, 89, 166, 171, 229, 234, 299, 347, 451, 463
 Тон К.А., архит. 149
 Тормасов А.П., граф 224
 Тосин С.Г. 489
 Тохтамыш, хан 29
 Трейблют (фон) И.Х., действ. статский сов. 141
 Третьяков А.А. 151, 451
 Трифон, игумен 93
 Троекуров Иван Борисович, кн. 147
 Троицкий Н.И. 451
 Троицкий Николай, псаломщик 316
 Троицкий П.И., свящ. 477
 Трошинский, сенатор 358, 359
 Туляков Данила, колокол. заводчик 156
 Тюленев Данила, колокол. заводчик 154
 Тюменев И.Ф. 167, 384, 451
 Тюнина М.Н. 489
- У**
 Уваров Федор Петрович 360
 Урсус, венецианский дож 455
 Усачевы, заводчики 9
 Успенский В.П., свящ. 111, 451
 Устрялов Н.Г. 215, 218, 451, 463
 Ухтомский Иван Юрьевич, кн. 147
 Ухтомский Михаил Юрьевич, кн. 147
 Ушаков Сафон, колокол. мастер 88
- Ф**
 Фабр, инженер 203
 Фадеев А.М. 385, 388, 451
 Фалин 480
 Фальк Иван (Ганс), колокол. мастер 53, 163, 456, 486
 Фальковский Н.И. 489
 Фатьманов Максим 147
 Фаций, часовой мастер 330
 Феврония, игуменья 138
 Федалев Андрон 147
 Федор Алексеевич, царь 83, 88, 92, 113, 129, 150–153, 231, 347, 356, 461
 Федор Борисович Годунов, царевич 138, 211, 462
 Федор Иоаннович, царь 44, 52, 67, 89, 93–95, 103, 104, 171, 210, 323, 351, 382–384
 Федор Ростиславич, кн. смоленский 51
 Федор Ростиславович, кн. смоленский 348
 Федор Ростиславович Черный, кн. ярославский 482
 Федоров Михаил, свящ. 154
 Федоров Проня, колокол. мастер 53, 456
 Федот («Огурец»), свящ. 343
 Феодосий 171
 Феодосий, архиеп. новгородский 104
 Феодосий, игумен 95
 Феодосий Печерский, св. 28, 75, 139, 454
 Феодосия Алексеевна, царевна и вел. княжна 83
 Феодотов Наум, свящ. 161
 Феофан, архим. 165
 Феофан, св. 75
 Феофил, архиеп. 322
 Фербриген, лит. мастер 331
 Фермор, граф 331
 Ферстер Яган-Христофор, часовой обер-мастер 144, 328, 329, 337, 338
 Филарет (Гумилевский Д.Г.) 114, 116, 451
 Филарет (Дроздов), архим. 151
 Филарет, митроп. 34, 67, 389
 Филарет, митроп. нижегородский 131
 Филарет Никитич, патр. московский 64, 81, 82, 91, 128, 150, 151, 158, 212, 225, 325, 383, 427, 462

Филимонов Г.Д. 33, 80, 265, 451
 Филипп, игумен, св. 102–104
 Филипп, митроп. московский 98, 129, 132, 161
 Филипп с Городища, колок. мастер 93
 Филипп, св. апостол 29
 Филумен, иеродиакон 452
 Финляндский П.Н. 9
 Фиораванти Аристотель, итальянский зодчий и колок. мастер 52, 446
 Флавий Иосиф 18
 Флегонт Иванов Яхантов 479
 Флоринский Д.И. 340, 452
 Фомин М.И. 134, 449
 Форстенберг, архит. 203
 Фотий, архим. 89
 Франчук О.В. 455
 Фриз, штаб-лекарь 117
 Фрич, рудознатец 53
 Фришгоф, часовой мастер 331
 Фролов Иван, служитель 76
 Фрязин Бон, итальянский колок. мастер 462
 Фрязин Николай, колок. мастер 55, 457 *См. также* Немчин Николай
 Фрязин Петрок *См.* Петрок Малой (Фрязин), итальянский зодчий

Х

Хавский П.В. 452
 Ханайченков, старец 116
 Хватов М. 392, 452
 Хлынов 227
 Холин В.Г. 282, 283
 Холмогоров В.И. 452
 Холмогоров Г.И. 452
 Хорват И.А. 87
 Хохлов И.К. 478
 Храмцовский Н.И. 173, 215, 349, 452
 Христиан III, датский король 323
 Христофоров В. 353, 354, 452, 465
 Худоносов М. 452

Ц

Цант Яков 117

Цветаева А.И. 489
 Целибеев, купец 140

Ч

Чайковский П.И. 371
 Чарышников Иван, колок. заводчик 234
 Чарышников Семен Дмитриевич, колок. заводчик 233
 Черемисинов Д.И. 107
 Черниковы, заводчики 115, 116
 Чернышев Захар Григорьевич, граф 329
 Чохов Андрей, колок. мастер 52–54, 225, 226, 385, 455, 458, 461, 488
 Чубинский Михаил Павлович 478
 Чулошников, староста 109

Ш

Шавельский Г.И., протоиерей 383, 452
 Шамшин Егор, купец 99
 Шапкин 480
 Шарлэ Франц 74
 Шатов А.И. 489
 Шаховский Я.П., князь 443
 Шашкина Т.Б. 459, 466, 487, 489, 490
 Шевырев С.П., проф. 322, 452
 Шемякин А.Н. 56, 382, 448
 Шереметьев Федор Иванович, боярин 227
 Шершнев М.Н. 490
 Шиллер Ф. 13, 260, 261, 452
 Шиллинг М. 490
 Ширяев Петр Иванович, гост. сотник 129
 Шишаков В. 490
 Шлун Д. 354, 452
 Шмане Мартин 117
 Шолио Филипп 74
 Шубский Я.А., статский советник 114

Щ

Щекотов А. 356, 452
 Щелягин Иван Иванович, купец 130

Щелягин Максим Иванович, купец 130
 Щербачев Б.Ф. 154
 Щербачев Ю.Н. 219
 Щербинин А.Г., прокурор 154
 Щукин П.И. 475

Э

Эдомский А.М. 315, 316, 318
 Эрми 279, 280

Ю

Юст Юль (Just Juls), датский посланник 218, 219, 443

Я

Якимов Алексей, колок. мастер 53, 456
 Якимов Андрей, колок. мастер 53
 Яков, венецианский колок. мастер 52, 456
 Яковенко Карп 112
 Яковлев В. 490
 Яковлев Пантелей, колок. мастер 53, 457
 Яковлев Савва, меценат 111, 144
 Яковлева Н.П. 490
 Якубовский Ф.Я. 141
 Якушкин П.И. 342, 343, 452
 Янов 401
 Яновский В.И. 282
 Ярешко А.С. 14, 490

А

Abbass F.W. 439
 Allatius L. 26
 Anton 169
 Arient (de) Francois 63
 Arnet J. 471
 Aushelm 63

В

Bader Misael 355
 Beda der Ehrwürdige 34
 Beninck Matias, колок. мастер 124
 Bennick Albert 166

Bevereen (van) Jan 321
 Blavignac J.D. 220, 439
 Boigne (de) Ernest 74
 Buchetti Jacques 439
 Buchius, хроникер 321
 Bithancourt, ген. 197
 Böckeler H. 466

С

Chladni E.F.F. 406, 470
 Coillie C. van 440
 Colas Alphonse 35, 41, 249, 253, 439, 454
 Cosmish Herman, колок. мастер 101
 Coster Asseurus 104

D

Deschamps Pierre, лит. мастер 250, 251
 Donnet Fernand 74, 256, 258, 439, 464
 Doorslaer van G. 18, 319, 320, 321, 439

Е

Emanuelle Louise Therese 249

F

Fabre, ген. 197
 Fchroeder H.-J. 471

G

Gerard, мастер из Льежа 255
 Gillot A. 439
 Grave (de) J.A. 81
 Grosyeux Gabriel 63
 Guirt J., механик 197

H

Harzer Friedrich 439, 472
 Havard Henry 34, 40, 42, 48, 72, 73, 265, 342, 396, 403, 439
 Henrick-For-Norst 166
 Horst Henrick Thor, колок. мастер 159, 460

J

Jadart Henri 251, 253, 439

Just Juls, датский посланник 218, 219, 443

K

Kemmer Hans, колок. мастер 124
Kleiman aus Lubeck 167
Kordt Kleiman M. 91
Koster Assalius 166
Koster Assuerus, колок. мастер 146
Krünitz J.G. 471
Kümmel Otto 22, 439

L

Le Comte, иезуит 270
Liere (van) Guillaume, бургом. 258
Lockert L. 439
Loeder Henri 321

M

Magius 63
Mersenne de l'Ordre des Minimines
Pire Marin 64
Montferrand Auguste Ricard, инженер
201, 204, 205, 439
Moor (de) Guillaume, литейщик 258
Munsterberg Oskar 439, 440
Müller Ludwig 439
Münsterberg 19

N

Noorden C. 81

O

Obraker Hikiwas 226
Otte Heinrich 214, 215, 259, 260, 281, 440

P

Pfundner J. 470, 471
Pussot Jehan, хроникер 250

R

Reifenstuhl, патер 262
Richard, кардинал 74
Rossem (van) Martin 255

S

Sanctus Petrus 169
Sauveterre, abbe 440
Schönermark S. 440
Seselschreiber C. 467
Splinter Ewerhardus 167
Sprengel P.R. 471
Suicerus Johann Caspar 454

V

Verbiest, иезуит 269

W

Waghevens Medard, литейщик 321
Wegewart Kylianus 84
Weissenbäck A. 470, 471
Williams E. 490

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абиссиния 263, 264
 Або 355
 Австрия 174, 262, 429
 Азия 119
 Александров 321, 383
 Алтай 28
 Америка 119
 Амстердам 81, 104, 146, 166, 328
 Амур р. 144
 Амьен 250
 Ананья 37
 Анзеры 104
 Англия 63, 263, 249, 281
 Антверпен 253, 254, 256–258, 320
 Антивари 380, 381
 Антиохия 191
 Аренсбург 146
 Архангельск 328, 351
 Ассирия 454
 Афон 27, 29, 31, 70, 392, 454
 Африка 119
 Ахтырка 114

Б

Балаклея (прав. Балаклава) 14
 Балахна 425
 Белев 309
 Бельгия 253, 258
 Берн 260
 Биденкоп 37
 Бирмингем 281
 Богословское, с. Романов-Борисог-
 лебского уезда 317
 Болгария 27, 263, 429
 Борок, ст. Харьковской губ. 265
 Брауншвейг 264
 Брейль 74

Бретань 35
 Брюгге 259, 271, 278
 Брюссель 252
 Бургейм 117
 Бурятия 264

В

Валдай 50, 137, 141, 425
 Варшава 308, 309, 424
 Ваулово, с. Романов-Борисоглебско-
 го уезда Ярославской губ. 309, 310,
 312, 314–318, 465
 Вена 260, 262, 381
 Венеция 52, 321, 455
 Венгрово 424
 Верона 42
 Весулярланд (города с таким назва-
 нием в Англии не существует, мо-
 жет быть, речь идет о West Tyther-
 ley) 281
 Византия 28, 46, 454
 Витебск 349
 Вифания 229
 Владимир 46, 75, 96, 97, 128, 129
 Волга 216, 248, 266, 346, 357, 373–
 375, 427
 Вологда 116, 373, 377
 Воронеж 424
 Восток 41

Г

Гага (прав. Гаага) 331, 335, 336
 Галич 114
 Гатчина 424
 Гейдельберг 116, 117
 Гельдерн герцогство 255
 Гельзингер (Гельшенор, Gelshenor)
 124

Германия 34, 47, 48, 55, 59, 68, 259, 260, 270, 299, 475

Гильдесгейм 48

Голландия 321, 324, 328, 330, 331, 337, 338, 339, 459

Гордеевка, с. Нижегородской губ. 425

Гороховец 128

Греция 19, 18, 28, 43, 380, 392, 429

Грузия 269, 386, 387

Гуддинге 169

Д

Дамаск 189

Данциг 101

Дворицы погост Псковской губ. 350, 351

Дельфы 18, 453

Дижон 37

Доброе, с. 76, 77

Древняя Русь 40, 270

Дунилово, с. Владимирской губ. 121, 172

Дубровна 121

Дьяково, с. 44

Е

Европа 119, 339, 467, 476

Египет 19

Елабуга 424

Ельшино, с. близ Пронска 33

Енисейск 350

Ж

Женева 63, 77, 221, 264

З

Западная Европа 42, 45, 55, 213, 215, 263, 264, 408, 421, 422, 424, 458

Звенигород 84, 298

Золочев 114

Зунд 124, 336

И

Иггенсбах 259

Иерихон 23, 42, 454

Иерусалим 30, 31, 28, 27, 429

Исачек, сел. Лубенского уезда 87

Испания 263

Италия 24, 39, 259, 260, 323

Иудея 19

К

Казань 34, 76, 99, 100, 151, 221, 357

Кама р. 53, 456

Каменка, с. Нижегородской губ. 373

Кампана (прав. Кампания) пров. 24, 39

Кампис 459

Камчатка 144

Карлсбад 429

Каттаро 381

Канбридер (города с таким названием в Англии не существует, может быть, речь идет о Кембридже) 281

Кельн 22, 13, 259, 331

Киев 46, 48, 50, 187, 309, 322, 347, 377, 391, 455

Киото 208

Китай 19, 22, 181

Козлов 109

Кондоле 281

Константинополь 23, 41, 42, 191, 363, 429

Кончанское, с. Новгородской губ. 383

Коприно с. 373

Кострома 425

Красноярск 350

Кронштадт 108, 144, 321

Крым 309

Курган 268

Курляндия 461

Кутаиси 269

Куюмкор, с. Пермской губ. 166

Л

Летово, с. Рязанской губ. 225

Ливны 283, 285

Лиссабон 263, 380

Литва 121

Лондон 249, 281

Лозанна 62

Лоретто 259

Львов 51
 Льеж 255
 Любек 116, 166, 167
 Любомля 50

М

М.зия 453
 Машуров 114
 Мец 250
 Мещовск 110
 Минусинское с. 350
 Млево, с. Тверской губ. 349
 Молога 379
 Москва 29, 44, 46, 51, 52, 53–62, 64,
 80–82, 90, 106, 112, 115, 116, 122,
 127–129, 132, 134, 135, 141, 144–
 147, 152, 153, 155–157, 159–161,
 163, 165–167, 172–174, 180–184,
 189, 191–194, 196, 197, 200, 207–
 214, 217–223, 225, 226, 228, 282,
 292, 297, 298, 300, 301, 309, 323,
 324, 327, 329, 343, 347–349, 352,
 354, 356, 357, 360, 364, 370, 377,
 380, 382–384, 389–391, 424, 455–
 458, 460, 461, 463, 465, 474, 477, 478
 Молдавия 188, 190
 Микулино Городище Тверской губ.
 109
 Муром 23

Н

Нанкин 269
 Нарва 217, 352
 Нидерланды 259, 321, 461
 Нижняя Бавария 259
 Никольское, с. на р. Эдоме 316
 Ниневия 22, 454
 Нижний Ломов 424
 Новоспасское с. 115, 365
 Новгород 29, 28, 43, 46, 51, 64, 75, 76,
 84, 87–89, 91–93, 103, 129, 167, 169,
 171, 177, 217, 226, 342, 343, 347–
 349, 356, 372, 460
 Новгород Нижний 44, 75, 107, 172,
 309
 Новгородская обл. 29

Новгород-Северский 46
 Новомосква 112
 Новые Кайдаки 112
 Нола 24, 26, 39
 Норвин (города с таким названием в
 Англии не существует, может
 быть, имеется в виду г. Norwell)
 281

О

Оксфорд 249, 281
 Олонечская губ. 166, 376, 384
 Орианда 429, 472
 Орлеан 48, 430
 Орловская губ. 372
 Орлой 121

П

Палестина 309, 453
 Париж 48, 74, 179, 193, 250, 430
 Парма 259
 Пекин 207, 208, 263, 269, 462
 Переславль-Залесский 130, 147
 Пермская губ. 166
 Петербург 46, 50, 54, 64, 132, 134,
 136–140, 142, 143, 145, 200, 208,
 309, 217, 224, 282–285, 298, 304–
 306, 318, 328, 330, 334–339, 341,
 326, 354, 355, 380, 425
 Петербургская губ. 354
 Печ 379
 Пиза 40
 Плотная слоб. близ Пронска 32
 Полтава 221, 222
 Польша 82, 121, 182, 350
 Помпеи 23, 454
 Португалия 263
 Пронск 32, 454
 Псков 28, 43, 95, 102–104, 322, 342,
 343, 348, 349, 356, 460
 Псковская губ. 33
 Полоцк 46
 Пусторжев 351
 Пурех, с. Нижегородской губ. 425
 Путивль 106, 190
 Пхотрери, сел. в Сванетии 265

Р

Равенна 42
Рагуза 380, 381
Ратьмир (правильно Ратмир) село,
Коломенского уезда 75, 76
Рацебург 93
Реймс 250, 253
Рига 354
Рим г. 26, 40, 42, 68, 259
Рим Древний 18, 19, 453
Ромна 87
Ростов-на-Дону 425
Россия 30, 33, 29, 43, 46, 47, 48, 52,
54, 55, 59, 80, 82, 166, 172, 180, 214,
218, 267, 270, 297, 299, 305, 321,
336, 350, 352, 353, 384, 386, 387,
392, 403, 408, 417, 419, 422, 424, 456,
460, 461, 463
Ростов 28, 51, 72, 158, 221, 229–232,
234, 235, 283, 290, 298, 299–301,
306–308, 455, 463
Рыбинск 266
Руана 265, 395
Русь 364, 459, 462
Рушук 429
Рязск 357, 459
Рязанская губ. (обл.) 252, 454

С

Самара 357
Санс 41, 250
Сан-Яго ди Компостеля 263
Саратов 69, 425
Саратовская губ. 225
Сванетия 33, 80, 454
Священная Римская империя 260
Сена р. 48
Сербия 27, 379
Сибирь 28, 53, 82, 112, 113, 166, 206,
268, 344, 350, 354
Синай 27, 30
Систово 429
Скопин 129
Скандинавия 23
Скутари 381
Слободской 99, 425

Смоленск 84
Старая Руса 87, 166, 220
Стокгольм 169
Страсбург 34, 321
Суздаль 75, 96, 97, 107
Сумы 114
Супрасль 123

Т

Татое 429
Тверь 51, 348
Тифлис 385, 386
Тобольск 113, 113, 343–346
Токио 270
Толедо 263
Толга 167
Томск 379
Тотьма 373
Троицкое-Лобаново с. Коломенского
у. Моск. губ. 168
Тула 115, 127
Туруханск 165
Турция 380, 381
Тырново 429

У

Углич 60, 113, 215, 330, 343–347
Упсала 263
Устьвым 116
Устюг Великий 50, 72, 117, 118

Ф

Феррара 323
Фландрия 273–277, 321
Франция 35, 41, 74, 249, 251, 253, 463

Х

Харьков 116, 424, 478
Херсон 226
Холм 50, 220
Холмогоры 351

Ц

Царское Село 135
Царьград (см. Константинополь)
Цимля р. 53

Ч

Чебоксары 100, 249

Чернигов 152

Черногория 429

Чертолье 466

Чикаго 430

Ш

Шалегон, с. Вятской губ. 297

Шаляпинская д. 464

Шамбери 74

Шанхай 22, 453

Шарлеруа 252

Шафгаузен 260

Шексна р. 55

Швейцария 260, 383

Швеция 263, 352

Шипицино, с. Пермской губ. 282

Шлагсдорф 93

Шуя 112, 121

Э

Эдома р. 316

Эпир (Сев. Греция) 453

Эрфурт 259, 260

Эссен 454

Этамп 342

Я

Ярославль 98, 109, 131, 166, 167, 233,
234, 266, 267, 316, 424–429, 474,
478–483

Ярославская губ. 425

Япония 19, 22, 208, 270

Яссы 189

А

Alost 321

Andenarde (скорее всего имеется в
виду г. Andenne) 320

Amstelodami (Amsterodami) 26, 81,
104, 146, 166, 460

Ath 319

В

Brugge 249

С

Campis (прав.: Kamp) 84

Cnelysae 167

Д

Daventriae (прав.: Deventer) 159, 182

Dunkerque 321

Е

Erfurt 259

Н

Holmiae (правильно: Holm) 355

М

Malines (совр. назв. г. Mechelen) 319,
320, 321

Возвращенное наследие

С 2001 г. издательство «Русская панорама» осуществляет долговременную программу по изданию литературных памятников и фундаментальных исследований, принадлежащих перу выдающихся мыслителей прошлого – историков, философов, экономистов, военачальников и т. д., работы которых, актуальные и в настоящее время, либо остались в рукописях (не были опубликованы), либо издавались при жизни авторов, но были преданы забвению в советский, и по инерции в постсоветский период. С этой целью нами был открыт проект – «Возвращенное наследие». Подготовленные к переизданию книги будут группироваться по подсериям: «памятники исторической мысли», «памятники экономической мысли» и т.д.

Переиздаваемые тексты воспроизводятся в соответствии с нормами современной орфографии, каждое издание в серии снабжено научным аппаратом (предисловием, биографическим очерком, указателями, необходимыми примечаниями).

В серии «Возвращенное наследие» уже опубликованы следующие памятники:

Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России (1911)* / Под ред. Г.Н.Сорвиной. – М., 2001. – 368 с., 4 рис., библ. – («Возвращенное наследие: памятники экономической мысли»). ISBN 5-93165-029-6. Тираж 1200 экз.

Щербатов А.Г. «Обновленная Россия» и др. работы (1890–1912) / Составление, биографич. статья, и примеч. И.А.Настенко. – М., 2002. – 424 с. + 4 с. вкл. с ил., 49 + 36 библиографических указаний. – («Возвращенное наследие: памятники экономической мысли»). ISBN 5-93165-060-1. Тираж 1000 экз.

Старый Кирибей (Шабольский-Борк П.Н.). Павловский гобелен (1955). К 200-летию смерти императора Павла I / Предисл., примеч. и библиография. И.А.Настенко; предисл., биографич. очерк и примеч. В.А.Захарова. – М., 2001. – 112 с., 228 библиографических указаний. – («Возвращенное наследие: памятники исторической мысли»). ISBN 5-93165-056-3. Тираж 3200 экз.

* В скобках после названия указан год публикации переиздаваемой книги.

Снесарев А.Е. Афганистан (1921) / Предисл. – В.В.Жириновский, дополнения – С.А.Шумов, А.Р.Андреев. – М., 2002. – 272 с., ил., 63 библиогр. – («Возвращенное наследие: памятники военной мысли»). ISBN 5-93165-090-3. Тираж 1000 экз.

Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство (1912). 4-е изд.*, исправл. / Предисл., исправления, коммент. А.Ф.Бондаренко, библиогр. (осн.) – А.Б.Никаноров, биограф. – Н.Е.Прянишников. – М., 2003. – 520 с., ил., 297+124 библиогр. – («Возвращенное наследие: памятники исторической мысли»). ISBN 5-93165-056-3. Тираж 1200 экз.

Гедеонов А.А. «Варяги» и «Русь». В 2-х ч. (1876). 2-е изд.***, комментированное / Автор предисловия, комментариев, биографич. очерка – В.В.Фомин. – М., 2004. – 656 с., 3 ил., 98+372 библиогр. – («Возвращенное наследие: памятники исторической мысли»). ISBN 5-93165-101-2. Тираж 1800 экз.

Фома Кемпийский. О подражании Христу (1904***) / Перев. с лат. К.П.Победоносцева; предисл. и коммент. – В.А.Захаров, составл., примеч. и библиогр. – И.А.Настенко. – М., 2005. – 232 с., 2 ил., 54+12+34 библиогр. – («Возвращенное наследие: памятники философской мысли»). ISBN 5-93165-110-1. Тираж 1500 экз.

Гедеонов А.А. «Варяги» и «Русь». В 2-х ч. (1876). 3-е изд, дополн. главами из неопубл. 3-й части / Биографич. статья, примеч. и комментарии В.В.Фомина, дополн. И.А.Настенко. – М., 2005. – 664 с., ил., библиогр. – («Возвращенное наследие: памятники исторической мысли»). ISBN 5-93165-143-8. Тираж 1800 экз.

Святский Д.О. Астрономия Древней Руси (1915) / Предисловие, комментарии, дополнения М.Л.Городецкого. – М., 2007. – 664 с., табл., ил. – («Возвращенное наследие: памятники исторической мысли»). ISBN 978-5-93165-102-0. Тираж 1500 экз.

Фома Кемпийский. О подражании Христу (1904). 2-е изд., дополн., с илл. Флерова и Г.Доре, / Перев. с лат. К.П.Победоносцева; биографич. очерк – В.А.Захаров, составление и примеч. – И.А.Настенко, библиографические дополнения – А.Круминг. – М., 2009. – 296 с., ил. – («Возвращенное наследие: памятники философской мысли»). ISBN 978-5-93165-220-7. Тираж 1500 экз.

* 1-е и 2-е издания – разные книги (первое (1906) – по сути каталог колоколов завода «П.И. Оловянишникова сыновья» (№ 89 в дополнительной библиографии), второе – его знаменитая «История колоколов...», переизданием которого является настоящая книга, 3-м изданием посчитано репринтное переиздание второго (М., 1999).

** Первым посчитано издание 1876 г.

*** Переиздание осуществлено с последнего прижизненного издания переводчика.

**В серии «Возвращенное наследие»
готовятся к изданию:**

Мельгунов С.П. Дела и люди александровского времени (1923) / Вступ. статья и составл. Ю.Н.Емельянова. – 504 с., ил. – (Возвращенное наследие: памятники исторической мысли)

Эта книга крупнейшего из историков Русского Зарубежья С.П.Мельгунова (1879–1956) была опубликована в Берлине в 1923 г. В нее вошли как статьи, опубликованные автором в разные годы, так и новые работы; собранные вместе они составили удивительно цельное историческое полотно, заставляющее по-новому взглянуть на взаимосвязь событий первой трети XIX в. Мельгунов затрагивает самые загадочные вопросы русской истории: о тождестве личности императора и сибирского старца, о возможном католицизме Александра, об истоках русского масонства. По-новому освещены многие страницы войны 1812 г. Уже при выходе книга получила восторженные отзывы современников, а спустя почти век после ее издания можно с уверенностью говорить о том, что она вошла в золотой фонд русской исторической науки. Выводы и наблюдения автора, блистательные характеристики и художественные зарисовки несомненно привлекут внимание современного читателя. Переиздается впервые. Издание иллюстрировано, снабжено научным аппаратом.

Бутурлин С.А. Охотничье оружие («Стрельба пуль»). В 2-х ч. (1912–1913). – 780 с., ил. – (Серия «Возвращенное наследие: памятники инженерной мысли»)

Вклад академика С.А.Бутурлина, замечательного орнитолога-систематика, фауниста и зоогеографа, в советскую науку многогранен – он также один из основателей советской школы охотоведения, законодворец – автор охотничьего законодательства, сторонник проведения государственной политики рационального природопользования. Книга акад. С.А.Бутурлина об охотничьем оружии (в издании 1912–13 гг. – «Стрельба пуль»), часто называемая «классической», «хрестоматийной», по сути – энциклопедия охотничьего оружия, источник для цитирования и бесконечных компиляций нашего времени. Автор не только добросовестно описал, но и проанализировал и обобщил все возможные типы охотничьего оружия и объяснил принципы их действия. Широчайший охват как зарубежного, так и отечественного современного ему охотничьего оружия поставил эту книгу вне конкуренции. За прошедшие 100 лет с момента ее издания (а она до сих пор так и не была переиздана) не появилось никакого другого руководства, сравнимого с ней, как по широте предлагаемых сведений, так и по глубине и ценности их анализа. Эта весьма внушительная по объему книга иллюстрирована схемами и более чем двумя сотнями великолепных гравированных рисунков образцов охотничьего оружия.

В Приложениях приводятся биографический очерк акад. С.А.Бутурлина, подробная библиография его работ, указатель имен. Книга предназначена как для специалистов, так и широкому кругу читателей.

«РУССКАЯ ПАНОРАМА»

*Возвращенное
наследие:
памятники
исторической
мысли*

ISBN 978-5-93165-268-9

ОЛОВЯНИШНИКОВ

Николай Иванович

История колоколов и колоколотейное искусство

Научное издание

Редакционная коллегия проекта

«Возвращенное наследие»:

В.В.Дегоев, В.А.Захаров, И.А.Настенко

В.В.Фомин, Ю.В.Яшнев (председатель)

Художественное оформление: И.А.Настенко

Редактирование и корректура: И.А.Настенко

Техническое редактирование: О.Е.Пугачев

ООО SPSL – НП ИД «Русская панорама»

Лицензия ЛР №030734 от 29.04.1997.

109028, Москва, Серебрянская наб., 2

Тел./факс: (495) 917 5983, (495) 917 7094.

E-mail: in@rus-pan.ru;

Подписано в печать 22.04.2010. Форм
60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Peta
burg. Печать офсетная. Печ./л. 32,5. Пер
плет № 76ц. Тираж 500 экз. Заказ № 86.

Отпечатано с предоставленных PS-фалов
в ГП Калужской области «Облиздат».
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5